

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АХМАТА АБДУЛХАМИДОВИЧА КАДЫРОВА»**

**VII Всероссийская научно-практическая
конференция с международным участием**

**«СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЕЕ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»**

30 апреля 2026 г.

Грозный – 2026

Ответственный редактор:
Таштамиров М.Р.

Кандидат экономических наук, проректор по науке и инновациям Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова

Редакционная коллегия:
Гайрбеков М.С.

Директор Института экономики и финансов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, к.э.н., сопредседатель

Мусханова Х.Ж.

Заместитель директора по научно-организационной работе Института экономики и финансов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование», к.э.н.

Закриева З.М.

Заместитель директора по учебной работе Института экономики и финансов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и предпринимательство»

Умаров А.Х.

Заместитель директора по воспитательной и социальной работе Института экономики и финансов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, ассистент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование»

Ильясов Р.Х.

Заведующий кафедрой «Учет, анализ и аудит в цифровой экономике» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, доктор экономических наук, доцент

Магомадова М.М.

Заведующий кафедрой «Экономическая теория и предпринимательство» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, к.э.н., доцент

Курбанов С.А.

Заведующий кафедрой «Налоги и налогообложение» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, к.э.н., доцент

Шахгираев И.У.

Заведующий кафедрой «Экономика и экономическая безопасность отраслей и предприятий» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, к.э.н., доцент

Тавбулатова З.К.

Профессор кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, д.э.н., профессор

Шовхалов Ш.А.

Профессор кафедры «Экономическая теория и предпринимательство» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, д.э.н., доцент

Куразова Д.А.

Старший преподаватель кафедры «Учет, анализ и аудит в цифровой экономике» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, научный руководитель СНО «Экономист»

Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях [Электронное издание]: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Грозный, 30 апреля 2026 г.). – Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2026. – 386 с.

В материалах VII Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях» – региональной площадке Московского академического экономического форума – освещены различные аспекты устойчивого развития в современных условиях, исследован российский и зарубежный опыт борьбы с проблемами банковского сектора и финансовых рынков, а также вызовы, ограничения и перспективы развития регионов Российской Федерации в условиях санкций.

Сборник предназначен для молодых ученых и специалистов, занимающихся актуальными проблемами современной науки.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова» не несет ответственности за материалы, представленные авторами для очного и заочного участия в конференции.

ISBN 978-5-91127-498-6

СОДЕРЖАНИЕ

Абубакаров М.С.-С., Гараев А.Х., Гайтиев И.В. Фрагментация глобальной экономики: тенденции деглобализации и регионализации.....	7
Топоркова К.А., Айдинова Д.Х.-М. Развитие рынка повторного использования товаров в контексте устойчивого потребления.....	10
Батукаева Л.С.-Э. Теоретико-категориальное разграничение дефиниций «Цифровая трансформация» и «Финтех» в банковском секторе.....	14
Базарбаев Т.Ю., Научный руководитель: Аджимет Г.Х. Развитие торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации с Китайской Народной Республикой: проблемы и перспективы.....	21
Байрамкулова К.С., Научный руководитель: Боташев Р.А. Оптимизация системы планирования инвестиций на современном предприятии.....	26
Байсаева М.У., Чаплаева Л.З. Проблемы и перспективы внедрения зеленой экономики в России.....	31
Биджиева С.А.-А., Айдинова Д.Х.-М. Цифровой суверенитет как ключевой фактор экономической безопасности России.....	35
Баснукаев М.Ш. Финансовая система Чеченской Республики на рубеже XX–XXI веков.....	40
Баснукаев М.Ш., Газиев М.М. Концепция франчайзинга и её роль в развитии региональной экономики.....	48
Барташевич А.А. Влияние макроэкономических факторов на устойчивость банковского сектора.....	56
Боташев Р.А. Курс на модернизацию и цифровизацию экономики: проблемы и перспективы (на примере регионов СКФО).....	60
Боташева Э.А., Научный руководитель: Боташев Р.А. Будущее безналичных денег.....	65
Гайрбеков М.С., Гайрбекова М.И., Ахмадова Х.А. Эколого-экономический потенциал циркулярной экономики для горных территорий Чеченской Республики.....	69
Галаев А.А., Алиева Э.И. Геополитическая дестабилизация Ормузского пролива как фактор трансформации мировой энергетической архитектуры в 2026 г.	75
Галаева Р.Х., Научный руководитель: Майсигова Л.А. Влияние блокчейн-технологий на финансовую отчетность и аудит.....	81
Гезиханов Р.А. Развитие современных институтов управления теории контрактов.....	86
Гишкаева Л.Л. Теоретические основы концепции устойчивого развития.....	89
Гишкаева Л.Л., Алиева Ж.М., Китиева М.И. «Планетарные границы» и современная экономика.....	94
Гочияева М.А., Научный руководитель: Айдинова Д.Х.-М. Угрозы и вызовы цифровой экономики для национальной безопасности.....	100
Дадаев Я.Э. Направления развития социального инструментария управления персоналом.....	103
Довлетмурзаева М.А., Коршикова О.Н., Довлетмурзаев Д.С. Механизмы привлечения прямых иностранных и отечественных инвестиций в особые экономические зоны как драйвер регионального роста.....	110

Закриева З.М.	
Цифровизация как фактор модернизации бизнес-моделей торговых предприятий.....	120
Заурбекова Т.И., Алиева Э.И.	
Глобальные проблемы мирового экономического развития.....	124
Ибрагимова Э.С., Багаева Е.Х.	
Банковский контроль: проблемы, перспективы и пути решения.....	129
Илаева З.М., Шахбиева А.О.-Х.	
Применение цифровых инструментов зеленой экономики для устойчивого развития территорий.....	132
Ильясова К.Х., Маккаева Р.С.-А.	
Методы оценки эффективности системы стимулирования персонала организации и значение ее повышения.....	137
Исраилова З.Р.	
Анализ исламских финансовых институтов в системе партнерского финансирования: учетно-аналитический аспект.....	142
Куразова Д.А., Мухмадиев А.-Р.Р., Куразов Р.У.	
Трансформация международных торгово-экономических отношений в условиях мировой экономической нестабильности.....	151
Маршанов Б.М., Узденова А.А.	
Эффективность государственных инвестиций в образование как движущая сила социально-экономического развития России.....	156
Маршанов Б.М., Узденова А.А.	
Государственно-частное партнёрство в современной России: состояние и перспективы развития.....	160
Мухмадиев А.-Р.Р., Пайтаева К.Т.	
Миграционные процессы в контексте экономической безопасности.....	165
Николаев Д.А.	
Финансовый суверенитет в условиях геоэкономической фрагментации: институциональные детерминанты.....	169
Пайтаева К.Т., Накаева М.С., Темирсултанова З.А.	
Цифровой подход к оценке финансового состояния предприятия.....	176
Ильясов Р.Х., Чажаяев М.И., Мусаева Х.М.	
Региональная экономика под воздействием глобальных кризисов: исследование типов устойчивости.....	181
Хаджимурадова Х.З., Курбанов С.А.	
Развитие налоговой системы РФ в условиях трансформации.....	190
Лайпанова Р.М., Научный руководитель: Тамбиева Х.М.	
Оценка себестоимости художественных работ в современности.....	195
Лепшокова С.М.	
«Зеленая» экономика для устойчивого развития территорий: стратегические приоритеты и региональные практики (на примере Карачаево-Черкесской Республики).....	199
Магомадов Э.М., Орсаханов Д.У.	
Методы управления безопасностью предприятия с использованием цифровых технологий и инновационных практик.....	205
Магомадов Э.М.	
Вопросы управления финансовой устойчивостью и экономической безопасностью предприятия.....	211
Мажигова Е.М., Тхагапсова С.К.-Г., Гайрбекова М.И.	
Эволюция принципов бухгалтерского учёта в российской и международной практике.....	217

Макшарипова Э.А. Исламские финансовые инструменты: кросс-культурный анализ в мусульманских и светских странах.....	222
Марков Д.А. Научный руководитель: Тавбулатова З.К. Управление рисками в ПАО «Сбер»: современное состояние, инструменты и перспективы развития.....	232
Мусаева Б.М., Ахмадова С.А. Формирование эффективного механизма управления инновационным развитием предприятия.....	242
Мусаева Б.М., Сулейманов Ш.А. Технологии исследования уровня экономической устойчивости региональной системы.....	248
Мусаева Х.М., Докаев Х.М. Особенности использования цифровых технологий в инновационно-инвестиционной деятельности предприятий.....	253
Мусаева Х.М., Мусипов А.А. Управление социально-экономическим развитием региона.....	259
Мусостова Д.Ш., Мусостов З.Р., Сугаипов М.М. Экономическая безопасность и ее роль в обеспечении устойчивого развития России.....	264
Муханова Х.Ж., Токшаидова Р.И. Тенденции управления рисками в условиях цифровой трансформации.....	271
Муханова Х.Ж., Токшаидова Р.И. К вопросу о влиянии финансовых технологий и цифровых инноваций на российский банковский сектор.....	275
Салманова Е.А. Корректировка понятийного аппарата менеджеров при помощи нейросетей, как основа трансформации бизнес-стратегии.....	281
Сулумов С.Х., Пацагов Т.Ш. Внедрение цифровых технологий в малом бизнесе.....	287
Токова Ф.А. Структурные диспропорции и ограничения экономического развития Карачаево-Черкесской Республики в условиях современных геоэкономических вызовов.....	293
Хазуев А.Ш., Решиев С.С. Возможность и необходимость строительства современной автомобильной дороги из Чеченской Республики в Грузию.....	299
Таштамиров М.Р., Гайрбеков Р.Х. Регуляторно-организационная архитектура «исламского окна» в условиях развития партнерного финансирования в России.....	305
Таштамиров М.Р., Ибрагимов М.-А.У. Мурабаха как инструмент партнерского финансирования: барьеры внедрения в классических банках России.....	314
Хаджичикова М.М., Научный руководитель: Айдинова Д.Х.-М. Экономические последствия массовой миграции.....	323
Хасанова С.С., Сагаев Ш.З. Геоэкономическая фрагментация и структурные сдвиги: механизмы адаптации современной глобальной экономики.....	327
Шидакова Д.К., Научный руководитель: Узденова М.Б. Основные угрозы экономической безопасности при использовании личных устройств сотрудников (BYOD) и методы их минимизации.....	332

Цурова Л.А., Мурзабеков М.И.

Эволюция банковского регулирования: от Базеля III к Базелю IV и адаптация российского сектора в условиях санкций 2022–2025 годов..... 336

Чажаяев М.И.

Институциональная гибкость и качество регионального управления как детерминанты динамической устойчивости экономических систем..... 342

Чажаяева М.М.

Протекционизм и деглобализация: влияние на цепочки поставок и инвестиционные потоки..... 350

Шахгиряев И.У., Арсанукаев И.И., Газгиряев А.А.

Применение цифровых технологий в проведении анализа деятельности предприятия..... 355

Шахгиряева А.И., Шахгиряев И.У.

Угрозы финансовой безопасности предприятий в современных условиях..... 360

Шовхалов В.Б.

Гибридная модель обслуживания банка и почтовой сети в системе повышения финансовой доступности населения региона..... 366

Шовхалов Ш.А

Экономический рост и формирование потребительского доверия в условиях развития халяль-сертификации..... 372

Янгильбаева Л.Ш.

Стратегии управления предприятиями в период экономической нестабильности..... 377

Янгильбаева Л.Ш.

Формирование организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятия..... 382

ФРАГМЕНТАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Абубакаров М.С.-С.,

*ассистент кафедры программирования и инфокоммуникационных технологий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Гараев А.Х.,

*бакалавр 3-го курса «Прикладная математика и информатика»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Гайтиев И.В.,

*бакалавр 3-го курса «Прикладная математика и информатика»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. В статье исследуются процессы фрагментации глобальной экономики, вызванные усилением геополитической напряженности, ростом протекционизма и последствиями глобальных кризисов. Рассматриваются ключевые причины деглобализации и усиления регионализации, а также их влияние на международную торговлю, инвестиционные потоки и глобальные цепочки создания стоимости. Особое внимание уделяется формированию новых экономических центров и трансформации мировой экономической системы.

Ключевые слова: глобальная экономика, деглобализация, регионализация, международная торговля, экономические блоки.

FRAGMENTATION OF THE GLOBAL ECONOMY: TRENDS OF DEGLOBALIZATION AND REGIONALIZATION

Abubakarov M.S.-S.,

*Assistant, Department of Programming and Information Technologies
Kadyrov Chechen State University*

Garaev A.H.,

*3rd year Bachelor of «Applied Mathematics and Computer Science»
Kadyrov Chechen State University*

Gaitiev I.V.,

*3rd year Bachelor of «Applied Mathematics and Computer Science»
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The article examines the processes of fragmentation of the global economy caused by increasing geopolitical tensions, protectionism, and the consequences of global crises. The key causes of deglobalization and regionalization and their impact on international trade, investment flows, and global value chains are analyzed. Special attention is paid to the formation of new economic centers and the transformation of the global economic system.

Keywords: global economy, deglobalization, regionalization, international trade, economic blocs.

Современная мировая экономика переживает заметные изменения, связанные с пересмотром привычной модели глобализации. Еще недавно именно глобализация определяла динамику международной торговли, стимулировала инвестиционные потоки и усиливала взаимосвязи между странами. Однако в последние годы эта тенденция постепенно ослабевает, уступая место процессам фрагментации и переориентации экономических связей.

Причины таких изменений носят комплексный характер. Среди них – обострение геополитической обстановки, усиление санкционного давления, рост протекционистских мер, а также последствия пандемии COVID-19, которые до сих пор дают о себе знать. Всё это в совокупности формирует новую конфигурацию мировой экономики, где всё более заметную роль начинают играть региональные объединения и внутренние стратегии государств.

В связи с этим становится важным более детально рассмотреть происходящие процессы деглобализации и регионализации. Их влияние на устойчивость мировой экономики, на мой взгляд, уже нельзя игнорировать – скорее наоборот, именно через их анализ можно понять, как будет развиваться глобальная система в ближайшие годы.

Деглобализация обычно рассматривается как многослойный процесс, при котором, как отмечается в научной литературе, «снижается уровень международной экономической интеграции» [1]. Речь идет не только о сокращении торговых потоков, но и об ослаблении интеграционных механизмов в целом. Одним из ключевых факторов здесь выступает рост геополитической напряженности, который, по сути, запускает цепную реакцию – от санкций до ограничений в международной торговле.

Параллельно усиливаются протекционистские меры. Повышение тарифных и нетарифных барьеров становится своего рода инструментом защиты внутренних рынков, хотя это, как ни странно, одновременно сдерживает развитие внешнеэкономических связей. В результате объемы международной торговли постепенно теряют прежнюю динамику.

Отдельного внимания заслуживает влияние пандемии COVID-19. Именно она довольно наглядно показала, насколько уязвимы глобальные цепочки поставок: перебои в логистике, закрытие границ и ограничения на перемещение ресурсов привели к сбоям, последствия которых ощущаются до сих пор. В каком-то смысле это стало триггером для пересмотра существующих моделей взаимодействия.

Кроме того, всё заметнее проявляется тенденция к экономическому национализму. Страны стремятся к большей самостоятельности – как технологической, так и производственной, иногда даже в ущерб эффективности. В совокупности такие изменения ведут к снижению глобальной взаимозависимости и формируют новую, менее связанную экономическую реальность.

В условиях ослабления глобализационных связей всё заметнее возрастает роль регионализации, которая фактически начинает рассматриваться как одна из альтернативных моделей экономического развития. Речь идет не просто о сближении стран по географическому признаку, а о более глубокой координации экономических процессов внутри отдельных регионов.

На практике это проявляется через активизацию интеграционных объединений – экономических союзов, торговых блоков и других форм сотрудничества. Подобные структуры позволяют согласовывать экономическую политику, упрощать торговые процедуры и, в определенной степени, стимулировать инвестиционную активность между участниками.

При этом важным элементом становится формирование региональных цепочек поставок. Они, как показывает практика, оказываются более устойчивыми к внешним потрясениям по сравнению с глобальными системами. В условиях кризисов или политической нестабильности такие цепочки функционируют, скажем так, более предсказуемо.

Кроме того, регионализация в целом способствует укреплению экономической устойчивости государств. Снижение зависимости от внешних рынков и более гибкая диверсификация связей позволяют странам, как отмечают исследователи, «укреплять экономическую устойчивость государств» [2].

Глобальные цепочки создания стоимости (GVC) остаются ключевым элементом современной мировой экономики, однако в условиях деглобализации их структура заметно меняется. Речь идет не столько о полном разрыве связей, сколько о постепенной их перестройке, и это сопровождается «перестройкой глобальных цепочек создания стоимости» [3].

Одной из наиболее заметных тенденций становится перенос производства ближе к рынкам сбыта (*reshoring* и *nearshoring*). Такой подход позволяет сократить логистические издержки и, что важно, повысить устойчивость производственных процессов в условиях нестабильности.

Параллельно усиливается диверсификация поставщиков. Компании стремятся снизить зависимость от отдельных стран или регионов, распределяя производственные мощности

более гибко. В результате бизнес становится менее уязвимым к внешним шокам, хотя это иногда и усложняет управленческие процессы.

Кроме того, всё активнее используются цифровые технологии при управлении цепочками поставок. Они повышают прозрачность операций, ускоряют обработку данных и в целом делают систему более управляемой, хотя, честно говоря, не всегда решают все возникающие проблемы.

В итоге трансформация глобальных цепочек создания стоимости выступает своего рода ответом на современные вызовы и способствует формированию более устойчивых, пусть и менее централизованных экономических моделей.

Фрагментация мировой экономики влияет на её развитие неоднозначно и, можно сказать, с разных сторон. С одной – действительно заметно замедление экономического роста, что во многом связано с ослаблением прежней модели международного разделения труда и снижением его эффективности.

При этом увеличиваются издержки – как производственные, так и логистические. Это во многом объясняется необходимостью перестраивать существующие цепочки поставок, а также создавать новые производственные мощности, что требует дополнительных ресурсов и времени.

Однако ситуация не сводится только к негативным последствиям. В определённой степени такие изменения открывают и новые возможности. Усиление внутреннего производства, развитие технологических решений и частичное снижение зависимости от внешних рынков могут, пусть не сразу, но повысить устойчивость национальных экономик.

Если смотреть на более длительную перспективу, становится очевидно, что формируется новая конфигурация мировой экономики. Речь идёт о переходе к многополярной системе, в рамках которой формируется «многополярная экономическая система» [4].

Проведённый анализ позволяет говорить о том, что деглобализация и регионализация постепенно выходят на первый план и всё заметнее влияют на траекторию развития мировой экономики. Эти процессы уже нельзя рассматривать как временные – скорее, речь идет о формировании новой экономической реальности.

Фрагментация глобальной системы меняет привычную логику взаимодействия между странами. Трансформируются экономические связи, пересматриваются форматы сотрудничества, появляются новые модели – не всегда устойчивые, но, скажем так, более адаптированные к текущим условиям.

В ближайшей перспективе развитие мировой экономики, по всей видимости, будет происходить на фоне усиления региональных объединений и роста экономической самостоятельности государств. При этом заметную роль будет играть и внедрение новых технологий, хотя их влияние, честно говоря, ещё до конца не очевидно.

Список источников

1. Глазьев С.Ю. Мировая экономика и глобальные трансформации. – М.: Экономика, 2021. – 384 с.
2. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: Инфра-М, 2022. – 352 с.
3. Кудрин А.Л. Экономическое развитие России в условиях глобальных вызовов // Вопросы экономики. 2023. № 5. – С. 5–20.
4. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents Revisited. – New York: W.W. Norton & Company, 2018. – 320 p.
5. Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. – Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 344 p.
6. World Bank. Global Economic Prospects 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 10.03.2026).
7. IMF. World Economic Outlook 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.03.2026).

РАЗВИТИЕ РЫНКА ПОВТОРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРОВ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Топоркова К.А.,

*студентка 3 курса факультета экономики и управления
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»
e-mail: kamillatoporkova@gmail.com*

Айдинова Д.Х.-М.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»
e-mail: diana.ajdinova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается экономическая трансформация рынка повторного использования товаров в стратегический элемент устойчивого потребления и циркулярной модели роста. Анализируются ключевые драйверы развития данного сектора, такие как цифровизация торговых платформ, что будет способствовать снижению транзакционных издержек и повышению общей ресурсной эффективности. Доказывается, что интеграция моделей повторного использования в макроэкономическую политику и инвестиционные стратегии формирует устойчивые источники добавленной стоимости, стимулирует создание локализованных рабочих мест и обеспечивает долгосрочную конкурентоспособность экономики.

Ключевые слова: устойчивое потребление, рынок повторного использования, циркулярная экономика, расширенная ответственность производителя, цифровые платформы, ресурсная эффективность.

THE DEVELOPMENT OF A MARKET FOR THE REUSE OF GOODS IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE CONSUMPTION

Toporkova K.A.,

*3rd year student of the Faculty of Economics and Management
Karachay-Cherkess State University*

Aydinova D.H.-M.,

*Candidate of Economics, Associate Professor of the
Department of Economics and Applied Informatics
Karachay-Cherkess State University*

Annotation. The article examines the adaptation of the tax apparatus of the Russian Federation to the specifics of artistic professions, where traditional fiscal mechanisms are gradually being transformed, taking into account project employment and income volatility of creative workers. The article analyzes the effectiveness of simplified tax regimes, professional deductions and regional benefits, which reduce administrative barriers, but face the challenges of cash gaps, digitalization and insufficient financial literacy of specialists. It is concluded that there is a need for further improvement of regulation through the introduction of industry tools, automation of accounting and the development of specialized educational infrastructure, which will ensure a balance between the budgetary interests of the state and the long-term sustainability of the creative sector.

Keywords: sustainable consumption, reuse market, circular economy, extended producer responsibility, digital platforms, resource efficiency.

Устойчивость занимает структурное место в рыночной трансформации современного экономического пространства: динамичное развитие демонстрирует рынок повторного использования товаров, смещающийся из периферийной ниши в центр устойчивого потребления. Отличие от рециклинга проявляется в сохранении функциональной и экономической ценности изделий в исходной форме, что способствует снижению энергозатрат, транспортных издержек и нагрузки на первичное производство. Формирование альтернативной цепочки создания стоимости реализуется через оптимизацию жизненного цикла продукта, перераспределение между потребителями и развитие сервисных моделей владения, а не через добычу ресурсов. Ограниченность природного капитала и волатильность

сырьевых рынков определяют экологическую и макроэкономическую значимость данного направления, что вызывает формирование нового сегмента внутреннего спроса и стимулирует инновации в логистике, оценке качества и цифровых платформах.

Развитие рынка повторного использования обусловлено сдвигами потребительских предпочтений, выражающимися в переходе от маргинального интереса к массовому спросу за последнее десятилетие. Выявлена корреляция спроса на бывшие в употреблении товары с ценовой чувствительностью, ростом экологической грамотности, сменой социальных норм владения и ориентацией на осознанное потребление. Поколенческий сдвиг оказывает влияние: молодые потребители, формирующие основной объем будущего спроса, воспринимают повторное использование как стратегию, объединяющую финансовую выгоду и ответственность за внешние эффекты потребления. Механизмы снижения транзакционных издержек, ранее ограничивавших развитие вторичных рынков, включают цифровизацию, создающую масштабируемые платформы с алгоритмами сопоставления спроса и предложения, системами репутации и стандартизированными протоколами оценки состояния товаров, что минимизирует риски и ускоряет оборот.

Институциональная среда выполняет функции драйвера или барьера развития рынка. В условиях ряда стран регуляторные практики ориентируются на линейную модель производства; налоговые стимулы, стандарты качества и ответственность производителей не интегрируют специфику повторного использования. Переход к устойчивому потреблению требует перекалибровки фискальных инструментов: снижение НДС на ремонтные услуги, введение дифференцированных утилизационных сборов, субсидирование сертификации восстановленных товаров, развитие инфраструктуры приема и сортировки ускоряют институционализацию рынка. Концепция расширенной ответственности производителей в современной трактовке включает финансирование переработки и поддержку моделей продления жизненного цикла – ремонт, обновление и повторную продажу. Экономическая логика включает закрепление у производителя ответственности за конечную стадию использования продукта, что стимулирует проектирование изделий с учетом долговечности, ремонтпригодности и возможности вторичного размещения на рынке; в долгосрочной перспективе это снижает системные издержки и повышает конкурентоспособность бизнеса в условиях ужесточения экологических стандартов.

Технологический прогресс функционирует как катализатор формирования инфраструктуры доверия и операционной эффективности. Искусственный интеллект и машинное обучение автоматизируют диагностику состояния товаров, прогнозируют остаточный ресурс и оптимизируют логистические маршруты, в результате снижаются издержки сортировки и транспортировки. Блокчейн и цифровые паспорта продуктов создают прослеживаемость происхождения, истории обслуживания и экологического следа, что снижает информационную асимметрию между продавцом и покупателем. В секторах потребительской электроники, автомобилестроения и мебельной промышленности данные инструменты трансформируют бизнес-модели: фиксируется появление подписочных сервисов с гарантированным возвратом и обновлением, платформ аренды и лизинга, маркетплейсов с верифицированным качеством. Экономический эффект выражается в смещении фокуса с одноразовой продажи на многократное извлечение ценности из одного актива; повышается оборачиваемость капитала, формируются устойчивые потоки доходов для операторов рынка. Развитие подобных моделей требует инвестиций в стандарты совместимости, интероперабельность цифровых систем и подготовку кадров, работающих на стыке экономики, технологий и экологии [1].

Рынок повторного использования подвержен влиянию совокупности экономических и социокультурных барьеров. Восприятие поддержанных товаров как обладающих пониженной надежностью и статусом выступает одним из основных препятствий, наиболее выраженных в сегментах с исторически сложившимися установками статусного потребления. Снижение влияния негативного восприятия реализуется через маркетинговые меры, повышение качества обслуживания, усиление гарантийных обязательств и обеспечение прозрачности

происхождения товаров. Фрагментация регуляторных требований – отсутствие единых стандартов состояния восстановленных изделий, дифференциация налогового режима для физических и юридических субъектов, а также сложности с возвратом НДС при экспорте вторичных товаров – формирует правовую и финансовую неопределенность для инвесторов. Высокая доля рынка, функционирующая в неформальном секторе, ограничивает возможности статистического учета, налогового администрирования и внедрения стандартов безопасности. Институциональное оформление через легализацию, поддержку кооперативных моделей и интеграцию в официальную цепочку добавленной стоимости выступает условием высвобождения экономического потенциала.

Развитие рынка повторного использования обуславливает макроэкономические эффекты, выходящие за пределы отдельных отраслей: формирование новых векторов занятости, регионального развития и внешнеторговой динамики. По оценкам международных аналитических центров, сектор ремонта, восстановления и повторной продажи в среднем генерирует в два-три раза больше рабочих мест на единицу выручки по сравнению с линейным производством. При этом более высокая трудоемкость, низкий уровень автоматизации и требования к локализованным компетенциям создают предпосылки для развития малого и среднего бизнеса в регионах, снижения структурной безработицы и формирования профессиональных стандартов в диагностике, ремонте и управлении жизненным циклом продукции. С точки зрения ресурсной эффективности каждый цикл повторного использования снижает потребность в первичном сырье, энергии и водных ресурсах, что в масштабах национальной экономики эквивалентно сокращению импортной зависимости и повышению устойчивости к внешним шокам. В условиях глобальной нестабильности цепочек поставок формирование более замкнутых и предсказуемых хозяйственных систем усиливает мультипликативный эффект локальных инвестиций на смежные отрасли услуг и логистики.

Инвестиционная привлекательность моделей повторного использования проявляется в активности венчурного капитала, эмиссии зеленых облигаций, интеграции ESG-метрик в оценочные процедуры. Оценка инвестиционной устойчивости выявляет связь бизнес-моделей с продлением жизненного цикла продукции и снижением чувствительности к сырьевым колебаниям, повышением устойчивости денежных потоков и адаптацией к регулированию. Масштабирование требует методологических изменений: традиционные методы дисконтирования игнорируют остаточную стоимость после первого использования и внешние эффекты сокращения углеродного следа. Создание стандартов отчетности с циркулярной добавленной стоимостью и систем ценообразования внешних эффектов повышает прозрачность инвестиций и привлечение институционального капитала. Рост спроса на кредитные продукты, привязанные к ремонтпригодности, и доли в выручке от вторичных продаж формирует экосистему устойчивого финансирования циркулярных инициатив [2].

Развитие рынка повторного использования в рамках устойчивого потребления опирается на координацию технологических, институциональных и поведенческих трансформаций. В краткосрочном периоде направленность на гармонизацию стандартов качества, снижение транзакционных издержек через цифровую инфраструктуру, формирование стимулов для корпоративного участия. В среднесрочном – консолидация вокруг платформенных операторов, обеспечение сквозного жизненного цикла продукции, интеграция моделей повторного использования в корпоративные стратегии устойчивого развития. Долгосрочная перспектива связана с переосмыслением концепции владения: акцент на функциональном доступе, оценка экономических результатов через эффективность использования ресурсов и удовлетворенность потребителей в жизненном цикле, а не через объем продаж. Рыночная переориентация на создание ценности через сохранение ресурсов требует разработки измеримых показателей использования и учета накопленного потенциала повторного применения.

Рынок повторного использования выступает в качестве адаптивной стадии традиционной экономики с учетом дефицита ресурсов и растущих общественных запросов. Экономическая эффективность модели выражается в снижении системных издержек,

формировании устойчивых рабочих мест, усилении ресурсной автономии, появлении новых источников добавленной стоимости. Развитие рынка определяется комплексным воздействием регулирования, технологической инфраструктуры, финансовых инноваций, изменения потребительских практик. На фоне усталости линейной модели производства повторное использование становится стратегическим экономическим активом, гарантирующим долгосрочную конкурентоспособность в условиях, когда устойчивость – не опция, а условие выживания бизнеса и национальной экономики. Интеграция рынка в макроэкономическую политику, статистический учет, инвестиционные стратегии преобразует циркулярные принципы в источник экономического роста, создавая синергию экономической эффективности с социальной и экологической ответственностью; в результате складываются условия для переориентации инвестиционной и фискальной практики.

Список источников

1. Назарова Л.Е. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНДИКАТОРОВ МОНИТОРИНГА ПЕРЕХОДА НА МОДЕЛЬ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЕС И РФ / Л.Е. Назарова, L.E. Nazarova // Друкеровский вестник. 2021. № 1 (39). – С. 31–48. ISSN 2312-6469.
2. Основы инновационного предпринимательства: учебное пособие / Г.А. Гершанок, Н.А. Молодчик, В.Л. Попов [и др.]; под редакцией Г.А. Гершанока. – Пермь: ПНИПУ, 2012. – 167 с. ISBN 978-5-398-00911-8.

ТЕОРЕТИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДЕФИНИЦИЙ «ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ» И «ФИНТЕХ» В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

Батукаева Л.С.-Э.,

аспирант

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: luizaviolet@bk.ru

Аннотация. В статье исследованы теоретические подходы к разграничению понятий «цифровая трансформация» и «финтех» (финансовые технологии) применительно к банковскому сектору. Показано, что в научной литературе отсутствует единый подход к их интерпретации, что приводит к смешению различных уровней цифровых изменений. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований, а также нормативно-правовых и стратегических документов, уточнено содержание указанных категорий и обоснована необходимость их разграничения. Установлено, что цифровизация связана с внедрением цифровых технологий в отдельные процессы и направлена на повышение их эффективности, тогда как цифровая трансформация носит системный характер и затрагивает бизнес-модель и механизмы функционирования банков. Финансовые технологии рассмотрены как инструмент реализации цифровых изменений и связующее звено между цифровизацией и цифровой трансформацией. Отмечено, что разграничение рассматриваемых понятий имеет значение для анализа трансформации рисков среды и устойчивости банковской системы.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, финтех, банковский сектор, цифровая экономика, кибербезопасность.

THEORETICAL AND CATEGORICAL DIFFERENTIATION OF THE DEFINITIONS OF «DIGITAL TRANSFORMATION» AND «FINTECH» IN THE BANKING SECTOR

Batukaeva L.S.-E.,

postgraduate student

Kadyrov Chechen State University

Annotation. The article examines theoretical approaches to the differentiation of the concepts of «digital transformation» and «fintech» (financial technologies) in relation to the banking sector. It is shown that there is no unified approach to their interpretation in the scientific literature, which leads to a confusion of different levels of digital change. Based on the analysis of foreign and domestic studies, as well as regulatory and strategic documents, the content of these categories has been clarified and the need for their differentiation has been substantiated. It has been established that digitalization is associated with the introduction of digital technologies into individual processes and is aimed at increasing their efficiency, whereas digital transformation is systemic in nature and affects the business model and functioning mechanisms of banks. Financial technologies are considered as a tool for implementing digital change and a link between digitalization and digital transformation. It is noted that the differentiation of the concepts under consideration is important for the analysis of the transformation of the risk environment and the stability of the banking system.

Keywords: digitalization, digital transformation, fintech, banking sector, digital economy, cybersecurity.

Современное развитие банковского сектора осуществляется в условиях активного внедрения цифровых технологий, что приводит к качественным изменениям в способах осуществления финансовых операций, трансформации каналов взаимодействия с клиентами и перестройке механизмов функционирования кредитных организаций.

В научной литературе данные процессы описываются посредством категорий «цифровизация», «цифровая трансформация» и «финтех». Вместе с тем анализ исследований показывает, что указанные понятия нередко используются как взаимозаменяемые, что приводит к методологической неопределённости и затрудняет исследование сущности цифровых преобразований.

Особую значимость указанная проблема приобретает применительно к банковскому сектору, поскольку происходящие изменения затрагивают не только технологическую основу деятельности, но и институциональные характеристики, бизнес-модели и систему управления рисками. В этих условиях отсутствие чёткого категориального разграничения снижает

точность анализа влияния цифровых процессов на устойчивость банковской системы, включая аспекты финансовой и кибербезопасности, что особенно актуально в условиях возрастающей зависимости банков от цифровой инфраструктуры.

В этой связи целью настоящего исследования является теоретико-категориальное разграничение понятий «цифровизация», «цифровая трансформация» и «финтех» применительно к банковскому сектору с учётом их взаимосвязи и различий по глубине воздействия на банковскую деятельность.

Анализ зарубежных исследований показывает, что в научной мысли достаточно широко представлен подход, в рамках которого цифровые изменения рассматриваются как взаимосвязанные процессы, различающиеся по глубине их воздействия на организацию. При этом указанные процессы интерпретируются не как изолированные этапы, а как элементы единой динамики развития, отражающей усложнение форм и механизмов функционирования организаций в условиях цифровой среды. Вместе с тем единое понимание их соотношения в настоящее время не сформировано, что обусловлено различиями в исследовательских подходах и междисциплинарным характером рассматриваемых процессов. Так, П. Верхуф и соавторы, анализируя процессы цифровых изменений, указывают на их эволюционный характер, предполагающий переход от внедрения отдельных цифровых решений к трансформации бизнес-моделей, сопровождающийся усложнением организационных изменений [3]. В сходной логике Г. Виаль рассматривает цифровую трансформацию как процесс, приводящий к существенным изменениям механизмов создания ценности, организационной структуры и принципов функционирования организации [4]. При этом цифровая трансформация трактуется не только как технологическое обновление, но и как комплексное изменение способов осуществления деятельности, включая пересмотр бизнес-моделей и управленческих подходов.

В отечественных исследованиях также предпринимаются попытки дифференциации указанных понятий. Так, М.Н. Кондратьева и А.В. Комахина [5] связывают цифровизацию преимущественно с внедрением технологий в существующие процессы. В то же время А.Х. Шелепаева [11] и А.Е. Термелева [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] рассматривают цифровую трансформацию как более сложное и многоуровневое явление, затрагивающее не только технологические, но и организационные, управленческие и институциональные аспекты деятельности, что свидетельствует о её системном характере. В свою очередь, Е.А. Нигай [6], сопоставляя указанные категории, акцентирует внимание на различиях их масштаба, глубины и последствий, рассматривая цифровизацию и цифровую трансформацию как различные направления развития, обуславливающие неодинаковую степень изменения деятельности организации. Такой подход позволяет более чётко разграничить данные категории и избежать их отождествления в научном анализе.

Таким образом, как зарубежные, так и отечественные исследования свидетельствуют о формировании устойчивой тенденции к разграничению цифровых изменений по глубине их воздействия. В рамках данного подхода цифровизация и цифровая трансформация рассматриваются как взаимосвязанные, но не тождественные категории, различающиеся по характеру и масштабу преобразований. Вместе с тем отсутствие единой интерпретационной модели их соотношения указывает на необходимость дальнейшего теоретического уточнения содержания рассматриваемых понятий и обоснования их системной взаимосвязи.

Дополнительное уточнение содержания рассматриваемых понятий возможно при обращении к нормативно-правовым и стратегическим документам, отражающим приоритеты государственной политики в сфере цифрового развития. В российском правовом поле отсутствует единое закреплённое определение цифровизации и цифровой трансформации, однако их содержание раскрывается через совокупность программных и стратегических установок, формирующих общее представление о направлениях цифровых преобразований.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» основной акцент сделан на развитии цифровой инфраструктуры и внедрении технологий в различные сферы деятельности [9]. Данный подход ориентирован преимущественно на технологическое

обновление и повышение эффективности функционирования отдельных процессов, что позволяет интерпретировать цифровизацию как инструмент совершенствования существующих видов деятельности за счёт использования цифровых решений. При этом внимание сосредоточено прежде всего на формировании технологической базы и обеспечении условий для внедрения цифровых инструментов.

В более поздних стратегических документах прослеживается смещение акцентов в сторону более комплексного понимания цифровых процессов. Цифровая трансформация всё чаще рассматривается как изменение системы управления, организационной структуры и механизмов функционирования [9]. Это отражает переход от узко технологического к более широкому, системному пониманию цифровых изменений. Такой подход предполагает не просто внедрение отдельных цифровых решений. Он связан с перестройкой логики функционирования организаций и институтов в целом. Аналогичные идеи можно увидеть и в документах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В них цифровые преобразования рассматриваются через изменение принципов экономического взаимодействия, развитие цифровых платформ и формирование единого цифрового пространства государственных участников [7]. Это показывает, что понимание цифровых процессов выходит за рамки национального уровня. Они начинают рассматриваться как фактор трансформации экономических связей и интеграционных механизмов.

Особое значение для банковского сектора имеет позиция Банка России, в соответствии с которой развитие финансовых технологий рассматривается как один из ключевых факторов модернизации финансового рынка [8]. В соответствующем документе развитие финтех связывается с внедрением цифровых сервисов, совершенствованием инфраструктуры и расширением доступности финансовых услуг, что задаёт технологически ориентированную рамку интерпретации цифровых изменений. В этой связи цифровая трансформация банковской деятельности нередко раскрывается через внедрение финтех-решений и развитие цифровых сервисов. В частности, в исследованиях отмечается, что финтех «стал одним из ключевых факторов трансформации глобальной экономической системы» [10].

С учётом изложенного представляется целесообразным обратиться к уточнению содержания рассматриваемых категорий. В частности, цифровизация может рассматриваться как процесс внедрения цифровых технологий в отдельные операции и процессы, направленный на повышение их эффективности, скорости и управляемости. Подобное понимание соотносится с научными подходами, в рамках которых цифровизация интерпретируется как изменение практик и процессов под воздействием цифровых технологий, а также разграничивается с иными формами цифровых изменений [1, 2]. При этом ключевой особенностью цифровизации является её ориентированность на совершенствование уже существующих процедур без изменения их сущностного содержания. Иными словами, цифровизация не предполагает пересмотра базовых принципов функционирования организации, а направлена на повышение результативности текущей деятельности за счёт использования цифровых инструментов.

С экономической точки зрения цифровизация способствует снижению транзакционных издержек, ускорению обработки информации и повышению производительности, что подтверждается исследованиями, посвящёнными влиянию цифровых технологий на эффективность бизнес-процессов [3]. Данные эффекты достигаются за счёт автоматизации операций, сокращения временных затрат на обработку данных и повышения прозрачности процессов. В банковском секторе указанные изменения проявляются в развитии дистанционного обслуживания, автоматизации операций и использовании цифровых каналов взаимодействия с клиентами, что повышает доступность и качество финансовых услуг. Вместе с тем данные преобразования, как правило, не затрагивают базовую модель функционирования банков и их роль как финансовых посредников, что позволяет рассматривать цифровизацию как преимущественно операционный уровень цифровых изменений.

В отличие от цифровизации, цифровая трансформация связана с более глубокими и системными изменениями. Она затрагивает не только отдельные процессы, но и бизнес-модель, организационную структуру и механизмы функционирования организации. В научной литературе цифровая трансформация рассматривается как процесс, который приводит к изменению способов создания ценности, пересмотру управленческих подходов и перестройке деятельности в целом [3, 4]. При этом речь идёт не просто о внедрении отдельных технологий. Гораздо важнее переосмысление логики функционирования организации, включая создание новых продуктов, изменение каналов взаимодействия с клиентами и перераспределение ролей участников рынка.

В банковском секторе такие изменения проявляются достаточно наглядно. Развиваются платформенные решения, банки интегрируются в цифровые экосистемы, меняется характер взаимодействия с клиентами. Всё это свидетельствует о переходе от совершенствования отдельных операций к формированию новых моделей банковской деятельности. Эти процессы сопровождаются усилением роли данных. Они становятся ключевым ресурсом, определяющим возможности создания ценности, персонализации финансовых услуг и повышения эффективности управленческих решений. Одновременно трансформируется конкурентная среда. Появляются новые участники рынка, прежде всего технологические компании, что усиливает конкуренцию и меняет традиционные границы банковской деятельности.

Рассмотрение цифровой трансформации как системного и многоуровневого процесса позволяет перейти к анализу финансовых технологий, выступающих ключевым инструментом реализации цифровых изменений в банковском секторе. В данном контексте финтех обеспечивает практическое воплощение цифровых преобразований, трансформируя как внутренние процессы кредитных организаций, так и формы их взаимодействия с внешней средой.

Согласно Банку России, финансовые технологии (финтех) представляют собой совокупность инновационных решений, основанных на использовании цифровых технологий в сфере финансовых услуг, обеспечивающих автоматизацию операций, развитие новых сервисов и трансформацию взаимодействия участников финансового рынка [8]. В отличие от цифровизации и цифровой трансформации, отражающих уровни и характер изменений, финтех выступает прикладной формой их реализации, через которую соответствующие преобразования получают практическое воплощение.

В этой связи финансовые технологии выполняют двойственную функцию в развитии банковского сектора. С одной стороны, они обеспечивают процессы цифровизации, способствуя повышению эффективности отдельных операций, автоматизации бизнес-процессов и развитию дистанционных каналов обслуживания клиентов. С другой стороны, финтех выступает катализатором более глубоких преобразований, связанных с трансформацией бизнес-моделей, формированием цифровых экосистем и изменением структуры финансового рынка.

Развитие финансовых технологий в банковском секторе обуславливает появление новых форм организации деятельности, включая платформенные решения, экосистемные модели и интеграцию с технологическими компаниями. Это, в свою очередь, приводит к размытию традиционных границ банковской деятельности, усилению межотраслевой конкуренции и формированию новых центров создания стоимости. Тем самым финтех выступает не только инструментом повышения эффективности, но и системным фактором, обеспечивающим переход от локальных улучшений к комплексной трансформации банковского бизнеса.

Таким образом, финансовые технологии целесообразно рассматривать в качестве связующего элемента между процессами цифровизации и цифровой трансформации, обеспечивающего практическую реализацию цифровых изменений и во многом определяющего траекторию развития банковского сектора в условиях цифровой экономики. Учитывая выявленные различия и взаимосвязь указанных категорий, представляется

обоснованным проведение их систематизации по ключевым критериям, отражающим характер, масштаб и последствия цифровых преобразований (табл. 1).

Таблица 1. Теоретико-категориальное разграничение цифровизации, цифровой трансформации и финансовых технологий в банковском секторе

Критерий	Цифровизация	Цифровая трансформация	Финтех
Сущность	Внедрение цифровых технологий в отдельные операции и процессы	Комплексное изменение бизнес-модели, организационной структуры и механизмов функционирования	Совокупность инновационных решений на основе цифровых технологий в сфере финансовых услуг
Уровень изменений	Преимущественно на уровне отдельных процессов и функций	Охватывает организацию в целом, включая бизнес-модель и систему управления	Инструмент и форма практической реализации цифровых изменений
Характер воздействия	Повышение эффективности, скорости и управляемости существующих процессов	Перестройка логики функционирования и способов создания ценности	Обеспечение и ускорение цифровых преобразований
Объект воздействия	Отдельные операции, процедуры и каналы обслуживания	Организация в целом, включая структуру и систему управления	Финансовые услуги, продукты и инфраструктура финансового рынка
Результат	Оптимизация деятельности и снижение издержек	Формирование новых моделей бизнеса и взаимодействия	Появление новых финансовых сервисов, продуктов и форм взаимодействия
Проявление в банковском секторе	Дистанционное банковское обслуживание, автоматизация операций, электронный документооборот	Платформенные решения, цифровые экосистемы	Платежные сервисы, финтех-платформы, цифровые финансовые продукты
Роль в цифровых изменениях	Совершенствование отдельных процессов	Системная трансформация деятельности	Связующее звено и механизм реализации цифровых изменений
Влияние на рисковую среду	Преимущественно операционные технологические риски	Формирование стратегических, системных и киберрисков	Генерация новых видов рисков и инструментов их управления
Связь безопасностью банковской системы	Требует усиления защиты отдельных процессов и каналов	Обуславливает необходимость комплексного обеспечения финансовой кибербезопасности	Выступает как источником рисков, так и инструментом их минимизации

Источник: составлено автором на основе обобщения и систематизации данных [1, 2, 3, 4, 5, 8]

Представленная систематизация позволяет наглядно разграничить цифровизацию, цифровую трансформацию и финансовые технологии по ключевым критериям, включая уровень и характер изменений, объект воздействия и результаты их реализации. Цифровизация преимущественно ориентирована на совершенствование отдельных процессов и функций и связана с повышением эффективности текущей деятельности, тогда как цифровая трансформация носит системный характер и приводит к изменению бизнес-моделей, организационной структуры и механизмов функционирования банков. В свою очередь, финансовые технологии выступают инструментом реализации данных изменений, обеспечивая их практическое воплощение и способствуя переходу от операционных преобразований к стратегическим.

Важным результатом проведённой систематизации является выявление взаимосвязи между характером цифровых изменений и трансформацией рискованной среды банковской деятельности. Установлено, что по мере углубления цифровых преобразований происходит

усложнение структуры рисков (от операционных и технологических к стратегическим и киберрискам). В этой связи финансовые технологии могут рассматриваться не только как фактор трансформации банковской деятельности, но и как элемент формирования новой конфигурации рисков и механизмов их управления.

Таким образом, представленная таблица выступает инструментом обобщения теоретических подходов и позволяет обосновать необходимость комплексного рассмотрения цифровизации, цифровой трансформации и финансовых технологий при анализе развития банковского сектора.

В результате проведенного исследования установлено, что категории «цифровизация», «цифровая трансформация» и «финансовые технологии» отражают различные, но взаимосвязанные аспекты цифровых изменений в банковском секторе. Их разграничение имеет принципиальное значение для корректного анализа процессов развития банковской деятельности в условиях цифровой экономики.

Показано, что цифровизация преимущественно связана с внедрением цифровых технологий в отдельные процессы и функции и направлена на повышение эффективности текущей деятельности. В отличие от этого, цифровая трансформация носит более глубокий и системный характер, затрагивая бизнес-модели, организационную структуру и механизмы функционирования банков, а также приводя к изменению способов создания ценности и взаимодействия с клиентами. Финансовые технологии при этом выступают инструментом реализации указанных процессов, обеспечивая их практическое воплощение и выступая связующим звеном между операционными и стратегическими преобразованиями.

Обосновано, что различия в характере и глубине цифровых изменений обуславливают трансформацию рискованной среды банковской деятельности. Если цифровизация связана преимущественно с операционными и технологическими рисками, то цифровая трансформация сопровождается формированием более сложных стратегических, системных и киберрисков. В этих условиях финансовые технологии выполняют двойственную функцию, являясь одновременно источником новых рисков и инструментом их минимизации.

Таким образом, предложенное теоретико-категориальное разграничение рассматриваемых понятий позволяет уточнить их содержание и выявить функциональную взаимосвязь в контексте развития банковского сектора.

Список источников

1. Brennen J.S., Kreiss D. Digitalization // The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy / ed. K.B. Jensen, R.T. Craig, J.D. Pooley, E.W. Rothenbuhler. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2016. – P. 1–11. DOI: 10.1002/9781118766804.wbiect111.
2. Gradillas M., Thomas L.D.W. Distinguishing digitization and digitalization: A systematic review and conceptual framework // Journal of Product Innovation Management. 2025. Vol. 42, No. 1. – P. 112–143. DOI: 10.1111/jpim.12690.
3. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. – P. 889–901. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022.
4. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28, No. 2. – P. 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003.
5. Кондратьева М.Н., Комахина А.В. Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 3(165). – С. 134–139.
6. Нигаи Е.А. Цифровизация или цифровая трансформация: выбор направления развития бизнеса // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2024. № 1. – С. 91–106.
7. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 окт. 2017 г. № 12 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/24608455a788c3117638cfd3ecf63771c8130c6f/
8. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов / Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statichtml/file/41186/on_fintex_2017.pdf
9. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

10. Тавбулатова З.К. Финтех-индустрия в эпоху экономической нестабильности / З.К. Тавбулатова, Л.С.Э. Батукаева, Д.А. Марков // Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций: Сборник статей международной научно-практической конференции, Тбилиси, Грузия, 25–30 апреля 2025 года. – Москва: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2025. – С. 109–114.
11. Тавбулатова З.К., Батукаева Л.С.-Э. Контент-анализ состояния и развития Финтех компаний в России за 2022 – 2023 гг. // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 4(56). – С. 6-15.
12. Шелепаева А.Х. Цифровая трансформация: основные подходы к определению понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2022. Т. 19. № 1. – С. 81–89.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Базарбаев Т.Ю.,

студент группы НН-25

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

e-mail: bazarbayev.timirlan@mail.ru

Научный руководитель: Аджимет Г.Х.,

канд. экон. наук, доцент

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние торгово-экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Предметом исследования являются двусторонние внешнеэкономические связи, а темой работы – проблемы и перспективы развития. Цель заключается в анализе динамики товарооборота в 2022–2025 гг., товарной структуры экспорта и импорта, а также перспективных направлений развития взаимодействия. Особое внимание уделено энергетике и проблемам, связанным с геополитической ситуацией. Использован метод сравнительного и аналитического анализа. Сделан вывод о необходимости развития новых логистических систем. Результаты применимы в сфере внешнеэкономической деятельности двух государств.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, торгово-экономическое сотрудничество, товарооборот, санкции, логистика, импорт, энергетика.

DEVELOPMENT OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Bazarbayev T.Yu.,

student of the NN-25 group,

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Scientific supervisor: Ajimet G.H.,

Candidate of Economics, Associate Professor,

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Annotation. This article examines the current state of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. The research focuses on bilateral foreign economic relations, and the topic of the paper is development problems and prospects. The objective is to analyze the dynamics of trade turnover in 2022–2025, the commodity structure of exports and imports, and promising areas for cooperation. Particular attention is paid to energy and issues related to the geopolitical situation. A comparative and analytical analysis is used. The conclusion is drawn regarding the need to develop new logistics systems. The results are applicable to the foreign economic activity of the two countries.

Keywords: Russian Federation, People's Republic of China, trade and economic cooperation, trade turnover, sanctions, logistics, imports, energy.

Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем занимает одно из ключевых мест во внешнеэкономической политике обеих стран. За последние годы, особенно после 2022 г., этот вектор развития укрепился под влиянием внешних санкций против России и необходимости диверсификации внешней торговли. С конца 2010-х гг. доля Китая в российском внешнеторговом обороте стабильно росла, и после 2022 г. товарооборот достиг рекордных значений, хотя уже во 2 квартале 2025 г. наблюдалось некоторое снижение из-за изменения структуры спроса и цен на энергоресурсы [1].

Также стоит отметить динамику товарооборота между странами в период с 2022 по 2024 гг., демонстрирующую прогрессивный рост, достигнув в 2024 г. примерно 245 млрд долл.,

что стало историческим максимумом. Однако в 2025 г. произошло снижение на 6,9% – до 228,1 млрд долл. (рисунок 1). Данное снижение связано с перенасыщением спроса в Китае после бурного роста товарооборота предыдущих двух лет, а также колебанием цен на энергоресурсы и частичным спадом промышленного импорта в Россию [2].

Рисунок 1. Динамика товарооборота России и Китая

Структура торговли между двумя странами остаётся традиционно сырьевой. Российский экспорт в Китай включает нефть, природный газ, уголь и лесопroduкцию, тогда как китайский экспорт в Россию представлен машинами, оборудованием, электроникой и потребительскими товарами. Такая структура делает энергетический сектор ключевым аспектом двустороннего взаимодействия, обеспечивая устойчивость товарооборота даже при колебаниях мирового рынка [3].

В укреплении отношений между двумя странами важную роль играют санкции против России, которые в основном затрагивали экономический сектор. Страна ускорила переориентацию на Китай и другие азиатские рынки, что позволило сохранить объёмы экспорта энергоносителей и снизить зависимость от западных расчётных систем. В этих условиях расчёты в рублях и юанях стали важным инструментом обеспечения финансовой устойчивости торговли [3].

Введённые против Российской Федерации санкции сближают две державы и способствуют росту товарооборота. Однако они выявили структурные ограничения: во-первых, зависимость от отдельных товарных сегментов; во-вторых, инвестиционные ограничения; в-третьих, уязвимость банковских переводов. Несмотря на все перечисленные проблемы, экономическое сотрудничество между странами растёт быстрыми темпами, а развитие совместных инфраструктурных объектов на территории приграничных районов России способствует дальнейшему развитию взаимных отношений [3].

Также необходимо затронуть сферу энергетики, которая считается главным сектором российского экспорта в КНР. По данным IV квартала 2025 года, товарооборот энергоносителями составил около 60–70% от всего экспорта. После 2022 года российские газовые компании стали предоставлять скидку китайским партнёрам, от 30 до 40 процентов на сжиженный природный газ, однако для России это стабильный приток валютной выручки. Поставки газа по газопроводу «Сила Сибири», а также экспорт нефти обеспечивают тесные экономические связи.

Помимо энергоресурсов, существуют и другие экспортные товары, которые формируют взаимозависимость экономик двух стран. Стоит выделить лесопroduкцию, объём которой в

2025 году составил около 24 млн куб. м. Большая часть экспорта пиломатериалов пришлась на продукцию из хвойных пород деревьев [1].

Китай, в свою очередь, поставляет в Россию промышленные товары: машины, оборудование, электронику и автомобили. Особенно активно китайские компании заполнили ниши в России, освободившиеся после ухода западных производителей, что способствовало краткосрочному росту импорта [2].

Стоит упомянуть новые проекты и направления сотрудничества между странами. Современные инициативы направлены на расширение инфраструктуры, укрепление логистики и развитие инвестиционной деятельности. Важные направления включают:

- проведение форумов и деловых мероприятий для укрепления торгово-экономических связей;
- обсуждение новых проектов («Восточный экономический форум – 2025») [4];
- расширение транспортной инфраструктуры, включая железнодорожные коридоры через Евразию, что повышает скорость и снижает стоимость торговых операций;
- инвестиционное сотрудничество и технологические проекты, направленные на модернизацию производства и повышение промышленной кооперации [2].

Анализ динамики торгово-экономических отношений показывает, что сотрудничество остаётся устойчивым, несмотря на заметное значительное уменьшение товарооборота на 7% по сравнению с рекордным 2024 годом. Рост ВВП Китая в IV квартале 2025 года замедлился до 4,5%, что приводит к сокращению торгового сотрудничества между странами. Однако в 2026 году ожидается восстановление после падения торговли, уход от привязки к доллару, а также, по оценкам «Российско-Китайской палаты», рост около 8% [7].

В 2022–2026 гг. ключевой проблемой двустороннего взаимодействия стала усиливающаяся зависимость российской внешней торговли от одного партнёра. Рост доли Китая в общем товарообороте России приводит к скоплению рисков: любые изменения экономической политики КНР, внутреннего спроса или валютного регулирования напрямую отражаются на российском экспорте и импорте. Такая зависимость ограничивает гибкость внешнеэкономической стратегии России [1].

Серьёзным ограничением после введения санкций на экономический сектор Российской Федерации выступает ценовое давление со стороны китайских покупателей. Россия вынуждена предоставлять существенные скидки на энергоресурсы и сырьевые товары, что снижает общую экспортную выручку. Это формирует неравные условия торговли и усиливает позицию КНР.

Отдельной проблемой нужно отметить рост конкуренции между российскими и китайскими производителями на внутреннем рынке России. Активное расширение присутствия китайских компаний в секторах машиностроения, автомобилестроения и электроники вытесняет локальных производителей, что в долгосрочной перспективе может привести к стагнации национального промышленного потенциала. Нельзя не заметить различие между экономическими моделями стран. Китай, в основном, ориентирован на экспорт высокотехнологичной продукции, в то время как Россия в большей степени ориентирована на сырьевые рынки. Это расхождение усложняет формирование совместных производств с высокой добавленной стоимостью [6].

Далее необходимо отметить уход КНР и России от расчётов в долларах и переход на национальные валюты, прежде всего на юани. Значительное использование юаня во взаимных расчётах способствует снижению зависимости от доллара и западной финансовой инфраструктуры, что особенно актуально для России в условиях санкций. Применение данной валюты упрощает проведение торговых операций между странами, снижает валютные риски, а также повышает стабильность экономических отношений. Использование юаня в долгосрочной перспективе приведёт к формированию независимой и стабильной системы взаиморасчётов, что станет важным фактором для торгово-экономических отношений между Россией и Китаем [7].

Ближайшие несколько лет логистика будет играть ключевую роль во взаимоотношениях между двумя странами. При эффективном развитии она позволит сократить сроки транспортировки грузов и сделать её дешевле. Товарооборот стремительно растёт, а транспортная и складская инфраструктура не справляется с нагрузкой, из-за чего требуется срочная модернизация. В 2025 году Китай инвестировал рекордные 1,5 млрд долл. в приграничные транспортные коридоры. Первоначально будет увеличена пропускная способность на Транссибирской и Трансманычжурской железных магистралях. Далее построят новые сухие порты и логистические хабы на территории КНР и России. Стоит упомянуть рост объёма контейнерных перевозок, которые в прошлом году составили около 42% от общего импорта. Контейнеры — это универсальная транспортная единица, так как их можно перевозить на всех видах транспорта: морском, железнодорожном и автомобильном. Начиная с 2022 года контейнерные перевозки росли на 10% в год, однако из-за перенасыщения китайского рынка в прошлом году виден существенный спад. Стагнация во многом связана с обвалом автомобильного импорта, однако в долгосрочной перспективе контейнеры будут перевозить большую половину всего товарооборота. Все эти аспекты при системном инвестировании будут снижать издержки и способствовать росту товарооборота.

Инновационные центры, построенные на территории России, обеспечивают стабильный товарооборот, а также способствуют развитию региональной экономики. Китайские компании активно развивают данные проекты и инвестируют собственный капитал на благо экономического сотрудничества [5].

Стоит обратить внимание на развитие мультимодальных перевозок, которые включают в себя железнодорожный, автомобильный и морской транспорт. Все это позволяет оптимизировать маршруты доставки, а также сократить сроки и повысить надёжность поставок. Новые возможности открывает арктическое направление, которое развивается с 2023 года. Оно расширяет географию торговых связей между странами в обход западных агрессоров [5].

Важным направлением сотрудничества между Россией и Китаем служит развитие совместных промышленных и инновационных проектов. Уже в 2025 году доля промышленной кооперации в структуре двусторонней торговли оценивается примерно в 15–18%, при этом потенциал роста к 2030 году может превысить 25%. Формирование кооперационных цепочек позволяет сократить импорт отдельных категорий продукции на 10–12% и одновременно увеличить выпуск совместной продукции. Расширение сотрудничества в высокотехнологичных отраслях способствует росту добавленной стоимости и диверсификации экспорта [5].

Отдельную важную роль играет цифровизация логистики. Внедрение цифровых платформ, автоматизация таможенных процедур и развитие систем отслеживания грузов повышают прозрачность и эффективность логистических процессов, что способствует снижению экономических барьеров и улучшает координацию между участниками внешнеэкономической деятельности. Логистика в течение последних пяти лет является составляющей торговли и укрепляет развитие российско-китайского сотрудничества. Развитие логистической инфраструктуры создают основу для повышения эффективности торговых взаимоотношений [1].

Выводы. Таким образом, аналитика торгово-экономических отношений между РФ и КНР показывает, что двусторонняя торговля перешла в качественно новую фазу, продиктованную как внешним санкционным давлением, так и внутренней адаптацией экономик двух стран. Резкое усиление взаимодействия после 2022 года позволило России компенсировать выпадение западных рынков, а Китаю — усилить свои позиции. Прежде всего, сохраняется асимметрия торговых отношений. Экспорт российской продукции сосредоточен на сырьевом сегменте, а китайская сторона ориентирована на высокомаржинальную продукцию. В конце необходимо отметить рост зависимости российской экономики от китайских поставщиков. В период санкционного давления со стороны Запада китайская

сторона потребовала предоставления скидок на энергоресурсы, которые влияли на эффективность экспортных операций между двумя странами.

Обновление логистической системы и строительство новых приграничных хабов имеет значительное влияние в укреплении торгово-экономических отношений между странами. Благодаря целевым инвестициям транспортные коридоры активно развиваются, что способствует устойчивой торговле между странами. Но надо отметить, Китай не стоит на месте, он реализует стратегию диверсификации, инвестируя в новые торговые пути через Центральную Азию и Каспийский регион. Новые маршруты снижают значимость России и делают её участником всеобщей конкуренции за евразийский транспортный поток. Переход расчётов между странами в юани помогает снизить зависимость от доллара. Также формируются собственные платёжные механизмы, благодаря чему создаются плацдармы для дальнейших дружеских отношений.

Список источников

1. Анализ логистики и торговли России и Китая в 2025 году. [Электронный ресурс] // РБК. 2025. URL: <https://companies.rbc.ru/news/RUakdx52hB/kak-vyiros-spros-na-logistiku-iz-kitaya-v-2025-godu/> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Анализ российско-китайской торговли в 2024 году: итоги и динамика // РБК. 23 января 2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Гавритухин А.В., Иванова Н.И. Особенности развития российско-китайских внешнеторговых отношений в 2019–2023 гг. / А.В. Гавритухин, Н.И. Иванова // Журнал международных экономических отношений. 2023. Т. 13, № 4. – С. 819–830.
4. Итоги ВЭФ-2025: Рекордное количество инвестиций и стран-участников. [Текст]: электронный // Союзное Вече: газета Парламентского Союза Беларуси и России. 2025. 8 сентября. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/economy/96453/> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Китай инвестировал рекордные 124 млрд долларов в инициативу «Один пояс – один путь». [Электронный ресурс] // Lognews. 2025. URL: <https://lognews.ru/kitay-investiroval-rekordnye-124-mlrd-za-pervoe-polugodie-2025-goda-v-ramkakh-iniciativy-odin-poyas> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Луконин С.А. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: исторические и современные тенденции / С.А. Луконин, Н.И. Иванова // Россия и АТР. 2023. № 1. – С. 160–180. URL: https://www.riatr.ru/2023/1/Russia_and_ATR_20231_160180.pdf (дата обращения 24.03.2026).
7. Чжан Х.Х. Совместно содействовать развитию и открытости во имя будущего / Чжан Ханьхуэй // Аргументы и факты. 2026. 4 марта. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dshd/202603/t20260305_11869496.htm (дата обращения: 29.03.2026).

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Байрамкулова К.С.,

*студентка факультета экономики и управления,
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
e-mail: bairamkulova@gmail.com*

Научный руководитель: Боташев Р.А.,

*доцент кафедры экономики и прикладной информатики,
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
e-mail: botashevruslan@mail.ru*

Аннотация. Сегодня проблема привлечения инвестиций в производство является ключевым вопросом в деле развития российской экономики. Статья посвящена проблеме выбора оптимального варианта инвестиций посредством применения экономико-математических моделей в условиях цифровизации экономики и развития отечественной ИТ-отрасли.

Ключевые слова: инвестиции, модель, инвестиционный проект, линейное программирование, доход, прибыль, уровень рентабельности, информационные технологии, цифровая экономика, информационная система, искусственный интеллект, цифровизация, цифровой контроль, цифровая платформа.

OPTIMIZATION OF THE PLANNING SYSTEM INVESTMENTS IN A MODERN ENTERPRISE

Bayramkulova K.S.,

*student of the Faculty of Economics and Management
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Scientific supervisor: Botashev R.A.

*Associate Professor of the Department of Economics and Applied Informatics
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Annotation. Today, the problem of attracting investment in production is a key issue in the development of the Russian economy. The article is devoted to the problem of choosing the optimal investment option through the use of economic and mathematical models in the context of the digitalization of the economy and the development of the domestic IT industry.

Keywords: investment, model, investment project, linear programming, income, profit, profitability level. Keywords: information technology, digital economy, information system, artificial intelligence, digitalization, digital control, digital platform.

Как известно, инвестиции как вложение денежных средств являются источником финансирования реконструкции предприятия и решения многих других проблем на нем. Следует отметить, что в экономической теории выделяют реальные инвестиции (капитальные вложения) и портфельные (финансовые) инвестиции. Также известно, что каждое предприятие в какой-то мере связано с инвестиционной деятельностью. В первую очередь это касается крупных и средних предприятий, где практически ежедневно принимаются решения инвестиционного характера: текущие решения по приобретению какого-либо нового актива взамен устаревшего, по ремонту оборудования, по увеличению или уменьшению закупки сырья и материалов на данном этапе работы и т. д.

Следует заметить, что с развитием рыночных отношений и наращиванием экономического потенциала инвестиционная деятельность российских предприятий расширяется.

Некоторые инвестиционные решения могут быть приняты без разработки детально продуманного инвестиционного плана, если они практически не влияют на дальнейшую деятельность предприятия. Решения же более крупного плана должны приниматься на основе

хорошо продуманного инвестиционного плана. Следует отметить, что каждый инвестор, вкладывая свой капитал в любой инвестиционный проект, планирует не только возместить вложенный капитал, но и получить некоторую сумму прибыли.

Целью данного исследования является разработка практических рекомендаций для предприятий по составлению оптимального плана инвестиций с получением максимально возможной прибыли путем составления и решения экономико-математической модели выбора оптимального инвестиционного проекта.

Следует заметить, что инвестиционный проект представляет собой объединение двух самостоятельных процессов:

- создание производственного объекта – процесс пополнения капитала, связанный с инвестиционными затратами;
- процесс функционирования созданного производства и связанное с этим последовательное получение доходов от сделанных вложений.

Эти процессы протекают или последовательно, когда доходы от инвестиций следуют за окончанием инвестиций, или параллельно на некотором промежутке времени. Прежде всего, отметим, что инвестиционные проекты различаются по степени риска. Наименее рисковыми являются инвестиционные проекты, связанные с выполнением государственных заказов, а наиболее рисковыми – проекты, которые связаны с организацией новых производств и внедрением новых технологий.

Как известно, для достижения экономического роста необходимо выполнение двух основных условий:

- 1) обеспечение высокой инвестиционной активности;
- 2) проведение оптимизации системы управления инвестиционным процессом в условиях цифровизации финансовой системы.

Следует отметить, что финансирование любого инвестиционного проекта предполагает привлечение одного или нескольких источников. Стоимость капитала, привлекаемого для финансирования инвестиционного проекта, может меняться в зависимости от разных обстоятельств.

Следует заметить, что планирование инвестиций – это очень важный и сложный процесс, требующий от исполнителя высокой квалификации и значительного объема знаний в области экономических наук и прикладной информатики при проектировании инвестиций. Следует отметить, что при планировании инвестиций исполнителю необходимо уметь учитывать случайные факторы, а также прогнозировать степень риска вложения инвестиций. Кроме того, следует помнить, что получение дохода от вложения инвестиций также носит вероятностный характер. Поэтому при планировании инвестиций необходимо помнить, что получение прибыли носит случайный характер [6].

Если предприятию удастся хорошо спланировать и реализовать план вложения инвестиций, то оно, как правило, успешно работает и стабильно получает прибыль. Если же фирма относится к планированию инвестиций плохо, то она в будущем может стать банкротом. При этом основным правилом для выгодного вложения инвестиций является то, что стоит инвестировать объект, если рентабельность инвестиции превышает темпы инфляции. Планируя вложения инвестиций, необходимо определить, на какие цели в первую очередь предприятию следует израсходовать свои денежные средства, чтобы получить наибольший доход, то есть финансирование какого инвестиционного проекта является наиболее предпочтительным. Для решения этой проблемы используются **экономико-математические модели**.

Например, на предприятии есть свободная сумма (C). Эту сумму можно распределить между n вариантами инвестиций так, чтобы в каждом из m периодов времени была оптимальная сумма. При таком распределении разница между размером выплаты и размером инвестиции в каждом периоде времени составит величину Δ_{ij} , которая будет равна $(p_{ij} - q_{ij})$, где p_{ij} – средняя выплата, получаемая в период j от инвестиций i , q_{ij} – размер

инвестиций i , которая осуществлена в период времени j . Отметим, что величина Δij случайна. Предполагается, что дисперсия этой величины σ_{ij}^2 является известной.

Отметим, что отличительной особенностью данной дискретной модели является то, что для формулировки задачи в модель нами введена булева переменная, т. е. $X_i = \begin{cases} 1, & \text{если инвестиция } i \text{ выбрана;} \\ 0, & \text{если инвестиция } i \text{ не выбрана;} \end{cases} i = 1 \dots n$.

Второй особенностью модели является то, что сумма получаемых выплат, которая вычисляется с учётом вычета внесенных инвестиций, и суммарная дисперсия для каждого варианта распределения инвестиций по периодам вычисляются по следующим формулам:

$$\sum_{i=1}^n x_i (p_{ij} - q_{ij}), j = 1 \dots m,$$

$$\sum_{i=1}^n x_i^2 \sigma_{ij}^2, j = 1 \dots m.$$

Следует отметить, что смысл решения задачи заключается в том, что сумма всех полученных выплат от всех инвестиций, внесенных в период j , т. е. величина $\sum_{i=1}^n x_i (p_{ij} - q_{ij})$ в совокупности с количеством денег, которые имеются в наличии или в запасе C_j в период j , в итоге должна превосходить суммарную «колеблемость» размера получаемых выплат $\sqrt{\sum_{i=1}^n x_i^2 \sigma_{ij}^2}$ в этот же период.

Дело в том, что при соблюдении этого условия будет максимизирована сумма получаемых выплат от всех инвестиций по всем периодам, т. е. будет максимизирована линейная форма: $\max \sum_{i=1}^n x_i \sum_{j=1}^m (p_{ij} - q_{ij})$. [6]

В совокупности обозначенные условия и целевая функция образуют математическую модель рассматриваемой нами задачи. Данная модель является трудной для реализации в реальном производстве. Поэтому мы используем для решения задачи упрощенную модель доцента Боташева Р.А.

Рассмотрим данную модель. Допустим, что у предприятия имеются свободные денежные средства (C). Предприятие может использовать эти средства на финансирование следующих инвестиционных проектов:

- инвестиционный проект № 1 – положить деньги в коммерческий банк на депозиты под n % годовых и получать ежегодно прибыль в размере V_1 с вероятностью P_1 ;
- инвестиционный проект № 2 – приобрести акции успешно работающих предприятий и получать ежегодно дивиденды в размере V_2 с вероятностью P_2 ;
- инвестиционный проект № 3 – реализовать проект реконструкции и технического перевооружения производства своего предприятия и ежегодно при уровне инфляции i % получать прибыль V_3 с вероятностью P_3 .

В результате решения задачи необходимо определить, на какие цели в первую очередь предприятию следует израсходовать свои денежные средства, чтобы при этом получить наибольший доход, то есть финансирование какого инвестиционного проекта является наиболее предпочтительным.

Следует отметить, что максимально возможную прибыль принесёт тот инвестиционный проект, где значение математического ожидания $M(x)$ будет наибольшим. Это происходит в силу того, что математическое ожидание в модели определяется по формулам: $M(x) = K \times C \times P$, или $M(x) = X \times P$, $X = K \times C$, где X – первоначальное значение прибыли, K – критерий (ставка); C – деньги для инвестирования проектов, а P – уровень вероятности.

В качестве критерия выберем максимум математического ожидания $M(x)$, который обеспечивает получение наибольшей прибыли (X): $\max M(x) = \sum p_{ij}x_{ij}$, где i – номер варианта инвестирования, а j – номер инвестиционного проекта, x_{ij} – величина прибыли, получаемой при применении i -го варианта инвестирования для j -го инвестиционного проекта [2].

Составим модель выбора оптимального варианта инвестиций на примере данных предприятия. Для этого введем следующие ограничения:

$$0,6 x_{11} + 0,6 x_{12} + 0,6 x_{13} = 588;$$

$$0,5 x_{21} + 0,5 x_{22} + 0,5 x_{23} = 620;$$

$$0,75 x_{31} + 0,7 x_{32} + 0,65 x_{33} = 1143.$$

Решим задачу, используя программу Excel. Для этого вводим исходные данные модели:

	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	И	Ж	К	Л	М
Первый вариант инвест.	0,15	0,2	0,25	0,6	0,5	0,75	180	170	255	300	340	340
Второй вариант инвест.	0,17	0,2	0,27	0,6	0,5	0,7	240	200	308	400	400	440
Третий вариант инвест.	0,17	0,22	0,3	0,6	0,5	0,65	300	270	390	500	540	600
							720	640	953			
							588	620	1143			

Наименование показателя	Проект №1	Проект №2	Проект №3
Годовая прибыль, Z1 (первый вариант инвест.)	300	340	340
Годовая прибыль, Z2 (второй вариант инвест.)	400	400	440
Годовая прибыль, Z3 (третий вариант инвест.)	500	540	540
Математ.ожидание, M(x)1 (первый вариант инвест.)	225	170	255
Математ.ожидание, M(x)1 (второй вариант инвест.)	240	200	264
Математ.ожидание, M(x)1 (третий вариант инвест.)	300	270	390

В ячейке F(x) указано значение 2314.

Получаем следующее решение:

	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	И	Ж	К	Л	М
Первый вариант инвест.	0,15	0,2	0,25	0,6	0,5	0,75	588	295,947848	0	980	591,8957	0
Второй вариант инвест.	0,17	0,2	0,27	0,6	0,5	0,7	0	263,8896976	0	0	527,7794	0
Третий вариант инвест.	0,17	0,22	0,3	0,6	0,5	0,65	0	60,16245435	1143,001	0	120,3249	1758,463
							588	620	1143,001			
							588	620	1143			

Наименование показателя	Проект №1	Проект №2	Проект №3
Годовая прибыль, Z1 (первый вариант инвест.)	980	591,8957	0
Годовая прибыль, Z2 (второй вариант инвест.)	0	527,7794	0
Годовая прибыль, Z3 (третий вариант инвест.)	0	120,3249	120,3249
Математ.ожидание, M(x)1 (первый вариант инвест.)	735	295,9478	0
Математ.ожидание, M(x)1 (второй вариант инвест.)	0	263,8897	0
Математ.ожидание, M(x)1 (третий вариант инвест.)	0	60,16245	1143,001

В ячейке F(x) указано значение 2498,000949.

Получим ответ:

X		
980	591,8957	0
0	527,7794	0
0	0	1758,463

Таким образом, решив задачу симплексным методом с использованием программы Excel, получили решение (тыс. руб.)

$$x_{11}=980; \quad x_{12} = 592; \quad x_{13} = 0; \quad Z = 2498$$

$$x_{21} = 0; \quad x_{22} = 528; \quad x_{23} = 0;$$

$$x_{31} = 0; \quad x_{32} = 120; \quad x_{33} = 1759.$$

Заметим, что в результате решения задачи с нашими входными данными более предпочтительным оказался инвестиционный проект № 3 (реконструкция производства), у которого оказалась самая большая величина математического ожидания. То есть, оказалось, что свободные деньги необходимо в первую очередь вложить на перевооружение производства предприятия.

Решение задачи усложняется, если из нескольких вариантов инвестирования, имеющихся на предприятии, необходимо выбрать наиболее выгодный. При этом задача становится задачей оптимизации, которую можно решить путём составления экономико-математической модели и при помощи программного продукта *Excel* или другого программного продукта.

После проведения экономического анализа решения задачи нами были выдвинуты рекомендации по практическому использованию на предприятиях результатов нашего исследования.

Список источников

1. Алехина О.А. Инвестиционная деятельность предприятий. Научно-практический журнал «Аллея Науки». 2018. № 1.
2. Боташев Р.А., Байчорова С.К. Математические методы в задачах экономики. КЧГУ, 2018.
3. Кочкаева Д.О. Экономическая эффективность инвестиционной деятельности. Научно-практический журнал «Аллея Науки». 2019. № 3.
4. Крейкина, М.Н. Финансовый менеджмент. «Дело и Сервис». – М, 2021.
5. Лахметкина Н.И. Инвестиционная стратегия предприятия. – М.: КноРус, 2016. – 183 с.
6. Шунгаров Х.Д., Боташев Р.А. Некоторые подходы к решению задачи оптимального выбора инвестиций. – М.: ООО «Научные технологии». Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Естественные и технические науки», № 10/2 2025.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Байсаева М.У.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, кредита и антимонопольного регулирования
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Чаплаева Л.З.,

*студентка I курса бакалавриата
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению развития «зеленой» экономики и финансирования как инструмента устойчивого развития. Предметом, по которому был проведен анализ, являются финансовые механизмы поддержки экологически чистых проектов. Цель данной статьи заключается в рассмотрении различных проблем, путей их решения и поиск перспектив развития «зеленой» экономики в России. Кроме того, были сделаны выводы о необходимости регулирования и усовершенствования «зеленых» финансовых инструментов.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, «зеленые» финансы, экология, инструменты поддержки, экологическая политика.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTING A GREEN ECONOMY IN RUSSIA

Baysayeva M.U.,

*PhD in Economics, Associate Professor of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation
Kadyrov Chechen State University*

Chaplaeva L.Z.,

*1st year undergraduate student,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article examines the development of the green economy and financing, which is a tool for sustainable development. The subject of the analysis is financial mechanisms for supporting environmentally friendly projects. The purpose of this article is to examine various problems, solutions, and prospects for developing a green economy in Russia. Furthermore, conclusions are drawn regarding the need for regulation and improvement of green financial instruments.

Keywords: Green economy, green finance, ecology, support instruments, environmental policy.

В настоящее время весь мир стремится к тому, чтобы повысить качество жизни своих граждан и достигают этой цели различными методами. К примеру, через экономический рост, снижение инфляции, создание рабочих мест и развитие социальной сферы. Однако не менее важную роль играют не только эти факторы, но еще и здоровая экологическая среда. На данный момент экологическая ситуация во всем мире вызывает очень серьезную обеспокоенность: в больших городах почти не осталось свежего воздуха, множество мест утопает в огромном количестве мусора, рек становится все меньше, а постоянная вырубка лесов приводит к опустыниванию земель. Для того чтобы стабилизировать и минимизировать эти глобальные проблемы, государство должно проводить экологическую политику, которая неразрывно связана с преобразованиями в экономике, так как любой экономический рост влечет за собой экологические последствия. «Зеленая» экономика становится важнейшим стратегическим инструментом для развития устойчивой модели экономики и защиты окружающей среды.

«Зеленая» экономика – это концепция экономического развития, которая заключается в эффективном использовании природных ресурсов, а также сокращении негативного влияния на окружающую среду.

Принципами данной концепции являются:

- Достаточная эффективность. Под этим принципом понимается использование природных ресурсов так, чтобы воздействие на окружающую среду стало минимальным, и обеспечение государством регулирования сферы производства и потребления на стабильном

уровне путем внедрения технологий ресурсосбережения и уменьшения парникового эффекта за счет низкоуглеродных технологий.

- Благополучие. Данный принцип требует некоторых изменений, так как ООН считает, что ВВП не является верным показателем благополучия граждан, поскольку не учитывает экологический аспект.

- Для эффективного управления процессами, происходящими в экономике, надо усовершенствовать прозрачность и подотчетность, что позволит выявлять ее недостатки. Каждое государство, наносящее какой-либо ущерб, должно распределять ответственность пропорционально. Кроме того, необходимо внедрить стандарты по защите окружающей среды для всех государств, не забывая при этом учитывать их положение и культурные особенности.

- Такой принцип, как «здоровье планеты», довольно обширен, но если рассмотреть его в инвестиционном смысле, то он подразумевает получение от государства помощи и инвестиций, направленных на проекты по максимизации биоразнообразия и стабилизации экологической среды [6].

Ключевым инструментом «зеленой» экономики является «зеленое» финансирование. Во многих странах отсутствует общепринятое понятие «зеленого» финансирования. Это приводит к тому, что инвесторы не имеют четкого и полного представления о том, куда они инвестируют, и это их отталкивает. Однако, несмотря на отсутствие четко сформулированного определения «зеленого» финансирования, можно выделить его ключевые характеристики: это финансовые инструменты, кредиты и инвестиции, которые направлены преимущественно на поддержку проектов, занимающихся разработкой технологий и методов по защите окружающей среды, а также на ее восстановление, что и является главной задачей «зеленого» финансирования [1].

Чтобы реализовать поставленную перед «зеленой» экономикой задачу, используются, пусть и в ограниченном количестве инструменты «зеленого» финансирования. К примеру, «зеленые» кредиты, «зеленые» облигации, субсидии для «зеленых» проектов, «зеленая» ипотека, углеродные кредиты.

Зеленые облигации – это ключевой инструмент «зеленого» финансирования. По своим свойствам «зеленые» облигации почти не отличаются от обычных. Их схожесть заключается в том, что инвестор также дает свои средства на определенный срок займа эмитентам. Однако различаются они тем, что «зеленые» облигации направлены в большей степени на финансирование проектов, занимающихся стабилизацией и улучшением состояния экологической среды.

Под долгосрочным кредитованием для «зеленых» проектов подразумеваются банковские кредиты, выдаваемые компаниям и организациям на длительный срок для реализации проектов по защите окружающей среды. В России объем «зеленого» кредитования составляет 2 трлн. руб., по оценке рынка. Но несмотря на то, что стимулирующее воздействие будет оказываться коммерческим банкам, участники все равно ожидают понижение ставок по «зеленым» инструментам.

Субсидии в «зеленые» проекты – это вид финансирования, осуществляемый государственной или частной инициативой, направленный на поддержку и стимулирование проектов, включающих борьбу с загрязнениями, увеличение энергоэффективности, уменьшение экологического ущерба.

Углеродные кредиты представляют собой финансовые активы, доступные для купли и продажи на рынке, которые имеют сертификацию от государства. По сути, это разрешения, наделяющие их владельца правом на выброс определённого объёма парниковых газов.

«Зеленые» страховые продукты – это страховые полисы, которые направлены на поощрение клиентов за выбор, уменьшающий отрицательное влияние на окружающую среду. Данный полис практически не отличается от обычных страховых полисов, однако некоторое различие присутствует – это стимулирование устойчивой экономики. Иными словами, они обеспечивают своим клиентам защиту и одновременно стимулируют развитие «зеленой» экономики.

«Зеленая» ипотека – это вид ипотеки, которая выдается только в тех случаях, когда планируемое к приобретению или постройке здание будет соответствовать экологическим стандартам, то есть экономить энергию и не вредить окружающей среде [3].

Однако «зеленое» финансирование, да и в целом зеленая экономика, имеет ряд проблем, которые стоят не только перед отечественной правовой системой, но и перед всем миром. Их можно разделить на две категории: факторы внешней и внутренней среды инвестирования.

К внешним факторам относятся такие проблемы, как:

1. Несовершенство рынка в области экологии. То есть это неспособность самого рынка и его механизмов эффективно распределять ресурсы, учитывая экологические издержки, что в итоге приводит к загрязнению окружающей среды.

2. Рынок в целом развивается очень медленно и неохотно меняется из-за того, что его институциональная и технологическая структура уже устоялась. Это проявляется в очень медленном темпе адаптации как к снижающемуся спросу, так и к его росту, что в итоге приводит к снижению доверия к «зеленой» экономике.

3. Не менее остро стоит вопрос измерения «зеленого» роста. Он заключается в том, что ВВП учитывает только доходы от продажи ресурсов, не обращая внимания на экологическую составляющую, так как перевести все природные блага в денежную единицу невероятно сложно.

Фактором внутренней среды инвестирования является сам финансовый сектор, который вкладывает свои средства в уже устоявшиеся технологии и компании. Его причина – слабое развитие финансового сектора, отсутствие эффективной системы отслеживания, а также ограниченный набор «зеленых» инструментов [2].

Чтобы решить данные проблемы, стоит провести некоторые мероприятия:

- Усовершенствовать фискальные и монетарные меры, применяемые в политике. Монетарная политика – это политика, которая стимулирует инвестиции путем предоставления гарантий государством по инструментам «зеленого» финансирования, таким как «зеленые» облигации и кредиты. Помимо этого, понимается и снижение ставок по данным финансовым инструментам. Фискальная же политика – это политика, направленная на предоставление различных налоговых льгот и субсидий для стимулирования главным образом экологически чистых проектов.

- Также формирование «зеленой» инфраструктуры играет большую роль в развитии «зеленой» экономики. Она включает создание и развитие системы рейтингования, с помощью которой инвесторы лучше ориентируются в том, какие организации обеспечивают положительное влияние на экологию, приносят больше дохода и эффективнее используют полученные средства в выполнении поставленных целей в проектах.

- Существенное значение имеет поддержка институциональных инвесторов, поэтому стоит расширять меры поддержки государством таких важных финансовых институтов, как «зеленые» банки и фонды.

- Развитие «зеленой» правовой инфраструктуры. Без четкой и развитой инфраструктуры «зеленому финансированию» очень трудно и неэффективно функционировать. Поэтому необходимо совершенствовать страхование, ответственность кредиторов и обязательное раскрытие всей информации о предоставляемых услугах и реализации проектов [5].

В нынешних условиях, которые характеризуются сильной экономической нестабильностью из-за изменчивой внешней среды (процентные ставки, санкции, инфляция, курс валют, геополитика), даже самая масштабная государственная поддержка не сможет эффективно направить бизнес на путь устойчивого финансирования, так как приоритетом как для отечественных, так и для иностранных инвесторов являются более предсказуемые и устоявшиеся вложения [7]. По причине того, что экологизация бизнеса – это не только управление отходами, но и введение инноваций в производство и логистику, которые могут потребовать изменения во всей цепочке поставок.

Таким образом, для реализации всех принципов устойчивого развития необходимы усилия всех участников экономики. Благоприятные условия для «зеленой» экономики появятся лишь при стабильной макроэкономической ситуации в стране.

Несмотря на существующие препятствия, рынок «зеленых» финансов демонстрирует значительный потенциал. Одним из направлений, имеющих хорошую перспективу развития, является разработка и внедрение «зеленых» вкладов. Отличительная черта данного вклада – его целевой характер, то есть привлеченные средства направляются только на стимулирование проектов, связанных с замкнутым циклом водопользования.

Также немалый потенциал на российском рынке имеют «зеленые» пенсии. Это такой вид страховых взносов, который хранится либо в Социальном фонде России, либо в негосударственных пенсионных фондах, и средства которого направляются на вложение в различные инструменты «зеленого» финансирования, например, в зеленые облигации. На сегодняшний день эта система находится в активном развитии и введена во многих странах, таких как Великобритания, Швеция, Нидерланды, Исландия и Канада. Проанализировав их опыт и результаты, Российской Федерации тоже стоит задуматься об активном введении этого финансового инструмента, который может подтолкнуть к серьезному шагу в развитии устойчивого финансирования, учитывая, что современная молодежь имеет большую заинтересованность в защите экологической ситуации во всем мире, что может привести к увеличению инвестиций.

К тому же большой перспективой развития рынка имеет поддержка малого и среднего бизнеса, направление которого можно повернуть в сторону устойчивого развития. Такую поддержку первой в мире оказала Малайзия, которая сумела в октябре 2023 года выпустить руководство для раскрытия информации по ESG для малого и среднего бизнеса. Для российского рынка такой финансовый инструмент может оказать положительное влияние и оптимизировать не только сектор «зеленых» финансов, но и малый и средний бизнес в целом [4].

Подводя итоги, можно сказать, что внедрение «зеленой» экономики является одной из важнейших задач государства, так как обеспечивает граждан средой, которая не вредит здоровью и увеличивает качество жизни населения. Одним из ключевых инструментов «зеленой» экономики является «зеленое» финансирование, которое включает в себя множество других инструментов, направленных на стимулирование проектов, защищающих окружающую среду. Данный путь экономического роста имеет свои проблемы, с которыми государство пытается бороться различными способами. Однако, несмотря на это, «зеленая» экономика имеет перспективы для развития в Российской Федерации.

Список источников

1. Байсаева М.У., Чаплаева Л.З. Зелёные финансы как инструмент экологической трансформации экономики // Климатические и экологические вызовы: поиск моделей устойчивого развития: материалы конф. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2023. – С. 26–29.
2. Гаврилова Э.Н. «Зеленое» финансирование в России: специфика, основные инструменты, проблемы развития / Э.Н. Гаврилова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2020. № 2 (33). – С. 48–54.
3. «Зеленые» финансы – что это? // Зеленая цивилизация: [сайт]. URL: greencivilization.ru (дата обращения: 06.04.2026).
4. Копалкина Е.А. Текущее состояние рынка зеленых финансов в России и перспективы его развития / Е.А. Копалкина [и др.] // Финансовый журнал. 2025. Т. 17, № 5. – С. 76–92. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-5-76-92.
5. Максимова С.Ю. «Зеленое» финансирование: особенности, инструменты и проблемы развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 4 (162). – С. 368–375. DOI: 10.26726/1812-7096-2024-4-368-375.
6. Михайлова В. Зеленая экономика / В. Михайлова // Сохрани лес: [сайт]. 2024. 24 апреля. URL: [https://forest-save.ru/esg-blog/zelenaya-ekonomika] (дата обращения: 13.04.2026)
7. Тавбулатова З.К. Лазарова Л.Б. Формирование доходной части бюджетов субъектов РФ в условиях новых вызовов (на примере Республики Северная Осетия – Алания) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 1-1(53). – С. 36-42.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Биджиева С.А.-А.,

студентка 4 курса направления «Экономика»

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail: bidzhsof@mail.ru

Айдинова Д.Х.-М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и прикладной информатики

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

Аннотация. Статья посвящена анализу цифрового суверенитета как ключевого условия обеспечения экономической безопасности государства в условиях геополитической нестабильности и санкционного давления. Рассматривается сущность цифрового суверенитета и его основные компоненты: технологическая независимость, контроль над данными, регуляторная автономия и развитие сетевой инфраструктуры. Проанализировано текущее состояние данных элементов в Российской Федерации, включая процессы импортозамещения, проблемы трансграничной передачи данных и особенности регулирования деятельности иностранных IT-компаний. Особое внимание уделено зависимости инфраструктуры от зарубежных технологий. Сделан вывод о том, что укрепление цифрового суверенитета способствует снижению внешних рисков и формированию устойчивой модели социально-экономического развития.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, экономическая устойчивость, цифровая экономика, информационная безопасность, киберриски, технологическая независимость, санкционные ограничения.

DIGITAL SOVEREIGNTY AS A KEY FACTOR IN RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY

Bidzhieva S.A.-A.,

4th year full-time student of «Economics», profile

Accounting, Analysis and Audit' training direction

Aliyev Karachay-Cherkess State University

Aydinova D.Kh.-M.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the

Department of Economics and Applied Informatics,

Aliyev Karachay-Cherkess State University

Annotation. The article examines digital sovereignty as a key factor in ensuring economic security under conditions of geopolitical instability and sanctions pressure. It explores the concept of digital sovereignty and its main components, including technological independence, data control, regulatory autonomy, and the development of network infrastructure. The current state of these elements in the Russian Federation is analyzed, with particular attention to import substitution processes, challenges of cross-border data flows, and the regulation of foreign IT companies. Special emphasis is placed on infrastructure dependence on foreign technologies. The study concludes that strengthening digital sovereignty reduces external risks and contributes to the formation of a sustainable model of socio-economic development.

Keywords: digital sovereignty, economic sustainability, digital economy, information security, cyber risks, technological independence, and sanctions restrictions.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и их повсеместного внедрения в экономические процессы проблема обеспечения цифрового суверенитета приобретает особую актуальность. Для Российской Федерации данный вопрос становится стратегически значимым на фоне геополитической напряжённости, санкционного давления и перестройки глобальных производственно-логистических цепочек.

Сегодня цифровой суверенитет выступает не только инструментом государственной политики, но и важнейшим условием поддержания экономической стабильности. Он

определяет уровень независимости национальной технологической базы, устойчивость цифровой инфраструктуры и способность страны конкурировать на международной арене.

Анализ современных исследований показывает, что цифровая и технологическая независимость формируют основу экономической безопасности, особенно в условиях ограниченного доступа к зарубежным ресурсам и технологиям.

Под цифровым суверенитетом понимается способность государства самостоятельно управлять развитием цифровой среды, контролировать данные и обеспечивать защиту информационных ресурсов. Данное понятие включает несколько взаимосвязанных компонентов:

- независимость в сфере программного и аппаратного обеспечения;
- контроль над потоками информации и данными;
- устойчивость цифровой инфраструктуры;
- развитие национальной системы кибербезопасности.

Современные научные подходы рассматривают цифровой суверенитет как комплексную систему, охватывающую весь жизненный цикл цифровых технологий – от их разработки до эксплуатации и защиты.

В российской научной традиции подчёркивается тесная взаимосвязь цифрового, информационного и технологического суверенитета, формирующих единую основу национальной безопасности.

Экономическая безопасность государства определяется его способностью обеспечивать устойчивое развитие, противостоять внутренним и внешним угрозам и защищать национальные интересы.

В этом контексте цифровой суверенитет играет системообразующую роль, поскольку он гарантирует независимость критически важной инфраструктуры, минимизирует последствия внешних ограничений и санкций, способствует стабильности финансовой системы, создаёт условия для появления новых драйверов экономического роста.

Научные исследования подтверждают, что в современных условиях технологическая самостоятельность становится фундаментом устойчивости экономики, особенно при ограниченном доступе к международным рынкам технологий.

В условиях усиливающейся геополитической напряженности и возрастающей зависимости от зарубежных цифровых платформ категория суверенитета в сфере цифровой политики приобретает принципиально иной статус. Если ранее она могла рассматриваться как факультативный элемент, то в современных реалиях превращается в необходимое условие устойчивого функционирования ключевых отраслей экономики, включая энергетику, финансовый сектор, логистические системы и промышленное производство. В этой связи предложенная интегральная модель, включающая четыре базовых компонента, позволяет выявить не только их внутреннюю взаимосвязанность, но и совокупное воздействие на уровень защищенности национальной цифровой среды. Для формирования целостного представления требуется детальное рассмотрение каждого из обозначенных элементов.

Прежде всего следует обратиться к компоненту технологической независимости. По оценкам IT-холдинга Fplus, в 2024 году на корпоративном рынке наблюдалось доминирование отечественных серверных решений: их доля достигла 75% против 25% зарубежных аналогов. При этом объем рынка российской продукции составил порядка 100–110 млрд рублей, продемонстрировав рост примерно на четверть. Подобная динамика во многом обусловлена приоритетами обеспечения национальной безопасности. Использование серверов отечественного производства в сочетании с локальным программным обеспечением позволило организациям снизить зависимость от иностранных поставщиков, минимизировать риски, связанные с их уходом с рынка, а также повысить эффективность реагирования на киберугрозы.

Переход к преимущественному использованию национального аппаратного обеспечения следует рассматривать как ответ на внешнее санкционное давление, что закрепляется и на нормативном уровне. В частности, соответствующие положения отражены

в проекте изменений законодательства, регулирующего безопасность критической информационной инфраструктуры. Такая трансформация технологической базы направлена на устранение рисков скрытых уязвимостей, возможного технологического саботажа и одновременно создает условия для адаптации решений к внутренним стандартам информационной безопасности. Дополнительным эффектом становится развитие внутренних компетенций: расширяются научно-исследовательские центры, формируется кадровый потенциал инженерных специалистов, что соответствует курсу на инновационное развитие экономики.

Прогнозные оценки аналитической компании Strategy Partners свидетельствуют о высокой динамике роста рынка корпоративного программного обеспечения в России. Ожидается, что в среднесрочной перспективе (до 2030 года) среднегодовые темпы роста составят около 24%, а общий объем рынка достигнет 727 млрд рублей. В более широком контексте IT-сектор также демонстрирует устойчивое развитие: предполагается ежегодный рост на уровне 8–13%, при этом сегмент программного обеспечения и услуг может достичь 2,8 трлн рублей к 2030 году в базовом сценарии.

Таким образом, увеличение доли отечественных серверных решений и позитивные прогнозы развития отрасли указывают на формирование долгосрочной тенденции, связанной с укреплением технологического суверенитета. В перспективе ключевым направлением представляется углубление локализации производства и снижение зависимости от внешних технологических цепочек.

Вторым значимым элементом выступает контроль над данными. Несмотря на наличие правового механизма, ориентированного на локализацию персональной информации (в частности, требования о хранении и обработке данных на территории Российской Федерации), на практике сохраняются существенные ограничения в обеспечении полного юрисдикционного контроля. Согласно материалам Роскомнадзора за 2024 год, трансграничная передача данных продолжает осуществляться как в рамках предусмотренных законом исключений, так и посредством технических обходных механизмов, включая использование зарубежных облачных инфраструктур и сетей доставки контента. Так, за период с марта по июнь 2023 года было зафиксировано более 700 уведомлений о намерении осуществлять такую передачу, при этом лишь в отдельных случаях регулятор принимал решения о запрете или ограничении подобных операций.

Дополнительным индикатором проблем в данной сфере выступает рост числа утечек персональных данных. В последние годы фиксируется стабильно высокий уровень инцидентов: в 2023 году было зарегистрировано 786 случаев, в 2024 – 778. Наиболее уязвимыми оказываются сферы торговли, телекоммуникаций и государственного управления. Несмотря на то что критически значимые отрасли, такие как энергетика, финансы, логистика и промышленность, потенциально подвержены более серьезным последствиям утечек, высокая доля инцидентов в государственном секторе свидетельствует о недостаточной эффективности действующих механизмов защиты.

В этих условиях особую актуальность приобретает развитие национальных решений в области управления данными, а также формирование международного сотрудничества с дружественными странами, ориентированного на обеспечение безопасного трансграничного обмена информацией при соблюдении принципов цифрового суверенитета.

Третьим компонентом является регуляторная автономия. В российской практике одним из ключевых инструментов выступает законодательство, обязывающее иностранные IT-компании создавать локальное присутствие. Однако реализация данных норм носит неоднородный характер. Несмотря на формальное выполнение требований рядом компаний, часть зарубежных участников рынка, включая отдельных хостинг-провайдеров, фактически игнорирует установленные правила. Это указывает на наличие институциональных ограничений, связанных с транснациональным характером цифровых услуг и доминирующим положением глобальных технологических корпораций. Крупные игроки рынка, обладающие значительными ресурсами и влиянием, зачастую минимизируют степень фактического

подчинения национальным регуляторным требованиям, ограничиваясь формальным соответствием.

Заключительным элементом модели является сетевая инфраструктура, включающая центры обработки данных, точки обмена трафиком, каналы связи и оборудование маршрутизации. В ответ на внешние ограничения в доступе к зарубежным технологиям в России реализуется комплекс мер по развитию собственной инфраструктурной базы. В частности, в 2023–2024 годах зафиксированы рекордные темпы ввода новых мощностей коммерческих дата-центров – около 10 тыс. стойко-мест ежегодно. Примечательно, что значительная часть этих объектов была построена компаниями, ранее не специализировавшимися в данной сфере.

Вместе с тем сохраняется высокая степень зависимости от импортного оборудования. Например, более 78% рынка сетевых коммутаторов по-прежнему приходится на зарубежную продукцию. Существенные риски связаны также с глобальной архитектурой интернет-инфраструктуры, включая подводные кабельные системы, контроль над которыми принадлежит международным консорциумам. Подобные зависимости потенциально могут использоваться в качестве инструмента внешнего давления, включая ограничение доступа к глобальным сетям.

С целью минимизации указанных угроз реализуются инициативы по формированию автономного национального сегмента интернета. В рамках соответствующего законодательства ведется разработка собственных DNS-систем, маршрутизирующего программного обеспечения и защищенных каналов связи для государственных структур. Однако достижение полноценной технологической независимости в данной области требует не только значительных инвестиций, но и развития международного партнерства с государствами, не участвующими в санкционных ограничениях.

Подводя итог, следует отметить, что цифровой суверенитет в современных условиях выступает критически важным фактором устойчивого социально-экономического развития. Усиление технологической самостоятельности, выражающееся в росте доли отечественного оборудования и программного обеспечения, способствует снижению уязвимости экономики к внешним воздействиям. В то же время сохраняющиеся проблемы в сфере защиты данных и контроля трансграничных потоков указывают на необходимость совершенствования существующих механизмов регулирования.

Анализ правовой базы демонстрирует, что регуляторная автономия является основой обеспечения цифрового контроля, однако ее эффективность ограничивается глобальным характером цифровых рынков. Исследование состояния сетевой инфраструктуры подтверждает наличие значительной импортозависимости, что требует ускоренного развития национальных решений.

Таким образом, ключевые элементы цифрового суверенитета – технологическая база, управление данными, регуляторная среда и инфраструктурное обеспечение – находятся на этапе активного формирования. Несмотря на существующие ограничения, реализуемая государственная стратегия отражает стремление к адаптации к новым геοэкономическим условиям и формированию устойчивой цифровой системы.

Список источников

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 26.07.2017 № 187-ФЗ. (дата обращения: 01.04.2026).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных: федер. закон Рос. Федерации от 21.07.2014 № 242-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165838/ (дата обращения: 8.04.2026).
3. О деятельности иностранных лиц в сети «Интернет» на территории Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 01.07.2021 № 236-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389381/ (дата обращения: 08.04.2026).
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и «Об информации...» («закон о суверенном интернете»): федер. закон Рос. Федерации от 01.05.2019 № 90-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 09.04.2026).

5. Роскомнадзор. Информация о трансграничной передаче персональных данных и требованиях законодательства. URL: Официальный документ Роскомнадзора (дата обращения: 11.04.2026).
6. Роскомнадзор. Статистика утечек персональных данных и контроль за их обработкой // Персональные данные: обзор. URL: Аналитика утечек данных (дата обращения: 11.04.2026).
7. InfoWatch. Россия: утечки информации ограниченного доступа 2023–2024 гг.: аналитический отчет (дата обращения: 16.04.2026).
8. Strategy Partners. Обзор российского рынка инфраструктурного ПО и перспективы его развития. URL: PDF отчет Strategy Partners (дата обращения: 16.04.2026).
9. Strategy Partners. Прогноз развития IT-рынка России до 2030 года // данные аналитических исследований. URL: Фрагмент отчета (Arenadata) (дата обращения: 16.04.2026).
10. Arenadata. Годовой отчет за 2024 год. URL: Годовой отчет Arenadata (дата обращения: 16.04.2026).
11. Astra Linux Group. Годовой отчет за 2024 год. URL: Годовой отчет Astra (дата обращения: 16.04.2026).
12. РБК. Как новые законы изменяют подход к персональным данным. URL: Статья РБК (дата обращения: 16.04.2026). 4. Чепуренко, А.Ю. Финансовые рынки и институты: учебник. – Москва: Юрайт, 2022. – 412 с.

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Баснукаев М.Ш.,

канд. экон. наук, доцент кафедры налогов и налогообложения
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ведущий научный сотрудник лаборатории экономических исследований
ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук»
e-mail: basnukaev@hotmail.com

Аннотация. В статье исследуется становление и трансформация финансовой системы Чеченской Республики на рубеже XX–XXI вв. Показано, что в указанный период республика прошла путь от относительно стандартной для союзной республики финансовой системы позднесоветского образца через фазу дезинтеграции и фактического выхода из российского правового и финансово-бюджетного поля к этапу постконфликтного восстановления и глубокой зависимости от федеральных трансфертов.

Рассматриваются ключевые элементы финансовой системы: бюджетные и налоговые институты, банковская сеть, денежное обращение, межбюджетные отношения с федеральным центром. Особое внимание уделено периоду де-факто независимости и военных кампаний 1990-х годов, сопровождавшихся разрушением институтов, криминализацией финансовых потоков, использованием схем хищения бюджетных средств, а также попытками создания собственной валюты – чеченского нахара.

Проанализированы меры по воссозданию финансовой инфраструктуры Чеченской Республики после 2000 г.: формирование налоговой службы и системы казначейства, интеграция в бюджетную систему Российской Федерации, восстановление банковских институтов, реализация федеральных целевых программ по восстановлению экономики и социальной сферы. Показано, что до 2000 г. Чечня фактически находилась вне российской бюджетной системы, а последующее восстановление сопровождалось масштабными финансовыми вливаниями из федерального бюджета.

Сделан вывод о специфике финансовой системы Чеченской Республики на рубеже столетий: сочетании высокой степени дотационности, институциональной уязвимости и криминализации отдельных финансовых потоков с одновременным постепенным формированием формально полноценных институтов бюджетной, налоговой и банковской систем в рамках федерального законодательства.

Ключевые слова: финансовая система, бюджет, налоговая система, банковская система, денежное обращение, межбюджетные отношения, Чеченская Республика, федеральные целевые программы, постконфликтное восстановление.

FINANCIAL SYSTEM OF THE CHECHEN REPUBLIC AT THE TURN OF THE 20TH–21ST CENTURIES

Basnukaev M.Sh.,

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Taxes and Taxation,
Kadyrov Chechen State University;
Leading Researcher, Economic Research Laboratory,
Kh.I. Ibragimov Integrated Research Institute,
Russian Academy of Sciences

Abstract. This article examines the development and transformation of the financial system of the Chechen Republic at the turn of the 20th and 21st centuries. It demonstrates that during this period, the republic evolved from a relatively standard late-Soviet financial system for a union republic, through a phase of disintegration and de facto withdrawal from the Russian legal and fiscal framework, to a stage of post-conflict recovery and deep dependence on federal transfers.

The article examines key elements of the financial system—budgetary and tax institutions, the banking network, monetary circulation, and interbudgetary relations with the federal center. Particular attention is paid to the period of de facto independence and the military campaigns of the 1990s, which were accompanied by the destruction of institutions, the criminalization of financial flows, the use of budget embezzlement schemes, and attempts to create its own currency, the Chechen nakhar.

This article analyzes measures taken to rebuild the financial infrastructure of the Chechen Republic after 2000, including the formation of a tax service and treasury system, integration into the budgetary system of the Russian Federation, the restoration of banking institutions, and the implementation of federal target programs for economic and social recovery. It demonstrates that prior to 2000, Chechnya was effectively outside the Russian budgetary system, and its subsequent recovery was accompanied by large-scale financial injections from the federal budget.

A conclusion is drawn regarding the specific features of the financial system of the Chechen Republic at the turn of the century: a combination of a high degree of subsidization, institutional vulnerability, and the criminalization of certain financial flows—along with the simultaneous gradual formation of formally fully-fledged institutions of the budgetary, tax, and banking systems within the framework of federal legislation.

Keywords: financial system, budget, tax system, banking system, monetary circulation, interbudgetary relations, Chechen Republic, federal target programs, post-conflict recovery.

Введение. Рубеж XX–XXI веков стал для Чеченской Республики периодом радикальной трансформации всех элементов социально-экономической системы. Экономика республики в результате двух военных кампаний 1990-х гг. была практически полностью разрушена; промышленность, инфраструктура и значительная часть жилищного фонда – выведены из строя. На этом фоне особое значение приобретают вопросы функционирования и восстановления финансовой системы как ключевого механизма мобилизации и распределения ресурсов [5].

Финансовая система, понимаемая как совокупность государственных и негосударственных институтов, обеспечивающих формирование, распределение и использование финансовых ресурсов (бюджет, налоговые органы, банки, внебюджетные фонды и др.), в Чечне в 1990-е гг. испытала беспрецедентный по масштабам институциональный разрыв. Республика фактически вышла из единого финансового пространства страны, что выразилось в отсутствии казначейства, налоговых органов, формальном, а затем и фактическом отсутствии контроля над денежным обращением со стороны федеральных структур.

Цель данной статьи – комплексный анализ финансовой системы Чеченской Республики на рубеже XX–XXI вв., выявление её эволюции от разрушения к восстановлению и интеграции в российскую финансово-бюджетную систему, а также определение ключевых особенностей и проблем развития.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- уточнить теоретические представления о структуре региональной финансовой системы и применить их к условиям Чеченской Республики;
- проследить трансформацию финансовых институтов республики в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг.;
- проанализировать роль федеральных трансфертов и целевых программ в восстановлении финансовой системы региона;
- охарактеризовать специфику бюджетной и налоговой политики ЧР в контексте постконфликтного развития;
- определить ключевые риски и институциональные вызовы, сопровождавшие формирование финансовой системы республики в указанный период.

Основная часть. *Теоретические аспекты и структура региональной финансовой системы*

Под финансовой системой региона понимается совокупность взаимосвязанных сфер и институтов, обеспечивающих формирование и использование финансовых ресурсов на территории субъекта Федерации: бюджетная система региона и муниципалитетов, налоговые органы, территориальные подразделения федеральных внебюджетных фондов (Пенсионный фонд, ФСС, ФОМС), банковский сектор и иные финансовые посредники, страховые организации, финансовые рынки [9].

Для условий Российской Федерации к числу структурообразующих элементов региональной финансовой системы относятся:

- региональный бюджет и бюджеты муниципальных образований;

- налоговая система региона в части реализации федерального и регионального налогового законодательства;
- территориальные органы федерального казначейства и налоговой службы;
- территориальные подразделения Банка России и коммерческие банки, обслуживающие хозяйствующих субъектов и население;
- механизмы межбюджетного регулирования (дотации, субсидии, субвенции);
- система финансового контроля (Счётная палата РФ и её территориальные органы, контрольно-счётные органы субъекта).

Особенностью региональных финансовых систем переходных экономик, к которым относилась Россия 1990-х годов, является сочетание резкой либерализации цен и хозяйственных связей с институциональной незрелостью и слабостью механизмов контроля. Это создавало предпосылки для масштабных правонарушений в финансовой сфере, включая незаконные схемы вывода бюджетных средств и злоупотребления в банковском секторе, что в наибольшей степени проявилось в регионах с ослабленным государственным контролем [1].

Финансовая система Чечено-Ингушской АССР и Чеченской Республики в начале 1990-х годов

До распада СССР Чечено-Ингушская АССР была интегрирована в централизованную финансовую систему союзного государства. Кредитно-денежное обслуживание осуществлялось через контору Госбанка СССР и специализированные банки (Агропромбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк), чья сеть была развёрнута в республике к концу 1980-х гг. Распределение бюджетных ресурсов носило командно-административный характер с жёстким планированием поступлений и расходов [11].

С распадом СССР и началом формирования Российской Федерации как суверенного государства финансовая система республики, как и всей страны, вступила в период радикальных реформ: монополия Госбанка была ликвидирована, началась коммерциализация банковской сферы, был введён двухуровневый банковский сектор во главе с Центральным банком России.

Однако политические процессы в Чечено-Ингушской АССР приняли особый характер. Провозглашение независимости Чеченской Республики в 1991 г. и последующий распад единого субъекта привели к тому, что на территории Чечни банковские и финансовые институты оказались вне эффективного контроля федерального центра. Филиалы российских банков формально сохранялись, но фактически действовали в правовом вакууме, что создало условия для масштабных злоупотреблений.

В этих условиях уже в начале 1990-х гг. на территории республики сложилась аномальная ситуация в сфере денежного обращения и банковских расчётов, ставшая основой для резонансных финансовых схем.

Дезинтеграция финансовой системы в период де-факто независимости и первой военной кампании на территории Чеченской Республики (1991–1996 гг.)

После прихода к власти Д. Дудаева и провозглашения независимости Чечни фактически перестала выполнять федеральное налоговое законодательство, прекратила перечисление налоговых поступлений в федеральный бюджет и вышла из механизма формального бюджетного планирования. Вместе с тем в первой половине 1990-х гг. часть финансовых связей с Россией сохранялась: республиканские структуры продолжали использовать рубль в качестве денежной единицы и задействовали расчётно-кассовый механизм Центрального банка РФ [14].

Такая «полудистанцированная» позиция позволяла местным структурам извлекать выгоду из доступа к российской финансовой инфраструктуре при отсутствии эффективного государственного контроля. В частности, через республиканские банки и расчётно-кассовые центры, согласованно с сотрудниками российских финансовых институтов, осуществлялись крупномасштабные операции с использованием фальшивых платёжных документов — так называемых чеченских авизо.

Схемы с фальшивыми авизо стали одним из наиболее известных проявлений дезорганизации финансовой системы России начала 1990-х гг. Ави́зо как межбанковское уведомление о переводе средств использовалось для списания денег с корреспондентских счетов; при ослаблении контроля над документооборотом мошенники российских банков, в том числе связанные с банками Чечни и российскими криминальными группами, смогли легализовать многочисленные поддельные авизо, выкачивая средства из банков по всей стране.

Чечня после провозглашения независимости стала одним из регионов подобной деятельности, используя слабость федерального контроля и формальное сохранение статус-кво в банковских отношениях для организации мошеннических схем. Наибольшее количество хищений с применением фальшивых авизо было зарегистрировано в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Дагестан, Ставропольском и Краснодарском краях, Московской и Томской областях [6].

Параллельно чеченские власти предпринимали попытки формального оформления финансового суверенитета через введение собственной валюты. В 1993–1994 гг. по заказу Национального банка непризнанной Чеченской Республики Ичкерия были отпечатаны банкноты чеченского нахара, предполагавшегося к введению в 1995 г. как национальная денежная единица с жёсткой привязкой к доллару США. Однако реальное введение валюты сорвалось: большая часть напечатанных банкнот так и не попала в обращение [13].

Дополнительной особенностью стало игнорирование в Чечне денежной реформы 1993 года и сохранение в обращении на территории республики старых советских рублёвых банкнот и первых российских образцов, что дополнительно осложняло контроль над денежным обращением и стимулировало теневые операции.

Комбинация указанных факторов привела к фактической дезинтеграции финансовой системы Чечни: бюджетные отношения с РФ были разорваны, налоговая система не функционировала, банковский сектор сдавал сбои, а денежное обращение носило хаотичный характер на фоне инфляции и падения производства.

Финансовые потоки и институты в период межвоенного урегулирования и второй кампании (1996–2000 гг.)

Подписание Хасавюртовских соглашений 1996 г. и вывод федеральных войск из Чечни не означали нормализации финансовой системы. Экономика и социальная сфера республики продолжали деградировать, сохраняя при этом частичную финансовую связность с федеральным центром.

В 1997 г. Россия перечислила Чечне «на восстановление» свыше 800 млрд руб. (в тогдашних ценах), при том что до республики дошла лишь незначительная часть (120 млрд руб.) этих средств – остальное было утрачено в процессе распределения через различные структуры и посредников [10].

Финансовые потоки в республику в указанный период включали:

- межбюджетные трансферты и иные формы финансирования из федерального бюджета;
- платежи за транзит нефти и газа по территории Чечни;
- социальные выплаты (пенсии, пособия), осуществлявшиеся через федеральные фонды;
- теневые доходы от криминальной деятельности.

Отсутствие легитимных и устойчивых государственных институтов – налоговой службы, казначейства, контрольно-счётных органов – делало невозможным прозрачный учёт и контроль за использованием средств. Это приводило к масштабной коррупции и хищениям как в Москве, так и в Грозном, подрывая доверие к финансовой системе и затягивая процесс восстановительного развития.

Реформирование финансовой системы Чеченской Республики после 2000 г.

С восстановлением российского конституционного порядка и переходом под контроль федерального центра в 2000 г. начался новый этап в истории финансовой системы Чеченской

Республики, связанный с её воссозданием практически «с нуля» в условиях разрушенной экономики и инфраструктуры.

Ключевым шагом стало воссоздание налоговой службы. 17 января 2000 г. приказом Министерства РФ по налогам и сборам было создано Управление МНС России по Чеченской Республике, что положило начало постепенной институционализации налогового администрирования на территории региона.

В первые годы работы налоги, собираемые на территории Чеченской Республики, полностью направлялись в федеральный бюджет ввиду отсутствия собственной региональной казны. В 2000 г. налоговики обеспечили поступления в бюджетную систему страны в объёме около 115 млн руб., тогда как к 2008 г. сбор налогов, сборов и иных обязательных платежей вырос до 16,5 млрд руб., что отражало как восстановление экономической активности, так и улучшение налогового администрирования.

Процесс воссоздания налоговых органов проходил в условиях разрушенной инфраструктуры, отсутствия устойчивой банковской системы и массового оттока населения, однако к середине 2000-х гг. формирование сети инспекций по районам и городам было завершено [7].

Особенностью финансовой системы Чеченской Республики стало запоздалое формирование полноценной бюджетной структуры: только в феврале 2005 г. был фактически образован второй уровень бюджетной системы – утверждены 17 бюджетов городов и районов республики.

С 2006 г., после принятия республиканского закона о бюджетном устройстве и бюджетном процессе, началась полноценная интеграция Чеченской Республики в единую бюджетную систему РФ в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса [12].

Это означало:

- закрепление структуры бюджетов (республиканский и муниципальные);
- определение перечня доходных источников и расходных обязательств;
- использование единой бюджетной классификации;
- внедрение казначейского исполнения бюджета.

В 2008 г., с принятием федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 годы», бюджет Чеченской Республики по существу стал «бюджетом развития», значительная часть доходной части которого формировалась за счёт субсидий и иных трансфертов из федерального бюджета, направленных на восстановление объектов социально-экономической сферы и инфраструктуры [4].

Неотъемлемой частью финансовой системы является банковский сектор. История Национального банка по Чеченской Республике ведётся от Грозненского отделения Госбанка РСФСР, открытого в 1922 г.; в советский период это учреждение выполняло функции республиканской конторы Госбанка СССР [3].

С началом вооружённых конфликтов 1990-х гг. и последовавшим разрушением инфраструктуры банковская сеть Чечни была фактически парализована. После начала контртеррористической операции была создана система уполномоченного представителя Банка России по Чеченской Республике, а затем восстановлено полноценное отделение Центрального банка, что позволило возобновить операции по кассовому обслуживанию, расчётам и контролю за кредитными организациями [11].

Постепенное возвращение в регион федеральных и коммерческих банков, восстановление платёжной инфраструктуры и создание условий для развития розничного банковского обслуживания (выплата пенсий, заработной платы, кредитование) стали важными шагами в нормализации финансовой системы Чеченской Республики и её включении в общероссийское финансовое пространство.

Федеральные программы и трансферты как основа финансовой системы постконфликтной Чечни

Ключевой особенностью финансовой системы Чеченской Республики на рубеже XX–XXI вв. стала исключительная роль федеральных финансовых вливаний в виде дотаций, субсидий, субвенций и средств федеральных целевых программ.

Общий объём средств, направленных на восстановление Чечни за период после начала конфликтов, оценивается в сотни миллиардов рублей; точную сумму расходов до 2000 г. определить невозможно, так как Чеченская Республика в тот период находилась вне бюджетной системы России – в республике не было ни налоговой службы, ни казначейства.

С начала 2000-х гг. федеральное финансирование приобрело более структурированный характер. В апреле 2000 г. правительство РФ распорядилось перевести в Чечню до конца года 7,5 млрд руб., из них 2,5 млрд – бюджетные средства, 1 млрд – средства Пенсионного фонда и 4 млрд – средства «Газпрома» и РАО «ЕЭС России» на восстановление энергосистемы региона [8].

В 2002–2007 гг. реализовывалась федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики», по которой из федерального бюджета было выделено 41,5 млрд руб. На эти средства были восстановлены десятки школ, медицинских учреждений, объектов связи и инфраструктуры.

В 2008 г. утверждена новая ФЦП «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 годы» с общим финансированием порядка 124 млрд руб., при этом региональный бюджет внес около 4 млрд руб. Программа предусматривала создание социальной инфраструктуры, рост ВРП и промышленного производства, а также создание свыше 95 тыс. рабочих мест [2].

Кроме того, значительные средства привлекались в рамках федеральных адресных инвестиционных программ, через участие естественных монополий и крупных государственных корпораций в проектах восстановления и развития инфраструктуры республики.

Масштабные финансовые вливания в регион сопровождались серьёзными проблемами с целевым использованием средств, на что неоднократно указывала Счётная палата РФ. Так, по результатам проверки расходования средств, направленных в Чечню в 2000 г., установлено исчезновение 65,5 млн руб. из поступивших 1,3 млрд руб.

В 2001 г. при выделении на Чечню 4,5 млрд руб. и 10,7 млрд руб. дополнительных средств от естественных монополий аудиторы Счётной палаты выявили нецелевое использование 711 млн руб. Проверка 2002 г. показала, что из средств, выделенных на восстановление республики, 366 млн руб. израсходованы не по назначению, из них 21 млн руб. расхищены. В 2003 г. нецелевое использование составило 2,1 млрд руб. В целом за три года нецелевые расходы при восстановительных работах достигли 5 млрд руб. [8].

Эти данные свидетельствуют о высокой степени коррупционных рисков и институциональной уязвимости финансовой системы региона в начальный период постконфликтного восстановления. Вместе с тем усиление казначейского контроля, развитие налоговой службы и процессов бюджетного планирования постепенно позволили снизить масштабы злоупотреблений и повысить управляемость финансовых потоков.

Специфика финансовой системы Чеченской Республики на рубеже XX–XXI вв.: итоги и вызовы

Сопоставление рассмотренных этапов развития позволяет выделить ряд ключевых характеристик финансовой системы Чечни на рубеже веков.

Во-первых, для неё характерен жёсткий разрыв институциональной непрерывности. Если в советский период и начале реформ 1990-х гг. Чечено-Ингушская АССР была обычным субъектом централизованной финансовой системы, то в период де-факто независимости и военных кампаний финансовые институты (налоговая служба, казначейство, банковский надзор) были разрушены или выведены из российского правового поля.

Во-вторых, финансовая система республики в 1990-е гг. приобрела черты криминализированной и теневой экономики, где официальный бюджет играл минимальную роль. Попытки введения собственной валюты (нахара) не были реализованы, но отражают

стремление местных элит к финансовому суверенитету при отсутствии возможности его институционального обеспечения.

В-третьих, постконфликтная финансовая система Чечни в начале XXI в. характеризуется исключительно высокой степенью дотационности и зависимостью от федеральных трансфертов. Объём собственных доходов республиканского бюджета в рассматриваемый период был несопоставим с объёмами помощи из федерального центра. Значительную часть доходной базы составляли дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности и субсидии в рамках федеральных целевых программ.

В-четвёртых, постепенное восстановление налоговой службы, создание республиканского бюджета в форме закона, развитие казначейского исполнения и банковской инфраструктуры означало формальную нормализацию финансовой системы и её интеграцию в общероссийское правовое поле. Однако институциональные деформации и наследие 1990-х гг. (низкий уровень доверия, зависимость от федеральных ресурсов, слабое развитие частного финансового сектора) продолжали сказываться на её устойчивости и эффективности.

Наконец, специфика финансовой системы ЧР проявилась и в политико-экономическом измерении: федеральные трансферты и контроль над их распределением стали одним из ключевых инструментов выстраивания вертикали власти и стабилизации региона, что придавало финансовым отношениям между центром и республикой особый, во многом внеэкономический характер.

Заключение. Финансовая система Чеченской Республики на рубеже XX–XXI веков представляет собой уникальный пример сочетания дезинтеграции и последующей реинтеграции региональных финансовых институтов в рамках единого государственного пространства. В течение сравнительно короткого исторического периода республика прошла путь от разрушения бюджетной, налоговой и банковской системы в условиях вооружённого конфликта и фактического выхода из правового поля Российской Федерации к восстановлению этих институтов и их включению в федеральную финансово-бюджетную систему.

Анализ показал, что в 1990-е гг. финансовая система Чечни характеризовалась разрывом формальных связей с федеральным центром, криминализацией денежного обращения и использованием инструментов российского банковского сектора для масштабных мошеннических схем, а также попытками введения собственной валюты. Параллельно сохранялись и отдельные легальные финансовые потоки из федерального бюджета, которые, однако, зачастую не достигали конечных получателей из-за высокого уровня коррупции и отсутствия контроля.

После 2000 г. начался процесс институциональной реконструкции: были воссозданы налоговые органы, восстановлено присутствие Банка России и банковской системы, сформированы республиканский и муниципальные бюджеты, налажено казначейское исполнение, внедрены федеральные стандарты бюджетного процесса. Одновременно масштабные финансовые вливания из федерального бюджета в форме дотаций и средств федеральных целевых программ превратили Чеченскую Республику в один из наиболее дотационных субъектов РФ, что обеспечило ресурсную базу для восстановления экономики и социальной сферы, но закрепило высокую зависимость региона от центра.

Специфика финансовой системы Чеченской Республики на рубеже веков проявилась в сочетании трёх признаков:

- институциональная уязвимость (следствие разрушения институтов и слабости механизмов контроля);
- крайняя дотационность и политизированность межбюджетных отношений;
- стремительное восстановление формальной инфраструктуры при сохранении ряда структурных диспропорций (узкая доходная база, ограниченное развитие собственного финансового рынка, высокая доля государственного сектора).

Список источников

1. «Стране оставалось жить три месяца». Как финансовая афера на триллионы рублей чуть не разрушила Россию в 1990-х? <https://lenta.ru/articles/2023/04/07/avizoo/>

2. Баснукаев М.Ш. Траектория экономического развития Чечни в российском правовом пространстве [Электронный ресурс] // Правовое поле современной экономики. 2015. № 4.
3. Баснукаев М.Ш. Развитие финансовых структур в Чечне в конце XIX – начале XX веков. Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2024. № 4 (11). – С. 8–20.
4. Бисултанова А.А. Процесс исполнения бюджета Чеченской Республики: основные результаты и тенденции // Финансы и кредит. 5 (2016). 51–62.
5. Дикаев В.Р. Чеченская Республика в 90-е годы XX в: особенности политического и социально-экономического развития: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / [Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. науч. центра РАН]. – Махачкала, 2009. – 23 с.
6. За счет чего жила Чечня? <https://www.kommersant.ru/doc/2287177>
7. История УФНС России. https://www.nalog.gov.ru/rn20/about_fts/fts/history_fts/history_ufns
8. Как финансировали Чечню. <https://www.kommersant.ru/doc/475155>
9. Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России // Journal of Institutional Studies 13(4): 6–24.
10. Куда делись чеченские миллиарды? <https://www.kommersant.ru/doc/2285352>
11. Отделение Банка России – Национальный банк по Чеченской Республике. <https://www.cbr.ru/chr/history/>
12. Решиев С.С. Бюджетная политика в Чеченской Республике в современных условиях развития страны. Russian Journal of Management. (12), 138–156.
13. Чечня. Как в 90-е придумали «чеченские деньги»? <https://checheninfo.ru/354491-chechnja-kak-jeto-bylo-kak-v-90-e-pridumali-chechenskie-dengi.html>
14. Янадамов А.М., Хайрутдинов Р.Р. Социально-экономические, общественные и культурные процессы в Чечне в 1990–1994 гг. Казанский вестник молодых ученых. Политические науки. 2019. Том 3. № 3.

КОНЦЕПЦИЯ ФРАНЧАЙЗИНГА И ЕЁ РОЛЬ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Баснукаев М.Ш.,

канд. экон. наук, доцент кафедры налогов и налогообложения
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ведущий научный сотрудник лаборатории экономических исследований
ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук»
e-mail: basnukaev@hotmail.com

Газиев М.М.,

аспирант
ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук»
e-mail: maga.bravo@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается экономико-правовая сущность франчайзинга как особой формы предпринимательских отношений и сетевой организации бизнеса, сочетающей ресурсы крупного и малого предпринимательства. На основе современных статистических данных по рынку франчайзинга в России и Северо-Кавказском федеральном округе показана возрастающая роль франшиз в территориальной диффузии успешных бизнес-моделей и структурной трансформации региональных экономик. В работе обобщены результаты международных эмпирических исследований, демонстрирующих позитивное влияние франчайзинга на экономическое, социальное, институциональное и инфраструктурное развитие стран и регионов, что особенно актуально для формирующихся рынков. На примере Чеченской Республики анализируются динамика развития малого и среднего предпринимательства, меры государственной поддержки, институциональные условия и практика применения франчайзинга в контексте реализации национальных проектов и формирования современной туристской инфраструктуры. Обосновывается, что при учёте рисков монополизации и зависимости локальных предпринимателей от франчайзеров, франчайзинг может стать одним из ключевых инструментов диверсификации региональной экономики, повышения занятости и улучшения инвестиционного климата.

Ключевые слова: франчайзинг, коммерческая концессия, малое и среднее предпринимательство, региональная экономика, Чеченская Республика, Северо-Кавказский федеральный округ.

THE CONCEPT OF FRANCHISING AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

Basnukaev M.Sh.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Kadyrov Chechen State University;

Leading Researcher Laboratory of Economic Research
Federal State Budgetary Institution Integrated Research Institute
named after Kh.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences

Gaziev M.M.,

Postgraduate Student of the Federal State Budgetary Institution Integrated
Ibragimov Research Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This article explores the economic and legal nature of franchising as a special form of entrepreneurial relations and a business network organization that combines the resources of large and small businesses. Using current statistical data on the franchising market in Russia and the North Caucasus Federal District, it demonstrates the growing role of franchises in the territorial diffusion of successful business models and the structural transformation of regional economies. The paper summarizes the results of international empirical studies demonstrating the positive impact of franchising on the economic, social, institutional, and infrastructural development of countries and regions, which is

especially relevant for emerging markets. Using the example of the Chechen Republic, the article analyzes the dynamics of small and medium-sized entrepreneurship development, government support measures, institutional conditions, and the practice of franchising in the context of implementing national projects and developing a modern tourism infrastructure. It is argued that, given the risks of monopolization and local entrepreneurs' dependence on franchisors, franchising can become a key tool for diversifying the regional economy, increasing employment, and improving the investment climate.

Keywords: *franchising, commercial concession, small and medium-sized businesses, regional economy, Chechen Republic, North Caucasian Federal District.*

Введение. Сектор малого и среднего предпринимательства (МСП) в современной экономической литературе рассматривается как один из базовых драйверов экономического роста, занятости и формирования конкурентной среды на региональном уровне. Исследования показывают, что активность МСП положительно коррелирует с темпами роста валового регионального продукта и выступает важным фактором устойчивого социально-экономического развития территорий.

Для российских регионов сохраняется проблема высокой дифференциации условий ведения бизнеса, доступности финансовых ресурсов и качества предпринимательской среды, что усиливает значимость институциональных механизмов снижения рисков для новых предприятий и ускорения масштабирования успешных бизнес-моделей. Одним из таких механизмов является франчайзинг (франшизное предпринимательство), обеспечивающий тиражирование отработанных форматов бизнеса в регионы за счёт институционализированного обмена брендом, технологиями и управленческими компетенциями между крупными и малыми хозяйствующими субъектами [3].

Для регионов с формирующимся частным сектором и особыми институциональными условиями, к числу которых относится Чеченская Республика, франчайзинг потенциально позволяет ускорить развитие сферы услуг, торговли и туризма при относительно низком уровне стартовых рисков для предпринимателей и одновременном росте налоговой базы и занятости [5].

Методологическую основу статьи составляют концепции сетевой экономики, теории транзакционных издержек и ресурсного подхода к фирме, применяемые в анализе франчайзинга как формы контрактной координации и механизма интеграции МСП в региональные экономические системы. В работе используются следующие методы:

- системный и институциональный анализ – для раскрытия роли франчайзинга в структуре региональной экономики и институциональной среды предпринимательства;
- сравнительно статистический анализ – для сопоставления динамики рынка франшиз в России и показателей развития МСП в Чеченской Республике по данным официальной статистики и отраслевых обзоров;
- контент анализ научных публикаций в рейтинговых российских и международных журналах, посвящённых связи франчайзинга и регионального/страхового развития;
- элементы корреляционно регрессионного подхода, опробованного в работах по оценке влияния МСП на региональное развитие, использованы при интерпретации эмпирических результатов (без построения собственной модели в рамках данной статьи).

Информационную базу исследования составили: официальные данные портала единого реестра МСП и органов власти Чеченской Республики, отчёты по реализации национальных проектов, отраслевые статистические обзоры рынка франчайзинга, а также статьи в ведущих российских и международных научных журналах по экономике и предпринимательству.

Основная часть. Теоретические и правовые основы франчайзинга

В российском праве франчайзинг институционально оформлен через договор коммерческой концессии, регламентированный главой 54 Гражданского кодекса РФ [1]. В соответствии с пунктом 1 статьи 1027 ГК РФ, по договору коммерческой концессии правообладатель (франчайзер) обязуется предоставить пользователю (франчайзи) за вознаграждение право использовать в его предпринимательской деятельности комплекс

исключительных прав, включая товарные знаки, коммерческие обозначения, секреты производства и коммерческую информацию [15].

В российской и зарубежной литературе франчайзинг трактуется как смешанная организационно-экономическая форма, в которой сочетаются элементы вертикальной интеграции и контрактной координации, позволяющие крупным фирмам привлекать внешние ресурсы (финансовые, предпринимательские, локальные знания), а малым предприятиям – пользоваться преимуществами крупного бренда и отработанной бизнес-модели. Анализируя франчайзинг как инструмент развития сектора МСП в Хорватии, подчеркивается, что франчайзинг предоставляет малому предпринимателю «инструменты большой компании» при сохранении предпринимательской мотивации и относительной независимости, снижая уровень неудач по сравнению с традиционными малыми фирмами [18].

Исследования в области предпринимательства показывают, что франчайзинг выступает одной из форм предпринимательского пути (*entrepreneurship pathway*), обеспечивая более высокую вероятность выживаемости бизнеса по сравнению с независимыми стартапами и способствуя формированию динамических способностей у малых предприятий. В рамках ресурсной теории фирм франчайзинг рассматривается как механизм быстрого доступа к дефицитным ресурсам (финансовый капитал, управленческий опыт, локальные рынки и кадры) при ограничениях внутренних ресурсов компании [9].

Важное направление правовых исследований связано с соотношением понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг», а также с анализом договорных и антимонопольных рисков франчайзинговых соглашений. Отмечается, что, несмотря на отсутствие термина «франчайзинг» в ГК РФ, сложившаяся судебная и хозяйственная практика фактически признаёт эквивалентность этих формул, тогда как регулирование вертикальных ограничений в условиях франчайзинга требует тонкой настройки для недопущения ограничения конкуренции на локальных рынках [6].

Франчайзинг и региональное развитие: международные эмпирические исследования

Существенный вклад в понимание роли франчайзинга в развитии стран и регионов внесли международные эмпирические исследования, выполненные на больших выборках стран и территорий. На основе панельных данных по 49 странам за 2006–2015 гг. показано, что чем раньше и интенсивнее франчайзинговые системы входят в страну, тем более значимым оказывается их вклад в экономическое, социальное, институциональное и инфраструктурное развитие. Используя модель с фиксированными эффектами, выявлена положительная зависимость между развитием франчайзинга и показателями совокупного развития, включая ВВП, социальные индикаторы и институты, особенно в развивающихся экономиках [19].

Исследование региональной экспансии франчайзинговых сетей в Бразилии, выполненное в рамках институционального подхода, показало, что «интериоризация» франшиз (выход за пределы крупнейших агломераций в города внутренней периферии) существенно зависит от качества местных институтов, действий муниципальных властей и характеристик человеческого капитала. Отмечается, что франчайзинговые сети могут стать важным фактором регионального развития, если местные органы власти выстраивают активную политику поддержки предпринимательства и инвестиций [20].

Ряд исследований рассматривает франчайзинг как инструмент развития сектора МСП и выравнивания региональной структуры экономики. Подчеркивается, что франчайзинг способствует созданию рабочих мест, росту налогооблагаемой базы и модернизации экономики при условии формирования благоприятного правового и институционального климата. Исследования социального франчайзинга в контексте реализации программы Vision – 2030 в Саудовской Аравии демонстрируют, что социально ориентированные франшизные модели способствуют диверсификации экономики, росту ВВП и занятости в отстающих регионах за счёт тиражирования устойчивых социальных бизнес-моделей [22].

Более широкий пласт работ посвящён роли МСП в устойчивом региональном развитии, где франчайзинг выступает как один из механизмов масштабирования малого бизнеса. На данных европейских регионов показано, что активность микропредприятий и МСП позитивно

влияет на территориальный экономический рост, а формирование благоприятной среды для инвестиций и инноваций в секторе МСП повышает устойчивость развития. Инновационная активность МСП и качество институциональной среды являются значимыми факторами регионального экономического роста, что согласуется с выводами о позитивной роли франчайзинга в формировании инновационно-активного предпринимательского слоя [8].

Современные тенденции развития рынка франчайзинга в России

Современное состояние и динамика российского рынка франчайзинга детально анализируются в ряде работ. Так, в статье М.С. Шаховой «Франчайзинг в России: новая экономическая реальность» [17] показано, как пандемия COVID-19 и последующий кризис трансформировали поведение потребителей, структуру спроса на франшизы и стратегии франчайзеров. Автор выделяет несколько типов потребительского поведения, сформировавшихся и закрепившихся в период пандемии, и показывает, что франчайзинговые сети адаптировались за счёт цифровизации сервисов, гибких форматов и антикризисной поддержки партнёров.

Комплексный анализ рынка франчайзинга в России в условиях цифровой трансформации и санкционных ограничений представлен в статье «Развитие рынка франчайзинга в Российской Федерации в условиях перехода к цифровой экономике». Авторы, опираясь на данные Российской ассоциации франчайзинга и отраслевые обзоры, показывают, что каждый год рынок франчайзинга в России растёт на 5–10%, а в 2023 году количество предприятий, ведущих деятельность по франчайзинговой модели, достигло 3249, что на 5% больше, чем в 2022 году. Оборот рынка по итогам 2023 года составил около 2,9 трлн руб., при этом численность занятых в секторе возросла примерно на 1,4 млн человек, то есть на 12%, несмотря на уход с рынка ряда иностранных брендов [4].

Отраслевые обзоры подтверждают тенденцию устойчивого роста российского франчайзинга: оборот рынка в 2022 году увеличился на 19% и достиг 2,78 трлн руб.; число действующих франшиз составило 3249, а количество франчайзинговых точек продолжило расти при одновременном сокращении числа закрытий. Анализ структуры рынка показывает, что наибольший удельный вес приходится на сферы общественного питания, розничной торговли и услуг, причём на фастфуд внутри сегмента общепита приходится около 19% всех франшиз [14].

Региональные аспекты развития франчайзинга в России рассматриваются в работах, посвящённых франчайзингу как технологии развития МСП в регионах. Так, У.Р. Мусин [10] на материале Республики Башкортостан показывает, что франчайзинг облегчает доступ МСП к инвестиционным ресурсам и повышает эффективность использования регионального инвестиционного потенциала. Автор отмечает, что наиболее активное распространение франчайзинговых форматов наблюдается в торговле и сфере услуг, где доминируют малые и средние предприятия, ориентированные на продвижение своего бизнеса с помощью различных франчайзинговых концепций.

В более ранних исследованиях подчёркивалось, что российский рынок франчайзинга за последние десятилетия демонстрировал взрывной рост: по данным Европейской ассоциации франчайзинга, за три года рынок в России увеличился на 98%, а Россия вошла в число лидеров по темпам прироста числа франчайзинговых компаний. Современные работы фиксируют, что после оттока части международных брендов в 2022 году рынок продолжает расти за счёт инициатив российских предпринимателей и появления новых ниш, связанных с цифровой экономикой (пункты выдачи заказов маркетплейсов, обратный франчайзинг и др.) [13].

МСП и предпринимательская экосистема Чеченской Республики

Общей рамкой развития МСП в Чеченской Республике выступает Закон Чеченской Республики от 15.12.2009 № 70-РЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Чеченской Республике» [2], который определяет формы, источники и механизмы государственной поддержки МСП, включая финансовые и нефинансовые инструменты. В соответствии с законом и региональными программами развития созданы

специализированные институты поддержки: центр «Мой бизнес», бизнес-инкубаторы, технопарки и микрофинансовые организации.

По данным Единого реестра МСП, общее число субъектов МСП в Чеченской Республике увеличилось с 14 403 в 2019 г. до 28 223 в 2025 г., при среднем ежегодном темпе роста порядка 12,5%. При этом доля микропредприятий достигает 97,7%, доля малых предприятий – около 2,2%, а средних – не превышает 0,2%, что подчёркивает критическую роль именно микро- и малых предприятий в экономике региона [5].

Существенный рост демонстрирует и занятость в секторе МСП: по данным Министерства экономического и территориального развития ЧР, число занятых в МСП с учётом самозанятых за последние пять лет увеличилось в 4,5 раза и превысило 140 тыс. человек. В 2024 году объём финансовой поддержки по линии Национальной гарантийной системы достиг 4,1 млрд руб., а закупки крупнейших заказчиков у субъектов МСП превысили 10 млрд руб., что отражает активное включение малого бизнеса в систему государственных и корпоративных закупок.

Оперативные данные также свидетельствуют о положительной динамике: количество субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в Чеченской Республике увеличилось на 18% в 2025 году [7], что позволило республике войти в число регионов-лидеров по темпам роста МСП. В регионе функционируют 11 бизнес-инкубаторов, несколько технопарков и институтов поддержки, формирующих инфраструктуру предпринимательской экосистемы, сопоставимую по плотности с более развитыми регионами России.

Таким образом, к середине 2020-х годов в Чеченской Республике сложилась быстрорастущая и институционально поддерживаемая экосистема малого бизнеса, что создаёт объективную основу для более широкого использования франчайзинга как технологии развития МСП и диверсификации экономики.

Практика и потенциал франчайзинга в Чеченской Республике

К концу 2010-х годов в регионе насчитывалось более 392 компаний и малых предприятий, а интерес к франчайзингу последовательно возрастал. Фиксируется присутствие в Грозном франчайзинговых точек ряда федеральных и международных брендов в сегментах одежды, косметики, спортивных товаров и электроники («Adidas», «Л'Этуаль», «Paolo Conte», «Benetton», «Мехх», «Эльдорадо», «Спортмастер» и др.), а также нескольких салонов обувной сети «Zenden».

Развитие франчайзинга в Чеченской Республике сопровождается проведением специализированных мероприятий: в технопарке Грозного организовывались выставки-конференции по франчайзингу, объединявшие представителей франчайзеров и потенциальных франчайзи для обсуждения условий партнёрства и адаптации бизнес-моделей к региональным особенностям. Вместе с тем отмечались проблемы доступа предпринимателей к банковским кредитам под франчайзинговые проекты, в частности, отсутствие на начальном этапе положительных решений по программам «бизнес-старт» для проектов в Чеченские Республики [16].

Макрорегиональные данные подтверждают, что Северо-Кавказский федеральный округ в целом демонстрирует опережающий рост интереса к франшизам: по данным аналитики «Авито», спрос на покупку франшиз в СКФО в 2024 году вырос в 1,4 раза по сравнению с 2023 годом. Наиболее востребованными оказались франшизы в сфере торговли (27% запросов, рост в два раза), общепита (23% запросов, рост на 32%) и услуг (12% запросов, рост на 4%), при среднем размере паушального взноса 300–550 тыс. руб. в зависимости от отрасли, что делает вход относительно доступным для региональных предпринимателей [11].

Данные подтверждают результаты отечественных исследований, указывающие на франчайзинг как на одну из самых адаптивных и стабильных форм сотрудничества между экономически активными агентами на региональном уровне. Он способствует масштабированию проверенных бизнес-моделей и более равномерному распределению предпринимательской активности в пространстве. В Чеченской Республике, где одновременно

продвигаются национальные проекты по поддержке малого и среднего предпринимательства (МСП) и туризму, франчайзинговые схемы в сферах розничной торговли, общественного питания, гостиничного дела и досуга органично интегрированы в план создания современной инфраструктуры для туризма и сервиса [12].

Существенную роль франчайзинга в регионах с дефицитом знаний и управленческих навыков подчеркивают как теоретические, так и эмпирические работы: готовые бизнес-модели, программы обучения и помощь от франчайзера минимизируют риски для новичков и способствуют быстрому освоению ими навыков предпринимательства и менеджмента. В контексте Чеченской Республики, где среди стартаперов преобладают молодежь и люди без предыдущего опыта бизнеса, это делает франчайзинг особенно выгодным способом входа в предпринимательскую деятельность.

Франчайзинг, МСП и устойчивое региональное развитие

Многочисленные исследования подчёркивают роль МСП как «двигателя» устойчивого регионального развития, а франчайзинг рассматривается как один из механизмов реализации этого потенциала. Показано, что инновационная активность МСП и качество институциональной среды определяют различия в траекториях регионального развития, причём регионы с развитой предпринимательской инфраструктурой и поддержкой инноваций демонстрируют более высокие темпы роста и устойчивости [21].

На уровне стран эмпирический анализ показывает, что развитие франчайзинга положительно связано не только с экономическим ростом, но и с социальными, институциональными и инфраструктурными индикаторами развития, причём эффект сильнее в развивающихся экономиках [19]. Похожие выводы получают исследователи социального франчайзинга в Саудовской Аравии, где отмечается вклад франшизных моделей в диверсификацию экономики, рост ВВП, создание рабочих мест и развитие отстающих регионов в рамках реализации национальной стратегии Vision-2030 [22].

Российские эмпирические исследования регионального франчайзинга фиксируют, что включение регионов в франчайзинговые сети способствует ускоренному распространению современных форм торговли и услуг, повышению качества сервиса и стандартов обслуживания, росту налоговых поступлений и занятости, особенно в сегменте микробизнеса. В то же время указывается на необходимость регулирования рисков монополизации локальных рынков сетевыми структурами и сохранения возможностей для развития независимых местных брендов.

С учётом этих выводов ситуация в Чеченской Республике может быть интерпретирована как нахождение в фазе «окна возможностей», когда быстро растущий сектор МСП, формирующаяся туристская отрасль и усиливающийся интерес к франчайзингу создают условия для структурной трансформации экономики региона посредством сетевых форм организации бизнеса. От того, насколько эффективно региональная политика сумеет встроить франчайзинг в систему поддержки МСП (образование, финансирование, инфраструктура) и сбалансировать развитие федеральных и локальных брендов, во многом будет зависеть характер и устойчивость регионального роста.

Направления совершенствования региональной политики в Чеченской Республике

Сопоставление международного опыта и российских исследований позволяет предложить ряд направлений совершенствования региональной политики в Чеченской Республике в части использования франчайзинга как инструмента развития МСП и региональной экономики:

1. Институционализация знаний о франчайзинге. Международные и российские исследования указывают, что недостаточная осведомлённость предпринимателей о возможностях франчайзинга и рисках конкретных франшиз является одним из барьеров развития сегмента. В Чеченской Республике целесообразно развивать специализированные образовательные программы и консультационные центры по франчайзингу на базе центров «Мой бизнес», бизнес-инкубаторов и вузов, включая анализ франшизных предложений, бизнес-планирование и правовую экспертизу договоров коммерческой концессии.

2. Интеграция франчайзинговых проектов в систему поддержки МСП. Опыт стран и регионов показывает, что целевые программы гарантийной поддержки, льготного кредитования и субсидирования части паушальных взносов повышают доступность франшиз для малого бизнеса. На базе действующих механизмов Национальной гарантийной системы и региональных фондов поддержки МСП в Чеченской Республике возможно разработать специальные продукты для франчайзинговых проектов с учётом их специфики (роялти, требования к стандартам, окупаемость).

3. Мониторинг и аналитика регионального рынка франчайзинга. В российских и зарубежных публикациях подчёркивается важность мониторинга региональной структуры франчайзинга для оценки вклада в ВРП, занятость и конкуренцию, а также для предотвращения избыточной концентрации сетевых брендов. Для Чеченской Республики целесообразно ввести систематический учёт франчайзинговых предприятий по отраслям, форматам и месту в региональных цепочках создания стоимости.

4. Баланс федеральных и местных брендов. Анализ опыта Хорватии, Бразилии и России демонстрирует, что франчайзинг подходит не только для продвижения федеральных и зарубежных сетей, но и для роста локальных брендов. Это помогает сохранять региональную самобытность и создавать distinctive туристские продукты. В Чеченской Республике внедрение готовых франшиз и местных сетей в туризме, гостеприимстве, национальной кухне и ремеслах позволит уменьшить опору на внешние марки и усилить мультипликатор туризма.

5. Институциональная координация и антимонопольный контроль. Как показывает международная практика и российские кейсы, франчайзинговую политику нужно согласовывать с антимонопольными мерами, чтобы избежать доминирования крупных сетей на региональных рынках. Для Чеченской Республики ключевым станет сотрудничество властей, институтов поддержки МСП и антимонопольных органов при разработке масштабных сетевых инициатив.

Заключение. В российском законодательстве франчайзинг реализуется через договоры коммерческой концессии и служит мощным инструментом сближения малого и крупного бизнеса, ускоряя внедрение передовых моделей в регионы. Эмпирические данные из десятков стран и регионов подтверждают положительную связь франчайзинга с экономическим ростом, социальными изменениями, институтами и инфраструктурой – особенно в переходных и развивающихся экономиках.

Российский рынок франчайзинга растёт стабильно, адаптируясь к внешним вызовам благодаря цифровизации, новым форматам и активности отечественных бизнесменов. Региональные обзоры подчёркивают его роль как ключевого механизма для МСП: он упрощает доступ к ресурсам и экспертизе, повышая устойчивость малого бизнеса.

В Чеченской Республике динамичный рост МСП, мощная госпрограмма по предпринимательству и туризму, а также интерес к франшизам в Северо-Кавказском федеральном округе формируют твердую основу для франчайзинга как средства экономической диверсификации, расширения услуг и туризма, роста занятости и улучшения инвестиционной среды. Однако для усиления преимуществ и снижения рисков монополий и внешней зависимости требуется сбалансированная региональная стратегия: сочетание поддержки франшиз с продвижением местных брендов, мониторингом рынка и надёжным институциональным плюс антимонопольным надзором.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая, третья и четвертая) (с изменениями и дополнениями).
2. Закон Чеченской Республики от 15 декабря 2009 г. № 70-РЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Чеченской Республике».
3. Баснукаев М.Ш., Газиев М.М. Особенности концепции франчайзинга в региональной экономике. Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1 (49). – С. 130–137.

4. Бахарев В.В. Развитие рынка франчайзинга в Российской Федерации в условиях перехода к цифровой экономике / В.В. Бахарев, А.Р. Клименко, К.М. Мышаев, Фан Цзымин. Текст: электронный // Теоретическая экономика. 2025 № 2. – С. 94–103.
5. Беломестнова М.Е., Ментусов А.В. Анализ успешных практик поддержки малого и среднего предпринимательства в процессе развития регионального туризма в Чеченской Республике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 3-1. – С. 13–18. <https://vae1.ru/ru/article/view?id=4021>
6. Вронская М.В., Амарян Л.А. Договор коммерческой концессии и договор франчайзинга: сравнительно-правовой анализ российского и международного законодательства // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. – С. 122–134.
7. Количество субъектов МСП в Чеченской Республике выросло на 18% в 2025 году. <https://grozny.tv/news/economy/74909>
8. Кочнев А.А. Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: особенности и перспективы развития. <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-razvityh-stranah-osobennosti-i-perspektivy-razvitiya>
9. Маркетинговое исследование «Анализ рынка франчайзинга в РФ». <https://topfranchise.ru/upload/pdf/rynok-franchayzinga-issledovanie-topfranchise.pdf>
10. Мусин У.Р. Роль франчайзинга в развитии малого и среднего предпринимательства в регионе. // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 3. – С. 221–225. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-franchayzinga-v-razvitii-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-regione>
11. На Северном Кавказе в 1,4 раза вырос спрос на покупку франшиз. <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/67aca7c19a7947333cf4ac6f>
12. Рождественский В.Д. Оценка эффективности правовых инструментов, используемых для развития франчайзинговых отношений в России // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 4. – С. 559–567.
13. Россиина Н.С. Франчайзинг: особенности и риски в контексте организации региональной экономики // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). – С. 66–80.
14. Российский франчайзинг 2023: статистика от franshiza.ru. https://franshiza.ru/article/read/statistika_franchisinga_2023/
15. Франчайзинг [Электронный ресурс] // Elcode.ru. 2014. URL: <https://www.elcode.ru/service/biblioteka/print/4297>
16. Франчайзинг в Чеченской республике: преимущества и недостатки. <https://moluch.ru/archive/104/24520>
17. Шахова, М.С. (2021). Франчайзинг в России: новая экономическая реальность. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, (3), 130–157. <https://cyberleninka.ru/article/n/franchayzing-v-rossii-novaya-ekonomicheskaya-realnost>
18. Эрцег А., Баркович И. Роль франшизы в развитии сектора МСП: хорватский опыт. Конференция: 1-я Международная конференция «Валлис Ауреа». Место проведения: Позега (Хорватия). Том 1. Январь 2008 г.
19. Lanchimba C., Porras H., Salazar Y., Windsperger J. Franchising and Country Development: Evidence from 49 Countries. International Journal of Emerging Markets, 2021.
20. Melo, P. L.R., Delgado, R. T., Corrêa, V. S., & Borini, F. M. (2020). Regional development and institutional environment: Regional expansion of franchise chains in Brazil. Revista de Administração Mackenzie, 21(5), 1–30.
21. Ruchkina, G., Melnichuk, M., Frumina, S., & Mentel, G. (2017). Small and medium enterprises in regional development and innovations. Journal of International Studies, 10(4), 259–271.
22. The Progress of Social Enterprises Through Commercial Franchising in Saudi Arabia. https://www.researchgate.net/publication/392763837_The_Progress_of_Social_Enterprises_Through_Commercial_Franchising_in_Saudi_Arabia

ВЛИЯНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УСТОЙЧИВОСТЬ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

Барташевич А.А.,

*старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»*

Аннотация. Экономика всегда идёт по пути развития, в том числе и финансовый сектор. Рынки финансов формируют и реализуют продукты и услуги с повышенными требованиями и рядом влияющих факторов микро- и макроуровня. Макроэкономические факторы напрямую определяют устойчивость банковского сектора, влияя на качество активов, ликвидность и капитализацию. Ключевые факторы включают уровень инфляции, ключевую ставку, темпы экономического роста (ВВП) и валютный курс, определяющие способность заемщиков обслуживать кредиты и стоимость фондирования для банков.

Ключевые слова: банковский сектор экономики, финансовые рынки, факторы макроэкономического уровня, влияющие на устойчивость развития, финансовые риски, устойчивость национальной экономики и национальной денежной единиц, экономический рост, инвестиционный потенциал, темпы инфляции.

THE IMPACT OF MACROECONOMIC FACTORS ON THE STABILITY OF THE BANKING SECTOR

Bartashevich A.A.,

*Senior Lecturer of the Department of Economics and Applied Informatics
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Abstract. The economy is always on the path of development, including the financial sector. Financial markets form and sell products and services with high demands and a number of influencing factors at the micro and macro levels. Macroeconomic factors directly determine the stability of the banking sector, affecting asset quality, liquidity and capitalization. Key factors include the inflation rate, the key interest rate, the economic growth rate (GDP), and the exchange rate, which determine borrowers' ability to service loans and the cost of funding for banks.

Keywords: Banking sector of the economy, financial markets, macroeconomic factors affecting the sustainability of development, financial risks, stability of the national economy and the national monetary unit, economic growth, investment potential, inflation rates.

Мировая экономика и национальная экономика всегда идут по пути развития, в том числе финансовый сектор. Рынки финансов формируют и реализуют продукты и услуги, к которым у потребителей имеется ряд требований: устойчивость, надёжность, стабильность, безопасность, доступность, доверительность, ответственность.

Динамичность и трансформация банковской системы связана с рядом факторов: геополитическая обстановка, регуляторные изменения, цифровизация, развитие организаций финтех и макроэкономическая ситуация. [1; с. 74]. Для этого Банк России аккумулирует принципы регулирования для поддержки интересов клиентов и снижения рисков в сфере финансовых услуг.

В современном мировом пространстве наблюдается глобальная цифровизация. Так вот, для финансового рынка влияющим фактором является внедрение финансовых национальных технологий. Национальные технологические программные обеспечения и техническое оснащение повышают уровень безопасности и снижают киберриски банковского сектора. Усиление доверия граждан к рынку финансовых услуг, расширение возможностей и доступности, формирование финансовой грамотности, защищённости и обеспечение стабильности, конкуренция – микрофакторы устойчивого развития банковского сектора.

Экономическая сфера государства, а тем более банковский сектор не может быть в одном состоянии, соответственно, мы наблюдаем динамику в процессе развития экономических явлений. В зависимости от большинства макроэкономических и микроэкономических факторов происходит динамика как в положительную, так и в

отрицательную сторону. Финансовый сектор экономики зачастую имеет нестабильный характер, что объективно отражается на ключевых коэффициентах, отражающих развитие банковской деятельности.

Следовательно, определяя цели устойчивого развития банковской и финансовой деятельности, должны учитываться ряд факторов и рисков внутреннего и внешнего воздействия, которые повлияют на банковскую систему.

К внутренним факторам можно отнести несовершенство финансовой и банковской системы, не всегда наличие возможности саморазвития и обеспечения жизнедеятельности, и здесь возникает необходимость в самопреобразовании и применении регулятора.

Факторы внешнего воздействия проявляются в макроэкономических условиях развития, которые, в свою очередь, зависят от внутренней трансформации банковской деятельности. Также внешние факторы градируют на социальные, политические и экономические.

Экономические факторы отражают устойчивость национальной экономики и национальной денежной единицы, экономический рост, инвестиционный потенциал, темпы инфляции.

Политические факторы проявляются в стабильности национальной банковской системы, внешнеполитическом взаимодействии между государствами.

Социальные факторы отражают уровень жизни населения страны, уровень безработицы, уровень сбережений.

Потрясение экономики России, и в том числе в сфере банковского сектора, мы наблюдали в 2014–2015 годах. Кризис носил внешний характер. На фоне неблагоприятно сложившегося макроэкономического положения были ограничены приток внешних инвестиций и нестабильность валютных курсов.

Устойчивость национальной банковской платёжной системы была под угрозой на фоне случившегося валютного кризиса. Хотя о разработке и внедрении национальной банковской системы было заявлено гораздо ранее.

В период 2014–2015 гг. экономика столкнулась с серьёзными проблемами макроэкономического явления: падение цен на мировые ресурсы, падение курса рубля и рост инфляции, карантинные меры и санкционные пакеты.

Первые санкционные меры сводились к ограничению возможности экономических взаимоотношений России с наиболее значимыми партнёрами. Последующие санкции были направлены на общее отторжение финансовой системы от международного рынка и обесценивание финансовых активов российских компаний.

Банковская система была парализована в своей деятельности на фоне санкций, т. к. мировые финансовые организации вынужденно разрывали отношения, что привело к разрушению производственного и технологического процесса.

Санкционные мероприятия отразились и на росте бюджетного дефицита вследствие урезания доходов от продажи ресурсов, заблокированы активы ФНБ.

Государство разработало ряд антикризисных программ, в том числе для банковского сектора: поддержание устойчивого развития национальной банковской системы, льготное кредитование системообразующим отраслям экономики.

Макроэкономические факторы напрямую определяют устойчивость банковского сектора, влияя на качество активов, ликвидность и капитализацию. Ключевые факторы включают уровень инфляции, ключевую ставку, темпы экономического роста (ВВП) и валютный курс, определяющие способность заемщиков обслуживать кредиты и стоимость фондирования для банков.

Центральный банк использует инструменты (санация, регулирование) для поддержания устойчивости, однако банковский сектор остается крайне чувствительным к резким макроэкономическим шокам.

Говоря об устойчивом развитии банковского сектора в условиях макроэкономического влияния, имеется в виду развитие, отвечающее современным технологическому, цифровому,

экономическому и экологическому процессам без ущерба для других. Необходимо определить цели:

- закрепление на мировых рынках;
- проектирование экономических и социальных процессов на всех уровнях: мировых, государственных, региональных;
- формирование ключевой ставки: динамика ставки в экономике увеличивает стоимость заимствования банков, повышая ставки на востребованных рынках кредитования;
- регулирование процесса инфляции: повышенная инфляция приводит к уменьшению доходов физических и юридических лиц, увеличивая кредитную нагрузку и маржинальную ответственность. Понижение роста темпов ВВП приводит к упадку кредитования и банкротству, тем самым ухудшается качество активов;
- динамичность курсов валют: часто колеблющийся курс рубля по отношению к иностранным валютам для банков со значительной долей валютных активов и пассивов имеет критическое влияние, проявляя риски ликвидности;
- геополитическая стабильность: оказывает влияние на приток иностранных инвестиций и капитала в экономику страны, наблюдая общие риски в системе.

Макроэкономические процессы и развитие территорий во многом определяют процессы регулирования банковско-экономической деятельности. Анализ макроэкономической деятельности на рынках банковского сектора и экономики страны дает определённые черты правильности управления и принятия решений для укрепления финансовой устойчивости и сектора банковской деятельности.

Что касается устойчивого развития Банка России, то следует отметить следующие направления:

- моделирование и укрепление рынка финансового устойчивого развития: инструменты и инфраструктура; корпоративное управление; доступность информации и углеродный рынок;
- контроль макро- и микропруденциальных, климатических, экологических и управленческих рисков: наблюдение и прогнозирование, оценка рисков; проведение тестовых испытаний и возможных сценариев, анализ стрессоустойчивости;
- практическое внедрение операционных подходов в деятельность банковских структур, влияющих на развитие устойчивого развития экономики: проектирование и внедрение стратегических целей; создание культуры устойчивого развития; информирование (финансовая грамотность).

Критерии устойчивого развития:

- общепринятое понимание, что проект относится к устойчивому развитию;
- единство национальных проектов;
- формирование стимулов для создания и достижения результатов проектов.

Банковская деятельность – сектор экономики, находящийся в условиях повышенного риска, что характеризует его как более чувствительный вид предпринимательства.

На сегодняшний день государством проделано многое для избежания и сокращения негативных факторов влияния на деятельность банковского сектора и экономики в целом, но имеется ряд проблем в процессах развития рынка банковских услуг.

Банковский сектор играет ключевую роль как в нашей повседневной жизни, так и в бизнесе. На индивидуальном уровне банки управляют всеми нашими денежными операциями. Кроме того, банки являются основой для успешной работы предприятий.

Ключевая часть финансовой системы – банковский сектор, основанный на стабильности и надёжности функционирования экономик стран, аккумулирующий денежные ресурсы и рационально их распределяющий. Банковский сектор влияет на развитие домохозяйств, бизнеса и государств. Центральная роль – его инвестиционная активность, прогнозирование и управление рисками.

Список источников

1. Мусханова, Х. Ж. Тенденции пространственной концентрации в российской банковской системе / Х. Ж. Мусханова // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2025. – № 3(59). – С. 74-82. – DOI 10.36684/chesu-2025-3-59-74-82. – EDN MBPCSW.
2. Официальный сайт Центрального Банка [Электронный ресурс]. URL <https://cbr.ru/>

КУРС НА МОДЕРНИЗАЦИЮ И ЦИФРОВИЗАЦИЮ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СКФО)

Боташев Р.А.,

доцент кафедры экономики и прикладной информатики,
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»
e-mail: botashevruslan@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные проблемы и пути модернизации экономики на примере регионов Северо-Кавказского федерального округа. В статье приоритетное значение придается поддержанию экономической мощности регионов путём повышения объёма инвестиций в основной капитал, а также формированию на основе двух-трех предприятий центров инновационной активности в каждой из приоритетных отраслей экономики.

Ключевые слова: экономика, регион, валовая продукция, промышленность, модернизация, цифровизация, программное обеспечение, основные средства, инновационные технологии, инновационная активность, инвестиции, инвестиционная привлекательность, специализация, производительность труда.

THE COURSE TOWARDS MODERNIZATION AND DIGITALIZATION OF THE ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS (USING THE EXAMPLE OF THE NCFD REGIONS)

Botashev R.A.,

Associate Professor of the Department of Economics and Applied Informatics,
Aliyev Karachay-Cherkess State University

Annotation. This article examines the main problems and ways of modernizing the economy using the example of the regions of the North Caucasus Federal District. In the article, priority is given to maintaining the economic capacity of the regions by increasing the volume of investments in the region's fixed assets, as well as the formation of innovation Centers based on two or three enterprises in each of the priority sectors of the economy.

Keywords: economy, region, gross output, industry, modernization, digitalization, software, fixed assets, innovative technologies, innovative activity, investments, investment attractiveness, specialization, labor productivity.

Сегодня, в связи с резким возрастанием числа зарубежных санкций против нашей страны, снова встает вопрос о необходимости модернизации экономики государства и его регионов. Следует отметить, что модернизация – это ввод в действие новых преобразований и совершенствований, которые отвечают современным требованиям (*модерн* – новый, современный) с использованием цифровых технологий. Конечной целью модернизации экономики является повышение производительности труда, рост объёмов производства, качества и ассортимента продукции, увеличение доходов бюджета государства и региона и, как следствие, обеспечение достойного уровня и качества жизни населения.

Дело в том, что сегодня потребность в модернизации сохраняется во всех субъектах Российской Федерации без исключения. Это означает, что на идеологию модернизации, которая предлагается на уровне страны в целом, всегда нужно посмотреть через призму региональной экономики.

Следует отметить, что в условиях рыночной экономики у каждого региона страны сложилась своя специализация. Следует заметить, что в каждой из отраслей производительность труда ниже среднеевропейской в два раза. Поэтому необходимо всячески поддерживать приоритетность повышения производительности труда в новых санкционных условиях.

Повысить производительность труда, как известно, можно путём применения прогрессивных технологий. Сегодня наш товаропроизводитель из приобретенных ранее зарубежных и отечественных технологий использовал все, что можно. В современных

условиях теперь необходимо осуществить технологический прорыв в области не только инженерных, но и управленческих технологий. На современном этапе осуществления научно-технического прорыва с применением оборудования с цифровыми технологиями управления предприятиям необходима значительная поддержка со стороны государства [1].

Следует также заметить, что успех может быть достигнут только тогда, когда существует консолидация гражданского общества, бизнеса и экономики. При этом уровень консолидации общества является ключевым фактором продвижения вперёд процесса модернизации. Без консолидации общества, без эффективной совместной работы эффективная модернизация невозможна.

Важной проблемой модернизации экономики, которую необходимо решить, является проблема инвестиций. Экономическая наука доказала, что экономика страны и региона может успешно развиваться только при постоянном притоке отечественных и иностранных инвестиций. Также известно, что инвестиции приходят туда, где существует благоприятный инвестиционный климат и создаются благоприятные условия для организации производства и бизнеса. Поэтому нам нужно научиться управлять всеми элементами системы инвестирования организации, чтобы эта система действовала без сбоев.

За взаимоотношения с инвесторами конкретно должна отвечать служба регионального развития. Важно отметить, что крупным инвесторам должны предоставляться конкретные гарантии со стороны государства, субсидии из регионального бюджета, а также льготы по налогам на прибыль, на имущество и т. д. «В каждом регионе должна быть принята внятная программа улучшения инвестиционного климата», – отметил Президент в своем Послании Федеральному собранию страны [4].

Следует отметить, что каждый субъект экономики должен определить три-четыре отрасли экономики, развитие которых является для нее приоритетным. Затем в этих отраслях нам нужно сформировать технологические платформы на основе известных фирм. Эти структуры дадут нам серьезные конкурентные преимущества в приоритетных отраслях и на рынках сбыта своей продукции. Следует отметить, что для этого необходимо определить центры инновационной активности. Ими, на наш взгляд, должны быть предприятия, которые сегодня располагают необходимыми ресурсами и стремятся стать крупными производителями конкурентоспособной продукции.

Эти предприятия сами должны быть заинтересованы в том, что им нужны инновационные отечественные технологии, чтобы получать новые продукты и успешно осваивать новые рынки сбыта продукции. Они должны стать главными партнерами местной власти в создании инновационной производственной и рыночной инфраструктуры. Основной упор при этом следует делать на открытие высокотехнологичных предприятий, в которых нуждается приоритетная отрасль. Эти предприятия должны быть способны выпускать конкурентоспособную продукцию, а также быть способными на кооперацию с другими действующими местными и соседними предприятиями.

Следует отметить, что в регионах в каждой из приоритетных отраслей экономики (сельское хозяйство, туризм, строительство, промышленность), из нескольких современных предприятий необходимо сформировать *Центры инновационной активности*. Важно, чтобы руководство региона приоритетно обратило особое внимание на эти центры. Правительство должно включить эти центры в Программу модернизации регионов и всячески их поддерживать.

Заметим, что в Северо-Кавказском федеральном округе объем инвестиций в основной капитал в 2025 году составил 1 388,7 млрд руб. Показатель в сравнении с 2024 годом вырос на 110%. Хотя внешнее давление недружественных стран до сих пор продолжается, это не помешало нам выйти на хорошие показатели по ключевым направлениям экономики. В результате объём валового регионального продукта (ВРП) составил 6193,8 млрд рублей, что на 105,4% больше, чем в 2024 году. Также объем промышленного производства в 2025 году вырос на 3,5% [7].

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ ЗА 2025 ГОД

млн рублей, в % к 2024 г. (в сопоставимых ценах)

Северо-Кавказский федеральный округ	1 388 680,1	110,0%
Республика Дагестан	539 462,6	126,4%
Республика Ингушетия	24 574,1	108,8%
Кабардино-Балкарская Республика	83 208,7	102,5%
Карачаево-Черкесская Республика	39 782,6	100,1%
Республика Северная Осетия – Алания	47 486,0	81,1%
Чеченская Республика	227 452,8	106,3%
Ставропольский край	426 713,3	101,5%

Таблица 1. Ключевые показатели развития инвестиционной деятельности СКФО за 2023–2025 гг. (млрд руб.)

	РД	РИ	КБР	КЧР	РСО-А	СК	ЧР	СКФО
2023								
Объём ВРП	575,4	38,9	138,7	90,7	138,2	614,7	107,6	1704,2
Объём инвестиций в ОК	281,5	18,8	24,3	22,2	36,5	209,8	85,5	678,6
2024								
Объём ВРП	1301,5	73,6	235,3	157,2	236,1	1179,8	177,9	3361,4
Объём инвестиций в ОК	426,8	22,6	81,2	39,7	58,6	420,4	214,0	1263,3
2025								
Объём ВРП	2538,3	124,8	435,8	214,1	379,4	2221,7	279,7	6193,8
Объём инвестиций в ОК	539,5	24,6	83,2	39,8	47,5	426,7	227,5	1388,8

Как известно, инвестиции в основной капитал представляют собой совокупность затрат, направленных на приобретение, создание и обновление основных фондов. Это затраты на строительство, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, производственного и хозяйственного инвентаря, расширение и модернизацию объектов, которые приводят к увеличению их первоначальной стоимости.

По оценкам известных экспертов, привлекательность Северо-Кавказского макрорегиона в 2026 году и последующих годах будет и дальше только расти. Это происходит, прежде всего, за счет туристической отрасли и аграрно-промышленного комплекса, которые традиционно развиты на Северном Кавказе. Следует также заметить, что у инвесторов наблюдается повышенный интерес к транспортной, логистической и обрабатывающей отраслям экономики регионов. Например, сегодня в экономике Карачаево-Черкесской Республики, на наш взгляд, обозначились некоторые контуры инновационных центров, в которых происходит так называемая «точечная» модернизация. Такими инновационными центрами являются предприятия, которые своими силами стараются внедрять отдельные инновационные технологии. К их числу можно отнести: ЗАО «Карачаевский пивоваренный завод», ОАО «Хабезский гипсовый завод», ООО «Квест-А» и т. д.

ЗАО «Карачаевский пивоваренный завод» – одно из старейших предприятий Карачаево-Черкесии, с более чем полувековой историей. В 1999 году здесь начали внедрять современные технологические процессы. На заводе провели модернизацию оборудования и реконструкцию производственных площадей. На сегодняшний день это современное, стабильное, динамично развивающееся предприятие, производящее продукцию, известную своими отменными вкусовыми качествами. На предприятии постоянно следят за всеми новинками на рынке производства минеральной и питьевой воды и выпускают продукцию, соответствующую всем международным и отечественным стандартам, используя современное оборудование с цифровыми технологиями управления.

ЗАО «Хабезский гипсовый завод» является лидером по производству строительных материалов не только в СКФО, но и в других субъектах Российской Федерации. Завод был основан в 1991 году. На данный момент все производственные цеха завода полностью автоматизированы. Следует заметить, что в цехах приобретены и установлены современные фасовочные машины с ультразвуковой сваркой клапана и автоматическим взвешиванием. В

ЗАО ведутся работы по разработке нового высокообъемного известкового карьера. Высокотехнологичное оборудование завода позволяет ежемесячно производить до 25 тыс. тонн строительной продукции (гипс, сухие штукатурные смеси, шпатлевка, наливные полы, монтажные смеси, акриловая дисперсия, грунтовка, затирки и т. д.). Завод постоянно развивается и совершенствуется, повышается качество и растет ассортимент выпускаемой продукции [2].

Хабезский гипсовый завод является инициатором в проведении НИОКР. В сотрудничестве с химико-технологическим университетом имени Менделеева ведутся совместные разработки отечественных аналогов импортных химических добавок для разных видов продукции. В процессе модернизации производственных линий и технологических операций предприятия участвуют ведущие зарубежные специалисты. В результате модернизации в текущем году Хабезским гипсовым заводом был обеспечен объем продукции, который удовлетворил запросы потребителей всех территорий. Строительные материалы под торговой маркой Хабезского гипсового завода сегодня конкурируют с лучшими российскими и зарубежными производителями.

Свою историю компания ООО «Квест-А» начинает еще в 90-х, когда перерабатывала шерсть на различных производствах и реализовывала пряжу на местном рынке. При первичной обработке шерсти «Квест-А» использует запатентованную технологию очистки сточных вод, которая позволяет отделить органическую примесь и вернуть использованную воду обратно в производство. На этом этапе из немытой шерсти получают гребенную ленту. Сегодня компания «Квест-А» производит трикотажную продукцию как на заказ, так и под собственной маркой. На предприятии выпускают школьную форму, а также различные свитеры, джемперы, кардиганы и головные уборы.

Благодаря эффективному функционированию таких предприятий перерабатывающей отрасли агропромышленности, как «Квест-А», наглядно значимым становится мультипликативный эффект, заключающийся в том, что развитие одного производства влечет за собой развитие производств и предприятий в смежных отраслях экономики. Это укрепляет экономику региона и повышает покупательскую способность населения, что является фундаментом для построения сильного общества.

В КЧР недавно также открылся завод «Кавказ-мясо» по переработке баранины огромной мощностью 25 тыс. тонн, а также 12 тонн мясокостной муки в год. Новый завод открыт благодаря модернизации бывшего мясокомбината в г. Черкесске за счёт инвестиций группы компаний «Damate». ГК «Damate» – это крупный российский сельскохозяйственный холдинг, который занимается выращиванием и переработкой индейки, а также производством молока и молочной продукции. Инвестиции в перевооружение предприятия составили 3,4 млрд. рублей, из которых 2,3 млрд выделил Россельхозбанк [2].

Благоприятный инвестиционный климат в Карачаево-Черкесской Республике позволили инвестиции в АПК превратить в реальные производственные мощности, что в результате позволило насытить рынок высококачественной отечественной продукцией.

Как известно, регионы Северного Кавказа традиционно издавна являются основными производителями мясопродуктов, а запуск модернизированного завода позволит Карачаево-Черкессии далее укреплять свои позиции в перерабатывающей отрасли агропромышленности и в ближайшем будущем стать лидером по производству и переработке баранины в Российской Федерации. Это позволит расширить ассортимент продукции и возродить овцеводство на Северном Кавказе, что будет важным вкладом в продовольственную безопасность страны.

Важно отметить, что для поддержки набранных темпов развития экономики необходимы дополнительные мощности в энергетике и в коммунальном секторе. Поэтому государством выделяются значительные средства на модернизацию отрасли. В настоящее время в регионах проводятся мероприятия по оптимизации управления коммунальным комплексом, внедряются эффективные системы энергообеспечения, тепло- и водоснабжения, водоотведения с применением новейшего оборудования с программным обеспечением.

В регионах предстоит решать сложные задачи. Заметим, что только модернизация систем водоснабжения и водоотведения Кавказских Минеральных Вод оценивается на сумму более 21 млрд руб. В Ингушетии степень износа коммунальных объектов составляет более 80%. Заметим, что коммунальные комплексы всех субъектов СКФО нуждаются в модернизации и дальнейшем развитии с применением нового оборудования и цифровых технологий управления [5].

В соответствии с решением Правительства Российской Федерации с 2022 года на территории Дагестана, Ингушетии и Северной Осетии реализуются пилотные региональные программы устойчивого экономического развития предприятий энергетики и жилищно-коммунального хозяйства с прогнозным объемом финансирования за счет средств федерального бюджета до 7,5 млрд руб. Здесь уже созданы единые операторы для управления всем имущественным комплексом водопроводно-канализационного хозяйства и теплоснабжения. В системе управления комплексом применяются новые цифровые технологии.

Цифровые технологии (составление экономико-математических моделей, производственных функций) активно применяются также в планировании и прогнозировании ключевых показателей экономического развития регионов СКФО. Например, исследование зависимости объема производства валового регионального продукта (Y) от объема инвестиций в основной капитал (X) регионов СКФО нами было проведено путём применения корреляционно-регрессионного метода анализа и решения модели с помощью программного продукта *Borland Delphi*. Уравнение парной линейной регрессии имеет вид: $\hat{y}_i = 3,1 + 1,448x$. Это означает, что увеличение инвестиций в основной капитал на 1 млн рублей ведет в среднем к росту объема валового продукта на 4,548 млн руб. Полученное значение коэффициента корреляции $r = 0,98$ указывает на сильную взаимосвязь объема инвестиций и валового продукта [3]. Такие же уравнения разрабатываются нами для каждого региона СКФО.

Список источников

1. Госпрограмма «Развитие Северо-Кавказского федерального округа».
2. Боташев Р.А. Экономика Карачаево-Черкесии, учебное пособие. – Карачаевск, изд-во КЧГУ, 2020. – 252 с.
3. Боташев Р.А. Статистика. Учебное пособие: изд-во КЧГУ, 2013. – 240 с.
4. Майкл Ташмен. Победить с помощью инноваций. Пер.с англ. – М.: Альпина, 2013. – 289 с.
5. Статистический сборник «КЧР – 2024». – Черкесск, 2024. – 143 с.
7. Инвестиционный портал СКФО [investkavkaz](http://investkavkaz.ru).

БУДУЩЕЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ

Боташева Э.А.,

студентка факультета экономики и управления

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail.ru: botasheva2000@icloud.com

Научный руководитель: Боташев Р.А.,

доцент кафедры экономики и прикладной информатики

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail.ru: botashevruslan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отказа от наличных денег посредством углубленной цифровизации банковской деятельности, а также оптимизации системы управления денежными потоками в условиях рыночной экономики. Конечной целью работы является оптимизация оборота денежных средств, а также снижение общего уровня издержек в сфере выпуска денег и сфере торговли, что, в конечном счёте, отразится в повышении уровня эффективности производства продукции и качества жизни населения.

Ключевые слова: деньги, наличные деньги, безналичные деньги, электронные деньги, банковские карты, чеки, NFC-технология, онлайн-банкинг, электронный кошелёк, интернет-платежи, банк, уровень и качество жизни, цифровизация, финансовые операции, рыночная экономика.

A FUTURE WITHOUT CASH

Botasheva E.A.,

is a student at the Faculty of Economics and Management

Aliyev Karachay-Cherkess State University

Scientific supervisor: Botashev R.A.,

Associate Professor of the Department of Economics and Applied Informatics

Aliyev Karachay-Cherkess State University

Annotation. The article discusses the problem of abandoning cash through in-depth digitalization of banking activities, as well as optimizing the cash flow management system in a market economy. The ultimate goal of the work is to optimize the turnover of funds, as well as reduce the overall level of costs in the sphere of money issuance and trade, which, ultimately, will be reflected in improving the level of production efficiency and the quality of life of the population.

Keywords: money, cash, non-cash money, electronic money, bank cards, checks, NFC technology, online banking, electronic wallet, online payments, bank, standard and quality of life, digitalization, financial transactions, market economy.

Сегодня тенденция отказа от наличных денег уже очевидна. В настоящее время решение этой проблемы становится сложной и наиболее актуальной задачей. Как известно, деньги, как и любая экономическая категория, являются исторической категорией. Деньги – удобное универсальное средство обмена, и тысячелетиями используются для покупки товаров и услуг, оплаты счетов, накопления и инвестирования. Возникновение денег позволило преодолеть все трудности товарообмена, став посредником в нём. Они могут быть представлены в виде монет, купюр, электронных средств на счетах и картах. Деньги играют важную роль в современной экономике и обществе, обеспечивая удобный способ обмена товарами и услугами.

Как известно из экономической теории, деньги выполняют несколько важных функций в экономике. Именно через эти функции нам легко удаётся познать сущность денег. Дело в том, что все эти функции совокупно делают деньги важным инструментом для функционирования экономики, стимулируя производство, потребление, инвестиции и обмен неким богатством. Деньги являются неотъемлемой частью любой экономической системы и играют ключевую роль в ее развитии и устойчивости. Деньги – это особый актив, без которого просто невозможно нормальное функционирование экономики.

Следует также отметить, что существуют различные виды денег в зависимости от их формы и способа обращения:

1. *Наличные деньги*: монеты и купюры, которые физически находятся в обращении и могут быть использованы для совершения покупок и оплаты услуг.

2. *Электронные деньги*: деньги, которые существуют только в электронной форме, на счетах в банках или электронных кошельках. Электронные деньги могут быть использованы для онлайн-платежей, переводов и других финансовых операций.

3. *Депозитные деньги*: деньги, которые находятся на депозите в банках или других финансовых учреждениях. Они могут быть сняты или использованы через банковские счета, чеки или карточки.

4. *Виртуальные деньги*: деньги, которые существуют только в цифровой форме и используются для оплаты в онлайн-играх, виртуальных магазинах или других виртуальных платежных системах.

5. *Альтернативные деньги*: криптовалюты, такие как Биткоин, Эфириум и другие, которые используются как цифровые активы для совершения платежей и инвестиций в децентрализованных сетях.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что деньги можно классифицировать на две большие группы: *наличные и безналичные*.

Заметим, что безналичные деньги существуют только в цифровой или электронной форме. Они не имеют физического представления в виде монет и купюр. Безналичные деньги широко используются в современном мире для совершения различных финансовых операций. Вот несколько примеров безналичных денег:

1) *банковские карты*: пластиковые карты, выданные банком, которые позволяют владельцу совершать покупки, снятие наличных и другие финансовые операции;

2) *электронные кошельки*: онлайн-сервисы, которые позволяют людям хранить деньги и совершать платежи через интернет;

3) *банковские переводы*: электронные транзакции между банковскими счетами для перевода денег от одного лица или компании другому;

4) *чеки*: бумажные или электронные документы, выписываемые банком или частным лицом для осуществления платежей с банковского счета в адрес другого лица;

5) *мобильные платежи*: технология, позволяющая совершать платежи с помощью мобильного устройства через специальные приложения или NFC-технологии [2].

Безналичные деньги обладают преимуществами, такими как экономия времени, удобство и безопасность, и широко используются как основной способ проведения финансовых операций в современном мире.

Спрос на безналичные деньги может изменяться в зависимости от различных факторов, таких как технологические инновации, привычки потребителей, уровень цифровизации экономики, регулирование финансового сектора и т. д.

Вот несколько основных факторов, влияющих на спрос на безналичные деньги. Уровень цифровизации и доступ к Интернету: чем более развита цифровизация экономики и доступ к интернету, тем выше спрос на безналичные деньги из-за удобства и доступности онлайн-платежей. Технологические инновации: внедрение новых технологий, таких как мобильные приложения, NFC, криптовалюты и блокчейн, также способствует росту спроса на безналичные деньги. Уровень безопасности: безналичные платежи часто считаются более безопасными, чем наличные, что может стимулировать спрос на электронные способы оплаты. Развитие финансовых услуг: услуги онлайн-банкинга, электронные кошельки, интернет-платежи и другие инновации в финансовом секторе привлекают потребителей к безналичным формам денег. Регулирование и законодательство: правительственные программы по стимулированию безналичных платежей, льготы для использования банковских карт и другие меры также влияют на спрос на безналичные деньги.

В целом, спрос на безналичные деньги будет расти вместе с развитием цифровой экономики и технологий, удобством и безопасностью онлайн-платежей, а также поддержкой со стороны правительственных органов и финансовых учреждений.

Следует заметить, что кривые спроса и предложения на безналичные деньги могут быть представлены в рамках рынка финансовых услуг и платёжных технологий. Давайте рассмотрим обе кривые по отдельности:

1. Кривая спроса на безналичные деньги:

Кривая спроса на безналичные деньги отражает отношение между ценой безналичных денег и их спросом на рынке. Обычно с увеличением цены безналичных денег (например, комиссии за пользование банковской картой) уровень спроса на них снижается, и наоборот. Кривая спроса на безналичные деньги имеет вид вогнутой гиперболы. Это наглядно показывает, что рост цены ведёт к снижению спроса на безналичные деньги. Это означает, что между ценой и спросом на безналичные деньги существует обратная функциональная связь по формуле: $D = f(1/P)$, где P – цена, D – спрос на деньги.

2. Кривая предложения безналичных денег:

Кривая предложения безналичных денег отражает отношение между количеством безналичных денег, которые готовы предложить продавцы (например, банки), и ценой безналичных денег. Обычно с увеличением цены на безналичные деньги уровень предложения на них также увеличивается, и наоборот. Кривая предложения безналичных денег имеет вид прямой гиперболы, что показывает, что увеличение цены ведёт к росту предложения безналичных денег. Это означает, что между ценой и предложением безналичных денег существует прямая функциональная связь по формуле: $S = f(P)$, где P – цена, S – предложение денег.

В условиях равновесия на рынке безналичных денег спрос и предложение денег сбалансированы. Поэтому цена и количество безналичных денег находятся на оптимальном уровне. Однако факторы, влияющие на спрос и предложение, могут сдвигать кривые и приводить к неравновесию на рынке.

По мере того как цифровизация экономики и спрос на безопасные и удобные формы безналичных платежей растут, кривая спроса на безналичные деньги смещается вправо. Это может привести к увеличению цены безналичных денег и количества таких транзакций на рынке. В целом, кривые спроса и предложения на безналичные деньги поддаются влиянию различных факторов и могут быть проанализированы с помощью традиционных методов макроэкономического анализа.

Заметим, что развитие технического прогресса в начале XXI века характеризуется интенсивным внедрением цифровых технологий во всех отраслях экономики. В результате этого значительно изменилась экономика России, а также её платёжная система. Банки, введенные в России ещё в начале XIX века, в настоящее время имеют совсем другой вид. Сегодня российский банк – это современное крупное финансово-кредитное учреждение, которое проводит множество самых сложных операций с деньгами и ценными бумагами. Сегодня банк оказывает также различные современные финансовые услуги. Например, современный сервис банкинга в настоящее время уже достиг значительных размеров. Сегодня почти все доступные финансовые операции человек может осуществить через приложение банка на мобильном устройстве за несколько минут [2].

Следует заметить, что среди способов оплаты безналичный метод занимает значительную долю и совершает огромные обороты, потому что это очень удобно и быстро. На время пандемии COVID-19 всему миру пришлось привыкать к оплате картой ради избежания контакта с потенциальным переносчиком болезни. Этот период повлиял на популярность бесконтактной оплаты. Данное следствие можно отнести к причинам возможной отмены купюр и монет на международном уровне. Использование банковских карт удобно: можно из любой точки мира расплатиться за свою покупку в магазине. Но благодаря развитию технологий XXI века, даже пластиковая карта скоро может не пригодиться –

достаточно будет иметь смартфон с привязанным к нему банковским счётом и расплачиваться с помощью функции NFC [5].

Следует отметить, что безналичное будущее легко может стать не самым приятным местом для некоторых клиентов. Главный довод в пользу этого следующий: отследить операции с наличными не так просто, особенно тогда, когда участники цепочки стараются этого не допустить. Конечно, финансовые организации обязательно воспользуются исчезновением этого островка анонимности, тщательно отслеживая буквально каждую финансовую операцию.

Следует отметить ещё одну пугающую деталь такого будущего. Дело в том, что в новой модели мира у банков фактически остается право решать, можете вы потратить свои деньги или нет. Здесь остаётся один шаг до того, чтобы составить реестр запрещенных сайтов. Неизбежной точкой развития новой реальности может стать появление единой мировой валюты, которая станет более простой и бесспорной, чем доллар. С такой валютой сможет легко взаимодействовать любой человек в мире. Главная причина, по которой этим инструментом не стали криптовалюты то, что мир пока не особо готов к этому [3].

В заключение заметим, что человечество с одинаковой долей вероятности может прийти как в прекрасное будущее, где деньги станут максимально честным, чистым и доступным инструментом для хорошей жизни, так и в зловещую антиутопию, где без одобрения нельзя будет купить даже еды. В пользу первого сценария говорит желание части общества и, возможно, отдельных компаний. В пользу второго сценария относятся существующие проблемы, усугубление которых, поможет наступлению цифрового концлагеря. Это, например, цифровое неравенство, а также базовая и финансовая неграмотность населения.

Список источников

1. Стырин Е.М. Государственные цифровые платформы. – М.: Изд-во ВШЭ, 2021. – 189 с.
2. Розанова Н.М. Микроэкономика. Учебник. – М.: Изд-во Юрайт, 2023.
3. Зварич В.В. Нумизматический словарь. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1975.
4. Майкл Ташмен. Победить с помощью инноваций. – М.: Сбербанк, 2013.
5. Лебедева А.А. Цифровые технологии в финансовой сфере. – М.: Проспект, 2023.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гайрбеков М.С.,

канд. экон. наук, доцент, и. о. директора Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: gairbekov.chesu@mail.ru

Гайрбекова М.И.,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление в образовании»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: gairbekov.chesu@mail.ru.

Ахмадова Х.А.,

студентка 1 курса направления «Таможенное дело»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: retwemir@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается эколого-экономический потенциал применения принципов циркулярной экономики для устойчивого развития горных территорий Чеченской Республики. Актуальность исследования обусловлена усилением антропогенной нагрузки на природные экосистемы, ограниченностью природных ресурсов и необходимостью поиска новых моделей рационального природопользования. Особую значимость данные проблемы приобретают для горных территорий, характеризующихся высокой экологической уязвимостью и чувствительностью природных комплексов к хозяйственной деятельности человека. В работе использованы методы системного и сравнительного анализа научных исследований, а также обобщения теоретических подходов к развитию циркулярной экономики. Рассмотрены экологические проблемы горных территорий Чеченской Республики, включая влияние климатических изменений, антропогенное воздействие и ограниченность институциональных и финансовых ресурсов для экологической диагностики. Проанализированы возможности внедрения моделей экономики замкнутого цикла на региональном уровне и определены экологические и экономические эффекты их применения. Сделан вывод о том, что использование принципов циркулярной экономики способствует снижению негативного воздействия на окружающую среду, повышению эффективности использования ресурсов и формированию устойчивой социально-эколого-экономической системы развития региона.

Ключевые слова: региональная экономика, циркулярная экономика, развитие горных территорий Чеченской Республики, эколого-экономический потенциал.

ECOLOGICAL AND ECONOMIC POTENTIAL OF THE CIRCULAR ECONOMY FOR THE MOUNTAINOUS TERRITORIES OF THE CHECHEN REPUBLIC

Gairbekov M.S.,

PhD in Economics, associate professor, Director of the Institute of Economics and Finance
of the Kadyrov Chechen State University

Gairbekova M.I.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department
of Economics and Management in Education
Chechen State Pedagogical University

Akhmadova Kh.A.,

1st year student of the specialty «Customs Affairs»
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article examines the ecological and economic potential of applying the principles of a circular economy for the sustainable development of the mountainous territories of the Chechen Republic. The relevance of the study is due to the increasing anthropogenic pressure on natural ecosystems, the limited availability of natural resources, and the need to find new models of sustainable environmental management. These issues are particularly important for mountainous territories, which are characterized by high environmental vulnerability and sensitivity of natural systems to human activities. The work uses methods of systematic and comparative analysis of scientific research, as well as

generalization of theoretical approaches to the development of a circular economy. The article discusses the environmental problems of the mountainous territories of the Chechen Republic, including the impact of climate change, anthropogenic influence, and the limited availability of institutional and financial resources for environmental diagnostics. The article analyzes the possibilities of implementing closed-loop economy models at the regional level and identifies the environmental and economic benefits of their implementation. It is concluded that the use of the principles of the circular economy contributes to reducing the negative impact on the environment, increasing the efficiency of resource use, and forming a sustainable socio-ecological-economic system of regional development.

Keywords: regional economy, circular economy, development of the mountainous territories of the Chechen Republic, ecological-economic potential.

Актуальность. Актуальность исследования определяется нарастанием экологических вызовов, вызванных расширением хозяйственной активности и ростом воздействия человека на природные системы. Горные регионы в этой ситуации оказываются в зоне повышенного риска: их природные комплексы крайне восприимчивы к внешним факторам, а способность к самовосстановлению существенно ограничена. Поддержание экологического равновесия в подобных регионах напрямую зависит от того, насколько грамотно используются природные ресурсы и насколько последовательно реализуются принципы устойчивого природопользования. В условиях дефицита природных богатств и необходимости обеспечить долгосрочное развитие территорий особую актуальность приобретают инновационные экономические модели, нацеленные на экономное расходование ресурсов, сокращение отходов и снижение негативного влияния на окружающую среду. При этом традиционная линейная экономика, работающая по схеме «добыча → производство → потребление → утилизация», теряет эффективность, поскольку ведёт к истощению природных запасов и повышает экологические риски. Одним из наиболее перспективных направлений в данном контексте является развитие циркулярной экономики, ориентированной на формирование замкнутых циклов использования ресурсов и повышение эффективности природопользования.

Применение принципов циркулярной экономики позволяет рассматривать отходы не как конечный результат хозяйственной деятельности, а как потенциальный ресурс, который может быть повторно вовлечён в экономический оборот. Особую значимость внедрение данной модели приобретает для горных территорий, где природные системы обладают высокой экологической ценностью и требуют бережного отношения. В связи с этим исследование возможностей применения принципов циркулярной экономики для устойчивого развития горных территорий Чеченской Республики представляется актуальным как с научной, так и с практической точки зрения.

Целью исследования является оценка эколого-экономического потенциала внедрения принципов циркулярной экономики как инструмента устойчивого развития горных районов Чеченской Республики и оптимизации использования местных природных ресурсов.

Методологическую основу исследования составляет обзор научных статей по тематике исследования, сравнительный анализ, системный подход и обобщение научных данных. В рамках исследования многие авторы опираются на концептуальные положения теории устойчивого развития, принципы циркулярной экономики и методологию регионального эколого-экономического анализа. Применение указанных подходов обеспечивает многоаспектное изучение специфики реализации циркулярных моделей в контексте региональных социально-экономических систем. Системный подход позволяет проследить причинно-следственные связи между экологическими и экономическими процессами на уровне региона и оценить перспективы внедрения инновационных природопользовательских практик. Дополнительно, посредством сравнительного анализа научных работ выявляются актуальные тренды развития циркулярной экономики и определяются наиболее результативные механизмы её интеграции в региональные хозяйственные структуры.

Горные территории Чеченской Республики представляют собой уникальные природные комплексы с высоким уровнем биоразнообразия, характеризующиеся значительным видовым богатством флоры и фауны. Однако в последние десятилетия фиксируется устойчивое ухудшение экологической обстановки в данных районах, что

обуславливает необходимость оперативного внедрения научно обоснованных природоохранных мер [5].

Первоочередное внимание следует уделить специфическим характеристикам природных систем рассматриваемых территорий. Экосистемы горных районов Чеченской Республики отличаются повышенной чувствительностью к внешним воздействиям и выраженной экологической уязвимостью, что обусловлено особенностями местного рельефа, климатическими параметрами и сложной структурой природно-территориальных комплексов.

В настоящее время состояние окружающей среды региона формируется под влиянием двух ключевых факторов: глобальных климатических изменений и антропогенной нагрузки. Особую роль играет глобальное потепление, которое, согласно материалам Международной научно-практической конференции «Глобальные и Региональные вызовы современных климатических изменений», представляет собой объективную реальность и несёт потенциальные риски масштабной климатической дестабилизации. Подтверждением данной тенденции служит тот факт, что последнее десятилетие стало самым тёплым за весь период инструментальных метеорологических наблюдений [5].

Рассматриваемые процессы оказывают существенное влияние на состояние природных экосистем. Согласно материалам научно-практической конференции, современные климатические изменения провоцируют комплекс неблагоприятных экологических последствий. Среди наиболее значимых проявлений – деградация земель и рост концентрации парниковых газов в атмосфере. Данные явления уже обусловили ряд негативных последствий, включая:

- повышение среднегодовых температур;
- ускоренное таяние ледниковых массивов;
- подъём уровня Мирового океана;
- изменение физико-химических свойств почвенного покрова.

В результате хозяйственная деятельность в ряде регионов сталкивается с новыми экологическими ограничениями, требующими адаптации существующих практик [5].

Экологическая обстановка в регионе формируется под влиянием как глобальных климатических изменений, так и локальных экологических проблем. Среди наиболее острых вызовов выделяется загрязнение водных объектов. Горные районы Чеченской Республики обладают значительными водными ресурсами: на их территории протекают многочисленные реки, располагаются озёра и водохранилища, выполняющие ключевую функцию в обеспечении местного населения питьевой водой.

Деградация водных запасов обусловлена комплексом факторов, в том числе нерациональным природопользованием и недостаточным контролем за сбросом промышленных и бытовых отходов. Следствием этих процессов становится снижение качества питьевой воды, что создаёт существенные риски для санитарно-эпидемиологического благополучия населения [5].

Трудности в решении экологических проблем во многом обусловлены институциональными ограничениями и кадровым дефицитом в природоохранной сфере. В горных районах Чеченской Республики наблюдается острая нехватка специалистов по экологической диагностике, обладающих необходимой квалификацией для проведения комплексного мониторинга состояния окружающей среды и выявления актуальных экологических угроз. Отсутствие достаточного числа таких экспертов существенно затрудняет разработку и реализацию эффективных природоохранных мероприятий, направленных на снижение антропогенного воздействия на природные комплексы [5].

Помимо кадрового дефицита, длительное время ключевым сдерживающим фактором выступала недостаточная финансовая обеспеченность природоохранных мероприятий. Реализация экологической диагностики требует значительных ресурсных вложений, включающих:

- приобретение специализированного измерительного и аналитического оборудования;
- организацию полевых и лабораторных исследований;

– разработку и апробацию комплекса мер по устранению выявленных экологических нарушений [3].

В современных условиях особую значимость приобретает реализация комплексной экологической диагностики территории. Данный методологический подход позволяет сформировать объективное представление о текущем состоянии окружающей среды, выявить актуальные экологические проблемы, установить причинно-следственные связи их возникновения и разработать научно обоснованные решения для их устранения. Однако в горных районах Чеченской Республики практическое внедрение подобных диагностических процедур сталкивалось с рядом существенных ограничений, затруднявших их эффективную реализацию [5].

Ограниченность финансовых ресурсов выступала одним из ключевых факторов, сдерживающих экологическое развитие региона. Недостаточный объем финансирования существенно затруднял реализацию полноценной экологической диагностики, которая предполагает существенные капиталовложения в:

- материально-техническое оснащение исследовательских лабораторий;
- организацию полевых мониторинговых исследований;
- разработку и внедрение программ по минимизации и устранению негативных экологических воздействий.

Финансирование природоохранных мероприятий в горных районах Чеченской Республики оказывалось недостаточным для покрытия реальных потребностей. Это существенно затрудняло работу по решению накопившихся экологических проблем [5].

На современном этапе развития Чеченской Республики наблюдается активное освоение как горных, так и равнинных территорий. Параллельно расширяется хозяйственная деятельность населения, развиваются разные направления массового туризма, а также усиливается влияние климатических изменений на регион [3, с. 96].

В соответствии с указом Главы Чеченской Республики от 14 января 2026 года № 8 «Об объявлении 2026 года в Чеченской Республике Годом горных районов, развития малого и среднего предпринимательства» [1], план мероприятий, посвященных Году горных районов, развития малого и среднего предпринимательства в Чеченской Республике, утвержденный распоряжением от 12.02.2026 года № 30-р, включает 339 мероприятий, реализуемых в целях социально-экономического развития горных территорий Чеченской Республики. Мероприятия охватывают широкий спектр активностей, начиная проведением Фестиваля народного творчества «Беноевская весна – 2026» и научных экспедиций и заканчивая строительством многоквартирных жилых комплексов и животноводческой фермы для разведения крупного рогатого скота и лошадей. В марте 2026 года комиссия по отбору инвестиционных проектов при Министерстве экономического и территориального развития ЧР одобрила 40 инициатив, направленных на развитие горных территорий региона [8].

Важнейшим направлением развития горных территорий Чеченской Республики является реализация Программы развития горных территорий (далее – Программа) [9]. Результаты реализации программы в 2024 году свидетельствуют о значимых результатах: создано 197 рабочих мест, в том числе: в рамках реализации инвестиционных проектов создано 40 рабочих мест, в рамках реализации госпрограмм Чеченской Республики и региональных проектов – 157 рабочих мест, в том числе: 118 временных рабочих мест и 39 – постоянных [9]. В отчете также отмечается, что мероприятия реализовывались по нескольким ключевым направлениям, включая государственную поддержку инвестиционных проектов, развитие приоритетных отраслей экономики и реализацию мероприятий государственных программ. Так, в рамках реализации инвестиционных проектов, направленных на развитие приоритетных отраслей горных районов Чеченской Республики, «осуществлена реализация 123 проектов на общую сумму более 12 млрд рублей»¹. Реализация рассматриваемых проектов

¹ Программа развития горных территорий. Отчет о ходе реализации Программы развития горных районов за 2024 год: сайт Министерства экономического и территориального развития Чеченской Республики. Режим

затрагивает широкий спектр экономических секторов, в том числе туристско-рекреационную сферу, аграрный сектор, промышленное производство и услуги. Это создаёт предпосылки для комплексного социально-экономического развития горных районов.

Результаты проведённого анализа экологических проблем горных территорий Чеченской Республики демонстрируют, что ключевые факторы трансформации природной среды обусловлены климатическими изменениями и усилением антропогенного воздействия. В связи с этим актуализируется задача разработки устойчивых моделей природопользования и внедрения экономических инструментов с природоохранной направленностью. Реализация подобных мер позволит снизить нагрузку на природные комплексы и будет способствовать устойчивому развитию горных территорий региона.

В современных условиях особую значимость приобретает внедрение принципов циркулярной экономики на региональном уровне как эффективного механизма сбалансированного развития. Переход к данной модели развития связан с необходимостью повышения эффективности использования природных ресурсов и снижения негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду.

Как отмечает Р.Х. Бекмурзаева, традиционная модель экономического развития долгое время основывалась на линейной системе производства и потребления, при которой ресурсы после использования превращаются в отходы [4]. В связи с этим подчеркивается необходимость перехода к новой модели хозяйствования.

В качестве альтернативы рассматривается модель экономики замкнутого цикла. По мнению исследователей, «циркулярная экономика является сложной моделью, которая включает различные экологические вопросы и касается различных направлений инвестиций: экологическое совершенствование компании, экоинновации или энергосбережение, а также возобновляемые источники энергии» [4].

Сегодня всё острее стоит вопрос перехода к более разумным подходам в использовании природных богатств. С.В. Ревунов подчёркивает, что продолжительный техногенно-антропогенный пресс на экосистемы, а также несбалансированные методы природопользования и потребления ресурсов стали ключевыми причинами перехода к новой модели управления – экономике замкнутого цикла [7].

На региональном уровне внедрение моделей экономики замкнутого цикла становится одним из приоритетных векторов устойчивого развития территорий. Использование подобных подходов помогает эффективнее распоряжаться природными ресурсами, снижать антропогенную нагрузку на окружающую среду и выстраивать устойчивую систему социально-эколого-экономического развития. Ключевую роль здесь играет циркулярная модель экономики: она нацелена на экономное потребление ресурсов, сокращение отходов и снижение негативного воздействия на местные экосистемы. О.С. Карашук отмечает, что «Циркулярная экономика – это «экономическая система, которая заменяет концепцию *«end of life»* сокращением, альтернативным повторным использованием, рециркуляцией и восстановлением материалов в процессах производства/распределения и потребления с целью достижения устойчивого развития»².

Одним из важнейших результатов внедрения циркулярных принципов является получение экологических эффектов. К их числу относятся:

- сокращение потребления природного сырья и материалов;
- использование возобновляемого сырья и материалов;
- снижение выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду;
- сохранение природной экосистемы [6].

доступа: <https://economy-chr.ru/territorialnoe-razvitie/programma-razvitiya-gornyykh-territorij>. (дата обращения: 24.03.2026 г.).

² Карашук О.С., Кравченко Е.С. Бизнес-модели циркуляционной экономики: сущность, элементы и место в механизме устойчивого развития регионального хозяйственного комплекса / Торговля и рынок. 2022. № 2 (62). – С. 215–226.

Реализация принципов циркулярной экономики на уровне региона открывает возможности для более рационального использования природных ресурсов, снижения негативного воздействия на окружающую среду и построения устойчивой системы социально-эколого-экономического развития территории.

Таким образом, внедрение принципов циркулярной экономики представляет собой перспективное направление обеспечения устойчивого развития регионов. Для горных районов Чеченской Республики внедрение модели циркулярной экономики открывает ряд перспектив: снижение антропогенного воздействия на местные экосистемы, более эффективное использование природных богатств и развитие отраслей с экологической направленностью. Применение циркулярных принципов поможет оптимизировать природопользование, сократить объёмы отходов и повысить уровень экологической безопасности региона. Дополнительно освоение современных экологических технологий способно стимулировать появление новых экономических направлений, в частности, связанных с ресурсопереработкой и экологически ориентированным производством.

Ожидаемые результаты внедрения циркулярных подходов:

- существенное сокращение объёмов образующихся отходов и рост доли их вторичной переработки;
- уменьшение нагрузки на природные экосистемы;
- рационализация использования природных ресурсов;
- формирование новых секторов экономики с акцентом на экологичность;
- обеспечение долгосрочной устойчивости региона в экологическом и экономическом плане.

Список источников

1. Указ Главы Чеченской Республики от 14 января 2026 года № 8 «Об объявлении 2026 года в Чеченской Республике Годом горных районов, развития малого и среднего предпринимательства»: Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2000202601150001> (дата обращения 24.03.2026 г.).
2. Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 12.02.2026 года № 30-р «Об утверждении Плана мероприятий, посвященных Году горных районов, развития малого и среднего предпринимательства в Чеченской Республике»: сайт Министерства экономического и территориального развития Чеченской Республики. Режим доступа: https://economy-chr.ru/images/normativno-pravovye-akty/rasporyazheniya-pravitelstva-chr/2026/30-r_ot_12.02.2026g._Ob_utverzhdenii_Plana_meropriyatiy_posvyashchennykh_Godu_gornyykh_rayonov_razvitiya_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_Chechenskoy_Respublike.pdf (дата обращения 24.03.2026 г.).
3. Батхиев А.М. Биоразнообразие и экологическая безопасность Чеченской Республики как основа устойчивого развития / А.М. Батхиев // Вестник КНИИ РАН. Серия: Естественные и технические науки. 2024. № 1(16). – С. 95–110.
4. Бекмурзаева Р.Х., Джандарова Л.Х. Введение принципов циркулярной экономики на региональном уровне / Вестник научной мысли. 2021. № 6. – С. 266–271.
5. Глобальные и региональные вызовы современных климатических изменений [Электронное издание]: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 18–20 апреля 2024 г.). – Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2024. – 132 с.
6. Карашук О.С., Кравченко Е.С. Бизнес-модели циркуляционной экономики: сущность, элементы и место в механизме устойчивого развития регионального хозяйственного комплекса / Торговля и рынок. 2022. № 2 (62). – С. 215–226.
7. Ревунов С.В. Устойчивость и эффективность социо-эколого-экономического развития Ростовской области в контексте перехода к рациональным моделям производства и потребления Наука и бизнес: пути развития. 2024. № 3 (153). – С. 93–96.
8. В Чеченской Республике одобрили 40 инвестпроектов для развития горных районов: сайт Чеченской государственной телерадиокомпании «Грозный». Режим доступа: (дата обращения: 01.04.2026 г.).
9. Программа развития горных территорий. Отчет о ходе реализации Программы развития горных районов за 2024 год: сайт Министерства экономического и территориального развития Чеченской Республики. Режим доступа: <https://economy-chr.ru/territorialnoe-razvitie/programma-razvitiya-gornyykh-territorij>. (дата обращения: 24.03.2026 г.).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОРМУЗСКОГО ПРОЛИВА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В 2026 г.

Галаев А.А.,

студент 3 курса ИЭФ

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: romcras@gmail.com

Алиева Э.И.,

ассистент кафедры «Налоги и налогообложение»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: elinaalieva93@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния Ормузского пролива на мировую энергетическую систему в условиях эскалации геополитической напряженности. Автор рассматривает исторические прецеденты блокировки пролива и их корреляцию с динамикой цен на нефть. Особое внимание уделяется стратегическим интересам крупных игроков, включая США и Китай, а также механизмам адаптации глобальной экономики к логистическим шокам.

Ключевые слова: Ормузский пролив, энергетическая безопасность, рынок нефти, волатильность цен, геополитические риски, адаптация рынка.

GEOPOLITICAL DESTABILIZATION OF THE STRAIT OF HORMUZ AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ENERGY ARCHITECTURE IN 2026.

Galaev A.A.,

Student of the NN-23 Full-Time Program,

Faculty of the Institute of Economics and Finance

Kadyrov Chechen State University

Scientific Supervisor: Alieva E.I.,

Assistant – Taxes and Taxation

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article provides an in-depth analysis of the Strait of Hormuz's impact on the global energy system amidst escalating geopolitical tensions. The author examines historical precedents of the strait's blockage and their correlation with oil price dynamics. Special emphasis is placed on the strategic interests of major global players, including the United States and China, as well as the mechanisms of the global economy's adaptation to logistical shocks.

Keywords: Strait of Hormuz, energy security, oil market, price volatility, geopolitical risks, market adaptation.

Введение. В современной системе мировой экономики энергетическая безопасность государства находится в прямой зависимости от стабильности функционирования глобальных логистических коридоров. Одним из таких так называемых «узких мест» мировой торговли является Ормузский пролив, привлекий внимания всего мира. Он занимает уникальное положение, являясь единственным морским путем для экспорта углеводородов из стран Персидского залива в открытый океан.

Пролив расположен на северо-западной части Индийского океана, соединяя Персидский и Оманский заливы, функционально он является ключевой артерией мирового энергетического рынка. Протяженность данного пролива составляет 180–195 км, ширина варьируется от 55 до 95 км. Особое стратегическое значение имеет наиболее узкий участок в северо-восточной части (между иранским островом Ламбак и оманским архипелагом Ас-Салама), где ширина сокращается до критических 33–39 км.

20,9 млн барр.

нефти проходит через пролив
ежедневно*

15–20%

мировой нефти проходит
через пролив

~160 км

составляет длина пролива

4/5

объема перевозимой по проливу
сырой нефти и конденсата
приходится на Азию.
Остальное — на Европу**

~33 км

ширина пролива в самом узком месте

Рис. 1. Где расположен Ормузский пролив

Источник: <https://www.rbc.ru/base/>

В настоящее время через Ормузский пролив обеспечивалось 15–20% мирового объема транспортировки сырой нефти, конденсата и нефтепродуктов. Согласно данным мониторинга Bloomberg, в 2025 году среднесуточный объем перевозок составил порядка 16,7 млн баррелей. Значение данного пролива для газового рынка еще более весомо, так как через него проходит более 30% всего мирового экспорта сжиженного природного газа, преимущественно из стран Катар и ОАЭ. На основе анализа структуры поставок за 2024–2025 гг. выявляется отчетливый «азиатский вектор» зависимости: основными потребителями энергоресурсов, проходящих через пролив, являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как Китай, Индия, Япония и Южная Корея, которые в совокупности аккумулируют 69% всех объемов нефти. Для Китая этот пролив является критически очень важным в контексте поставок СПГ, обеспечивая около 24% всего импорта данного ресурса.

Саудовская Аравия, являясь крупнейшим экспортером, направляет через этот маршрут до 38% своего совокупного объема нефти и конденсата [3].

В этих условиях высокая степень концентрации торговых путей позволяет Министерству энергетики США квалифицировать Ормузский пролив как самый важный маршрут перевозки нефти в мире. В этой связи нарастающая напряженность в отношениях между Ираном, странами Персидского залива, Израилем и США создает перманентную угрозу безопасности судоходства. Закрытие или даже частичная блокада данного пролива способны спровоцировать масштабный ценовой шок и рецессию в энергозависимых экономиках мира.

Исторический анализ волатильности энергетического рынка в условиях конфликтов в Ормузском проливе

Для понимания нынешней нарастающей специфики кризиса нам необходимо обратиться к истории энергетических шоков, точкой начала которой стала Исламская революция в Иране 1979 г. Данное событие того периода сформировало классическую модель рыночного шока: политическую дестабилизацию и последующее эмбарго со стороны США, которое привело к двукратному росту цен, достигших пика в 39 долларов за баррель, что в эквиваленте покупательной способности 2026 года соответствует уровню 135–140 долл. Следом за этим, без передышки, в 1980 году начинается ирано-иракская война, которая продемонстрировала стратегическую уязвимость инфраструктуры. В этом конфликте обе стороны рассматривали нефтегазовый сектор противника как приоритетную цель, вследствие чего началась ожесточенная танкерная война в Персидском заливе и дополнительные атаки на НПЗ. Доля экспорта в ВВП которых составляла 70% для Ирака и 45% для Ирана, все это создало ситуацию затяжного дефицита. Однако, как показывает опыт 1980-х, рынок обладает механизмами долгосрочной адаптации: к 1985 году перепроизводство в странах вне ОПЕК и восстановление экспорта с воюющими сторонами привели к стабилизации цен. Особый интерес для данного исследования представляет сравнение кризисов 1990-х и 2020-х годов, а именно вторжение Ирака в Кувейт 1990 года, которое вызвало краткосрочный скачок цен до 41,45 долларов, а это порядка 105 долларов в ценах 2026 года. Этот скачок был оперативно нивелирован не только военным вмешательством коалиции «Буря в пустыне», но и стратегическим решением США по распечатке нефтяных резервов. Этот прецедент доказал, что наличие накопленных запасов у стран-потребителей является критическим фактором сдерживания цен.

Современный этап 2019–2025 гг. характеризуется изменением характера угроз: в 2019 году была совершена атака хуситов на саудовские месторождения Абкайк и Хурайс, что продемонстрировало уязвимость инфраструктуры перед высокоточным недорогим оружием, а именно дронами. Это вызвало крупнейший одномоментный скачок цен на 19,5%. События 2022 года и последующая операция «Восстающий лев» в июне 2025 года закрепили нефтяные котировки в диапазоне выше 100 долл. за баррель [4]. Согласно актуальным прогнозам МЭА на 2026 год, потенциальное сокращение мирового предложения может составить 6–8 млн баррелей в сутки [5]. Это ставит мировую экономику перед вызовом, сопоставимым по масштабу с шоком 1980-х годов, но в условиях гораздо более сложной системы геополитических сдержек и противовесов. Ключевым отличием текущего момента является то, что если в 1980-х рынок адаптировался через 3–4 года, то в 2026 году скорость адаптации и возможности маневра ресурсами, в частности, роль Венесуэлы и сланцевого сектора США, создают принципиально иную динамику.

Технологический детерминизм и «венесуэльский вектор» в энергетической стратегии США

Парадоксальность текущей позиции Соединенных Штатов на мировом рынке, особенно в контексте ценовых пиков в 2026 году, невозможно адекватно оценить без анализа «сланцевого тупика» нефтепереработки. Фундаментальная проблема, которую Д. Ергин обозначает в своей книге «Новая карта мира» как несоответствие качества сырья и архитектуры НПЗ, стала триггером для жесткой экспансии США в Латинскую Америку.

Суть технологического разрыва заключается в том, что сланцевая нефть (LTO – Light Tight Oil), объемы которой стремительно росли с 2011 года, по своим физико-химическим свойствам является «слишком легкой» для американских заводов. Начиная с 90-х годов, в глубокую переработку на побережье Мексиканского залива и Среднем Западе было вложено инвестиций более чем на 100 млрд долл. Эти колоссальные вложения были направлены на адаптацию систем под тяжелые, сернистые сорта из Венесуэлы, Мексики и Канады. Таким образом, возникает уникальная ситуация: США, обладая избытком собственного сырья, технически не могут функционировать без импорта тяжелой нефти, которая необходима для создания оптимальной «корзины» переработки [1].

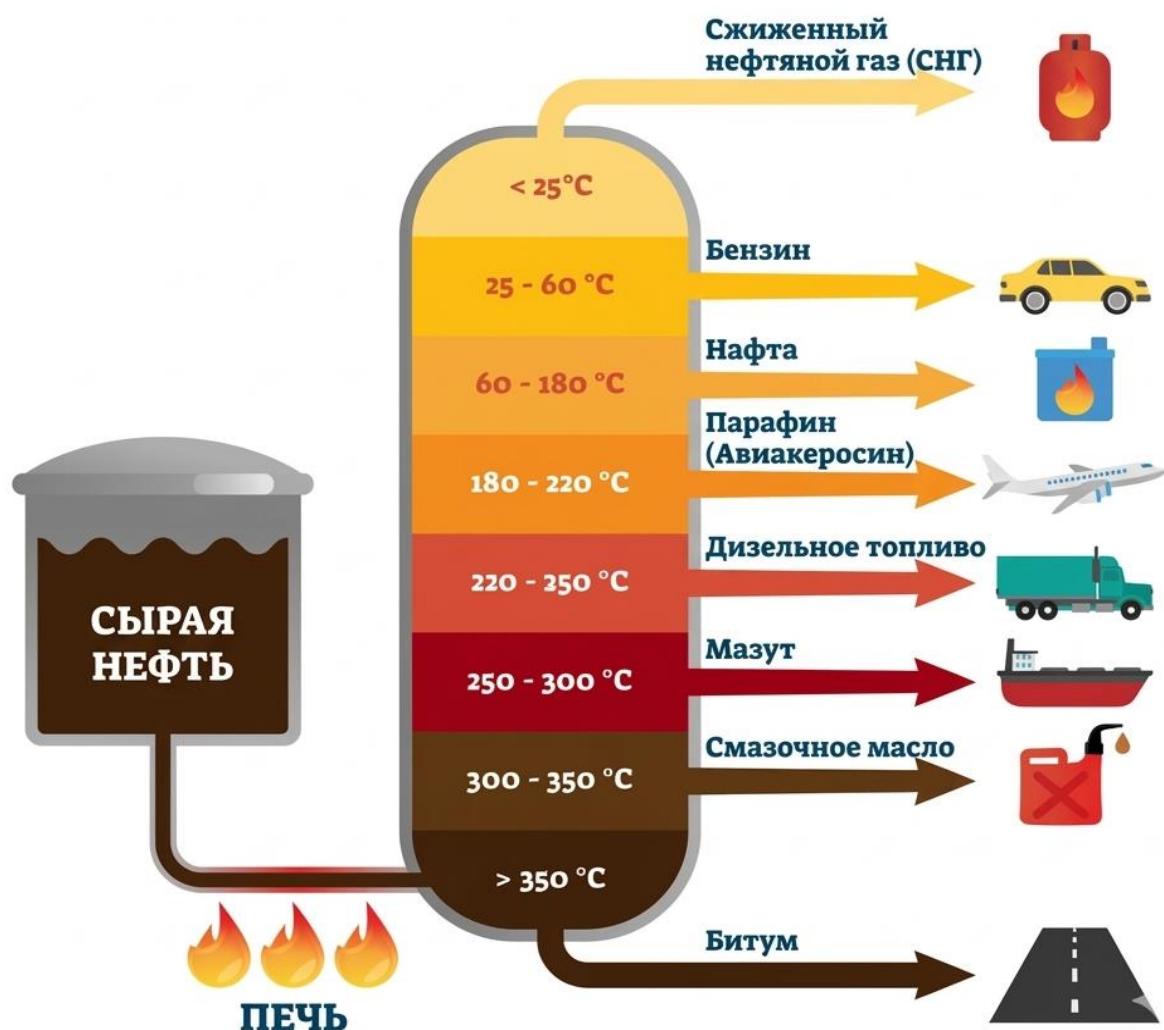

Рис. 2. Фракционная дистилляция сырой нефти

Источник: составлено автором

Эта схема наглядно объясняет, почему США, несмотря на свою сланцевую нефть, жизненно нуждаются в контроле над тяжелой нефтью. Сверху: легкая сланцевая нефть, которая при переработке дает избыток нефти и бензина, но мало дизеля и тяжелых фракций. Снизу – уже тяжелая сернистая нефть из Латинской Америки и Ближнего Востока. Она сложна в переработке, но дает ценные фракции для смешивания. Добыча США – это в основном легкая нефть, в то время как потребность их заводов – это тяжелая нефть. Эта диаграмма показывает, что «географический и экономический» баланс США достигается только за счет импорта тяжелых сортов, который в условиях кризиса в Ормузском проливе и блокады Венесуэлы становится стратегическим инструментом США. Именно здесь кроется истинная причина военно-политической активности Вашингтона в отношении Каракаса. Захват

управления республикой и фактический протекторат над венесуэльской нефтяной отраслью – это не «имперская прихоть», а технологическая необходимость [2]. Когда в 2014 году ОПЕК попыталась обвалить сланцевую индустрию («сланцевый шторм»), американские компании (около сотни из которых прошли через процедуру банкротства) осознали: выживание возможно только при полном контроле над всей цепочкой сортов. Так, при нынешней цене барреля в 100 долларов, США получают двойную выгоду, а именно сверхприбыль от экспорта собственного сланца и стабильную загрузку своих НПЗ дешевым венесуэльским сырьем.

Гипотеза исследования: энергетический редизайн вместо ядерного сдерживания

На основании проведенного анализа технологических и геополитических сдвигов представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что текущая эскалация напряженности вокруг Ирана со стороны США имеет под собой не столько официально декларируемую цель противодействия ядерной программе, сколько глубоко прагматичный и тактический расчет. В рамках данной логики действия Вашингтона и союзников (включая операцию «Восстающий лев» июня 2025 года) выглядят как многоуровневая операция по принудительному переформатированию глобального рынка энергоносителей. Перевод ситуации в Ормузском проливе в фазу «постоянной нестабильности» позволяет реализовать сценарий, который можно назвать «Глобальным энергетическим перехватом». Это, во-первых, ликвидация конкуренции через хаос, за счет искусственного ограничения навигации в проливе, что фактически выводит из игры восточную нефть, а установление контроля над Венесуэлой через захват политического руководства и ввод американских корпораций типа Chevron замыкает поставки тяжелых сортов на американские НПЗ. Во-вторых, это ценовое доминирование: обеспечение поддержания котировок на уровне 100 долларов и с потенциалом скачка до 200 долларов в случае полной физической блокады) делает рентабельными любые, даже самые дорогие проекты по добыче сланцевой нефти в США. Таким образом, американские компании не просто «выживают», а аккумулируют сверхприбыль, изымая её из экономик стран-импортеров, прежде всего – Китая. И, в-третьих, что может быть одной из основных причин, – это реанимация нефтедоллара: закрепить контроль над критической массой мировых запасов нефти и управление её дефицитом, за счет чего позволяет США восстановить эксклюзивную роль доллара как единственного расчетного инструмента в энергетике. В условиях, когда нефть становится инструментом геополитического диктата, господство над её потоками гарантирует сохранение доллара в качестве безусловной мировой валюты, обеспеченной не золотом, а физическим доступом к энергии.

Вся парадоксальность ситуации заключается в том, что эскалация, способная привести к краху промышленности в Азии и Европе, для экономики США все это превращается в «окно возможностей». Таким образом, «иранский вопрос» служит лишь легитимным поводом для запуска механизма перераспределения энергетической ренты в пользу Североамериканского региона, вследствие чего окончательно закрепляя за США статус «нового глобального балансира», обладающего монополией на установление правил игры в посткризисном мире.

«Малаккская дилемма» и энергетический тупик азиатских экономик в 2026 году

Если для США волатильность рынка является инструментом экспансии, то для КНР она превращается в экзистенциальную угрозу. Энергетика – это фундамент, на котором держится статус Китая как «мастерской мира». Потребляя сегодня почти 25% всей мировой энергии, Пекин оказался в ловушке собственной импортозависимости. Любой сбой в поставках из Персидского залива бьет не просто по кошелькам граждан, а по самой жизнеспособности глобальной производственной платформы [1].

Сравнительный анализ шока 2022–2023 годов и текущего кризиса апреля 2026 года выявляет фундаментальное различие в механизмах выживания Азии. В период конфликта на Украине Китай и Индия продемонстрировали феноменальную гибкость, де-факто спасая свои экономики за счет дисконтного сырья из РФ. Доля российского сырья в импорте Индии взлетела с 1% до 35% всего за год. Это был «кризис перераспределения». Однако в 2026 году ситуация в Ормузском проливе перешла в иную плоскость. Хотя на текущий момент навигация в проливе перекрыта не полностью, режим «осажденной крепости» уже запущен. В

отличие от 2022 года, дешевой альтернативы больше не существует, дисконтные потоки также привязаны к безопасности морских путей. Если текущая цена в \$120–140 является «премией за риск», то полная физическая блокада артерии неизбежно поднимет котировки до \$200 за баррель. Для Китая это будет означать не просто замедление ВВП до критических 3% (как в период локдаунов 2022-го), а полномасштабную деиндустриализацию.

Заключение. Проведенный анализ энергетического кризиса 2025–2026 годов позволяет сделать вывод о фундаментальной трансформации глобальной архитектуры безопасности. Если шоки 1980-х и 2022-х годов были кризисами «адаптации» и «реконфигурации» логистики, то текущая ситуация в Ормузском проливе представляет собой управляемый переход к новой модели энергетической гегемонии. Подводя итог, можно констатировать, что мир вступил в эпоху, где геополитическая мощь определяется не только наличием ресурсов, но и способностью блокировать доступ к ним для конкурентов. Эскалация в Персидском заливе – это не случайный конфликт, а финальный этап редизайна так называемой «Новой карты мира», где энергетический дефицит становится фундаментом для сохранения глобального финансового превосходства.

Список источников

1. Ергин Д. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / Даниел Ергин; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 444 с.
2. Военная операция США в Венесуэле: [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. 2026. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Военная_операция_США_в_Венесуэле (дата обращения: 05.04.2026).
3. Израиль начал военную операцию против Ирана: [Электронный ресурс] // РБК: Экономическое обозрение. 2025. 16 июня. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/base/16/06/2025/685020189a794776d3baab28> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Хронология влияния военных конфликтов на цены на нефть: [Электронный ресурс] // ТАСС: Информационное агентство. 2026. Режим доступа: <https://tass.ru/info/26611093> (дата обращения: 05.04.2026).
5. World Energy Outlook 2025 [Electronic resource] / International Energy Agency. 2025. Mode of access: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025>.

ВЛИЯНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ НА ФИНАНСОВУЮ ОТЧЕТНОСТЬ И АУДИТ

Галаева Р.Х.,

*магистрант 1 курса направления «Финансы и кредит» факультета экономики и управления,
Ингушский государственный университет
e-mail: galaevradima@gmail.com*

Научный руководитель: Майсигова Л.А.,

*канд. экон. наук, доцент факультета экономики и управления,
Ингушский государственный университет*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния блокчейн-технологий на процессы подготовки финансовой отчетности и проведения аудита. Цель – выявление ключевых изменений в учетной и контрольной деятельности под воздействием распределенного реестра. Методология – анализ научной литературы и практических кейсов внедрения блокчейна в учетные системы. Определены основные преимущества: неизменность записей, прозрачность транзакций, автоматизация контроля. Выявлены барьеры: нормативно-правовые ограничения, проблема интеграции с legacy-системами, дефицит кадровых компетенций. Предложены направления трансформации аудита в условиях тройной записи. Результаты могут быть использованы аудиторскими организациями и профессиональными объединениями при разработке методик блокчейн-ориентированного аудита.

Ключевые слова: блокчейн, распределенный реестр, финансовая отчетность, аудит, тройная запись, смарт-контракты, цифровая трансформация, учетная система.

THE IMPACT OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES ON FINANCIAL REPORTING AND AUDIT

Galaeva R.Kh.,

*1st-year Master's student of the field of study «Finance and Credit»,
Faculty of Economics and Management,
Ingush State University*

Scientific adviser: Maysigova L.A.,

*PhD in Economics,
Associate Professor of the Faculty of Economics and Management
Ingush State University*

Abstract. The article analyzes the impact of blockchain technologies on the processes of financial reporting preparation and audit. The aim is to identify key changes in accounting and control activities under the influence of distributed ledger. The methodology is based on the analysis of scientific literature and practical cases of blockchain implementation in accounting systems. The main advantages are identified: immutability of records, transaction transparency, automation of control. Barriers are revealed: regulatory constraints, integration problems with legacy systems, shortage of personnel competencies. Directions for audit transformation in the context of triple-entry accounting are proposed. The results can be used by audit organizations and professional associations in developing blockchain-oriented audit methodologies.

Keywords: blockchain, distributed ledger, financial reporting, audit, triple-entry accounting, smart contracts, digital transformation, accounting system.

Введение. Цифровая трансформация экономики не обходит стороной сферу учета и контроля [9]. Одной из наиболее обсуждаемых технологий последнего десятилетия стал блокчейн – распределенный реестр, обеспечивающий неизменность, прозрачность и децентрализацию записи транзакций. Изначально разработанный для криптовалют, сегодня блокчейн проникает в корпоративные учетные системы, цепи поставок, государственный финансовый контроль. Как отмечают современные исследователи, «цифровизация меняет требования к профессиональным компетенциям бухгалтера, смещая акцент с технических навыков на аналитические и IT-компетенции» [3, с. 134].

Финансовая отчетность и аудит традиционно базируются на системе двойной записи, предложенной еще в XV веке Лукой Пачоли. Блокчейн предлагает парадигму «тройной записи», где каждая транзакция фиксируется одновременно у всех участников распределенной сети. Это создает предпосылки для фундаментальных изменений в подтверждении достоверности отчетности, снижении рисков искажений и повышении доверия к финансовой информации.

Цель исследования – выявить ключевые направления влияния блокчейн-технологий на финансовую отчетность и аудит, а также определить вызовы и перспективы их внедрения в российскую учетную практику.

Блокчейн как новая парадигма учетной системы

Классическая бухгалтерская модель основана на принципе двойной записи: каждая хозяйственная операция отражается дважды – по дебету одного счета и кредиту другого. Это обеспечивает баланс активов и обязательств, а также возможность верификации записей [17]. Однако данная система имеет ограничения: необходимость доверия к лицу, ведущему учет; возможность постфактумных исправлений без надлежащего обоснования; трудозатратность сверки данных между контрагентами.

Блокчейн-технология предлагает альтернативу, получившую название «тройная запись» [26, р. 1301]. В этой модели каждая операция фиксируется не только в учетных системах двух контрагентов, но и в распределенном реестре, заверенном криптографически. Ключевые свойства блокчейна, значимые для учета и аудита, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Свойства блокчейна и их значение для учета и аудита

<i>Свойство блокчейна</i>	<i>Сущность</i>
Неизменность	Записанные данные невозможно изменить без изменения всех последующих блоков
Прозрачность	Все участники сети имеют доступ к единому реестру
Децентрализация	Отсутствие единого центра контроля
Консенсусный механизм	Запись подтверждается большинством участников
Смарт-контракты	Программируемые условия автоматического исполнения

Источник: составлено автором на основе [11, 26]

Анализ свойств блокчейна, представленных в таблице 1, позволяет утверждать, что технология распределенного реестра создает принципиально новые условия для ведения учета и осуществления аудиторской деятельности. Неизменность записей и прозрачность транзакций обеспечивают снижение рисков фальсификации финансовой информации и минимизируют потребность в традиционных межкорпоративных сверках. Децентрализация и консенсусный механизм распределяют ответственность между участниками сети и автоматически верифицируют каждую операцию, что сокращает нагрузку на аудитора по подтверждению фактов хозяйственной жизни. Смарт-контракты, в свою очередь, открывают возможности для автоматизации учетных записей при наступлении заранее определенных условий. В совокупности перечисленные свойства блокчейна формируют предпосылки для перехода от периодического подтверждения достоверности отчетности к непрерывному аудиту в реальном времени, что соответствует выводам о трансформации контрольной деятельности в цифровой экономике [7, 11]. Это меняет роль аудитора: от проверки достоверности записей постфактум – к мониторингу правил работы смарт-контрактов и архитектуры блокчейн-системы.

Влияние блокчейна на подготовку финансовой отчетности

Внедрение блокчейна в корпоративные учетные системы изменяет сам процесс формирования финансовой отчетности по нескольким направлениям.

1. Автоматизация учетных записей. При использовании смарт-контрактов многие хозяйственные операции (отгрузка товара, оплата, начисление процентов) могут автоматически генерировать проводки в момент совершения события. Это снижает трудоемкость учетного процесса и минимизирует риск человеческих ошибок. В работе Л.А.

Майсиговой, посвященной трансформации профессии бухгалтера, подчеркивается, что автоматизация рутинных операций высвобождает время для аналитической работы и профессионального суждения [3, с. 135].

2. Непрерывная верификация данных. В традиционной модели отчетность составляется на определенную дату (квартал, год). Блокчейн-системы позволяют формировать «живую» отчетность, где данные обновляются в реальном времени. Исследования показывают, что это ведет к трансформации периодической отчетности в непрерывное раскрытие информации [26, р. 1303].

3. Повышение надежности исходных данных. Поскольку записи в блокчейне невозможно подделать ретроспективно, аудитор может с высокой степенью уверенности полагаться на факт совершения операции. Это снижает объем процедур тестирования достоверности и позволяет сфокусироваться на профессиональном суждении и оценках [11].

В то же время сохраняются ограничения. Блокчейн не решает проблемы корректной классификации операций, применения учетных принципов, справедливой оценки активов и обязательств. Ряд записей (например, резервы под обесценение, оценочные обязательства) по-прежнему требуют профессионального суждения бухгалтера и не могут быть полностью автоматизированы [17].

Трансформация аудита в условиях блокчейна

Традиционный аудит базируется на выборочной проверке, оценке системы внутреннего контроля и подтверждении сальдо. Внедрение блокчейна меняет все три компонента. В контексте цифровой трансформации контрольной деятельности, «цифровые технологии требуют пересмотра не только инструментов, но и самой парадигмы контроля» [7, с. 118].

Во-первых, появляется возможность аудита полных данных, а не выборки. Поскольку весь реестр доступен для проверки, аудитор может анализировать 100% транзакций, что повышает надежность заключения [11].

Во-вторых, изменяется оценка системы внутреннего контроля. Фокус смещается с контроля за учетным персоналом на контроль за архитектурой смарт-контрактов и алгоритмами консенсуса. Аудитор должен обладать компетенциями не только в области бухгалтерского учета, но и в программировании, криптографии, информационной безопасности. В совместных исследованиях подчеркивается, что «цифровая экономика требует от аудитора владения технологическими компетенциями, включая понимание принципов работы распределенных реестров» [21, р. 95].

В-третьих, сама временная модель аудита трансформируется. Вместо годовой проверки постфактум возникает концепция непрерывного аудита в реальном времени, где аудиторские процедуры встроены в блокчейн-систему и выполняются автоматически при наступлении контрольных точек [15, с. 48].

Наиболее важные изменения в аудиторских процедурах представлены в таблице 2.

Таблица 2. Трансформация аудиторских процедур под влиянием блокчейна

<i>Традиционная процедура</i>	<i>Процедура в условиях блокчейна</i>	<i>Характер изменений</i>
Запрос подтверждений у контрагентов	Проверка записей в распределенном реестре	Исключение посредников
Проверка арифметической точности	Автоматизированная верификация криптографических хэшей	Полный охват, исключение человеческого фактора
Тестирование выборки	Анализ всей совокупности транзакций	Сплошной аудит
Оценка соблюдения учетной политики	Проверка условий смарт-контрактов	Смещение фокуса на алгоритмы
Проверка наличия активов (инвентаризация)	Отслеживание движения актива по распределенному реестру	Возможность удаленной верификации

Источник: составлено автором на основе [7, 11, 15]

Сравнительный анализ традиционных и блокчейн-ориентированных аудиторских процедур, систематизированный в таблице 2, демонстрирует фундаментальные изменения в методологии аудита. Во-первых, исключаются процедуры, связанные с запросом подтверждений у третьих лиц, поскольку достоверность транзакций подтверждается самой распределенной сетью. Во-вторых, вместо выборочного тестирования аудитор получает возможность сплошного охвата всех операций, что повышает надежность аудиторского заключения. В-третьих, фокус контроля смещается с проверки первичных документов и арифметических расчетов на верификацию алгоритмов смарт-контрактов и архитектуры блокчейн-системы. Это требует от аудитора принципиально новых компетенций на стыке бухгалтерского учета, криптографии и программирования [3, 9, 21].

Таким образом, внедрение блокчейна трансформирует аудит из ретроспективной проверки документов в непрерывный мониторинг функционирования цифровой учетной среды. Однако внедрение блокчейн-аудита сталкивается с барьерами. Среди них – отсутствие стандартов и методических рекомендаций российских профессиональных объединений (СРО аудиторов), неготовность регулирующих органов признавать записи в блокчейне первичными учетными документами, а также кадровый дефицит аудиторов с компетенциями в сфере распределенных реестров [11, с. 352].

Проблемы и перспективы внедрения в российскую практику

Анализ российских реалий позволяет выделить следующие группы проблем, многие из которых отмечены в работах научного руководителя автора.

Нормативно-правовые ограничения. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ прямо не предусматривает ведение учета с использованием распределенных реестров. Требования к первичным документам (бумажная форма, собственноручная подпись) входят в противоречие с цифровой природой блокчейна. Необходима гармонизация законодательства о бухгалтерском учете и нормативных актов в сфере цифровых финансовых активов [11, с. 353].

Технологические барьеры. Большинство российских предприятий используют учетные системы, не интегрированные с блокчейн-платформами. Затраты на разработку и внедрение распределенных реестров остаются высокими, а эффект для малого и среднего бизнеса не очевиден. В исследовании, посвященном цифровизации нормирования труда, подчеркивается, что «технологические изменения требуют синхронной трансформации организационных процессов» [12, с. 9].

Кадровые проблемы. Система профессиональной сертификации аудиторов и бухгалтеров в России пока не включает модули по блокчейну. Отсутствие образовательных программ повышения квалификации тормозит формирование необходимых компетенций. Современные авторы неоднократно акцентировали внимание на том, что «цифровая трансформация требует опережающей подготовки кадров, способных работать на стыке бухгалтерского учета и информационных технологий» [3, с. 136; 9, с. 34].

В то же время наблюдаются положительные сдвиги. Пилотные проекты с использованием блокчейна реализуются в логистике, государственном учете имущества, цепочках поставок. Банк России и Минфин РФ ведут работу над нормативной базой для цифровых прав и распределенного реестра: постепенное формирование регуляторной среды позволит легитимизировать использование распределенных реестров в учетной практике [11, с. 354].

Перспективными направлениями развития автору диссертации представляются:

- 1) разработка методики трансформации учетных данных из блокчейна в формы финансовой отчетности (баланс, отчет о финансовых результатах);
- 2) создание алгоритмов непрерывного аудита с использованием смарт-контрактов;
- 3) адаптация стандартов аудита (МСА, ФСАД) для проверки организаций, использующих блокчейн-учет [15, с. 52].

Обсуждение результатов. Проведенный анализ таблиц 1 и 2 позволяет заключить, что блокчейн-технологии оказывают комплексное влияние как на объект аудита (финансовую отчетность, формируемую на основе распределенного реестра), так и на инструментарий

аудиторской деятельности. Если свойства блокчейна (таблица 1) создают технологическую основу для повышения достоверности и прозрачности учетной информации, то трансформация аудиторских процедур (таблица 2) отражает адаптацию аудита к новой реальности. Ключевым трендом выступает переход от выборочной ретроспективной проверки к сплошному непрерывному аудиту, что требует не только изменения методик, но и пересмотра профессиональных стандартов и образовательных программ подготовки аудиторов [15, 26].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Блокчейн-технологии изменяют основы учетной системы, предлагая переход от двойной записи к тройной, что повышает неизменность и прозрачность финансовой информации [11, 26]. Основные преимущества для финансовой отчетности: автоматизация учетных записей, непрерывная верификация данных, снижение рисков фальсификации [3, 7]. Аудит трансформируется в направлении сплошного охвата транзакций, непрерывного контроля в реальном времени и смещения фокуса на проверку смарт-контрактов и архитектуры блокчейн-системы.

Основные проблемы внедрения в России: отсутствие нормативной базы, технологические ограничения, кадровый дефицит.

Список источников

1. Майсигова Л.А. Трансформация профессии бухгалтера в условиях цифровизации / Л.А. Майсигова, З.О. Иманбаева // Концепция устройства современного мира в эпоху цифры: Сборник научных трудов по материалам XII Международной научно-практической конференции, Москва, 01 апреля 2025 года. – Москва: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр развития образования и науки», 2025. – С. 132–136. EDN XFUBBA.
2. Майсигова Л.А. Ревизия как метод государственного финансового контроля в бюджетных учреждениях / Л.А. Майсигова // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21, № 3(99). – С. 108–122. EDN YUPWWV.
3. Майсигова Л.А. Роль цифровых технологий в трансформации научно-образовательной деятельности на региональном уровне / Л. А. Майсигова // Экономика образования. 2025. № 5(150). – С. 26–36. EDN LRMRQM.
4. Майсигова Л.А. Криптовалюты: учет и аудит в цифровой экономике / Л.А. Майсигова // Экономическая серия Вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2024. № 2. – С. 343–355. DOI 10.32523/2789-4320-2024-2-343-355. EDN LCGHWR.
5. Майсигова Л.А. Цифровизация нормирования труда / Л.А. Майсигова, Л.А. Яндарбаева, Р.М. Чажаев // Экономический рост как основа устойчивого развития России: сборник научных статей участников 8-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 04–05 декабря 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 8–11. DOI 10.47581/2024.FA-33/Maysigova-Leyla-01. EDN MWDKQT.
6. Развитие государственного аудита Республики Армения в современных условиях / Л.А. Майсигова, Ш.У. Ниязбекова, О.В. Сюзева, С.А. Рябиченко // Экономические и гуманитарные науки. 2023. № 1(372). – С. 39–54. DOI 10.33979/2073-7424-2023-372-1-39-54. EDN YVHVPU.
7. Современное обеспечение управления информацией: учет, контроль, анализ / Е.В. Борисова, Н.Г. Варакса, Л.Н. Герасимова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2020. – 318 с. ISBN 978-5-4365-5662-8. EDN DIRFOW.
8. Current features of currency formation of currencies on the example of the us DOLLAR, EUR / L.A. Maysigova, Sh.U. Niyazbekova, K.G. Bunevich [et al.] // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2021. No. 2(390). – P. 90–97. DOI 10.32014/2021.2518-1467.55. EDN MIQIDP.
9. Prospects for the development of digital currency in the context of an innovative economy / K. Kunanbayeva, M. Gordova, G. Sokhibnazarov, L. Maisigova // Reliability: Theory & Applications. 2024. Vol. 19, No. S6(81). – P. 1299–1306. DOI 10.24412/1932-2321-2024-681-1299-1306. EDN KDQCPB.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ ТЕОРИИ КОНТРАКТОВ

Гезиханов Р.А.,

д-р экон. наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: gezihanov@mail.ru

Аннотация. Изложены проблемы развития современных институтов управления теории контрактов, в частности, контрактного менеджмента в сфере строительства. Поэтому контракт называют индикатором добропорядочности намерений сторон. Принцип верности договорам отражён также в авторитетных религиозных источниках. Теория контрактов строится на парадигме принципала-агента, действия которых основаны на асимметрии информации. Отмечено, что проблемы скрытой (или ненаблюдаемой) информации часто приводят к ситуациям неблагоприятного отбора, т. е. ex ante оппортунизму, а проблемы скрытых (ненаблюдаемых) действий – к моральному риску, т. е. ex post оппортунизму. В этой связи базовая модель оппортунистического поведения нашла широкое применение в анализе таких ситуаций с необходимыми модификациями, например, в практике отношений между собственниками корпораций и их менеджерами. Из приведенных норм ГК РФ и условий контракта следует, что осуществление заказчиком контроля и технического надзора за ходом и качеством выполнения подрядчиком работ является неотъемлемой составной частью процесса его исполнения. Поэтому посреднические договоры в экономическом обороте выделяются в связи с осуществлением одной из сторон этих договоров предпринимательской деятельности, связанной с оказанием услуг, посредством которых осуществляется организация рыночных отношений в обществе.

Ключевые слова: теория контрактов, институты управления, парадигма «принципал-агент», контрактный менеджмент, верность договорам.

DEVELOPMENT OF MODERN MANAGEMENT INSTITUTIONS CONTRACT THEORY

Gezihanov R.A.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the
Department of Accounting, Analysis, and Audit in the Digital Economy
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article presents the development of modern contract theory management institutions, particularly contract management in construction. Therefore, a contract is considered an indicator of the integrity of the parties' intentions. The principle of fidelity to contracts is also reflected in authoritative religious sources. Contract theory is based on the principal-agent paradigm, whose actions are based on information asymmetry. It is noted that problems with hidden (or unobservable) information often lead to situations of adverse selection, i. e., ex ante opportunism, while problems with hidden (unobservable) actions lead to moral hazard, i. e., ex post opportunism. In this regard, the basic model of opportunistic behavior has found wide application in the analysis of such situations, with necessary modifications: for example, in the practice of relations between corporate owners and their managers. From the cited provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the terms of the contract, it follows that the client's control and technical supervision of the progress and quality of the contractor's work is an integral part of the execution process. Therefore, agency contracts are distinguished in economic circulation due to the fact that one of the parties to these contracts engages in entrepreneurial activity related to the provision of services through which market relations are organized in society.

Keywords: contract theory, governance institutions, principal-agent paradigm, contract management, contract fidelity.

Теория контрактов сформировалась сравнительно недавно, в 70-80-е годы XX века, и в настоящее время намного переросла рамки чистой теории. Как пишут П. Болтон и М. Деватрипонт: «На сегодняшний день существует лишь небольшое количество книг, в которых рассматривается теория стимулирования, информации и экономических институтов, называемая для краткости теорией контрактов» [1, с. 25]. Далее мы кратко остановимся на основных положениях теории контрактов с целью выяснения взаимосвязи с контрактным менеджментом и его объективной необходимости. Теория контрактов строится на парадигме принципала-агента, действия которых основаны на асимметрии информации.

Проблемы скрытой (или ненаблюдаемой) информации часто приводят к ситуациям неблагоприятного отбора, т. е. *ex ante* оппортунизму, а проблемы скрытых (ненаблюдаемых) действий – к моральному риску, т. е. *ex post* оппортунизму.

Разновидностями предконтрактного оппортунизма являются сигнализирование и скрининг. При сигнализировании субъект, обладающий информацией, действует первым и раскрывает часть своей информации. К примеру, отражение в договоре строительного подряда гарантийного обслуживания введенного в эксплуатацию объекта на несколько лет. Предлагая гарантию на более длительный срок, чем другие участники конкурса, подрядчик посылает сигнал о высоком качестве ведения строительных работ. При скрининге, наоборот, первым действует субъект, не обладающий информацией.

Однако этот субъект может предложить механизм взаимодействия с контрагентом с тем, чтобы учесть его информацию при разработке договора и тем самым смягчить для организации последствия неблагоприятного отбора. Стандартная модель неблагоприятного отбора оказалась применимой к различным сферам договорной деятельности, в том числе при организации и проведении подрядных торгов в строительстве.

Система стимулов в контракте должна строиться так, чтобы агент сам был заинтересован в совершении действий, выгодных заказчику. Недостатки подрядчика не дают заказчику права вмешиваться в его деятельность, отстранять его от объекта строительства, требовать возмещения расходов на устранение выявленных недостатков и на выполнение работ третьим лицом. В этом случае заказчику следует соблюдать законную процедуру одностороннего отказа от договора или назначить подрядчику разумный срок для устранения недостатков согласно с п. 3 ст. 715 ГК РФ. Поэтому специалисты приводят обзор судебной практики Федерального арбитражного суда. Из приведенных норм ГК РФ и условий контракта следует, что осуществление заказчиком контроля и технического надзора за ходом и качеством выполнения подрядчиком работ является неотъемлемой составной частью процесса его исполнения. Таким образом, посреднические договоры в экономическом обороте выделяются в связи с осуществлением одной из сторон этих договоров предпринимательской деятельности, связанной с оказанием услуг, посредством которых осуществляется организация рыночных отношений в обществе. Для целей настоящего исследования научный интерес представляют договоры поручения, комиссии и агентирования [4, с. 86].

Подобные свойства, присущие агентскому договору, дают возможность его использования как внешней модели управления контрактами в целях эффективной реализации инвестиционно-строительных программ в АПК на основе договоров строительного подряда. В российском гражданском праве агентский договор, как мы выше отмечали, появился после принятия и вступления в законную силу второй части Гражданского кодекса Российской Федерации [7]. Универсальность агентского договора заключается в том, что он может строиться на модели договора поручения, договора комиссии, а также одновременно совмещать в себе элементы этих договоров, не подменяя собой эти два вида договора. Кроме того, агентский договор можно использовать не только при регулировании посреднических, но и других доверительных отношений.

Сущность этих отношений состоит в том, что агентский договор считается заключенным (согласно положениям ст. 432 ГК РФ), если между заказчиком (принципалом) и предпринимателем (агентом) согласованы общие, не конкретизированные полномочия агента (в нашем примере – контроль и надзор за строительством), которые являются целью их совершения.

Сторонами по договору могут быть как физические, так и юридические лица – коммерческие и некоммерческие организации. Физическому лицу, заключающему агентский договор в рамках предпринимательских отношений, нужно зарегистрироваться в качестве предпринимателя, осуществляющего деятельность без образования юридического лица. В агентском договоре (или в доверенности) необходимо точно обозначить круг возможных действий агента. При расплывчатости формулировок будет трудно доказать, что агент при выполнении обязательств вышел за пределы своих полномочий. Данное требование выражает

и интересы агента, так как при определенности его обязанностей принципал не сможет требовать выполнения от агента действий, не предусмотренных договором [8, с. 152].

Из вышесказанного вытекает, что в соответствии со статьей 749 ГК РФ заказчик обязан заключить с инженером один из договоров оказания посреднических услуг. Выплата вознаграждения может быть обусловлена предоставлением агентом отчета в определенные периоды, а также иными обстоятельствами. Размер и порядок выплаты вознаграждения должны быть прописаны в договоре ясно и четко в целях исключения возможности разного толкования. Иначе разногласия по поводу агентского вознаграждения могут послужить основанием для длительного судебного спора.

Базовая модель оппортунистического поведения нашла широкое применение в анализе таких ситуаций с необходимыми модификациями, например, в практике отношений между собственниками корпораций и их менеджерами. Поэтому контракт называют индикатором добропорядочности намерений сторон. Г. Гегель назвал добропорядочность «нравственностью», проявляющейся «в простом соответствии индивида своим обязанностям по отношению к тем условиям, в которых он находится» [2, с. 50]. В институциональной экономической теории такие договоры называются неоклассическими контрактами, представляющими собой модель, более приближенную к реальности хозяйствования. О. Уильямсон пишет по их поводу: «Далеко не каждая транзакция хорошо вписывается в классическую экономическую теорию» [10, с. 44].

Таким образом, неполнота контрактов приводит к необходимости привлечения третьей стороны для управления такими контрактами. Отношенческие контракты, также являясь неполными, отличаются от неоклассических только тем, что вместо третьих сторон имеют «встроенные» механизмы управления контрактами, составляющие некоторую часть самого контракта. Из перечисленных поведенческих предпосылок, по его мнению, только ограниченная рациональность совпадает с неинституциональной экономической теорией, но другие составляющие поведенческой экономики не входят в базовые предпосылки институционализма. Это указывает на то, что отсутствие контроля за исполнением контрактов является одной из причин стагнации экономики. *Pacta sunt servanda* (в переводе с латинского «договоры должны соблюдаться») – основополагающий принцип международного и гражданского права. Принцип верности договорам отражён также в авторитетных религиозных источниках. Например, в Коране приведены многочисленные аяты, призывающие мусульман верно соблюдать договоры после их заключения и выполнять обещания.

В заключение можно отметить, что контракты являются неотъемлемой частью институционального обрамления процесса размещения ресурсов. Это предполагает решения всех проблем взаимодействия между экономическими агентами *ex ante*, то есть все затраты отражаются до заключения контракта. Особенность модели полных контрактов является следствием предпосылки о совершенном предвидении хозяйственных ситуаций.

Список источников

1. Болтон Патрик, Деватрипонт Матиас. Теория контрактов / Патрик Болтон, Матиас Деватрипонт; пер. с англ. под науч. ред. Н.А. Ранневой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 800 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Москва: Мысль, 1990.
3. Гезиханов Р.А. Развитие контрактных отношений между участниками аудиторской деятельности в России // Вестник Чеченского государственного университета им А.А. Кадырова. 2025. № 3 (59). – С. 32–38.
4. Гезиханов Р.А. Контрактный менеджмент в сельском строительстве: методологический анализ // АПК: экономика, управление. 2021. № 3. – С. 20–35.
5. Гезиханов Р.А. Верность договорам – основа экономической безопасности предпринимательской деятельности // Экономическая безопасность. 2025. Том 8. № 10. – С. 3095–3114.
6. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: учебное пособие. 2-е издание. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 393 с.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 1648 с.
8. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – 224 с.
9. Тамбовцев В.Л. Введение в экономическую теорию контрактов: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2016. – 144 с.
10. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. – СПб., 1996. – 106 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Гишкаева Л.Л.,

канд. экон. наук, доцент кафедры

экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: leila_114@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретических положений концепции устойчивого развития. Отмечено, что концепция устойчивого развития становится все более актуальной для современного мира, тем самым свидетельствуя о росте понимания значимости отношений, возникающих между обществом и природой. Данная концепция пришла на смену мировоззрению, господствовавшему в большей степени в европейском обществе на протяжении последних двухсот лет и исходившему из отделения окружающей среды от задач социально-экономического характера. В современном представлении устойчивое развитие выходит за рамки трехсторонней основы социальных, экономических и экологических принципов и проблем. Концепция предполагает развитие с учетом злободневных проблем, имеющих общий концептуальный характер.

Ключевые слова: Всемирная комиссия по окружающей среде (WCED), концепция устойчивого развития, доклад Брундтланд, истощение природных ресурсов, экономический рост.

THEORETICAL FOUNDATIONS CONCEPTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Gishkaeva L.L.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Economics and Economic Security of Industries and Enterprises,
Kadyrov Chechen State University

Annotation. The article is devoted to the consideration of the theoretical provisions of the concept of sustainable development. It is noted that the concept of sustainable development is becoming more and more relevant for the modern world, thereby indicating a growing understanding of the importance of the relations that arise between society and nature. This concept has replaced the worldview that has prevailed to a greater extent in European society over the past two hundred years, based on the separation of the environment from socio-economic tasks. In the modern view, sustainable development goes beyond the tripartite framework of social, economic and environmental principles and problems. The concept involves development, taking into account topical issues of a common conceptual nature.

Keywords: World Commission on the Environment (WCED), concept of sustainable development, Brundtland report, depletion of natural resources, economic growth.

Основная идея концепции устойчивого развития имеет давнюю историю, которая начинается с XVII века, когда в такой стране как Германия было принято юридическое ограничение, касающееся сферы лесозаготовки. Оно предполагало сокращение вырубki деревьев до такого уровня, который позволял бы им со временем обновиться, что свидетельствовало об применении ответственного и устойчивого способа при эксплуатации лесных насаждений в государстве [8, с. 3]. Но только в 1987 году данная концепция становится известной всему миру с выходом доклада ООН «Наше общее будущее», более известного как «Доклад Брундтланд», определившим устойчивое развитие, как развитие, отвечающее потребностям нынешних поколений, не неся в себе угрозы для способности будущих поколений удовлетворять свои потребности и стремления [1].

Центральным элементом концепции устойчивого развития является то, что реагирование на потребности настоящего времени зависит от ответственности перед будущими поколениями. Это заявление перекликается с консенсусом, уже присутствующим в Стокгольмской декларации 1972 года, в том, что забота о будущих поколениях должна быть целью всего человечества [3]. Для того чтобы прояснить цель этой ответственности, в докладе

Брундтланд (далее доклад), были определены понятия потребностей и ограничений, понятия, которые в основе своей являются относительно друг друга довольно противоречивыми.

Действительно, для обоснования процессов, связанных с неравенством как между странами, так и внутри их, Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию (WCED) рассматривает принцип неотъемлемого предела (внутренних пределов) устойчивого развития: удовлетворение основных потребностей всех. Эта концепция постоянно развивается, тем не менее, WCED напоминает, что понятие устойчивого развития имеет и другие ограничения: одни определяются состоянием современных технологий и организаций, другие зависят от способности биосферы противостоять последствиям деятельности человека.

В докладе приводятся примеры того, как усовершенствованные методы эксплуатации ресурсов в сочетании с более эффективными методами управления снижают темпы их истощения. Однако это не отменяет существования пределов функционирования Земли. Несколько определений в докладе являются реальными предупреждениями на эту тему: «Риски растут быстрее, чем [...] наша способность контролировать их». И далее: «В некоторых случаях мы уже очень близки к преодолению критических границ» [1]. На вопрос, заданный Генеральной Ассамблеей ООН WCED, «Как примирить развитие и окружающую среду?», последний отвечает, что необходимо найти баланс между потребностями и ограничениями.

Таким образом, цель экономического роста не ставится под сомнение, если она может улучшить условия жизни беднейших слоев населения. Удовлетворение основных потребностей требует не только экономического роста в странах, где большинство людей живет в бедности, но и достижения того, чтобы беднейшие слои населения могли воспользоваться своей справедливой долей ресурсов, обеспечивающих такой рост. Существование политических систем, гарантирующих участие населения в процессе принятия решений, и более эффективная демократия при этом на международном уровне позволили бы появиться данной справедливости. С другой стороны, учитывая не подлежащие обсуждению экологические ограничения, в докладе далее говорится о том, чтобы устойчивое развитие происходило во всем мире, богатые люди должны вести образ жизни, учитывающий экологические пределы планеты, к примеру, это может относиться к использованию энергии [1].

Несмотря на замечания о состоянии и конкретных ограничениях видов ресурсов, содержащихся в нескольких отрывках доклада, другие громкие заявления о возможности обеспечить экономический рост с помощью технологий отражают многочисленные переговоры, которые, безусловно, имели место быть в рамках комиссии. Именно в этом контексте следует толковать часть доклада, в которой упоминается о существовании определенных ограничений, которые современные технологии и социальные организации накладывают на способность окружающей среды удовлетворять текущие и будущие потребности людей [1].

Таким образом, WCED приходит к выводу о том, что двумя критериями, которыми государства должны руководствоваться при принятии решений для достижения желаемых изменений, являются реагирование на потребности беднейших слоев населения без превышения пределов ресурсов и экосистем. Отмечает, что устойчивое развитие является не просто состоянием равновесия, а процессом изменений, в котором использование ресурсов и инвестиций, технологическое развитие и изменения институционального характера происходят, исходя из текущих и будущих потребностей. Уточняет, что это довольно непростой процесс, необходим болезненный выбор. Устойчивое развитие по своей сути является вопросом политической воли [1].

В мире в 1980-е годы на фоне экономической нестабильности проводились дискуссии об устойчивом развитии. Помимо дипломатических формулировок, результат был недвусмыслен: обездоленные группы населения, как и богатые, должно получать выгоду от перераспределения богатства и иметь доступ к средствам для удовлетворения своих потребностей. При этом привилегированное население обязано ограничивать свое

потребление, оставляя ресурсы доступными для бедных слоев общества и будущих поколений, а экономическое развитие должно исходить из пределов природных и общественных систем.

В целях выполнения данных рекомендаций WCED предлагает Генеральной Ассамблее ООН разработать программу действий по устойчивому развитию и провести конференции по последующей деятельности на региональном уровне. После этого должна была быть созвана международная конференция для оценки прогресса, которая состоялась уже в 1992 году в Рио-де-Жанейро. Конец 1980-х годов дал миру новые потрясения, которые означали, что рекомендации доклада Брундтланд остались в значительной степени проигнорированными за пределами дипломатических кругов.

Окончание холодной войны привело к появлению на международной арене новой категории стран, известных как «страны с переходной экономикой». Уход биполярного мира обнажил неоднородность развивающихся государств. Такие проблемы как нищета и экономический кризис стали все больше затрагивать промышленно развитые страны, столкнувшихся с дальнейшим снижением темпов развития, повышением безработицы и изменениями в сельскохозяйственном и промышленном секторах.

Самым большим вызовом для международного сотрудничества тогда стало решение глобальных проблем, что породило концепцию «всеобщего достояния», в отношении которой в докладе Брундтланд также содержались определенные рекомендации. Глобализация сопровождалась усилением обменов между странами, не только торговых, но и культурных, научных и социальных. Наступала новая эра наращивания научного потенциала в виде международного взаимодействия при проведении научных исследований в сфере биологического разнообразия и экологических процессов, а также содействия развитию Всемирной сети биосферных резерватов. Биосферные резерваты ЮНЕСКО играют три основные взаимодополняющие функции, которые представим в виде рисунка 1.

Рисунок 1 – Функции биосферных резерватов ЮНЕСКО [7].

К участию приглашались также и организации граждан, чтобы внести свой вклад в проводимые институциональные реформы, главным образом в Северной и Южной Америке, а также Восточной Европе. Традиционные культуры, помимо национальной идентичности и фольклора, представляли как источники нового видения мира, который должен быть восстановлен после холодной войны. Лидеры бизнес-структур также выражали свою заинтересованность в решении экологических проблем.

В ознаменование 20-й годовщины Стокгольмской конференции в 1992 году ООН организует Конференцию по окружающей среде и развитию - ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро. С официальным участием были представлены 172 правительств, в том числе 108 глав государств из 179 членов ООН, почти 2400 представителей неправительственных организаций (гражданских, научных и деловых) и 17000 участников гражданского общества в

параллельном саммите. Эта конференция стала новым событием в многосторонних переговорах с Морисом Стронгом в качестве генерального секретаря. Результатом проведенного мероприятия становится разработка трех конвенций, декларации и плана действий [5].

Эти три международные конвенции охватывали те области, в которых государства соглашались начать переговоры о наднациональных мерах: биоразнообразии, изменение климата и опустынивание. Однако консенсуса по четвертому договору по лесам не было достигнуто. В итоговой декларации, свободной от обязательных мер, излагались 27 принципов, которыми должны были руководствоваться в управлении ресурсами и экономической деятельностью внутри стран, включая подтверждение прав людей на здоровый образ жизни и прав государств на осуществление ответственного суверенитета над своими ресурсами. Подчеркивалось, что с учетом разнообразия ролей, которые государства играют при деградации глобальной окружающей среды, они несут общую, но при этом различную ответственность (принцип 7). План действий, более известный как Повестка дня на XXI век, основанный в основном на рекомендациях доклада Брундтланд, был предложен в качестве плана действий на XXI век. В нем был описан ряд социально-экономических проблем по таким направлениям как: международное сотрудничество, борьба с нищетой, рост населения, здравоохранение и населенные пункты, а также проблемы, связанные с управлением природными ресурсами. Были представлены средства для решения данных проблем, требующие привлечения всех слоев общества [5].

В целях оценки прогресса в реализации рекомендаций и обязательств, содержащихся в Повестке дня на XXI век и других итоговых документах Рио-де-Жанейро, на международном, региональном и национальном уровнях ООН учреждает Комиссию по устойчивому развитию. Кроме того, был создан Глобальный экологический фонд для финансирования проектов в области устойчивого развития.

В развивающихся странах стали все больше издавать соответствующие законы и формировать ведомства, а на некоторых территориях приниматься местная Повестка дня на XXI век. Концепция глобализации стала постепенно заменять дебаты о развитии, поскольку последнее пришло на смену вызовам колониализма, не устранив, однако, напряженности в отношениях между развитыми и развивающимися странами. Теория глобальной экологии в 1990-е годы сталкивается с несколькими дилеммами: решение экологического кризиса при одновременном содействии развитию, поддержка мер на мировом уровне при одновременном признании важности других уровней действий и их взаимосвязей, а также использование науки без навязывания своей логики местным сообществам.

В новых докладах ООН, подготовленных для осуществления рекомендаций ЮНСЕД, роль государства и его взаимоотношения с другими субъектами становятся главными вызовами международных действий в конце XX века. В целом, как мы уже отметили, переход к XXI веку был ознаменован окончанием холодной войны, глобализацией, появлением переходных экономик, а также снижением темпов экономического развития развитых стран, ростом в них безработицы. Начало нового тысячелетия отмечалось проведением в 2002 году в Йоханнесбурге Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (ВВУР), в рамках которой были подтверждены цели, определенные в Рио-де-Жанейро, в условиях усиления экологических проблем и роста во всем мире неравенства [4]. В тоже время не все экологи на данном саммите согласились с той значимостью, которая придавалась Целям развития тысячелетия, тем самым увеличивая разрыв между «развитием» и «окружающей средой».

В 2012 году на новой конференции в Рио-де-Жанейро (Рио+20) были подведены итоги прогресса за 20 лет, которые прошли с исторического «Саммита Земли» 1992 года. Несмотря на отсутствие существенных сдвигов, разочарование и даже неудачи, переговоры в зарождающейся области международного сотрудничества позволили извлечь для себя определенные уроки не только дипломатам и политикам, но и многим исследователям и компаниям, желающим внести свой вклад в решении данных задач. На конференции удалось

объединить вопросы развития и окружающей среды в единую проблему, процесс которого начался еще в шестидесятые годы прошлого столетия, когда экологические проблемы стали постепенно определяться национальными и международными стандартами, правилами и институтами [6].

Таким образом, связи между окружающей средой, экономикой и обществом становятся все более очевидными и это осознание привело к формированию многочисленных государственных и частных ограничений, направленных на укрепление целей, утвержденных мировым сообществом в основном в 1990-х годах. Важное значение приобретает необходимость зелёного роста – стратегия совмещения экономического развития с экологическими приоритетами путем «озеленения» отраслей и технологий [2, с. 23]. Тем не менее, внедрение и гармонизация данных инструментов остаются самыми большими проблемами нового столетия.

Список источников

1. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию. 1987. «Наше общее будущее» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/sites/sustainabledevelopment-odyssey/files/5/rapport_brundtland (дата обращения: 10.02.2026 г.).
2. Гайрбеков М.С., Гайрбекова М.И. Проблемы использования ВВП и перспективы перехода к многоуровневой системе показателей // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2026. № 1(61). – С. 18-27.
3. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. Принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 08.02.2026 г.).
4. Доклад Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901893000> (дата обращения: 08.01.2026 г.).
5. Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3-14 июня 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/en/conferences/environment/rio1992#:~:text=> (дата обращения: 05.02.2026 г.).
6. Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию: Рио+20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/the-united-nations-conference-on-sustainable-development-rio-20#:~:text=> (дата обращения: 15.02.2026 г.).
7. Что такое биосферный резерват [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kazmab.kz/index.php/biosfernye-rezervaty1/chto-takoe-biosfernyj-rezervat#:~:text=> (дата обращения: 12.02.2026 г.).
8. Daly H.E. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Beacon Press, Boston, 264 p., 1996.

«ПЛАНЕТАРНЫЕ ГРАНИЦЫ» И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Гишкаева Л.Л.,

канд. экон. наук, доцент кафедры
экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: leila_114@mail.ru

Алиева Ж.М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики в нефтяной и газовой промышленности
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. академика М.Д. Миллионщикова»
e-mail: alieve-zhanna@mail.ru

Китиева М.И.,

канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой «География БЖД»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
e-mail: malika2015@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сущности концепции «Планетарные границы», которая определяет безопасное пространство для развития человечества. Отмечено, что хозяйственная деятельность человека уже нарушила 7 из 9 существующих границ. Установлено, что для предотвращения необратимых глобальных катастроф необходим переход к экономике, которая, учитывая пределы биосферы, функционировала бы в рамках строго определенных экологических ограничений. Это требует повсеместного внедрения механизмов, при которых экономическая деятельность не превышала бы экологические возможности планеты Земля.

Ключевые слова: концепция «планетарные границы», девять функциональных пределов, устойчивое развитие, экономический рост, экологические ограничения.

«PLANETARY BOUNDARIES» AND THE MODERN ECONOMY

Gishkaeva L.L.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Economics and Economic Security of Industries and Enterprises,
Kadyrov Chechen State University

Alieva Z.M.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics in the Oil and Gas Industry,
GSTOU named after M.D. Millionshchikov

Kitieva M.I.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Geography of the Belarusian Railway,
Ingush State University

Abstract. This article examines the essence of the «Planetary Boundaries» concept, which defines a safe space for human development. It notes that human economic activity has already violated seven of the nine existing boundaries. It is established that preventing irreversible global catastrophes requires a transition to an economy that, while respecting the limits of the biosphere, operates within strictly defined environmental constraints. This requires the widespread implementation of mechanisms that ensure economic activity does not exceed the ecological capacity of planet Earth.

Keywords: «Planetary Boundaries» concept, nine functional boundaries, sustainable development, economic growth, environmental constraints.

Планета Земля представляет собой сложную систему, являющуюся результатом медленной эволюции в течение примерно 4,6 миллиардов лет [12]. Геологи и палеонтологи выделяют различные эпохи в развитии планеты и сейчас мы живем в середине голоцена,

находящегося в самом конце геологической шкалы времени. Эта эпоха началась около 10000 лет назад и соответствует межледниковому периоду, когда произошло стремительное развитие человеческого вида. На протяжении последних тридцати лет многие эксперты призывают к признанию новой геологической эпохи – антропоцена, которая ознаменовала бы беспрецедентное влияние человека на будущее Земли [1]. Хотя консенсуса по этому предложению пока нет, но есть множество доказательств того, что экономическая деятельность глобально воздействует на многие процессы природы.

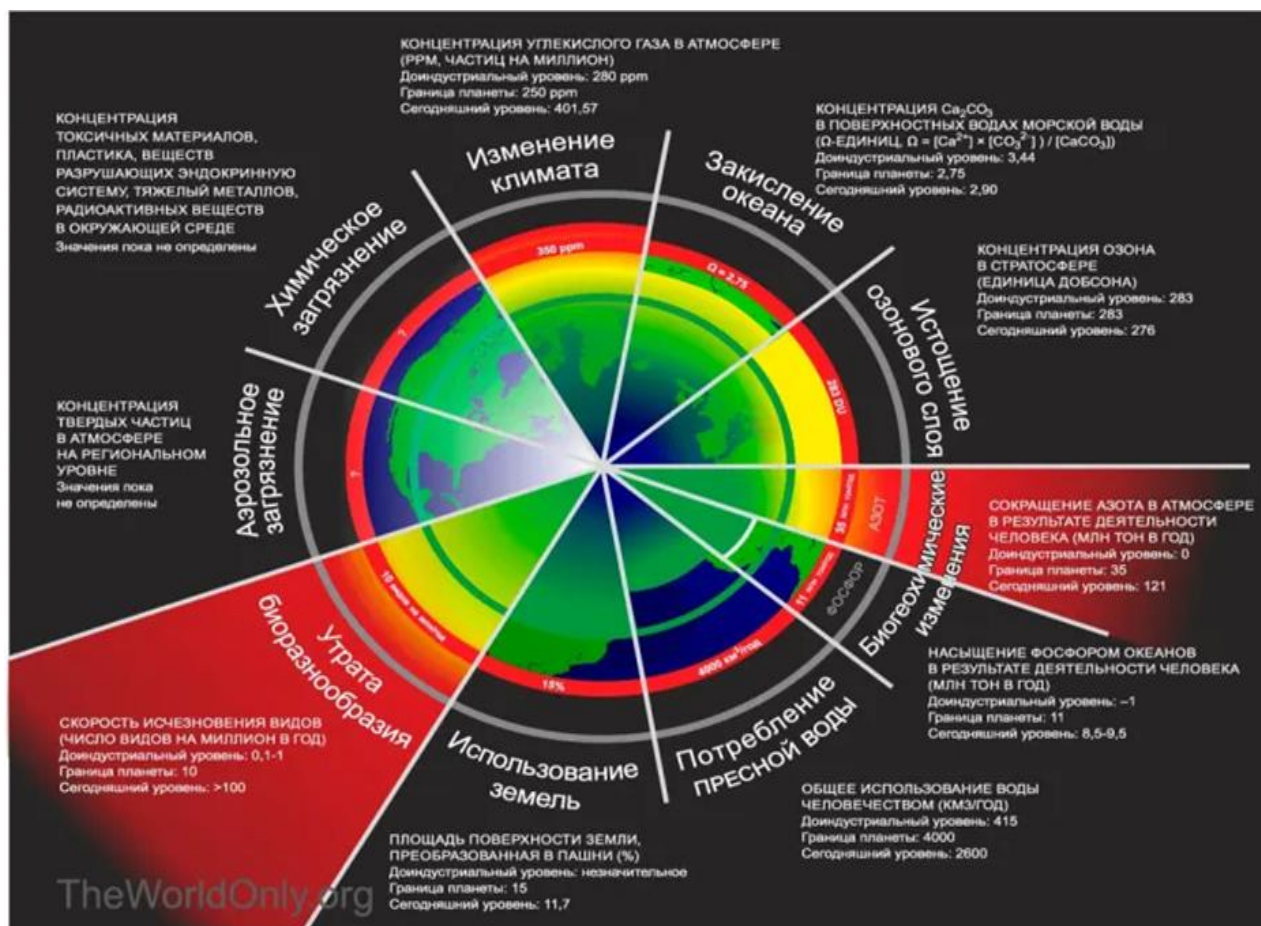
Установлены девять функциональных пределов в экосистеме Земли, нарушение которых приводит к заметным, возможно, и необратимым дисфункциям, и накопление которых уводит систему планеты далеко от тех условий, которые были в начале голоцена. Но что такое функциональный предел для Земли? Наша планета есть сложная биогеохимическая система, в которой взаимодействуют различные процессы, в том числе и деятельность человека. Небольшие изменения определенных ключевых параметров в большинстве случаев приводят к незначительным эффектам.

Иными словами, система природы в целом достаточно устойчива. Это объясняет, например, почему мы не спешили беспокоиться о последствиях наших выбросов углекислого газа (CO_2), поскольку были убеждены, что океаны быстро поглотят эти «излишки». Люди были введены в заблуждение кажущейся линейностью системы при воздействии малых импульсов и пренебрегли временем реакции, которое часто существует между действием и ответным явлением. Реальность такова, что есть пороговые значения, превышение которых могут вызывать сильные последствия, к примеру, вода не кипит при 99 градусах по Цельсию, но кипит уже при 100.

В 2009 году командой из всемирно известных ученых под руководством Йохана Рокстрёма из Стокгольмского центра устойчивости миру была представлена Концепция функциональных пределов под названием «Планетарные границы». Они представляют собой значения, установленные на основе современных научных знаний, отражающие разумное расстояние от пороговых показателей с целью сохранения саморегулирующихся способностей планеты Земля. Это скорее ориентиры, чем окончательные величины, и непрекращающиеся научные уточнения позволяют конкретизировать их и дальше [10].

Осознание существования функциональных пределов является частью подхода к устойчивому развитию, поскольку это информирует нас о границах, которые наша цивилизация все еще имеет. Девять функциональных пределов были сгруппированы в три группы в соответствии со сферой, в которой они оказывают наибольшее влияние: атмосфера, гидросфера и биосфера. Эти три сферы взаимодействуют друг с другом и с литосферой, при этом их влияние часто выходит за пределы области, к которой их относят.

В первую очередь атмосферы касаются трех функциональных ограничений: загрязнение на малых высотах, обеднение озоносферы и изменение климата. Три других фактора в основном влияют на гидросферу: способность к самоочищению, биогеохимические циклы и объем забора. Наконец, на будущее биосферы влияют следующие три фактора: закисление океана, расширение сельскохозяйственных угодий и утрата биоразнообразия. Обновление системы планетарных границ в 2023 году показало, что шесть из девяти границ были нарушены, о чем свидетельствуют данные рисунка 1. Но согласно данным последнего отчета Planetary Health Check от 2025 года, подготовленного в рамках международного научного сотрудничества, уже 7 из 9 предельных значений на сегодня превышены [9].

Зеленая зона — это безопасное рабочее пространство (ниже границы).

Переход от желтого к красному обозначает зону повышенного риска.

Рисунок 1 – Девять планетарных границ и их текущее состояние [10].

Одним из последствий интенсивной человеческой деятельности стало все большее ухудшение качества воздуха, проблема которой часто затрагивает важные промышленные агломерации. Вся нижняя атмосфера становится носителем загрязняющих веществ. Понятие загрязнения относится к присутствию в воздухе вещества, которое считается вредным. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) изучает эти риски для здоровья, обобщает эпидемиологические данные и предлагает рекомендации по ограничению или даже устранению потенциально опасных рисков. Многие страны в своих законах, конституциях или международных обязательствах признали, что доступ к чистому воздуху является важнейшим элементом здоровой окружающей среды.

Важно иметь в виду, что некоторые загрязнители, органические или неорганические, имеют также и природное происхождение: пожары, вулканы, растения, радиоактивность и многие другие. Но все-таки основные источники связаны с автотранспортом и электростанциями, работающими на ископаемом топливе, хотя сжигание топлива в домах также порождает данную проблему. Так, в России основным источником загрязнения воздуха является автотранспорт, что подтверждают данные следующего рисунка. Общий же объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на территории страны достигает до 20,8 млн т, при этом от передвижных источников – 13,2 млн т [11, с. 14].

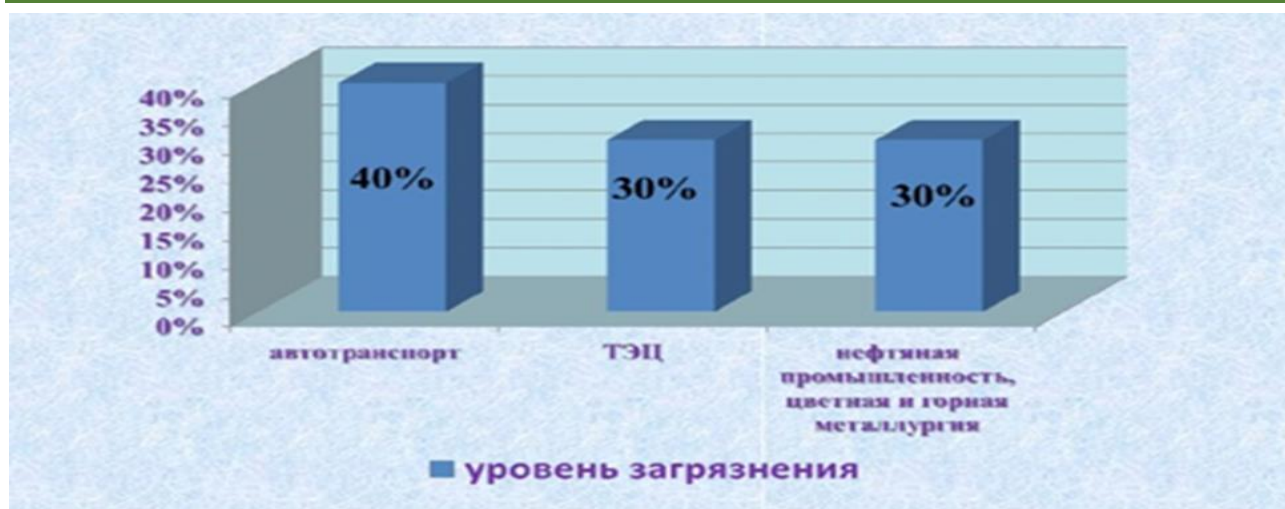

Рисунок 2 – Основные загрязнители воздуха в России [4].

ВОЗ сообщает, что в случае долгосрочного воздействия сложнее установить главный загрязнитель, поскольку присутствие диоксида азота обычно подразумевает наличие и других токсикантов. Озон является нестабильным химическим соединением, он не выбрасывается непосредственно в атмосферу, а образуется на малых высотах в результате фотохимических реакций с участием солнечной радиации.

Таким образом, окружающий нас воздух загрязнен различными оксидами азота, в том числе диоксидом азота и органическими соединениями, которые выпускаются промышленностью и транспортными средствами. Симптомы, обусловленные диоксидом азота и другими токсикантами от горения, в первую очередь, легочные и поражают детей и людей с астмой и бронхитом наиболее сильнее [11, с. 6, 20-21]. Закисление почв и озер, в свою очередь, имеет негативное воздействие на популяции некоторых животных и растений, а также на функционирование всей экосистемы [11, с. 9-10].

Многие выбросы в атмосферу включают газы, в том числе углекислый газ (CO_2), которые известны не только своим вредным воздействием на здоровье, но вкладом в усиление парникового эффекта климата. Это еще один пример того, что экономические процессы, вызванные выбросами в атмосферу, не всегда приводят к незначительным реакциям. Важной задачей мирового сообщества является удержать повышение средней температуры ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем, как это и было согласовано в рамках необязательного соглашения на 16-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, которая состоялась в Мексике (город Канкун) в 2010 году [13].

Опасность глобального потепления оценивается в зависимости от его необратимого воздействия на конкретную систему или по риску провоцирования разрывов по сравнению с текущим климатом. Наиболее уязвимой в данном отношении является аграрное производство, которое может столкнуться с:

- деградацией почв, засолением, опустыниванием и засухой, что грозит в свою очередь масштабным голодом и катастрофической продовольственной несостоятельностью не только отдельных государств, но и целых регионов;
- подъёмом уровня океанских вод, приводящих к затоплению или выводу на приморских низменностях из производственного оборота значительных территорий, тем самым способствуя угрозу голода, продовольственной недостаточности и росту неконтролируемой миграции населения [3].

Для России повышение среднегодовых температур может сказаться на росте площадей земель, малоплодородных для сельского хозяйства, на южных территориях страны; увеличении численности насекомых-вредителей и более раннем их появлении, что повысит затраты на защиту посевов; учащении появлений пожаров, наводнений, ураганов и других природных катаклизмов [3].

Нужно отметить, что сельское хозяйство является приоритетной отраслью российской экономики, так как направлено на обеспечение продовольственной безопасности страны. Важнейшей задачей в условиях импортозамещения становится не только активное развитие отраслей отечественного сельского хозяйства, но конкурентоспособного на мировом рынке всего агропромышленного комплекса. Аграрный сектор относится к числу немногих быстрорастущих сфер российской экономики, который практически единственный, кто активно развивался даже в кризисные годы. Сельское хозяйство становится драйвером развития других отраслей экономики, демонстрируя устойчивый рост и опережающее развитие всего агропродовольственного комплекса страны. Активное применение передовых систем развития сельскохозяйственного производства на различных ландшафтах и в разных социальных условиях для производства определенной продукции, занятости, полноценного и устойчивого питания населения дает возможность экономить ресурсы, сохранять экосистемы, меньше загрязнять парниковыми газами атмосферу и т.д.

Парниковые газы являются результатом большого количества видов экономической деятельности, которые считаются необходимыми для нашего благополучия и, прежде всего, прочно укоренились в нашем образе жизни. Более того, сокращение выбросов углекислого газа есть в высшей степени экономический и политический вопрос, и часто развитым странам, которые несут основную ответственность за сложившуюся ситуацию, особенно в рамках своей длительной индустриализации, противостоят развивающиеся, стремящиеся обеспечить более высокий уровень жизни для своего населения. С 2010 по 2020 годы выбросы в мире только CO_2 выросли с 31291,4 до 32284,1 млн т/год. При этом государства, создающие больше всего энергии, также больше выделяют в атмосферу и CO_2 (в млн т): Китай – 9899,3; США – 4457,2; Индия – 2302,3; Россия – 1482,2; Япония – 1027,0 [2, с. 4-5].

Отсюда вытекает важность всеобщего обязательства, достигнутого в рамках Парижского соглашения, которое в конечном итоге касается всех стран и направлено на сдерживание повышения средней температуры на планете до уровня значительно ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем путем продолжения предпринимаемых действий для ограничения температуры до $1,5^\circ\text{C}$.

Данный поэтапный подход позволяет учесть самый амбициозный сценарий (RCP 2.6), который является наиболее уважительным как для будущих поколений (после 2100 года), так и для поколений, которые в настоящее время живут в регионах, уже пострадавших от повышения уровня моря, таких как малые островные государства [6]. Этот новый инструмент международного климатического режима обязывает страны постепенно достигать данной цели, регулярно отчитываясь о своих действиях по смягчению и сокращению выбросов парниковых газов, а также о своих планах по адаптации к текущим и будущим изменениям климата. Развитые государства должны также указывать свой вклад в передачу ресурсов, технологий и потенциала странам, которые нуждаются в них для достижения своих собственных целей.

В заключении хотелось бы отметить, что нам нужна экономика, которая функционировала бы в рамках строгих мер по обеспечению устойчивости, что означает количественное определение границ, в пределах которых можно осуществлять экономическое развитие. Единственным способом, который позволит мировому сообществу справиться с растущими, потенциально катастрофическими рисками, является развитие, исходя из очерченных наукой границ. В отношении климата это уже признано правительствами многих стран, когда в 2015 году в Париже большинство государств мира (сегодня их уже 194) заключили соглашение об обязательствах относительно сокращения своих выбросов и проведения совместной работы по адаптации к последствиям изменения климата [8]. Таким же образом была определена и планетарная граница биоразнообразия в 2022 году на конференции COP15 в Монреале-Куньмине с принятием решения о необходимости совместной борьбы с утратой биоразнообразия на суше и в океане [7]. В ЕС в настоящее время основные акценты делаются на «зеленой» промышленной политике (Green Industrial Policy) на основе декарбонизации, цифровизации и устойчивом развитии [5, с. 46].

Список источников

1. Антропоцен теперь не эпоха, но событие, которое может продлиться миллионы лет. Парламентская газета от 23.03.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/antropocen-teper-ne-epokha-no-sobyitie-kotorye-mozhet-prodlitsya-milliony-let.html> (дата обращения: 02.02.2026 г.).
2. Берёзкин В.И. Декарбонизация как средство борьбы с потеплением климата и проблемы “зеленой” энергетики // Известия Русского географического общества. 2021, Том 153. № 6. С. 3-20.
3. Глобальное потепление климата в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ecfs.msu.ru/napravleniya-raboty/prirodnyie-resursyi-i-selskoe-hozyajstvo/globalnoe-poteplenie-klimata-v-rossii#:~:text=> (дата обращения: 05.02.2026 г.).
4. Загрязнение воздуха вредными веществами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tse.expert/info-block/opinions/zagryaznenie-vozdukha-vrednymi-veshchestvami/#:~:text=> (дата обращения: 26.01.2026 г.).
5. Ибрагимов Кюри Х., Ибрагимов Канта Х., Ибрагимов Джаммирз К. Промышленная политика как фактор ускоренного развития экономики России // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 40-51.
6. Климатические сценарии на ближайшие 50 лет. 26 мая 2025 / Наука → Погода и климат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rutab.net/b/pogoda/2025/05/26/klimaticheskie-scenarii-na-blizhayshie-50-let.html> (дата обращения: 03.02.2026 г.).
7. Мы нарушили 6 из 9 планетарных границ: что это такое и чем грозит человечеству? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hightech.fm/2023/09/21/planetary-boundaries-exceeded> (дата обращения: 04.02.2026 г.).
8. Парижское соглашение. ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 05.02.2026 г.).
9. Планетарные границы: глобальные экологические ограничения Земли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekois.net/planetarnye-granitsy-globalnye-ekologicheskie-ogranicheniya-zemli/> (дата обращения: 23.01.2026 г.).
10. Планетарные границы: Как далеко мы зашли? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--80agpa1mmbrpa2l7a.xn--p1ai/news/planetarnye-granicy-kak-daleko-my-zashli> (дата обращения: 01.02.2026 г.).
11. Трифонова Т.А. Общая экология: лаб. практикум / Т.А. Трифонова, И.Д. Феоктистова, Н.В. Чугай; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – 2-е изд., испр. и доп. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. 135 с.
12. Эволюция литогенеза Земли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lithology.ru/node/172> (дата обращения: 01.02.2026 г.).
13. 1,5 °C: что означают полтора градуса Цельсия и почему это важно [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/climate-issues/degrees-matter> (дата обращения: 02.02.2026 г.).

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гочияева М.А.,

студентка факультета экономики и управления

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail: mila.na0408@mail.ru

Научный руководитель: Айдинова Д.Х.-М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и прикладной информатики

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail: diana.ajdinova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности развития цифровой экономики в контексте обеспечения экономической безопасности государства. Анализируются современные вызовы и угрозы, обусловленные процессами глобальной цифровизации, а также их влияние на устойчивость национальной экономики. Особое внимание уделяется вопросам нормативно-правового регулирования, идентификации пользователей цифрового пространства и защите критической инфраструктуры. Обосновывается необходимость комплексного подхода к нейтрализации рисков, возникающих в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика, экономическая безопасность, киберугрозы, цифровизация, информационная безопасность, технологическая зависимость, криптовалюты, цифровое неравенство.

THREATS AND CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY FOR NATIONAL SECURITY

Gochiyaeva M.A.,

Student of the 24th group of the Faculty of Economics and Management,

Aliev Karachay-Cherkess State University

Supervisor: Aydinova D.Kh.-M.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department

of Economics and Applied Informatics

Aliev Karachay-Cherkess State University

Annotation. The article discusses the key features of the development of the digital economy in the context of ensuring the economic security of the state. It analyzes the current challenges and threats caused by the processes of global digitalization, as well as their impact on the sustainability of the national economy. Special attention is paid to the issues of legal regulation, identification of users in the digital space, and protection of critical infrastructure. The article substantiates the need for a comprehensive approach to neutralizing the risks arising from digital transformation.

Keywords: digital economy, economic security, cyber threats, digitalization, information security, technological dependence, cryptocurrencies, and digital inequality.

Современная стадия развития глобальной социально-экономической системы определяется интенсивным и всеобъемлющим внедрением цифровых технологий, затрагивающим как уровень отдельных хозяйствующих субъектов, так и сферу международных экономических и политических взаимодействий. Указанные процессы обуславливают качественные изменения в структуре межгосударственных отношений и функционировании интеграционных объединений. В этой связи возрастает научный интерес к анализу цифровой экономики с позиции оценки формируемых ею рисков и угроз экономической безопасности.

В условиях нарастающей цифровой трансформации особую значимость приобретает проведение комплексного нормативно-теоретического анализа, направленного на разграничение понятий «вызов» и «угроза», а также на выявление места цифровых факторов в системе детерминант устойчивого экономического развития. В соответствии с

современными концептуальными подходами цифровая экономика интерпретируется как специфическая форма хозяйственной деятельности, в которой данные, представленные в цифровом виде, выступают в качестве ключевого производственного ресурса. Их обработка и аналитическое использование обеспечивают повышение результативности производственных, логистических и сбытовых процессов по сравнению с традиционными экономическими моделями.

В расширенной трактовке цифровая экономика представляет собой интегрированную совокупность процессов разработки, распространения и практического применения цифровых решений, а также создания продуктов и сервисов на их основе. При этом она выполняет функцию базовой инфраструктуры для высокотехнологичных отраслей, определяющих инновационную динамику и темпы экономического роста.

Экономическая безопасность, являясь системообразующим элементом национальной безопасности, характеризуется состоянием защищённости экономической системы от внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Такое состояние предполагает сохранение экономического суверенитета, целостности хозяйственного пространства и обеспечение условий для долгосрочного стратегического развития. Следует подчеркнуть её тесную взаимосвязь с иными компонентами национальной безопасности, включая социальную, политическую, оборонную, экологическую и информационную сферы.

Цифровая трансформация экономики имеет эволюционный характер и формируется на протяжении длительного временного периода. В настоящее время цифровые технологии интегрированы практически во все сферы общественной жизни, включая финансовую, производственную, информационную и социальную области. Их широкое распространение способствует росту качества жизни и расширению возможностей экономических агентов. Вместе с тем негативные эффекты, как правило, обусловлены не самими технологиями, а характером их использования. Концентрация цифровых ресурсов у ограниченного круга субъектов способна усиливать дисбалансы и формировать дополнительные риски для национальной безопасности, что актуализирует необходимость совершенствования механизмов правового регулирования.

Цифровая экономика одновременно выступает источником новых возможностей и генератором комплексных рисков. К числу наиболее значимых угроз относятся противоправная деятельность с использованием цифровых инструментов, включая киберпреступность и экстремистскую активность; уклонение от налоговых обязательств посредством цифровых финансовых механизмов; а также развитие нелегального предпринимательства в онлайн-среде.

Снижение указанных рисков предполагает внедрение эффективных механизмов идентификации участников цифрового пространства, включая пользователей социальных платформ, а также совершенствование процедур сертификации технологических решений, применяемых в стратегически значимых секторах. Реализация данных направлений требует формирования адекватной нормативно-правовой базы и развития институциональных механизмов регулирования.

Введение систем идентификации способствует повышению прозрачности финансовых потоков, включая операции с цифровыми активами. В этой связи представляется обоснованным развитие инструментов регистрации эмиссии и декларирования операций с такими активами. Несмотря на технологическую сложность мониторинга, данные задачи соотносимы с существующими практиками валютного контроля.

Важным аспектом обеспечения безопасности является защита граждан в цифровой среде. Недостаточный уровень идентификации пользователей существенно осложняет расследование правонарушений, совершаемых в сети Интернет, включая мошенничество, незаконный оборот запрещённых веществ и вовлечение в деструктивную деятельность. Это обуславливает необходимость усиления контроля за достоверностью распространяемой информации и повышения ответственности операторов цифровых платформ.

Ключевые вызовы цифровой экономики включают рост киберугроз и увеличение числа атак на критически важную инфраструктуру, уязвимость информационных систем, а также технологическую зависимость от зарубежных решений, создающую риски утраты цифрового суверенитета. Существенную проблему представляет дефицит квалифицированных кадров в сфере информационной и кибербезопасности, а также недостаточный уровень цифровой компетентности населения. Дополнительным фактором риска выступает цифровое неравенство, углубляющее социально-экономические различия.

Особое значение имеют риски, связанные с внедрением новых технологических решений, включая интернет вещей, а также недостаточно регулируемое обращение криптовалют. Указанные явления могут способствовать формированию уязвимостей в экономической системе и расширению возможностей для реализации мошеннических схем.

Кроме того, цифровизация оказывает трансформирующее воздействие на рынок труда, изменяя структуру занятости и обуславливая сокращение ряда профессий. Это требует модернизации образовательных систем и адаптации механизмов регулирования занятости.

Существенную угрозу представляет распространение недостоверной информации и использование цифровых технологий в целях информационно-психологического воздействия, способного оказывать дестабилизирующее влияние на общественные и государственные институты.

Таким образом, снижение рисков, обусловленных развитием цифровой экономики, требует реализации комплексного подхода, включающего укрепление национальной технологической базы, развитие системы информационной безопасности, совершенствование правового регулирования, повышение уровня цифровой грамотности населения, а также консолидацию усилий государства, бизнеса и институтов гражданского общества.

Список источников

1. Цифровая экономика государства: оценка угроз, рисков и проблем регулирования финансово-экономической безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-2 (72). – С. 231–234.
2. Назаров Н.П., Привалов Н.Г. Развитие цифровой экономики в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 12-1. – С. 176–179.
3. Муратова М.Н. Цифровая экономика в современных условиях развития России и проблемы информационной безопасности // Управленческий учет. 2024. № 9. – С. 6–10.
4. Шахбанова З.И., Маккаева Р.С., Сафаров А.С. Технологическая безопасность как основа экономического суверенитета России в условиях глобальной цифровой трансформации // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. Спецвыпуск № 1. – С. 235–239.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Дадаев Я.Э.,

старший преподаватель кафедры менеджмента

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье исследована проблематика развития социального инструментария управления персоналом предприятия в условиях трансформации экономики, цифровизации управленческих процессов и роста роли человеческого капитала. Установлено, что социальный инструментарий управления персоналом целесообразно рассматривать как целостную стратегическую систему, которая охватывает мотивационные, социально-психологические, коммуникативные и организационные механизмы влияния на поведение работников. Сделан вывод, что внедрение адаптивных стратегий развития социального инструментария управления персоналом является важной предпосылкой обеспечения долгосрочной конкурентоспособности в условиях неопределенности.

Ключевые слова: социальный инструментарий, управление персоналом, стратегическое управление, человеческий капитал, кадровая стратегия, эффективность персонала.

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF SOCIAL TOOLS FOR HR MANAGEMENT

Dadaev Ya.E.,

senior Lecturer of the Department of Management,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines the development of social HR management tools in an enterprise in the context of economic transformation, digitalization of management processes, and the growing role of human capital. It is established that social HR tools should be considered as a holistic strategic system encompassing motivational, socio-psychological, communicative, and organizational mechanisms for influencing employee behavior. It is concluded that the implementation of adaptive strategies for developing social HR tools is an important prerequisite for ensuring long-term competitiveness in an uncertain environment.

Keywords: social tools, HR management, strategic management, human capital, HR strategy, HR effectiveness.

Современный этап развития экономики характеризуется ростом роли человеческого капитала как ключевого ресурса, обеспечивающего конкурентоспособность предприятий и постоянство их функционирования. В условиях глобализации, цифровизации производственных процессов, распространения гибких форм занятости и обострения конкуренции за квалифицированные кадры традиционные подходы к управлению персоналом оказываются недостаточными для достижения стратегических целей развития. В этом контексте особое значение приобретает социальный инструментарий управления персоналом, который охватывает систему мотивационных, социально-психологических, коммуникативных и организационных механизмов влияния на трудовое поведение работников и формирования их вовлеченности в достижение целей предприятия [7].

Усиление социального измерения управления персоналом обусловлено трансформацией ожиданий работников относительно условий труда, баланса между профессиональной и личной жизнью, возможностей профессионального развития, участия в принятии управленческих решений и корпоративной культуры. При таких условиях социальный инструментарий перестает выполнять вспомогательную функцию и приобретает стратегический характер, непосредственно влияя на производительность труда, инновационную активность персонала, уровень текучести кадров и общую эффективность деятельности предприятия [1].

Особую актуальность исследование приобретает в условиях нестабильности внешней среды, что проявляется в быстрых технологических изменениях, социально-экономических кризисах, демографических сдвигах и росте социальной ответственности бизнеса. В таких

обстоятельствах предприятия вынуждены не только адаптироваться к изменениям, но и опережать их, формируя долгосрочные стратегии развития, в которых человеческие ресурсы рассматриваются как основной носитель ценности и источник устойчивых конкурентных преимуществ.

В то же время в практике управления персоналом социальный инструментарий часто используется фрагментарно, без надлежащего стратегического согласования с корпоративными целями и без системной оценки его эффективности. Это обуславливает необходимость научного обоснования направлений развития социального инструментария управления персоналом, определения его места в системе стратегического управления предприятием и разработки методических подходов к выбору оптимальных стратегий его внедрения и развития.

В связи с этим исследование проблематики развития социального инструментария управления персоналом в стратегическом контексте является актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения и соответствует современным тенденциям развития теории и практики управления человеческими ресурсами.

Проблематика стратегического управления человеческими ресурсами и развития социальных инструментов управления персоналом широко представлена в трудах зарубежных и отечественных ученых [1-8].

Отдельной нерешенной проблемой является ограниченность инструментов количественного измерения результативности социального инструментария управления персоналом. В большинстве исследований оценка его эффективности осуществляется в основном на основе качественных показателей или субъективных экспертных суждений, что затрудняет сравнение альтернативных стратегий развития и снижает обоснованность управленческих решений. Недостаточно разработанными остаются экономико-математические модели, способные учитывать многокритериальный характер социальных процессов в сфере управления персоналом.

Кроме того, в научной литературе ограниченно освещены вопросы адаптивности социального инструментария управления персоналом к динамическим изменениям внешней среды. Большинство существующих моделей и стратегий ориентированы на относительно стабильные условия функционирования предприятий и не в полной мере учитывают влияние кризисных явлений, цифровизации, распространения дистанционных форм занятости и изменение ценностных ориентаций работников.

Недостаточно исследованы также механизмы сочетания количественных и качественных подходов к выбору стратегий развития социального инструментария управления персоналом.

Таким образом, наличие указанных теоретических и методических пробелов обуславливает необходимость дальнейших научных исследований, направленных на разработку комплексного, адаптивного и научно обоснованного подхода к развитию социального инструментария управления персоналом предприятия в стратегическом контексте, что и определяет направленность этой статьи.

Целью статьи является обоснование направлений развития социального инструментария управления персоналом предприятия в стратегическом контексте и разработка методического подхода к выбору оптимальной стратегии его развития на основе сочетания экономико-математического моделирования и экспертных оценок.

Развитие и управление человеческими ресурсами приобретают все большее значение в настоящее время. Менеджмент предприятий соглашается с тем, что управление человеческими ресурсами невозможно без их развития, так же как рост эффективности бизнеса невозможен без удовлетворения кадровых потребностей предприятия. Поэтому необходимо разрабатывать кадровые стратегии, которые затем интегрируются в стратегии других подразделений и корпоративную стратегию предприятия.

Современное предприятие с целью эффективного функционирования в условиях трансформации общества нуждается в формировании адаптационного механизма к

изменениям внешней среды. Одним из таких механизмов является стратегическое планирование с целью моделирования среднего и долгосрочного будущего. Разработка стратегии является сегодня не только попыткой предприятия адаптироваться к общественным и институциональным изменениям, но и его существенным конкурентным преимуществом на рынке. В связи с этим необходимо определить четкий алгоритм стратегического планирования, учитывающий изменчивость и неопределенность внешней среды, человеческий, финансовый и управленческий потенциал самого предприятия.

Системное развитие социального инструментария управления персоналом предприятия предполагает разработку соответствующей стратегии, которая является частью кадровой стратегии предприятия. Обращаем внимание, что стратегия развития социального инструментария управления персоналом имеет динамичный характер, а ее изменения зависят от изменений внешней и внутренней среды предприятия.

Разрабатывая стратегию развития социального инструментария управления персоналом, предприятия должны учитывать ее продолжительность до 5 лет, наличие стратегических целей и четкой последовательности этапов их достижения. К основным целям данной стратегии относим:

- рост производительности труда и качества продукции;
- развитие креативности и инновационности персонала;
- улучшение морально-психологической атмосферы на предприятии и сокращение количества конфликтов;
- формирование эффективных внутриорганизационных коммуникационных сетей;
- рост лояльности работников к предприятию и снижение уровня текучести кадров;
- повышение конкурентоспособности управленческого персонала и снижение затрат на его содержание.

Процесс разработки стратегии развития социального инструментария управления персоналом предприятия состоит из семи этапов (рис. 1). Их содержание и последовательность соответствуют общей логике стратегического планирования.

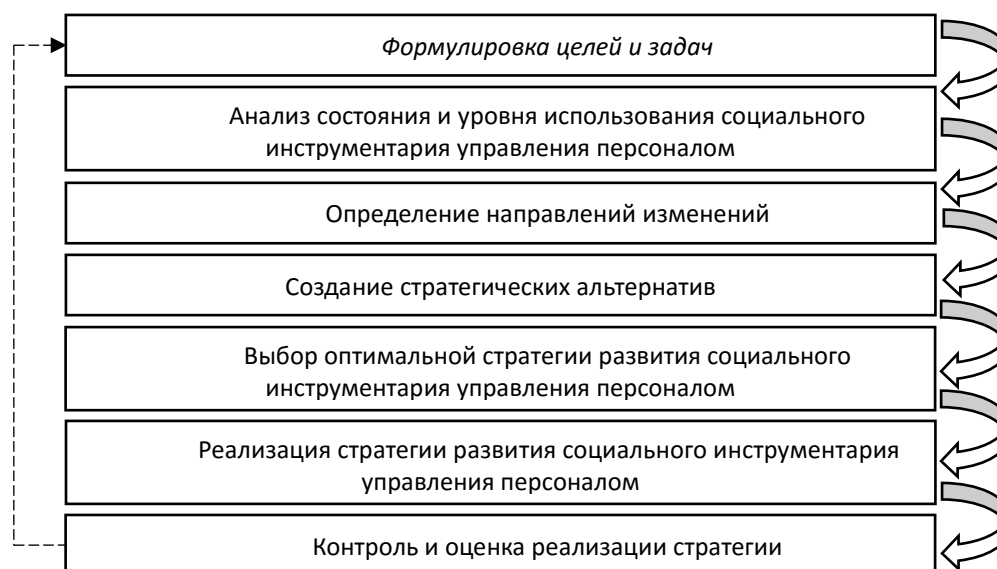

Рисунок 1. Алгоритм разработки стратегии развития социального инструментария управления персоналом предприятия

Источник: составлено автором.

Для выбора оптимальной стратегии развития социального инструментария управления персоналом предприятия автором предложено использовать линейную многокритериальную экономико-математическую модель, в которой целевыми функциями выступают индикаторы эффективности социального инструментария управления персоналом, а именно: рост

производительности труда, улучшение качества продукции, снижение количества производственных конфликтов, улучшение морально-психологической атмосферы на предприятии, повышение скорости и эффективности внутриорганизационных коммуникаций, снижение уровня текучести кадров, рост лояльности работников к предприятию, активное предложение работниками мер по стратегии развития предприятия, снижение затрат на управленческий аппарат. Учитывая, что стратегию развития можно разрабатывать на несколько лет, модель развития социального инструментария управления персоналом предприятия будет иметь такой вид:

$$F_1(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n p_i * X_{jt} \rightarrow \max, \quad (1)$$

$$F_2(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n q_i * X_{jt} \rightarrow \max, \quad (2)$$

$$F_3(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n k_i * X_{jt} \rightarrow \min, \quad (3)$$

$$F_4(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n d_i * X_{jt} \rightarrow \max, \quad (4)$$

$$F_5(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n e_i * X_{jt} \rightarrow \max, \quad (5)$$

$$F_6(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n r_i * X_{jt} \rightarrow \min, \quad (6)$$

$$F_7(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n l_i * X_{jt} \rightarrow \max, \quad (7)$$

$$F_8(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n s_i * X_{jt} \rightarrow \max, \quad (8)$$

$$F_9(X) = \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^n c_i * X_{jt} \rightarrow \min, \quad (9)$$

$$\sum a_{jt} * X_{jt} \leq A_{jt}, \quad i=1, m \quad t=1, T, \quad (10)$$

$$\sum X_{jt} = X_t, \quad j=1, n \quad t=1, T, \quad (11)$$

$$X_{jt}, = X_i = \{0; 1\}, \quad j=1, n \quad t=1, T, \quad (12)$$

где X_{jt} , X_t – стратегии развития; p_j – рост производительности труда в результате реализации j -й стратегии; q_j – рост качества продукции в результате реализации j -й стратегии; k_j – снижение количества производственных конфликтов в результате реализации j -й стратегии; d_j – показатель улучшения морально-психологического климата в результате реализации j -й стратегии; e_j – показатель роста скорости и эффективности внутриорганизационных коммуникаций в результате реализации j -й стратегии; r_j – снижение уровня текучести кадров в результате реализации j -й стратегии; l_j – рост лояльности работников к предприятию в результате реализации j -й стратегии; s_j – показатель активизации предложения работниками мероприятий по стратегии развития предприятия в результате реализации j -й стратегии; c_j – снижение затрат на управленческий аппарат в результате реализации j -й стратегии; a_{jt} – затраты ресурса и вида на реализацию стратегии; A_{jt} – ресурсное обеспечение на год t ; T – продолжительность планового промежутка времени, на который распространяется действие разработанных стратегий развития.

Условие (10) отражает ограниченность ресурсного обеспечения на реализацию стратегии развития. Обратите внимание, что переменные величины X_{jt} , X_t приобретают целые значения «0» или «1», поскольку j -я стратегия может быть реализована или отклонена.

Экономико-математическая модель (1)–(12) относится к классу линейных оптимизационных многокритериальных моделей. Компромиссное решение предлагаемой модели заключается в поиске такого эффективного решения, которое не ухудшает значений заданных целевых функций и приводит к улучшению хотя бы одной из них.

Множество эффективных решений называется множественным числом Парето. Смысл введенного понятия эффективного решения заключается в том, что оптимальное решение стоит искать лишь среди элементов множества Парето. В противном случае всегда найдется решение, которое оказывается лучшим, независимо от расстановки приоритетов важности отдельных критериев. Во множественном числе Парето существует понятие согласованного оптимума, при котором ни одно из возможных решений нельзя улучшить по какому-либо критерию, не ухудшив при этом другое [6].

Учитывая недостатки принципа Парето при осуществлении выбора оптимальной стратегии развития социального инструментария управления персоналом, предложено сочетать количественные расчеты и качественные (экспертные) оценки индикаторов

эффективности социального инструментария управления персоналом предприятия. Обоснование такого подхода объясняется тем, что социальный инструментарий управления персоналом является комплексом инструментов, каждый из которых содержит немало составляющих, которые сложно поддаются числовому описанию. Сопоставление независимых качественных оценок от топ-менеджеров, руководителей структурных подразделений, менеджеров по персоналу и работников (но только при условии развитой на предприятии организационной культуры) дополнит количественные расчеты по предложенной многокритериальной экономико-математической модели и даст действительно объективную информацию по выбору оптимальной стратегии развития социального инструментария управления персоналом предприятия.

При осуществлении выбора стратегии развития социального инструментария управления персоналом предприятия рекомендуем обратить внимание на глобальные тенденции в сфере управления персоналом. Одной из проблем для предприятий, как указано в исследовании [8], является выход за пределы собственного бизнеса и переосмысливание своей роли в более широком социальном контексте. Объединение усилий высшего руководства для построения социально ответственного бизнеса становится конкурентным преимуществом тех предприятий, которые хотят привлечь высококвалифицированных специалистов, повысить лояльность клиентов и обеспечить поддержку долгосрочного роста [3]. Такое видение созвучно с сущностью социального инструментария управления персоналом, как комплекса человекоцентрических управленческих мер и решений, направленных на максимальное использование человеческого потенциала, его постоянное развитие и капитализацию знаний, умений и навыков работников с целью повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивого развития предприятия. Субъектами КСО являются компании, которые взаимодействуют с различными группами стейкхолдеров: работниками, клиентами, партнерами, государством и обществом. Корпоративная этика, как отмечено в работе «Корпоративная социальная ответственность в системе менеджмента предприятия» [4], – это «фундамент, на котором строится успешный бизнес. Она определяет, какими ценностями руководствуется компания и как она взаимодействует со своими сотрудниками, партнерами и обществом в целом» [4].

Другие глобальные тенденции в сфере управления персоналом, которые согласуются с развитием социальных инструментов, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Глобальные тенденции в области управления персоналом

№ п/п	Тенденция	Характеристика
1	Единство управления как искусство самоуправления: команды управляются командами	Предприятия становятся все более гибкими и ориентированными на командную работу. Вместо привычного поведения топ-менеджеров как независимых функциональных структур придется все чаще работать одной командой
2	Экосистема трудовых ресурсов: управление ресурсами выходит за рамки корпорации	Работодатели ожидают, что в течение следующих нескольких лет зависимость от внештатных сотрудников резко возрастет. Многообразие рынка труда требует от HR-лидеров и бизнес-лидеров активного сотрудничества при разработке интегрированных стратегий и программ по управлению работниками различных категорий и оптимизации экосистемы персонала в целом
3	Новые системы вознаграждений: персонализированные, комплексные и гибкие	Для организаций и бизнес-лидеров сформирован новый императив: изучать, понимать, разрабатывать и внедрять различные решения для поддержки карьеры. Только ориентированность на опыт, новые карьерные модели, инструменты для аналитики данных позволят компаниям развивать, сохранять и привлекать качественные таланты в нужное время

4	Ценность опыта и должности: новые пути развития и роста	Карьера XXI века в первую очередь характеризуется имеющимся опытом и способностью работника к обучению, а не только работой и приобретенными навыками
5	Преимущества привлечения к сотрудничеству разных поколений: расширение рамок традиционного «рабочего возраста»	Преимущества имеют те компании, которые в состоянии отойти от стереотипов и превратить рост рабочего возраста работников в неиспользованный актив. Те же компании, которые игнорируют современные тенденции, столкнутся с потенциальными проблемами по выполнению своих обязательств и дефицитом профессиональных навыков
6	Вовлеченность общества и социальное влияние: отражение бизнеса в обществе	С ростом ожиданий заинтересованных сторон неискреннее или неполное выполнение обязательств по обеспечению социальной ответственности может быстро нанести ущерб репутации, повлиять на продажи и ограничить способность привлекать человеческие ресурсы
7	Благополучие и стабильность персонала: повышение эффективности сотрудников за счет восстановления	Благополучие сотрудников обеспечивает корпоративное благополучие, что является элементом стратегии эффективности. Несмотря на то, что организации вкладывают значительные средства в эту область, существует значительный разрыв между тем, что предлагают компании, и тем, что сотрудники ценят и ожидают
8	Искусственный интеллект и автоматизация: важность человека в эпоху цифровизации	Потенциал использования искусственного интеллекта и робототехники заключается в устранении рутинных задач, что создает ценность и уникальность для «человеческих» навыков сотрудников. В то же время есть риск формирования отчужденных групп людей, вытесненных прогрессом

Источник: составлено автором

В контексте этих тенденций стратегия развития социального инструментария управления персоналом является проверкой предприятия на «готовность к жизни» в современных реалиях и на способность соответствовать требованиям государства, общественности, потребителя и работника.

Для эффективного управления развитием социального инструментария управления персоналом предприятия стоит сформировать проектную команду – временный творческий коллектив, группу экспертов или даже специальное подразделение. Эта команда должна заниматься составлением распорядительных документов, планов и другой документации, ресурсным обеспечением, координированием и контролем за выполнением всех работ. Эти функции может выполнять служба управления персоналом, если она достаточно укомплектована численно, имеет необходимый уровень компетентности и занимается более широким кругом вопросов управления человеческими ресурсами, а не только кадровым делопроизводством.

В условиях общественных и институциональных трансформаций социальный инструментарий управления персоналом должен ориентировать персонал на постоянное обучение, генерирование творческих идей и инновационных предложений. Это требует от службы управления персоналом работы в направлении стимулирования креативности и продуцирования нововведений, что будет служить дополнительным средством совершенствования социального инструментария управления персоналом предприятия.

В ходе исследования обосновано, что социальный инструментарий управления персоналом является не вспомогательным элементом кадровой политики, а ключевой составляющей системы стратегического управления предприятием, которая напрямую влияет на его конкурентоспособность, инновационный потенциал и долгосрочную устойчивость развития. В современных условиях трансформации экономики, роста роли человеческого капитала и усиления социальных ожиданий со стороны работников и общества эффективное использование социального инструментария становится одним из определяющих факторов достижения стратегических целей предприятия.

Доказано, что фрагментарное применение социальных инструментов управления персоналом без их согласования с корпоративной стратегией существенно снижает результативность управленческих решений. В связи с этим стратегия развития социального инструментария управления персоналом должна формироваться как интегрированный элемент общей стратегии предприятия и учитывать как внутренние возможности организации, так и динамику внешней среды. Обоснована целесообразность построения такой стратегии на основе гибкости, адаптивности и ориентации на долгосрочную ценность человеческого капитала.

В рамках исследования систематизированы основные цели стратегии развития социального инструментария управления персоналом, среди которых ключевыми определены повышение производительности труда, развитие креативности и инновационности персонала, улучшение морально-психологического климата в коллективе, рост лояльности работников и снижение уровня текучести кадров. Показано, что достижение указанных целей требует комплексного подхода, который сочетает социальные, экономические и управленческие инструменты.

Важным результатом исследования является обоснование возможности использования многокритериальной экономико-математической модели для выбора оптимальной стратегии развития социального инструментария управления персоналом предприятия. Предложенный подход позволяет учесть многомерный характер социальных процессов в сфере управления персоналом и обеспечить формализованную оценку альтернативных стратегий по совокупности количественных показателей.

В то же время доказана необходимость дополнения количественных расчетов качественными экспертными оценками, что обеспечивает более полный учет социально-психологических и поведенческих аспектов управления персоналом.

Список источников

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами: перевод с английского / М. Армстронг, С. Тейлор. 14-е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 1040 с.
2. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. Благов Ю.Е. Р. Эдвард Фримен и концепция заинтересованных сторон (предисловие к разделу) // Вестник СПбУ. Менеджмент. 2012. № 1. – С. 109–116.
4. Дадаев Я.Э. Корпоративная социальная ответственность в системе менеджмента предприятия // ФГУ Science. 2025. № 4(40). – С. 45–50.
5. Портер М. Бизнес и общество: конкурентоспособность и социальная ответственность / М. Портер, М. Крамер // Harvard Business Review Россия. 2007. № 3. – С. 72–86.
6. Сергеев Д.И., Ие О.Н. Многокритериальная оптимизация. Парето-оптимальные решения // Студенческий научный форум: материалы XIII Международной студенческой научной конференции. – URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024620>
7. Coleman James S. Social Capital in the Creation of Human Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1988. Vol. 94, № 1, pp. S95–S120.
8. Global Human Capital Trends 2023 // Deloitte. URL: <https://www.deloitte.com/nz/en/about/media-room/deloitte-2023-global-human-capital-trends-report.html>.

МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК ДРАЙВЕР РЕГИОНАЛЬНОГО РОСТА

Довлетмурзаева М.А.,

*д-р экон. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления,
декан факультета государственного управления*

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Коршикова О.Н.,

аспирантка 3 курса

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Довлетмурзаев Д.С.,

студент 1 курса направления «Государственное и муниципальное управление»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Предметом исследования выступают механизмы привлечения прямых иностранных и отечественных инвестиций в особые экономические зоны (ОЭЗ) Российской Федерации. Цель работы – анализ действующего инструментария налоговых, таможенных и инфраструктурных преференций и оценка их влияния на региональный экономический рост. Методологическую основу составили системный анализ нормативно-правовой базы, сравнительный анализ статистических данных Минэкономразвития и Счётной палаты РФ. Установлено, что результативность ОЭЗ определяется не столько фискальными льготами, сколько качеством управления, инфраструктурной обеспеченностью и предсказуемостью регуляторной среды. Результаты применимы в практике государственного управления региональным развитием. Сформулированы рекомендации по совершенствованию мониторинга, цифровизации и расширению доступа малого бизнеса к преференциальным режимам.

Ключевые слова: особые экономические зоны, прямые иностранные инвестиции, региональный рост, налоговые преференции, импортозамещение, инвестиционный климат, управляющая компания, кластерный подход, технологический суверенитет, свободная таможенная зона.

MECHANISMS FOR ATTRACTING FOREIGN DIRECT AND DOMESTIC INVESTMENT IN SPECIAL ECONOMIC ZONES AS A DRIVER OF REGIONAL GROWTH

Dovletmurzaeva M.A.,

*Doctor of Economics, Professor department of state and municipal
Administration Dean of the faculty of public administration*

Kadyrov Chechen State Universite

Korshikova O.N.,

3rd-year postgraduate student

Kadyrov Chechen State Universite

Dovletmurzaev D.S.,

1rd year student in the field of «State and Municipal Management»

Kadyrov Chechen State Universite

Abstract. This study examines mechanisms for attracting foreign and domestic direct investment in special economic zones (SEZs) of the Russian Federation. The objective of the study is to analyze the current set of tax, customs, and infrastructure preferences and assess their impact on regional economic growth. The methodological basis consists of a systematic analysis of the regulatory framework and a comparative analysis of statistical data from the Ministry of Economic Development and Trade and the Accounts Chamber of the Russian Federation. It has been established that the effectiveness of SEZs is determined not so much by fiscal incentives as by the quality of management, infrastructure provision, and the predictability of the regulatory environment. The results are applicable to public administration of regional development. Recommendations are formulated for improving monitoring, digitalization, and expanding small business access to preferential regimes.

Keywords: *special economic zones, foreign direct investment, regional growth, tax preferences, import substitution, investment climate, management company, cluster approach, technological sovereignty, free customs zone.*

Экономическая география Российской Федерации устроена так, что регионы разительно отличаются друг от друга по уровню промышленного развития, налоговой базе и качеству жизни населения. Между, скажем, Москвой и отдалённой территорией Дальнего Востока – пропасть, измеряемая не только километрами, но и объёмами капиталовложений на душу населения. Именно для сглаживания подобных диспропорций государство уже два десятилетия прибегает к институту особых экономических зон (далее – ОЭЗ), закреплённому Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [1]. Согласно статье 3 данного закона, ОЭЗ формируются «в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции, транспортной инфраструктуры, а также туризма и санаторно-курортной сферы» [1].

Тема привлечения инвестиций – и прямых иностранных (ПИИ), и отечественных – в ОЭЗ приобретает сейчас совершенно иное звучание, нежели десять лет назад. Санкционное давление, геополитическая турбулентность, перестройка логистических цепочек – всё это заставляет переосмыслить саму архитектуру инвестиционного процесса. Кстати, на этом фоне заметно возросла роль партнёров из стран БРИКС и ШОС. По данным Минэкономразвития России, в 2025 году в стране функционировало 59 особых экономических зон с более чем 1 447 резидентами; совокупный объём инвестиций достиг 3 806,6 млрд рублей, а количество созданных рабочих мест превысило 120 тысяч [4]. Цифры внушительные, но за ними скрываются и проблемы: неравномерная загрузка площадок, разрывы между заявленными и фактически осуществлёнными вложениями, дефицит квалифицированных управленческих кадров на местах.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» зафиксировал ориентиры ускоренного технологического обновления и вхождения России в число пяти крупнейших экономик мира [2]. Достижение этих ориентиров невозможно без масштабного притока капитала в реальный сектор, и ОЭЗ здесь выступают своего рода «воронкой», направляющей финансовые потоки в приоритетные отрасли и территории. Вообще говоря, мировой опыт – от ирландского Шаннона до шэньчжэньских спецзон – подтверждает: при грамотном управлении преференциальные территории способны радикально переформатировать экономический ландшафт региона.

Цель настоящей работы – проанализировать действующие механизмы привлечения прямых иностранных и отечественных инвестиций в ОЭЗ Российской Федерации, выявить институциональные барьеры и сформулировать рекомендации по повышению результативности данного инструмента региональной политики. Мы исходим из предпосылки, что ОЭЗ – не просто налоговая льгота, а комплексная экосистема, результативность которой зависит от синхронизации правовых, инфраструктурных, кадровых и маркетинговых факторов.

Фундаментом всей конструкции остаётся Федеральный закон № 116-ФЗ, многократно корректировавшийся за прошедшие годы. Последняя масштабная редакция – Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 448-ФЗ – существенно переработала порядок создания, расширения площади и прекращения существования ОЭЗ [8]. В частности, были упразднены ограничения, предусматривавшие фиксированный предельный размер промышленно-производственных зон в 20 квадратных километров; теперь закон допускает площади до 40 квадратных километров, что расширяет горизонт для крупных инвесторов, нуждающихся в значительных территориальных ресурсах [8].

Статья 4 ФЗ № 116-ФЗ выделяет четыре типа ОЭЗ: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые [1]. На практике львиная доля инвестиций концентрируется в первых двух категориях. Если присмотреться, то именно промышленно-производственные ОЭЗ – такие как «Алабуга» в Татарстане или «Липецк» –

генерируют наибольший мультипликативный эффект: рабочие места, налоговые поступления в региональный бюджет, развитие смежных производств и сервисной инфраструктуры.

Помимо базового федерального закона, правовое регулирование ОЭЗ опирается на подзаконные акты. Постановление Правительства РФ от 7 июля 2016 г. № 643 утвердило порядок оценки эффективности функционирования особых экономических зон [9]. Этот документ установил перечень показателей – от количества резидентов и объёма инвестиций до числа созданных рабочих мест и выручки предприятий-резидентов [9]. Однако, как мы увидим далее, сама по себе методика оценки не гарантирует объективной картины, если не подкреплена независимым аудитом и прозрачной системой мониторинга.

Налоговые преференции – ключевой магнит для инвесторов. Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации (часть вторая), резиденты ОЭЗ могут рассчитывать на пониженные ставки налога на прибыль организаций, освобождение от налога на имущество и транспортного налога на определённый срок, а также на применение процедуры свободной таможенной зоны [3]. В зависимости от типа зоны и региона ставка налога на прибыль может снижаться до 2% в федеральную часть и 0 % в региональную, правда, конкретные параметры варьируются [3]. Это, безусловно, заслуживает отдельного внимания: разброс условий между зонами столь велик, что инвестору порой приходится буквально «сравнивать меню», прежде чем выбрать площадку.

По состоянию на начало 2026 года число ОЭЗ в России достигло 59 (без учёта зон, действующих на основании отдельных федеральных законов, например, Калининградской ОЭЗ и СЭЗ Крыма и Севастополя) [4]. Совокупный объём инвестиций резидентов, согласно данным портала ОЭЗ.рф, превысил 2,7 трлн рублей к моменту проведения III Международного форума особых экономических зон в сентябре 2025 года в Нижнем Новгороде [5]. Впоследствии, по уточнённым данным Минэкономразвития, эта цифра была скорректирована до 3,8 трлн рублей с учётом новых резидентов, зарегистрированных во второй половине 2025 года [4].

Что интересно: динамика последних лет демонстрирует не просто количественный рост, но и качественную трансформацию инвестиционного портфеля. Если в первое десятилетие существования ОЭЗ значительную долю вложений составляли проекты сборочного характера – локализация уже существующих производственных линий, – то с 2020-х годов наблюдается сдвиг в сторону высокотехнологичных и импортозамещающих проектов. ОЭЗ «Технополис Москва», к примеру, стала площадкой для производства микросхем, медицинского оборудования и компонентов для систем искусственного интеллекта. В 2023 году на площадки ОЭЗ пришли 177 новых резидентов – рекордный показатель за всю историю механизма [4].

Прямые иностранные инвестиции в ОЭЗ заслуживают отдельного разговора. Геополитический контекст последних лет привёл к существенному сокращению потока капитала из стран Евросоюза и Северной Америки. Однако параллельно сформировался тренд на рост вложений из государств Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. В ноябре 2025 года Россия и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании по вопросу взаимодействия в развитии особых экономических зон, что открывает перспективы для трансграничных инвестиционных проектов. На III Международном форуме ОЭЗ-2025 участвовали делегации из более чем десяти стран, включая Китай, Индию, Иран, Пакистан, Аргентину [10]. На мой взгляд, довольно показательно, что география партнёрства ОЭЗ всё отчётливее совпадает с контурами многополярного экономического порядка, к формированию которого Россия стремится.

Отечественные инвестиции, тем не менее, формируют основу финансирования проектов в ОЭЗ. Крупный российский бизнес – металлургические, нефтехимические, машиностроительные холдинги – активно размещает производства на площадках ОЭЗ, привлекаясь не столько налоговыми каникулами, сколько наличием готовой инженерной инфраструктуры и упрощённым административным режимом. Принцип «одного окна» для взаимодействия с государственными органами, закреплённый в ФЗ № 116-ФЗ, позволяет

сократить транзакционные издержки на этапе запуска проекта [1]. Вообще говоря, для среднего промышленного предприятия выигрыш во времени может составлять от шести до двенадцати месяцев по сравнению с размещением вне зоны.

Арсенал стимулов, доступных резидентам ОЭЗ, можно условно сгруппировать в три блока: фискальный, таможенный и инфраструктурный. Рассмотрим каждый подробнее.

Фискальный блок. Пониженная ставка налога на прибыль – пожалуй, самый «видимый» стимул. Региональная часть ставки может быть снижена до 0% на срок до пяти лет, а в некоторых случаях – и дольше [3]. Освобождение от налога на имущество организаций и земельного налога действует, как правило, на протяжении первых десяти лет с момента регистрации в качестве резидента [3]. Транспортный налог обнуляется – деталь, которая для логистически ёмких производств весьма ощутима. Однако не налоговые каникулы сами по себе решают всё: по данным Счётной палаты, в регионах с преференциальными режимами темп роста валового регионального продукта выше лишь на 0,9%, а индекс производительности труда – на 0,7% [6]. Это наводит на мысль, что фискальные льготы работают скорее как «входной билет», а не как единственный двигатель роста.

Таможенный блок. Режим свободной таможенной зоны позволяет ввозить иностранное оборудование, сырьё и комплектующие без уплаты ввозных таможенных пошлин и НДС [1]. Для предприятий, ориентированных на экспорт готовой продукции, данный режим создаёт конкурентные преимущества, сопоставимые с условиями промышленных зон Юго-Восточной Азии. Российские же товары, вывозимые из ОЭЗ на остальную таможенную территорию ЕАЭС, облагаются пошлинами и НДС в обычном порядке, что стимулирует глубокую переработку и создание добавленной стоимости внутри зоны.

Инфраструктурный блок. Государство финансирует создание инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры ОЭЗ из средств федерального и региональных бюджетов. В 2025 году министр экономического развития Максим Решетников сообщил, что регионам направлено 3,9 млрд рублей на создание инфраструктуры особых экономических зон [4]. Подготовленные площадки – с подведёнными сетями, дорогами, очистными сооружениями – радикально снижают капитальные затраты инвестора на первом этапе. Кстати, именно наличие готовой инфраструктуры зачастую оказывается решающим аргументом: инвестор предпочтёт площадку, где не нужно тратить два года на подключение к электросетям, даже если налоговая ставка там чуть выше, чем у конкурирующего региона без инфраструктуры.

Помимо перечисленных механизмов, отдельного упоминания заслуживает система администрирования «одного окна», позволяющая резидентам ОЭЗ взаимодействовать с государственными органами через управляющую компанию [1]. Это не просто процедурное упрощение – это философия клиентоориентированного подхода к инвестору. На практике, впрочем, качество реализации данной философии сильно различается от зоны к зоне. IX Национальный рейтинг инвестиционной привлекательности ОЭЗ, подготовленный Ассоциацией кластеров, технопарков и ОЭЗ России в 2025 году, оценил 48 зон по 41 показателю в семи блоках, включая качество управления территориями, промышленную кооперацию и экологическое развитие [7]. Лидерами рейтинга стали ОЭЗ «Липецк», «Алабуга», «Технополис Москва» и «Архыз» [7].

Счётная палата Российской Федерации неоднократно обращала внимание на проблемы в функционировании ОЭЗ. Аудиторы фиксировали, что связь между созданием преференциальных территорий и улучшением социально-экономических показателей регионов выражена слабо. В частности, объём инвестиций в регионах с ОЭЗ оказывался на 4,4 % ниже среднего, а число патентов – более чем на 5% ниже, что парадоксально для территорий, призванных стимулировать инновации [6].

Означает ли это провал механизма как такового? Мы полагаем – нет. Скорее речь идёт о неоднородности управленческих практик и недостаточной селективности при создании новых зон. Часть ОЭЗ создавалась под давлением политической конъюнктуры, без тщательного анализа ресурсного потенциала территории и реального спроса со стороны

инвесторов. Другая часть столкнулась с хронической нехваткой бюджетного финансирования инфраструктуры, что превратило обещанные «площадки под ключ» в пустующие участки с незавершённым строительством.

Тем не менее положительная динамика последних лет свидетельствует о том, что государство извлекает уроки. Федеральный закон № 448-ФЗ от 4 августа 2023 года усилил роль управляющих компаний, упростил процедуры расширения зон и ввёл механизм кластеризации – объединения ОЭЗ разных типов под единым управлением [8]. Это, в свою очередь, позволяет формировать сквозные производственные цепочки: допустим, промышленно-производственная зона выпускает комплектующие, технико-внедренческая разрабатывает программное обеспечение, а портовая обеспечивает логистику экспорта.

Среди проблем, требующих дальнейшего решения, мы выделяем следующие. Во-первых, отсутствие единой цифровой платформы мониторинга, которая позволяла бы в режиме реального времени отслеживать исполнение инвестиционных соглашений. Во-вторых, недостаточная интеграция ОЭЗ с региональными стратегиями социально-экономического развития: зоны подчас функционируют как «анклавы», мало связанные с окружающей экономической тканью. В-третьих, кадровый голод – особенно острый для технико-внедренческих зон, где потребность в инженерах и исследователях хронически не удовлетворяется.

Отдельная грань проблематики – разрыв между заявленными и реально осуществлёнными инвестициями. Резидент, подписывая соглашение с управляющей компанией, берёт на себя обязательства по объёму вложений и срокам их освоения. Однако на практике часть проектов так и не выходит на стадию строительства: меняется рыночная конъюнктура, пересматриваются бизнес-планы, возникают проблемы с поставщиками. Механизм ответственности за неисполнение инвестиционных обязательств существует, но применяется фрагментарно. Было бы разумно усилить контрольную составляющую, не превращая ОЭЗ в пространство избыточного регулирования – баланс здесь тонкий.

Стоит также упомянуть проблему конкуренции между самими ОЭЗ за ограниченный пул инвесторов. Когда число зон в стране приближается к шестидесяти, каждая из них соперничает за внимание одних и тех же промышленных групп. В результате возникает своеобразная «гонка льгот»: регионы стремятся предложить максимально привлекательные условия, что может размывать бюджетный эффект от налоговых преференций. Координирующая роль Минэкономразвития в этом контексте приобретает дополнительное значение – именно на федеральном уровне должна формироваться единая инвестиционная карта, исключающая дублирование специализаций соседних ОЭЗ [4].

Санкционный период обнажил критическую зависимость российской промышленности от импортных технологий и комплектующих в ряде секторов – от микроэлектроники до фармацевтики. ОЭЗ в этой ситуации превращаются из абстрактного инструмента региональной политики в конкретный инструмент обеспечения технологического суверенитета. Площадки вроде «Технополиса Москва» уже демонстрируют, как в условиях ОЭЗ можно организовать полный цикл – от НИОКР до серийного выпуска продукции, ранее целиком закупавшейся за рубежом.

Если присмотреться к структуре новых проектов, заявленных в 2023–2025 годах, заметно смещение акцента с простой сборки на глубокую локализацию. Инвесторы ОЭЗ «Оренбуржье» запустили завод автоматизации и роботизации, включающий единственную в России автоматическую линию по переработке птицы. ОЭЗ «Дубна» наращивает компетенции в ядерной физике и медицинских технологиях. ОЭЗ промышленно-производственного типа в Вологодской, Московской и Новосибирской областях, созданные решениями Правительства РФ, предполагают совокупные инвестиции свыше 26 млрд рублей и создание более 2,4 тысяч рабочих мест [4].

Существенным дополнением к механизму ОЭЗ стал институт свободных экономических зон (СЭЗ) для приграничных регионов. В 2024–2025 годах режим СЭЗ распространён на Белгородскую, Курскую и Брянскую области – территории, пострадавшие

от обострения геополитической обстановки. По словам Председателя Правительства Михаила Мишустина, льготы позволят предприятиям не только восстановиться, но и нарастить объёмы производства [4]. Это – пример оперативной адаптации преференциального инструментария к меняющимся условиям, что заслуживает внимания с точки зрения гибкости государственного управления.

Формирование многополярной модели международных экономических отношений создаёт для российских ОЭЗ одновременно и вызовы, и возможности. Вызов состоит в том, что традиционные западные инвесторы – автомобильные концерны, производители бытовой электроники – в значительной мере покинули российский рынок. Возможность – в том, что освободившиеся ниши могут занять компании из дружественных стран, для которых российский рынок ёмкостью свыше 146 миллионов потребителей представляет несомненный интерес.

Меморандум о взаимопонимании между Россией и Казахстаном по вопросам развития ОЭЗ, подписанный в ноябре 2025 года, – конкретный шаг в этом направлении [10]. Цифровая инвестиционная платформа ОЭЗ БРИКС, представленная на форуме в Нижнем Новгороде, нацелена на упрощение доступа инвесторов из стран объединения к информации о российских площадках [10]. Подобные инициативы – не декларации, а прикладные инструменты, способные конвертировать политическое партнёрство в реальные инвестиционные проекты.

При привлечении ПИИ из азиатских стран – Китая, Индии, Ирана – существенную роль играют не только экономические стимулы, но и степень предсказуемости правового режима. Иностранный инвестор, рассматривающий вложение на горизонте 10–15 лет, нуждается в гарантиях стабильности правил игры. Федеральный закон № 116-ФЗ в действующей редакции обеспечивает срок существования ОЭЗ в 49 лет без возможности продления [1], что, с одной стороны, создаёт длительный временной горизонт для окупаемости проектов, а с другой – ставит вопрос о механизмах «мягкого выхода» для резидентов по истечении срока.

Нельзя обойти вниманием и тему туристско-рекреационных ОЭЗ. В условиях бурного роста внутреннего туризма – по данным отрасли, объём туристического рынка РФ превысил 7 трлн рублей – площадки вроде «Архыза», «Эльбруса» и «Завидово» привлекают инвесторов в гостиничную инфраструктуру и сопутствующие сервисы. Десять ОЭЗ туристско-рекреационного типа насчитывают 120 резидентов с общим объёмом инвестиций около 33 млрд рублей. Более 1,6 млн туристов ежегодно отдыхают на территориях ОЭЗ [4]. Это, безусловно, создаёт дополнительный канал регионального роста, отличающийся от промышленного: здесь инвестиции трансформируются в занятость преимущественно в сфере услуг и малого бизнеса.

Привлечение иностранных инвестиций в туристско-рекреационные ОЭЗ имеет свою специфику. Если для промышленных зон ключевым фактором служат налоговые каникулы и таможенные преференции, то для туристических – качество природных ландшафтов, транспортная доступность, уровень сервиса. Вот характерный пример: ОЭЗ «Архыз» в Карачаево-Черкесии привлекает инвесторов не только льготным режимом, но прежде всего уникальным горным рельефом, пригодным для круглогодичного туризма. Инвестор вкладывает средства в горнолыжные трассы, гостиничные комплексы, рестораны – и всё это оживляет местную экономику, создавая эффект, который экономисты именуют «туристическим мультипликатором».

Вообще говоря, ОЭЗ как инструмент привлечения ПИИ следует рассматривать не изолированно, а в контексте общей архитектуры инвестиционного климата. Международные рейтинги конкурентоспособности, двусторонние соглашения о защите инвестиций, участие России в многосторонних экономических форматах (ЕАЭС, БРИКС, ШОС) – всё это формирует среду, в которой отдельная ОЭЗ либо становится привлекательной точкой входа для иностранного капитала, либо теряется на фоне альтернативных площадок в Вьетнаме, Индии или Турции. Конкуренция за глобальный инвестиционный капитал – жёсткая, и российским ОЭЗ приходится соревноваться не столько друг с другом, сколько с зарубежными аналогами.

Как справедливо отмечал директор Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России Михаил Александрович Лабудин, само по себе наличие преференциального режима не является гарантией привлечения инвестиций; для успеха необходимы профессиональные управленческие команды, способные снижать административные, финансовые и временные издержки при реализации инвестиционных проектов [7]. Этот тезис подтверждается практикой: «Алабуга» и «Липецк» стабильно лидируют в рейтингах во многом благодаря качеству менеджмента, а не только благодаря выгодному расположению или объёму бюджетных вливаний [7].

Институциональная среда ОЭЗ включает несколько уровней управления. На федеральном уровне – Минэкономразвития России, определяющее стратегические приоритеты и осуществляющее нормативное регулирование [4]. На региональном – органы исполнительной власти субъектов, софинансирующие инфраструктуру и формирующие земельные участки. На операционном – управляющие компании, непосредственно взаимодействующие с резидентами. Координация между этими уровнями – сама по себе нетривиальная управленческая задача, и именно её недостаточная эффективность нередко становится «бутылочным горлышком» для инвестиционных проектов.

Третий ESG-рейтинг российских ОЭЗ, представленный в 2025 году, добавил к традиционным экономическим метрикам показатели устойчивого развития: экологическую ответственность, социальную политику, качество корпоративного управления [7]. Включение ESG-критериев в оценку ОЭЗ – не дань моде, а отражение изменившихся приоритетов инвесторов: международные компании, особенно из стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии, всё чаще включают ESG-показатели в свои инвестиционные решения.

ОЭЗ «Алабуга» (Республика Татарстан) – пожалуй, самый цитируемый пример успешной промышленно-производственной зоны в России. Созданная в 2006 году, она привлекла десятки крупных резидентов, в том числе предприятия химической промышленности, автокомпонентного производства, строительной индустрии. Секрет «Алабуги» – в сочетании удобной географии (пересечение транспортных коридоров), агрессивной маркетинговой политики управляющей компании и последовательной поддержки со стороны руководства республики [7].

ОЭЗ «Липецк» – другой флагман. Здесь сформировался кластер машиностроительных и металлообрабатывающих производств, органично вписавшийся в промышленную специализацию региона. Счётная палата в своё время относила «Алабугу» и «Липецк» к числу «условно эффективных» ОЭЗ – формулировка сдержанная, но на фоне критических оценок других площадок и она звучит как комплимент [6].

«Технополис Москва» – технико-внедренческая зона, занявшая первое место среди ОЭЗ этого типа по итогам 2024 года [7]. Здесь функционирует 26 зон таможенного контроля, открыт сборочно-испытательный комплекс мощностью до 200 тысяч микросхем в месяц [5]. Пример «Технополиса» показывает, что ОЭЗ могут быть не только промышленными площадками, но и центрами инновационной экосистемы, интегрированными в научно-образовательную среду мегаполиса.

Менее изученный, но не менее интересный кейс – свободные экономические зоны в приграничных регионах. Распространение режима СЭЗ на Белгородскую, Курскую и Брянскую области представляет собой пример антикризисного применения преференциального инструментария. Задача здесь не столько привлечение «длинных» инвестиций, сколько удержание существующего бизнеса и создание стимулов для восстановления повреждённой инфраструктуры. Если присмотреться, это принципиально иная модель по сравнению с классическими ОЭЗ, и её эффективность ещё предстоит оценить.

Минэкономразвития направило в Правительство проект постановления о расширении особых экономических зон, предусматривающий упрощение процедур изменения границ действующих ОЭЗ [4]. Логика понятна: успешные зоны упираются в физические пределы территории, а расширение границ позволяет принимать новых резидентов без создания отдельной площадки с нуля. Параллельно обсуждается перспектива формирования

межрегиональных кластеров, объединяющих ОЭЗ сопредельных субъектов в единое инвестиционное пространство.

Цифровизация управления ОЭЗ – ещё одно магистральное направление. Цифровая инвестиционная платформа, представленная на форуме ОЭЗ-2025, должна обеспечить прозрачность информации для потенциальных инвесторов: наличие свободных площадок, стоимость аренды, параметры инфраструктуры, контактные данные управляющих компаний [5]. Для иностранных инвесторов, привыкших к цифровым сервисам сингапурских или эмиратских свободных зон, подобная платформа – не роскошь, а базовое ожидание.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о включении индивидуальных предпринимателей в число потенциальных резидентов промышленно-производственных и портовых ОЭЗ. Счётная палата указывала на то, что действующий запрет ограничивает приток малого бизнеса и сужает конкурентную среду на территориях [6]. Снятие этого ограничения могло бы оживить малый и средний бизнес в ОЭЗ, особенно в сегментах сервисного обслуживания и субконтрактации.

Мы также считаем перспективным развитие механизма государственно-частного партнёрства (ГЧП) при создании инфраструктуры ОЭЗ. Опыт показывает, что бюджетное финансирование, при всей его значимости, не в состоянии покрыть все потребности растущей сети зон. Привлечение частного капитала к строительству и эксплуатации инфраструктурных объектов – дорог, энергосетей, очистных сооружений – позволило бы разгрузить бюджет и повысить качество управления объектами за счёт рыночной мотивации оператора.

Проведённый анализ позволяет заключить, что институт особых экономических зон в Российской Федерации прошёл путь от экспериментального инструмента до системного элемента региональной инвестиционной политики. За два десятилетия существования механизма была выстроена правовая база, накоплен значительный практический опыт, сформированы площадки, демонстрирующие устойчивую результативность. Вместе с тем система ОЭЗ неоднородна: наряду с успешными примерами («Алабуга», «Липецк», «Технополис Москва») существуют зоны с невысокой эффективностью, что подтверждается материалами Счётной палаты [6].

Ключевой вывод состоит в том, что механизмы привлечения инвестиций в ОЭЗ не сводятся к налоговым преференциям. Комплекс факторов – качество инфраструктуры, компетентность управляющих команд, предсказуемость правового режима, наличие цифровых сервисов для инвесторов – определяет конечную результативность площадки. Государственная политика последних лет – введение кластерного подхода, расширение типологии зон, распространение режима СЭЗ на приграничные территории, развитие международного сотрудничества в формате БРИКС – свидетельствует о стремлении адаптировать инструмент к новым реалиям [4, 8, 10].

В условиях формирования многополярного экономического миропорядка ОЭЗ способны стать не только «воронкой» для капитала, но и площадкой для технологического трансфера, кадровой подготовки и межстранового производственного кооперирования. Для реализации этого потенциала необходимы: совершенствование мониторинга эффективности, развитие цифровых платформ, расширение доступа для субъектов малого предпринимательства и углубление партнёрства с дружественными государствами.

Наконец, хотелось бы подчеркнуть: ОЭЗ – это не панацея от всех региональных проблем и не универсальный рецепт экономического роста. Это инструмент, эффективность которого напрямую зависит от качества его настройки. Территория с преференциальным режимом, лишённая дорог и электричества, останется пустой декларацией. Зона с великолепной инфраструктурой, но без компетентной управляющей команды, не удержит инвесторов. И напротив – площадка, где совпали политическая воля, управленческий талант, географическое преимущество и рыночный спрос, способна преобразить целый регион. Россия располагает достаточным набором таких площадок, и задача на перспективу – тиражировать лучшие практики, не забывая учитывать уникальность каждой территории.

Выводы и ожидаемый эффект

1. Особые экономические зоны Российской Федерации представляют собой действенный инструмент привлечения прямых иностранных и отечественных инвестиций, при условии надлежащего качества управления и обеспеченности инфраструктурой. По данным Минэкономразвития, совокупный объём инвестиций резидентов превысил 3,8 трлн рублей, создано более 120 тысяч рабочих мест [4].

2. Налоговые и таможенные преференции, закреплённые ФЗ № 116-ФЗ и Налоговым кодексом РФ, являются необходимым, но недостаточным условием привлечения капитала [1][3]. Решающее значение приобретают инфраструктурная обеспеченность, административное сопровождение и предсказуемость регуляторной среды.

3. Геополитические изменения привели к трансформации географии инвестиционных потоков: на смену западноевропейским инвесторам приходят партнёры из стран БРИКС и ШОС. Цифровая инвестиционная платформа ОЭЗ БРИКС и межгосударственные меморандумы создают институциональную основу для расширения такого сотрудничества [10].

4. Кластерный подход, закреплённый ФЗ № 448-ФЗ, открывает перспективы для формирования сквозных производственных цепочек внутри системы ОЭЗ, что способно усилить мультипликативный эффект инвестиций [8].

5. Распространение режима свободных экономических зон на приграничные регионы демонстрирует гибкость преференциального инструментария и его адаптивность к кризисным ситуациям [4].

6. Ожидаемый эффект от совершенствования механизмов привлечения инвестиций в ОЭЗ включает: рост объёма капиталовложений в реальный сектор экономики, увеличение числа высокопроизводительных рабочих мест, укрепление технологического суверенитета, сокращение межрегиональных диспропорций и повышение конкурентоспособности российских территорий на международном рынке инвестиций.

7. Для достижения указанного эффекта целесообразно: внедрить единую цифровую систему мониторинга ОЭЗ; расширить доступ индивидуальных предпринимателей к преференциальным режимам; развивать механизмы ГЧП при создании инфраструктуры; усилить интеграцию ОЭЗ с региональными стратегиями социально-экономического развития; обеспечить подготовку квалифицированных кадров для управления зонами во взаимодействии с профильными образовательными организациями.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон № 116-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 июля 2005 г.: одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 г.]. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/12141177/> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Российская Федерация. Президент (2012; В.В. Путин). О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 08.04.2026).
3. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон № 117-ФЗ: [принят Государственной Думой 19 июля 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г.]. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10900200/> (дата обращения: 08.04.2026).
4. Особые экономические зоны. Текст: электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_e_konomicheskie_zony/ (дата обращения: 08.04.2026).
5. ОЭЗ России. Текст: электронный // Портал ОЭЗ.рф: [сайт]. URL: <https://оэз.рф/> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Оценка эффективности преференциальных режимов: бюллетень // Счётная палата Российской Федерации. 2022. Текст: электронный. URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2026).
7. IX Национальный рейтинг инвестиционной привлекательности особых экономических зон. Текст: электронный // Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России: [сайт]. 2025. URL: <https://akitrf.ru/> (дата обращения: 08.04.2026).
8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»: Федеральный закон № 448-ФЗ: [принят Государственной Думой 26 июля

- 2023 г.: одобрен Советом Федерации 2 августа 2023 г.]. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/407429966/> (дата обращения: 08.04.2026).
9. Российская Федерация. Правительство. О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон: Постановление Правительства РФ от 7 июля 2016 г. № 643. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/71435498/> (дата обращения: 08.04.2026).
10. Материалы III Международного форума особых экономических зон (ОЭЗ-2025), 18 сентября 2025 г., Нижний Новгород. Текст: электронный // Международный форум ОЭЗ: [сайт]. URL: <https://ifsez.ru/> (дата обращения: 08.04.2026).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Закриева З.М.,

старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье обоснована роль сферы торговли в формировании современной экономики и место в ней процессов цифровизации как ключевых факторов ее трансформации. Исследование направлений влияния цифровизации на отдельные типы бизнес-моделей показало, что ее роль варьируется в зависимости от модели: от оптимизации операционных процессов в традиционных формах торговли до системообразующего фактора в платформенных моделях. Отдельное внимание уделено роли цифровизации в развитии циркулярной экономики, где цифровые платформы и сервисы создают предпосылки для распространения моделей повторного использования товаров и ответственного потребления. В этом контексте цифровизация торговли рассматривается не только как экономический, но и как социально и экологически значимый фактор, соответствующий современным принципам устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизация, бизнес-модель, предприятие торговли, сфера торговли.

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE MODERNIZATION OF RETAIL ENTERPRISES' BUSINESS MODELS

Zakrieva Z.M.,

Senior Lecturer of the Department Economic Theory and Entrepreneurship,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article substantiates the role of the trade sector in shaping the modern economy and the place of digitalization processes within it as key factors in its transformation. A study of the impact of digitalization on specific types of business models revealed that its role varies depending on the model: from the optimization of operational processes in traditional forms of trade to a system-forming factor in platform models. Particular attention is paid to the role of digitalization in the development of a circular economy, where digital platforms and services create the preconditions for the spread of product reuse and responsible consumption models. In this context, digitalization of trade is viewed not only as an economic but also as a socially and environmentally significant factor, consistent with modern principles of sustainable development.

Keywords: digitalization, digitalization, business model, retail enterprise, retail sector.

Сфера торговли России, которая обеспечивает около 12,5–13% ВВП и создает 15–18% валовой добавленной стоимости [3], в течение последних десятилетий претерпевает существенные трансформации, главным образом благодаря активному распространению цифровых технологий. Цифровизация активно влияет как на отдельные бизнес-процессы на уровне одного субъекта (магазина), так и на торговлю в целом через оптимизацию процессов доставки и диверсификацию ее каналов, рост скорости обработки заказов и повышение качества обслуживания потребителей.

В то же время влияние цифровизации не ограничивается технологическими аспектами деятельности предприятий торговли, а предопределяет глубокие структурные изменения в логике формирования их бизнес-моделей. Под влиянием цифровых инструментов трансформируются способы создания и предоставления ценности потребителям и поддержки коммуникации с ними, механизмы взаимодействия с партнерами, а также подходы к формированию доходов и обеспечению конкурентных преимуществ. В этих условиях традиционные бизнес-модели предприятий торговли претерпевают эволюцию, уступая место более гибким, адаптируемым и клиентоориентированным. В связи с этим исследование трансформации бизнес-моделей предприятий торговли под влиянием цифровизации приобретает особую актуальность и требует системного научного осмысления.

Бизнес-модель как современная экономическая концепция длительное время находится в центре внимания исследований в сфере управления бизнесом как с позиций академической теории, так и управленческой практики. Ее назначение заключается прежде всего в поиске оптимальных стратегических решений в процессе научного анализа с целью идентификации ценностных параметров и ключевых элементов деятельности предприятия в условиях интенсивной рыночной конкуренции. В связи с этим исследование бизнес-моделей должно охватывать совокупность конкретных элементов, способных раскрыть в большей степени нематериальную ценность для потребителей, что в итоге способствует трансформации бизнес-модели в рыночно ориентированную, сервисно-ориентированную модель ведения бизнеса.

Вопросы инновационных бизнес-моделей занимают центральное место в исследованиях последних лет, посвященных этому направлению. Так, Г. Чесбро [5] указывал на то, что именно бизнес-модель является основой развития открытых инноваций и коммерциализации технологий.

Отечественные ученые также уделяют значительное внимание исследованию цифровизации бизнес-моделей. В частности, И.Д. Бекмурзаев [1] обобщает влияние отдельных цифровых технологий на бизнес-модели предприятий различных секторов экономики и подчеркивает, что благодаря цифровизации традиционные бизнес-модели меняются и создают новые формы ценностного предложения. С.Х. Сулумов и Я.Э. Дадаев [4] исследовали систему экономической безопасности предприятия в условиях цифровизации рынка труда, раскрыли формы и проявления влияния на бизнес отдельных цифровых технологий и обобщили примеры адаптации бизнес-моделей предприятий различных секторов экономики к распространению цифровых трендов.

Несмотря на значительное внимание, уделенное вопросам трансформации бизнес-моделей под влиянием цифровизации, целесообразным является исследование влияния цифровых технологий на отдельные бизнес-модели предприятий торговли.

Целью статьи является обобщение и обоснование направлений и форм влияния цифровизации на различные типы бизнес-моделей предприятий торговли.

В течение последнего десятилетия цифровизация кардинально изменила все сферы бизнеса, в том числе и торговлю. Цифровые тренды формируют новую парадигму торговли, в которой гибкость и способность к инновациям становятся ключевыми условиями успешности бизнеса.

Среди цифровых трендов, трансформирующих бизнес-модели предприятий торговли ученые [1, 2, 4, 5 и др.] называют развитие e-commerce, использование big data, внедрение технологий искусственного интеллекта, активное применение мобильных платформ и распространение концепции омниканальности. Эти тренды вызывают коррекцию бизнес-стратегий и трансформацию традиционных бизнес-моделей в цифровизированные.

Прежде чем определить влияние цифровизации на типичные бизнес-модели предприятий торговли, охарактеризуем эти бизнес-модели.

Так, в сфере розничной торговли распространены следующие бизнес-модели:

- традиционный ритейл, который можно разделить на специализированные и неспециализированные магазины. Также специализированный и неспециализированный ритейл делится на сетевые и локальные магазины;
- электронная коммерция, основанная на модели платформы. Эта бизнес-модель стала возможной благодаря цифровизации и по сути является полностью цифровой моделью электронной торговли;
- гибридная (омниканальная) модель с офлайн- и онлайн-составляющими. Такие бизнес-модели развились из традиционного ритейла. Особенностью модели является органическое сочетание традиционного ритейла с электронной торговлей. Переход от традиционного специализированного ритейла к гибридной модели осуществляет или уже осуществило подавляющее большинство крупных ритейл-сетей;
- электронная торговля, которая не предполагает модель платформы.

В сфере оптовой торговли типовыми бизнес-моделями можно назвать:

- классическую дистрибуцию, где оптовое предприятие закупает продукцию у производителей и реализует ее розничным сетям;
- контрактную дистрибуцию, специфика которой заключается в том, что дистрибьютор действует на основе долгосрочных или эксклюзивных соглашений с производителями;
- логистически ориентированную дистрибуцию, где ценность создается дистрибьютором не только через перепродажу товара, но и за счет логистических, сервисных и страховых функций;
- B2B цифровой маркетплейс, где оптовое предприятие выступает посредником между производителем и покупателями, которыми являются в основном представители бизнеса;
- сервисно-интегрированную оптовую торговлю, где оптовое предприятие дополняет ценностное предложение дополнительными сервисами: IT, маркетинг, послепродажное обслуживание, монтаж, ремонт и т. д.

Отметим, что бизнес-модели предприятий оптовой торговли характеризуются более высоким уровнем концентрации на логистической эффективности, контрактных отношениях и сервисной составляющей по сравнению с моделями розничной торговли. Их трансформация в современных условиях в значительной степени происходит под влиянием цифровизации, которая способствует развитию платформенных решений, интеграции цепочек поставок и переходу от исключительно торговых к сервисно-ориентированным бизнес-моделям. Кроме того, предлагаемые типы бизнес-моделей отражают скорее теоретические конструкции, тогда как в практике функционирования крупных предприятий торговли преобладают гибридные модели, сочетающие дистрибуционную, логистическую и сервисную функции. Относительно «чистые» бизнес-модели более характерны для малых предприятий, тогда как для крупных компаний типична многоуровневая и интегрированная структура создания ценности.

Одной из популярных бизнес-моделей, распространенной в цифровом бизнесе, является модель подписки (абонентская модель, или subscription). Следует заметить, что она характерна для цифровых сервисов, однако не получила широкого распространения в сфере торговли в классическом понимании. Преимуществами этой бизнес-модели являются наличие стабильного канала доходов, относительно постоянная база клиентов, а также возможность прогнозировать прибыли. Модель очень выгодна и для потребителей, поскольку они получают постоянный доступ к продукту или услуге за фиксированную плату [2].

В торговой деятельности элементы абонентской модели используются преимущественно как элементы ценностного предложения в пределах традиционных или комбинированных бизнес-моделей и, как правило, не формируют самостоятельного источника доходов. Например, клубная торговля (membership-based), где обязательным является фиксированный платеж за членство, благодаря чему предоставляются специальные скидки, бонусы, эксклюзивный доступ к отдельным группам товаров. Модель регулярных поставок (replenishment commerce) предусматривает заказ товаров на регулярной основе, автоматизацию повторных покупок. Однако покупатели платят за товары, а не за доступ, как в классической модели подписки.

Следовательно, модель подписки предполагает регулярные платежи за доступ и постоянный доход, ее ценностным предложением является доступ к услугам или продуктам, а не обмен товара на деньги, что является характерным признаком торговли. В торговле потребители по большей части не готовы платить только за право доступа к месту совершения покупок, товары преимущественно имеют физическую себестоимость и материальную форму, важной составляющей бизнес-модели торговли является логистика и управление запасами.

Помимо интеграции элементов абонентской модели, общественно важным направлением трансформации традиционных бизнес-моделей предприятий торговли является внедрение подходов осознанного потребления и экономного производства, соответствующих принципам ESG и целям устойчивого развития. Речь идет о циркулярном подходе в торговле и о повторной продаже (re-commerce), которые предусматривают повторное использование товаров, их перепродажу, восстановление или реновацию. Также распространенными в некоторых торговых сетях являются практики сбора подержанных вещей для их последующей

переработки. В рамках таких подходов предприятия торговли расширяют традиционную логику создания ценности, дополняя ее элементами экологической ответственности, удлинения жизненного цикла продукции и уменьшения объемов отходов. Наибольшее распространение циркулярные практики получили в сегментах одежды, обуви, электроники, мебели и товаров длительного пользования, где существует устойчивый вторичный спрос. Влияние цифровизации на данные практики ответственного бизнеса проявляется в следующем:

- создание специализированных онлайн-платформ для продажи подержанных вещей;
- онлайн-торговля подержанными вещами в социальных сетях или на специализированных тематических сайтах на уровне индивидуальных предпринимателей;
- информирование крупными торговыми сетями покупателей через онлайн-каналы о днях сбора подержанных вещей для переработки на территории торговых площадей.

Заметим, что *ge-commerce* не формирует самостоятельной бизнес-модели торговли в классическом понимании, а выступает модификацией классических, платформенных или гибридных бизнес-моделей. Доходы предприятий в таких форматах формируются за счет торговой наценки или комиссионных платежей, тогда как их особенности заключаются в специфике товарного потока и организации процессов обратной логистики, оценки состояния товаров и управления качеством. Поэтому циркулярные подходы целесообразно рассматривать не как отдельный тип бизнес-модели торговли, а как стратегическое направление ее эволюции, повышающее устойчивость бизнеса, репутационную ценность бренда и соответствие глобальным трендам устойчивого развития.

Благодаря цифровизации в сфере *ge-commerce* формируется омниканальность, расширяется коммуникация с клиентами и развивается кастомизация, а для *ge-commerce*-платформ цифровизация является основным условием функционирования бизнеса и именно тем фактором, благодаря которому клиентами платформы могут быть потребители со всего мира, где есть доступ к интернету.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что цифровизация является ключевым фактором трансформации современной торговли, влияя не только на отдельные бизнес-процессы предприятий, но и на логику формирования и развития их бизнес-моделей.

Систематизация основных бизнес-моделей предприятий торговли с учетом современных трансформаций показала, что в практике деятельности крупных компаний доминируют гибридные бизнес-модели, которые сочетают торговые, сервисные и интегрированные логистические элементы, тогда как относительно «чистые» модели более характерны для малых предприятий. Направления влияния цифровизации существенно отличаются в зависимости от типа бизнес-модели: от оптимизации операционной деятельности в традиционных формах торговли до системообразующего фактора в омниканальных, платформенных и сервисно-ориентированных моделях.

Важным вкладом цифровизации является содействие развитию циркулярной экономики в сфере торговли, создавая предпосылки для распространения ответственного потребления и согласования торговой деятельности с принципами устойчивого развития.

Список источников

1. Бекмурзаев И.Д. Функционирование предприятий в условиях цифровой экономики // ФГУ Science. 2025. № 1(37). – С. 18–23.
2. Подписная бизнес-модель: что это такое и как работает маркетинг по подписке. URL: <https://ipmotor.ru/articles/podpisnaya-biznes-model-chto-eto-2512>
3. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2025 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380>
4. Сулумов С.Х., Дадаев Я.Э. Формирование системы экономической безопасности предприятия в условиях цифровизации рынка труда // ФГУ «Наука». 2024. № 3(35). – С. 81–86.
5. Чесбро Г. Открытые бизнес-модели. IP-менеджмент / Пер. с англ. В.Н. Егорова. – М.: Поколение, 2007. – 390 с.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Заурбекова Т.И.,

*студентка 2 курса Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: zaurbekov.ali095@gmail.ru*

Алиева Э.И.,

*ассистент кафедры «Налоги и налогообложение»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: elinaalieva93@mail.ru*

Аннотация. Данная статья исследует влияние глобальных экономических трендов на национальные экономики. Основные темы включают цифровизацию, глобальную торговлю, изменение климата, демографические изменения и финансовые рынки. Рассматриваются последствия этих трендов и стратегии адаптации на уровне национальных экономических систем.

Ключевые слова: экономика, глобальные экономические тренды, национальные экономики, цифровизация, глобальная торговля, изменение климата, демографические изменения, финансовые рынки, адаптация, конкурентоспособность.

GLOBAL CHALLENGES OF WORLD ECONOMIC DEVELOPMENT

Zaurbekova T.I.,

*2nd year, Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Aliyeva E.I.,

*Assistant of the Department of Taxes and Taxation
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article explores the impact of global economic trends on national economies. The main topics include digitalization, global trade, climate change, demographic changes, and financial markets. The article examines the consequences of these trends and the strategies for adaptation at the level of national economic systems.

Keywords: economy, global economic trends, national economies, digitalization, global trade, climate change, demographic changes, financial markets, adaptation, competitiveness.

На отрезке 2022–2025 годов мировая экономика столкнулась с целым набором взаимосвязанных трудностей, серьезно повлиявших на ее дальнейшее развитие и внутреннее устройство. Среди главных причин, обостривших ситуацию, можно выделить: рост геополитических противоречий, распад устоявшихся экономических связей между странами, бурные технологические перемены, сдвиги в демографической картине мира и нарастание экологических угроз.

О геополитической напряженности и расколе мировой экономики стоит сказать отдельно. Сегодня мы наблюдаем, как противоречия между ведущими державами – США, Китаем и Россией – выходят на новый уровень, а экономическая система планеты все сильнее дробится на отдельные сегменты. Из-за обострения отношений военные расходы в мире с 2005 года выросли более чем в 2,2 раза и превысили отметку в 2,4 триллиона долларов. Такая динамика серьезно ударила по международной торговле и финансовой стабильности. После 2022 года санкции стали еще жестче – это ускорило процесс деглобализации: экономика постепенно распадается на соперничающие блоки, внутри которых страны активнее налаживают сотрудничество.

Примером этой тенденции служит торговая война между США и Китаем, обострившаяся в 2025 году. Введение США пошлин на китайские товары до 145% и ответные меры Китая против американских товаров приводят к инфляционному давлению, снижению

эффективности глобальных цепочек поставок и замедлению темпов мирового экономического роста [3].

Еще одним индикатором геополитической фрагментации является дедолларизация. Доля США в международных резервах достигла исторического минимума в 57,4% в третьем квартале 2024 года. Развивающиеся страны, в частности участники расширенного БРИКС, активно диверсифицируют свои международные расчеты, переходя на национальные валюты, и наращивают спрос на монетарное золото.

Торговые ограничения и защита отечественных производителей. В последнее время страны все чаще прибегают к мерам протекционизма, таким как нетарифные барьеры, импортные пошлины и экологические нормы, чтобы отстаивать свои национальные интересы. Эти действия негативно влияют на международную торговлю и снижают общую эффективность мировой экономики. В ответ на это бизнес вынужден искать новые подходы к организации своей деятельности. Среди них – распределение производственных мощностей по разным регионам (диверсификация цепочек поставок), перенос производств ближе к конечным потребителям (ниаршоринг) и выбор поставщиков на основе геополитической близости (френдшоринг). Однако эти стратегии ведут к росту затрат и снижению эффективности.

Научно-техническое соперничество и проблема цифровых разрывов. В последние годы конкуренция в сфере науки и технологий вышла на новый уровень. Государства и крупные коммерческие структуры все активнее финансируют исследования и разработки – это уже не просто стремление к прогрессу, а вопрос сохранения позиций в глобальной экономике. Примечательно, что значительная доля мировых научных достижений (примерно 40%) приходится на долю всего полусотни корпораций. Подавляющее большинство этих компаний сосредоточено в странах с развитой экономикой, что создает ощутимый дисбаланс. Подобная концентрация ресурсов рискует затормозить общее движение вперед: менее обеспеченные участники научного процесса оказываются в заведомо невыгодном положении.

Цифровизация, при всех своих очевидных плюсах, несет и ряд серьезных вызовов. Развитие автоматизации и искусственного интеллекта может усугубить социальное неравенство, не только усилив уже существующие разрывы, но и породив новые формы дисбаланса. К этому добавляется и другая острая проблема: рост числа кибератак заставляет всерьез задуматься о надежной защите данных, цифровых платформ и критически важной инфраструктуры. Без должной кибербезопасности прогресс может обернуться серьезными рисками [1].

Особенно остро проблема цифрового разрыва стоит в развивающихся странах. Ограниченный доступ к современным технологиям не просто тормозит локальное развитие – он напрямую влияет на темпы экономического роста, усугубляя уже имеющееся неравенство между регионами мира.

На этом фоне не менее значимую роль играют и глобальные демографические сдвиги. Меняющаяся структура населения планеты создает дополнительные вызовы, которые тесно переплетаются с экологическими рисками.

Другой важнейшей тенденцией является старение населения. Увеличение доли людей старше 65 лет создает серьезные вызовы для систем пенсионного обеспечения и здравоохранения. Согласно прогнозам, к концу 2050-х более половины населения будет доживать до 80 лет, а во второй половине 2070-х годов число пожилых людей (старше 65 лет) превзойдет количество детей и подростков (до 18 лет), что потребует значительной адаптации социальных и экономических систем.

Неравномерность роста населения. Большая часть ожидаемого прироста численности населения будет сосредоточена в странах Африки и Южной Азии. Особенно стремительный рост ожидается в государствах Африки к югу от Сахары: по некоторым прогнозам, их население может удвоиться в период с 2024 по 2054 год. В то же время в таких странах, как Китай, Япония и Германия, численность населения уменьшается или остается на стабильном уровне.

Миграционные процессы. Миграция приобретает все большее значение в формировании демографической ситуации. В государствах с низким уровнем рождаемости приток мигрантов способен восполнить дефицит рабочей силы, однако это может приводить к социальным напряжениям и требует дополнительных ресурсов на процесс интеграции.

Обострение экологических угроз в современном мире. Изменение климата перестает быть отдаленной перспективой: связанные с ним экологические риски приобретают все более выраженный характер и начинают ощутимо влиять на демографические процессы и траектории экономического развития.

Статистика последних лет фиксирует тревожную тенденцию: увеличивается не только число, но и масштаб природных катаклизмов. Лесные пожары, засухи, наводнения, ураганы и периоды аномальной жары происходят чаще и наносят все больший ущерб. Например, 2025 год вошел в число самых теплых за весь период инструментальных метеорологических наблюдений. Подобные явления создают прямую угрозу для жизни людей, критически важной инфраструктуры и устойчивости природных экосистем [2].

Ключевые экологические и социально-экономические последствия:

1. Дефицит водных и продовольственных ресурсов. Продолжительные засушливые периоды в сочетании с растущим потреблением воды провоцируют острый дефицит пресной воды. По данным на 2020 год, 44 страны, где проживает около трети населения планеты, столкнулись с «высоким» уровнем водного стресса. Одновременно климатические изменения негативно влияют на урожайность сельскохозяйственных культур, что создает риски для глобальной продовольственной безопасности.

2. Таяние вечной мерзлоты и подъем уровня Мирового океана.

3. Ухудшение состояния здоровья населения.

4. Рост социальных рисков [3].

Демографические трансформации и обострение экологических проблем сплетаются в сложную систему взаимосвязанных вызовов. Старение населения, неравномерное воспроизводство и миграционные процессы становятся еще более острыми на фоне климатического кризиса. Чтобы справиться с этими рисками, требуется комплексная стратегия, включающая сокращение выбросов парниковых газов, модернизацию инфраструктуры и социальных систем для соответствия новым условиям, а также активное международное взаимодействие. Привлечение частных инвестиций к финансированию проектов адаптации имеет решающее значение, учитывая ограниченность государственных бюджетов.

Международные механизмы регулирования современных проблем глобальной экономики и их эффективность: за последние три года система международных регуляторных механизмов глобальной экономики претерпела заметные изменения. Их возникновение обусловлено сочетанием нескольких значимых факторов: ростом геополитической напряженности, стремительным распространением цифровых технологий, усилением климатических рисков и объективной необходимостью адаптироваться к трансформации экономического ландшафта. В этих условиях международные организации, региональные объединения и многосторонние платформы приобретают особую роль: именно их деятельность во многом определяет способность мировой экономики смягчать кризисные явления и двигаться в направлении устойчивого развития.

Роль ключевых международных институтов:

1. Международный валютный фонд (МВФ) сохраняет статус одного из центральных институтов, обеспечивающих финансовую стабильность на глобальном уровне. На фоне роста долговой нагрузки и повышенной волатильности финансовых рынков фонд продолжает оказывать странам-участникам комплексную поддержку: предоставляет финансовую помощь, разрабатывает рекомендации по корректировке экономической политики и предлагает решения для проведения структурных реформ. В последнее время особое внимание уделяется странам, столкнувшимся с внешними шоками, в том числе последствиями природных катастроф и энергетических кризисов.

2. Всемирный банк сосредоточил усилия на финансировании проектов, нацеленных на развитие инфраструктуры, здравоохранения, образования и охрану окружающей среды. Через свои институты – Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международную ассоциацию развития (МАР), Международную финансовую корпорацию (МФК), Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций (МАГИ) и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) – организация предоставляет развивающимся и переходным экономикам займы, гранты и экспертную поддержку.

Региональные интеграционные объединения:

1. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) активно работает над укреплением внутренней интеграции и расширением сотрудничества с другими странами. В 2025 году основное внимание уделяется формированию единых рынков в таких сферах, как электроэнергетика, газ и нефть, развитию электронной торговли, применению национальных валют во взаимных расчетах и согласованию макроэкономических стратегий.

2. АСЕАН сосредоточена на продвижении цифровой интеграции, которая призвана стимулировать увеличение внешних инвестиций и запуск масштабных проектов. В число задач входит создание общего цифрового рынка с унифицированными правилами электронной коммерции, обмена данными и обеспечения кибербезопасности, а также усиление позиций региона на международной арене.

Новые проекты и договоренности:

1. В 2024 году были приняты Глобальный цифровой договор и Пакт во имя будущего, которые направлены на регулирование цифровой экономики, обеспечение равного доступа к цифровым преобразованиям и сокращение цифрового неравенства. ЮНКТАД разработала «Набор политических инструментов для инвестиций в цифровую экономику», чтобы помочь государствам и инвесторам лучше ориентироваться в изменяющихся условиях.

2. Стандарты МСФО S1 и S2 получили широкое распространение: к концу 2024 года их приняли или находятся в процессе принятия в 33 странах. Данные стандарты отчетности в сфере устойчивого развития играют важную роль в обеспечении сопоставимости данных на международном уровне.

3. Пункт 6 Парижского соглашения закладывает правовую основу для совместного использования углеродных рынков. Этот механизм стимулирует государства к выстраиванию партнерских отношений в сфере климатического финансирования, открывая возможности для обмена технологиями, ресурсами и опытом в реализации низкоуглеродных проектов.

Регулирование новых вызовов современности:

1. Искусственный интеллект. В 2025 году Европейский союз принял AI Act – первый комплексный законодательный акт, направленный на регулирование сферы искусственного интеллекта. Закон вводит дифференцированный подход к регулированию: для систем с высоким уровнем риска устанавливаются строгие требования к прозрачности, безопасности и подотчетности. В то же время в США формирование нормативной базы в области ИИ шло по иному пути. В рамках плана действий президента Трампа по ИИ (AI Action Plan) акцент делался на минимизацию регуляторных барьеров для стимулирования инноваций. Такой подход отражал стремление сохранить конкурентные преимущества американских компаний на глобальном рынке, что создавало определенный контраст с более жесткой европейской моделью регулирования.

2. Криптовалюты и финтех. В США сформирована единая федеральная система регулирования криптовалют и токенизированных активов, а Конгресс рассматривал поправки к Bank Secrecy Act для усиления контроля за криптоактивами. ЕС также усилил надзор за финтех-сектором: банки обязаны проверять поставщиков услуг и системы анализа данных на основе ИИ.

3. Климатические риски. Интерес к экологическим инициативам и проектам устойчивого развития растет, но объем инвестиций в климатические решения по-прежнему отстает от целевых показателей Парижского соглашения [4].

Современные институты регулирования глобальной экономики сталкиваются с комплексом вызовов: цифровизацией, развитием ИИ, распространением криптовалют, климатическими угрозами и геополитическими разногласиями.

Ключевые направления развития:

- устойчивое развитие;
- цифровая трансформация экономики;
- эффективная климатическая политика;
- преодоление геополитических разногласий через многостороннее сотрудничество.

Список источников

1. Загладин Н.В. Глобальное информационное общество и Россия// Мировая экономика и международные отношения.
2. Медведев В.А. Глобальная экономика: тенденции и противостояния// Мировая экономика и международные отношения.
3. Лазарева М.Р. Глобализация мировой экономики // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: https://scienceforum.ru/2021/article/2018025036 (дата обращения: 31.03.2026).
4. Шкваря Л.В. Мировая экономика [Текст]: схемы и таблицы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям.

БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Ибрагимова Э.С.,

*ассистент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: elli1888@mail.ru*

Багаева Е.Х.,

*студентка 4 курса «Института экономики и финансов»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: Yesita.bagayeva@mail.ru*

Аннотация. Ключевые аспекты эффективного банковского регулирования и надзора для стабильности национальной банковской системы. Настоящее исследование посвящено анализу особенностей банковского регулирования и надзора в России. Мы стремимся выявить существующие проблемы в этой сфере, опираясь на международный опыт, и предложить пути их решения. В статье рассматриваются теоретические аспекты банковского контроля, его функции и сущность. Предлагается усовершенствовать пропорциональное регулирование банков и внедрить новые технологии для упрощения отчетности, что снизит нагрузку на определенные категории кредитных организаций.

Ключевые слова: банковский контроль, регулирование, банковская система, надзор.

BANKING CONTROL: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Ibragimova E.S.,

*Assistant Professor, Department of Finance, Credit, and Antitrust Regulation
Kadyrov Chechen State University*

Bagayeva E.Kh.,

*Fourth-year student, Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. Key aspects of effective banking regulation and supervision for the stability of the national banking system. This study analyzes the specifics of banking regulation and supervision in Russia. We aim to identify existing problems in this area, drawing on international experience, and propose solutions. The article examines the theoretical aspects of banking supervision, its functions, and its essence. We propose improving proportional regulation of banks and introducing new technologies to simplify reporting, which will reduce the burden on certain categories of credit institutions

Keywords: banking control, regulation, banking system, supervision.

Введение. Современные исследования подчеркивают важность эффективного банковского контроля. Однако концепция «банковского контроля» как единого понятия не имеет прочного теоретического обоснования. В России банковский контроль традиционно разделен на внутренний (осуществляемый самими банками) и внешний (реализуемый Банком России и другими органами). Такое разделение порождает противоречия между этими двумя уровнями, снижая общую эффективность банковского контроля. Банк России, как мегарегулятор, отвечает за регулирование и надзор, направленные на обеспечение стабильности банковской системы и защиту интересов вкладчиков и кредиторов.

Банковское регулирование – это комплекс мер и правил, определяющих деятельность банков, обусловленный их особой ролью в экономике. Банковский надзор – это деятельность уполномоченного органа по проверке соответствия банков установленным нормам и стандартам. Главная цель надзора – сбор надежной информации для эффективного регулирования.

Изучение банковского регулирования показывает, что его основа не в административном принуждении, а в корректировке деятельности банков. Регулирование должно задавать направление через нормы и стандарты, контролировать их соблюдение, но не ущемлять операционную независимость кредитных организаций.

Дата	Общее кредитных организаций	Количество банков	Число небанковских кредитных учреждений
2025 год (по данным на 1 июня)	352	309	43
2024 год	354	316	38
2023 год	360	324	36
2022 год	361	326	35
2021 год	370	335	35
2020 год	411	371	40
2019 год	444	405	39

Данные таблицы указывают на значительную консолидацию банковского рынка России за последние шесть лет, выразившуюся в уходе около 90 кредитных организаций.

На сайте Центрального банка приведена количественная информация о состоянии банковского сектора России. По состоянию на 1 июня 2025 года в стране функционируют 352 кредитные организации, из которых 309 являются банками, а 43 – небанковскими учреждениями. К небанковским организациям относятся те, кто предоставляет отдельные банковские услуги, но не классифицируется как банк. Например, платежные некредитные организации (ПНКО) осуществляют денежные переводы, включая электронные, а расчетные некредитные организации (РНКО) ведут счета юридических лиц, занимаются инкассацией и выдают кредиты для завершения расчетов по сделкам.

Из общего числа банков 215 имеют универсальные лицензии, а 94 – базовые. Основное отличие между этими лицензиями заключается в наборе разрешенных финансовых операций. Базовая лицензия дает право выдавать кредиты, принимать вклады, торговать иностранной валютой и совершать денежные переводы. Однако банки с базовой лицензией не вправе создавать дочерние компании и филиалы за рубежом, а также проводить операции с драгоценными металлами с участием иностранных лиц. Универсальная лицензия, в свою очередь, предоставляет возможность выполнять все виды банковских операций как внутри страны, так и за ее пределами.

Особое внимание уделяется развитию цифровых сервисов и финтех-направлений, которые способствуют повышению доступности и удобства банковских услуг для населения и бизнеса. Рынок финансовых технологий в России демонстрирует довольно высокую степень сегментации. [4, с.7]

Центробанк поддерживает инициативы по внедрению новых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и биометрическая идентификация, с целью повышения эффективности и безопасности операций. Важной частью стратегических задач на ближайшие годы является развитие системы мгновенных платежей, расширение функционала дистанционного банковского обслуживания и усиление мер по кибербезопасности.

Сокращение числа банков в России обусловлено целенаправленной деятельностью Центрального Банка РФ по укреплению финансового сектора. Важно понимать, что в нашей стране ни один банк не может работать без специальной лицензии от государственного регулятора. Чтобы получить такое разрешение, кредитная организация должна доказать свою состоятельность, соответствуя ряду строгих критериев. Среди них: наличие достаточного уставного капитала для проведения операций с вкладами и кредитами, наличие утвержденного учредителями бизнес-плана, а также документов, подтверждающих законное право на работу на финансовом рынке. Лицензия выдается бессрочно, но это не гарантирует ее постоянного действия. Центробанк имеет право отозвать лицензию в любой момент, даже без предварительного уведомления. Основные причины, по которым это может произойти, включают: нарушение законов, регулирующих банковскую деятельность, проблемы с отчетностью (как задержки, так и ошибки в данных), проведение операций, не предусмотренных лицензией, недостаток собственных средств для выполнения обязательств перед вкладчиками.

Из ключевых проблем остается эффективность работы коммерческих банков, во многом вызванная их низкой конкурентоспособностью. Причины этого могут крыться как в недостатке собственного капитала для полноценной деятельности, так и в противоправных действиях некоторых банков.

Центральный банк Российской Федерации отвечает за развитие, укрепление и стабильность всей банковской системы страны, а также за защиту прав вкладчиков и кредиторов. Исходя из этого, его деятельность направлена на:

1. Развитие банковского сектора: усложнение корпоративных финансовых услуг, создание новых продуктов для малого и среднего бизнеса, улучшение управления рисками в банках и усиление борьбы с киберпреступностью для защиты коммерческой информации.

2. Банковское регулирование: последовательное внедрение международных стандартов (Базельских соглашений) и предотвращение занижения банками резервов путем использования чрезмерного залогового обеспечения.

Список источников

1. Кабаков Е.В., Амосова Н.А. «Банковский контроль: актуализация понятия и классификация форм». <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskiy-kontrol-aktualizatsiya-ponyatiya-i-klassifikatsiya-form/viewer>
2. Список банков РФ: <https://www.vtb.ru/articles/finansovaya-gramotnost/skolko-bankov-v-rossii-na-segodnyashniy-den/>
3. Информационный портал «Банки.ру»: [сайт]. Режим доступа: www.banki.ru.
4. Тавбулатова З.К. Контент-анализ состояния и развития финтех компаний в России за 2022–2023 гг / З.К. Тавбулатова, Л.С.Э. Батукаева // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 4(56). – С. 6–15. DOI 10.36684/chesu-2024-4-56-6-15. EDN PYPDBX.

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Илаева З.М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры
управления региональной экономикой и экономической безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: zarema-ilaeva@rambler.ru

Шахбиева А.О.-Х.,

студентка 2 курса специалитета «Экономическая безопасность»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: shakhbieva_ameliya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные цифровые инструменты, применяемые в рамках зеленой экономики для обеспечения устойчивого развития территорий. Анализируются ключевые направления цифровизации экологически ориентированных процессов, включая управление ресурсами, мониторинг окружающей среды и поддержку принятия управленческих решений. На примере отечественного (опыт Республики Татарстан) и зарубежного (энергосистема Дании) кейсов показаны реальные эффекты внедрения цифровых решений. Выявлены основные проблемы внедрения цифровых решений и предложены направления их преодоления. Делается вывод о том, что цифровые технологии являются ключевым драйвером устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: зеленая экономика, цифровизация, устойчивое развитие, экологический мониторинг, умные технологии, управление ресурсами.

APPLICATION OF DIGITAL TOOLS OF THE GREEN ECONOMY FOR SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT

Ilaeva Z.M.,

Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department
of Regional Economic Management and Economic Security,
Kadyrov Chechen State University

Shakhbieva A.O.-Kh.,

2nd-year student of the specialist program «Economic Security»
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article examines modern digital tools used in the green economy to ensure sustainable development of territories. Key areas of digitalization of environmentally oriented processes are analyzed, including resource management, environmental monitoring and decision-making support. Using the example of domestic (experience of the Republic of Tatarstan) and foreign (Danish energy system) cases, the real effects of digital solutions are shown. The main problems of implementing digital solutions are identified and directions for overcoming them are proposed. It is concluded that digital technologies are a key driver of sustainable development of territories.

Keywords: green economy, digitalization, sustainable development, environmental monitoring, smart technologies, resource management.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется усилением экологических проблем, включая изменение климата, истощение природных ресурсов и рост антропогенной нагрузки на окружающую среду. В этих условиях концепция устойчивого развития приобретает стратегическое значение для территориального управления. Зеленая экономика выступает одним из ключевых инструментов достижения устойчивого развития, поскольку направлена на обеспечение экономического роста при минимизации экологического ущерба. В то же время стремительное развитие цифровых технологий создает новые возможности для реализации экологически ориентированных стратегий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа роли цифровых инструментов в

повышении эффективности зеленой экономики на уровне регионов и муниципалитетов. Целью статьи является систематизация цифровых решений, применяемых в зеленой экономике, а также оценка их влияния на устойчивое развитие территории на основе анализа отечественной и зарубежной практики.

В условиях глобальных экологических вызовов и ускоряющейся урбанизации концепция устойчивого развития становится приоритетной для большинства территорий. Зеленая экономика предполагает снижение экологических рисков и рациональное использование природных ресурсов, однако без современных технологий эти задачи решаются медленно и часто неэффективно. Именно здесь цифровизация предлагает принципиально новые подходы. Речь идёт не просто об автоматизации учёта ресурсов, а о создании интегральных систем управления, где большие данные (Big Data), интернет вещей (IoT), искусственный интеллект, геоинформационные системы (ГИС) и блокчейн-технологии работают в единой связке. Синергия этих направлений формирует основу для перехода от декларативных моделей устойчивого развития к измеримым, управляемым и адаптивным территориальным системам [1, 2]. Основные цифровые инструменты, применяемые в рамках зеленой экономики, систематизированы в таблице 1.

Чтобы понять реальный вклад цифровых инструментов в зелёную экономику, необходимо обратиться к конкретным региональным кейсам. Показательным примером из отечественной практики является опыт Республики Татарстан. С 2020 года в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ» на территории Казанской агломерации внедрена комплексная система экологического мониторинга на базе IoT-датчиков, интегрированная с региональной ГИС-платформой. Система в реальном времени отслеживает качество атмосферного воздуха, состояние водных объектов и уровень загрязнения почв в зоне влияния промышленных предприятий. Ключевая особенность этого проекта заключается не в самом факте установки датчиков, а в создании механизма обратной связи: данные автоматически передаются в контролирующие органы, а при превышении нормативов формируются предписания для предприятий. По итогам 2025 года, согласно отчёту Министерства цифрового развития Республики Татарстан, удалось снизить выбросы загрязняющих веществ на 12%, сократить потери воды в городских сетях на 9% и повысить долю переработанных отходов с 34% до 48% [3].

Ещё более показателен зарубежный опыт, в частности Дании, которая на протяжении последнего десятилетия целенаправленно строит национальную энергосистему на принципах цифровизации и возобновляемой энергетики. С 2015 года в стране функционирует цифровая платформа Energy Collective, объединяющая все источники «зелёной» энергии (ветровые парки, солнечные станции, биогазовые установки) в единую интеллектуальную сеть (Smart Grid). Дания отказалась от простого наращивания мощностей ВИЭ (возобновляемые источники энергии) без цифрового управления, столкнувшись с классической проблемой нестабильности генерации. Решение было найдено в создании алгоритмов прогнозирования на основе искусственного интеллекта, которые с высокой точностью предсказывают выработку энергии на 48 часов вперёд и автоматически балансируют сеть. Результаты, зафиксированные Датским энергетическим агентством и подтверждённые данными Международного энергетического агентства за 2024–2025 годы, впечатляют: доля возобновляемых источников в энергобалансе достигла 67%, потери при передаче электроэнергии сократились до 4% (среднемировой показатель составляет около 9%), а в «зелёном» секторе было создано более 15 тысяч рабочих мест [4].

Таблица 1. Основные цифровые инструменты зеленой экономики

	Инструмент	Описание и функции
1	Системы экологического мониторинга	Современные цифровые платформы позволяют в режиме реального времени отслеживать состояние воздуха, воды и почвы. Использование датчиков и спутниковых данных обеспечивает: оперативное выявление загрязнений,

		прогнозирование экологических рисков, повышение качества управленческих решений.
2	Умные системы управления ресурсами	Технологии «умных сетей» (smart grids) и интеллектуального учета ресурсов способствуют: снижению энергопотребления, оптимизации водопользования, уменьшению потерь ресурсов.
3	Цифровые платформы управления отходами	Информационные системы позволяют автоматизировать процессы сбора, сортировки и переработки отходов. Это включает: отслеживание потоков отходов, стимулирование раздельного сбора, повышение уровня вторичной переработки.
4	Геоинформационные системы (ГИС)	ГИС-технологии обеспечивают пространственный анализ данных и используются для: территориального планирования, оценки экологической нагрузки, моделирования сценариев развития.
5	Блокчейн в экологическом управлении	Блокчейн-технологии применяются для: учета углеродных выбросов, обеспечения прозрачности экологических проектов, контроля использования природных ресурсов.

Источник: составлено авторами

Представленные в таблице 1 цифровые инструменты не существуют изолированно – их ценность раскрывается только в контексте комплексного влияния на три ключевых компонента устойчивого развития: экономический, экологический и социальный. Экономический компонент выражается в снижении затрат и повышении эффективности производства за счёт оптимизации использования ресурсов и предотвращения ущерба от экологических нарушений. По данным ряда исследований, автоматизированный мониторинг и прогнозирование позволяют сократить эксплуатационные расходы в сфере ЖКХ и промышленности на 8–15% [5]. Экологический компонент заключается в минимизации негативного воздействия на природу: снижение выбросов загрязняющих веществ, экономное водопользование, рост доли переработанных отходов. Социальный компонент, который часто недооценивается, проявляется в повышении качества жизни населения и доступности экологической информации. Когда жители города видят в открытом доступе данные о качестве воздуха или воды в реальном времени, доверие к власти и готовность участвовать в раздельном сборе отходов заметно возрастают. Кроме того, цифровизация позволяет интегрировать различные уровни управления – от муниципального до национального, создавая единую систему экологического мониторинга и реагирования.

На практике цифровые технологии уже активно используются в различных странах и регионах. Помимо рассмотренных выше кейсов Татарстана и Дании, можно привести такие примеры, как внедрение умных систем освещения, снижающих энергопотребление в городах на 20–30%, использование цифровых двойников городов для моделирования экологических сценариев, создание платформ открытых экологических данных, доступных для граждан и бизнеса. В ряде европейских городов (Амстердам, Барселона, Копенгаген) реализуются масштабные проекты «умных городов», направленные на повышение экологической устойчивости. Применение цифровых инструментов позволяет не только снизить экологическую нагрузку, но и повысить инвестиционную привлекательность территорий, поскольку современный бизнес всё чаще учитывает экологические факторы при выборе локации для размещения производств.

Однако было бы неверно представлять цифровизацию зелёной экономики как панацею или беззатратный путь к процветанию. Существует ряд серьёзных ограничений, которые необходимо учитывать при разработке и внедрении соответствующих программ. Риски цифровой трансформации в экологической сфере на примере российских нефтегазовых компаний анализируют Е.А. Куклина и К.И. Дементьев, отмечая, что «без должного регулирования ESG-цифровизация может привести к росту затрат и киберугрозам» [5]. В таблице 2 систематизированы основные типы таких ограничений.

Таблица 2. Основные проблемы внедрения цифровых инструментов

Тип проблемы	Содержание	Последствия
Экономические	Высокие затраты на внедрение датчиков, ПО и инфраструктуры	Замедление внедрения, особенно в малых городах и депрессивных регионах
Кадровые	Острый дефицит специалистов на стыке экологии, IT и экономики	Низкая эффективность использования систем, ошибки при интерпретации данных
Инфраструктурные	Отсутствие устойчивой связи и энергоснабжения в сельских и отдалённых территориях	Ограниченный охват, фрагментарность и неполнота данных
Кибербезопасность	Риски утечек экологических данных и взлома систем управления	Снижение доверия со стороны бизнеса и граждан, потенциальные экологические катастрофы
Правовые	Отсутствие единых стандартов форматов данных и регламентов обмена информацией	Трудность интеграции ведомственных систем и масштабирования успешных решений

Источник: составлено авторами на основе [5, 6]

Анализ представленных ограничений показывает, что технические и технологические барьеры (высокая стоимость, нехватка инфраструктуры), хотя и значительны, в долгосрочной перспективе преодолимы при условии целенаправленной государственной политики и государственно-частного партнёрства. Гораздо более сложными представляются кадровые и правовые проблемы, поскольку их решение требует не инвестиций, а системных изменений в образовательной и нормативной сферах, что всегда сопряжено с большими временными и бюрократическими издержками. Особого внимания заслуживают риски кибербезопасности: по мере того как критическая инфраструктура (энергосети, водопроводные системы, очистные сооружения) становится всё более цифровой, она одновременно становится и более уязвимой для атак. Этот аспект часто недооценивается в «зелёных» программах, ориентированных преимущественно на экологический эффект.

Невзирая на перечисленные ограничения, развитие цифровых инструментов для зелёной экономики продолжает ускоряться. На основе анализа актуальной литературы и рассмотренных практических кейсов можно выделить следующие наиболее перспективные направления. Первое – это развитие искусственного интеллекта для прогнозирования экологических изменений, включая климатические риски (наводнения, засухи, лесные пожары), что позволит перейти от реактивного управления к превентивному. Второе – создание цифровых двойников территорий, то есть виртуальных моделей городов и регионов, на которых можно тестировать экологические сценарии (например, закрытие вредного производства или строительство нового полигона) без риска для реальной среды. Третье – расширение использования открытых экологических данных, формирование национальных порталов, где информация о состоянии окружающей среды будет доступна не только чиновникам, но и бизнесу, учёным и гражданам. Четвёртое – использование блокчейн-технологий для токенизации углеродных единиц, что создаст прозрачный и ликвидный рынок квот на выбросы, снизив коррупционные риски и повысив доверие к углеродному регулированию. Перспективы применения блокчейна на углеродных рынках подробно рассмотрены в систематическом обзоре Вилкова и Тянь, которые приходят к выводу, что «технология способна обеспечить прозрачность и надёжность сделок с квотами, но требует адаптации к национальным условиям» [1]. Пятое – формирование экосистем цифровых сервисов для устойчивого развития, объединяющих мониторинг, прогнозирование, управление и отчётность в единой платформе.

Проведённый анализ позволяет утверждать: цифровые инструменты стали не просто модным дополнением к «зелёной» экономике, а её рабочим механизмом. Без них экологические программы на местах, как правило, буксуют – нет оперативных данных, сложно

управлять ресурсами. Примеры Татарстана и Дании это наглядно показывают: в первом случае удалось сократить выбросы и потери воды, во втором – почти полностью перевести энергетику на ВИЭ с помощью умных сетей. Конечно, есть проблемы: дорого, не хватает специалистов, нет чётких стандартов, а цифровые системы сами становятся мишенью для атак. Но эти барьеры решаемы, если государство подключится с финансированием, стандартами и подготовкой кадров. Что касается ближайшего будущего, то наиболее перспективны цифровые двойники городов, прогнозная аналитика на базе ИИ и блокчейн для углеродных квот. В общем, цифровизация уже не опция, а обязательное условие для устойчивого развития регионов.

Список источников

1. Вилков А., Тянь Г. Возможности и назначение блокчейна на углеродных рынках: систематический обзор литературы. 2023. <https://www.researchgate.net/publication/370979282>
2. Волосатова А.А. Зеленые проекты: возможности для развития, повышения конкурентоспособности и устойчивости бизнеса. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 143 с.
3. Гусева Д.А. Развитие инновационных процессов в условиях цифровизации региональной экономики (эколого-ориентированный подход) / Д.А. Гусева; науч. руководитель Е.А. Миронова // Бизнес-аналитика в развитии региональных экономических систем: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Самара, 14 нояб. 2023 г. / Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева (Самар. ун-т); под общ. ред. Н.М. Тюкавкина. – Самара, 2023. – С. 61–67.
4. Жук А. Воздействие искусственного интеллекта на окружающую среду: скрытые экологические издержки и этико-правовые вопросы // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. – С. 932–954.
5. Куклина Е.А., Дементьев К.И. ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки. Управленческое консультирование. 2023;(7):53-71. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-7-53-71>
6. Харченко К.В. Цифровая зеленая экономика как предмет стратегического планирования: шанс для депрессивных отдаленных территорий // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 3. – С. 89–97.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

Ильясова К.Х.,

*старший преподаватель кафедры экономики и управления в образовании
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»*

Маккаева Р.С.-А.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита
в цифровой экономике Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. В данной статье рассматривается стимулирование персонала организации и значение его повышения. Эффективная система стимулирования является необходимым инструментом управления, позволяющим обеспечить заинтересованность работников в достижении целей организации, повысить производительность труда, снизить текучесть кадров и создать благоприятный климат в коллективе. Вместе с тем практика показывает, что многие организации сталкиваются с проблемами недостаточной мотивированности сотрудников, формальным подходом к стимулированию, преобладанием материальных форм поощрения при недооценке нематериальных факторов, что снижает результативность работы и приводит к потере квалифицированных кадров.

Ключевые слова: персонал, организация, управление, стимулирование, эффективность, мотивация.

METHODS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE ORGANIZATION'S PERSONNEL INCENTIVE SYSTEM AND THE IMPORTANCE OF ITS IMPROVEMENT

Ilyasova K.Kh.,

*Senior Lecturer at the Department of Economics and Management in Education
Chechen State Pedagogical University*

Makkayeva R.S.-A.,

*PhD in Economics, Associate Professor of Accounting, Analysis and Audit
in Digital Economy at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article examines the incentive of the organization's personnel and the importance of its improvement. An effective incentive system is a necessary management tool that ensures that employees are interested in achieving the organization's goals, increase productivity, reduce staff turnover and create a favorable climate in the team. At the same time, practice shows that many organizations face problems of insufficient motivation of employees, a formal approach to incentives, the predominance of material forms of encouragement while underestimating non-material factors, which reduces the effectiveness of work and leads to the loss of qualified personnel.

Keywords. Personnel, organization, management, incentive, efficiency, motivation.

Эффективность системы стимулирования персонала определяет степень достижения организацией поставленных целей в области управления человеческими ресурсами и напрямую влияет на результативность деятельности в целом. Оценка эффективности позволяет выявить сильные и слабые стороны применяемых методов мотивации, установить степень соответствия системы стимулирования потребностям организации и её работников, обосновать необходимость внесения изменений в практику управления персоналом. Развитие подходов к оценке и постоянное совершенствование системы стимулирования выступают важными направлениями повышения конкурентоспособности организации и обеспечения её устойчивого развития в условиях возрастающих требований к качеству труда и профессионализму работников.

Методы оценки эффективности системы стимулирования персонала можно разделить на несколько групп в зависимости от используемых критериев и способов измерения результатов (таблица 1).

Таблица 1. Методы оценки эффективности системы стимулирования персонала³

Группа методов	Описание	Виды
Экономические методы	Основаны на анализе финансовых показателей деятельности организации и затрат на стимулирование персонала. Оценивают эффективность использования средств, направляемых на вознаграждение работников.	<p>К ним относится расчет соотношения между расходами на оплату труда и материальное поощрение работников, с одной стороны, и полученными экономическими результатами, с другой стороны.</p> <p>Показатель производительности труда в расчете на одного работника позволяет оценить, насколько эффективно используется трудовой потенциал организации при существующей системе стимулирования.</p> <p>Анализ изменения объемов производства или предоставления услуг, выручки, прибыли в соотнесении с динамикой фонда оплаты труда дает возможность определить экономическую отдачу от инвестиций в стимулирование персонала.</p> <p>Расчет показателя рентабельности персонала, представляющего собой отношение прибыли к затратам на персонал, характеризует эффективность системы стимулирования.</p>
Социальные методы	направлены на изучение влияния системы стимулирования на поведение работников, их удовлетворенность трудом и социально-психологический климат в коллективе.	<p>Важным инструментом выступает анализ показателей текучести кадров, поскольку высокий уровень увольнений часто свидетельствует о неудовлетворенности работников условиями труда и применяемыми методами стимулирования.</p> <p>Изучение уровня трудовой дисциплины через анализ нарушений, опозданий, невыходов на работу позволяет оценить степень вовлеченности персонала в трудовой процесс.</p> <p>Проведение опросов работников с целью выявления их мнения о справедливости, понятности и достаточности применяемых стимулов дает представление о субъективной оценке системы стимулирования со стороны её объектов.</p> <p>Анализ количества конфликтных ситуаций, жалоб и обращений работников по вопросам оплаты труда и поощрения характеризует социальную напряженность, связанную с функционированием системы стимулирования.</p>
Методы оценки качества труда	предполагают анализ изменения профессиональных показателей деятельности работников под влиянием применяемых стимулов.	<p>Измерение качества выполнения работниками должностных обязанностей, количества допускаемых ошибок, уровня выполнения установленных нормативов и стандартов позволяет определить влияние системы стимулирования на результаты труда.</p> <p>Оценка активности работников в предложении инициатив по улучшению деятельности организации, участия в инновационных проектах</p>

³ Составлено автором по: Гайфуллина М.М. Методы оценки результативности системы мотивации и стимулирования персонала организации / М.М. Гайфуллина, К.С. Глушкова // Актуальные вопросы экономики и управления в нефтегазовом бизнесе и строительстве: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 16 мая 2024 года. – Уфа, 2024. – С. 76–79.

		<p>характеризует степень мотивации персонала к творческому подходу в работе.</p> <p>Анализ динамики повышения квалификации работников, их стремления к профессиональному развитию свидетельствует о заинтересованности в карьерном росте, формируемой системой стимулирования.</p>
--	--	--

Комплексный подход к оценке эффективности предполагает использование системы сбалансированных показателей, объединяющих экономические, социальные и качественные критерии. Сопоставление фактических значений показателей с плановыми или нормативными величинами, а также сравнение с показателями других организаций позволяет получить объективную картину состояния системы стимулирования и обосновать направления её совершенствования.

Значение повышения эффективности системы стимулирования персонала для организации проявляется в нескольких аспектах. Совершенствование методов мотивации работников способствует росту производительности труда, что непосредственно влияет на увеличение объемов производства или оказания услуг при сохранении или даже сокращении численности персонала. Повышение качества работы персонала, достигаемое через применение эффективных стимулов, ведет к улучшению характеристик производимой продукции или предоставляемых услуг, что укрепляет позиции организации на рынке и повышает удовлетворенность потребителей. При этом эффективная система стимулирования обеспечивает привлечение и удержание квалифицированных специалистов, снижает текучесть кадров, что позволяет сократить затраты на поиск, подбор и адаптацию новых работников, сохранить накопленный опыт и знания в организации.

Эффективная система стимулирования персонала выполняет ряд важных функций, выходящих за рамки непосредственного влияния на производительность труда. Прежде всего, она способствует формированию благоприятного социально-психологического климата в коллективе, поскольку справедливое распределение вознаграждений снижает уровень социальной напряженности и минимизирует конфликтный потенциал в сфере трудовых отношений. Прозрачность критериев оценки и понятность механизмов поощрения, в свою очередь, усиливают лояльность работников к организации и их приверженность корпоративным ценностям. Данные процессы закономерно ведут к накоплению социального капитала организации, что создает основу для её устойчивого развития. Особую роль играет стимулирование профессионального роста и инновационной активности персонала, поскольку это обеспечивает наращивание интеллектуального потенциала компании и повышает её адаптивные способности в условиях динамичной внешней среды. Комплексный эффект от реализации продуманной системы мотивации проявляется также в формировании позитивного имиджа организации на рынке труда, что существенно облегчает привлечение высококвалифицированных специалистов и укрепляет её конкурентные позиции в борьбе за человеческие ресурсы.

Таким образом, оценка эффективности системы стимулирования персонала требует применения комплекса методов, включающих экономический анализ, изучение социальных показателей и оценку качества труда работников. Повышение эффективности системы стимулирования имеет существенное значение для организации, поскольку обеспечивает рост производительности и качества труда, привлечение и удержание квалифицированных кадров, формирование благоприятного социального климата и укрепление конкурентных позиций организации.

Проведенное исследование проблематики повышения эффективности системы стимулирования персонала в образовательной организации позволило сформировать целостное представление о сущности, особенностях и механизмах совершенствования мотивационных процессов в специфических условиях функционирования учреждения среднего профессионального образования. Теоретический анализ показал, что система

стимулирования персонала представляет собой организованную совокупность методов, форм и инструментов материального и нематериального воздействия на мотивацию работников, направленную на побуждение их к достижению целей организации через удовлетворение индивидуальных потребностей и интересов. При этом построение действенной системы стимулирования требует соблюдения принципов комплексности, дифференцированности, гибкости, доступности, своевременности, справедливости и осязаемости стимулов, что позволяет обеспечить выполнение экономической, социальной, мотивационной и регулирующей функций данной системы в управлении организацией. Особое внимание в исследовании было уделено специфике системы стимулирования персонала в образовательных организациях, которая представляет собой качественно отличную от коммерческого сектора модель, формирующуюся под влиянием специфических условий педагогической деятельности и требующую комплексного подхода, сочетающего ограниченные материальные ресурсы с расширенным арсеналом нематериальных инструментов воздействия. При этом эффективность такой системы определяется не столько величиной финансовых вложений, сколько способностью учитывать профессиональные потребности педагогических работников, обеспечивать справедливую оценку их труда и создавать условия для непрерывного профессионального развития в условиях динамично меняющейся образовательной среды.

Комплексная диагностика эффективности системы стимулирования персонала в исследуемой организации выявила взаимосвязанный комплекс проблем, свидетельствующих о снижении результативности применяемых механизмов мотивации работников. Экономический анализ показал устойчивую негативную динамику ключевых показателей, проявляющуюся в тенденции к сокращению производительности труда, снижению коэффициента эффективности расходов на оплату труда и существенном уменьшении рентабельности расходов на персонал, что указывает на ослабление связи между затратами на стимулирование и результатами деятельности организации.

Кадровая ситуация характеризуется ростом текучести персонала, сокращением численности штатных работников при одновременном увеличении количества внешних совместителей. Это свидетельствует о недостаточной эффективности механизмов удержания квалифицированных специалистов. Наблюдается ухудшение трудовой дисциплины, проявляющееся в значительном росте числа опозданий, и усиление социальной напряженности в коллективе, о чем свидетельствует увеличение количества обращений работников по вопросам оплаты труда.

Результаты социологического исследования выявили существенный дисбаланс между оценкой работниками материальных и нематериальных аспектов стимулирования, поскольку при относительно высокой удовлетворенности размером заработной платы и понятности критериев материального поощрения большинство респондентов отмечают недостаточность признания профессиональных достижений, ограниченность возможностей профессионального развития и отсутствие перспектив карьерного роста. Это в совокупности свидетельствует о необходимости комплексного реформирования действующей системы стимулирования с акцентом на развитие нематериальных форм мотивации, повышение прозрачности распределения стимулирующих выплат и создание условий для профессионального и карьерного роста работников образовательной организации.

На основе выявленных проблем и с учетом теоретических положений в исследовании была разработана комплексная модель совершенствования системы стимулирования персонала образовательной организации. Она основана на сбалансированном сочетании материальных и нематериальных инструментов воздействия на трудовое поведение работников и включает три взаимосвязанных блока, каждый из которых направлен на решение конкретных проблем, препятствующих эффективному функционированию существующей системы мотивации.

Первый блок предусматривает совершенствование системы материального стимулирования посредством модернизации критериев оценки результативности труда и

механизмов распределения стимулирующей части фонда оплаты труда, второй блок ориентирован на развитие системы нематериального стимулирования через создание программы профессионального развития и карьерного роста работников, а третий блок обеспечивает формирование системы мониторинга и контроля эффективности внедренных механизмов стимулирования персонала. Практическая реализация разработанной модели предполагает последовательное осуществление комплекса организационных мероприятий, включающих модернизацию системы материального стимулирования персонала через разработку и утверждение обновленного Положения о распределении стимулирующей части фонда оплаты труда работников колледжа, развитие системы нематериального стимулирования персонала посредством разработки программы профессионального развития и карьерного роста работников колледжа, а также создание системы мониторинга и контроля эффективности внедренных механизмов стимулирования персонала образовательной организации.

Комплексная оценка социально-экономической эффективности предложенных мероприятий подтверждает целесообразность их внедрения в практику управления персоналом исследуемой образовательной организации, поскольку экономический эффект, выражающийся в приросте дохода на две тысячи шестьсот сорок одну тысячу рублей при затратах триста тысяч рублей, в сочетании с социальными результатами в виде повышения удовлетворенности персонала, снижения текучести кадров и улучшения трудовой дисциплины создает основу для устойчивого развития образовательной организации и повышения качества предоставляемых образовательных услуг. Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что повышение эффективности системы стимулирования персонала в образовательной организации может быть достигнуто посредством внедрения комплексной модели, основанной на сбалансированном сочетании совершенствованных механизмов материального стимулирования, расширении инструментария нематериального воздействия на мотивацию работников и создании системы постоянного мониторинга результативности применяемых мотивационных инструментов, что в конечном итоге способствует повышению производительности труда, улучшению социально-психологического климата в коллективе и достижению стратегических целей организации в условиях современной образовательной среды.

Список источников

1. Составлено автором по: Гайфуллина М.М. Методы оценки результативности системы мотивации и стимулирования персонала организации / М.М. Гайфуллина, К.С. Глушкова // Актуальные вопросы экономики и управления в нефтегазовом бизнесе и строительстве: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 16 мая 2024 года. – Уфа, 2024. – С. 76–79.
2. Фартдинова Д.Н. Теоретико-методологические основы совершенствования систем мотивации, оплаты и стимулирования труда персонала в образовательной организации / Д.Н. Фартдинова, Т.А. Магсумов // Решение. 2023. Т. 1. – С. 195–197.
3. Хакимова Г.С. Виды стимулирования как фактор повышения эффективного управления образовательной организации / Г.С. Хакимова, А.Т. Арасланова // Воспитание в современном образовательном пространстве: тенденции, технологии, векторы развития: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 17 мая 2024 года. – Сибай: ГУП РБ Издательский дом «Республика Башкортостан», 2024. – С. 261–265.
4. Хакимова Г.С. Стимулирование персонала как фактор повышения эффективности управления образовательной организации / Г.С. Хакимова // Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения): Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 ноября 2024 года. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2024. – С. 254–256.
5. Ferdous Khan M.F., Viet P.D., Sakamura K.A Blockchain-based Incentive Management System for Educational Organizations // International Conference on Electrical, Computer, Communications and Mechatronics Engineering (ICECCME), Maldives, Maldives. 2022. – P. 1–8.

АНАЛИЗ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СИСТЕМЕ ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исраилова З.Р.,

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: ali-vahaev@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному учетно-аналитическому анализу деятельности исламских финансовых институтов в системе российского партнерского финансирования за период 2023–2026 годов. В работе рассматриваются правовые основы экспериментального режима, введенного Федеральным законом № 417-ФЗ и пролонгированного до 2028 года, раскрываются экономическая природа ключевых исламских финансовых инструментов (мурабаха, иджара, мудараба, мушарака) и специфика их отражения в рамках российских и международных стандартов бухгалтерского учета. Особое внимание уделяется методологическим противоречиям, обусловленным дихотомией юридической формы исламских контрактов и их экономического содержания, а также проблеме налогового диспаритета между партнерским и традиционным банковским финансированием. Проведен структурный анализ рынка: портфель операций по размещению средств по итогам 2024 года составил 3,1 млрд рублей при темпе роста 75%; доминирующий инструмент – мурабаха (43%); региональным лидером выступает Республика Татарстан с долей 84% сделок. Обоснованы приоритетные направления институциональных реформ: устранение налогового диспаритета, разработка национальных учетных стандартов, совместимых с РСБУ и ААОIFI, и стандартизация продуктовой линейки ИФИ.

Ключевые слова: исламские финансы, партнерское финансирование, мурабаха, иджара, мудараба, мушарака, ААОIFI, РСБУ, МСФО, раздельный учет, налоговый диспаритет, экспериментальный правовой режим, Банк России, исламский банкинг, этические финансы.

ANALYSIS OF ISLAMIC FINANCIAL INSTITUTIONS IN THE PARTNERSHIP FINANCING SYSTEM: ACCOUNTING AND ANALYTICAL ASPECT

Israilova Z.R.,

Ph.D. in Economics, Associate Professor

Kadyrov Chechen State University

Abstract. This study is devoted to a comprehensive accounting and analytical analysis of the activities of Islamic financial institutions within the system of Russian partnership financing for the period 2023–2026. The work examines the legal foundations of the experimental regime introduced by Federal Law No. 417-FZ and extended until 2028, reveals the economic nature of key Islamic financial instruments (murabaha, ijara, mudaraba, musharaka), and the specifics of their reflection within Russian and international accounting standards. Special attention is paid to methodological contradictions caused by the dichotomy between the legal form of Islamic contracts and their economic content, as well as the issue of tax disparity between partnership and traditional bank financing.

A structural analysis of the market was conducted: the portfolio of fund placement operations at the end of 2024 amounted to 3.1 billion rubles with a growth rate of 75%; the dominant instrument is murabaha (43%); the regional leader is the Republic of Tatarstan with an 84% share of transactions. Priority areas of institutional reforms were justified: elimination of tax disparity, development of national accounting standards compatible with RAS and AAOIFI, and standardization of the IFI product line.

Keywords: Islamic finance, partnership financing, murabaha, ijara, mudaraba, musharaka, AAOIFI, RAS, IFRS, separate accounting, tax disparity, experimental legal regime, Bank of Russia, Islamic banking, ethical finance.

Трансформация внешнеэкономических приоритетов Российской Федерации в условиях нарастающего санкционного давления обусловила необходимость диверсификации источников привлечения инвестиционного капитала. В данном контексте институционализация партнерского (исламского) финансирования приобрела характер стратегического макроэкономического маневра, направленного на интеграцию отечественной финансовой системы в глобальную архитектуру этических финансов. Мировой рынок исламских финансовых активов к 2024 году впервые превысил 4,5 трлн долларов США [1], а

потенциал привлечения в российскую экономику инвестиций из стран исламского мира оценивается в диапазоне от 11 до 14 млрд долларов [2]. Дополнительным фактором, определяющим актуальность темы, выступает численность мусульманского населения России, составляющая порядка 20 млн человек и формирующая устойчивый внутренний спрос на халяльные финансовые продукты [3].

Вместе с тем имплементация механизмов исламского банкинга в правовую и учетную систему России, исторически базирующуюся на принципах романо-германского права и ссудного процента, порождает глубокие концептуальные и методологические противоречия. Учетно-аналитический аппарат, сформированный для обслуживания процентной экономики, вступает в системный конфликт с экономической природой таких контрактов, как мурабаха, иджара, мудараба и мушарака [4]. Проблема усугубляется классической дихотомией формы и содержания: сделки, являющиеся по экономической сути операциями финансирования, юридически оформляются как договоры купли-продажи или аренды, что влечет за собой принципиально иные налоговые и бухгалтерские последствия [5].

Цель настоящего исследования – комплексный учетно-аналитический анализ функционирования исламских финансовых институтов (далее – ИФИ) в системе российского партнерского финансирования, включая оценку регуляторной среды, методологии бухгалтерского учета, налоговых противоречий и динамики рынка за период 2023–2026 годов.

Исламская финансовая доктрина формирует принципиально иную парадигму организации финансово-экономических отношений по сравнению с конвенциональной банковской системой. В ее основе лежат нормы шариата – мусульманского религиозного права, ключевыми источниками которого служат Коран и Сунна, дополняемые иджмой (коллективным суждением ученых-богословов) и кыясом (аналогическим суждением) [6]. С позиции экономической теории исламская модель отвергает концепцию временной стоимости денег как самостоятельного основания для извлечения дохода, декларируя деньги исключительно мерой стоимости, но не самостоятельным товаром [7].

Система запретов, формирующих нормативный каркас исламских финансов, включает три ключевых элемента. Рибха (ростовщичество) запрещает взимание любого фиксированного вознаграждения за предоставление денег во временное пользование, что вступает в прямое противоречие с основополагающим принципом традиционного банкинга [8]. Гарар (неопределенность) исключает из оборота сделки с недостаточным раскрытием существенных условий, в том числе классические деривативы и традиционное страхование [6]. Майсир (азарт и спекуляции) запрещает финансирование игорного бизнеса, производства алкоголя, табака, свинины и оружия, формируя этический фильтр для инвестиционной деятельности [8].

На международном уровне стандартизацию учета и аудита ИФИ обеспечивает Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых учреждений (AAOIFI, основана в 1991 году). К 2024 году AAOIFI выпустила около 100 стандартов в области шариата, учета, аудита, этики и корпоративного управления, применяемых более чем в 45 странах [9]. Для российских компаний, стремящихся выйти на рынки капитала стран Персидского залива, соответствие стандартам AAOIFI является обязательным условием практического взаимодействия с потенциальными партнерами [10].

Становление правовой базы партнерского финансирования в России прошло путь от стихийного применения отдельных элементов исламских инструментов к формализованному экспериментальному режиму. Принятие Федерального закона № 417-ФЗ от 4 августа 2023 года стало переломным моментом: Президент Российской Федерации подписал закон о проведении эксперимента по партнерскому финансированию сроком до 1 сентября 2025 года на территории четырех пилотных регионов – Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Чеченской Республики и Республики Дагестан [11]. Выбор этих субъектов определялся высокой концентрацией мусульманского населения и накопленным опытом проведения отдельных операций по принципам шариата. Совокупный валовой региональный продукт четырех пилотных субъектов по итогам 2023 года составил 8,5 трлн рублей, или около 6% от общероссийского ВРП [12].

Двухлетний срок эксперимента обнаружил своё принципиальное ограничение довольно быстро. Долгосрочные проекты, структурированные по моделям мудараба и мушарака, объективно не укладываются в горизонт, рассчитанный скорее на апробацию продуктов, нежели на полноценный инвестиционный цикл; зарубежные институциональные инвесторы, в свою очередь, требовали от российской стороны большей предсказуемости правового режима [5]. Именно эти обстоятельства подтолкнули законодателя к принятию федеральных законов № 522-ФЗ (28.12.2024) и № 337-ФЗ (31.07.2025), продливших эксперимент до 1 сентября 2028 года [13]. Помимо хронологического расширения, поправки 2025 года качественно изменили содержание режима: были разрешены операции взаимного страхования (такафул) и доверительное управление ценными бумагами. Для учётно-аналитической практики, однако, куда более значимой оказалась легализация плавающего вознаграждения, величина которого отныне может определяться фактической доходностью конкретного проекта [13] – именно это положение устраняло прежнюю правовую неопределённость при формировании проводок по долевым контрактам.

Регуляторные полномочия в сфере надзора за участниками эксперимента сосредоточены в Банке России, который ведет реестр участников, осуществляет надзор за их деятельностью и устанавливает специальные учетные требования. Ключевыми нормативными актами в сфере бухгалтерского учета стали Указания Банка России от 14.08.2023 № 6504-У (для некредитных финансовых организаций) [14] и № 6505-У (для кредитных организаций) [15], закрепившие специфические требования к учету операций партнерского финансирования в рамках российских стандартов.

Исламские финансовые инструменты, применяемые участниками российского эксперимента, охватывают несколько принципиально различных экономических конструкций. Мурабаха – торговое финансирование с фиксированной наценкой – является безусловным лидером рынка: по итогам первых девяти месяцев 2024 года на нее приходилось 43% совокупного портфеля операций по размещению средств [16]. Суть механизма состоит в том, что ИФИ приобретает запрошенный клиентом актив у третьей стороны, принимая на себя риски владения, а затем перепродает его клиенту с заранее объявленной наценкой в рассрочку [17]. Доминирование мурабахи объясняется ее транспарентностью для потребителя, обеспеченностью реальным активом и фиксированной нормой доходности.

Мудараба представляет собой форму доверительного управления капиталом: инвестор (рабб-аль-маль) предоставляет финансовые ресурсы, а управляющий (мудариб) вносит предпринимательские компетенции; прибыль распределяется в предварительно согласованных пропорциях, убытки несет преимущественно инвестор [18]. В практике «Ак Барс Банка» данная модель была применена при финансировании строительства многоквартирного жилого дома на сумму 1,25 млрд рублей, а также в лизинговой сделке на 100 млн рублей [19]. Инвестиционные займы, структурно соответствующие мудараба, по итогам девяти месяцев 2024 года составили около 27% портфеля [16].

Мушарака предполагает доленое участие нескольких партнеров в инвестиционном проекте с совместным внесением капитала и распределением результатов пропорционально вкладам [16]. В форме убывающей мушарака реализуется «исламская ипотека»: банк и клиент совместно приобретают объект недвижимости, после чего клиент постепенно выкупает долю финансового института [20]. Иджара – исламский аналог лизинга – предполагает приобретение ИФИ имущества в собственность с последующей передачей клиенту в аренду за фиксированные периодические платежи; принципиальное отличие от традиционного лизинга состоит в том, что риски, связанные с правом собственности, в значительной мере остаются за арендодателем [21]. По итогам третьего квартала 2024 года иджара составляла 12% от общего портфеля размещения средств [16].

Российское законодательство выстроило для участников эксперимента дифференцированный подход к бухгалтерскому учету в зависимости от организационно-правовой формы. Кредитные организации руководствуются Указанием ЦБ РФ № 6505-У и применяют специальный план счетов для банков [15]; некредитные финансовые организации

(НФО) – Указанием № 6504-У [14]; прочие юридические лица (кооперативы, фонды, хозяйственные общества) ведут учет в соответствии с ФСБУ/ПБУ и Планом счетов, утвержденным Приказом Минфина № 94н от 31.10.2000 [22].

Принципиально важным требованием закона является обязательный раздельный учет: имущество, привлеченное и размещенное в рамках деятельности по партнерскому финансированию, должно обособляться от прочего имущества участника [11]. Согласно Информационному сообщению Минфина России от 12.09.2023 № ИС-учет-45, участник вправе вести учет операций партнерского финансирования на отдельном балансе с применением синтетического счета 79 «Внутрихозяйственные расчеты» (субсчет «Расчеты по деятельности по партнерскому финансированию») [23]. Нарушение данного требования является основанием для исключения организации из реестра ЦБ РФ [14].

Центральной методологической проблемой является несоответствие между юридической формой исламских контрактов и их экономическим содержанием [5]. В сделке мурабаха ИФИ юридически выступает покупателем, а затем продавцом товара, что предполагает отражение актива на счете 41 «Товары» с последующим признанием выручки по счету 90 [23]. Однако, в соответствии с принципом приоритета экономического содержания над юридической формой (*substance over form*), закрепленным в МСФО (IFRS) 9, банк не является классическим торговцем: он не несет существенных рисков владения запасами, поскольку приобретает актив исключительно под конкретный заказ клиента [24]. Следовательно, фиксированная наценка должна дисконтироваться и признаваться в отчете о прибылях и убытках равномерно на протяжении всего срока договора методом эффективной процентной ставки [24].

Иджара создает коллизию с нормами ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» (синхронизированного с IFRS 16) [25]. Если аудиторы классифицируют сделку иджара как операционную аренду – из-за сохранения фундаментальных рисков за арендодателем согласно требованиям шариата, – актив остается на балансе ИФИ, начисляется амортизация, а поступающие платежи признаются в составе операционного дохода [21]. Это искусственно раздувает валюту баланса, ухудшает показатель рентабельности активов (ROA) и нарушает нормативы достаточности капитала. Для разрешения данной коллизии на практике применяется комбинированный договор «Иджара ва иктина» (аренда с последующим выкупом), где договор аренды и одностороннее обещание выкупа юридически разделены, но аудиторами рассматриваются в совокупности как финансовая аренда [5].

Учет долевых инструментов (мудараба, мушарака) также лишен однозначной нормативной регламентации. Такие вложения не могут отражаться в составе классического ссудного портфеля, поскольку не предполагают возврата фиксированной суммы. В российской практике на основании ПБУ 20/03 они квалифицируются как инвестиции в совместные предприятия или вложения в долевые инструменты, переоцениваемые по справедливой стоимости [26]. Высокая волатильность доходов от таких инвестиций требует формирования специфических резервов на выравнивание прибыли (*Profit Equalization Reserves – PER*), механизм которых пока не получил четкой регламентации в нормативных актах Банка России и Минфина [5].

Таблица 1. Сопоставление исламских финансовых инструментов с нормами российского бухгалтерского учета

Инструмент	Гражданско-правовая форма	Ключевая учетная проблема	Применимый норматив
Мурабаха	Договор купли-продажи с рассрочкой	Признание наценки: единовременно или методом ЭПС	МСФО 9 [24]; счета 41, 62, 90 РСБУ [22]
Иджара	Договор финансовой / операционной аренды	Квалификация вида аренды; балансовое отражение актива	ФСБУ 25/2018 / IFRS 16 [25]

Мудароба	Договор доверительного управления	Нет аналога в МСФО; переменный доход; отсутствие норм по PER	ПБУ 20/03 [26]; гл. 53 ГК РФ
Мушарака	Договор простого / инвестиционного товарищества	Распределение прибылей/убытков; обособленный баланс	ПБУ 20/03 [26]; гл. 55 ГК РФ
Сукук	Облигация, обеспеченная реальным активом	Кредитный рейтинг; риск базового актива	Законодательство о ценных бумагах [27]

*Составлено автором на основе [5, 14, 15, 22, 24, 25, 26].

Принципиальное несоответствие между стандартами ААОИФИ и РСБУ/МСФО создает методологические трудности, обусловленные прежде всего различием концептуальных оснований: стандарты ААОИФИ исходят из «теории собственника», тогда как МСФО – из «теории предприятия», что приводит к различным подходам к отражению активов и обязательств на балансе [9]. Кроме того, цель исламского учета традиционно связана с точным исчислением закята (религиозного налога), тогда как цель МСФО – формирование информации для широкого круга инвесторов и кредиторов [9]. Ряд операций (мудароба, мушарака) не имеет прямых аналогов в МСФО/РСБУ, что требует создания специальных учетных методик [28].

Одним из методических решений является параллельный учет, при котором каждый первичный документ отражается одновременно в двух системах – по РСБУ (или МСФО) и по стандартам ААОИФИ [28]. Технически такой подход реализуем, однако требует значительных ресурсов и квалифицированных кадров. По мнению главы Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан Талии Минуллиной, для привлечения инвестиций из стран исламского мира необходима адаптация стандартов ААОИФИ к российскому правовому полю [29]. Именно с этой целью под эгидой Ассоциации банков России (АСРОС) был создан специальный комитет по разработке единых стандартов партнерского финансирования, первые результаты работы которого ожидалось к концу 2025 года [13].

Рисунок 1. Механизм сделки Мурабаха в партнерском финансировании

Наиболее острой системной проблемой функционирования участников эксперимента является налоговый диспаритет между операциями партнерского финансирования и традиционными банковскими операциями. В традиционном банкинге предоставление займов в денежной форме и начисление процентов освобождены от НДС на основании пп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ [30]. В сделке мурабаха ИФИ осуществляет юридически закрепленную реализацию товара, которая признается объектом обложения НДС по базовой ставке 20% [30]. В сегменте

розничного финансирования физических лиц НДС становится «омертвленным» расходом: мурабаха автоматически оказывается на 20% дороже традиционного потребительского кредита, что делает розничный исламский банкинг экономически неконкурентоспособным [31]. Особенно остро проблема двойного налогообложения проявляется при операциях с недвижимостью, где в структуре мурабаха возникают два юридически самостоятельных перехода права собственности, каждый из которых потенциально влечет уплату государственных пошлин [31].

Ситуация существенно осложнилась вследствие масштабной налоговой реформы, реализованной Федеральным законом от 12.07.2024 № 176-ФЗ и вступившей в силу с 1 января 2025 года [32]. Все организации на упрощенной системе налогообложения (УСН) были признаны плательщиками НДС. Для малых ИФИ – кредитных кооперативов и микрофинансовых организаций, применявших УСН, – это создало эффект каскадного налогообложения: организации с выручкой от 60 до 250 млн рублей обязаны уплачивать 5% НДС со всей суммы реализации, не получая права на вычет входящего налога [32]. Таким образом, ИФИ вынуждены транслировать дополнительную фискальную нагрузку в итоговую наценку для клиента, что резко снижает их рыночную привлекательность.

В сделках мудараба и мушарака возникает риск двойного налогообложения: прибыль проектной компании (SPV) облагается корпоративным налогом на прибыль (с 2025 года – по ставке 25%), а распределяемое инвестору вознаграждение, в зависимости от юридической структуры сделки, может квалифицироваться не как дивиденды, а как доход от совместной деятельности, подлежащий повторному налогообложению на уровне самого банка-инвестора [5]. Мировая практика предлагает решение данной проблемы через введение специальных налоговых норм: в Великобритании еще в 2005 году (ст. 57 Закона о финансах) операции мурабаха были законодательно приравнены к процентным займам для целей налогообложения [31]. Россия аналогичных норм пока не ввела, что по-прежнему сдерживает развитие рынка [31].

За период с сентября 2023 по конец 2024 года российский рынок партнерского финансирования продемонстрировал устойчивый количественный рост. Число участников реестра ЦБ РФ увеличилось с 7 организаций (31.12.2023) до 24 (30.09.2024), 29 (начало 2025) и 32 (середина 2025 года) – таким образом, за год количество игроков возросло более чем в четыре раза [13, 33]. Бесспорным региональным лидером остается Татарстан: на его долю приходилось 84% от совокупного портфеля размещения средств и 66% – привлечения [16]. Столь высокая концентрация объясняется более чем 15-летним опытом ведения исламских финансовых операций в республике до введения специального закона, развитой инфраструктурой, а также наличием специализированного «Ак Барс Банка» – лидера рынка партнерских банковских продуктов [19].

Таблица 2. Структура портфеля операций по размещению средств ИФИ (9 месяцев 2024 года)

Инструмент	Доля в портфеле	Гражданско-правовой эквивалент	Основной клиентский сегмент
Договоры купли-продажи с рассрочкой (Мурабаха, Мусавама)	43%	Торговое финансирование с наценкой	Физические лица (46%) и юридические лица (54%)
Инвестиционные займы (Мудараба)	~27%	Доверительное управление капиталом	Преимущественно юридические лица
Лизинговая деятельность (Иджара)	12%	Финансовая аренда	Корпоративный сектор
Долевое финансирование и прочее (Мушарака)	~18%	Совместное предприятие	Инвестиционные проекты

**Источник: составлено на основе Обзора рынка партнерского финансирования Банка России [16]*

Совокупный портфель операций по размещению средств на 30 сентября 2024 года составил 2,8 млрд рублей (рост на 56% за девять месяцев 2024 года), а по итогам года достиг 3,1 млрд рублей (рост в 1,7 раза) [16, 33]. Портфель операций по привлечению средств за тот же период превысил 3,8 млрд рублей, увеличившись более чем в 2,5 раза [16]. Разрыв между привлеченными (3,8 млрд) и размещенными (2,8 млрд) средствами порождает аналитическую проблему структурного профицита ликвидности: по условиям шариата ИФИ не может разместить свободные средства на межбанковском рынке под процент, а инструменты краткосрочного беспроцентного инвестирования в России пока не развиты [5].

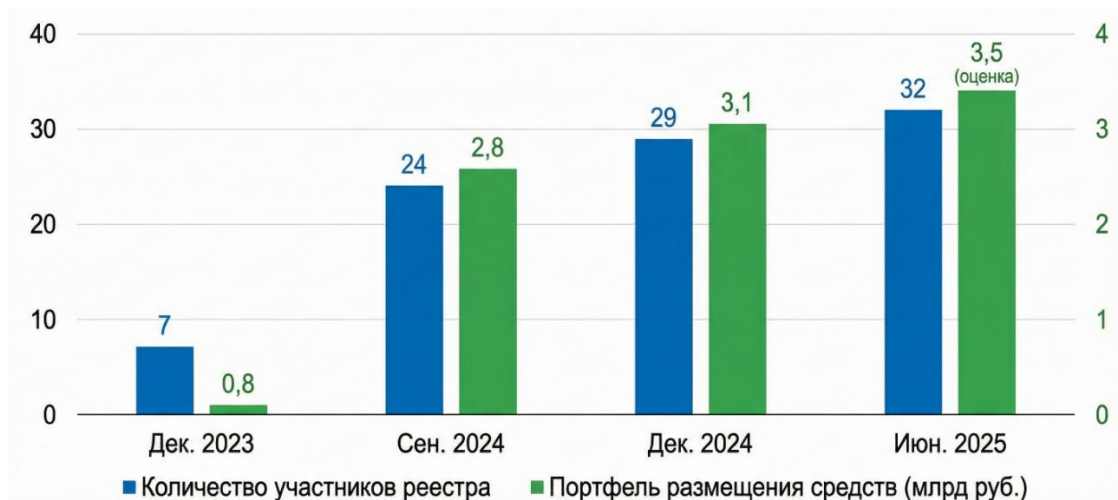

Рисунок 2. Динамика реестра участников эксперимента и портфелей операций партнёрского финансирования (2023–2025)

Несмотря на позитивную рыночную динамику, развитие ИФИ в России сталкивается с рядом системных ограничений. В правовом измерении сохраняется коллизия исламских инструментов с нормами российского банковского законодательства: исламские банки традиционно участвуют в торговой деятельности (мурабаха), тогда как кредитным организациям в России она запрещена [3]. Закон № 417-ФЗ снял часть этих ограничений для участников эксперимента, однако не устранил всех системных противоречий: в частности, существующие программы государственной поддержки бизнеса ориентированы на субсидирование процентной ставки, что принципиально неприменимо к исламским инструментам [20].

Острой проблемой остается кадровый дефицит: в России пока отсутствует развитая система профессиональной сертификации специалистов, владеющих одновременно знаниями шариата, российского права и современных стандартов бухгалтерского учета [34]. По данным социологических опросов, только 16% россиян за пределами пилотных регионов знакомы с услугами партнерского финансирования, а готовы перейти на них лишь 4% респондентов; при этом в пилотных регионах 80% жителей выражают желание узнать об этих инструментах больше [35].

В части перспектив потенциал рынка партнерского финансирования оценивается главой профильного комитета Государственной думы Анатолием Аксаковым в более чем 1 трлн рублей [36]. По мнению эксперта Мадины Калимуллиной, данный объем «вполне реалистичен и не является пределом – при условии формирования эффективного правового поля» [36]. Продление эксперимента до 2028 года создает необходимый горизонт для реализации комплекса институциональных реформ: устранения налогового диспаритета путем введения специальных норм НК РФ по аналогии с британской моделью [31]; разработки национальных учетных стандартов, совместимых с РСБУ, МСФО и ААОIFI [29]; стандартизации продуктовой линейки под эгидой АСРОС [13]; а также адаптации инструментов государственной поддержки МСП к принципам партнерского финансирования [20].

Проведенный комплексный учетно-аналитический анализ развития исламских финансовых институтов в системе российского партнерского финансирования позволяет зафиксировать ряд принципиально важных выводов. За период с сентября 2023 по конец 2024 года рынок продемонстрировал уверенную положительную динамику: число участников возросло в четыре раза, портфель размещения средств увеличился до 3,1 млрд рублей (прирост 75%), портфель привлечения – более чем в 2,5 раза [16, 33]. Российские ИФИ работают в условиях, которые можно определить как нормативную многоуровневость: с одной стороны, обязательные требования РСБУ/МСФО и специальные предписания Банка России [14, 15], с другой – стандарты AAOIFI, без ориентации на которые выход на рынки капитала стран Персидского залива практически невозможен [9]. Эта двойственность сама по себе является источником методологической напряженности, однако главная проблема лежит глубже. Исламские контракты конструктивно оформляются как договоры купли-продажи или аренды, хотя, по существу, представляют собой операции финансирования, – и именно этот разрыв между формой и содержанием порождает как некорректные учётные квалификации, так и фискальный диспаритет [5, 24, 25]. Выработка специализированных российских стандартов либо внедрение параллельного учёта способны снять данное противоречие [28, 29], однако ни один из этих путей не реализован в полной мере. Между тем достижение ориентиров в 1 трлн рублей по внутреннему рынку и привлечение 11–14 млрд долларов зарубежных исламских инвестиций [2, 36] напрямую зависят от того, насколько быстро регуляторы и профессиональное сообщество окажутся готовы работать по правилам финансовой системы, построенной на иных концептуальных основаниях.

Список источников

1. Финансы по совести: как исламский банкинг завоевывает Россию // PSB Blog. URL: <https://psblog.ru/finansy-po-sovesti-kak-islamskij-banking-zavoevyvaet-rossiyu/>
2. Исламский банкинг в России может привлечь до \$14 млрд инвестиций // Daily Buff. URL: <https://dailybuff.ru/economics/islamskij-banking-v-rossii-mozhet-privlech-do-14-mlrd-investicij/>
3. Исламский банкинг в России: как реализуется проект // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6380790>
4. Перспективы развития исламского финансирования в российских условиях // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-islamskogo-finansirovaniya-v-rossijskih-usloviyah>
5. Исламское финансирование в России: особенности и отличия // Brace LF. URL: <https://brace-lf.com/informaciya/korporativnoe-pravo/islamskoe-finansirovanie-v-rossii>
6. Исламское финансирование в России: особенности и отличия // SberSova. URL: <https://sbersova.ru/sections/foreigners/islamskoye-finansirovaniye-v-rossii-osobennosti-i-otlichiya>
7. Исламские финансы в России: что дальше? // TatCenter.ru. URL: <https://tatcenter.ru/rubrics/monitor/islamskie-finansy-v-rossii-chto-dalshe/>
8. В ряде регионов РФ проведут двухлетний эксперимент по исламскому банкингу // FOMag. – URL: <https://fomag.ru/news-streem/v-ryade-regionov-rf-provedut-dvukhletniy-eksperiment-po-islamskomu-bankingu-zakon/>
9. Бухгалтерский учет в соответствии с исламской финансовой системой // VAAEL.RU. URL: <https://vaael.ru/article/view?id=857>
10. Кредитные рейтинги сукук в свете федерального закона о партнерском финансировании // НБ Паблиш. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72505
11. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации». – М., 2023.
12. Какие перспективы у партнерского финансирования в России // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/articles/2025/07/16/1124739-finansirovaniya-v-rossii>
13. Федеральный закон от 31.07.2025 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон № 417-ФЗ»; Федеральный закон от 28.12.2024 № 522-ФЗ. – М., 2025.
14. Указание Банка России от 14.08.2023 № 6504-У «Об особенностях бухгалтерского учета для участников эксперимента, являющихся некредитными финансовыми организациями». – М., 2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407482558/>
15. Указание Банка России от 14.08.2023 № 6505-У «Об особенностях бухгалтерского учета для участников эксперимента, являющихся кредитными организациями». – М., 2023.
16. Обзор рынка партнерского финансирования по итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года. – Банк России, 28.12.2024. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/

17. Мурабаха – один из методов исламской модели финансирования // ЕКАМ Journal. URL: <https://ekam-journal.com/images/2023/6-2023/Burvina.pdf>
18. Бизнес по законам шариата: правила ведения // Клерк.ру. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/akbars/617575/>
19. Исламский банкинг в Татарстане раскрылся до 2,8 млрд рублей // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/313607-itogi-pervogo-polugodiya-po-vnedreniyu-islamskogo-bankinga>
20. В России продлен эксперимент по партнерскому финансированию // ERM News. URL: <https://erm-news.ru/news/novosti/2026-01-22/v-rossii-prodlyon-eksperiment-po-partnyorskому-finansirovaniyu-4546504>
21. Особенности учета аренды (Иджара) и облигаций (Сукук) // Библиотека ЦБ РФ. URL: <https://library.cbr.ru/catalog/lib/article/275933/>
22. Приказ Минфина России от 31.10.2000 № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций». – М., 2000.
23. Информационное сообщение Минфина России от 12.09.2023 № ИС-учет-45 «Об особенностях бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности участников эксперимента по партнерскому финансированию». – М., 2023.
24. МСФО (IFRS) 9 «Финансовые инструменты». – Совет по МСФО, 2018.
25. ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды». Утвержден Приказом Минфина России от 16.10.2018 № 208н. – М., 2018.
26. ПБУ 20/03 «Информация об участии в совместной деятельности». Утверждено Приказом Минфина России от 24.11.2003 № 105н. – М., 2003.
27. Кредитные рейтинги сукук в свете федерального закона о партнерском финансировании // НБ Пабlish. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72505
28. Особенности исламской модели учета // Наука.ру. URL: <https://naukaru.ru/ru/storage/download/71935>
29. Минуллина Т.А. России нужна адаптация исламских стандартов // РБК Татарстан. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/interview/12/05/2025/68218c549a794785b8205937>
30. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть вторая: пп. 15 п. 3 ст. 149. – М., 2000.
31. Аналитика АКIPress об операциях мурабаха. URL: https://analitika.akipress.org/unews/un_post:40229; Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования? // Insur-Info. URL: <https://www.insur-info.ru/press/198933/>
32. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». – М., 2024.
33. ЦБ подвел первые итоги эксперимента по исламскому банкингу // Business Gazeta. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/658851>; Каким был 2024 год в Татарстане для исламского банкинга // РБК. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/02/01/2025/676d77cd9a79473d467778d4>
34. Исламские финансы в России: что дальше? // TatCenter.ru. URL: <https://tatcenter.ru/rubrics/monitor/islamskie-finansy-v-rossii-chto-dalshe/>
35. Опрос: россияне хотят знать больше об инструментах партнерского банкинга. URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/opros-rossiyane-hotyat-znat-bolshe-ob-instrumentah-partnerskogo-bankinga/>
36. В ГД потенциал исламского банка оценили в 1 трлн рублей // НСН. URL: <https://nsn.fm/economy/v-gd-potentsial-islamskogo-banka-otsenili-v-1-trln-rublei>; Как в России экспериментируют с исламским банкингом // Эксперт. URL: <https://expert.ru/finance/partner-po-religioznym-soobrazheniyam/>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Куразова Д.А.,

*старший преподаватель Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: kurazova.diana@mail.ru*

Мухмадиев А.-Р.Р.,

*студент Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: tedsolt9@gmail.com*

Куразов Р.У.,

*студент Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: yousuf.kurazov@gmail.com*

Аннотация. Предмет исследования – трансформация международных торгово-экономических отношений в условиях нарастающей мировой нестабильности. Тема работы – изменение структуры торговли, правил регулирования и конфигурации внешнеэкономических связей под влиянием геополитической фрагментации, протекционизма и роста неопределенности. Цель – выявить ключевые каналы перестройки торговых отношений и определить их последствия для стран с разным уровнем развития. Методология основана на сравнительном анализе, систематизации статистических данных и интерпретации актуальных отчетов международных организаций. Результаты показывают, что мировая торговля сохраняет рост, но движется в более фрагментированной и волатильной среде. Область применения результатов – торговая, промышленная и внешнеэкономическая политика государств. Вывод состоит в том, что устойчивость внешнеторговых связей теперь определяется не только объемом обмена, но и качеством институтов, гибкостью цепочек поставок и способностью стран адаптироваться к новой логике мировой экономики.

Ключевые слова: международная торговля, геоэкономическая фрагментация, протекционизм, глобальные цепочки стоимости, Южно-Южная торговля, экономическая нестабильность.

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL TRADE AND ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF GLOBAL ECONOMIC INSTABILITY

Kurazova D.A.,

*Senior Lecturer at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Mukhmadiev A.-R.R.,

*Student at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Kurazov R.U.,

*Student at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The subject of the study is the transformation of international trade and economic relations amid growing global instability. The focus of the work is on changes in the structure of trade, regulatory rules, and the configuration of foreign economic ties under the influence of geopolitical fragmentation, protectionism, and rising uncertainty. The aim is to identify the key channels of the ongoing restructuring of trade relations and determine its consequences for countries at different levels of development. The methodology is based on comparative analysis, systematization of statistical data, and interpretation of current reports from international organizations. The results show that world trade continues to grow but is moving toward a more fragmented and volatile environment. The field of application of the results covers trade, industrial, and foreign economic policies of states. The conclusion is that the sustainability of foreign trade relations is now determined not only by the volume of exchange but also by the quality of institutions, the flexibility of supply chains, and the ability of countries to adapt to the new logic of the global economy.

Keywords: *international trade, geo-economic fragmentation, protectionism, global value chains, South-South trade, economic instability.*

Введение. Современные международные торгово-экономические отношения переживают не период плавной глобализации, а эпоху повышенной неопределенности, политической нестабильности и глубоких структурных преобразований в мировой экономике. Хотя ВТО прогнозирует рост мировой торговли на 2025–2026 годы, этот рост будет ограничен тарифными барьерами, геополитическими конфликтами и меняющейся торговой политикой ведущих держав. Аналогично, МВФ предсказывает положительную, но замедленную динамику мировой торговли, которая страдает от фрагментации. Таким образом, задача сводится не к простому восстановлению торговых потоков после очередных потрясений, а к фундаментальной перестройке всей системы внешнеэкономических связей.

Эта мировая нестабильность проявляется в ряде взаимосвязанных факторов: увеличении торговых ограничений (как тарифных, так и нетарифных), изменении маршрутов поставок, активизации санкционной политики, росте затрат на логистику и энергию, а также в усилении роли государственной промышленной политики и протекционизма. ЮНКТАД отмечает, что прежние механизмы защиты мировой торговли теряют свою эффективность, уступая место устойчивой политической волатильности. Для развивающихся стран такая неопределенность представляет особую угрозу, поскольку она ведет к увеличению издержек, снижению конкурентоспособности и делает долгосрочные инвестиции крайне рискованными.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, каким образом мировая экономическая нестабильность перестраивает международные торгово-экономические отношения, и определить, какие механизмы позволяют странам уменьшать уязвимость и сохранять участие в глобальном обмене. Для этого необходимо рассмотреть не только общий фон фрагментации, но и то, как меняются торговые потоки, роль Южно-Южной торговли, поведение развивающихся стран и институциональная архитектура международной торговли.

Методология исследования. Исследование опирается на сравнительный и аналитический подход. В качестве эмпирической базы использованы свежие материалы WTO, IMF, World Bank и UNCTAD, позволяющие сопоставить динамику мировой торговли, темпы глобального роста, изменения в системе торговых правил и структурные сдвиги в международных потоках. Такой выбор источников обусловлен тем, что именно эти организации формируют наиболее актуальную и сопоставимую статистическую рамку для анализа мировых торгово-экономических отношений в 2025–2026 годах.

Методологически работа построена на сочетании трех уровней анализа. Первый уровень – макроэкономический, где рассматриваются темпы роста мировой экономики, мировой торговли и инвестиционной активности. Второй уровень – институциональный, где изучается изменение торговых правил, роль многосторонней системы и устойчивость торговых механизмов. Третий уровень – структурный, где анализируются изменения в географии торговли, особенно в Южно-Южном направлении, и трансформация цепочек добавленной стоимости. Такой подход позволяет увидеть не отдельные шоки, а логику долгосрочного перехода мировой торговли в более фрагментированную и менее предсказуемую конфигурацию.

Глобальная нестабильность как фактор перестройки торговли

Последние отчеты международных организаций показывают, что нестабильность стала не временным отклонением, а устойчивой характеристикой мировой экономической среды. IMF прогнозирует, что глобальный рост замедлится с 3,3% в 2024 году до 3,2% в 2025 году и 3,1% в 2026 году; при этом мировая торговля, по оценке фонда, будет расти в среднем на 2,9% в 2025–2026 годах, что ниже темпа 2024 года. При этом IMF прямо связывает ограничение перспектив торговли с *persistent trade fragmentation*, а также предупреждает, что дальнейшее усиление протекционизма и нетарифных барьеров способно нарушать цепочки поставок и ослаблять производительность.

Согласно мартовскому обзору Всемирной торговой организации (ВТО) за 2026 год, мировая торговля активно приспосабливается к меняющимся условиям. Однако этот процесс

затруднен ростом цен на энергоносители и геополитической нестабильностью, которые создают угрозы для транспортных и энергетических путей. Важно понимать, что эти факторы не только снижают объемы международной торговли, но и меняют ее структуру. Наблюдается перераспределение экспортного потенциала между странами и регионами, а также углубление различий между товарами, предназначенными для внутреннего потребления, и теми, что участвуют в глобальных производственных цепочках.

Всемирный банк, в свою очередь, оценивает мировую экономику в 2025 году как достаточно устойчивую к торговым барьерам, но при этом отмечает замедление темпов роста. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что более четверти стран с развивающейся экономикой до сих пор не достигли докризисного уровня ВВП на душу населения (показатели 2019 года). Банк подчеркивает, что обострение торговых споров, негативные тенденции на финансовых рынках, бюджетные риски и неожиданные скачки инфляции являются основными факторами, способными замедлить экономический рост. Таким образом, современная торгово-экономическая ситуация такова, что даже положительные показатели роста не исключают наличия серьезных структурных проблем.

Одним из наиболее ярких проявлений этой трансформации является переход от всеобъемлющей глобализации к модели «избирательной связанности». Международная торговля по-прежнему остается двигателем экономического роста, однако государства все чаще стремятся взять под контроль ключевые звенья производственных цепочек, снизить зависимость от отдельных поставщиков и приблизить производство к своим границам. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в своем отчете за 2024 год прямо заявила, что глобализация находится на переломном этапе: технологические прорывы, геополитическая фрагментация и изменения в торговой политике одновременно перекраивают мировое разделение труда и усиливают давление на развивающиеся страны.

Экономическая логика международной торговли претерпевает фундаментальные изменения. Если раньше главной целью было снижение издержек за счет глобальной специализации, то теперь на первый план выходят такие задачи, как обеспечение стабильности поставок, достижение технологической независимости и защита критически важной инфраструктуры. Это не означает полного отказа от международной торговли, но свидетельствует о смене приоритетов: обмен товарами становится менее абстрактно глобальным и более целенаправленным, учитывающим политические и геоэкономические факторы. Импорт и экспорт все чаще рассматриваются как часть стратегии национальной безопасности, а не только как инструмент повышения корпоративной эффективности.

Ключевую роль в этой трансформации играет увеличение числа торговых ограничений и мер поддержки национальных отраслей. UNCTAD отмечает, что прежние механизмы предсказуемости утрачивают свою силу, а политика становится основным источником торговой нестабильности. Для малых и средних экономик, которые в значительной степени зависят от внешнего спроса, импорта технологий и доступа к рынкам капитала, это особенно болезненно. В условиях снижения стабильности правил игры возрастает стоимость участия в международных цепочках поставок, а возможности для долгосрочного планирования сокращаются.

Вместе с тем международная торговля не только сжимается или фрагментируется, но и перераспределяется. Одним из наиболее значимых процессов последних лет стало усиление Южно-Южной торговли. UNCTAD сообщает, что торговля между развивающимися странами выросла примерно с 500 млрд долларов в 1995 году до 6,8 трлн долларов в 2025 году и теперь составляет более четверти мировой торговли. Это свидетельствует о том, что центры внешнеэкономической активности смещаются в сторону более полицентричной структуры мировой экономики, где развивающиеся страны не только поставляют сырье и трудоемкую продукцию, но и формируют собственные устойчивые сети обмена.

Особенно важно, что UNCTAD связывает такую перестройку не с полной дезинтеграцией, а с новым типом связанности. При росте рисков развивающиеся страны всё еще используют торговлю как канал доступа к капиталу, энергии, технологиям и занятости. Однако

выигрывают в первую очередь те экономики, которые обладают более широким экспортным набором, развитыми институтами и способностью адаптировать промышленную политику к новой среде. Иначе говоря, международные торгово-экономические отношения трансформируются в сторону большей регионализации, цифровизации и избирательной открытости.

Неравномерность эффектов для стран разного уровня развития

Нестабильность мировой экономики по-разному воздействует на развитые и развивающиеся страны. Для развитых экономик главным риском становится ослабление предсказуемости поставок, рост затрат на импорт критических компонентов и снижение эффективности традиционных цепочек поставок. Для развивающихся стран проблема глубже: они чаще зависят от узкого круга экспортных товаров и рынков, а также располагают более ограниченным бюджетным пространством для компенсации внешних шоков. Именно поэтому UNCTAD предупреждает, что неопределенность повышает издержки, снижает конкурентоспособность и тормозит инвестиции, прежде всего там, где экспортная база уже сужена.

Наименее развитые страны продолжают оставаться в положении особой уязвимости. UNCTAD указывает на их незначительную долю в мировом экспорте – всего 1,1%, что существенно ниже целевого показателя в 2%, установленного Дохинской программой действий. Это означает, что любые потрясения в мировой торговле в первую очередь затрагивают те экономики, которые и так находятся на периферии глобального экономического оборота. В таких странах внешнеторговая политика является неотъемлемой частью обеспечения экономической безопасности, поскольку потеря рыночных возможностей автоматически повышает угрозу для уровня занятости, устойчивости валюты и сбалансированности бюджета.

В странах со средним уровнем дохода эффект трансформации проявляется иначе. Они чаще пытаются использовать геоэкономическую перестройку для диверсификации поставок, наращивания промышленного потенциала и включения в новые сегменты стоимости. Но даже для них повышенная волатильность мировых правил означает необходимость более осторожного управления внешней задолженностью, промышленной политикой и торговыми рисками. World Bank подчеркивает, что экономикам с формирующимися рынками необходимо расширять торговую диверсификацию, укреплять макроэкономические рамки и устранять структурные узкие места; в противном случае они становятся уязвимы к любому дополнительному ужесточению внешней среды.

Институциональная перестройка и значение многосторонней системы

В условиях нестабильности особое значение приобретает качество международных институтов. UNCTAD прямо указывает, что реформа торговых правил должна восстановить предсказуемость и защитить меньшие экономики, которые не обладают достаточной рыночной силой для самостоятельной обороны от дискриминационных мер. В этом смысле многосторонняя система торговли остается не абстрактным идеалом, а практическим инструментом снижения неопределенности и ограничения произвольного протекционизма.

Реальность последних лет (2025–2026) демонстрирует, что институты подвергаются колоссальному давлению. На фоне обострения геополитического соперничества, торговых разногласий и сбоев в работе транспортных коридоров, мировая система теряет свою универсальность и распадается на фрагменты. В результате возникает запрос на региональные соглашения, гибридные модели взаимодействия и механизмы, соединяющие различные торговые блоки. Однако, по мере усиления регионализации, возрастает и необходимость в гармонизации правил, чтобы эти новые формы сотрудничества не стали закрытыми клубами, игнорирующими интересы менее развитых экономик.

В этом отношении устойчивость международных торгово-экономических отношений определяется не только объемами обмена, но и способностью государств и международных организаций сохранять базовые правила игры. WTO и UNCTAD подчеркивают значение прозрачности, предсказуемости и работы системы урегулирования споров. Для

развивающихся стран это особенно важно, поскольку у них меньше возможностей компенсировать торговую дискриминацию внутренними ресурсами. Следовательно, в эпоху нестабильности экономическая безопасность всё чаще зависит от того, насколько правила мировой торговли остаются общими, а не только от того, сколько товаров пересекает границы.

Заключение. Трансформация международных торгово-экономических отношений в условиях мировой экономической нестабильности выражается в нескольких устойчивых сдвигах: росте геоэкономической фрагментации, усилении протекционизма, переориентации цепочек поставок, расширении Южно-Южной торговли и повышении значения правил и институтов. При этом мировая торговля не прекращает расти, но ее рост происходит в более напряженной и менее предсказуемой среде, где торговые решения все чаще подчиняются не только логике эффективности, но и логике устойчивости, безопасности и политического риска.

Практический вывод состоит в том, что странам уже недостаточно просто наращивать экспорт или защищать внутренний рынок. Необходима более сложная стратегия, сочетающая диверсификацию торговли, развитие инфраструктуры, укрепление промышленной базы, участие в многосторонних механизмах и повышение гибкости внешнеэкономической политики. Для развитых стран это означает поиск баланса между безопасностью и открытостью, для развивающихся – снижение зависимости от узких экспортных ниш и укрепление переговорных позиций в мировой системе. В конечном итоге именно качество институциональной адаптации определяет, станет ли мировая нестабильность фактором деградации торгово-экономических отношений или, напротив, стимулом для их более устойчивой реконфигурации.

Список источников

1. World Trade Organization. Global Trade Outlook and Statistics: March 2026. Geneva: WTO; 2026.
2. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. Washington, DC: IMF; 2025.
3. World Bank. Global Economic Prospects: June 2025. Washington, DC: World Bank; 2025.
4. UN Trade and Development. Reforming global trade rules key to supporting developing economies. Geneva: UNCTAD; 2026.
5. United Nations Department of Economic and Social Affairs. International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. New York: UN DESA; 2025.
6. International Labour Organization. ILO Global Estimates on International Migrant Workers: International migrants in the labour force. Geneva: ILO; 2024.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Маршанов Б.М.,

*канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»
e-mail: b_marshanov@mail.ru*

Узденова А.А.,

*старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»*

Аннотация. В данной статье представлен подробный анализ влияния инвестиций в образование на создание высококвалифицированной рабочей силы, повышение глобальной конкурентоспособности страны и укрепление экономической стабильности ее регионов. Особое внимание уделяется современным тенденциям модернизации системы образования, в том числе интеграции цифровых технологий.

Ключевые слова: сектор образования, капиталовложение, экономический рост, динамика рынка, повышение конкурентоспособности, профессиональные навыки, финансовая поддержка.

THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC INVESTMENTS IN EDUCATION AS A DRIVING FORCE FOR RUSSIA'S SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT

Marshanov B.M.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Economics and Applied Informatics,
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Uzdenova A.A.,

*Senior Lecturer, Department of Economics and Applied Informatics,
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Abstract. This article presents a detailed analysis of the impact of investment in education on the creation of a highly skilled workforce, enhancing the country's global competitiveness, and strengthening the economic stability of its regions. Particular attention is paid to current trends in the modernization of the education system, including the integration of digital technologies.

Keywords: education sector, capital investment, economic growth, market dynamics, improving competitiveness, professional skills, financial support.

Образование и воспитание имеют решающее значение для социального и экономического прогресса наций. В контексте России, стремящейся к экономическому разнообразию и усилению глобальной конкуренции, финансирование образования становится приоритетной задачей.

Инвестиции в образование – это не только финансовые затраты, но и важное стратегическое решение, которое влияет на будущий потенциал страны. Качественное образование создает основу для подготовки профессиональных кадров, повышает производительность труда и, как следствие, укрепляет позиции нации на мировой экономической арене.

Во всем мире финансирование образования составляет в среднем 4,5% мирового ВВП. Но в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) расходы на образование значительно выше и достигают 5,9%. В то же время в развивающихся странах с низким уровнем доходов этот показатель падает до 3,3% [2].

В Восточной Азии и Тихоокеанском регионе наблюдается самый высокий уровень государственных инвестиций в образование, достигающий 5,5% валового внутреннего продукта. В Южной Азии этот показатель значительно ниже и составляет 3,1% ВВП.

Существует прямая связь между увеличением бюджетных ассигнований на одного студента и улучшением академической успеваемости, особенно в более бедных странах.

Инвестиции в технологическую модернизацию сектора образования оказывают существенное влияние на качество образования. Страны, которые активно инвестировали более 1% своего ВВП в технологическое развитие образования в течение последних пяти лет, демонстрируют значительно лучшие результаты. По таким оценкам, как PISA и TIMSS, их международные показатели на 7–12 пунктов выше, чем у стран с менее значительными инвестициями в тот же сектор.

Согласно статистике 2024 года, Россия будет инвестировать в сектор образования около 3,7% своего валового внутреннего продукта.

В 2024 году финансовая поддержка российских университетов со стороны бизнеса значительно возросла и достигла 42,3 млрд рублей, что на 14% больше, чем годом ранее. Финансирование высших учебных заведений России в 2024 году определено в размере 984,8 млрд рублей с ростом на 9,1% по сравнению с предыдущим годом. Большая часть этих средств, то есть 59,87%, поступает из консолидированного бюджета страны. Вклад бизнеса составляет 4,3%, от физических лиц платежей – 31,4%. Финансирование иностранных студентов составляет 4,1%. Остальные доходы поступают из различных дополнительных источников, при условии, что они не превышают 1% [1].

Анализ, проведенный в 2024 году, показал, что финансовые вложения в образование способствуют укреплению экономической устойчивости регионов России.

Безработица снизилась на 1,5% в регионах, где инвестиции в сектор образования выросли на 10%. В регионах с инвестициями в образование выше среднего наблюдался рост среднего дохода на 7–12% по сравнению с регионами, где инвестиции ниже. Увеличение инвестиций в образование связано с увеличением на 20% патентных заявок и регистраций полезных моделей.

В тех областях, где расходы на обучение превышают средние значения, доходы людей стали выше на 7–12% по сравнению с территориями с низкими расходами. Если инвестиции в учебную сферу растут, то количество заявок на патенты и регистраций полезных моделей становится больше на 20%. В регионах, где более 20% образовательного бюджета идет на получение профессиональных умений, экономические показатели улучшаются на 4% быстрее, чем в иных местах.

Для Ростовской области в период с 2019 по 2022 год увеличение финансирования образовательного сектора на 33% стало причиной того, что безработных стало меньше, а средние заработки жителей выросли. Подобные процессы происходят в Новосибирской области и Санкт-Петербурге. С помощью государственных программ, которые развивают образование, студенты получают больше знаний. При этом власти обновляют учебные программы, учителя улучшают свои навыки, применяются новые методы обучения и строятся здания для учебы. Эти действия важны для будущего, так как студенты становятся специалистами, которые обладают нужной квалификацией для меняющегося рынка труда [5].

Учебные заведения и промышленные предприятия взаимодействуют друг с другом. В этом процессе образовательные организации готовят работников, которые обладают необходимыми навыками для выполнения задач в разных отраслях экономики. Для этого они согласовывают содержание учебных курсов с тем, что требуется на рынке труда в данный момент. По этой причине студенты проходят стажировки и получают профессиональное обучение непосредственно на местах производства. В этот процесс вовлечены инструкторы, которые имеют большой практический опыт.

Качество образования становится выше, когда люди лучше проверяют то, что знают и умеют учащиеся. Если отказаться от способов проверки, которые больше не актуальны, то можно начать применять всесторонние и непредвзятые подходы. При таких методах специалисты смотрят не только на знание теории, но и на то, как человек действует на практике, как он анализирует информацию и как он работает вместе с другими людьми. Если разработать и начать использовать стандартизированные системы оценки, которые совпадают

с мировыми стандартами, то появится возможность сопоставлять успехи в учебе. И благодаря этому национальная система образования станет более стабильной [4].

Для реализации стратегии экономического развития власти обращают внимание на то, насколько хорошо работают образовательные организации. Это нужно не только для того, чтобы подготовить специалистов с высокими навыками, но и для внедрения новых методов и улучшения текущих процессов.

Для освоения программ и в рамках государственных инвестиций необходимо обновлять материально-техническую базу учебных заведений в России. Механизмы такой поддержки включают:

Государственная инициатива «Создание сети современных кампусов» является частью масштабного национального проекта «Наука и университеты». С начала 2023 года оказана финансовая поддержка развитию новой академической инфраструктуры в рамках данного федерального проекта. В 2023 году федеральные инвестиции в проект достигли 25,3 млрд рублей. Прогнозируется, что общие федеральные инвестиции в проект с 2024 по 2026 год достигнут 100,1 млрд рублей.

В рамках федеральных программ развития образовательной сферы России реализуется несколько основных инициатив, направленных на модернизацию образовательной инфраструктуры:

- В рамках продления национального проекта «Образование» до 2030 года выделено финансирование на оснащение колледжей и техникумов мастерскими, отвечающими критериям WorldSkills Russia.

- В рамках федерального проекта «Современная школа» специалисты активно строят и переоборудуют здания, чтобы учащиеся с инвалидностью могли учиться вместе со всеми.

- По федеральному проекту «Успех каждого ребенка» в российские школы проводят интернет и закупают технические устройства, что делает процесс обучения более эффективным.

Если экономика страны стабильно растет, государство получает ресурсы для реализации национальных планов, и важную роль в этом процессе играют деньги, которые направляют в сферу просвещения. Когда люди осваивают образовательные программы, они приобретают новые навыки и могут выполнять более сложную работу. И это создает условия, при которых страна постоянно развивается и успешно соперничает с другими государствами на мировых рынках [6].

При условии равных возможностей для обучения каждый человек мог бы достигать профессионального роста наравне с другими.

Качественное образование укрепляет компетенции человека, позволяя ему чаще находить работу и использовать профессиональные шансы. В результате, когда образование доступно всем, социальное неравенство уменьшается, и общество развивается более равномерно [3].

Вложение денежных средств в сферу обучения имеет большое значение для того, чтобы росла группа граждан со средним уровнем дохода. Именно эти люди обеспечивают движение экономики вперед.

По этой причине на рынках растет количество покупателей, которые приобретают разные продукты и оплачивают работу специалистов. С их помощью государственная казна наполняется деньгами, когда граждане платят установленные сборы.

Для экономической стабильности важно, что этот слой населения определяет, какие товары популярны, и подталкивает компании придумывать новые решения [7].

Вложение средств в сферу образования важно, потому что оно помогает людям переходить между разными слоями общества.

С доступом к обучению, которое соответствует высоким стандартам, люди перестают постоянно находиться в нужде.

Если у каждого человека есть условия для развития навыков, то в обществе становится меньше неравенства [5].

С такими мерами структура населения становится более равномерной и честной.

По государственным планам финансирование обучения нужно не только для роста отдельных граждан, но и для того, чтобы экономика и социальная сфера страны становились крепче.

Когда образование признают необходимым условием для стабильного прогресса, власти начинают менять учебные программы и выделять больше денег на эти цели. И если эти действия будут выполняться успешно в течение долгого времени, то условия быта людей в России станут лучше. А при росте уровня жизни увеличится объем материальных благ и общая обеспеченность населения [8].

Список источников

1. Бюджет для граждан. Москва, 2023 год к ФЗ о Федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/01/main/0407_BDG_2024.pdf
2. Маршанов Б.М. Высшее образование в России в условиях цифровизации: состояние и основные векторы развития в условиях трансформации мировой экономики / Б.М. Маршанов, А.А. Узденова // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России : материалы XI Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, посвященной 100-летию Карачаево-Черкесской Республики, Карачаевск, 21–22 октября 2022 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2022. – С. 100–102. EDN AAHRCD.
3. «Обзор финансирования образования в мире в 2024 г.» <https://repository.ach.gov.ru/show/8329/>
4. Стребков С.Г. Методы оценки экономической эффективности бюджетных инвестиций в сфере общего образования / С.Г. Стребков. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 21 (259). – С. 261–265. URL: <https://moluch.ru/archive/259/59674>.
5. Строев В.В. Оценка влияния инвестиций в образование на экономическую стабильность регионов Российской Федерации / В.В. Строев // Вестник университета. 2024. № 2. – С. 133–141. DOI 10.26425/1816-4277-2024-2-133-141. EDN ZJKLAP.
6. Токова С.И. Особенности формирования финансовой грамотности через систему обществоведческих знаний / С.И. Токова, К.Э. Темирджанов // Вопросы психологии и педагогики в условиях трансформации современного общества: Сборник научных статей. – Волгоград: ООО «КИТ», 2025. – С. 61–63. EDN OMEWJK.
7. Узденова А.А. Роль образования в экономике и влияние экономики на образование / А.А. Узденова // Алиевские чтения: Материалы научной сессии преподавателей, научных работников и аспирантов КЧГУ, посвященной Году педагога и наставника, Карачаевск, 17–22 апреля 2023 года. – Карачаевск: ФГБОУ ВО Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 2023. – С. 173–178. EDN RVODBP.
8. Хубиев К.А. Источники и стимулы экономического развития России / К.А. Хубиев, М.Х.К. Батчаев, Д.Х.М. Айдинова // Региональный экономический журнал. 2024. № 1(36). – С. 5–16. EDN CGRKDR.
9. Шайхелисламов Р.Ф. Современное образование с позиций возрастных ценностей образования / Р.Ф. Шайхелисламов, Р.К. Шаехова // Образование и саморазвитие. 2014. – 1(39). – С. 139–143. EDN SEPBNB.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Маршанов Б.М.,

*канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»
e-mail: b_marshanov@mail.ru*

Узденова А.А.,

*старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»
e-mail: uzdenovazetmira@mail.ru*

Аннотация. В данной работе рассматриваются тенденции и проблемы развития ГЧП на территории РФ, а также модели государственно-частного партнерства. Проанализированы положительные и отрицательные последствия реализации таких проектов в России. Статья знакомит с основными трудностями, с которыми сталкиваются субъекты РФ при реализации проектов ГЧП.

Ключевые слова: партнерство, взаимодействие, рынок, страна, бизнес, стратегии, проекты.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN MODERN RUSSIA: STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Marshanov B.M.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Economics and Applied Informatics,
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Uzdenova A.A.,

*Senior Lecturer, Department of Economics and Applied Informatics,
Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Annotations. In this work, we will consider the tendencies and problems of the development of ChHP in the territory of the Russian Federation, as well as models of public-private partnership. We analyze both positive and negative consequences of the implementation of such projects in Russia. Let's get acquainted with the main difficulties faced by the subjects of the Russian Federation in the implementation of PPP projects.

Keywords: partnership, interaction, market, country, business, strategies, projects.

Государственно-частное партнёрство, направленное на решение насущных общественных вызовов, имеет по-прежнему глубокие исторические корни в России.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) – стратегическое взаимодействие публичного сектора и частных инвесторов, предполагающее долгосрочное инфраструктурное сотрудничество.

Данный формат публично-частного партнёрства стал объективно востребован вследствие масштабного сдвига национальной экономики к либерализации, децентрализации и приватизации. При этом ГЧП получило особую актуальность в последние десятилетия, поскольку усложнённая институционально-социоэкономическая среда ограничивает государство в выполнении социально ориентированных обязательств, тогда как бизнес ищет альтернативные доходные инвестиционные и партнерские ниши [6].

Содержательно ГЧП выступает инвестиционным механизмом, заменяющим приватизацию стратегически важных государственных активов.

Специалисты расходятся во взглядах, какую именно модель кооперации публичного и частного сектора, включая концессионные соглашения, следует квалифицировать как государственно-частное партнёрство. Обычно ГЧП трактуют как коллаборацию государства и инвесторов не только в экономике, но также в политике, науке, культуре и социальной сфере.

К ключевым экономическим индикаторам ГЧП относят:

- участниками ГЧП выступают публичный и частный сектор;
- правовое взаимодействие субъектов базируется на паритетных началах, юридически регламентируемых;
- ГЧП предполагает явно выраженную социально ориентированную составляющую;
- консолидируется совокупная ресурсная база участников кооперации, а инвестиционные риски и финальные эффекты разграничиваются партнерами по предварительно согласованным коэффициентам.

ГЧП предполагает, что государство инициирует взаимодействие и приглашает представителей бизнеса участвовать в реализации значимых для общества проектов.

Для эффективной кооперации между сторонами необходимо:

- всеобъемлющая нормативная база;
- инфраструктурные активы с существенными стартовыми капитальными затратами и продолжительным эксплуатационным сервисом;
- непрерывно-гарантированное формирование проектов, способное вовлекать частные корпорации для генерации технологического и инвестиционного потенциала;
- сопоставимые проекты для соотнесения расходов с организационными издержками госзакупок.

В наиболее общем трактовании к ключевым моделям ГЧП в экономике относятся эффективные партнёрские механизмы государства и бизнеса.

Области использования инструментов ГЧП в Российской Федерации иллюстрированы на рисунке 1. К ним, в частности, относятся государственные контракты, концессионные соглашения, операционная и финансовая аренда.

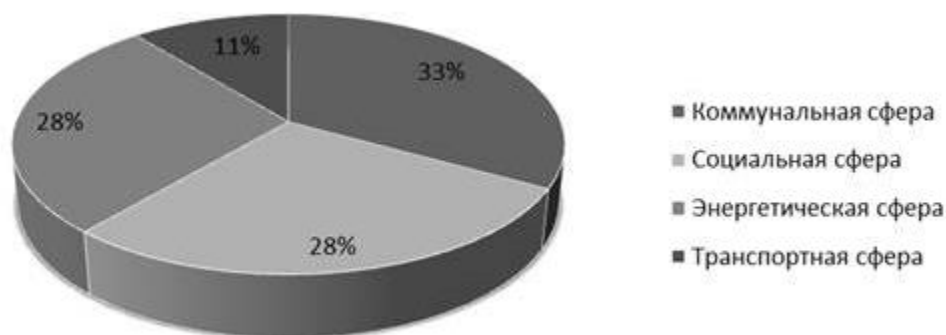

Рис. 1. Сфера применения механизмов ГЧП на территории РФ

Аналогично глобальной практике, в Российской Федерации ключевыми направлениями реализации механизма ГЧП выступают:

- автомагистрали
- транспортно-дорожная инфраструктура и сервисы
- объекты железнодорожного, трубопроводного сообщения
- порты, аэропорты
- морские, речные и воздушные суда,
- медицинские учреждения
- комплексы образования
- культурные, спортивные, туристические кластеры
- объекты ИКТ-инфраструктуры и социального назначения.

Как видно, перечень отраслей, в рамках которых публичный и частный партнёры способны кооперироваться, широк.

Ключевым нормативно-правовым актом, регламентирующим институциональные основы ГЧП в РФ, включая публично-частное и муниципально-частное партнёрства, концессионные соглашения и иные модели, считается Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224 (ред. 10.07.2023) «О государственно-частном партнёрстве в Российской Федерации,

муниципально-частном партнёрстве и внесении изменений в некоторые законы Российской Федерации» [1].

В 2009 году в Российской Федерации был учрежден Национальный центр ГЧП, функционирующий как ключевой экспертно-методологический центр инфраструктурного развития, предоставляющий аналитико-консультационное сопровождение инвестиционных проектов и механизмов государственно-частного партнёрства страны.

Центр проводит комплексные исследования специфики применения инструментов ГЧП в России и подготавливает аналитические отчёты. Он последовательно формирует условия для ускоренного развития и модернизации инфраструктуры на базе концессионных принципов. Центр регулярно оценивает планируемые и реализуемые проекты, анализирует судебную-арбитражную и правоохранительную практику, исследует финансовые инструменты и меры государственной поддержки [5].

Мониторинг инфраструктурного блока нацпроектов реализуется непрерывно.

Согласно аналитическому бюллетеню Национального центра развития ГЧП, к началу 2022 года в Российской Федерации реализуется 3648 партнёрских проектов и концессий. Портфель сформировал 3,6 трлн руб. совокупного финансирования, включая 1 трлн руб. частного капитала. Региональный уровень освоил 957 млрд (54%), федеральный – 974 млрд (27%), муниципальный – 669 млрд (19%).

Минэкономразвития РФ подготовило рейтинг субъектов Федерации по степени развития механизмов ГЧП в 2025-м. Оценивание базировалось на трёх ключевых индикаторах:

1. Темпы внедрения проектных решений в 2025-м.
2. Нарботанная до 2025 г. практика и подходы использования механизма ГЧП.
3. Состояние нормативно-правовой-институциональной среды.

По итогам рейтинга развития механизмов ГЧП в регионах Российской Федерации в первую десятку вошли следующие субъекты:

- 1) Нижегородская область;
- 2) Хабаровский край;
- 3) Омская область;
- 4) Республика Татарстан;
- 5) Пермский край;
- 6) Республика Башкортостан;
- 7) Краснодарский край;
- 8) Белгородская область;
- 9) Ямало-Ненецкий арктико-автономный округ;
- 10) Санкт-Петербург;

.....

67) Москва;

76) Ставропольский край;

.....

82) Карачаево-Черкесия;

83) Севастополь;

84) Кабардино-Балкарская-многонациональная-горно-туристическая Республика;

85) Дальневосточная Еврейская-автономная область-субъект.

Следует подчеркнуть, что высшие строки рейтинга заняли субъекты, прежде отсутствовавшие в первой десятке, чему способствовал успешный запуск и дальнейшая реализация крупномасштабных концессионных ГЧП-проектов инфраструктурного и инвестиционного характера.

Сопоставляя объем зарегистрированных концессионных ГЧП-тендеров за последние два отчётных года, можно заключить, что инвестиционная экосистема демонстрирует устойчивую позитивную динамику, быстро реабилитировавшись после жёстких макроэкономических ковид-ограничений весны 2020-го [3].

В настоящее время институт ГЧП демонстрирует устойчивую, стратегически ориентированную динамику и выступает одним из базовых инструментов формирования транспортно-социальной инфраструктуры и технологической модернизации, обеспечивая реализацию капиталоемких проектов в диверсифицированных секторах национальной экономики. В 2025 году, как и на протяжении последних пяти лет, государство зафиксировало высокую динамику заключения концессионных соглашений и контрактов о софинансировании инвестиций в формате государственно-частного партнёрства. Инвестиции увеличились на 150% к 2024-му.

Столь позитивная динамика обеспечивается, в частности, систематическим обновлением законодательного и нормативного регулирования, повышающего финансово-правовую прозрачность процесса и расширяющего спектр инструментов для инвесторов и концессионеров рынка ГЧП. В этом году власти также активно совершенствуют архитектуру механизма ГЧП.

Среди приоритетных краткосрочных задач Кабинета Министров РФ – совершенствование методики валовой оценки инициатив ГЧП, внедрение инструмента анализа результативности заключения концессионных договоров, детализация критериев согласования с ФАС параметров бюджетного софинансирования концедента, а также корректировка норм Бюджетного кодекса РФ, регламентирующих учет долговых обязательств, возникающих в ходе реализации государственно-частных партнёрств [4].

Текущая конъюнктура рынка, определяющая инвестиционную активность в секторе государственно-частного партнёрства, безусловно, обусловлена завышенной ключевой процентной ставкой. Однако имеются и иные структурные препятствия, такие как:

- недостаточная экспертиза и глубина предварительного due diligence проектов публичным сектором обуславливают неэффективное риск-шеринг, некорректно рассчитанный объём бюджетных ассигнований партнёра и нерелевантные рыночным ставкам показатели IRR инвестора;

- недостаточное доверие к инструментарию государственно-частного партнёрства как у инвесторов и операционных компаний, так и у публичных контрагентов, контрольных и надзорных структур вследствие проектов, фактически продемонстрировавших худшие эксплуатационные метрики, чем предусматривал бизнес-план;

- отсутствие прозрачной, иерархически выстроенной приоритизации инфраструктурных объектов ГЧП-проектов и их технико-функциональных характеристик;

- регулятор Банк России квалифицирует кредитный риск портфелей коммерческих банков, где должниками являются концессионеры и private инвесторы по соглашениям ГЧП, как повышенный [2].

В результате действуют завышенные нормативы обязательного резервирования, формирующие расширенный спред между стоимостью межбанковских ресурсов и кредитами подобным заёмщикам, что значительно увеличивает банковскую маржу доходности.

К ключевым барьерам, чаще встречающимся регионам Российской Федерации в процессе внедрения ГЧП-инициатив, относят:

- дефицит профильных компетенций и практического опыта ГЧП у государственных и муниципальных заказчиков;

- асимметричное аллоцирование рисков;

- многочисленные регуляторно-административные ограничения для предпринимательства;

- слабая корпоративная вовлечённость бизнеса в социальные проекты.

Для устранения выявленных проблем, по нашему экспертному мнению, следует реализовать меры:

- совершенствовать нормативно-правовую базу и унифицировать контрактные взаимоотношения субъектов ГЧП;

- разработать механизмы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих по публично-частному партнёрству и стимулировать создание программ повышения квалификации университетов;
- сформировать мотивационные механизмы для гос. и муниципальных служащих, задействованных в ГЧП;
- сформировать комплексную систему эффективной мотивации частных стейкхолдеров при реализации соцпроектов.

Указанные и иные регуляторные мероприятия впредь обеспечат весомый импульс дальнейшему развитию института ГЧП в Российской Федерации. При этом процессу содействуют профильные государственные органы современного уровня. По оценке Президента РФ, ГЧП призвано стать ключевым инструментом формирования комплексной социальной политики.

В итоге ЧГП служит государственно-частным механизмом смешанного финансирования, ускоряя устойчивое, комплексное, долгосрочное, инфраструктурно-социальное, инновационное развитие национальной экономики.

Список источников

1. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/?ysclid=mo4axko0bk956216680
2. Айдинова Д.Х.М. Банковский сектор России и система мер по преодолению экономических последствий новой коронавирусной инфекции / Д.Х.М. Айдинова // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России: Материалы. IX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Карачаевск, 23–24 октября 2020 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 105–110. EDN UFAJST.
3. Батчаев М.Х.К. Воздействие пандемии COVID-19 на отрасли национальной экономики Индии / М.Х.К. Батчаев, З.А. Узденова // Коронавирус (Pandemic COVID-19): его экономические и социальные последствия, возможные сценарии преодоления: Материалы Всероссийской научной конференции ученых, аспирантов и студентов, Карачаевск, 11–12 сентября 2020 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 21–26. EDN QEVESF.
4. Боташев Р.А. Современная наука как производительная сила в экономике / Р.А. Боташев, З.А. Узденова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 3. – С. 39–44. EDN RRCXBS.
5. Маршанов Б.М. Ценообразование и рыночная модель хозяйства: механизм взаимодействия / Б.М. Маршанов, З.А. Узденова // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России: Материалы IX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Карачаевск, 23–24 октября 2020 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 136–142. EDN MNXAJJ.
6. Токова С.И. Приоритеты подготовки будущих экономистов в современных условиях / С.И. Токова // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-3. – С. 301–303. EDN AWZNWO.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мухмадиев А.-Р.Р.,

студент Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: tedsolt9@gmail.com

Пайтаева К.Т.,

канд. экон. наук., доцент кафедры «Учет, анализ и аудит в цифровой экономике»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: kometa_1972@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является изучение влияния международной миграции на экономическую безопасность. Тема – воздействие миграционных потоков на рынок труда, бюджетную устойчивость и человеческий капитал. Цель – выявить условия, при которых миграция усиливает или ослабляет экономическую безопасность. Методы – сравнительный анализ, обобщение статистики и интерпретация докладов международных организаций. Результаты – миграция компенсирует дефицит рабочей силы, но при слабой интеграции повышает фискальные и социальные риски. Область применения – государственная миграционная политика. Вывод – эффект зависит от качества регулирования.

Ключевые слова: экономическая безопасность, миграционные процессы, денежные переводы, комплексный подход, рынок труда.

MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SECURITY

Mukhmadiev A.-R.R.,

Student at the Institute of Economics and Finance,
Kadyrov Chechen State University

Paytaeva K.T.,

candidate of economic sciences, associate Professor
Department «Accounting, analysis and audit in the digital economy»,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The research focuses on the impact of international migration on economic security. The topic is the impact of migration flows on the labor market, fiscal sustainability, and human capital. The goal is to identify the conditions under which migration strengthens or weakens economic security. The methods include comparative analysis, statistical synthesis, and the interpretation of reports from international organizations. The results indicate that migration compensates for labor shortages, but with weak integration, it increases fiscal and social risks. The scope of the study is national migration policy. The conclusion is that the effect depends on the quality of regulation.

Keywords: economic security, migration processes, remittances, integrated approach, labor market.

Введение. Трудовая миграция достигла невиданных масштабов, оказывая прямое влияние на экономическое развитие принимающих стран. Парадигма взаимосвязи миграционных процессов и экономической безопасности базируется на понимании миграции как сложного социально-экономического явления.

В условиях беспрецедентной глобализации, стремительной цифровой трансформации и продолжающихся геополитических изменений феномен международной трудовой миграции приобретает особую актуальность и требует углубленного научного исследования. Глобализация – это международный процесс, в котором национальные социально-экономические институты переплетаются в единую глобальную экономическую и социальную систему.

Процессы миграции трудовых ресурсов имеют множество положительных и отрицательных черт. Миграция оказывает значительное влияние на экономический рост. С экономической точки зрения трудовая миграция помогает преодолевать нехватку

квалифицированных кадров, поддерживает занятость в динамичных секторах и компенсирует демографические проблемы, возникающие из-за старения населения.

При этом следует отметить негативные аспекты влияния миграционных потоков на уровень экономической и социальной безопасности: обостряется конкуренция на рынке труда, растёт безработица среди местного населения, создаётся дополнительная нагрузка на социальные службы.

Актуальность данной исследовательской темы обусловлена тем, что в современной экономической среде масштабы международной мобильности продолжают расти. В 2024 году число международных мигрантов в мире достигло 304 млн человек, что почти вдвое больше, чем в 1990 году; их доля в населении планеты составила 3,7% [6]. При этом почти половина мигрантов проживает в регионе своего происхождения, а крупнейшими странами назначения остаются США, Германия и Саудовская Аравия [6]. Одновременно ИЛО оценивает численность международных мигрантов в составе рабочей силы в 167,7 млн человек, что соответствует 4,7% глобальной рабочей силы [1]. Эти цифры показывают, что миграционные потоки уже встроены в механизм воспроизводства мировой экономики и напрямую связаны с её безопасностью.

Методология исследования. Исследование основано на сравнительном анализе актуальных статистических и аналитических материалов Международной организации труда, Международного валютного фонда, Международной организации по миграции, Организации экономического сотрудничества и развития, Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН и Всемирного банка. Эти организации помогают странам адаптироваться к изменениям на мировых финансовых рынках и оказывают поддержку в кризисных ситуациях. Такой подход позволяет сопоставить миграционные потоки, изменения на рынках труда, масштабы денежных переводов и институциональные практики регулирования. Выбор именно этих источников обусловлен тем, что они публикуют сопоставимые международные оценки и обновляют их в 2024–2025 годах, то есть отражают наиболее свежую картину миграции и её экономических последствий [1–8].

Исследование построено на анализе трех ключевых областей. Первая касается рынка труда, включая занятость мигрантов, их вовлеченность в рабочую силу, предпринимательство и распределение по отраслям. Вторая фокусируется на финансовой стабильности, оценивая объемы и динамику денежных переводов, а также их воздействие на платежный баланс стран, откуда прибывают мигранты. Третья группа показателей охватывает экономическую безопасность в более широком смысле: демографическую стабильность, способность экономики справляться с миграционными потоками, нагрузку на социальные службы и успешность интеграции. Такой комплексный подход позволяет рассматривать миграцию не просто как перемещение населения, а как сложный, многогранный феномен [2, 3, 5, 8].

Влияние миграции на экономическую безопасность. Экономическая безопасность принимающей страны в большей степени зависит от институционального управления, чем от самой иммиграции. По данным МВФ, на рынки труда и национальные финансы миграционные процессы способны и оказывают непродолжительное влияние. С позиции среднесрочной и долгосрочной перспективы миграционные потоки формируют возможности на рынке труда, а также новые рабочие места. Кроме того, трудовая миграция в определенной степени содействует развитию инноваций и торговли, тем самым обеспечивая финансовую стабильность на отдаленную перспективу [2].

Необходимо отметить, что трудовая миграция в условиях старения населения, недостатка рабочей силы или демографического кризиса способна помочь возместить дефицит трудовых ресурсов в различных секторах экономики. При этом в ходе исследований по данной проблематике следует тщательно анализировать и прогнозировать риски миграции, которые могут вызвать сегментацию рынка труда и отрицательно воздействовать на величину заработной платы [1, 5, 7].

Финансовый аспект миграции также тесно связан с вопросом экономической безопасности. Такая экономическая обстановка облегчает людям открытие собственного

бизнеса, производство собственной продукции и использование преимуществ технологического прогресса. Когда же иммигранты сталкиваются с низкими доходами, языковыми барьерами и ограниченными возможностями трудоустройства, экономическая активность снижается, а неравенство в социальной и других сферах возрастает [3]. По данным Международного валютного фонда, молодые мигранты могут в долгосрочной перспективе снизить нагрузку на государственные бюджеты, оставаясь в составе рабочей силы дольше, тем самым укрепляя налоговую базу. Данное явление особенно характерно для стран с более возрастным населением [2].

Вместе с тем в краткосрочном периоде их приезд может потребовать дополнительных расходов на жильё, образование, здравоохранение и адаптационные программы [2, 5]. ОЭСР прямо пишет, что миграция приносит экономический рост, но одновременно создаёт последствия для жилищной сферы, образования, транспорта и других публичных услуг, а значит, экономическая безопасность требует не сокращения миграции любой ценой, а синхронизации миграционной и инфраструктурной политики [5].

Международное разделение труда – сложная проблема, затрагивающая как мобильность рабочей силы, так и долгосрочное пребывание мигрантов. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подчеркивает растущую роль мигрантов в создании рабочих мест и инновациях, что уже оказывает значительное влияние на экономическую ситуацию принимающих стран, особенно в связи с важностью деловой миграции.

Для стран происхождения миграция имеет не менее важный аспект экономической безопасности – денежные переводы. Всемирный банк оценивает официально зарегистрированные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода в 2024 году на уровне 685 млрд долларов США; их рост составил 5,8%, что выше 1,2% годом ранее, а общий объём переводов превысил совокупные значения прямых иностранных инвестиций и официальной помощи развитию для этих стран [8]. С точки зрения экономической безопасности это означает, что переводы поддерживают потребление домохозяйств, смягчают шоки доходов и часто стабилизируют платёжный баланс. При этом зависимость от них может создавать и уязвимость: колебания валютных курсов, замедление экономического роста в странах назначения и ужесточение миграционных режимов способны быстро сократить поступления [8]. Этот показатель растёт с каждым годом, отражая усиление глобальной взаимосвязи, нестабильность в отдельных регионах и растущее экономическое неравенство.

По оценкам МВФ, к 2025 году миграция и перемещение беженцев будут иметь разрушительные последствия не только для стран назначения, но и для стран транзита и происхождения. Наибольшее бремя ложится на развивающиеся страны и страны с формирующейся рыночной экономикой, особенно в случае вынужденной миграции.

Перемещение миллионов людей через национальные границы в поисках лучших экономических возможностей или чтобы избежать конфликтов, оказывает значительное и далеко идущее влияние на все аспекты жизни: от демографической структуры и рынков труда до социально-культурной среды и геополитической стабильности.

Миграционные потрясения выходят за рамки границ, затрагивая региональную инфраструктуру, рынки труда, социальные тенденции, спрос на жильё и налогообложение. Следовательно, миграция представляет собой не только внутреннюю, но и внешнюю угрозу экономической безопасности [4].

Заключение. Активизация процессов глобализации привела к росту международных миграционных потоков. Всё это способствует укреплению международного сотрудничества. Эта концепция имеет важное значение для экономической безопасности. Но миграция не гарантирует процветания. Миграция способна оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на экономику различных государств и плотно соединена с глобализацией и международной экономической интеграцией.

Учитывая темпы интеграции и состояние экономики, она может представлять собой как угрозу, так и возможность.

Последние данные Международной организации труда, Международного валютного фонда, Международной организации по миграции, Организации экономического сотрудничества и развития, Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН и Всемирного банка подтверждают тот факт, что миграция и миграционные процессы стали неотъемлемыми компонентами мировой экономики, и степень их воздействия на экономическую безопасность зависит от скорости интеграции и способности стран справляться с трансграничным воздействием [1–8].

Это обусловлено экономическими, политическими, экологическими и технологическими вызовами, которые, вероятно, будут усиливаться в будущем.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» установлены новые правила пребывания иностранцев в нашей стране. Цель миграционного законодательства – создание миграционной среды, способствующей национальной безопасности, социально-экономическому, научно-техническому развитию страны, улучшению жизни ее граждан, защите национального рынка труда и решению проблем.

Понимание ключевых моделей поведения и адекватное реагирование на них имеет важное значение для устойчивого развития и равенства. В мире, где поведение становится нормой, люди несут ответственность не только за соблюдение таких стандартов, но и за сосуществование и взаимодействие друг с другом.

Список источников

1. International Labour Organization. ILO Global Estimates on International Migrant Workers: International migrants in the labour force. Geneva: ILO; 2024.
2. International Monetary Fund. The Impact of International Migration on Inclusive Growth: A Review. Washington, DC: IMF; 2021.
3. International Monetary Fund. World Economic Outlook, April 2025. Chapter 3: Journeys and Junctions: Spillovers from Migration and Refugee Policies. Washington, DC: IMF; 2025.
4. International Organization for Migration. World Migration Report 2024. Geneva: IOM; 2024.
5. Organisation for Economic Co-operation and Development. International Migration Outlook 2024. Paris: OECD; 2024.
6. United Nations Department of Economic and Social Affairs. International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. New York: UN DESA; 2025.
7. World Bank. Managing Labor Migration: Regulating Inflows, Aligning Needs, and Supporting Return. Washington, DC: World Bank; 2025.
8. World Bank. In 2024, remittance flows to low- and middle-income countries are expected to reach \$685 billion, larger than FDI and ODA combined. Washington, DC: World Bank; 2024.

ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Николаев Д.А.,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической безопасности и управления рисками,
ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем
экономической безопасности Факультет экономики и бизнеса
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: dnikolaev@fa.ru*

Аннотация. В статье финансовый суверенитет рассматривается как институционально обусловленная способность государства обеспечивать устойчивость и управляемость денежного, бюджетно-налогового, долгового, платежного и цифрового контуров в условиях геоэкономической фрагментации. На основе неoinституционального подхода, российской финансовой практики и материалов международных финансовых организаций выделены ключевые институциональные детерминанты финансового суверенитета и предложена авторская интерпретация их взаимосвязи.

Ключевые слова: финансовый суверенитет; геоэкономическая фрагментация; институциональные детерминанты; экзогенные институты; эндогенные институты; платежная автономия.

FINANCIAL SOVEREIGNTY UNDER GEOECONOMIC FRAGMENTATION: INSTITUTIONAL DETERMINANTS

Nikolaev D.A.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Leading Researcher at the Institute of Economic Policy and Economic Security Issues, Faculty of Economics and Business
Financial University under the Government of the Russian Federation,*

Abstract. The article interprets financial sovereignty as an institutionally conditioned capacity of the state to ensure the stability and governability of monetary, fiscal, debt, payment and digital contours under geoeconomic fragmentation. Drawing on neo-institutional theory, Russian financial practice and reports of international financial institutions, the paper identifies the key institutional determinants of financial sovereignty and proposes the author's interpretation of their interdependence.

Keywords: financial sovereignty; geoeconomic fragmentation; institutional determinants; exogenous institutions; endogenous institutions; payment autonomy.

В современных условиях финансовый суверенитет перестает быть лишь характеристикой эмиссионной автономии государства или устойчивости его бюджета. Геоэкономическая фрагментация, проявляющаяся в росте санкционного давления, конкуренции инфраструктур, трансформации трансграничных расчетов и усилении роли цифровых платформ, смещает исследовательский фокус в сторону институтов, обеспечивающих управляемость финансовых потоков, исполнение обязательств и устойчивость правил взаимодействия экономических субъектов. В этих условиях финансовый суверенитет целесообразно трактовать как институционально обусловленную способность государства обеспечивать устойчивость финансовой системы, сохранять пространство макрофинансового регулирования и поддерживать автономию ключевых решений в денежной, бюджетно-налоговой, долговой, платежной и цифровой сферах. Постановка проблемы требует соединения двух аналитических плоскостей. Первая связана с развитием неoinституциональной теории, в которой устойчивость экономических систем выводится из качества формальных правил, неформальных ограничений, механизмов принуждения и координации. Вторая связана с современной российской и международной финансовой практикой, где устойчивость государства все заметнее определяется не только бюджетными

параметрами, но и качеством налогового администрирования, платежной инфраструктуры, управления ликвидностью, регулирования данных и цифровых финансовых технологий. Цель исследования состоит в выявлении институциональных детерминант финансового суверенитета в условиях геоэкономической фрагментации и в обосновании того, что его устойчивость определяется согласованностью экзогенных и эндогенных институтов развития.

Научная новизна исследования состоит в том, что финансовый суверенитет интерпретируется не как частная характеристика денежной независимости, а как интегральный результат институциональной финансовой системы; уточняется содержание экзогенных и эндогенных институтов применительно к государственным финансам; предлагается авторская модель институциональных детерминант финансового суверенитета, объединяющая формальные стратегические рамки, правоприменение, доверие, цифровизацию и инфраструктурную автономию.

Теоретическим основанием исследования выступает неoinституциональный подход. В работах Д. Норта институты определяются как созданные людьми правила и ограничения, структурирующие взаимодействие в условиях неопределенности; при этом именно институциональные изменения объясняют различия в экономических результатах обществ во времени [15]. Для финансового суверенитета это означает, что устойчивость денежной, бюджетной и платежной системы определяется не только ресурсами, но и качеством правил, способностью снижать неопределенность и обеспечивать исполнение обязательств. О. Уильямсон, развивая экономику транзакционных издержек, показывает, что центральной проблемой является не просто обмен, а институциональное управление транзакциями, позволяющее минимизировать потери координации, оппортунизм и конфликты. Следовательно, финансовый суверенитет должен анализироваться через те формы институционального управления, которые обеспечивают предсказуемость налоговых обязательств, надежность расчетов, правовую устойчивость долговых решений и доверие к финансовым посредникам.

Существенное значение имеет и подход Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Уайнгаста, связывающий долгосрочное развитие с характером социального порядка и доступом к ключевым организациям и ресурсам [16]. В условиях геоэкономической фрагментации данный тезис приобретает особую актуальность: государство, не обладающее устойчивыми институтами координации, правоприменения и защиты финансовой инфраструктуры, оказывается зависимым от внешних стандартов, платформ и правил. Российская институциональная школа дополняет эту логику важными прикладными положениями. А. А. Аузан рассматривает цифровую экономику как пространство институционального сдвига, изменяющего сами механизмы координации и структуру стимулов [2]. С. Г. Кирдина-Чэндлер показывает, что устойчивость траектории развития определяется глубинной институциональной матрицей общества [5]. В. М. Полтерович раскрывает природу институциональных ловушек, при которых неэффективные практики способны воспроизводиться несмотря на формальное обновление правил [11]. А. Е. Шашитко и К. Менар подчеркивают значение дискретных институциональных альтернатив, то есть выбора конкретных режимов организации экономических взаимодействий [18]. В совокупности эти подходы позволяют определить финансовый суверенитет как институционально обеспеченную способность государства формировать, защищать и воспроизводить устойчивый финансовый порядок.

В контексте статьи институциональные детерминанты финансового суверенитета целесообразно разделить на экзогенные и эндогенные. Экзогенные институты представляют собой стратегические, нормативные и регуляторные конструкции, задаваемые государством либо внешней средой: правила бюджетной, денежно-кредитной и платежной политики, международные ограничения, санкционные режимы, стандарты трансграничных расчетов и требования к финансовой прозрачности [14]. Эндогенные институты складываются внутри самой финансовой системы в результате повторяющихся практик координации, накопления данных, административного обучения, технологической адаптации и доверия субъектов [11].

Именно их сопряженность определяет реальную устойчивость суверенитета: сильные стратегии без работающих внутренних механизмов остаются декларативными, а развитые практики без нормативной поддержки не превращаются в системное преимущество.

Российская практика последних лет демонстрирует, что финансовый суверенитет обеспечивается не отдельным инструментом, а согласованной системой институтов. Экзогенный контур здесь формируют официальные стратегические документы государства. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» задают рамку для сбалансированности бюджета, налоговой мобилизации и долгосрочного финансового планирования [7]. «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» связывают устойчивость рубля, ценовую стабильность и макрофинансовую устойчивость с основной функцией Банка России по защите и обеспечению устойчивости национальной валюты [8]. «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» выделяют цифровизацию финансового рынка, развитие платежной инфраструктуры, систему внешнеторговых платежей и расчетов, а также обеспечение финансовой стабильности как стратегические приоритеты [10]. «Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025–2027 годов» закрепляют развитие цифрового рубля, универсального QR-кода, открытых программных интерфейсов и инфраструктуры международных платежей [9]. Все это позволяет говорить о целенаправленном формировании формального институционального контура финансового суверенитета [7–10].

Не менее важен эндогенный контур, в котором формальные правила превращаются в устойчивые практики. Федеральная налоговая служба развивает единый налоговый счет как институт консолидированного учета начислений и платежей, позволяющий производить уплату налогов одной операцией, отслеживать общее сальдо и ускорять возврат переплаты [3]. Аналитический портал Федеральной налоговой службы обеспечивает доступ к данным о поступлениях в бюджет, индикаторах экономики и налоговых паспортах субъектов Российской Федерации [1]. Итоги деятельности ФНС России за 2025 год демонстрируют рост администрируемых поступлений: за январь–декабрь 2025 года в бюджетную систему РФ поступило 61,2 трлн руб., что на 4,947 трлн руб., или на 8,8%, превышает показатель 2024 года. Такая динамика свидетельствует об усилении фискальной собираемости и сохранении высокой результативности налогового администрирования [4]. Федеральное казначейство, в свою очередь, сообщает, что от управления остатками единого казначейского счета для государственной казны было получено свыше 1,5 трлн руб., из которых 1,2 трлн руб. поступило в федеральный бюджет, а 328,1 млрд руб. были перечислены регионам [6]. Эти данные имеют не только учетное, но и институциональное значение: они показывают, что внутренние цифровые и организационные механизмы уже работают как инструменты укрепления ликвидности, дисциплины платежей и автономии бюджетной системы.

Так, российская конфигурация финансового суверенитета подтверждает вывод институциональной теории: устойчивость обеспечивается там, где стратегически заданные правила сопрягаются с реально действующими организационными и цифровыми практиками. В противном случае возникают институциональные разрывы, снижается результативность правоприменения и усиливаются риски зависимости от внешних инфраструктурных решений.

Материалы международных финансовых институтов подтверждают, что проблема финансового суверенитета сегодня фактически обсуждается через категории устойчивости, автономии расчетов, доверия к деньгам и управления цифровыми рисками. Международный валютный фонд в «Докладе о глобальной финансовой стабильности» за апрель 2025 г. показывает, что крупные геополитические события способны заметно увеличивать суверенные риск-премии, причем эффект сильнее в экономиках с меньшими резервными и фискальными буферами [14]. Данный вывод означает, что финансовый суверенитет напрямую связан с институциональной способностью государства удерживать пространство макрофинансового маневра и не допускать утраты доверия к своим обязательствам.

В докладе Международного валютного фонда «Понимание стейблкоинов» отмечается, что к сентябрю 2025 г. объем выпуска стейблкоинов достиг примерно 300 млрд долл. США, а около 97 % эмиссии были привязаны к доллару США. Это обстоятельство принципиально важно для темы статьи, поскольку свидетельствует о расширении частного и внешнего платформенного контроля над денежным пространством. Банк международных расчетов в «Годовом экономическом отчете за 2025 год» подчеркивает, что токенизация может дать значительные преимущества только при сохранении единства денег и окончательности расчетов, обеспечиваемых опорой на деньги центрального банка [12]. Европейский центральный банк в «Комплексной стратегии Евросистемы в сфере платежей» прямо ставит задачу достижения стратегической автономии и устойчивости платежей, фиксируя при этом, что более двух третей карточных операций в зоне евро регулируются правилами неевропейских компаний [19]. Следовательно, даже развитые финансовые системы рассматривают платежную инфраструктуру как ядро современного суверенитета.

Совет по финансовой стабильности в консолидированном отчете по дорожной карте «Группы двадцати» за 2025 г. признает, что, несмотря на значительный регуляторный прогресс, результаты реформ трансграничных платежей пока недостаточно ощутимы для конечных пользователей [13]. Конференция ООН по торговле и развитию в «Докладе о торговле и развитии за 2024 год» связывает устойчивость развития с новой международной налоговой архитектурой и внутренней мобилизацией доходов. Организация экономического сотрудничества и развития в докладе о цифровизации налогового администрирования показывает, что большинство налоговых администраций уже перешло к стратегиям управления данными, использованию искусственного интеллекта и программных механизмов цифровой трансформации [17]. Так, международные финансовые институты приходят к единой позиции: устойчивость финансовой системы все в большей степени зависит от качества институтов, регулирующих данные, платежи, налоги, цифровую инфраструктуру и механизмы доверия.

Сопоставление российской практики, положений институциональной теории и материалов международных финансовых институтов позволяет выделить пять основных институциональных детерминант финансового суверенитета. Во-первых, это качество формальных правил, задающих цели и пределы бюджетной, денежно-кредитной, долговой и платежной политики. Во-вторых, это качество правоприменения и организационной координации, обеспечивающее превращение формальных норм в реальный управленческий результат. В-третьих, это доверие к деньгам и финансовым институтам, которое формируется через предсказуемость правил, надежность расчетов и устойчивость публичных обязательств. В-четвертых, это цифровая зрелость государства, охватывающая данные, алгоритмы, интерфейсы и способность интегрировать контроль в повседневные финансовые процессы. В-пятых, это сопряженность экзогенных и эндогенных институтов, определяющая, становятся ли стратегические рамки источником реального развития либо трансформируются в формальный слой без достаточной практической опоры.

На этой основе в статье предлагается рассматривать финансовый суверенитет как многокомпонентную институциональную архитектуру, включающую денежно-валютный, бюджетно-налоговый, долговой, платежно-инфраструктурный, регуляторно-институциональный и технологический блоки. Их взаимосвязь представлена на рисунке 1. Денежно-валютный блок обеспечивает доверие к национальным деньгам и устойчивость денежного обращения; бюджетно-налоговый — мобилизацию доходов и финансирование приоритетов развития; долговой — управляемость обязательств; платежно-инфраструктурный — непрерывность расчетов и автономию доступа к деньгам; регуляторно-институциональный — правовую защищенность решений и координацию органов финансового управления; технологический — контроль над данными, платформами и алгоритмами. Сильной стороной данной модели является то, что она учитывает не только макроэкономические параметры, но и качество институциональной среды, внутри которой эти параметры формируются.

Рисунок 1 демонстрирует, что институциональная основа финансового суверенитета включает формальные правила, неформальные ограничения, механизмы правоприменения, снижение транзакционных издержек, доверие и зависимость от предшествующей траектории развития. Внешняя среда — геоэкономическая фрагментация, санкционные ограничения, волатильность рынков капитала, платформизация финансов, цифровые валюты и налоговая конкуренция — воздействует на все блоки одновременно. Следовательно, финансовый суверенитет не может поддерживаться изолированными мерами; он требует целостной институциональной сборки, при которой стратегия, управление, инфраструктура и цифровые практики образуют единый контур устойчивости.

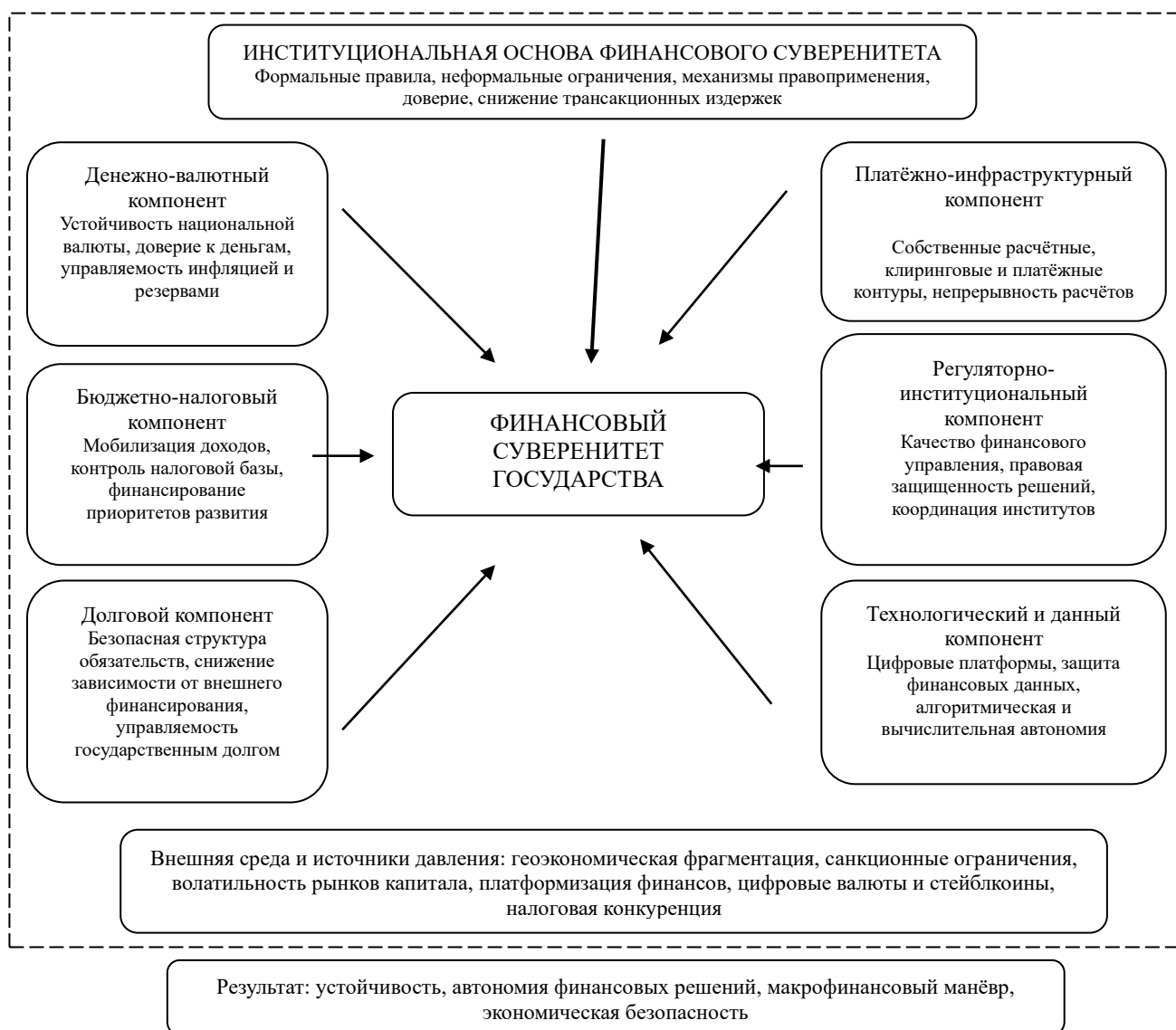

Рисунок 1 – Архитектура финансового суверенитета государства в неoinституциональной интерпретации

Источник: составлено автором.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что финансовый суверенитет в условиях геоэкономической фрагментации является прежде всего институциональной категорией. Его содержание не исчерпывается валютной автономией, уровнем резервов или параметрами бюджета. В действительности он определяется качеством институтов, обеспечивающих предсказуемость правил, устойчивость расчетов, собираемость доходов,

управляемость долга, надежность цифровых данных и доверие к национальной финансовой системе.

Российский опыт показывает, что усиление финансового суверенитета достигается там, где стратегические документы Министерства финансов Российской Федерации и Банка России подкрепляются эндогенными практиками Федеральной налоговой службы и Федерального казначейства, превращающими формальные нормы в реально работающие механизмы координации и контроля. Международные финансовые институты, в свою очередь, подтверждают, что современный суверенитет все теснее связывается с устойчивостью платежной инфраструктуры, защитой денежного пространства, качеством налогового администрирования и цифровой зрелостью государственных институтов.

Следовательно, ключевой вывод статьи состоит в том, что развитие финансового суверенитета определяется не изолированным действием отдельных институтов, а степенью сопряженности экзогенно заданных правил и эндогенно сформировавшихся практик их реализации. Там, где такая сопряженность достигается, государство получает реальную способность сохранять автономию финансовых решений и обеспечивать устойчивость развития; там, где она нарушается, возрастают институциональные ловушки, инфраструктурная зависимость и уязвимость перед внешними шоками.

Список источников

1. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 22.04.2026).
2. Аузан А. А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2019. – №. 6. – С. 12-19.
3. Единый налоговый счет (ЕНС) // ФНС России. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/ens/> (дата обращения: 27.04. 2026)
4. Итоги деятельности ФНС России за 2025 год [Электронный ресурс] – URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/itog_2025.pdf (дата обращения: 27.04. 2026)
5. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина. – 3-е издание, переработанное, расширенное и иллюстрированное. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2014. – 468 с. – EDN TTDPAN
6. Общественный совет при Федеральном казначействе одобрил итоги работы ведомства за 2025 год и ключевые направления на перспективу // Общественный совет при Федеральном казначействе. [Электронный ресурс] URL: <https://os.roskazna.gov.ru/news/obschestvennyy-совет-pri-federalnom-kaznacheystve--1> (дата обращения: 27.04. 2026)
7. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов // Министерство финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=314027-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2026_god_i_na_planovyi_period_2027_i_2028_godov (дата обращения: 27.04. 2026)
8. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // Банк России. [Электронный ресурс] URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/180751/on_2026%282027-2028%29.pdf (дата обращения: 27.04. 2026)
9. Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025–2027 годов // Банк России. [Электронный ресурс] URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170680/onrmps_2025-27.pdf (дата обращения: 27.04. 2026)
10. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // Банк России. [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf (дата обращения: 27.04. 2026)
11. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). – 1999. – Т. 35. – №. 2.
12. Annual Economic Report 2025 // Bank for International Settlements [Электронный ресурс] URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.pdf> (дата обращения: 27.04. 2026)
13. G20 Roadmap for Enhancing Cross-border Payments: Consolidated progress report for 2025 [Электронный ресурс] URL: <https://www.fsb.org/uploads/P091025-1.pdf> (дата обращения: 27.04. 2026)

14. Global Financial Stability Report, April 2025: Enhancing Resilience amid Uncertainty [Электронный ресурс]
URL: <https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/04/22/global-financial-stability-report-april-2025>
(дата обращения: 27.04. 2026)
15. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance //Cambridge Univ Pr. – 1990.
16. North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. – Cambridge University Press, 2009.
17. OECD (2025), Tax Administration Digitalisation and Digital Transformation Initiatives, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/c076d776-en>
18. Shastitko A., Ménard C. Discrete institutional alternatives: Theoretical and policy issues (Celebrating the 80th anniversary of Ronald Coase's "Nature of the Firm") //Russian Journal of Economics. – 2017. – Т. 3. – №. 2. – С. 200-220.
19. The Eurosystems comprehensive payments strategy [Электронный ресурс]
URL:<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/ecb.eurosystemcomprehensivepaymentsstrategy202603.en.pdf>
(дата обращения: 27.04. 2026)

УДК 338.3

ЦИФРОВОЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Пайтаева К.Т.,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Учёт, анализ и аудит в цифровой экономике»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
e-mail: kometa_1972@mail.ru

Накаева М.С.,

магистрант профиля «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Темирсултанова З.А.,

магистрант профиля «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. Эффективное управление бизнесом в современной рыночной экономике невозможно без надежной и актуальной финансовой информации. Финансовая отчетность является важнейшим источником такой информации. Она дает представление о финансовом положении компании на конкретный момент времени, определяет структуру её активов и источники финансирования, а также позволяет оценить финансовую стабильность и гибкость.

На основе информации, содержащейся в финансовой отчетности, руководители, инвесторы, кредиторы и другие заинтересованные стороны принимают управленческие и экономические решения для улучшения показателей деятельности компании.

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что современные компании работают в высококонкурентных, нестабильных и постоянно меняющихся рыночных условиях. Эффективное управление бизнесом требует надежной и актуальной информации о финансовом состоянии организации, структуре её активов и источниках дохода.

Ключевые слова: финансовое состояние, результаты деятельности, цифровая трансформация, финансовый анализ, модели коммуникации.

A DIGITAL APPROACH TO ASSESSING THE FINANCIAL CONDITION OF AN ENTERPRISE

Paytaeva K.T.,

candidate of economic sciences, associate Professor
Department «Accounting, analysis and audit in the digital economy»,
Kadyrov Chechen State University

Nakaeva M.S.,

master student, profile «Accounting, analysis and audit»
Kadyrov Chechen State University

Temirsultanov Z.A.,

master student, profile «Accounting, analysis and audit»
Kadyrov Chechen State University

Abstract. Effective business management in a modern market economy is impossible without reliable and up-to-date financial information. Financial statements are a vital source of such information. They provide insight into a company's financial position at a given point in time, define its asset structure and funding sources, and enable assessment of financial stability and flexibility.

Based on the information contained in financial statements, executives, investors, creditors, and other stakeholders make management and economic decisions to improve company performance.

The relevance of this research topic lies in the fact that modern companies operate in a highly competitive, unstable, and constantly changing market environment. Effective business management requires reliable and up-to-date information on the organization's financial position, asset structure, and revenue sources.

Keywords: financial position, performance, digital transformation, financial analysis, communication models.

В периоды экономической нестабильности или финансовых трудностей обостряется необходимость в анализе и прогнозировании финансового состояния организации.

В сегодняшней обстановке первостепенное значение имеет раннее выявление негативных тенденций в развитии бизнеса, потому что оперативное применение лучших практик для анализа финансовой стабильности и прогнозирования банкротства позволяет предотвратить развитие неблагоприятных векторов бизнеса.

Исследование финансового состояния и результатов деятельности организации представляет собой важнейшую задачу как с научной, так и с практической точки зрения.

Аналитические процедуры играют основную роль в выполнении задач по обеспечению платежеспособности и ликвидности предприятия. С их помощью изучается и оценивается обеспеченность предприятия оборотным капиталом, текущее состояние расчетов, способность финансировать перспективные виды деятельности, а также обзор механизмов обеспечения финансовой стабильности.

Изучение финансового положения составляет основу финансовой политики компании. Всякая деятельность представляет собой ряд бизнес-процессов. Информационные ресурсы являются основополагающими для успешного управления любой социально-экономической системой. Поэтому в экономической системе, основанной на свободной конкуренции и независимости, надежная информация имеет важное значение для принятия своевременных управленческих, инвестиционных и финансовых решений.

Чтобы хорошо управлять бизнесом, необходимо уметь хорошо анализировать ситуации. Поэтому некоторые управленческие решения должны быть совместимы с целями, установленными для организации, на основе данных, которые подкреплены реальными аргументами и описывают текущее состояние компании. Для получения этих данных и проводится анализ финансового положения.

Следует отметить, что язык экономики становится все более математическим, и сама экономика чаще рассматривается как одна из самых математических наук.

Система финансового менеджмента организации включает в себя функции планирования, регулирования, контроля и финансового анализа. Финансовый анализ помогает принимать обоснованные решения о финансовой стратегии компании, оценке её инвестиционной привлекательности и прогнозировании будущих финансовых результатов.

В сегодняшних реалиях основными задачами финансового анализа коммерческой организации являются проведение факторного анализа для выявления изменений и изучение влияния каждого фактора на результирующий показатель.

Финансовое состояние проявляется в платежеспособности организации, способности вовремя выполнять обязательства перед поставщиками, сотрудниками, кредиторами и бюджетом.

В рыночных условиях конкурентоспособность и платежеспособность компании определяются её денежной системой и общим финансовым положением. Денежная система компании формируется производственной и финансовой деятельностью.

Основной целью стратегических и операционных мероприятий является укрепление капитальной базы, повышение доходности активов и снижение финансовых рисков.

Финансовое планирование в сочетании с прогнозированием является важнейшим аспектом развития предприятия.

Большая часть финансирования предпринимательской деятельности приходится на собственный капитал, а главная цель любого бизнеса – максимизация прибыли, поэтому поиск резервов для увеличения финансовых результатов выступает основной задачей руководства компании.

Ученые-экономисты в большинстве случаев определяют прибыль как компенсацию предпринимателя за риск с учётом различных факторов.

С недавнего времени производственно-финансовые взаимоотношения хозяйствующих субъектов нацелены на активное использование информационно-коммуникационных технологий и способов взаимодействия.

Это привело к созданию так называемой «цифровой» экономики, основанной на финансовых технологиях, сетевых сервисах, электронных методах взаимодействия бизнес-партнёров.

В новейшем контексте обозначенные тенденции дополняются цифровизацией, подразумевающей виртуализацию и информатизацию, и поддерживаемой равномерной ИТ-инфраструктурой и соответствующими компетенциями пользователей [1].

Таким образом, новые технологические разработки влияют на методы и средства обмена информацией о деятельности экономических субъектов между заинтересованными пользователями.

Цифровые изменения коренным образом меняют экономику. Цифровая трансформация – это не только модернизация отдельных процессов, но и изменение бизнес-моделей.

Цифровая трансформация привела к появлению огромных массивов данных о клиентах, операциях, рынке и сотрудниках [2]. Цифровые инвестиции требуют тщательного планирования и анализа, чтобы избежать финансовых потерь, так как не каждый может позволить себе большие инвестиции в цифровые технологии.

Следует отметить, что инвестиции в непрерывное обучение не являются затратами для экономических операторов, а выступают стратегическим инструментом управления рисками. Успех цифровой трансформации зависит в первую очередь от эффективного управления организационными изменениями, что требует опыта, стратегии и навыков со стороны высшего руководства.

Успешные изменения возможны только через системный подход, сочетающий технологическую модернизацию, фундаментальное обновление и создание новых экономических моделей.

Основными движущими силами этого изменения являются ускорение технологических изменений, глобализация рынков труда и индивидуализация поведения потребителей, что создаст новые сегменты спроса, ориентированные на преемственность, полезность и гибкость.

Таким образом, цифровая экономика, сформированная на основе данных, алгоритмов и платформенных решений, требует обучения людей эффективному функционированию в новых условиях, одновременно предоставляя инструменты для фундаментально изменяющихся бизнес-процессов. Следовательно, значительно возрастают инвестиции в профессиональную подготовку персонала.

Успех цифрового преобразования управления определяется способностью организации создавать целостную экосистему – от надежной инфраструктуры до разумных и ответственных способов использования ежедневных аналитических данных.

Управление, опирающееся на использование больших данных, переходит от тенденции к обязательному требованию для предприятий и организаций, стремящихся оставаться конкурентоспособными.

Классические системы управления, созданные на периодической отчетности и управленческом опыте, часто не могут быстро реагировать на динамические изменения и выявлять скрытые взаимосвязи.

В этих обстоятельствах анализ финансовых отчетов заключается в переводе существующих исходных данных в аналитические выводы. Финансовое положение может быть проанализировано с точки зрения целей или типа решений, которые необходимо принять на основе полученных результатов в краткосрочной или долгосрочной перспективе.

Целью анализа является оценка финансовой независимости компании, адекватности имеющегося капитала и возможности избежать кредитных заимствований. Вопросы повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности предприятия связаны с прозрачностью отчётности.

Финансовый анализ остается краеугольным камнем стратегического планирования, но его методы должны быть углублены. [3] На сегодняшний день основными задачами финансового анализа являются:

- проведение факторного анализа для определения воздействия каждого фактора на результат;
- создание резервов для роста эффективности финансово-хозяйственной деятельности;
- подготовка и реализация управленческих решений;
- обеспечение финансовой стабильности и благополучия организации.

Он позволяет выявить сильные и слабые стороны деятельности, оценить результаты финансовых операций, определить резервы повышения эффективности и финансовой устойчивости. Иными словами, это «зеркало» всех процессов, происходящих внутри анализируемой организации, начиная от соотношения активов и пассивов вплоть до степени ликвидности и уровня рентабельности.

Показатели финансового благополучия (платежеспособность, ликвидность и др.) применяются как для анализа эффективности привлечения средств и инвестиций, так и в целях оценки имиджа компании по мере того, как они генерируют и управляют активами и источниками финансирования, чтобы отразить способность организации управлять.

С целью создания предпосылок для устойчивого развития, активизации предпринимательства, обеспечения постоянного поступления, грамотного распределения и выбора наиболее выгодного варианта инвестирования своих средств, проведение аналитических процедур может осуществить как само предприятие, так и сторонняя специализированная организация.

Ключевым признаком нормальной финансовой устойчивости является сбалансированная структура капитала, достаточный уровень ликвидности и контролируемая зависимость от заемных источников финансирования.

Необходимо отметить нарастающий уровень значимости современных финансовых технологий и моделей коммуникаций, которые обеспечивают простоту восприятия финансовой информации и её четкую экономическую логику, так как производственно-финансовые взаимоотношения хозяйствующих субъектов развиваются в направлении все большего использования электронных технологий и способов взаимодействия.

С финансовой точки зрения хозяйствующий субъект можно анализировать как интегрированную систему, способную генерировать деньги.

Важнейшим показателем стабильности финансово-хозяйственной деятельности предприятия является его платежеспособность.

Выручка выступает источником экономических ресурсов и систематического поступления денежных средств, которые служат основой для формирования различных видов прибыли.

Целью составления финансовой отчетности является предоставление информации о финансовом состоянии, денежных потоках, результатах деятельности организации.

Бухгалтерская отчетность выступает инструментом управленческого анализа. Поскольку пользователи принимают решения на основе бухгалтерской финансовой отчетности, это является зоной ответственности некоторых менеджеров.

Следовательно, часто с учетом показателей финансовой отчетности связывают критерии эффективности деятельности менеджмента компании, отсюда и их желание работать именно на отчетный результат.

Бухгалтерская финансовая отчетность занимает главное место в системе информационного обеспечения финансового анализа и одно из первостепенных в системе информационного обеспечения управленческого анализа.

Современная экономика переживает период глубинной трансформации, подвижной взаимовлиянием технологических прорывов, демографических сдвигов, изменений на рынке труда и новой геополитической реальности.

Подробный анализ финансового состояния компании выступает одним из элементов успеха бизнеса. Финансовое состояние компании – это её способность нормально функционировать за счёт финансовых ресурсов.

Использование программных продуктов значительно ускоряет и улучшает эффективность работы организации в области бухгалтерского учёта и экономического анализа, обеспечивает наличие взаимосвязанных информационных систем, помогает сократить ежедневные операции и избежать непредвиденных ошибок.

Список источников

1. Анопченко Т.Ю., Пайтаева К.Т. Концепция расширенного воспроизводства ресурсного потенциала современного университета в условиях цифровизации // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2022. № 4 (48). – С. 6–15.
2. Амиралиева Д.М., Гаджимурадова Л.А., Пайтаева К.Т. Интеграция современных подходов к принятию управленческих решений в систему организационного поведения в условиях цифровой трансформации// Проблемы рыночной экономики. 2025. № 4. – С. 6–15.
3. Беликова И.П., Пайтаева К.Т., Сергиенко Е.Г. Стратегическое планирование в эпоху турбулентности: комплексный анализ внутренней и внешней среды как основа устойчивого развития предприятия// Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 9 (179). – С. 299–308.

УДК 330.35.01; 338.1; 332.122;

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ УСТОЙЧИВОСТИ

Ильясов Р.Х.,

*д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой учёта, анализа и аудита в цифровой экономике
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: ilyasov_95@mail.ru*

Чажаяев М.И.,

*канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой
государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: mchajayev@mail.ru*

Мусаева Х.М.,

*ассистент кафедры экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: head_musaeva_997@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются различные типы экономической устойчивости аграрно-ориентированного и промышленно-ориентированного регионов к глобальным кризисам на примере Чеченской Республики и Тульской области. Исследование предлагает оценивать экономическую устойчивость путем сопоставления предкризисных тенденций производства ВРП двух регионов с реальными изменениями, происходящими под воздействием кризисов. Анализ этих изменений позволяет определить типы устойчивости регионов с разной экономической специализацией. В качестве основного индикатора региональной устойчивости к кризисам предлагается использовать динамику производства ВРП. Для выявления изменений в динамике ВРП, вызванных кризисами, в работе применяется комбинированный эконометрический подход, включающий моделирование тренда методом наименьших квадратов и кубическую сплайн-интерполяцию. Проведенный анализ показал, что экономическая устойчивость является комплексным понятием, включающим как способность региональной экономики к сопротивлению кризисам, так и резильентность – способность адаптироваться к шоковым изменениям конъюнктуры и быстро восстанавливаться в посткризисном периоде. Были обнаружены значительные расхождения в устойчивости экономики аграрно-ориентированного и промышленно-развитого регионов России к кризисам. Анализ динамики ВРП позволил выделить два типа устойчивости региональной экономики – устойчивость сопротивления на начальном этапе кризиса и адаптивную устойчивость к посткризисному восстановлению экономического роста.

Ключевые слова: региональная экономика, кризис, устойчивость, сопротивление, адаптивность.

REGIONAL ECONOMY UNDER THE IMPACT OF GLOBAL CRISES: A STUDY OF SUSTAINABILITY TYPES

Ilyasov R.Kh.,

*Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the
Department of Accounting, Analysis, and Audit in the Digital Economy,
Kadyrov Chechen State University*

Chajayev M.I.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of State and Municipal Administration,
Kadyrov Chechen State University*

Musaeva H.M.,

*Assistant of the Department of Economics
and Economic Security of Industries and Enterprises,
Kadyrov Chechen State University*

Annotation. The article examines various types of economic resilience of agrarian-oriented and industrial-oriented regions to global crises using the example of the Chechen Republic and the Tula Region. The study suggests assessing economic sustainability by comparing the pre-crisis GRP production trends of the two regions with the real changes

taking place under the influence of the crises. The analysis of these changes makes it possible to determine the types of sustainability of regions with different economic specialization. It is proposed to use the dynamics of GRP production as the main indicator of regional resilience to crises. To identify changes in the dynamics of GRP caused by crises, the work uses a combined econometric approach, including least squares trend modeling and cubic spline interpolation. The analysis showed that economic sustainability is a complex concept that includes both the ability of the regional economy to resist crises and resilience – the ability to adapt to shock changes in the market and recover quickly in the post-crisis period. Significant discrepancies were found in the resilience of the economies of the agrarian-oriented and industrialized regions of Russia to crises. The analysis of GRP dynamics allowed us to identify two types of stability of the regional economy – resistance resistance at the initial stage of the crisis and adaptive resistance to the post-crisis recovery of economic growth.

Keywords: regional economy, crisis, sustainability, resistance, adaptability.

Введение. Экономическая устойчивость к кризисам тесно связана со сбалансированностью видов экономической деятельности регионов. Исследования, оценивающие и оптимизирующие отраслевую структуру регионов, ее воздействие на устойчивость экономического роста, имеют важное значение. Регионы России заметно различаются по многим параметрам – географическому расположению, демографическим тенденциям, структуре экономики, уровню развития межрегиональной и внешней торговли и др. Устойчивость экономического роста к различным типам глобальных кризисов может проявляться по-разному для регионов, отраслевая структура которых недостаточно сбалансирована, в которой заметно преобладает один из видов экономической деятельности – доля сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающего производства или других видов экономической деятельности. В статье исследуется проявление различных типов экономической устойчивости двух регионов, в отраслевой экономической структуре одного из которых преобладает доля сельского хозяйства, а в структуре другого региона – доля обрабатывающего производства.

В последние два десятилетия экономика регионов неоднократно сталкивалась с негативными последствиями глобальных кризисов. Международные потрясения, включая финансовые кризисы, политическую нестабильность и пандемию Covid-19, создают серьезные вызовы для социально-экономических систем по всему миру, воздействуя и на динамику экономического роста регионов. Так, мировой финансовый кризис 2008 года подорвал устойчивость не только глобальной экономической архитектуры, но и оказал заметное воздействие на экономические тенденции в регионах России. Усиление финансовой и экономической изоляции России в 2014 году, совпавшее с падением цен на нефть, также замедлило тенденции экономического роста многих регионов. Пандемия Covid-19, начавшаяся в конце 2019 года, оказала экстремальное давление на экономическую устойчивость экономики регионов, ограничив не только межрегиональное экономическое взаимодействие; введение социального дистанцирования снизило и внутрирегиональную экономическую активность по многим видам деятельности. Наиболее острым проявлением кризиса на региональном уровне становится угроза продовольственной безопасности, нарушающая причинно-следственную связь между производством, переработкой, распределением и потреблением продукции сельского хозяйства. В этом смысле становится очевидной роль сбалансированности региональной экономики, в частности, оптимизации сельскохозяйственной и обрабатывающей отраслей. Исследование устойчивости региональной экономики актуально; ее оценивание на примере регионов с недостаточно сбалансированной структурой экономики позволит лучше оценивать потенциал сопротивления и адаптации к кризисам различной природы.

Обзор литературы. Проблемы устойчивости региональных экономических систем к кризисам остаются в центре внимания научного сообщества, что подтверждается значительным объемом опубликованных исследований. Экономическую устойчивость часто связывают со способностью региональных экономических систем поглощать потрясения, нейтрализуя или минимизируя негативные эффекты. Этот тип устойчивости возникает, если региональная экономика обладает потенциалом снижения последствий кризиса. Например, наличие сбалансированной и гибкой структуры экономики может выступать инструментом

поглощения и нейтрализации негативных потрясений, затрагивающих определенный вид экономической деятельности. Сбалансированность и адаптивность экономической структуры позволяют с большей эффективностью нивелировать негативное воздействие кризиса перераспределением ресурсов между экономическими секторами. Очевидно, воздействие кризиса выводит региональные экономические системы из равновесия, при этом скорость возвращения к некоторому новому равновесию после внешнего шока определяет адаптивную устойчивость региональной экономики. Неспособность к адаптации или недостаточно быстрая адаптация к кризису приводит к неэффективному распределению ресурсов в региональной экономике – к незанятости ресурсов в одних секторах экономики и к их дефициту в других секторах.

Современные изыскания в данной области преимущественно развиваются по трем ключевым векторам. Первый вектор направлен на анализ международных кризисов. Вторым вектором посвящен разработке методологии определения и количественной оценки экономической устойчивости регионов. Третьим вектором исследует корреляцию между социально-экономическими характеристиками региональной экономики и ее устойчивостью к кризисам [19]. В настоящей работе исследуется способность региональной экономики противостоять и адаптироваться к кризисам, произошедшим за последние два десятилетия. Для достижения этой цели необходимо провести разграничение кризисов по причинам их возникновения и каналам распространения. Существующие исследования предлагают различные подходы к классификации кризисов. Так, ряд авторов [11, 16] выделяет экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические кризисы, исходя из первопричин их возникновения. Другие исследователи [8, 10] предлагают классифицировать кризисы по степени их воздействия на логистические цепочки.

В контексте управления экономическими системами кризис определяют как событие с низкой вероятностью возникновения, но высоким уровнем последствий [15]. Другие исследователи [20] рассматривают кризис как проявление внешних макроэкономических условий, характеризующихся непрерывными, резкими, влиятельными и непредсказуемыми изменениями. Часто кризисы проявляются в виде экзогенных шоков – неожиданных и непредсказуемых событий, способных вызвать существенные сбои на микро-, мезо- и макроэкономических уровнях [7, 14]. К таким шокам относятся природные катаклизмы, эпидемии, финансовые обвалы, рецессии, валютные колебания, а также военные и политические конфликты. Кризисные явления могут серьезно подорвать не только стабильность глобальной экономики, но и распространяться на региональный уровень, нарушая производство, логистику и многие другие параметры экономической системы.

Понятие устойчивости прошло долгий путь развития. Изначально оно было сформулировано в контексте функционирования экологических систем [9], где объяснялась разница между устойчивостью и стабильностью. Позднее, в работе о стихийных бедствиях [6], устойчивость была определена как способность системы готовиться, планировать, восстанавливаться и успешно адаптироваться к неблагоприятным событиям, то есть сопротивляться кризисам и восстанавливаться после их пика. Перенос этих идей в экономику связывают с развитием концепции региональной экономической устойчивости [12], в которой выделяют три ее типа: инженерную (способность противостоять шокам и возвращаться к исходному состоянию), экологическую (способность поглощать возмущения и переходить к новому равновесию) и эволюционную (способность адаптироваться и трансформироваться для устойчивого развития). В современном понимании экономическая устойчивость – это способность страны или региона поддерживать экономическую стабильность и потенциал роста в условиях различных потрясений. При этом высокая устойчивость не просто возвращает региональную экономику к докризисному состоянию, но и способствует ее структурной трансформации и достижению более высокого уровня развития [17].

Методы исследования. В настоящей работе предложен и апробирован метод определения типа экономической устойчивости, основанный на сравнении траекторий экономического роста, сформировавшихся в предкризисный период, с реальными

изменениями в динамике экономических процессов, наблюдаемыми в ходе кризисов и на этапе посткризисного восстановления. Такой сравнительный анализ изменений в тенденциях, спровоцированных кризисами, позволяет определить уникальные характеристики устойчивости для регионов с заметно различающейся структурой экономики. В качестве основного экономического показателя, отражающего способность региональной экономики противостоять или адаптироваться к кризисам, предлагается использовать динамику среднедушевого ВРП. Это обеспечит сопоставимость данных и минимизирует демографические различия регионов. Эмпирической базой исследования выбраны данные [5] о среднедушевом производстве ВРП в Чеченской Республике и Тульской области с 2009 по 2023 годы (рис. 1).

Для исследования типов устойчивости, проявляющихся к воздействию кризисов, предлагается сравнивать реальную динамику ВРП регионов с тенденциями, сложившимися до наступления кризиса. Аналитическое моделирование тенденции (тренда) предлагается выполнять сглаживанием эмпирических данных методом наименьших квадратов (МНК). Экстраполяция тренда позволит сопоставить прогнозируемые объемы производства ВРП регионов с их реальными объемами. Для аналитического описания фактической динамики исследуемого показателя предлагается высокоэффективный эконометрический подход – интерполяция кубическим сплайном. Данный метод обеспечивает построение кривой, которая точно проходит через все узловые точки эмпирических данных, минимизируя отклонения до нуля [1–3].

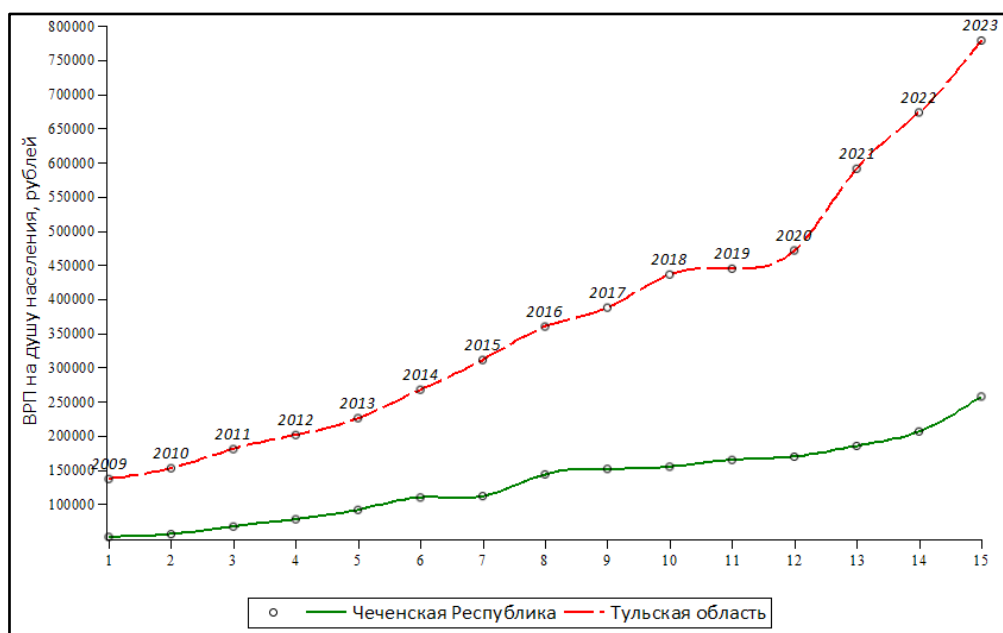

Рисунок 1. Динамика производства ВРП в среднем на душу населения в Чеченской Республике и в Тульской области

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

Комплексное применение традиционных эконометрических подходов, таких как моделирование тренда МНК и интерполяция кубическим сплайном, создает релевантную задаче исследования типов устойчивости региональной экономической динамики аналитическую базу.

Основная часть. Для диагностирования типов устойчивости, проявляющихся в региональной экономике под воздействием кризисов, исследуем динамику производства ВРП в двух регионах, с заметно различающейся отраслевой структурой – Чеченской Республике и Тульской области (рис. 2). Динамика ВРП является ключевым экономическим показателем, определяющим стратегию развития региона, влияющим на тенденции его социально-

экономического развития; в ней проявляется и устойчивость региональной экономики к кризисам. Объемы производства ВРП на душу населения в Тульской области в 2023 году составили 778,4 тыс. руб., превысив по этому показателю Чеченскую Республику в 3 раза (257,4 тыс. руб.), но при этом оставаясь ниже средних по регионам России на 27% (1073,7 тыс. руб.). Обрабатывающие производства заметно преобладают в отраслевой структуре Тульской области, формируя почти половину (43,9%) ВРП. В то же время в экономике региона добывающая промышленность (0,8%) и сельское хозяйство играют относительно малую роль. Напротив, Чеченская Республика является аграрно-ориентированным регионом – на долю сельского хозяйства в структуре ВРП здесь приходится 10,8%, в то время как обрабатывающие производства занимают всего 2,4%. Также, как и в Тульской области, добыча полезных ископаемых в регионе занимает незначительную долю – менее 1%. Анализ отраслевой структуры ВРП позволяет определить экономику Тульской области как промышленно развитую, а экономику Чеченской Республики как аграрно-ориентированную.

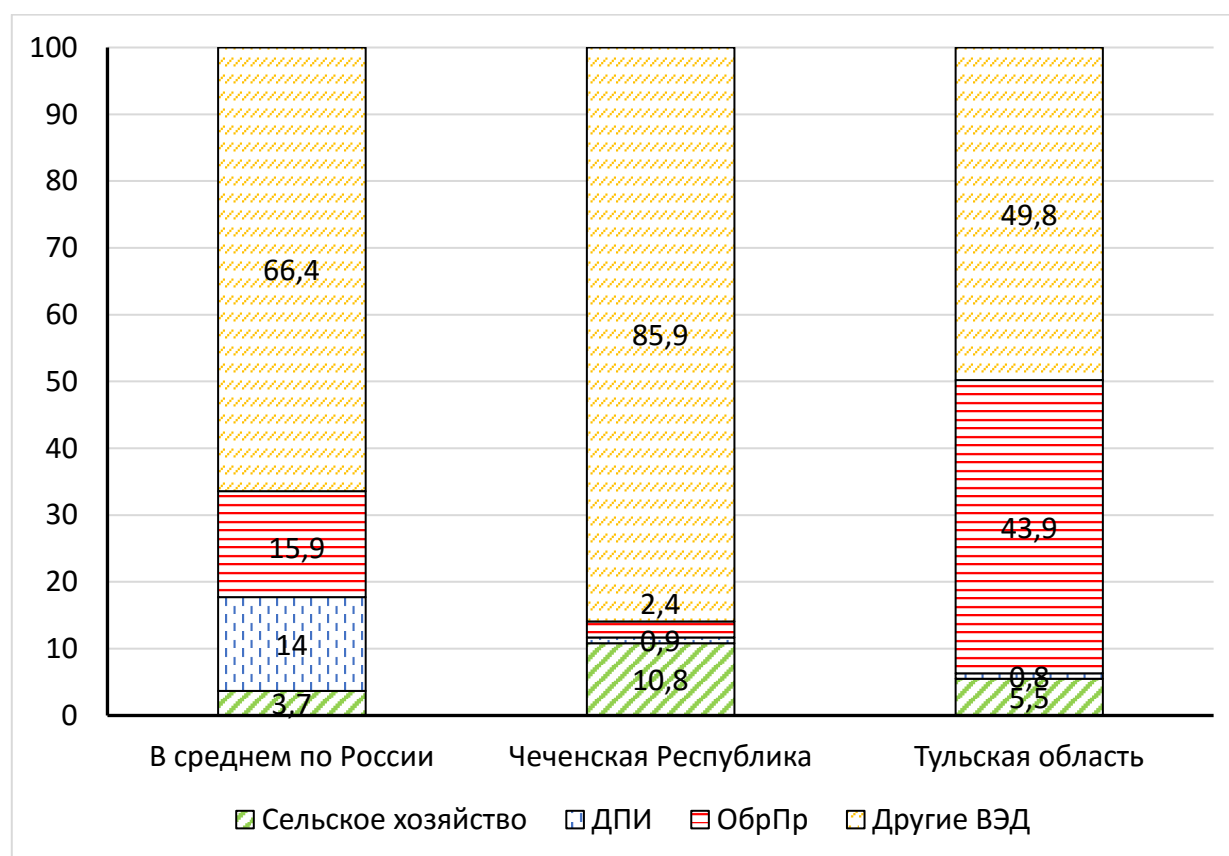

Рисунок 2. Отраслевая структура ВРП в среднем по регионам России, в Чеченской Республике и в Тульской области в 2023 г., %

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

В динамике производства ВРП с 2009 по 2023 гг. отражаются реакции на два кризиса – валютный кризис 2014 года и кризиса Covid-19. С 2009 года среднедушевые объемы производства ВРП в Чеченской Республике увеличивались с небольшим ускорением вплоть до наступления кризиса в 2014 году (рис. 3). Небольшая продолжительность этого интервала времени и наличие ускорения в динамике производства ВРП позволяют моделировать его тенденцию параболическим трендом: $LSM1_GRP_CHR = 1430.321t^2 + 1578.11t + 48495.94$ (1).

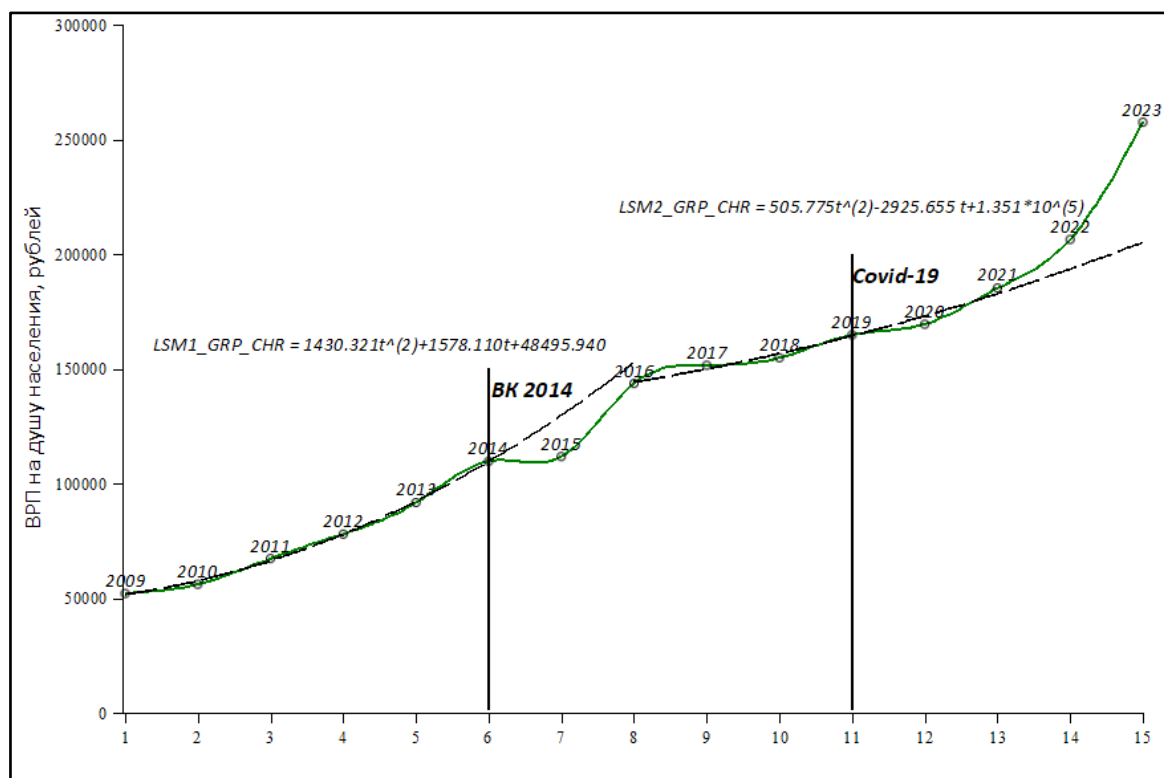

Рисунок 3. Воздействие кризисов на тенденции среднедушевого производства ВРП в Чеченской Республике. Сравнение кривой кубического сплайна с тенденциями, моделируемыми параболическим трендом

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

Уравнение тренда (1), смоделированное по данным с 2009 по 2014 годы, демонстрирует рост производства среднедушевого ВРП в Чеченской Республике со средним ускорением, равным удвоенному коэффициенту при старшей степени ($2 \cdot 1430,321 = 2860,642$) – в среднем на 2860 рублей ежегодно. Сочетание экономических санкций и резкого падения мировых цен на нефть в 2014 году привело к валютному кризису в России [18]. Последствия этого кризиса отразились и в динамике производства ВРП в Чеченской Республике: в 2015 году среднедушевые объемы производства ВРП в регионе оказались меньше прогнозируемых объемов на 17 923,4 рубля или на 14%. В посткризисном 2016 году объемы производства ВРП заметно увеличились, приблизившись к прогнозируемым трендом (1) значениям. В дальнейшем объемы производства ВРП в регионе стали расти с меньшим по сравнению с предкризисным периодом ускорением: $LSM2_GRP_CHR = 505.775t^2 - 2925.655t + 1.351 \cdot 10^5$ (2). После валютного кризиса 2014 года в экономике России началось «...формирование новой макроэкономической (включая характер денежно-кредитной политики и потенциал экономического роста) и институциональной моделей роста, изменение роли отдельных экономических секторов», которое повлияло и на отраслевую структуру экономики регионов [13]. Таким образом, можно заключить, что экономика Чеченской Республики проявила умеренную адаптивную устойчивость к валютному кризису 2014 года, демонстрируя способность посткризисного восстановления, хотя и ниже прогнозируемого предкризисной тенденцией уровня.

Пандемия Covid-19, начавшаяся в конце 2019 года, оказала экстремальную нагрузку на экономическую устойчивость большинства регионов России. В отличие от Валютного кризиса 2014 года, причиной рецессии 2020 года было не санкционное давление или длительное накопление системных проблем в экономике регионов, а введенные почти одновременно ограничения мобильности населения и транспортировки товаров. Нарушение глобальных цепочек поставок не привело в 2020 году к падению объемов производства ВРП в Чеченской

Республике. По сравнению с прогнозируемым на 2020 год параболическим трендом (2) значением, абсолютное снижение среднедушевого ВРП составило всего 3536 рублей или 2%. При этом по сравнению с 2019 годом сохранился заметный рост среднедушевого ВРП в регионе. Смягчение требований о социальном дистанцировании в 2021 году возобновило рост среднедушевого ВРП с заметным ускорением. В 2020 году экономика Чеченской Республики продемонстрировала высокую устойчивость сопротивления кризису Covid-19.

Как показывает анализ, в динамике производства ВРП в Тульской области с 2009 по 2023 годы отразилось воздействие только одного кризиса – пандемии Covid-19 (рис. 4). Валютный кризис 2014 года не оказал заметного воздействия на экономику промышленно-ориентированного региона. Отсутствие заметных колебаний позволяет моделировать тенденцию производства ВРП Тульской области с 2009 по 2019 годы кривой одного тренда: $LSM3_GRP_TUL = 946.947t^2 + 22234.698t + 1.052 \cdot 10^5$ (3). Анализ кривых показывает, производство ВРП в Тульской области во время валютного кризиса 2014 года сохранило рост, превысив, хотя и незначительно, прогнозируемые трендом (3) значения. Таким образом, можно заключить, что экономика Тульской области проявила высокую устойчивость сопротивления кризису 2014 года. Сохранение устойчивого роста ВРП региона в 2015-м и в последующие годы было обусловлено в основном деятельностью промышленного сектора. Исторически сложившаяся специализация региональной экономики как «оружейной столицы» оказалась драйвером роста в условиях повышения геополитической напряженности вокруг России.

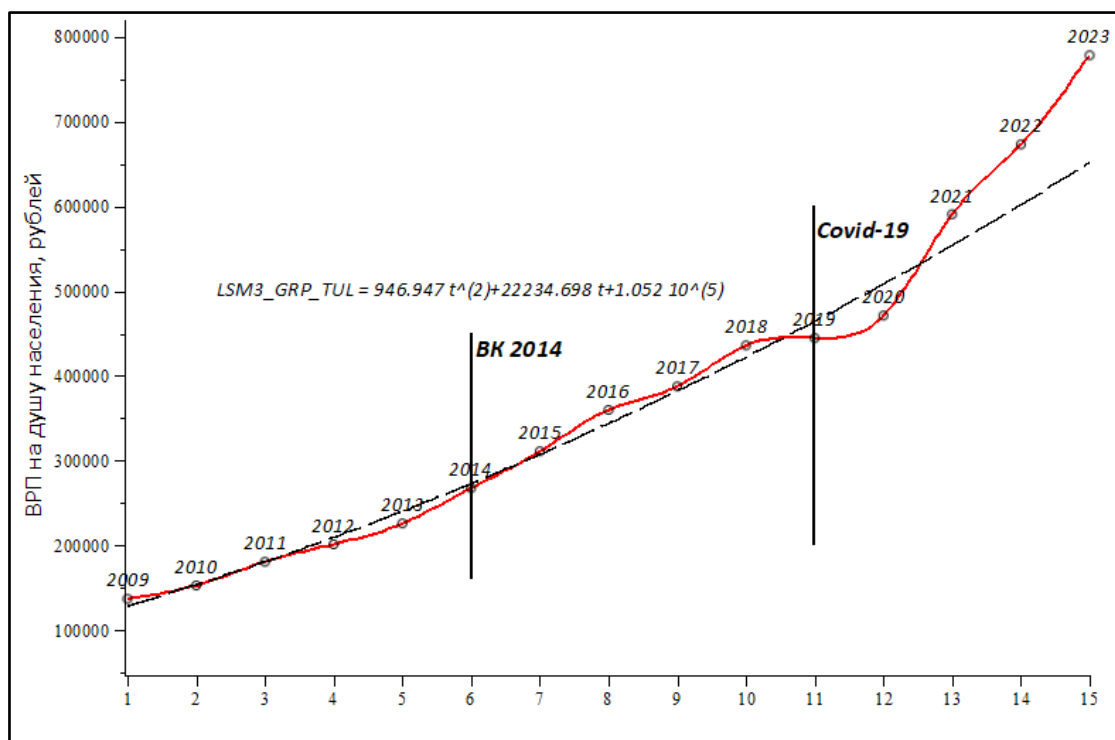

Рисунок 4. Воздействие кризисов на тенденции среднедушевого производства ВРП в Тульской области. Сравнение кривой кубического сплайна с тенденциями, моделируемыми параболическим трендом

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

Несмотря на введенные в начале 2020 года меры социального дистанцирования и ограничения межрегионального экономического взаимодействия, динамика производства ВРП в Тульской области относительно предыдущего года сохранила рост, достигнув уровня 471,2 тыс. рублей на человека. Факторами положительного роста послужили промышленная ориентированность экономики региона, менее критичная к локдаунам, чем сфера услуг, а также государственная поддержка предприятий оборонно-промышленного комплекса. Тем не

менее, относительно прогнозируемого трендом (3) уровня, объемы среднедушевого производства ВРП в Тульской области в 2020 году оказались ниже на 37 070 рублей, или на 7% ниже в относительном выражении. В посткризисном 2021 году произошло быстрое восстановление роста ВРП региона, не только превысившее прогнозируемое докризисной тенденцией значение, но и компенсировавшее падение среднедушевого ВРП во время пандемии Covid-19. В этот период экономика Тульской области проявила особенный тип устойчивости – высокую адаптивную устойчивость, «... позволяющую экономике не только восстановиться до состояния, предшествовавшего шоку, но и, благодаря внутренним корректировкам и внешней адаптации, потенциально достичь улучшенной экономической структуры и более высокого уровня развития» региональной экономики [17].

Выводы. Сочетание моделей классической и «новой» эконометрик позволило исследовать различные типы экономической устойчивости регионов к кризисам – устойчивость сопротивления, проявляющуюся в начале кризиса, и два типа адаптивной устойчивости посткризисного восстановления – восстанавливающую тенденцию роста и компенсирующую негативное воздействие кризисов.

Анализ показывает, что устойчивость региональной экономики определяется не только способностью противостоять рискам во время развития кризисов, но и способностью быстро восстанавливаться после потрясений. Более того, существуют значительные различия в устойчивости сопротивления кризисам регионов с развитой промышленностью и аграрно-ориентированной экономикой, а также в способности адаптивного посткризисного восстановления.

Результаты некоторых исследований приводят «...к выводу о большей уязвимости к финансовым шокам регионов с большей долей промышленности и строительства в отраслевой структуре экономики» [4]. Выполненный анализ показал, напротив, меньшую уязвимость промышленно-развитой Тульской области к валютному кризису 2014 года по сравнению с аграрно-ориентированной экономикой Чеченской Республики. Устойчивость к кризису, вызванному пандемией Covid-19, оказалась более высокой в Чеченской Республике, чем в промышленно развитой Тульской области. М.Ю. Малкина объясняет это «...более высоким уровнем бюджетной поддержки» региона [4].

Выполненный анализ развивает эконометрические методы, наполняя известные теоретические исследования экономической устойчивости практическими результатами, основанными на изучении региональной экономической динамики. Построенные сплайн-модели позволили найти количественно оцениваемые и графически наблюдаемые параметры трех типов устойчивости к кризисам: устойчивости сопротивления в начале кризиса, адаптивной устойчивости восстановления предкризисного роста и устойчивости адаптивного перехода к более быстрому росту.

Список источников

1. Вертакова Ю.В. Макрорегиональный динамический анализ экономического роста и углеродных выбросов с применением сплайн-моделирования (на примере России и США) / Ю.В. Вертакова, Р.Х. Ильясов, В.А. Плотноков. Текст: непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 1. – С. 154–166.
2. Ильясов, Р.Х. Воздействие кризисов на тенденции роста ВВП в России и США: сплайн-анализ / Р.Х. Ильясов, Э.А. Гатина. Текст: непосредственный // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 53. – С. 24–32.
3. Ильясов Р.Х. Сплайн-анализ корреляции потоков / Р.Х. Ильясов. Текст: непосредственный // Экономический анализ: теория и практика. 2020. № 1(496). – С. 173–187.
4. Малкина М.Ю. Устойчивость экономик российских регионов к пандемии 2020 / М.Ю. Малкина. Текст: непосредственный // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 1. – С. 101–124.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. Текст: электронный // rosstat.gov.ru: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.01.2026).
6. Cutter S.L. Disaster Resilience: A National Imperative / S. L. Cutter, J. A. Ahearn, B. Amadei [и др.]. Текст: непосредственный // Environment: Science and Policy for Sustainable Development. 2013. № 55(2). – С. 25–29.

7. Doern R. Special issue on entrepreneurship and crises: business as usual? An introduction and review of the literature / R. Doern, N. Williams, T. Vorley. Текст: непосредственный // *Entrepreneurship Reg Dev*. 2019. № 31(5–6). – С. 400–412.
8. Fan, Y. A review of supply chain risk management: definition, theory, and research agenda / Y. Fan, M. Stevenson. – Текст: непосредственный // *Int J Phys Distribution Logistics Manage*. 2018. № 48(3). – С. 205–230.
9. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems / C.S. Holling. – Текст: непосредственный // *Annu Rev Ecol Syst*. 1973. № 4. – С. 1–23.
10. Ivanov D. Literature review on disruption recovery in the supply chain / D. Ivanov, A. Dolgui, B. Sokolov, M. Ivanova. Текст: непосредственный // *Int J Prod Res*. 2017. № 55(20). – С. 6158–6174.
11. Koporcic N. Resilience of small and medium-sized enterprises in times of crisis: an umbrella review / N. Koporcic, P.K. Kukkamalla, S. Markovic. Текст: непосредственный // *Rev Manag Sci*. – 2025.
12. Martin R. On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation / R. Martin, P. Sunley. Текст: непосредственный // *J. Econ. Geogr*. 2015. № 15 (1). – С. 1–42.
13. Mau V. Anti-crisis measures or structural reforms: Russian economic policy in 2015 / V. Mau. Текст: непосредственный // *Russian Journal of Economics*. 2016. № 2 (1). – С. 1–22.
14. Miklian J. SMEs and exogenous shocks: A conceptual literature review and forward research agenda / J. Miklian, K. Hoelscher. – Текст: непосредственный // *Int Small Bus Journal: Researching Entrepreneurship*. 2022. № 40(2). – С. 178–204.
15. Pearson C.M. Reframing crisis management / C.M. Pearson, J.A. Clair. Текст: непосредственный // *Acad Manage Rev*. – 1998. – № 23(1). – С. 59.
16. Portuguese C.M. Identifying entrepreneurial interest and skills among university students / C. M. Portuguese, Zermelo M G Gómez. Текст: непосредственный // *Sustainability*. 2021. № 13(13). – С. 6995.
17. Sensier M. Measuring regional economic resilience across Europe: operationalizing a complex concept / M. Sensier, G. Bristow, A. Healy. Текст: непосредственный // *Spatial Economic Analysis*. 2016. № 11 (2). – С. 128–151.
18. Turner D.C. On the design of price caps as sanctions / D.C. Turner, E M Sappington D. – Текст: непосредственный // *Int. J. Ind. Organ*. 2024. № 97. – С. Article 103099.
19. Yao O. International crises, national scale, and economic resilience in the 21st century / Ouyang Yao, Lu Min, Ouyang Zisheng. Текст: непосредственный // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2025. № 75. – С. 618–637.
20. Zafari K. Development of business-to-business relationships in turbulent environments / K. Zafari, S. Biggemann, T. Garry. Текст: непосредственный // *Ind Mark Manage*. 2023. № 111. – С. 1–18.

РАЗВИТИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РФ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

Хаджимурадова Х.З.,

студентка 4 курса направления «Экономика»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Курбанов С.А.,

канд. экон. наук, зав. кафедрой «Налоги и налогообложение»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: ksalman-1979@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются основные направления развития налоговой системы РФ в условиях трансформации, включая переход от плоской к прогрессивной шкале НДФЛ в целях повышения социальной справедливости. Рассматриваются социально-экономические последствия этих изменений по НДФЛ. Особое внимание уделено специальным налоговым режимам (УСН, АУСН, НПД) как ключевому инструменту поддержки малого предпринимательства в условиях экономической турбулентности.

Ключевые слова: налоговая система, налог на доходы физических лиц, специальный налоговый режим, налоговое законодательство, налоговые изменения, налоговая реформа.

DEVELOPMENT OF THE TAX SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION

Khadzhimuradova Kh.Z.,

4th year student in the Economics

Kadyrov Chechen State University

Kurbanov S.A.,

Head of the Department of Taxes and Taxation, PhD in Economics.

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article analyzes the main directions of development of the tax system of the Russian Federation in the context of transformation, including the transition from a flat to a progressive personal income tax scale in order to increase social justice. The socio-economic consequences of these changes in personal income tax are being considered. Special attention is paid to special tax regimes (USN, USN, NAP) as a key tool for supporting small businesses in the context of economic turbulence.

Keywords: tax system; personal income tax, special tax regime, tax legislation; tax changes; tax reform.

Налоговая система суверенного государства – это больше, чем просто средство пополнения бюджета. Она представляет собой сложный инструмент макроэкономического регулирования, который отражает общественный договор и приоритеты развития государства. Налоговая реформа, которую Российская Федерация проводила за последние два десятилетия, стала более глубокой и системной в период с 2025 по 2026 год. Основными изменениями данной трансформации являются переход к пятиступенчатой прогрессивной шкале ставок налога на доходы физических лиц, создание беспрецедентной системы стимулирования инвестиций в обрабатывающую промышленность, формирование устойчивой системы изъятия рентных сверхприбылей (windfall tax), а также кардинальная реформа специальных налоговых режимов для малого предпринимательства. В данном исследовании проведена попытка детально рассмотреть указанные изменения, их теоретические предпосылки, механизмы их реализации и возможные социально-экономические последствия.

Во-первых, в течение длительного периода времени плоская шкала НДФЛ в размере 13%, которая введена в начале 2000-х годов, обеспечивала основу для российской налоговой системы, делая ее более простой для управления и способствуя легализации доходов в постсоветских странах. Несмотря на это, по мере развития институтов и накопления имущественного неравенства запрос на «справедливое налогообложение» превратился в

доминирующее положение в общественном сознании. Как мы уже знаем, с 1 января 2025 года Российская Федерация, окончательно отказываясь от упрощенной модели НДФЛ, перешла к пятиступенчатой прогрессивной шкале, что означает переход к социально-ориентированной фискальной политике. Новая система налогообложения доходов граждан направлена на повышение фискального вклада лиц с доходами значительно выше среднего уровня, тем самым снижая налоговую нагрузку на большинство налогоплательщиков. Основные параметры новой шкалы, установленные законодательством на 2025–2026 годы, включают дифференциацию ставок в зависимости от размера годовой налоговой базы: если доход не превышает 2,4 млн руб., применяется ставка 13%; от 2,4 до 5 млн руб. – 15%; от 5 до 20 млн руб. – 18%; от 20 до 50 млн руб. – 20%; свыше 50 млн руб. – 22%.

Основным принципом новой модели является маржинальность: повышенная ставка налога применяется только к той части дохода, которая превышает установленный порог, а не ко всему совокупному доходу в целом [3].

Модификация НДФЛ требует учета как социальных, так и фискальных факторов. Данная реформа содержит в себе компенсационные механизмы, которые направлены на поддержание инвестиционной активности населения и стратегически важных групп.

1. Государство поддерживает военнослужащих в зоне специальной военной операции и граждан, которые работают в экстремальных условиях Крайнего Севера. Для них остается в силе прежняя двухступенчатая система налогообложения: 13% для доходов до 5 млн руб. и 15% для доходов свыше 5 млн руб. Это говорит о том, что для государства важно выполнение задач в сфере национальной безопасности и предоставление адекватных компенсаций за тяжелый труд в северных регионах.

2. Если речь идет о налогах на недвижимость и пассивные доходы, такие как доходы от акций, дивиденды, проценты по вкладам и продажи чего-либо, для них действует упрощенная прогрессия. Налогоплательщик платит по ставке 13%, пока его доход не превышает 2,4 млн руб.; свыше этого налог составит уже 15%. Целью данного ограничения является предотвращение оттока капитала с фондового рынка и сохранение банковских сбережений.

3. Также важнейшим дополнением являются изменения в стандартных налоговых вычетах. Так, с 1 января 2025 года вычет на второго ребенка увеличился с 1 400 руб. до 2 800 руб., на третьего и последующего ребенка – с 3 000 руб. до 6 000 руб. Повышение предельного порога дохода для применения данного вычета с 350 000 до 400 000 позволило многим семьям снизить свою налоговую ставку.

Переход к прогрессивной шкале налогообложения, по аналитике Минфина РФ, затронул не более 3% населения (около 2 млн человек), чьи доходы в месяц превышают 200 тыс. руб. Эти доходы направляются в целевые фонды для финансирования таких национальных проектов, как «Семья», «Молодежь России», а также в фонд «Круг добра» для лечения тяжелобольных детей с редкими заболеваниями и т. д., что связывает налоги состоятельных слоев населения с развитием социальной инфраструктуры для всего общества.

Во-вторых, идея «налога, принесенного ветром» (windfall tax) стала актуальной в 2020-х годах на фоне глобальных ценовых шоков и колебаний цен на энергетические ресурсы. Введение данного налога обосновывается необходимостью изъятия «незаработанной» прибыли, которая возникла из-за внешних факторов, а не за счет инноваций и операционной эффективности компаний. В 2022–2024 годах многие страны прибегли к windfall tax для борьбы с дефицитом бюджета и инфляцией, например:

1. Европейский союз: в октябре 2022 года был введен «взнос солидарности» для компаний нефтегазового, угольного и нефтеперерабатывающего секторов. Ставка составляет не менее 33% от прибыли, которая превышает средний показатель за 2018–2021 годы более чем на 20%. Но интересно то, что фактические сборы часто оказывались ниже ожидаемых. Так, в 2022 году Евросоюз собрал лишь около 6,85 млрд евро против ожидаемых десятков миллиардов из-за юридических оспариваний и сложности определения налоговой базы.

2. Великобритания: Правительство ввело Energy Profits Levy. Для компаний, которые на британском шельфе добывают углеводороды, эффективная ставка налога повышена с 40% до 75%, а в 2024 году данная ставка увеличена до 78%. Данный британский подход долгосрочный: налог продлен до 2030 года, что вызывает критику со стороны энергетических компаний, которые указывают на то, что сокращение кэш-флоу может помешать вложению инвестиций в «зеленую» энергетику.

3. Российский опыт Windfall Tax 2023–2025 годов: Налог на сверхприбыль в Российской Федерации (установленный Федеральным законом от 04.08.23 № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль») имел ряд особенностей, отличающих его от аналогов в других странах Европы. Во-первых, данный налог носит разовый характер и рассматривался как «чрезвычайный сбор» для стабилизации бюджета в условиях нестабильной геополитической ситуации.

Механизм налога на сверхприбыль применяется к компаниям-гигантам, чья прибыль до налогообложения превышает 1 млрд руб. за 2021–2022 гг. Ставка данного налога составляла 10%, однако государство предложило выгодное условие: если платеж внести в период с 1 октября по 30 ноября 2023 года, то фактическая ставка налога снижается вдвое, до 5 % [1].

Таблица 2. Основные плательщики налога на сверхприбыль за 2023 г. среди крупных корпораций

Компания	Отрасль	Сумма выплаченного налога (млрд руб.)
ГМК «Норильский никель»	Металлургия	8,2
«Металлоинвест»	Металлургия	6,9
Сбербанк	Финансы	3,0
«Полус»	Добыча золота	2,7
«Россети»	Энергетика	1,6
HeadHunter	IT/Рекрутинг	0,268

К началу 2024 г. в бюджет государства поступило больше налогов, чем планировалось изначально. Вместо предположенных 300 млрд руб. было собрано до 305 млрд руб. Стоит отметить, что доходы, которые были получены от нефтяной и угольной промышленности, в данном показателе не были учтены. Для получения своей доли природных богатств для этих секторов государством были созданы другие способы – налог на добычу полезных ископаемых и пошлины при экспорте [4].

Российская модель налога на сверхприбыль доказала свою фискальную результативность, при минимальных затратах на его администрирование, чему способствовал механизм добровольных платежей со скидкой. Однако, как подчеркивает Минфин РФ, это временное решение. С 1 января 2025 года его заменит более постоянный подход – системное увеличение общей ставки налога на прибыль организаций до 25%. Это говорит о стремлении государства к более устойчивому перераспределению части корпоративных доходов в пользу всего общества [2].

В-третьих, малые и средние предприятия (МСП) выполняют функцию адаптивного буфера экономики. В структурных изменениях 2024–2026 гг. налоговая политика для МСП изменилась от простого предоставления льгот к стимулированию роста и предотвращению злоупотреблений. Переход с упрощенной системы налогообложения (УСН) на общую систему (ОСНО) стал основным препятствием для растущего малого бизнеса в России. С 2025 года введен плавный переход, чтобы уменьшить стимулы к искусственному дроблению бизнеса.

В новой УСН основными параметрами являются увеличение порога по выручке до 450 млн руб. и по остаточной стоимости основных средств до 200 млн руб. Главным изменением

является то, что с 1 января 2026 года компании на упрощенной системе налогообложения обязаны уплачивать НДС, если их годовой доход превышает 20 млн руб.

Таблица 3. Пороги применения НДС при УСН с 2026 года

Категория доходов (млн руб.)	Ставка НДС (пониженная)	Ставка НДС (общая)	Особенности
До 20 млн	0% (освобождение)	-	Полное сохранение льготы
От 20 до 250 млн	5%	22% (10%)	5% без права на налоговые вычеты
От 250 до 450 млн	7%	22% (10%)	7% без права на налоговые вычеты
Свыше 450 млн	Переход на ОСНО	22% (10%)	Полные права на вычеты

Введение НДС для плательщиков УСН имеет экономическое обоснование. Поскольку малые предприятия получают возможность принимать входящий НДС к вычету при выборе общей ставки, это позволяет им «внедряться» в цепочки поставок крупных предприятий, работающих на ОСНО. Это способствует обелению экономики и повышает конкурентоспособность малых и средних предприятий (МСП) в государственном и корпоративном заказе.

В-четвертых, режим самозанятости все еще продолжает набирать популярность. К марту 2025 года более 13 миллионов человек стали плательщиками НПД. Около 95% из них составляют физические лица, которые не имеют статуса ИП, что свидетельствует о том, что фриланс и микробизнес широко легализованы. Важнейшим фактором социальной устойчивости является стабильность налоговых условий самозанятых (ставки 4% и 6%, сохраняющиеся до 2028 года). Вместе с этим развивается и Автоматизированная система налогообложения (АУСН). Данная система полностью снимает с предпринимателей обязанность по подаче отчетности, передавая расчет налога на информационные системы ФНС и банков. Такая автоматизация может помочь микробизнесам выжить в условиях нехватки бухгалтерских кадров.

В-пятых, налоговая система 2025–2026 годов станет мощным инструментом для инвестиций, поскольку необходимо сохранить технологическую автономию. Непревзойденное расширение возможностей налогового стимулирования капитальных вложений сопровождается повышением номинальной ставки налога на прибыль до 25%. С 2025 года основным инструментом поддержки является федеральный инвестиционный налоговый вычет. Он позволяет уменьшить налоговую сумму, зачисляемую непосредственно в федеральный бюджет, на часть расходов, связанных с приобретением или модернизацией основных средств. Введение повышающего коэффициента 2,0 для расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), а также на закупку российского оборудования и программного обеспечения является важнейшим стимулом для высокотехнологичных отраслей. Это означает, что затраты на инновации предприятия могут в два раза превышать налогооблагаемую базу.

В результате государство субсидирует до 50% затрат на исследования и разработки (НИОКР) и импортозамещение высокотехнологичных компонентов с помощью налоговых механизмов.

В заключение необходимо отметить, что в 2026 году российская налоговая система и практика ее администрирования достигнут нового уровня зрелости. Эта трансформация характеризуется переходом от плоской налоговой модели к многоступенчатой прогрессивной системе, вовлечением малого бизнеса в сферу НДС и формированием существенных стимулов для обрабатывающей промышленности. В совокупности эти меры создают целостную экосистему «экономики предложения». Главным вызовом остается поиск баланса между фискальной нагрузкой и стимулированием предпринимательской инициативы. Тем не менее,

наличие передовых цифровых инструментов контроля и гибкость преференциальных режимов позволяют утверждать, что российская налоговая модель в 2025–2026 годах является адекватным ответом на современные вызовы, способствуя достижению социальной справедливости и ускорению технологического развития страны.

Список источников

1. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Зотиков Н.З. Налоговая реформа – 2025: последствия для бюджета // *Oeconomia et Jus*. 2025. № 2. – С. 15–28.
3. НДФЛ в 2026 году: как считать налог, какие ставки и вычеты [электронный ресурс]. Режим доступа: https://tochka.com/knowledge/kadrovyy-uchyot/ndfl-kak-schitat-nalog-kakie-stavki-i-vychety/?ysclid=mnu5f1ooz1337667412&utm_campaign=y_knowledge_kadrovyy-uchyot_ndfl-kak-schitat-nalog-kakie-stavki-i-vychety_%3Fysclid%3Dmnu5f1ooz1337667412
4. Силуанов назвал сумму уплаченных налогов на сверхприбыль [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/06/12/2023/6570add89a79475577378bf1?ysclid=mnu5wyl8gz534934997>
5. Самойленко И.В. Прогноз налога на сверхприбыль на 2024 г. для предприятий с чистой прибылью, превышающей 1 млрд руб. по ставке 5% и 10% // *Вестник экспертного совета*. 2023. № 2 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-naloga-na-sverhpribyl-na-2024-g-dlya-predpriyatiy-s-chistoy-pribylyu-prevyshayushey-1-mlrd-rub-po-stavke-5-i-10> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Дадаева О.В., Леонова О.А. Трансформация упрощенной системы налогообложения в Российской Федерации: включение НДС и практические последствия для субъектов МСП // *Аудиторские ведомости*. 2026. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-uproschennoy-sistemy-nalogooblozheniya-v-rossiyskoy-federatsii-vklyuchenie-nds-i-prakticheskie-posledstviya-dlya> (дата обращения: 11.03.2026).

ОЦЕНКА СЕБЕСТОИМОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РАБОТ В СОВРЕМЕННОСТИ

Лайпанова Р.М.,

студентка 1 курса Института культуры и искусств

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»

e-mail: islamlaipanova@gmail.com

Научный руководитель: Тамбиева Х.М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и прикладной информатики

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»

e-mail: htambieva@yandex.ru

Аннотация. В условиях современного арт-рынка оценка себестоимости художественных работ перестала быть исключительно математической задачей, превратившись в сложный экономико-культурный процесс, где традиционные издержки производства играют второстепенную роль по сравнению с факторами восприятия конъюнктуры. Если в промышленном производстве себестоимость формируется как сумма затрат на сырьё, труд, амортизацию оборудования и накладные расходы, то в сфере художественного творчества эта модель неизбежно сталкивается с фундаментальным противоречием: произведение искусства не является стандартизированным товаром, а его ценность определяется не только материальными компонентами, но и символическим капиталом, историческим контекстом и способностью генерировать эмоциональный или интеллектуальный отклик. Современный экономический анализ арт-рынка вынужден учитывать эту двойственность, признавая, что себестоимость как бухгалтерская категория редко совпадает с рыночной ценой, а зачастую служит лишь отправной точкой в цепи трансформации художественного акта в инвестиционный актив.

Ключевые слова: арт-рынок, себестоимость, ценообразование, символический капитал, инвестиционная ликвидность.

ESTIMATION OF THE COST OF ARTISTIC WORKS IN MODERN TIMES

Laipanova R.M.,

1st year student at the Institute of Culture and Arts

Karachay-Cherkess State University

Scientific supervisor: Tambieva H.M.,

Candidate of Economics, Associate Professor of the

Department of Economics and Applied Informatics

Karachay-Cherkess State University

Annotation. In the conditions of the modern art market, estimating the cost of artwork has ceased to be an exclusively mathematical task, turning into a complex economic and cultural process where traditional production costs play a secondary role compared to the factors of perception of the market. If in industrial production the cost is formed as the sum of the costs of raw materials, labor, depreciation of equipment and overhead costs, then in the field of artistic creation this model inevitably faces a fundamental contradiction: a work of art is not a standardized commodity, and its value is determined not only by material components, but also by symbolic capital, historical context and the ability to generate emotional or an intellectual response. Modern economic analysis of the art market is forced to take into account this duality, recognizing that cost as an accounting category rarely coincides with the market price, and often serves only as a starting point in the chain of transformation of an artistic act into an investment asset.

Keywords: art market, cost, pricing, symbolic capital, investment liquidity.

Оценка себестоимости художественных произведений в рамках современного арт-рынка трансформировалась из математической задачи в сложный экономико-культурный феномен: традиционные производственные издержки уступают место оценке восприятия, институциональной поддержки и динамики рынка. Формирование себестоимости в промышленном производстве реализуется через совокупность затрат на сырьё, труд, амортизацию и накладные расходы; в художественном творчестве выявляется противоречие: произведение искусства не поддается стандартизации в качестве товара. Ценность

определяется сочетанием материальных компонентов, символического капитала, исторического контекста и вызова эмоционального либо интеллектуального отклика. Экономический анализ арт-рынка учитывает указанную двойственность: себестоимость как бухгалтерская категория редко совпадает с рыночной ценой. В ряде случаев себестоимость выступает отправной точкой для трансформации художественного акта в инвестиционный актив и культурный феномен.

Расчет себестоимости художественной работы традиционно включает затраты на материалы (холсты, краски, кисти; цифровые лицензии, программное обеспечение, оборудование для печати и трехмерного моделирования; расходные ресурсы мастерской) и стоимость рабочего времени художника, оцениваемую альтернативными издержками либо рыночными ставками для специалистов сопоставимой квалификации. Указанные компоненты составляют менее 10% от конечной цены продажи на первичном рынке. Объяснение следует искать в природе творческого труда: отсутствие линейной нормировки; часы поиска идеи, экспериментов, неудачных попыток и концептуальной разработки не фиксируются в учете и одновременно формируют основу произведения. Художники функционируют как микропредприятия с расходами на аренду студии, страхование, логистику, маркетинг, участие в выставках, комиссии галерей; косвенные затраты достигают 30–50% от выручки. Распределение себестоимости между прямыми издержками создания и косвенными затратами деятельности затрудняет прозрачную оценку себестоимости и предполагает применение гибридных моделей ценообразования в практике первичной реализации [1].

Переход от расчета себестоимости к формированию рыночной стоимости осуществляется с учетом влияния нематериальных активов, являющихся ключевыми драйверами стоимости на современном арт-рынке. Формирование институционального капитала осуществляется через накопление репутации автора: участие в авторитетных биеннале, публикации в профильных изданиях, размещение работ в музейных коллекциях и частных архивах признанных коллекционеров. Сигнализация реализует функции передачи информации о качестве произведения: экспертная оценка галерей, кураторов и критиков снижает информационную асимметрию между создателем и покупателем, а также формирует доверие к долгосрочной ликвидности объекта. В результате рыночная цена перестает выступать функцией себестоимости и начинает отражать ожидаемую полезность, престиж принадлежности к культурной среде и потенциал будущей переоценки. Наиболее выраженная трансформация наблюдается на вторичном рынке, где перепродажи через аукционные дома оцениваются с учетом истории владения, частоты экспонирования и динамики предыдущих сделок. В данной среде действует закон редкости и механизм аукционного ценообразования; конкуренция между покупателями, а не издержки производства, формирует итоговый уровень цены.

Разделение арт-рынка на первичный и вторичный сегменты создает две разнонаправленные экономические логики формирования цен. На первичном рынке, где автор реализует произведение впервые напрямую или через галерею, ценообразование базируется на комбинированной модели: базовая стоимость покрывает материалы и минимальную оплату труда; надбавка формируется с учетом карьерной траектории автора, спроса на произведения и стратегии галереи в части позиционирования. Контроль первичных цен осуществляется галереями сознательно с целью обеспечения прогнозируемого роста стоимости в течение нескольких лет и предотвращения резких скачков, способных дестабилизировать рынок и снизить доверие коллекционеров. На вторичном рынке себестоимость первоначального создания теряет значение и уступает место рыночной капитализации бренда автора; аукционные результаты фиксируются в открытых базах данных, формируя прозрачную, но волатильную систему ценовых индикаторов. Сетевой эффект рыночной капитализации заключается в том, что рост цен на вторичном рынке усиливает влияние на первичные продажи живущих художников: первичные оценки переходят от затратной базы к аналогии с уже проданными объектами, повышая ценовой потолок для направления или поколения.

Цифровая трансформация художественной практики изменяет структуру себестоимости в медиаарте, генеративном искусстве, криптоарте: формирование цифрового продукта требует затрат на программные ресурсы, вычислительные мощности, серверное хранение и обучение; маржинальные издержки бесконечной репликации стремятся к нулю, что при традиционном ценообразовании снижало бы цену. Блокчейн и смарт-контракты обеспечивают создание дефицита токенизацией: воспроизводимый файл становится уникальным цифровым активом с верифицируемой историей владения. Себестоимость смещается от физического производства к расходам на комьюнити-менеджмент, маркетинг в соцсетях, участие в цифровых ярмарках, комиссионные платформ; последние занимают значительную долю выручки. Внедрение цифровых сертификатов вводит новые экономические механизмы: авторские отчисления при перепродаже формируют создателям долю от вторичных сделок, компенсирующую низкую себестоимость производства. Волатильность технологических рынков, регуляторная неопределенность, экологические издержки энергопотребления создают риски; экономическое моделирование включает их в параметры моделей оценки: дисконтные ставки, премию за риск [2].

Экономическая оценка художественных произведений опирается на поведенческую экономику, объясняющую готовность платить суммы, многократно превышающие издержки производства. Произведение выступает товаром статусного потребления; цена сигнализирует принадлежность к социальной или культурной группе. Ограниченность, экспертное одобрение, эмоциональная вовлеченность усиливают восприятие ценности; когнитивные искажения вызывают переоценку потенциальной отдачи инвесторами и коллекционерами. Галереи, аукционные дома эксплуатируют эти механизмы: формируют нарративы вокруг художников, организуют лимитированные выпуски для создания искусственной редкости, конструируют атмосферу исключительности на вернисажах. Себестоимость в этой конфигурации фонова; цена определяется социальным консенсусом, формируемым институтами, медиа, сетью коллекционеров. Процесс аналогичен формированию стоимости финансовых активов: оценка опирается на ожидания будущей прибыли, а не на текущие денежные потоки; ожидания формируют рыночную капитализацию.

Институциональная инфраструктура арт-рынка модифицирует экономическую модель себестоимости: процессы аутентификации, экспертного заключения, страхования, логистики с климат-контролем, а также таможенные пошлины и налог на добавленную стоимость формируют совокупность транзакционных издержек, возлагаемых на продавца и покупателя; при этом в отдельных юрисдикциях действуют льготные налоговые режимы и стимулирование инвестиционной активности; в иных юрисдикциях высокая налоговая нагрузка и усложненный учет культурных ценностей создают барьеры для легального оборота произведений. Регулирование авторских и моральных прав художников порождает экономические эффекты: сохранение прав на воспроизведение обеспечивает генерацию дополнительного дохода через печатную продукцию, сувениры и цифровые лицензии; многоуровневая монетизация трансформирует первоначальную себестоимость в узловой элемент сложной экономической сети; каждый последующий этап использования добавляет стоимость и требует учета юридических и административных издержек.

Оценка себестоимости для художника выступает экзистенциальной экономической проблемой: нестабильность доходов, отсутствие социальных гарантий и высокая конкуренция формируют условие поиска баланса между творческой свободой и финансовой устойчивостью. Ценообразование выражается выбором между снижением цены для обеспечения продаж и расширения аудитории и повышением цены с риском утраты признания и сохранением потенциала долгосрочной переоценки. Современные экономические исследования фиксируют тенденцию рассмотрения художественной практики как предпринимательской деятельности: себестоимость охватывает материалы, трудозатраты, инвестиции в личный бренд, деловые связи, образовательные программы и цифровое присутствие. Отсутствие стандартизированных методов оценки затрудняет привлечение внешнего финансирования, банковских кредитов и инвестиционных фондов,

ориентированных на предсказуемые денежные потоки; это поддерживает децентрализованный характер рынка и переводит оценку себестоимости в операцию, требующую управления репутацией и затрат на рыночное позиционирование.

Динамическая экономическая модель формализует современную оценку себестоимости художественных работ: материальные издержки функционируют как исходное звено комплексной цепи трансформации ценности. Арт-рынок базируется на сочетании поведенческой экономики, институциональной теории и финансового моделирования; процесс ценообразования опосредуется репутацией, редкостью, экспертным одобрением и социальными сигналами, а не прямым расчетом затрат. Цифровизация, глобализация коллекционирования и новые формы монетизации трансформируют традиционные границы себестоимости: художественный объект выступает гибридным активом с культурной, эмоциональной и инвестиционной составляющими. Экономический анализ арт-рынка ориентируется на транзакционные данные, алгоритмическое ценообразование и интеграцию с альтернативными инвестиционными портфелями; сохраняется фундаментальное противоречие между измеримыми издержками и нематериальной ценностью. Оценка себестоимости предполагает многоуровневые методики, объединяющие транзакционные метрики, алгоритмические индикаторы и качественные показатели репутации [3].

Список источников

1. Переятец В.И. Введение в практическое искусствознание. Экспертиза и оценка антиквариата: учебное пособие / В.И. Переятец, И.В. Переятец. 4-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Планета музыки, 2025. – 336 с. ISBN 978-5-507-54246-8.
2. Лайпанов И.М. «NFT» как новый этап развития современной экономики / И.М. Лайпанов // Молодежь. Наука. Образование: Материалы студенческой научной сессии, посвященной 100-летию образования Карачаево-Черкесской Республики, Карачаевск, 26–28 апреля 2022 года / Отв. за выпуск Г.А. Чомаева. Том Выпуск 19. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2022. – С. 157–163. EDN YOJOEG.
3. Чотчаева А.М. Экономика на рынке художников: мировые проблемы / А.М. Чотчаева, Д.Х.М. Айдинова // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Грозный, 30 апреля 2025 года. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2025. – С. 240–244.

«ЗЕЛЕНАЯ» ЭКОНОМИКА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Лепшокова С.М.,

канд. пед. наук, доцент кафедры германской филологии

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail: lepshokova.sveta62@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – выявить и обосновать механизмы перехода к «зеленой» экономике как драйверу устойчивого развития горных и рекреационных территорий на примере Карачаево-Черкесской Республики (КЧР). Актуальность обусловлена истощением ресурсной модели роста в условиях климатических изменений, а также необходимостью интеграции целей устойчивого развития в региональную стратегию для субъектов РФ с высокой природной ценностью. Методология базируется на системном подходе и включает качественный анализ региональных программных документов, кейс-стади реализованных и планируемых инвестиционных проектов в сфере малой гидроэнергетики, обращения с отходами и экологического туризма, а также метод сравнительного анализа целевых показателей федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» и их региональной проекции. Смена экономической парадигмы, происходящая в первые десятилетия XXI века, связана не просто с технологической модернизацией, но с фундаментальным пересмотром отношений в системе «природа – общество – хозяйство».

Ключевые слова: контекст устойчивого развития, гидроэнергетика КЧР, производство электроэнергии, энергетическая безопасность, тепличное хозяйство, регион-новатор.

A «GREEN» ECONOMY FOR SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT: STRATEGIC PRIORITIES AND REGIONAL PRACTICES (CASE STUDY OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)

Lepshokova S.M.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Department of Germanic Philology

Aliev Karachay-Cherkess State University

Abstract. The purpose of this article is to identify and substantiate the mechanisms for transitioning to a «green» economy as a driver of sustainable development in mountainous and recreational areas, using the Karachay-Cherkess Republic (KCR) as an example. The relevance of this approach stems from the exhaustion of the resource-based growth model in the context of climate change, as well as the need to integrate sustainable development goals (SDGs) into regional strategies for Russian regions with high natural resource values. The methodology is based on a systems approach and includes a qualitative analysis of regional policy documents, case studies of completed and planned investment projects in small hydropower, waste management, and ecotourism, as well as a comparative analysis of the target indicators of the federal «Circular Economy» project and their regional projections. The shift in economic paradigm occurring in the first decades of the 21st century is associated not simply with technological modernization but with a fundamental rethinking of the relationships within the «nature-society-economy» system.

Keywords: sustainable development context, hydropower in the Karachay-Cherkess Republic, electricity generation, energy security, greenhouse farming, innovative region.

Классическая индустриальная модель, основанная на экстенсивном использовании невозобновляемых ресурсов и наращивании материального потока, продемонстрировала свою неспособность справляться с глобальными вызовами: деградацией экосистем, потерей биоразнообразия, климатической нестабильностью и ростом социально-экономического неравенства. В ответ на эти вызовы международное сообщество предложило концепцию «зеленой» экономики, которая была легитимизирована в документах ООН, в частности Программой ЮНЕП, и закреплена как один из инструментов достижения целей устойчивого развития до 2030 года [6].

В российской практике «зеленая» экономика долгое время оставалась преимущественно предметом научных дискуссий, однако с запуском национального проекта «Экологическое благополучие» и федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» она приобрела статус вполне прагматичной политики, измеряемой конкретными КРІ (ключевые показатели эффективности) – долей сортировки отходов, мощностями переработки и снижением объема захоронений [3].

Ключевая проблема, однако, заключается в том, что федеральные ориентиры не всегда автоматически транслируются в эффективные региональные стратегии. Особую сложность представляют территории с высокой природной чувствительностью и одновременно с низкой инвестиционной базой – горные регионы, заповедные зоны, курортные агломерации. Именно здесь противоречие между необходимостью экономического роста и охраной природы достигает наибольшей остроты. Карачаево-Черкесская Республика (КЧР) в этом смысле представляет собой уникальный случай. Расположенная в центральной части Северного Кавказа, республика обладает колоссальным гидроэнергетическим, рекреационным и ландшафтным капиталом, но при этом сталкивается с типичными для российских национальных республик проблемами: дотационностью бюджета, оттоком молодежи и недостаточно диверсифицированной экономикой. Именно поэтому переход к «зеленой» модели здесь – не экологическая опция, а стратегическая необходимость, позволяющая монетизировать уникальные природные преимущества, не разрушая их.

Энергетический сектор традиционно является наиболее технологически продвинутой сферой для внедрения принципов низкоуглеродного развития, и в Карачаево-Черкесии этот потенциал начал реализовываться системно. В отличие от равнинных регионов, где ставка делается на солнечную или ветровую энергетику, КЧР имеет несомненное преимущество в виде горных рек с большим перепадом высот – Кубани, Большого Зеленчука, Теберды и их многочисленных притоков. Этот гидрографический ресурс позволяет развивать малую гидроэнергетику, которая обладает рядом преимуществ перед крупными ГЭС: меньшим воздействием на экосистемы, возможностью модульного ввода мощностей и локальным характером энергоснабжения. На протяжении последних лет в республике реализованы проекты Красногорских малых ГЭС-1 и ГЭС-2, ведется подготовка к вводу МГЭС «Карачаевская», что уже позволило существенно повысить долю собственной генерации в энергобалансе региона [8].

Однако наиболее показательным примером синергии государственной поддержки и частной инициативы стало подписанное в 2025 году соглашение о финансировании строительства Нижне-Красногорской малой ГЭС. МСП Банк предоставил компании «Южэнергострой» инвестиционный кредит в размере 1,5 млрд рублей сроком на десять лет, что, как отмечают эксперты, является беспрецедентным случаем участия институтов развития в «зеленых» проектах малого и среднего предпринимательства [7].

Важно подчеркнуть, что сам факт финансирования такого масштаба негосударственной компанией свидетельствует о созревании рынка «зеленых» инвестиций в регионе. Заявленная мощность станции в 24,9 МВт сопоставима с потребностями среднего города и позволит создать около тридцати постоянных рабочих мест с высокой квалификацией. Но не менее значим и символический эффект: малый бизнес в КЧР демонстрирует способность реализовывать инфраструктурные проекты, которые традиционно считались монополией крупных государственных корпораций.

В более широком контексте устойчивого развития гидроэнергетика КЧР выполняет несколько функций, выходящих за рамки простого производства электроэнергии.

Во-первых, она обеспечивает энергетическую безопасность республики, снижая зависимость от межсистемных перебоев и колебаний цен на органическое топливо.

Во-вторых, она создает основу для развития других секторов – от тепличного хозяйства с электрическим досвечиванием до зарядной инфраструктуры для электромобилей в туристическом кластере.

В-третьих, и это принципиально важно, «зеленая» генерация формирует новый тип территориальной идентичности: КЧР начинает восприниматься инвесторами и туристами не как сырьевой придаток, а как регион-новатор, который использует свои природные особенности для создания высокотехнологичного и экологически ответственного продукта. Именно на этом эффекте построена модель экономического развития, которую Глава КЧР Рашид Темрезов представлял Председателю Правительства РФ Михаилу Мишустину: «зеленая» энергетика в этой модели стоит в одном ряду с туризмом и агропромышленным комплексом, а общий объем внебюджетных инвестиций в прорывные проекты до 2030 года оценивается более чем в 200 млрд рублей [5].

Если гидроэнергетика обеспечивает базовую инфраструктуру «зеленой» экономики, то туристический сектор выступает ее видимым лицом, формирующим запрос на экологические стандарты со стороны миллионов посетителей. Карачаево-Черкесия – это территория с уникальным рекреационным потенциалом: всесезонный курорт «Архыз», легендарный Домбай, Тебердинский биосферный заповедник, множество термальных источников и горных озер. Однако до недавнего времени развитие туризма здесь шло по экстенсивному пути: рост числа туристов не сопровождался адекватным развитием очистных сооружений, систем сбора отходов и энергоэффективной гостиничной инфраструктуры. В результате наиболее популярные локации испытывали антропогенную перегрузку, а селевые потоки и эрозия почв создавали долгосрочные риски для самой туристической привлекательности региона.

Переломным моментом стало осознание того, что устойчивый туризм – это не запрет на посещение, а управляемый процесс, в котором инфраструктурные ограничения начинают работать как фильтр качества. На курорте «Архыз» этот принцип нашел воплощение в планомерном расширении сети экологических троп. Если несколько лет назад доступными были лишь разрозненные маршруты, то к 2025 году общая протяженность благоустроенных троп достигла 35 километров, причем каждый километр включает навигацию, информационные стенды, зоны отдыха и видовые площадки, спроектированные с минимальным вмешательством в ландшафт. Но наиболее амбициозной целью, озвученной руководством курорта, является доведение сети экотроп до почти 100 километров. Это означает, что основная пешеходная инфраструктура будет вынесена за пределы наиболее уязвимых альпийских лугов и лесных массивов, а туристам предложат альтернативные маршруты, позволяющие рассредоточить поток [4].

Такой подход имеет прямое отношение к концепции экосистемных услуг, которая в западной литературе давно стала общим местом, но в российской региональной практике все еще остается инновацией. Идея заключается в том, чтобы монетизировать не столько потребление природы (например, вырубку леса или добычу воды), сколько ее способность к самовосстановлению и предоставлению эстетического, рекреационного и климаторегулирующего сервиса.

В случае КЧР экотропы становятся инструментом такой монетизации: турист платит не за вход в «дикую» природу, а за доступ к благоустроенной, но при этом сохранившей свою естественность среде, а полученные средства направляются на поддержание инфраструктуры и компенсацию антропогенного воздействия. Не случайно генеральный директор АО «УК Архыз» Роман Киранчук анонсировал включение архызских экотроп в общую сеть маршрутов, которая к 2035 году должна составить 2 тысячи километров основных маршрутов и 1,3 тысячи километров второстепенных – это уже не локальная инициатива, а элемент макрорегиональной стратегии устойчивого развития Северного Кавказа.

Третий, и, возможно, наиболее сложный для реализации компонент «зеленой» экономики – это переход от линейной модели «добыл – использовал – выбросил» к циркулярной, где отходы становятся ресурсом. Для Карачаево-Черкесии проблема обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) долгое время была настоящим вызовом: существующие полигоны, доставшиеся в наследство от советской инфраструктуры, работали с перегрузкой, не имели систем дегазации и сбора фильтрата, а несанкционированные свалки в горных ущельях создавали прямую угрозу для водозаборов и туристических троп. Ситуация

усугублялась и рельефом – в горной местности сложно найти подходящие площадки для новых полигонов, а транспортировка отходов требует дополнительных затрат.

Системное решение этой проблемы началось с включения КЧР в федеральный проект «Экономика замкнутого цикла», который в рамках нового нацпроекта «Экологическое благополучие» устанавливает жесткие целевые показатели: сортировка 100% отходов и снижение доли захоронения до 49% к 2030 году. Для КЧР это означало необходимость кардинальной перестройки всей инфраструктуры обращения с отходами, и в 2025 году на совещании в Министерстве природных ресурсов и экологии РФ с участием Премьер-министра республики Мурата Аргунова был утвержден конкретный дорожный план. Он включает строительство крупного комплекса обработки отходов в станице Зеленчукской мощностью 80 тысяч тонн в год, создание нового комплекса в Малокарачаевском районе на 10 тысяч тонн, а также модернизацию действующего объекта в Усть-Джегутинском районе с увеличением его мощности до 40 тысяч тонн. Таким образом, суммарная мощность сортировочных мощностей к 2030 году достигнет 190 тысяч тонн в год, что с запасом покрывает текущий объем образования ТКО в республике [3].

Однако инфраструктура – это лишь одна сторона дела. Вторая, не менее важная сторона – это изменение поведения населения и формирование культуры раздельного сбора. Здесь КЧР, как и многие другие регионы России, сталкивается с инерцией привычек и недоверием к тому, что отсортированный мусор действительно поедет на переработку, а не свалится в общий контейнер.

До сих пор затрагивалась тема «зеленой» экономики КЧР, доминировали энергетический и инфраструктурный аспекты. Однако в последние два года все более весомую роль начинает играть климатическая повестка, причем не в глобально-абстрактном смысле сокращения выбросов, а в конкретном приложении к уязвимости горных экосистем. Горные регионы, как известно, нагреваются быстрее, чем равнины: таяние ледников, изменение режима осадков, учащение опасных гидрометеорологических явлений – все это не гипотетические сценарии для КЧР, а уже наблюдаемая реальность. Селевые потоки в Приэльбрусье, засухи в предгорной зоне, градобитие в период цветения садов – каждый такой эпизод наносит прямой экономический ущерб и требует включения механизмов адаптации.

Именно в этом контексте следует оценивать создание регионального паспорта климатической безопасности КЧР, разработанного Институтом глобального климата и экологии имени академика Ю.А. Израэля Росгидромета. Этот документ, не имеющий аналогов в большинстве других субъектов РФ, представляет собой не просто научный отчет, а инструмент стратегического планирования. Он выявляет наиболее уязвимые территории и объекты инфраструктуры, ранжирует климатические риски по вероятности и потенциальному ущербу, а главное – предлагает конкретные меры адаптации: от корректировки строительных норм в лавиноопасных зонах до создания резервных систем водоснабжения на случай засух. Создание такого паспорта – важный шаг, но, как отмечают сами разработчики, лишь начальная фаза. Следующим этапом должен стать региональный план адаптации, увязанный с бюджетным процессом и инвестиционной программой [2].

Значение этой работы выходит за рамки сугубо экологической безопасности. Климатический паспорт – это еще и сигнал для инвесторов. В условиях, когда крупные банки и корпорации начинают требовать от проектов соблюдения стандартов ESG (экологического, социального и управленческого факторов), наличие системной оценки климатических рисков повышает кредитный рейтинг региона и снижает стоимость заимствований. Кроме того, климатически адаптированная инфраструктура – это, например, дороги, которые не разрушаются после ливней, и линии электропередачи, устойчивые к гололеду, – снижает операционные расходы бизнеса.

Таким образом, климатическая повестка из области экологического активизма переходит в плоскость прагматичной экономики, и КЧР здесь оказывается в авангарде регионов, которые начинают системно работать с этой темой.

Любой переход к новой модели хозяйствования требует не только технологий и денег, но и институциональной среды, которая делает «зеленые» проекты предсказуемыми и привлекательными. В случае КЧР такой средой выступает сочетание нескольких факторов: во-первых, четкая артикуляция «зеленых» приоритетов в региональной стратегии, что подтверждается выступлениями руководства республики на федеральных площадках; во-вторых, интеграция в национальные проекты, обеспечивающая софинансирование из федерального бюджета; в-третьих, наличие крупных государственных институтов развития (МСП Банк, «РусГидро»), которые готовы кредитовать долгосрочные инфраструктурные проекты, что для частных банков часто является непреодолимым барьером.

Особого внимания заслуживает внешнее измерение «зеленой» стратегии КЧР, которое проявилось в подготовке к Кавказскому инвестиционному форуму 2026 года, запланированному на 17–19 мая в Минводах. Как заявил глава республики Рашид Темрезов, этот субъект намерен представить на форуме проекты в сфере зеленой энергетики, агропромышленного комплекса, туризма и цифровых технологий, причем ключевым акцентом станет международное сотрудничество – со странами Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов. Эта ориентация не случайна: избыток «зеленой» электроэнергии, который возникнет после ввода новых малых ГЭС, может быть экспортирован в сопредельные государства, что создаст дополнительные источники валютной выручки и укрепит геополитические позиции России в регионе. Более того, сам факт экспорта «зеленой» энергии – это создание нового рыночного нишевого продукта, где конкуренция пока невысока, а премия за экологичность существенна [1].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что «зеленая» экономика для Карачаево-Черкесии – это не модный дискурс и не набор пилотных проектов, а постепенно выстраиваемая системная альтернатива ресурсной модели. В отличие от многих регионов, где «зеленые» инициативы остаются декларативными, КЧР демонстрирует конкретные результаты: реально работающие малые ГЭС, расширяющуюся сеть экотроп, планы по строительству современных мусороперерабатывающих комплексов и, что не менее важно, институциональные изменения – климатический паспорт, включение ESG-критериев в инвестиционные соглашения. Конечно, сохраняются и серьезные проблемы: низкий уровень экологической культуры части населения, дефицит квалифицированных кадров для обслуживания «зеленой» инфраструктуры, зависимость от федеральных трансфертов. Однако траектория движения выбрана верно, и опыт КЧР может быть полезен для других горных и рекреационных территорий России, от Алтая до Камчатки.

Главный урок, который можно извлечь из этого кейса, заключается в том, что «зеленая» экономика эффективна тогда, когда она не противопоставляется экономическому росту, а становится его новой формой. Гидроэнергия снижает тарифы для промышленности, экотропы привлекают платежеспособных туристов, переработка отходов создает рабочие места и уменьшает нагрузку на бюджет, а климатическая адаптация предотвращает будущие убытки.

Каждый из этих элементов по отдельности не дает революционного эффекта, но в совокупности они меняют саму логику регионального развития – с догоняющей на опережающую, с сырьевой на сервисную, с линейной на циклическую. И в этом смысле Карачаево-Черкесия сегодня является не столько исключением, сколько прообразом того, как горные регионы могут использовать свои природные преимущества для построения устойчивого, инклюзивного и низкоуглеродного будущего.

Список источников

1. Инвестиционные проекты Карачаево-Черкесии на Кавказском инвестиционном форуме. Архыз 24, 27.05.2025. [Электронный ресурс].
2. Карачаево-Черкесский региональный паспорт климатической безопасности. Global-climate-change.ru, 2025. [Электронный ресурс].
3. Нарастание мощности переработки отходов в Карачаево-Черкесии: к 2030 году 100% сортировка ТКО. День Республики, 22.10.2025. [Электронный ресурс].
4. Проект экотроп на курорте «Архыз» с протяженностью 100 км (Карачаево-Черкесия). Эксперт ЮГ, 2025. [Электронный ресурс].

5. Перспективные проекты Карачаево-Черкесии на Кавказском инвестиционном форуме-2026. ГТРК Карачаево-Черкесия, 26.11.2025. [Электронный ресурс].
6. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). «Зеленая экономика: синтез для лиц, принимающих решения». – Найроби, 2011.
7. Строительство малой ГЭС в Карачаево-Черкесии и его финансирование МСП Банком. Корпорация МСП, 26.05.2025. [Электронный ресурс].
8. Строительство Нижнекрасногорской малой ГЭС в Карачаево-Черкесии. Энергетика и промышленность России, 28.05.2025. [Электронный ресурс].

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК

Магомадов Э.М.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

e-mail: chgu@yandex.ru

Орсаханов Д.У.,

*студент 3 курса Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

e-mail: deniorsahanov@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы современные методы управления безопасностью предприятия с использованием цифровых технологий и инновационных практик. Определены преимущества применения цифровых решений для оперативного мониторинга, прогнозирования рисков и повышения вовлеченности персонала. Предложена концепция интеграции искусственного интеллекта и аналитики данных в систему управления безопасностью, предусматривающая создание электронной базы инцидентов, внедрение видеоаналитики, чат-ботов. Обоснована целесообразность внедрения принципов социальной ответственности для повышения уровня корпоративной культуры безопасности. Выявлены основные риски цифровизации, среди которых вопросы кибербезопасности, стоимость внедрения и сопротивление персонала, и определены пути их минимизации. Систематизированы инструменты, ключевые показатели эффективности и ожидаемые результаты в виде матрицы, что позволяет комплексно оценить эффективность внедренных решений.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровые технологии, управление персоналом, инновационные методы.

USING DIGITAL TECHNOLOGIES AND INNOVATIVE PRACTICES TO DEVELOP AN ENTERPRISE SECURITY CULTURE

Magomadov E.M.,

*PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Accounting,
Analysis and Audit in the Digital Economy,*

Kadyrov Chechen State University

Orsakhonov D.U.,

3rd year student, Institute of Economics and Finance,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. Modern methods of enterprise security management using digital technologies and innovative practices have been analyzed. The advantages of using digital solutions for operational monitoring, risk forecasting, and increased employee engagement are identified. A concept for integrating artificial intelligence and data analytics into a security management system is proposed, including the creation of an electronic incident database, the implementation of video analytics, and chatbots. The feasibility of implementing social responsibility principles to enhance a corporate safety culture is substantiated. The main risks of digitalization, including cybersecurity, implementation costs, and employee resistance, are identified, and ways to minimize them are identified. Tools, key performance indicators, and expected results are systematized in a matrix, enabling a comprehensive assessment of the effectiveness of the implemented solutions.

Keywords: information security, digital technologies, HR management, innovative methods.

В современных условиях внедрение цифровых технологий в промышленную сферу перешло в активную фазу: от разработки примитивных решений для учёта и контроля деятельности, ведения электронного документооборота и цифровой архивации данных [1].

Вопросы интеграции цифровых технологий, инновационных подходов и международных стандартов в систему формирования культуры безопасности предприятия активно исследуются многими отечественными учеными [1–5]. В то же время остаются

малоисследованными проблемы анализа оценки влияния современных цифровых решений на уровень безопасности организации, а также разработки эффективных подходов к интеграции инноваций в систему корпоративной культуры безопасности.

Цель статьи заключается в исследовании теоретических основ и разработке практических рекомендаций по внедрению цифровых технологий и инновационных практик в процесс формирования культуры безопасности на предприятиях.

Современное развитие образовательной сферы требует от предприятий перехода от традиционных методов управления безопасностью к использованию цифровых технологий и инновационных практик, обеспечивающих более высокий уровень контроля, коммуникаций, обучения и ответственности. Интеграция цифровых инструментов в систему менеджмента безопасности позволяет оперативно выявлять риски, формировать базы знаний и развивать у персонала новые компетенции.

Рассмотрим более подробно эти инструменты и необходимые документы, которые закрепляют их использование в компании.

1. Цифровые системы мониторинга и отчетности.

ERP-модули по управлению безопасностью – встроенные решения в корпоративные системы управления, которые позволяют вести учет инцидентов, контролировать выполнение инструктажей, формировать отчеты для руководства.

Электронный инцидент-репортинг (от англ. Incident Response – реагирование на инциденты) – возможность сообщать об опасных ситуациях или рисках через мобильное приложение или корпоративный чат.

Дашборды (от англ. Dash-board – приборная панель) показателей безопасности – интерактивные панели, которые отображают количество инцидентов, количество поданных предложений работниками.

Документы: регламент использования электронной системы инцидент-репортинга; положение о системе мониторинга показателей безопасности; форма электронного отчета об опасном событии.

2. VR/AR-технологии в обучении персонала.

VR-симуляторы позволяют воспроизводить опасные производственные ситуации (падение с высоты, обрыв электропроводки, пожар) и отрабатывать алгоритмы поведения в безопасных условиях.

AR-приложения могут применяться для подсказок в реальном времени (например, через смартфон или очки работник получает инструкции по технике безопасности при работе с конкретным оборудованием). Использование таких технологий повышает эффективность обучения в 2–3 раза по сравнению с традиционными инструктажами.

Документы: программа внедрения VR/AR-тренажеров в учебный процесс; методические рекомендации по использованию симуляторов во время тренингов.

3. Инновационные методы связи и обратной связи.

Цифровые опросники (Yandex Forms, Anketolog, корпоративные платформы) для регулярной оценки уровня культуры безопасности.

Электронный «ящик идей» для предложений сотрудников по улучшению условий безопасности.

Виртуальная среда обучения (Moodle, Coursera, собственные LMS) с курсами по безопасности.

Документы: регламент ежегодного электронного анкетирования персонала; положение о системе подачи электронных предложений.

4. Использование искусственного интеллекта и аналитики данных.

ИИ-системы для прогнозирования рисков на основе данных о предыдущих инцидентах.

Анализ видеонаблюдения для выявления опасного поведения работников в реальном времени.

Чат-боты для быстрого консультирования сотрудников по вопросам безопасности.

Документы: регламент применения ИИ для мониторинга рисков; протокол использования чат-бота в качестве инструмента поддержки персонала.

Использование цифровых технологий и инновационных практик является необходимым условием развития современной культуры управления безопасностью. Интеграция ERP-модулей, VR/AR-симуляторов, электронных систем коммуникации, ESG-подходов позволяет повысить эффективность управления безопасностью, обеспечить прозрачность и вовлеченность персонала.

В результате предприятие получает снижение количества инцидентов, экономию затрат и формирование положительного имиджа среди партнеров и инвесторов (табл. 1).

Таблица 1. Цифровые технологии в формировании культуры безопасности предприятия

Направление	Примеры применения	Соответствующие документы
Системы мониторинга	ERP-модули по безопасности, электронный инцидент-репортинг, дашборды показателей	Регламент инцидент-репортинга; положение о мониторинге; электронная форма отчета
VR / AR-обучение	VR-симуляции опасных ситуаций; AR-подсказки при работе с оборудованием	Программа внедрения VR / AR; методические рекомендации по использованию симуляторов
Коммуникации	Электронные опросники; онлайн «ящик идей»; платформы дистанционного обучения	Регламент анкетирования; положения об электронных предложениях
ИИ и аналитика	AI-прогнозирование рисков; анализ видеонаблюдения; чат-боты для консультаций	Регламент применения AI; протокол использования чат-бота

Источник: составлено автором

Актуальность применения AI в сфере безопасности объясняется тем, что в современных условиях нестабильности рынков традиционные методы мониторинга (журналы учета, бумажные отчеты) являются инертными и не позволяют оперативно реагировать на угрозы. Использование искусственного интеллекта и аналитики больших данных дает возможность:

- прогнозировать риски на основе предыдущих инцидентов и поведенческих данных;
- выявлять опасные действия работников в режиме реального времени;
- анализировать видео с камер наблюдения для автоматического определения нарушений правил;
- получить быстрый доступ к статистике и рекомендациям для руководителей.

Примеры применения:

AI-прогнозирование рисков: система анализирует историю инцидентов и определяет, какие подразделения или процессы наиболее уязвимы.

Анализ видеонаблюдения: алгоритмы распознают отсутствие каски, неправильное использование оборудования, пребывание в опасных зонах.

Чат-бот по охране труда: в мессенджере работник может мгновенно получить инструкции или сообщить об опасности.

Поэтому, по мнению автора, предприятиям стоит:

1. Создать электронную базу инцидентов для накопления данных, которые впоследствии будут использоваться для AI-аналитики.
2. Разработать «цифровую карту рисков» предприятия, где будут указаны наиболее опасные участки и виды работ.
3. Ввести пилотный проект видеоаналитики на критически опасных площадках (например, работы на высоте, крановые операции).
4. Внедрить чат-бот для персонала, который позволит быстро получать ответы на типичные вопросы по безопасности и сообщать о рисках.

5. Подготовить внутренний документ «Концепция использования ИИ и аналитики данных в сфере безопасности», который определит этапы внедрения, ответственных лиц и ожидаемые результаты.

Ожидаемые результаты для предприятия:

- сокращение числа инцидентов благодаря раннему предупреждению;
- экономия ресурсов за счет сокращения расходов на больничные и компенсации;
- повышение прозрачности управления и доверия сотрудников;
- формирование современного имиджа предприятия как инновационной и социально ответственной компании.

Таким образом, ИИ и аналитика – это не далекое будущее, а реальный инструмент, который предприятию стоит начать внедрять уже сейчас. Этапы внедрения искусственного интеллекта и аналитики в систему безопасности предприятия представлены в таблице 2.

Таблица 2. Этапы внедрения искусственного интеллекта и аналитики в систему безопасности предприятия

Этап	Срок реализации	Основные действия	Ожидаемые результаты
1. Создание базы данных инцидентов	3–6 месяцев	Формирование электронного журнала инцидентов; стандартизация форм отчетности	Накопление данных для аналитики; повышение прозрачности учета
2. Пилотный проект видеоаналитики	6–12 месяцев	Установка камер на критических участках; подключение ИИ для распознавания рисков	Выявление опасного поведения в реальном времени; оперативное реагирование
3. Запуск чат-бота по безопасности	до 1 года	Разработка и интеграция чат-бота в мессенджеры; создание базы типовых вопросов и ответов	Быстрый доступ работников к консультациям; удобный канал сообщения о рисках
4. Аналитический дашборд	до 1,5 лет	Создание интегрированной панели показателей; настройка KPI по безопасности	Контроль ключевых индикаторов; принятие управленческих решений на основе данных
5. Полная интеграция AI-решений	до 2 лет	Объединение всех инструментов в единую систему; регулярный аудит	Снижение инцидентов на $\geq 20\%$

Источник: составлено автором

Внедрение искусственного интеллекта и аналитики данных в систему управления безопасностью предприятия является современным и стратегически важным шагом.

Использование цифровых технологий имеет очевидные преимущества, однако оно сопровождается и рисками.

Преодолеть эти риски возможно через поэтапное внедрение, пилотные проекты и параллельное повышение цифровых компетенций персонала. Внедрение цифровых инструментов в сфере безопасности сопровождается рисками, которые необходимо учитывать. Пути минимизации: использование защищенных серверов и систем резервного копирования; поэтапное внедрение (пилотные проекты); учебные программы для сотрудников; стимулирование доверия через прозрачность и вовлеченность персонала.

Таким образом, использование цифровых технологий и инновационных практик в формировании культуры управления безопасностью является ключевым фактором повышения эффективности системы безопасности на предприятии. ERP-модули, электронный инцидент-репортеринг, VR / AR-тренажеры, цифровые опросники и онлайн-платформы обучения обеспечивают интерактивность и оперативность в работе с рисками. Интеграция

международных стандартов ISO 45001 и ESG-подходов позволяет поднять уровень культуры безопасности до международного уровня, а применение ИИ и аналитики данных открывает новые возможности прогнозирования и предупреждения инцидентов.

Инновационные решения являются не только техническими инструментами, но и стратегическими факторами, формирующими новую модель управления безопасностью, основанную на превентивности, прозрачности и вовлеченности персонала. «Предприятия, в которых уделяется незначительное внимание модернизации системы управления, неспособны повышать уровень экономической эффективности и темпы инновационного развития, а их функционирование в основном связано с недопущением убыточности» [3].

Для того, чтобы систематизировать все составляющие формирования культуры безопасности, была составлена матрица (табл. 3), которая демонстрирует взаимосвязь между инструментами, документами, KPI и ожидаемыми результатами. Такая обобщенная модель позволяет увидеть комплексность подхода: от мотивационных мероприятий и коммуникаций до интеграции ценностей в стратегию развития предприятия. Матрица подчеркивает, что культура безопасности – это не отдельные разрозненные действия, а целостная система управления, объединяющая человеческие, организационные и технологические измерения.

Использование цифровых технологий и инновационных практик в формировании культуры безопасности предприятия обеспечивает переход от традиционных, малоэффективных подходов к современной, интегрированной системе управления рисками. Это позволяет оперативно выявлять и предупреждать инциденты, повышать прозрачность и вовлеченность персонала.

Таблица 3. Системный подход к формированию безопасно-ориентированной культуры управления предприятия

Составляющие культуры безопасности	Инструменты	Документы	KPI	Ожидаемый эффект
Мотивация	Премии, звания, знаки отличия	Положения, приказы	% работников, получивших награды	Рост заинтересованности
Коммуникация	Safety-meetings, чаты, бюллетени	Регламент совещаний, шаблоны бюллетеней	Частота совещаний, охват сообщений	Прозрачность, скорость обмена
Обучение	Тренинги, VR/AR, аттестации	Программа обучения, приказы	% охват обучением	Снижение инцидентов
Ценности и стратегия	Политика, кодекс, ESG	Корпоративная политика, кодекс	Интеграция в стратегию	Культура доверия
Лидерство	Участие руководства	Приказы, KPI менеджеров	% участия руководителей	Партнерская модель
Контроль и обратная связь	Даш-борды, опросы «ящик идей»	Регламент мониторинга, анкеты	Предложения сотрудников, частота инцидентов	Постоянное улучшение

Источник: составлено автором

Интеграция ERP-модулей, VR/AR-технологий, электронных систем коммуникации, международных стандартов и инструментов искусственного интеллекта создает комплексную экосистему безопасности, где каждый сотрудник становится активным участником процесса. ИИ и аналитика данных позволяют не только фиксировать инциденты, но и прогнозировать риски, анализировать поведенческие паттерны, автоматизировать мониторинг и предоставлять персонализированные рекомендации, что повышает эффективность управленческих решений.

Внедрение цифровых инструментов сопровождается определенными рисками (кибербезопасность, стоимость, сопротивление персонала), однако их можно минимизировать

через поэтапное внедрение, обучение работников, использование защищенных систем и привлечение персонала к процессу изменений. Системный подход к формированию культуры безопасности предусматривает сочетание мотивационных, организационных и технологических инструментов, что обеспечивает устойчивое развитие предприятия, снижение количества инцидентов, экономию ресурсов и формирование положительного имиджа. Предложенная концепция внедрения AI и аналитики данных в систему безопасности предприятия является практическим инструментом для повышения эффективности мониторинга, прогнозирования рисков и формирования современной культуры безопасности.

Список источников

1. Гунина И.А. Цифровые технологии как инструмент обеспечения экономической безопасности промышленных предприятий / И.А. Гунина, Р.Н. Мирзаханов, К.В. Журавлева // Экономинфо. 2024. № 3. – С. 5–13.
2. Докукина А.А. Теоретические основы концепции экономической безопасности предприятия в контексте цифровой трансформации // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 4. – С. 1105–1124.
3. Магомадов Э.М. Повышение экономической эффективности деятельности предприятия на основе инновационного развития // ФГУ Science. 2025. № 3(39). – С. 96–102.
4. Мусаева М.Ф. Оценка культуры безопасности на производстве // Вестник науки. 2026. № 1 (94). – С. 2533–2539.
5. Хайруллина Л.И. Цифровизация в сфере производственной безопасности: основные аспекты вопроса / Л.И. Хайруллина, И.Р. Хайруллин, М.А. Чижова // Век качества. 2022. № 2. – С. 141–153.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Магомадов Э.М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: chgu@yandex.ru

Аннотация. Системное использование действенных стратегических инструментов способствует долгосрочной устойчивости, оптимизации ресурсов и технологических операций, поддержке инновационного развития, усилению репутации и привлекательности предприятия. Акцентировано внимание на финансовой устойчивости, которая формирует базу для обеспечения безопасности потенциала предприятия, стабильного функционирования бизнеса, устойчивого развития и защиты финансовых ресурсов. Интеграция циклической модели управления экономической безопасностью в систему менеджмента обеспечит взаимосвязь между финансовыми, функциональными, информационно-коммуникационными и организационными аспектами деятельности предприятия.

Ключевые слова: ценовые стратегии, управленческие решения, экономическая безопасность, финансовая устойчивость, информационные технологии.

PRICING STRATEGY AS A TOOL FOR MANAGING AN ENTERPRISE'S FINANCIAL STABILITY AND ECONOMIC SECURITY

Magomadov E.M.,

PhD in Economics, Associate Professor of the
Department of Accounting, Analysis and Audit in the Digital Economy,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. Systematic use of effective strategic tools promotes long-term sustainability, optimizes resources and technological operations, supports innovative development, and enhances the enterprise's reputation and attractiveness. Emphasis is placed on financial stability, which forms the basis for ensuring the security of an enterprise's potential, stable business operations, sustainable development, and the protection of financial resources. Integrating a cyclical economic security management model into the management system will ensure the interconnection between the financial, functional, information, communication, and organizational aspects of an enterprise's activities.

Keywords: pricing strategies, management decisions, economic security, financial stability, information technology.

Основной составляющей стратегического вектора развития и экономической безопасности предприятия является антикризисное финансовое управление. Главная задача такого управления – обеспечение финансовой стабильности, непрерывности операционной деятельности, возможности покрытия понесенных расходов и свободного маневрирования финансовыми ресурсами. Усиление конкуренции, дисбаланс в рыночной конъюнктуре, рост стоимости производства из-за зависимости цены на сырье от биржевых котировок и других коммерческих рисков требуют от производителей пересмотра собственных ценовых стратегий. Цена всегда является ключевым детерминантом обеспечения конкурентной позиции предприятия. В то же время частые и хаотичные изменения цен как на рынках, где экономический субъект выступает продавцом, так и на рынках ресурсов и капитала, вызывают дополнительное внешнее давление на экономическую безопасность на микроуровне. Влияние ценового позиционирования на управление экономической безопасностью предприятия проявляется через механизм адаптации к рыночным изменениям, стабильность финансовых потоков и прогнозируемость доходности.

Надежность предприятия в глазах партнеров связана с его финансово-экономической безопасностью. Структурированная, рационально построенная система безопасности позволяет стейкхолдерам убедиться в способности предприятия сохранять стабильность и финансовую устойчивость в условиях вызовов и угроз.

Развитие бизнес-процессов на микроуровне требует ресурсов, финансирования, сотрудничества и партнерских отношений. Зрелость управленческих решений в этом контексте напрямую связана с потенциалом безопасности и балансом интересов каждого участника. Ценовые управленческие решения при этом играют определяющую роль, поскольку именно цена выступает инструментом согласования уровня прибыльности бизнеса для производителя и уровня удовлетворения потребностей потребителя.

Потребность в интеграции затратных и ценовых показателей в общую систему стратегического и безопасно-ориентированного управления объясняет актуальность выбранной темы.

Вопросы безопасности потенциала предприятия, его устойчивости, стратегических подходов к финансовому управлению в условиях ценовой нестабильности и конкурентного давления активно исследуются многими отечественными учеными [1–5]. В то же время вопрос синергии экономической безопасности, финансовой устойчивости и ценовой стратегии на микроуровне остается малоисследованным.

Целью статьи является систематизация целей управления экономической безопасностью предприятия, согласование их со стратегическими целями развития и факторами влияния на ценовое позиционирование на микроуровне.

Экономическую безопасность ученые все чаще рассматривают как защиту от рисков, которые угрожают качественному функционированию и устойчивому развитию экономических субъектов. Управление экономической безопасностью на микроуровне должно подчиняться стратегическому вектору развития предприятия. Одной из функциональных стратегий предприятия является ценовая, которая формирует систему долгосрочных ценовых решений и адаптационных механизмов достижения целевых ориентиров на микроуровне. В системе финансово-экономической безопасности финансовые интересы субъекта хозяйствования являются основным объектом защиты, и это одновременно влияет как на структуру механизма управления финансово-экономической безопасностью, так и на ценовую стратегию. Предприятие может иметь надлежащее финансовое состояние только тогда, когда его финансовые интересы согласуются с интересами внешней среды [3]. В свою очередь, финансовое состояние является производной финансовой стратегии, формирование которой является ключевым аспектом для обеспечения развития предприятия в долгосрочной перспективе. Финансовая стратегия должна учитывать специфику деятельности экономического субъекта, его отраслевую принадлежность, особенности конкурентной среды, опираться на цифровые инструменты и развитие информационных технологий, коррелировать с растущими требованиями потребителей к качеству продукции. Финансовая стратегия, построенная с учетом указанных составляющих, должна способствовать достижению главных целей предприятия: повышению рыночной стоимости через эффективное управление ресурсами и ценообразованием, непрерывному процессу производства и реализации продукции, росту прибыльности благодаря финансовой стабильности и укреплению конкурентных преимуществ в определенном рыночном сегменте.

Сохранять стабильное развитие предприятию позволяет лишь системный подход к финансовому управлению. Взаимосвязь финансовой устойчивости и экономической безопасности предприятия является фундаментальной и системной, поскольку именно финансовая устойчивость формирует базу для обеспечения стабильного функционирования бизнеса в условиях внутренних и внешних угроз [1].

Принцип системности предусматривает, что следует принимать во внимание все причинно-следственные аспекты вероятности рисков и угроз, а применяемые средства, механизмы, подходы, инструментарий и меры предупреждения и защиты должны быть взаимосвязанными между собой и коррелировать с экономическими интересами субъектов хозяйствования. Системное использование действенных стратегических инструментов способствует долгосрочной устойчивости, оптимизации ресурсов и операций, поддержке инновационного развития, усилению репутации и привлекательности в глазах стейкхолдеров.

Финансовую устойчивость и конкурентоспособность бизнеса с позиции стратегического управления предприятием определяют ценовая политика и себестоимость продукции. Цена является прямым отражением рыночной стратегии предприятия, зависящей от целевого сегмента, позиционирования товара, уровня добавленной стоимости и затратной структуры. Себестоимость, в свою очередь, выполняет роль внутреннего финансового маркера, который определяет предел доходности и формирует базис для стратегического планирования расходов. От эффективности управления себестоимостью зависит способность предприятия адаптироваться к колебаниям рыночных цен, выдерживать конкурентное давление и сохранять стабильность денежных потоков [4].

Ценовое позиционирование как элемент ценовой стратегии связано с такими составляющими экономической безопасности предприятия, как финансовая и маркетинговая, поскольку указанные стратегии влияют на уровень доходов, привлекательность товаров для потребителей и долю конкурентного рынка. Именно поэтому одним из направлений стратегического развития системы экономической безопасности считают диверсификацию деятельности (расширение ассортимента) и ресурсов (поиск новых источников финансирования). Такой подход позволяет обеспечить распределение риска и угроз между различными направлениями деятельности предприятия и рынками, что снизит зависимость от возможных рисков и угроз.

Что касается процесса управления экономической безопасностью предприятия, то вполне логично, что он должен быть циклическим и качественно интегрированным в систему менеджмента на микроуровне (рис. 1).

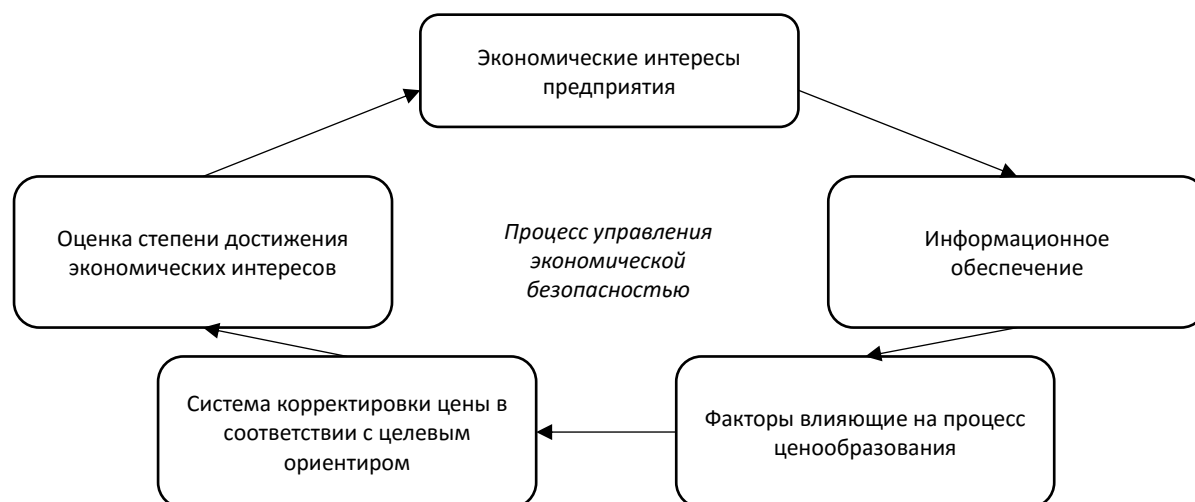

Рисунок 1. Компоненты процесса управления экономической безопасностью

Источник: составлено автором

Экономические интересы предприятия являются отправной точкой управленческого процесса. Целевыми ориентирами на микроуровне служат миссия и стратегические цели предприятия. Путь к достижению миссии определяется шагами к желаемому состоянию в будущем. То есть предприятие должно согласовывать свой потенциал и внутренние возможности с состоянием внешнего окружения.

Стратегические экономические интересы связаны с развитием компании и максимизацией прибыли, укреплением рыночных позиций и конкурентных преимуществ, повышением адаптивности к вызовам и угрозам, расширением круга партнерских взаимоотношений и сотрудничества и т. п.

Системообразующим фактором на микроуровне является привлекательность предприятия как бизнес-единицы. Внешняя привлекательность – это репутация, социальная ответственность, соблюдение ESG-принципов в своей деятельности по экологии, социальным вопросам и управлению. Внутренняя привлекательность является индикатором успешности

финансово-экономической деятельности предприятия с точки зрения составляющих экономической безопасности.

Установление целевых ориентиров предприятия должно происходить системно и ориентироваться на согласование его стратегических и финансовых целей в контексте безопасно-ориентированного управления. Целью безопасно-ориентированного управления является обеспечение устойчивости предприятия с учетом его целевых ориентиров в соответствии с очерченными функциональными составляющими системы экономической безопасности.

Очевидно, что система безопасно-ориентированного управления должна быть согласована с целью и стратегией развития предприятия. Основой системы экономической безопасности является информационная база, которая должна соответствовать критериям безопасно-ориентированного управления, которое предусматривает использование современных информационных технологий, аналитических методов прогнозирования кризисных ситуаций и формирования стратегии риск-менеджмента. Модель управления экономической безопасностью предприятия должна быть интегрирована в систему менеджмента, отражать взаимосвязь между финансовыми, правовыми и организационными аспектами управления. Только в условиях такого взаимодействия можно говорить об укреплении финансовой устойчивости предприятия, повышении его адаптивности к постоянно меняющимся рыночным условиям и формировании конкурентного преимущества, в том числе и за счет рационально построенной ценовой стратегии.

Финансовая устойчивость предприятия является интегральным показателем действенности руководства в контексте управления финансовыми ресурсами [1].

С точки зрения управления финансами предприятия, признаки обеспечения его финансовой устойчивости можно рассматривать как совокупность индикаторов:

- обеспеченность предприятия надежными и стабильными источниками финансирования (баланс между собственными оборотными средствами и заемным капиталом);
- обеспечение оптимальной для стабильной деятельности и дальнейшего развития структуры капитала;
- эффективное формирование, рациональное распределение и использование финансовых и других ресурсов предприятия;
- обеспечение приемлемого уровня платежеспособности предприятия;
- обеспечение желаемого уровня доходности и рентабельности предприятия;
- непрерывность производственно-сбытовой деятельности предприятия;
- минимальный предпринимательский риск.

Следовательно, можно констатировать, что финансовая устойчивость предприятия достигается на основе оптимального сочетания прибыльности и риска, характеризуется равновесием и соответствующим уровнем постоянства оптимальных или приближенных к ним значений ключевых индикаторов и обеспечивается соответствующими инструментами в системе экономической безопасности субъекта хозяйствования. Сбалансированность финансовых потоков предприятия, уровень его платежеспособности, финансовая автономия, независимость от заемного капитала, возможность свободного маневрирования финансовыми ресурсами являются ключевыми показателями оценки финансовой устойчивости и индикаторами качества финансовых результатов, величина которых должна быть достаточной для функционирования, дальнейшего развития и удовлетворения интересов всех заинтересованных сторон.

Действенным инструментом интеграции финансовых, операционных и маркетинговых показателей в систему стратегического управления предприятием является стратегическое картирование [4]. Такой подход позволяет не только визуализировать взаимосвязи между затратами, ценами, доходами и рисками, но и сформировать целостную модель управленческих решений, направленных на укрепление финансовой устойчивости. Интерпретируя идею стратегического картирования к теме данного исследования, предлагаем

систематизировать задачи системы экономической безопасности, стратегические цели предприятия и факторы влияния на ценообразование в горизонтально структурированном виде (табл. 1).

Таблица 1. Структурированная система стратегического управления предприятием

Задача системы экономической безопасности	Стратегическая цель	Факторы влияния на ценообразование
Самосохранение	Сохранение параметров производства	Оптимальный объем производства
Стабилизация деятельности	Оптимизация производственных затрат	Тенденции и процессы развития производственного потенциала
Конкурентные преимущества	Желаемый размер прибыли	Качество, ассортимент, номенклатура продукции
Активизация инновационной деятельности	Краткосрочные перспективы	Спрос, диверсификация производства и каналов сбыта, анализ рынка, возможности прогнозирования объемов сбыта
Реализация бизнес-идеи	Долгосрочные перспективы	Инвестиции, репутация социально ответственного субъекта хозяйствования

Источник: составлено автором

Законы синергии, самосохранения и развития являются основополагающими с точки зрения теории организации. Поэтому задачу системы экономической безопасности предлагаем расположить в порядке возрастания целевых установок предприятия. Каждой задаче поставим в соответствие стратегическую цель и факторы влияния на формирование ценовой политики.

Сохранение параметров производства позволяет предприятию избегать упадка и ликвидации, оставаться активным участником бизнес-среды.

Одним из основных факторов, влияющих на процесс ценообразования, является оптимальный объем производства. При его расчете необходимо ориентироваться на рыночные условия, а именно на уровень цен, сложившийся на рынке на определенный вид продукции. Только с учетом указанных обстоятельств появляется возможность качественного технико-экономического анализа условий функционирования предприятия и его конкурентов.

Развитие производственного потенциала коррелирует с задачей стабилизации деятельности, поскольку максимальное использование имеющихся мощностей позволяет оптимизировать производственные затраты, что вполне оправдано в условиях затратного подхода к ценообразованию.

Качество, ассортимент, номенклатура продукции являются базисом конкурентных преимуществ предприятия. Диверсификация процессов и ресурсов на этом этапе позволяет маневрировать ценой, достигая оптимального уровня доходности за счет комбинации ассортиментных позиций в пределах определенного заказа.

Спрос, как основная составляющая процесса ценообразования, определяется областью применения определенного вида продукции. Для учета особенностей экономического влияния ценового фактора на осуществление операций купли-продажи товаров важное место занимает конкурентоспособность товарного предложения, которое напрямую коррелирует с инновациями и интеллектуальными решениями. Инновационная стратегия требует эффективной модели ценообразования, поскольку уникальность новых продуктов, преимущественно нематериальная их форма и формирование стоимости именно на этапе потребления затрудняют стоимостное оценивание инноваций. Как отмечено в статье «Оценка производственного потенциала инновационно-активных промышленных предприятий» [2], «инновационные стратегии позволяют получить конкурентное преимущество и повысить конкурентоспособность субъектов хозяйствования в случае направления менеджеров на творческое, новаторское направление деятельности, противостояние закреплённым традициям в управлении» [2].

В долгосрочной перспективе инвестиционные решения, репутационные риски, ориентация на ESG-принципы определяют вектор стратегического развития и являются основой реализации бизнес-идей предприятия, успешного взаимодействия со стейкхолдерами.

Современные реалии требуют от субъектов хозяйствования не только стратегического видения развития, ответственного потребления, рационального управления ограниченными ресурсами, использования собственного потенциала, но и эффективных коммуникаций со стейкхолдерами. Коммуникативная стратегия все больше приобретает роль не только информационного инструмента, но и выполняет функцию полноценной составляющей системы стратегического управления, которая напрямую влияет на экономическую эффективность предприятия. В контексте целевых ориентиров экономического субъекта коммуникативная стратегия создает условия для оптимизации поведения рынка в интересах предприятия. Стратегическая коммуникация формирует доверие, лояльность, партнерство, которые являются определяющими детерминантами устойчивого развития на микроуровне. Благодаря коммуникации экономическая логика компании, а именно ее миссия, ценностное предложение, конкурентные преимущества, ценовая политика и условия сотрудничества, становятся доступными для стейкхолдеров и формируют экономическую платформу взаимодействия с внешней средой.

Анализ горизонтальной взаимосвязи задач системы экономической безопасности, стратегических целей и факторов влияния на ценообразование позволит оценить степень достижения экономических интересов предприятия в соответствии с предложенной циклической моделью (рис. 1).

Экономическая эффективность предприятия определяется согласованием стратегических целей с его производственно-коммерческой деятельностью и влиянием факторов ценовой политики и себестоимости на финансовую устойчивость. Достижение экономических интересов, защита финансовых ресурсов, стабильность деятельности и устойчивое развитие являются основой механизмов безопасности и инструментов в составе комплексной системы финансового управления на микроуровне. Экономическая безопасность предприятия является многокомпонентной категорией, которая интегрирует в себе антикризисное финансовое управление, эффективное использование ресурсов, обеспечение равновесия между доходностью и конкурентоспособностью, адаптацию к рыночным условиям и защиту от негативного влияния как внешних, так и внутренних факторов на микроуровне. Она направлена на обеспечение устойчивости и стабильности функционирования предприятия, способствует достижению стратегических целей, конкурентных преимуществ и созданию условий для устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Для оценки экономической безопасности предприятия используются риск-ориентированные подходы. Также целесообразным является адаптация на микроуровне систем стресс-тестирования, коммуникационного взаимодействия, стратегического картирования, которые позволят оценить влияние внешних экономических изменений на финансовую устойчивость субъекта хозяйствования. Это в итоге будет способствовать выявлению слабых мест в управлении рисками и безопасностью, а также даст возможность подготовиться к потенциальным кризисным ситуациям путем разработки такой стратегии ценового позиционирования, которая была бы оптимальной для поддержания надлежащего уровня экономической безопасности в условиях нестабильности.

Список источников

1. Ендовицкая А.В. Финансовая устойчивость как фактор экономической безопасности предприятия / А.В. Ендовицкая, Т.А. Волкова // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2015. № 3(65). – С. 258–262.
2. Магомадов Э.М. Оценка производственного потенциала инновационно-активных промышленных предприятий / Э. М. Магомадов // ФГУ Science. 2025. № 3(39). – С. 91–96.
3. Сергеева И.А. Комплексная система обеспечения экономической безопасности предприятия: учеб. пособие / И.А. Сергеева, А.Ю. Сергеев. – Пенза: ПГУ, 2017. – 124 с.
4. Баринов М.А. Ценообразование: учеб. пособие / М.А. Баринов. – Владимир: ВлГУ, 2021. – 152 с.
5. Strategy Map: зачем бизнесу карта визуализации целей. URL: <https://productlab.ru/blog/strategicheskaya-karta>

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА В РОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

Мажигова Е.М.,

доцент кафедры «Учет, анализ и аудит в цифровой экономике»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Тхагапсова С.К.-Г.,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет»,
Северо-Кавказская государственная академия
e-mail: svetlanatkhangapsova2017@mail.ru

Гайрбекова М.И.,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления в образовании
ФГБОУ «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация. В условиях трансформации экономических систем и усиления процессов глобализации бухгалтерский учёт приобретает особое значение как ключевой инструмент формирования достоверной и сопоставимой финансовой информации, необходимой для принятия управленческих и инвестиционных решений. Изменение целей финансовой отчётности и развитие международных экономических связей обусловили необходимость переосмысления и эволюции принципов бухгалтерского учёта как методологической основы учетной системы. В статье рассматриваются основы принципов бухгалтерского учёта, анализируется их историческая эволюция в международной практике, а также особенности трансформации учетных принципов в российской системе бухгалтерского учёта.

Ключевые слова: бухгалтерский учёт, принципы бухгалтерского учёта, МСФО, российская система учёта.

THE EVOLUTION OF ACCOUNTING PRINCIPLES IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL PRACTICE

Mazhigova E.M.,

Associate Professor of the Department of Accounting,
Analysis and Audit in the Digital Economy
Kadyrov Chechen State University

Tkhagapsova S.K.-G.,

Candidate of Economics, Associate Professor of the Accounting
Department of the North Caucasus State Academy

Gayrbekova M.I.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the
Department of Economics and Management in Education,
Chechen State Pedagogical University

Abstract. In the context of the transformation of economic systems and the intensification of globalization processes, accounting is gaining special importance as a key tool for generating reliable and comparable financial information necessary for making managerial and investment decisions. The changing objectives of financial reporting and the development of international economic relations have necessitated a rethink and evolution of accounting principles as the methodological basis of the accounting system. The article examines the fundamentals of accounting principles, analyzes their historical evolution in international practice, as well as the specifics of the transformation of accounting principles in the Russian accounting system.

Keywords: accounting, accounting principles, IFRS, Russian accounting system.

Введение. Бухгалтерский учёт на протяжении всей истории экономического развития выполнял функцию универсального инструмента отражения хозяйственной деятельности и формирования информационной базы для принятия управленческих, инвестиционных и контрольных решений. При этом его методологические основы постоянно трансформировались под воздействием изменений в экономической системе, развитии

финансовых рынков и усложнении форм хозяйствования. В условиях глобализации и усиления международных экономических связей значение принципов бухгалтерского учёта существенно возросло, поскольку именно они определяют качественные характеристики финансовой информации, обеспечивая её достоверность, сопоставимость и полезность для широкого круга пользователей, включая инвесторов, кредиторов, государственные органы и менеджмент организаций.

В этих условиях особую актуальность приобретает исследование эволюции принципов бухгалтерского учёта, позволяющее выявить закономерности их развития, определить степень гармонизации российских и международных подходов и оценить влияние данных процессов на качество финансовой информации [6]. Анализ данных аспектов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку результаты исследований могут быть использованы при совершенствовании учетной политики организаций и развитии нормативного регулирования бухгалтерского учёта в России.

Статистические данные, характеризующие развитие бухгалтерского учёта в международной практике, свидетельствуют о поступательном расширении применения единых концептуальных принципов финансовой отчётности, ориентированных на требования глобальных рынков капитала. По данным международных профессиональных организаций, в настоящее время международные стандарты финансовой отчётности применяются полностью или частично более чем в 140 странах мира. При этом в большинстве из них МСФО используются для подготовки финансовой отчётности публичных компаний и организаций, представляющих общественный интерес. Данная тенденция отражает устойчивый рост спроса на сопоставимую и прозрачную финансовую информацию, основанную на единых принципах признания и оценки активов и обязательств.

В научных исследованиях подчеркивается, что принципы бухгалтерского учёта не являются статичными категориями, поскольку их содержание и значение трансформируются под влиянием изменений экономической среды, развития финансовых рынков и эволюции потребностей пользователей учетной информации.

С позиции экономической теории принципы бухгалтерского учёта формируются как результат компромисса между интересами различных групп пользователей финансовой информации, включая собственников, инвесторов, кредиторов и государственные органы, что обуславливает их двойственную природу, сочетающую информационную и регулятивную функции. В международной учетной практике данное обстоятельство находит отражение в концептуальных основах финансовой отчётности, в рамках которых принципы направлены на обеспечение полезности информации для принятия экономических решений, прежде всего на рынке капитала, и предполагают приоритет экономического содержания хозяйственных операций над их юридической формой.

Следует признать, что отечественная нормативная база, закреплённая Федеральным законом «О бухгалтерском учете» и пакетами положений по бухгалтерскому учету, постепенно корректируется с учетом международных требований. Учетная система в современных условиях призвана формировать точные сведения о состоянии организации, выявлять факторы повышения эффективности, а также обеспечивать разумное соотношение между объемом предоставляемой информации и затратами на ее подготовку. Наблюдаемые противоречия между отечественными и международными стандартами имеют общий характер и постепенно преодолеваются путем утверждения федеральных стандартов и разработки проектов методических инструкций для крупных, средних и малых предприятий.

В процессе реформирования усиливается внимание к техническому наполнению отчетности, к расшифровкам показателей и способам оценки активов. Согласно собранным материалам, процесс формирования отчетности в России в период с XV по XIX вв. эволюционировал от разрозненных ведомостей до систематизированного баланса. На поздних этапах, особенно в конце XX в., утверждение планов счетов и создание типовых форм демонстрировало постепенный уход от фрагментарного учета к структуре, ориентированной на универсальные принципы. Тем не менее при сближении с МСФО встречаются моменты,

когда отечественные ПБУ требуют дополнений, поскольку МСФО содержит набор важных решений для оценки справедливой стоимости и признания обесценения, в то время как в национальных документах подобные аспекты в ряде случаев сформулированы менее гибко.

В рамках институционального подхода принципы бухгалтерского учёта рассматриваются как элемент формальных институтов, регулирующих экономическое поведение участников хозяйственной деятельности и снижающих уровень неопределённости в экономике. С этой точки зрения учетные принципы выполняют функцию стандартизации информации, способствуя снижению информационной асимметрии между участниками рынка и повышению доверия к финансовой отчётности. При этом ученые отмечают, что эффективность принципов бухгалтерского учёта во многом зависит от качества институциональной среды, уровня развития профессионального сообщества и степени независимости учетной профессии.

В российской теоретической традиции принципы бухгалтерского учёта долгое время рассматривались преимущественно в нормативно-правовом контексте, как закреплённые в законодательстве и подзаконных актах правила ведения учета, что отражало особенности централизованной модели управления экономикой и подчинённое положение бухгалтерского учёта по отношению к задачам государственного контроля [9]. Однако в условиях рыночной экономики и сближения с международными стандартами в научных работах всё большее внимание уделяется концептуальному осмыслению принципов бухгалтерского учёта, их роли в формировании достоверной и экономически релевантной информации, а также значению профессионального суждения бухгалтера при их практической реализации.

Теоретические основы принципов бухгалтерского учёта формируются на пересечении экономической теории, институционального анализа и концепции финансовой отчётности, что позволяет рассматривать их не только как совокупность формальных правил, но и как динамичный методологический инструмент, отражающий эволюцию целей и функций бухгалтерского учёта в российской и международной практике [4].

Эволюция принципов бухгалтерского учёта в международной практике представляет собой длительный и многоэтапный процесс, отражающий развитие рыночных отношений, усложнение финансово-хозяйственной деятельности организаций и рост значения финансовой информации в условиях глобализации экономики. На ранних этапах становления бухгалтерского учёта в странах с развитой рыночной экономикой учетные принципы формировались преимущественно в рамках национальных традиций и правовых систем, что обуславливало существенные различия в подходах к признанию и оценке объектов учёта, а также в целях и содержании финансовой отчётности. В этот период бухгалтерский учёт был в значительной степени ориентирован на защиту интересов кредиторов и обеспечение сохранности капитала, что находило отражение в преобладании принципов осторожности и исторической стоимости.

С развитием фондовых рынков и ростом роли инвесторов как ключевых пользователей финансовой информации акценты в международной учетной практике постепенно сместились в сторону обеспечения прозрачности и сопоставимости отчётности, что обусловило трансформацию базовых принципов бухгалтерского учёта. В научных исследованиях отмечается, что именно потребности рынка капитала стали основным фактором формирования концепции приоритета экономического содержания над юридической формой, которая позволила более адекватно отражать реальные финансовые результаты и финансовое положение компаний независимо от формальных правовых конструкций. Одновременно усилилась роль принципа начисления, обеспечивающего соотношение доходов и расходов с периодами их возникновения, а не с моментами движения денежных средств.

Важным этапом эволюции принципов бухгалтерского учёта в международной практике стало формирование и развитие системы международных стандартов финансовой отчётности, в рамках которой учетные принципы получили концептуальное обоснование и были систематизированы в виде единой методологической базы [10]. Концептуальные основы МСФО закрепили ориентированность бухгалтерского учёта на предоставление полезной

информации для принятия экономических решений, что обусловило усиление значимости таких качественных характеристик отчётности, как уместность и достоверное представление, а также расширение применения профессионального суждения при оценке активов и обязательств.

В условиях современного этапа развития мировой экономики эволюция принципов бухгалтерского учёта продолжает происходить под воздействием новых факторов, связанных с цифровизацией, ростом значения нематериальных активов и усложнением финансовых инструментов. В международной практике всё более широкое распространение получают подходы, основанные на оценке по справедливой стоимости, что отражает стремление обеспечить более актуальное и экономически обоснованное представление финансовой информации, несмотря на возрастание субъективности оценок и требований к профессиональной компетентности бухгалтеров.

Эволюция принципов бухгалтерского учёта в международной практике характеризуется переходом от формально-правового и консервативного подхода к концептуально ориентированной модели, основанной на отражении экономической сущности хозяйственных процессов и удовлетворении информационных потребностей глобального круга пользователей финансовой отчётности, что обусловило формирование современной методологической базы международного бухгалтерского учёта.

Трансформация принципов бухгалтерского учёта в российской практике представляет собой сложный и противоречивый процесс, обусловленный кардинальными изменениями экономической системы страны, переходом от централизованной плановой модели хозяйствования к рыночной экономике и последующей интеграцией России в мировое экономическое пространство. В советский период бухгалтерский учёт развивался в рамках жёстко регламентированной системы государственного управления, в которой его основное назначение заключалось в обеспечении контроля за сохранностью государственной собственности и выполнением плановых показателей, что предопределяло формальный характер учетных принципов и их подчинённость задачам централизованного контроля. В этих условиях учетная информация ориентировалась преимущественно на внутренние потребности государства и не рассматривалась как самостоятельный источник данных для принятия экономических решений внешними пользователями.

Переход к рыночным отношениям в начале 1990-х годов стал переломным этапом в развитии российской системы бухгалтерского учёта, поскольку возникла объективная необходимость формирования финансовой отчётности, способной отражать реальное финансовое положение организаций и удовлетворять потребности собственников, инвесторов и кредиторов [2].

В современных условиях развития мировой экономики особую значимость приобретает процесс сближения принципов бухгалтерского учёта в российской и международной практике, который обусловлен углублением экономической интеграции, ростом трансграничных инвестиций и необходимостью повышения сопоставимости финансовой отчётности организаций, функционирующих в различных юрисдикциях. В научных исследованиях подчёркивается, что гармонизация учетных принципов является неотъемлемым элементом формирования единого информационного пространства, в рамках которого финансовая отчётность должна быть понятной и полезной для широкого круга пользователей независимо от национальной принадлежности компании.

Сближение российских и международных принципов бухгалтерского учёта проявляется прежде всего в заимствовании и адаптации концептуальных положений международных стандартов финансовой отчётности, ориентированных на отражение экономической сущности хозяйственных операций и повышение качества раскрываемой информации. В российской практике это выражается в постепенном расширении применения принципов начисления, непрерывности деятельности и приоритета содержания над формой, а также в усилении требований к раскрытию информации в бухгалтерской (финансовой) отчётности.

Проведённый анализ эволюции и трансформации принципов бухгалтерского учёта в российской и международной практике позволяет сделать вывод о том, что данные принципы являются динамичной методологической категорией, отражающей изменения экономической среды, целей финансовой отчётности и потребностей пользователей учетной информации. Международная практика демонстрирует последовательный переход от формально-правового и консервативного подхода к концептуально ориентированной модели бухгалтерского учёта, основанной на приоритете экономического содержания хозяйственных операций и использовании профессионального суждения.

Российская система бухгалтерского учёта прошла сложный путь трансформации, связанный с переходом к рыночной экономике и необходимостью интеграции в мировое экономическое пространство, что обусловило постепенное внедрение международных учетных принципов при сохранении национальной специфики регулирования. В современных условиях развитие принципов бухгалтерского учёта в России характеризуется сочетанием нормативно-правового подхода и элементов международной концептуальной модели, что отражает объективные ограничения и особенности институциональной среды.

Вывод. Таким образом, эволюция принципов бухгалтерского учёта в российской и международной практике свидетельствует о стремлении к повышению качества и полезности финансовой информации. Дальнейшее развитие учетных принципов должно быть ориентировано на углубление гармонизации стандартов, расширение профессионального суждения и адаптацию методологических подходов к новым экономическим реалиям, включая цифровизацию и рост значения нематериальных активов.

Список источников

1. Алексеева Г.И. Бухгалтерский учёт: теория и практика: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022.
2. Андреев В.Д. Концептуальные основы бухгалтерского учёта. – М.: Инфра-М, 2021.
3. Кондраков Н.П. Бухгалтерский учёт: учебник. – М.: Проспект, 2023.
4. Кутер М.И. Теория бухгалтерского учёта: учебник для вузов. – М.: Финансы и статистика, 2020.
5. Лабынцев Н.Т. Международные стандарты финансовой отчётности: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022.
6. Петров А.М. Развитие бухгалтерского учёта в условиях глобализации. – М.: Экономика, 2021.
7. Соколов Я.В. История бухгалтерского учёта. – М.: Магистр, 2019.
8. Сотникова Л.В. Принципы формирования финансовой отчётности. – СПб.: Питер, 2020.
9. Федоренко Н.П. Бухгалтерский учёт в системе экономического анализа. – М.: Норма, 2021.
10. Шеремет А.Д. Теория экономического анализа и бухгалтерский учёт. – М.: Инфра-М, 2022.

ИСЛАМСКИЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ В МУСУЛЬМАНСКИХ И СВЕТСКИХ СТРАНАХ

Макшарипова Э.А.,

аспирант 1 курса направления «Финансы»,

ассистент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: fatima05012003@gmail.com

Аннотация. Исламские финансовые инструменты и механизм их функционирования в различной институциональной и социокультурной среде. Цель исследования: выявить различия и закономерности функционирования исламских финансовых практик в мусульманских и светских государствах. Определить культурные, институциональные и экономические факторы развития исламских финансовых инструментов в различной правовой среде для применения зарубежного опыта при формировании отечественной модели партнерского финансирования.

Методологическую основу исследования составили сравнительный и системный анализ, а также институциональный и культурологический подходы, позволившие определить влияние социально-правовой среды, религиозных и экономических факторов на развитие исламских финансов. Результатами исследования являются разработка классификации детерминант развития исламских финансов, охватывающей культурные, институциональные и экономические параметры, а также выявление различий в механизмах становления исламских финансовых институтов в мусульманских и светских государствах. Разработка национальных стратегий в сфере исламского и партнерского финансирования, совершенствование правового регулирования и механизмов финансовой инклюзии, а также использование зарубежного опыта при адаптации исламских финансовых инструментов в светских странах, в частности, при формировании отечественной модели партнерского финансирования. Механизмы становления исламских финансовых инструментов существенно различаются в зависимости от культурной и институциональной среды. В мусульманских странах развитие исламских финансов происходит естественным образом на основе шариатских норм, культурно-религиозной идентичности и государственной поддержки. В светских государствах они рассматриваются как инструмент диверсификации и привлечения инвестиций, способствующий интеграции принципов исламских финансов в стратегию устойчивого развития и расширению финансового рынка.

Ключевые слова: исламские финансы, исламские финансовые инструменты, светские страны, мусульманские страны, финансовая инклюзия.

ISLAMIC FINANCIAL INSTRUMENTS: CROSS-CULTURAL ANALYSIS IN MUSLIM AND SECULAR COUNTRIES

Maksharipova E.A.,

1st year postgraduate student in Finance Assistant Professor of the

Department of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation

Kadyrov Chechen State University

Abstract. Islamic financial instruments and the mechanism of their functioning in various institutional and socio-cultural environments. To identify the differences and patterns of functioning of Islamic financial practices in Muslim and secular states. To identify the cultural, institutional and economic factors of the development of Islamic financial instruments in various legal environments for the application of foreign experience in the formation of a domestic model of partnership financing.

The methodological basis of the study was a comparative and systematic analysis, as well as institutional and cultural approaches that allowed us to determine the influence of the socio-legal environment, religious and economic factors on the development of Islamic finance.

To develop a classification of the determinants of the development of Islamic finance, covering cultural, institutional and economic parameters, as well as to identify differences in the mechanisms of formation of Islamic financial institutions in Muslim and secular states.

Development of national strategies in the field of Islamic and partner financing, improvement of legal regulation and mechanisms of financial inclusion, as well as the use of foreign experience in the adaptation of Islamic financial instruments in secular countries. s. Islamic finance is a sustainable model that combines universal principles of financial stability with cultural and religious values. For Muslim countries, they serve as the foundation of economic development, and for secular countries, they serve as a tool for diversification and innovation.

Keywords: *islamic finance, islamic financial instruments, secular countries, muslim countries, financial inclusion.*

Количество исследований, посвященных изучению проблем и перспектив исламской финансовой системы, с каждым годом возрастает как среди зарубежных, так и среди отечественных ученых. К их числу можно отнести исследования таких зарубежных ученых-экономистов, как Хассан и Алию [1], Абедифар [2], Икбал [3], Ахмед [4, 5] и др., в чьих работах отражены концептуальные основы развития исламской экономики, принципиальные отличия исламской экономики от традиционной, проблемы и направления совершенствования исламской финансовой системы, а также труды таких отечественных ученых, как И.А. Зарипов [6], Р.И. Беккин [7], Ш.А. Шовхалов [8], М.Р. Таштамиров [9] и т. д., где проблемы развития исламских финансов рассматриваются на примере светских стран, в частности России и стран СНГ. Широкая география исследований дает возможность оценить не только объективные, но и субъективные причины и особенности развития исламских финансов в разных странах, что, несомненно, является очень значимым для формирования целостной картины исследования.

За последние десятилетия исламские финансы превратились в один из наиболее быстрорастущих сегментов глобальной финансовой системы. Среднегодовые темпы роста активов составляют 15–20%, а, по данным Совета по исламским финансовым услугам (IFSB), совокупный объем исламских финансов в 2024 г. достиг 3,88 трлн долл. [21]. Примечательно, что рост наблюдался даже в условиях высокой инфляции, геополитической напряженности и нестабильности банковского сектора. Подобная динамика демонстрирует устойчивость исламских инструментов и возрастающий интерес к ним как в странах с мусульманским большинством, так и в государствах, где исламское право не является основой финансового регулирования.

Исламский банкинг продолжает оставаться крупнейшим сегментом индустрии исламских финансов (ИИФ), составляя 71,62% от общего объема активов в 2024 году, в то время как доля сукук в обращении и исламских фондов в совокупности составила 23,29%, а сегмент такафул (исламского страхования) – 1,4% [21].

Что касается регионального распределения, то регион Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССАПЗ) в настоящее время владеет большей частью глобальных исламских финансовых активов, на его долю приходится более 53,1%. За ним следуют Восточная Азия и Тихоокеанский регион, на долю которых приходится 21,87%. На Ближний Восток и Северную Африку (исключая страны Персидского залива) приходится 16,96%, Европу и Центральную Азию – 4,27%, Южную Азию – 2,85%, страны Субсахарской Африки – 0,58%, а на другие страны в совокупности приходится 0,37% (см. рис. 1).

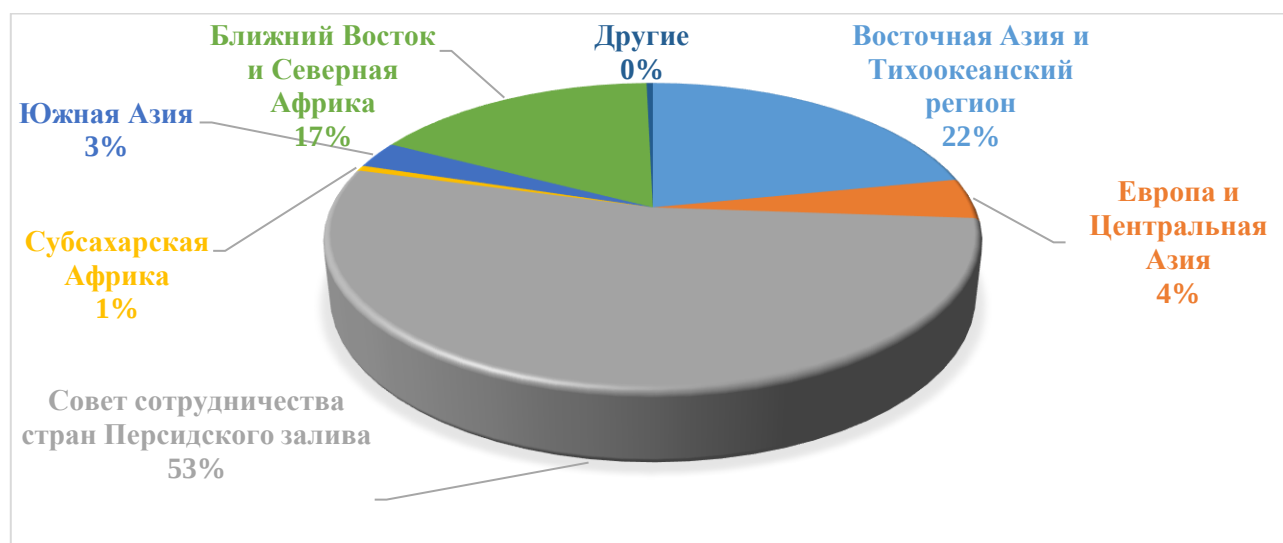

Рисунок 1. Региональное распределение активов индустрии исламских финансов

Источник: составлено автором на основе данных [21]

Распределение исламских финансовых активов по регионам отражает растущее разнообразие и глобализацию отрасли. В настоящее время на регион стран Персидского залива приходится более 50% от общего объема мировых исламских финансовых активов, что отражает его ключевую роль в развитии отрасли. В первую очередь это обусловлено значительным ростом и доминированием исламского банкинга в регионе. В дополнение к сильному банковскому сектору, рынок исламского финансирования стран Персидского залива включает развивающиеся рынки сукук и растущий интерес к исламскому страхованию, хотя эти сегменты все еще относительно малочисленны по сравнению с банковским сектором.

Так, исламские финансовые институты в странах Персидского залива являются важными источниками капитала и вносят свой вклад в развитие исламских финансов во всем мире, особенно в Азии. Страны Персидского залива расположены в самом сердце мусульманского мира и могут служить исламским финансовым центром, связывающим Европу, Азию и Африку. Распространение филиалов исламских банков, базирующихся в странах Персидского залива, свидетельствует о том, что это начинает происходить.

Как и Дубайский исламский банк – старейший исламский коммерческий банк, банк Аль-Раджи успешно разработал ряд депозитных и финансовых продуктов, которые привлекли миллионы клиентов. Цель этих учреждений – предоставить как можно более широкий спектр услуг, предоставляемых обычными банками, с соблюдением норм шариата.

Наиболее популярные исламские финансовые продукты, в частности «мурабаха» и «иджара», были впервые внедрены и усовершенствованы в странах Персидского залива. Так, они имеют большое значение как основа для становления и развития исламских финансов в мире, международного перелива капитала, содействия развитию менее экономически развитых стран через исламские финансовые инструменты.

Распределение активов глобальной индустрии исламских финансов по странам происходит следующим образом (см. рис. 2). Только Иран имеет полностью исламскую банковскую систему. В целом, если рассматривать все мусульманские страны, то только две страны имеют полностью исламские банковские системы – Иран и Судан [1]. Однако такая ситуация имеет и свои преимущества для развития исламских финансов в виде конкуренции со стороны традиционных финансовых институтов, которая заставляет исламские финансовые учреждения постоянно совершенствовать свои продукты и услуги.

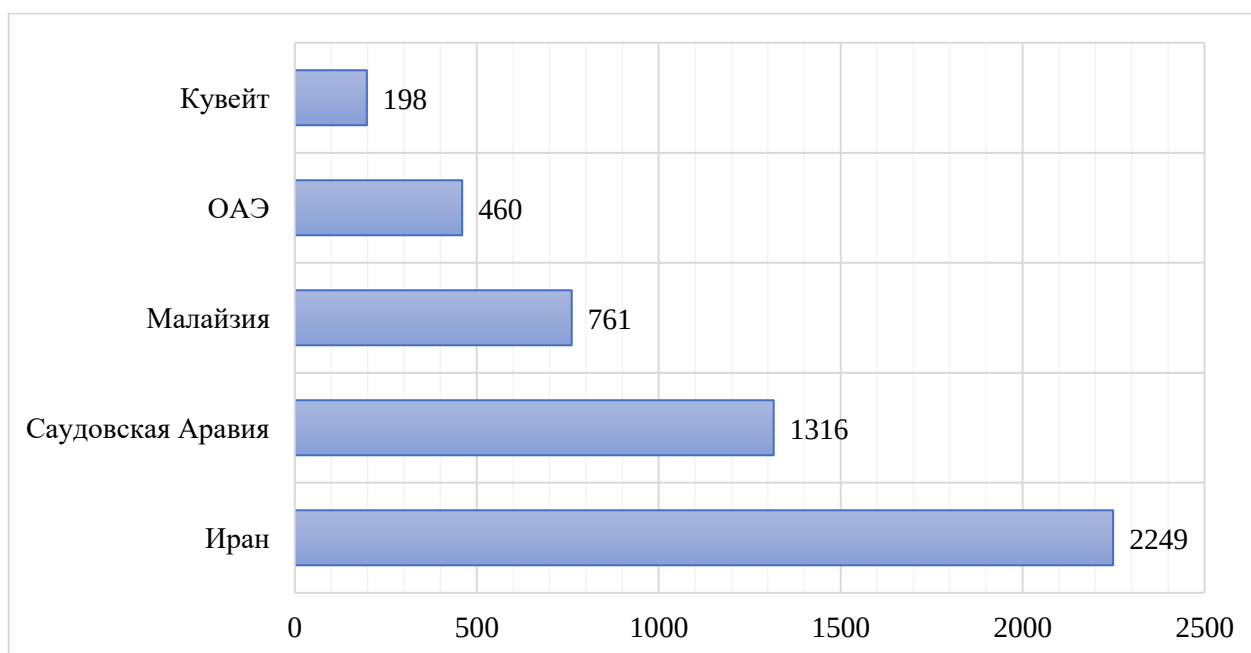

Рисунок 2. Топ-5 стран по активам исламских финансов на 2025 год

Источник: составлено автором на основе данных [22]

Восточная Азия и Тихоокеанский регион являются ключевым рынком для исламского финансирования, на долю которого в 2024 году приходится чуть более 20% исламских финансовых активов. В регионе исламские финансовые активы отличаются разнообразием как в банковском, так и в небанковском сегментах, что свидетельствует о всестороннем развитии индустрии исламских финансов в регионе, чему способствуют такие юрисдикции, как Малайзия, которая создала всестороннюю и зрелую экосистему исламских финансов.

Исламские банковские активы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки также примечательны, но небанковские сегменты, в частности рынки сукук и сегменты исламских фондов, остаются относительно слабо развитыми, что создает возможности для значительного роста. Решение существующих проблем и создание благоприятных условий для развития рынков сукук и исламских фондов будут иметь решающее значение для дальнейшего роста и диверсификации исламского финансирования в этом регионе.

Регионы Субсахарской Африки, Европы, Центральной Азии и Южной Азии представляют собой небольшие, но растущие рынки в структуре исламских финансов. Хотя их текущая доля относительно невелика, они обладают значительным потенциалом для роста и экспансии, особенно в связи с растущей осведомленностью и спросом на соответствующие шариату финансовые продукты в этих регионах, которые остаются относительно неиспользованными.

Развитие исламских финансов в мусульманских странах имеет свои особенности и преимущества, связанные с правовым полем, культурными и религиозными особенностями, что изначально оправдывает спрос и необходимость существования исламских финансовых институтов для населения таких стран. В таблице 1 представлена краткая характеристика развития стран-лидеров и развивающихся рынков в области исламских финансов.

Таблица 1. Особенности развития исламских финансов в мусульманских странах

	Страны-лидеры	Развивающиеся рынки
Страны	Саудовская Аравия, Иран, ОАЭ, Малайзия и т. д.	Индонезия, Бангладеш и т. д.
Характеристика	Занимают значительную долю в активах глобальной индустрии исламских финансов, имеют развитую нормативно-правовую базу в области регулирования исламских финансовых учреждений. Финансовые учреждения этих стран характеризуются постоянным внедрением инновационных продуктов и услуг для удовлетворения потребительского спроса и сохранения конкурентоспособности, следуют общемировым тенденциям развития (концепция ESG, этические финансы), способствуют экономическому росту и финансовой стабильности в странах базирования.	Развивающиеся рынки Юго-Восточной Азии. Характеризуются низкой долей в совокупных активах глобальной индустрии исламских финансов (8% в Индонезии), хотя и имеют преобладающую долю мусульманского населения. Кроме того, характеризуются низким уровнем финансовой грамотности и осведомленности об исламских финансах, а также медленными темпами развития отрасли.
Инвестиционный потенциал	Факторы инвестиционного потенциала данных стран обоснованы значительным числом мусульманского населения и, соответственно, спросом на исламские финансовые продукты и услуги, развитой исламской финансовой инфраструктурой для накопления и приумножения капитала, низким уровнем риска и финансовой стабильностью.	

Источник: составлено автором на основе данных [23]

Несмотря на значительное число публикаций, остается недостаточно исследованным вопрос кросс-культурного сопоставления: какие именно факторы способствуют развитию исламских финансов в разных институциональных системах и чем отличается их эволюция в мусульманских и светских странах. Различные исследования [10–12] демонстрируют, что межстрановые различия в степени торговой и финансовой открытости, правовое происхождение и культурные факторы (религия и язык), а также финансовая свобода являются одними из наиболее распространенных причин, объясняющих межстрановые различия в финансовом развитии.

Как отмечают Ахмед, Икбал и др. [3, 5], гибкость правовой системы и приспособляемость закона к меняющимся обстоятельствам имеют решающее значение для развития исламской финансовой системы. Вопросы, связанные с динамизмом, юридическим формализмом и эффективностью, с которой законы могут адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, являются решающим фактором, определяющим уровень развития и роста исламского финансового сектора.

После колонизации большинство мусульманских стран приняли правовые системы стран-колонизаторов, сохранив при этом некоторые законодательные предписания шариата. Как правило, эти принятые правовые системы не отражают исламскую культуру и исламскую идеологию. Именно поэтому долгое время отсутствие прочных институтов правовой инфраструктуры в мусульманских странах считалось огромной проблемой для развития и роста исламских финансов.

Фактически, с самого начала развития исламских финансов использовались исламские финансовые контракты, однако это делалось в незнакомой правовой среде. Даже если бы существовало общее соглашение об использовании исламских контрактов, законы и суды могли бы не иметь возможности толковать и устанавливать форму этих контрактов [5]. Развитие исламских финансов наряду с современными финансовыми операциями требует мощной поддержки со стороны правовой системы.

Религиозный фактор

На сегодняшний день 2 млрд человек по всему миру идентифицируют себя как мусульмане, что составляет более 25% от общей численности населения мира в 8 млрд человек. Хотя быстрому росту исламских финансов способствовали многие факторы, религиозный фактор можно рассматривать как самую важную причину, по которой клиенты отдают предпочтение исламским финансовым институтам. Более того, религия также считается наиболее важным неэкономическим фактором, формирующим базовую институциональную инфраструктуру общества. Различные исследования [13–15] указывают на экономику нерыночного поведения, иллюстрируя роль, которую нормы, ценности, социальный капитал и «духовный капитал» могут играть во влиянии на поведение человека, воздействуя как на убеждения, так и на действия.

Так, несмотря на различие в экономическом развитии представленных стран, они характеризуются общими религиозными, культурными особенностями, а также имеют нормативно-правовую базу исламских государств для развития исламских финансов, что дает возможность классифицировать их как страны базирования исламских финансов и рассматривать их опыт как фундаментальную практику.

Более подробный анализ таких мусульманских стран, как Малайзия и Индонезия, подтверждает вышеприведенные выводы (см. табл. 2). Концентрация мусульманского населения (процентная доля мусульманского населения), а также благоприятная нормативно-правовая база оказали положительное влияние на развитие исламского банкинга Малайзии и Индонезии. Благодаря высоким темпам роста рынка Малайзия является привлекательным инвестиционным центром. Индонезия, в свою очередь, благодаря более жесткому регулированию деятельности исламских банков, имеет значительные успехи в развитии полноценных исламских контрактов на основе распределения прибыли и на основе распределения прибыли и убытков – мудароба и мушарака.

Таблица 2. Особенности исламских банковских секторов Малайзии и Индонезии

Страны	Малайзия	Индонезия
Правовая база	Конструктивная среда со многими соответствующими законами для поддержки исламской банковской индустрии. Закон об исламских банковских услугах 2013 года регулирует сквозную деятельность по соблюдению шариата в банковском секторе Малайзии посредством тщательного мониторинга и надзора со стороны регулирующих органов.	Принятие Закона об исламском банкинге № 21 от 2008 года послужило хорошим шагом для стимулирования деятельности исламских банков в Индонезии.
Юрисдикция суда	Дела, связанные с исламскими финансами, находятся под юрисдикцией обычных гражданских судов.	Закон № 21 от 2008 года четко определяет юрисдикцию религиозного суда для вынесения решений по всем делам, связанным с исламским финансированием.
Рост капитала	Малайзия входит в топ-10 стран по объему исламского рынка. В настоящее время исламские финансовые активы Малайзии достигли 666 млрд долл. со средним темпом роста 18–20% в год.	В 2023 году на исламские финансы приходилось 10,95% от общего объема финансового сектора Индонезии. Рыночная доля исламских банков в Индонезии на 20% ниже, чем рыночная доля исламских банков в Малайзии.
Предлагаемый продукт	Самый широко используемый инструмент – финансирование на основе мурабаха. Финансирование на основе мушарака и мудараба составило менее 6%, согласно данным центрального банка Малайзии.	В Индонезии используются контракты мурабаха, мушарака, мудараба, истисна и салам. Так, в Индонезии доля контрактов мушарака и мудараба составляет около 30%.
Шариатское управление	Была создана двухуровневая структура управления, включающая высший консультативный совет в ЦБ Малайзии и надзорный комитет шариата в соответствующих исламских финансовых учреждениях.	Национальный шариатский совет Индонезийского совета улемов отвечает за издание фетв по финансовым вопросам, которые считаются обязательными для шариатских советов каждого исламского банковского учреждения.

Источник: составлено автором на основе данных [17]

Исламские финансы в Европе

После кризиса 2008 года исламские финансы появились как относительно безопасная альтернатива пошатнувшейся западной банковской системе. Сукук представлялись хорошим способом выхода на новые рынки, исламские фонды предоставляли возможность доступа к большим объемам ликвидности, а исламский банкинг был способом монетизации местных мусульманских общин.

Так, особенности развития исламских финансов в Европе и США представлены в таблице 3. Как мы можем видеть, интерес к исламским финансам в западных странах довольно сильный. Внедряя различные исламские финансовые инструменты на свои рынки, они стремятся к диверсификации экономики, привлечению незадействованного капитала мусульманского населения, а также крупных инвесторов мусульманских стран, достижению финансовой стабильности и экономического роста через инвестирование в реальные активы.

Таблица 3. Особенности развития исламских финансов в странах Европы и США

Страны	Характеристика
Великобритания	В настоящее время Великобритания и, в частности, Лондон является крупнейшим центром исламских финансов в Европе, чему поспособствовали следующие факторы: - политические и налоговые льготы для продвижения исламского финансирования; - наличие пяти лицензированных банков и более двадцати обычных банков, предоставляющих разнообразный ассортимент продуктов, соответствующих шариатским нормам; - нормативно-правовая база в сочетании с сильными финансовыми рынками создали благоприятные условия для развития исламского банкинга.
Франция	В стране проживает самое большое мусульманское население в Европе, что делает ее перспективным рынком сбыта. Правительство Франции прилагает значительные усилия для развития исламских финансов, что положительно сказывается на деятельности исламских инвестиционных банков, предоставляющих необходимые продукты и услуги иностранным клиентам.
Германия	В 2015 году в стране был создан первый полностью исламский банк, а также выпущены сукук, что отражает растущее признание исламского финансирования. На сегодняшний день немецкие финансовые учреждения также активно участвуют в исламской финансовой индустрии через свои филиалы в Лондоне, Дубае и Куала-Лумпуре.
Люксембург	Первая страна Еврзоны, выпустившая государственные сукук и где зарегистрировано около 30 фондов, соответствующих нормам шариата.
США	В 2013 году крупнейший американский банк JP Morgan внедрил исламские финансовые услуги через исламские окна. На сегодняшний день примерно 43 учреждения в стране предоставляют финансовые продукты и услуги, соответствующие нормам шариата. Основными игроками по размеру активов являются LARIBA American Islamic Finance и дочерняя компания University Bank, University Islamic Financial. Американские компании создали семь исламских фондов с общим объемом активов под управлением в 3,6 млрд долл., а также пять американских эмитентов получили доступ к рынку сукук, что принесло им 1,1 млрд долл.

Источник: составлено автором на основе данных [21, 22]

В мусульманских странах религиозные нормы тесно связаны со всеми аспектами жизни человека, они вплетены в культурную, социально-экономическую, правовую сферы. В связи с этим развитие исламских финансов в таких странах осуществляется более органично и имеет меньше препятствий. Доминирующая роль шариата обеспечивает соответствующую законодательную базу, ценностную ориентацию населения именно на исламские финансовые продукты. Примером такого развития исламских финансов является Индонезия, которая на законодательном уровне продвигает именно исламские контракты на основе партнерства мушарака и мудароба и стремится реализовать чистую исламскую финансовую модель.

В светских странах развитие исламских финансов имеет много препятствий. Население таких стран привыкло к традиционной финансовой модели, избегание процентных сделок не является для них приоритетным при осуществлении финансовых сделок. Кроме того, в западных странах очень популярны такие продукты, как кредитные карты и ипотека. В таких условиях исламские финансовые институты должны обосновывать преимущества своих продуктов и услуг, адаптировать их под традиционные в рамках шариата. Так, ярким примером такой адаптации является исламская ипотека по контрактам мурабаха или иджара, которая популярна в США и Франции. В целом контракт мурабаха является наиболее популярным среди всех исламских контрактов ввиду простого механизма и быстрого срока окупаемости.

В светских странах внедрение исламских финансов связано в основном с диверсификацией экономики и привлечением внешнего капитала, а также удовлетворением спроса со стороны мусульманского населения и мигрантов. Так, являясь небольшой нишей в традиционной финансовой системе, развитие исламских финансов связано с различными вызовами: необходимостью законодательных поправок (например, освобождение от двойного налогообложения исламских финансовых продуктов в Великобритании), органичным внедрением в традиционные финансовые институты, финансовым просвещением населения и т. д. (см. табл. 4).

Таблица 4. Факторы развития исламских финансов в мусульманских и светских странах

Параметр / Страна	Малайзия	Индонезия	Великобритания	США
Доля мусульман в населении	61%	88%	5,9%	1%
Тип государства	Мусульманское	Мусульманское	Светское	Светское
Юридическая модель	Двойная система: гражданское + шариат	Гражданское с признанием исламских судов	Обычное гражданское право	Гражданское право
Правовая база для ИФ	Закон об ИБ 2013	Закон №21 от 2008	Законодательные послабления, исламские окна	Нет единого закона, но исламские продукты разрешены
Модель регулирования	Центральный банк + Шариатский совет	Шариатский совет улемов	ФСА + саморегулирование	Отдельные лицензии и исламские окна
Популярные продукты	Мурабаха, иджара	Мудараба, мушарака	Сукук, исламская ипотека	Исламская ипотека, исламские фонды
Основные цели внедрения	Социальная справедливость, развитие сектора	Финансовая инклюзия, исламский рост	Диверсификация, привлечение инвесторов	Монетизация спроса, этические финансы

Источник: составлено автором на основе данных [16–18]

Проведенное исследование показало, что механизмы становления исламских финансовых инструментов существенно различаются в зависимости от культурной и институциональной среды.

В мусульманских странах отрасль развивается естественным образом. Основными факторами являются:

- закреплённая на законодательном уровне опора на нормы шариата;
- религиозно-культурная идентичность общества;
- поддержка государства и национальных регуляторов;
- устойчивый спрос населения на соответствующие шариату продукты.

В светских государствах исламские финансы выступают как инструмент расширения и диверсификации финансового сектора. Здесь ключевыми задачами становятся:

- привлечение внешних инвестиций, прежде всего из мусульманских стран;
- удовлетворение спроса со стороны диаспор;
- включение исламских инструментов в стратегию устойчивого развития;
- формирование новых ниш на финансовом рынке.

При этом существуют значительные вызовы: необходимость гармонизации налогового и правового регулирования, стандартизации исламских контрактов, устранения разночтений между национальными шариатскими советами, а также проблемы ограниченной ликвидности.

Таким образом, исламские финансы можно рассматривать как модель, сочетающую универсальные принципы финансовой устойчивости и специфические культурно-религиозные ценности. Для мусульманских стран они выступают фундаментом национальной экономики, для светских – источником диверсификации и инноваций.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения зарубежного опыта при формировании отечественной модели партнерского финансирования. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом роли цифровых технологий, исламского финтеха, а также интеграции исламских финансов в систему «зелёных» и ESG-инструментов.

Список источников

1. M. Kabir Hassan, Sirajo Aliyu (2018), «A contemporary survey of islamic banking literature», Journal of Financial Stability. <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2017.11.006>
2. Abedifar, P. (2023). Formalism versus Purposivism in Islamic Jurisprudence: The Case of Islamic Finance Law. Religions, 14(4), 465. <https://doi.org/10.3390/rel14040465>
3. Iqbal, M., Hakim, L. and Aziz, M.A. (2024), «Determinants of Islamic bank stability in Asia», Journal of Islamic Accounting and Business Research. <https://doi.org/10.1108/JIABR-07-2022-0174>
4. Ahmed, H., Mohieldin, M., Verbeek, J., & Aboulmagd, F. (2015). On the Sustainable Development Goals and the Role of Islamic Finance.
5. Habib Ahmed. Islamic law, adaptability and financial development. Islamic Economic Studies Vol. 13, No. 2, February 2006. URL: <https://iaif.ir/images/khareji/articles/other/48.pdf>
6. Зарипов И.А. Исламская финансовая модель: проблемы становления и востребованность развития в России в текущей политико-экономической ситуации. Мир новой экономики. 2023;17(3):73-82. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-73-82>
7. Беккин Р.И. ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА В «ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ». Вестник МГИМО-Университета. 2017;(6(57)):132–142. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-132-142>
8. Шовхалов Ш.А. Анализ динамики и структуры участников рынка партнерских финансов в России / Ш.А. Шовхалов // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3 (47). – С. 139–148. DOI: 10.54351/25876074-2024-3-47-139.
9. М.Р. Таштамиров, З.Р. Давтаева. КАРТИРОВАНИЕ ИСЛАМСКОГО ФИНАНСОВОГО ЛАНДШАФТА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ ПРОДУКТОВ И ИНСТИТУТОВ // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartirovanie-islamskogo-finansovogo-landshafta-sistematizatsiya-finansovyh-produktov-i-institutov> (дата обращения: 22.10.2025).
10. Maradin, Dario & Suljić Nikolaj, Stella & Draženović, Bojana. (2022). Religion and Islamic Finance: Theory and Practice.
11. Beck, T., A. Demircug-Kunt, and R. Levine, Law, endowments, and finance, 70 Journal of Financial Economics, no. 2 (2004).
12. La Porta, R., F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer, and R.W. Vishny (2002), Investor Protection and Corporate Governance, Journal of Finance, 57, 1147-70.
13. Maradin, Dario & Suljić Nikolaj, Stella & Draženović, Bojana. (2022). Religion and Islamic Finance: Theory and Practice.
14. Zafar, A., Muhammad, M., Akhtar, B. (2021). Selection Criteria for Conventional and Islamic Banks: An Empirical Analysis. Islamic Banking and Finance Review, 8(1), 38–60. 31. Zuairi, M., Marpaung, M., Lubis, I. S. (2021).
15. Analysis of Customer Loyalty and The Influence of Product Attributes, Promotions and Religious Commitments on The Decision to Choose Saving Products in Sharia Bank Sumut. In International Applied Business and Engineering Conference 2021 (p. 127–136). 25 August 2021, Riau, Indonesia
16. Abdullah, Atikullah. (2017). A comparison between Malaysia and Indonesia in Islamic banking industry. Pressacademia. 4. 276–286. 10.17261/Pressacademia. 2017. 705.
17. Beck, T., A. Demircug-Kunt, and R. Levine, Law, endowments, and finance, 70 Journal of Financial Economics, no. 2 (2004).
18. Analysis of Customer Loyalty and The Influence of Product Attributes, Promotions and Religious Commitments on The Decision to Choose Saving Products in Sharia Bank Sumut. In International Applied Business and Engineering Conference 2021 (p. 127–136). 25 August 2021, Riau, Indonesia.

19. Таштамиров М.Р. Индустрия исламских финансов: современное состояние и роль в глобальной экономике // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 2(42). – С. 37–44. DOI 10.36684/chesu-2021-42-2-37-44.
20. Таштамиров М.Р. Отличительные особенности традиционной и исламской банковских систем / М.Р. Таштамиров, Э.А. Макшарипова // Сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции «Смирновские чтения – 2023», Санкт-Петербург, 22–24 марта 2023 года / Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2023. – С. 22–31.
21. ISLAMIC FINANCIAL SERVICES INDUSTRY STABILITY REPORT 2025. URL: <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2025/05/IFSI-Stability-Report-May-2025.pdf>
22. ICD – LSEG ISLAMIC FINANCE DEVELOPMENT REPORT 2025. URL: https://www.lseg.com/content/dam/data-analytics/en_us/documents/reports/lseg-islamic-finance-development-indicator-2025.pdf
23. Islamic Finance 2024-2025: Resilient Growth Anticipated Despite Missed Opportunities. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/240429-islamic-finance-2024-2025-resilient-growth-anticipated-despite-missed-opportunities-13074068>
24. Global Muslim population. – URL: <https://timesprayer.com/en/muslim-population/>

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В ПАО «СБЕР»: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Марков Д.А.,

аспирант 2 курса Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
e-mail: mitrofan1999@yandex.ru

Научный руководитель: Тавбулатова З.К.,

д-р экон. наук, профессор кафедры
финансов, кредита и антимонопольного регулирования
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
e-mail: eva_didi@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется система управления рисками банков, оценка эффективности применяемых инструментов и инструментария, а также определение перспективных направлений развития риск-менеджмента. Для анализа эффективной системы управления рисками был выбран системно-значимый банк ПАО «Сбер» и проведено исследование основных изменений в его системе в условиях неопределенности и санкционных ограничений 2022 года. Модернизация системы управления рисками ПАО «Сбербанк» происходила за счет выявления новых рисков, связанных с изменением геополитической ситуации в мире, а также за счет увеличения уровня опасности уже выявленных ранее рисков для текущей деятельности банка. Рассматриваются теоретические основы риск-менеджмента в банковской сфере, организационная структура и нормативная база управления рисками Группы Сбер, методические подходы к управлению кредитным, операционным, рыночным и цифровым рисками. Проанализированы ключевые количественные показатели риск-профиля банка за 2023–2025 годы, а также направления совершенствования системы риск-менеджмента в условиях высоких процентных ставок и цифровой трансформации. Сделан вывод о высокой зрелости системы управления рисками Сбербанка и необходимости её адаптации к новым макроэкономическим вызовам.

Ключевые слова: Сбербанк, банковские риски, управление рисками, кредитный риск, операционный риск, рыночный риск, риск-менеджмент, достаточность капитала.

RISK MANAGEMENT AT PJSC «SBER»: CURRENT STATE, TOOLS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Markov D.A.,

2nd year postgraduate student at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University

Scientific supervisor: Tavbulatova Z.K.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance,
Credit and Antimonopoly Regulation of the IEF
Kadyrov Chechen State University

Annotation. The article examines the risk management system of PJSC «Sber», the largest bank in the Russian Federation. To analyze an effective risk management system, a systemically important bank, Sberbank PJSC, was selected and a study of the main changes in its system in the face of uncertainty and sanctions restrictions in 2022 was conducted. The modernization of Sber risk management system took place by identifying new risks associated with changes in the global geopolitical situation, as well as by increasing the level of risk to the bank's current operations from previously identified risks. The article examines the theoretical foundations of risk management in the banking sector, the organizational structure and regulatory framework of the risk management of the Sber Group, methodological approaches to managing credit, operational, market and digital risks. The key quantitative indicators of the bank's risk profile for 2023–2025 are analyzed, as well as directions for improving the risk management system in the context of high interest rates and digital transformation. The conclusion is made about the high maturity of Sberbank's risk management system and the need to adapt it to new macroeconomic challenges.

Keywords: Sberbank, banking risks, risk management, credit risk, operational risk, market risk, risk management, capital adequacy.

Введение. Управление банковскими рисками представляет собой одну из центральных задач современного финансового менеджмента. В условиях нарастающей макроэкономической нестабильности, ужесточения денежно-кредитной политики и ускоренной цифровой трансформации финансового сектора системообразующие банки оказываются на передовой борьбы с многообразием рисков: от традиционных кредитных до принципиально новых киберугроз. ПАО «Сбербанк», занимающий доминирующее положение на российском банковском рынке, является наиболее показательным примером формирования комплексной, многоуровневой системы управления рисками [1].

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, в 2024–2025 годах Банк России поддерживал ключевую ставку на исторически высоком уровне, что существенно изменило профиль кредитного и процентного риска всей банковской системы. Во-вторых, геополитические и санкционные ограничения привели к трансформации традиционных каналов управления рисками. В-третьих, масштабная цифровизация банковских услуг Сбербанка создала принципиально новые категории технологических и киберрисков [10].

Целью настоящей статьи является системный анализ подходов ПАО «Сбербанк» к управлению рисками в современных условиях, оценка эффективности применяемых инструментов и инструментария, а также определение перспективных направлений развития риск-менеджмента.

Объектом исследования выступает Группа Сбер – консолидированная банковская группа под управлением ПАО «Сбербанк».

Предметом исследования являются методы, инструменты и организационные механизмы управления банковскими рисками.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы: системный анализ, синтез, сравнительный анализ, а также специальные методы финансового анализа, включая коэффициентный анализ и анализ динамических рядов. Информационной базой послужили официальная отчётность «Сбер» по МСФО [9, 10, 15, 18–21], материалы Банка России, публикации рейтинговых агентств [11, 18, 21, 26] и научные статьи по проблематике банковского риск-менеджмента [1–8].

Основная часть. Обсуждение и дискуссия. Теоретические основы управления банковскими рисками изучены российскими и зарубежными учеными с разных точек зрения, начиная от институционального подхода и заканчивая функциональными особенностями различных банков. Банковский риск традиционно определяется в научной литературе как вероятность возникновения финансовых потерь или ухудшения финансовых показателей кредитной организации вследствие неопределённости в её деятельности.

Согласно методологическим подходам Базельского комитета по банковскому надзору, составляющим основу нормативного регулирования в большинстве стран, включая Россию, банковские риски подразделяются на кредитный, рыночный и операционный как три фундаментальные категории [3]. Отечественная система классификации банковских рисков, закреплённая в нормативных актах Банка России, дополняет базельскую таксономию рядом специфических позиций: правовым риском, риском потери деловой репутации, стратегическим риском, риском ликвидности.

В современных условиях всё большее практическое значение приобретают цифровые риски – киберриски, технологический риск, риск утечки данных, – которые ввиду активной цифровизации банковских услуг превращаются в самостоятельную и весомую категорию [4]. И в этом аспекте интересно само исследование управления данными видами рисков.

Далее отметим, что системный подход к управлению рисками предполагает их идентификацию, оценку (измерение), мониторинг и ограничение (снижение). Данный четырёхэтапный процесс является универсальным для крупнейших российских банков и закреплён в их внутренних нормативных документах. Важно также отметить тот факт, что ключевым принципом современного риск-менеджмента выступает риск-аппетит – концепция

предельно допустимого уровня риска, утверждаемая на уровне наблюдательного совета и служащая ориентиром для всей системы лимитов и ограничений.

Исследуя вопросы управления рисками в банковской сфере, нельзя, конечно, обойти вопросы регуляторного надзора и тех требований, которые предъявляются ЦБ к коммерческим банкам. Регуляторная среда управления рисками в российском банковском секторе формируется на основе рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору, прежде всего документов «Базель II» и «Базель III». Соглашение «Базель III», разработанное в ответ на уроки глобального финансового кризиса 2008–2009 годов, ужесточило требования к достаточности капитала, ввело новые стандарты ликвидности (LCR, NSFR) и повысило требования к качеству капитала первого уровня. Банк России последовательно внедряет базельские стандарты в национальное регулирование, транслируя их в обязательные нормативы для кредитных организаций [3].

Для системно значимых банков, к числу которых относится Сбербанк, устанавливаются повышенные требования к достаточности капитала и управлению рисками. В частности, норматив достаточности базового капитала (H1.1) для таких банков предполагает выполнение с учётом надбавок за системную значимость и за поддержание достаточности капитала. Введение инструментов надбавок к минимальным требованиям капитала призвано создать дополнительный буфер для поглощения потерь в стрессовых ситуациях [7].

На уровне внутреннего регулирования Группы Сбер ключевым документом является «Стратегия управления рисками и капиталом Группы ПАО «Сбербанк», которая определяет принципы, методологию и организационную архитектуру системы управления рисками. Этот документ дополняется отдельными политиками по управлению каждым видом существенных рисков, методологическими инструкциями и регламентами [12]. Совокупность данных документов образует нормативную базу риск-менеджмента, соответствующую лучшим международным практикам.

Как известно, система управления рисками Группы Сбер построена на принципе «трёх линий защиты», широко принятом в международной практике корпоративного управления. Первая линия защиты – бизнес-подразделения, непосредственно принимающие риски и несущие ответственность за их управление в рамках установленных лимитов. Вторая линия – независимые функции управления рисками и комплаенса, осуществляющие методологическую поддержку, мониторинг и контроль. Третья линия – внутренний аудит, обеспечивающий независимую оценку эффективности всей системы [9].

На уровне корпоративного управления ключевую роль в системе управления рисками играет Наблюдательный совет ПАО «Сбербанк», в структуре которого действует специализированный Комитет по рискам. Данный комитет утверждает стратегию управления рисками, риск-аппетит и ключевые политики в области риск-менеджмента. Исполнительный блок представлен Комитетом по рискам Группы на уровне правления, а также специализированными комитетами – кредитным комитетом, комитетом по управлению активами и пассивами (КУАП) и другими коллегиальными органами [6].

Функциональное руководство системой управления рисками сосредоточено в Блоке «Риски», возглавляемом членом правления – главным директором по рискам (Chief Risk Officer, CRO). В структуру блока входят специализированные департаменты по управлению кредитными рисками корпоративного и розничного сегментов, рыночными рисками, операционными рисками, а также подразделения методологии, стресс-тестирования и интегрированного риск-менеджмента. Данная организационная структура обеспечивает централизованное управление рисками при одновременном сохранении операционной гибкости в региональных подразделениях [10].

Как отмечают российские исследователи (Яковлев Д.А. и др.), система управления рисками ПАО «Сбербанк» является важным компонентом системы внутреннего контроля банка, осуществляющей свое функционирование по модели трех линий защиты в соответствии с концепцией COSO с интеграцией системы управления рисками в систему внутреннего контроля ПАО «Сбербанк». Система управления рисками ПАО «Сбербанк» предпринимает

меры по повышению эффективности ежегодной идентификации рисков, оценивая их существенность в рамках процедур бизнес-планирования. Кроме того, предусмотрено внеплановое обнаружение и анализ рисков, возникающих в ходе деятельности банка [8].

Управление кредитными рисками в корпоративном сегменте приобретает критическую важность в связи с преобладанием займов с условиями процентной переоценки в структуре банковских портфелей. Аналитические исследования свидетельствуют о том, что совокупный объем корпоративного кредитования компаний, финансовое положение которых подвержено существенному ухудшению на фоне растущих процентных издержек, составляет 20% от совокупного капитала банковской системы [1]. Следовательно, потенциальные убытки от деградации качества корпоративных активов представляют серьезную угрозу для системной устойчивости банковского сектора.

Процесс управления рисками в Сбербанке реализуется через последовательность пяти этапов: выявление (идентификация), измерение (оценка), мониторинг (контроль), ограничение (снижение) и отчетность. На этапе идентификации осуществляется систематическое выявление всех существенных рисков, которым подвержены бизнес-процессы банка и Группы в целом. Результатом является регулярно обновляемая карта рисков, отражающая профиль рисков на различных уровнях организационной структуры [8, 9]. Измерение рисков предполагает применение как стандартизированных, так и продвинутых (внутренних) подходов к оценке. Для кредитного риска Сбербанк активно использует внутренние рейтинговые системы (IRB-подход в терминологии Базель II/III), позволяющие более точно, чем стандартизированный подход, отражать реальный уровень риска каждого заёмщика или контрагента. Для рыночного риска применяются методология Value-at-Risk (VaR) и стресс-тестирование; для операционного риска – методы сценарного анализа и баз данных операционных потерь [6].

Центральное место в системе контроля занимает установление риск-аппетита и каскадирование лимитной структуры. Наблюдательный совет устанавливает предельно допустимый уровень рисков, который затем транслируется в систему лимитов на уровне бизнес-направлений, продуктов, регионов и отдельных контрагентов. Мониторинг соблюдения лимитов ведётся в режиме реального времени с использованием автоматизированных систем управления рисками [6].

Методология оценки кредитного риска – одна из значимых компонент и этапов в управлении рисками банков в целом. Кредитный риск является наиболее значимым в структуре рисков Сбербанка, что обусловлено преобладанием кредитных операций в активной части баланса. Методология управления кредитным риском Сбера охватывает корпоративный и розничный сегменты, а также риски на финансовых рынках и страновые риски. Для корпоративных заёмщиков разработана многоуровневая рейтинговая система, позволяющая присваивать внутренние кредитные рейтинги на основе анализа финансовых и нефинансовых показателей деятельности клиента [6]. Ключевым инструментом ограничения корпоративного кредитного риска является система лимитов Single Name Limit (SNL) – «индивидуальный лимит» на одного заёмщика или группу связанных заёмщиков. Объем устанавливаемого лимита определяется на основе комплексной оценки финансового и нефинансового положения заёмщика.

Проанализируем показатели кредитного риска в динамике за последние годы. По итогам 2024 года стоимость кредитного риска (Cost of Risk, CoR) Сбербанка составила 1,5% без учёта влияния изменения валютных курсов, что несколько выше показателя 2023 года (1,4%). Данная динамика отражает ухудшение кредитного качества ряда заёмщиков в условиях длительного периода высоких процентных ставок. В 3-м квартале 2025 года стоимость риска составила 1,4%, а за 9 месяцев 2025 года – 1,5%, что свидетельствует о стабилизации показателя [12, 13].

Таблица 1. Основные показатели достаточности капитала

Показатели в млрд. руб.	31.12.2025	30.09.2025	31.12.2024	Изменение за квартал
Базовый капитал 1-го уровня	7 268,5	6 943,2	6 428,5	4,7%
Капитал 1-го уровня	7 418,5	7 093,2	6 578,5	4,6%
Общий капитал	7 900,3	7 529,5	6 800,6	4,9%
Активы, взвешенные с учетом риска	56 043,4	55 307,9	52 977,2	1,3%
Коэффициент достаточности базового капитала 1-го уровня	13,0%	12,6%	12,1%	0,4 %
Коэффициент достаточности капитала 1-го уровня	13,2%	12,8%	12,4%	0,4 %
Коэффициент достаточности общего капитала	14,1%	13,6%	12,8%	0,5 %
Коэффициент достаточности капитала банковской группы Н20.0 ¹¹	13,7%	13,4%	13,3%	0,3 %

Разработано автором на основе аналитических данных МСФО за 3–4 квартал 2025 года [14, 15, 16].

Данные таблицы 1 позволяют сделать выводы о достаточности капитала СБЕР по итогам 2025 года. Базовый капитал 1-го уровня вырос на 4,7% за 4 квартал 2025 г. до 7,3 трлн руб. в основном за счет заработанной прибыли. Общий капитал вырос на 4,9% за квартал до 7,9 трлн руб. Активы Группы, взвешенные с учетом риска, увеличились на 1,3% за 4 квартал до 56,0 трлн руб., в основном за счет роста совокупного кредитного портфеля. Коэффициенты достаточности базового капитала и капитала первого уровня выросли на 0,4 % за 4 квартал 2025 г. до 13,0% и 13,2% соответственно, а коэффициент достаточности общего капитала вырос на 0,5% до 14,1%. Коэффициент достаточности капитала банковской группы Н20.0 вырос на 0,3% за квартал или на 0,4% с начала года до 13,7%. Активы Группы Сбер, взвешенные с учётом риска, увеличились в 2024 году на 14,4% за счёт роста кредитного портфеля и ужесточения регуляторных макронадбавок. Коэффициент достаточности капитала банковской группы (норматив Н20.0) на конец 2024 года восстановился до 13,3%. По итогам 2025 года достаточность базового капитала составила 11,6%, основного – 11,9%, общего капитала – 13,5%, что значительно превышает минимальные нормативные требования [14, 15, 16].

Управление концентрацией кредитного риска осуществляется посредством постоянного мониторинга списка крупных и связанных заёмщиков с целью соблюдения нормативов Банка России Н6/Н21 (максимальный риск на одного заёмщика) и Н7/Н22 (максимальный размер крупных кредитных рисков). Диверсификация кредитного портфеля по отраслям, регионам и типам заёмщиков является ключевым инструментом снижения концентрационного риска [6]. Рыночный риск Сбербанка включает процентный риск банковской книги, риск фондового и валютного портфелей. В условиях исторически высоких процентных ставок в 2024–2025 годах управление процентным риском приобрело особую значимость.

По данным МСФО за полный 2025 год [9], стоимость риска Сбербанка составила 1,3% – лучше изначального ориентира в 1,5%, установленного в начале года. Поквартальная динамика показала чёткий нисходящий тренд.

Таблица 2. Стоимость риска Сбера в 2025 году

Период	CoR (без влияния валютного курса)
I полугодие 2025	1,2%
9 месяцев 2025	1,5% (с учётом роста в рознице)
Ноябрь 2025 (месяц)	1,4% против 2,3% год назад
IV квартал 2025	0,9% – резкое улучшение
Год 2025 (итог)	1,3%

Составлено на основе данных: <https://www.finam.ru/publications/item/sberbank-podtverdil-svoi-prognozy-po-klyuchevym-pokazatelyam-na-2026-god-20260226-1349/>

Анализируя данные таблицы 2, мы наблюдаем резкое снижение CoR в IV квартале до 0,9%. Это произошло как в розничном, так и в корпоративном сегменте. Руководство банка ещё в декабре 2025 года заявило, что «пик роста рисков розничного портфеля пройден», а новые заёмщики по уровню риска значительно лучше, чем когорты полугодовой давности.

Банк осуществляет постоянный мониторинг процентного риска банковской книги, контроль соблюдения лимитов и анализ динамики ключевых показателей – дюрации, разрывов (гэпов) переоценки активов и пассивов [6, 14]. Управление валютным риском строится с учётом специфики формирования валютного портфеля банка. Основными источниками валютного риска являются операции по формированию и восстановлению резервов по ссудной задолженности в иностранной валюте, реструктуризация кредитов в части изменения валюты задолженности, а также валютные доходы и расходы. В условиях санкционных ограничений и изменения валютной структуры российского экспорта банк адаптировал подходы к управлению валютным риском, сместив акцент на расчёты в валютах дружественных стран [14]. Для измерения рыночного риска Сбербанк использует методологию VaR с историческим моделированием, а также проводит регулярное стресс-тестирование на основе исторических и гипотетических сценариев. Комитет по управлению активами и пассивами (КУАП) является коллегиальным органом, принимающим ключевые решения в области управления рыночными рисками и структурой баланса банка.

Далее в исследовании проблем управления рисками в банках особое место занимают система управления операционным риском Сбербанка, которая направлена на предотвращение операционных потерь и максимальное снижение ущерба, связанного с недостатками в процессах управления, технологическими сбоями, ошибками персонала, мошенничеством и иными факторами [3]. Банк применяет методологию расчёта операционного риска на основе продвинутого подхода, использующего внутренние базы данных операционных потерь, самооценку рисков и ключевые индикаторы риска (КИР) [14]. Особое место в управлении операционным риском занимает противодействие мошенничеству – как внешнему (действия злоумышленников против клиентов банка), так и внутреннему. По оценке Сбербанка, ущерб от телефонного мошенничества в России в 2024 году составил не менее 295 млрд рублей. Антифрод-системы Сбербанка в 2025 году позволили сохранить от мошенников более 360 млрд рублей средств клиентов, что свидетельствует о высокой эффективности технологических инструментов противодействия операционным рискам [17, 18]. Непрерывность деятельности обеспечивается через систему планирования восстановления бизнес-процессов (Business Continuity Planning, BCP), включающую определение критически важных функций, разработку планов восстановления и регулярное тестирование механизмов реагирования на инциденты. Управление операционным риском тесно интегрировано с системой внутреннего контроля банка, что обеспечивает комплексный подход к минимизации операционных потерь [5]. Масштаб цифровой трансформации Сбербанка делает управление киберрисками одним из стратегических приоритетов риск-менеджмента.

В III квартале 2024 года количество кибератак на российский финансовый сектор возросло на 15% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. Банки сталкиваются с атаками с применением шифровальщиков, троянов, DDoS-атаками и продвинутыми методами социальной инженерии, всё чаще усиленными инструментами искусственного интеллекта – в частности, дипфейковыми видеосообщениями [19, 20]. Сбербанк как крупнейший

финансовый институт страны является объектом целенаправленных кибератак. Agile-команды банка выпускают до 100 000 программных релизов в год, в каждом из которых учтены актуальные требования кибербезопасности. В 2025 году Сбер разработал и опубликовал первую в России модель для обеспечения кибербезопасности систем искусственного интеллекта, что подтверждает лидерство банка в области технологической безопасности [19, 21]. В рамках системы управления ESG-рисками Сбербанк интегрировал управление киберрисками в комплексный процесс управления нефинансовыми рисками. В банке действует набор инструментов и процедур по управлению ESG-рисками в рамках кредитного и других бизнес-процессов. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» подтвердило высокий уровень риск-менеджмента Сбербанка, в том числе в части ESG-рисков, отметив соответствие системы управления рисками требованиям регулятора и лучшим рыночным практикам [8].

Сбербанк использует многоуровневую систему защиты информации, включающую инструменты выявления и устранения уязвимостей, безопасной разработки программного обеспечения, мониторинга угроз в режиме реального времени и реагирования на инциденты. В части противодействия социальной инженерии банк внедрил «Определитель номера» – сервис, позволяющий распознавать и блокировать звонки мошенников; в 2025 году сервис проверил более миллиарда телефонных звонков [22]. Применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в системах антифрода позволяет Сбербанку обнаруживать подозрительные транзакции и паттерны поведения в режиме реального времени. Банк реализует концепцию «этичного хакинга» (bug bounty программы) для выявления уязвимостей силами внешних исследователей безопасности. Комплексный подход включает также подготовку собственных кадров по кибербезопасности и повышение финансовой грамотности клиентов с целью снижения подверженности социальной инженерии [19].

Констатируя финансовые результаты Группы Сбер, можно убедительно свидетельствовать об эффективности функционирующей системы управления рисками. По итогам 2024 года чистая прибыль Сбербанка по МСФО составила 1562 млрд рублей – рекордный показатель в истории банка. По итогам 2025 года чистая прибыль достигла 1 705,9 млрд рублей, несмотря на сохранение жёстких макроэкономических условий [15, 23, 26]. В 2025 году Сбербанк прогнозировал чистую процентную маржу на уровне 5,6%, рост комиссионных доходов на 7–10%, стоимость риска – 1,5%, рентабельность капитала – более 22%. Чистые процентные доходы в 2024 году выросли на 12,4% – до 2 622,7 млрд рублей. Данные показатели демонстрируют способность банка генерировать устойчивую прибыль при сохранении контролируемого уровня рисков [15, 16]. Отношение операционных расходов к доходам (CIR) планировалось банком на 2024–2025 годы на уровне 30–32%, что является весьма конкурентным показателем эффективности для системно значимого банка такого масштаба. Высокая операционная эффективность является, в том числе, следствием зрелой системы управления операционными рисками, позволяющей минимизировать непредвиденные потери [24].

В современной оценочной системе часто применяется стресс-тестирование, которое является ключевым инструментом оценки устойчивости банка к неблагоприятным сценариям. В условиях 2024–2025 годов Сбербанк проводил сценарный анализ, включающий риск стагфляции – одновременного торможения экономического роста и сохранения высокой инфляции. По словам Германа Грефа, такая ситуация может поставить ряд заёмщиков в сложное финансовое положение, что потребует от банков повышенных резервов и активного мониторинга проблемных активов [2, 10]. Планирование капитала в Сбербанке осуществляется с применением ICAAP (Internal Capital Adequacy Assessment Process) – внутреннего процесса оценки достаточности капитала, предусмотренного требованиями Банка России и базельскими стандартами. В рамках ICAAP банк не только выполняет нормативные требования по минимальной достаточности капитала, но и формирует дополнительный капитальный буфер для покрытия стрессовых потерь. Акционеры банка в 2025 году были уведомлены об ожидаемом восстановлении норматива H20.0 до целевого значения 13,3% с учётом выплаты дивидендов [25].

Нельзя не отметить один из ключевых стратегических приоритетов Сбербанка – углублённое применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в системе управления рисками. Использование ИИ позволяет повысить точность оценки кредитоспособности за счёт анализа неструктурированных данных, автоматизировать выявление аномалий в транзакционных потоках, а также улучшить прогнозирование операционных потерь. По мнению руководства Сбербанка, именно технологическое лидерство является основой конкурентных преимуществ банка в долгосрочной перспективе [8, 11]. Развитие AI-инструментов управления рисками происходит в тесной связке с общей технологической стратегией Группы Сбер. Непрерывная разработка новых программных продуктов и их масштабное применение в банковских процессах создают возможности для реализации адаптивных систем управления рисками, способных в режиме реального времени реагировать на изменение риск-профиля клиентов и портфелей. Сбербанк активно развивает собственные компетенции в области data science и машинного обучения, что позволяет создавать уникальные риск-модели, недоступные конкурентам [7, 10].

В 2024–2025 годах Сбербанк уделял повышенное внимание интеграции ESG-факторов в процессы управления рисками. Рейтинг ESG-AAA от НКР и подтверждённый рейтинг ESG от агентства «Эксперт РА» свидетельствуют о высоком уровне зрелости банка в области управления экологическими, социальными и корпоративными рисками. В 2025 году Сбербанком утверждён стандарт «зелёного офиса», регулирующий аспекты энергопотребления и управления отходами [1, 21]. Управление климатическими рисками становится всё более актуальным в контексте международных тенденций. Российские банки, включая Сбербанк, постепенно внедряют подходы к оценке и раскрытию информации о климатических рисках в соответствии с рекомендациями Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD). Интеграция климатических и экологических рисков в кредитный процесс позволяет более точно оценивать долгосрочные риски заёмщиков, связанные с переходом к низкоуглеродной экономике [19].

Как видно из содержания стратегических документов банка («Стратегия управления рисками Сбера на период 2025–2027 годов» [13]), система направлена на дальнейшее развитие и совершенствование, обеспечивающее сбалансированность риска и доходности. Ключевой задачей определено, как мы видим, эффективное управление риск-профилем банка, ориентированное на сохранение качества управления рисковыми активами, недопущение существенного роста проблемных активов и концентрации портфеля. Приоритетными направлениями развития системы управления рисками в среднесрочной перспективе являются: совершенствование моделей оценки кредитного риска с использованием ИИ; развитие системы управления киберрисками в условиях нарастания цифровых угроз; углублённая интеграция ESG-факторов в риск-процессы; усиление системы управления концентрационным риском в условиях трансформации кредитного портфеля. Реализация данных направлений должна обеспечить соответствие системы управления рисками динамично меняющейся внешней среде и сохранение финансовой устойчивости Группы [15].

Выводы. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что система управления рисками ПАО «Сбербанк» представляет собой комплексный, многоуровневый механизм, соответствующий лучшим международным практикам и требованиям российского регулятора. Организационная архитектура системы, основанная на принципе трёх линий защиты, обеспечивает чёткое распределение ответственности между бизнес-подразделениями, функциями управления рисками и внутренним аудитом [14, 17]. Анализ ключевых показателей риск-профиля Группы Сбер в 2023–2025 годах свидетельствует о сохранении контролируемого уровня кредитного риска (стоимость риска – около 1,5%), высокой достаточности капитала (H20.0 – 13,3%) и эффективной защите от операционных и киберрисков. Рекордные финансовые результаты – чистая прибыль 1 705,9 млрд рублей по итогам 2025 года – достигнуты, в том числе благодаря зрелой системе управления рисками, позволяющей максимизировать доходность при удержании рисков в допустимых границах [12, 16, 23].

В заключение следует отметить, что перспективы развития системы управления рисками Сбербанка связаны с углублённым применением технологий искусственного интеллекта, интеграцией ESG-факторов и адаптацией к новым категориям цифровых угроз. Бесспорно, реализация стратегии управления рисками на 2025–2027 годы, нацеленной на обеспечение сбалансированности риска и доходности, призвана укрепить конкурентные позиции банка и сохранить его финансовую устойчивость в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Арсенян А.Г. Совершенствование системы управления рисками коммерческого банка (на материалах российского банковского сектора) / А.Г. Арсенян. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2025. № 38 (589). – С. 12–14. URL: <https://moluch.ru/archive/589/128502>. URL: <https://moluch.ru/archive/589/128502> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Бекмурзаев И.Д., Григорьева Н.Н., Вышкварка А.Б. Кибербезопасность как критический фактор цифровой трансформации бизнеса в период нестабильности // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 19–27.
3. Беспалова И.В., Яшина Н.М. Система управления рисками российских банков // Фундаментальные исследования. 2015. № 9-2. – С. 327–333; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39100> (дата обращения: 03.04.2026).
4. Квициния А.В. Анализ и оценка основных рисков банковской системы России и их влияние на российский банковский сектор в условиях макроэкономической нестабильности. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2025;(2):160–170. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-160-170>
5. Кучур Е.А. Проблемы управления кредитным риском и пути их решения / Е.А. Кучур, А.А. Лапотентова // Актуальные вопросы науки и образования 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 23 мая 2025 года. – Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 51–53. EDN QTDYUJ.
6. Свечников С.Н. Управление рисками участников цифрового финансового рынка / С.Н. Свечников, С.В. Плясова // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s3. URL: <https://esj.today/PDF/75FAVN323.pdf>
7. Тавбулатова З.К., Батукаева Л.С.-Э. Финтех на рынке глобальных финансовых услуг: современные тренды // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. Т. XX, № 2 (36). 2024. – С. 17–26. Шаврукова, Е.В. Оценка финансовых рисков коммерческого банка / Е.В. Шаврукова, И.Я. Новикова // Вестник науки. 2025. Т. 5, № 6-1(87). – С. 195–205. EDN TFIVTO.
8. Тавбулатова З.К., Батукаева Л.С.-Э. Контент-анализ состояния и развития Финтех компаний в России за 2022 – 2023 гг. // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 4(56). – С. 6-15.
9. Результаты работы Группы Сбер по МСФО за 2025 год // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/vazhnoe/article> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Сокращённые результаты МСФО за 3 квартал 2025 года // Sberbank Investor Relations. – URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/ifrs_results_for_the_3rd_quarter9oct (дата обращения: 22.03.2026).
11. НКР подтвердило ESG-рейтинг ПАО «Сбербанк» на уровне ESG-AAA: пресс-релиз НКР. – М.: НКР, 2025. URL: https://ratings.ru/upload/iblock/d4a/u207297mgpprf2uifzjh2kpp568kelv/NCR_Sber_ESG_051125.pdf (дата обращения: 12.03.2026).
12. «Эксперт РА» подтвердил рейтинг ESG ПАО «Сбербанк» // Raexpert.ru. 2025. URL: <https://raexpert.ru/releases/2025/oct30b> (дата обращения: 02.04.2026).
13. Стратегия 2025–2027 ОАО «Сбер Банк» (стратегический план деятельности). URL: https://www.sberbank.by/files/up/49626/Стратегия_2027.pdf (дата обращения: 12.03.2026).
14. Управление значимыми рисками – Отчёт по рискам Группы Сбер за 2017 год // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: <https://ar2017sberbank.3ebra.com/ru/risk-report/significant-risks-management> (дата обращения: 22.03.2026).
15. Сбербанк в 2024 году получил рекордную прибыль // Интерфакс. 2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1003377> (дата обращения: 12.03.2026).
16. Результаты работы Группы Сбер по МСФО за 6 месяцев 2025 года // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/vazhnoe/article> (дата обращения: 12.03.2026).
17. Система управления операционным риском в банках // DigDes.ru. 2023. URL: <https://digdes.ru/products/upravlenie-operatsionnym-riskom-v-bankah> (дата обращения: 02.04.2026).
18. Сбер: какие риски видит банк в 2025 году // Forbes Россия. 2024. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/526658> (дата обращения: 09.04.2026).
19. Результаты работы Группы Сбер по МСФО за 2024 год // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/results_of_work_on_ifrs_q42024 (дата обращения: 12.04.2026).

20. Сбербанк открыл Академию риск-менеджмента // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». – URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article> (дата обращения: 09.03.2026).
21. Финансовые показатели Сбербанка // TAdviser. 2026. URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
22. Сравнительный анализ принципов банковского риск-менеджмента в российской и международной практике // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-printsipov-bankovskogo-risk-menedzhmenta> (дата обращения: 22.03.2026).
23. Сбер в 2025 году помог россиянам уберечь от мошенников более 360 млрд рублей // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/cybersecurity/article> (дата обращения: 12.03.2026).
24. Сбер разработал первую в России модель для кибербезопасности искусственного интеллекта // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/cybersecurity/article> (дата обращения: 12.03.2026).
25. Защита бизнеса от киберугроз в 2025 году // Sber.pro. 2024. URL: <https://sber.pro/publication/na-shag-vpered-i-hakerov> (дата обращения: 02.04.2026).
26. Эксперты назвали главные киберугрозы для банков и их клиентов в 2025 году // Forbes Россия. 2025. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/528907> (дата обращения: 02.04.2026).

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ

Мусаева Б.М.,

старший преподаватель кафедры

экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Ахмадова С.А.,

студентка 1 курса магистратуры профиля

«Экономическая безопасность предприятий и организаций»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассмотрены и систематизированы теоретические основы управления инновационным развитием предприятия. Предложенные в статье задачи реализуются путем применения комплекса общенаучных и специализированных методов, обеспечивающих многогранный анализ значения финансового механизма в инновационном управлении на отечественных предприятиях. Представлено значение инновационной деятельности в обеспечении конкурентоспособности субъекта предпринимательства, содержание механизма управления инновационным развитием и его роль в обеспечении устойчивого развития предприятия, ключевые составляющие механизма инновационного менеджмента, место цифровизации в современной системе управления инновационным развитием. Выделены проблемные звенья механизма управления инновационным развитием отечественных предприятий, очерчены перспективы повышения эффективности этого механизма и инновационного менеджмента.

Ключевые слова: механизм, управление, цифровизация, бизнес-процессы, предприятие, инновационное развитие.

DEVELOPING AN EFFECTIVE MECHANISM FOR MANAGING INNOVATIVE DEVELOPMENT OF AN ENTERPRISE

Musaeva B.M.,

Senior Lecturer, Department of Economics and

Economic Security of Industries and Enterprises,

Kadyrov Chechen State University

Akhmadova S.A.,

1-st year student, master's degree program, profile

«Economic security of enterprises and organizations»

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article considers and systematizes the theoretical foundations of enterprise innovation management. The tasks proposed in the article are implemented through the application of a complex of general scientific and specialized methods that provide a multifaceted analysis of the significance of the financial mechanism in innovation management at domestic enterprises. The significance of innovation activity in ensuring the competitiveness of an entrepreneurial entity, the content of the innovation management mechanism and its role in ensuring the sustainable development of an enterprise, the key components of the innovation management mechanism, the place of digitalization in the modern innovation management system are presented. Problematic links in the innovation management mechanism of domestic enterprises are highlighted, and prospects for increasing the efficiency of this mechanism and innovation management are outlined.

Keywords: mechanism, management, digitalization, business processes, enterprise, innovative development.

Современная бизнес-среда характеризуется высоким уровнем динамичности, обусловленным такими факторами, как глобализация, цифровая трансформация, быстрое изменение потребительских предпочтений, обострение конкуренции и т. п. В связи с этим предприятия должны демонстрировать высокую способность к адаптации и активно внедрять инновационные решения. С целью сохранения конкурентных позиций и повышения эффективности деятельности бизнес-структуры вынуждены постоянно ориентироваться на

актуальные тенденции в области новейших технологий, бизнес-моделей, ресурсного обеспечения, бытовых рынков и потребительского поведения.

Ведущую роль в обеспечении конкурентных преимуществ играют инновации. Они позволяют субъектам предпринимательской деятельности выделяться на рынке, предлагать уникальные продукты и услуги, оптимизировать расходы, наращивать рыночную долю и повышать доходность. Таким образом, инновационное развитие становится стратегическим фактором долгосрочной стабильности и рыночной устойчивости компании.

Разработке подходов к формированию эффективных механизмов управления инновационным развитием уже длительное время уделяется значительное внимание мирового и отечественного научного сообщества. Этот феномен вызывает интерес как у научных теоретиков, так и у практиков менеджмента.

В современных условиях актуальными остаются исследования роли инноваций в обеспечении устойчивого развития бизнес-структур, эффективного управления инновационной деятельностью и интеллектуальной собственностью, формирования инновационных экосистем, а также изучение трансформационного влияния цифровых технологий на инновационные процессы предприятий.

Статья посвящена обзору и обобщению теоретических аспектов управления инновационным развитием субъектов предпринимательской деятельности, в частности формированию эффективного механизма такого управления, соответствующего стратегической цели повышения конкурентоспособности предприятия в условиях турбулентной среды. В статье определено значение эффективного механизма управления инновационным развитием предприятия и определены ключевые составляющие этого механизма.

Инновационная деятельность играет стратегически важную роль для обеспечения конкурентоспособности, адаптивности и устойчивого развития предприятия. Она становится не только средством технологического обновления, но и основой для долгосрочного успеха бизнеса в условиях нестабильного рынка, цифровой трансформации и глобализации.

Инновационное развитие стало одним из определяющих факторов приобретения конкурентных преимуществ и обеспечения антикризисной устойчивости. Понятно, что вышеупомянутое требует решения проблемы формирования системы гибкого и адаптивного управления этим процессом субъектами хозяйствования, которая на сегодня является крайне необходимой, в частности внедрение эффективного механизма управления инновационным развитием. Устойчивое развитие – это «современная концепция цивилизационного развития, в соответствии с которой удовлетворение потребностей современного поколения людей не должно препятствовать возможности будущих поколений удовлетворять их аналогичные потребности» [3].

Механизм управления инновационным развитием бизнес-единицы представляет собой совокупность целей, принципов, методов, инструментов, рычагов и организационных форм, с помощью которых обеспечивается целенаправленное воздействие на процессы создания, внедрения и коммерциализации инноваций с целью достижения стратегических целей субъекта предпринимательской деятельности [1, 4]. Эффективный механизм инновационного менеджмента играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития предприятия или фирмы и обеспечивает достижение ряда его стратегических и тактических целей (рис. 1).

Рисунок 1. Значение эффективного механизма управления инновационным развитием предприятия

Источник: составлено автором

Таким образом, эффективный механизм управления инновационным развитием является фундаментом для инновационной деятельности предприятия, обеспечивая ее организованность, результативность и, в конечном итоге, его долгосрочный успех. При этом эффективный механизм должен быть целостной динамической системой с согласованной работой должным образом подогнанных друг к другу и соответствующих стратегии инновационного развития предприятия составных элементов (рис. 2).

Рисунок 2. Ключевые составляющие механизма управления инновационным развитием предприятия

Источник: составлено автором

Только должным образом сформированный механизм управления инновационным развитием способен обеспечить эффективное генерирование, освоение и распространение инноваций в рамках предприятия с учетом его ресурсного потенциала и стратегического позиционирования.

Одно из ключевых мест в современной системе управления инновационным развитием субъектов предпринимательской деятельности и, соответственно, в его механизме принадлежит цифровизации. Она занимает центральное место в трансформации современных бизнес-процессов, выступая не только как технологический инструмент, но и как стратегический фактор, формирующий новую архитектуру ведения бизнеса. Цифровизация меняет способ создания ценности, коммуникации с клиентами, принятия управленческих решений и обеспечения операционной эффективности. Благодаря цифровым решениям (таким как ERP, CRM, BPM-системы) предприятия могут сузить объем ручного труда, уменьшить количество ошибок, ускорить ведение бизнес-процессов и выполнение операций. Принятие решений на основе данных (data-driven management), большие их массивы (Big Data), аналитика и машинное обучение позволяют руководителям делать более точные прогнозы, выявлять закономерности и оперативно реагировать на вероятные изменения. Цифровые каналы (мобильные приложения, чат-боты, персонализированные сервисы) повышают лояльность клиентов, обеспечивают удобство и скорость обслуживания. Платформы, облачные технологии и цифровые продукты позволяют быстро адаптироваться к новым рынкам и масштабировать бизнес без существенных инвестиций в физическую инфраструктуру. Интернет вещей (IoT), блокчейн и автоматизированные системы позволяют прозрачно отслеживать логистику, контроль качества и движение ресурсов в режиме реального времени. Следовательно, цифровизация является фундаментом для внедрения инноваций – от разработки новых продуктов до запуска виртуальных производств и искусственного интеллекта в управлении.

В инновационном управлении современными бизнес-процессами цифровизация означает не просто внедрение ИТ-решений, а трансформацию всей бизнес-модели предприятия, что позволяет повысить конкурентоспособность, устойчивость к кризисам и адаптивность в среде постоянных изменений.

На фоне ускорения инновационного развития деловой сферы в ведущих в технологическом отношении странах мира все более заметным становится относительное отставание в этом отношении отечественной деловой среды. В числе основных проблем, которые влияют на процессы управления инновационным развитием отечественных предприятий, называют ограниченность финансирования инновационной деятельности, отсутствие у предприятий современной базы для внедрения разработок из-за изношенности или отсутствия необходимого оборудования, отсутствие кадров, способных эффективно управлять инновационным процессом [5].

Ключевыми проблемными зонами, требующими усовершенствования в контексте активизации инновационного развития отечественных предприятий, можно обозначить следующие:

1. Недостаточное стратегическое планирование инноваций. Многие предприятия не имеют четко определенных стратегий инновационного развития или ограничиваются только тактическими действиями, не формируя долгосрочного видения приоритетных целей и ситуации. Как указано в работе [2]: «учитывая высокую изменчивость национальной и мировой экономик, при планировании возникает проблема невозможности учета всех возможных вариантов будущего, поскольку состояние внешней среды не может быть определено однозначно» [2].

2. Слабое взаимодействие науки и бизнеса. Наблюдается низкий уровень кооперации предпринимательской сферы с университетами, научно-исследовательскими институтами и научными стартапами. Инновационный прогресс тормозит отсутствие действенного механизма коммерциализации научных разработок.

3. Низкий уровень инвестиций в научно-исследовательскую деятельность. Доля подобного рода расходов субъектов предпринимательской деятельности остается крайне низкой. Отечественный бизнес рассматривает инновации не как капиталовложения, а, скорее, как расходы.

4. Нехватка квалифицированных кадров в инновационной сфере. Приобретают дальнейшее развитие тенденции «оттока мозгов» и недооценки роли инновационного персонала. Слабо развиты системы стимулирования творческого потенциала работников.

5. Отсутствие развитой инфраструктуры поддержки инноваций. Сеть бизнес-инкубаторов, технопарков, кластеров остается недостаточно мощной и слабо интегрированной с производством.

6. Ограниченность финансовых инструментов. Недоступность венчурного капитала, высокие банковские ставки, отсутствие грантовых программ или их сложная бюрократическая реализация ограничивают источники финансирования инноваций.

7. Низкая цифровая зрелость отечественных бизнес-субъектов. Значительная часть отечественных предприятий не интегрировала цифровые технологии в управление инновациями. В них отсутствуют CRM, ERP, системы цифрового моделирования или аналитики.

Таким образом, без повышения эффективности инновационного менеджмента на фоне усиления общего внимания отечественного бизнеса к инновациям его отставание от зарубежных конкурентов на мировом и внутреннем рынках товаров и услуг будет только углубляться. Одно из главных мест в проектах оживления инновационной активности отечественных предприятий и фирм должно отводиться формированию эффективного механизма управления инновационным развитием. Такой механизм должен характеризоваться целеустремленностью и стратегической ориентацией, быть системным, гибким и адаптивным, максимально интегрироваться в сферу современных цифровых технологий, ориентироваться на результат и инновационную ценность. Формирование такого механизма в рамках конкретного бизнес-субъекта требует создания профессиональной команды управления инновациями, разработки системы мониторинга и индикаторов оценки эффективности инновационных решений, повышения цифровой компетентности управленческого персонала, стимулирования внутренней инициативности, творчества, командной работы и открытости к

изменениям. Очевидно, что существенную часть работы по активизации собственной инновационной активности и обеспечению догоняющих темпов инновационного развития должен выполнить сам отечественный бизнес.

Список источников

1. Аверина Т.А. Инновационный менеджмент в структурных схемах: учеб. пособие / Т.А. Аверина, С.А. Баркалов, Т.В. Насонова; Воронежский ГАСУ. 2016. – 167 с.
2. Мусаева Х.М. Финансовое планирование на предприятии в условиях неопределенности и нестабильности // Развитие экономики и финансовой системы России: динамика, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2023. – С. 91–96.
3. Мусостова Д.Ш., Магомедова З.А., Титиева П.А. Устойчивое развитие современного общества при решении глобальных задач зеленых технологий // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2024. – С. 113–118.
4. Недюхина О.М. Инновационный менеджмент: учеб.-метод. пособие / О.М. Недюхина, Е.В. Кокиц. – Горки: БГСХА, 2021. – 133 с.
5. Шумаев В.А. Управление инновациями: состояние, теория, практика: монография / В.А. Шумаев. – М.: Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, 2015. – 172 с.

ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Мусаева Б.М.,

старший преподаватель кафедры

экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Сулейманов Ш.А.,

студент 1 курса магистратуры профиля

«Экономическая безопасность предприятий и организаций»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассмотрены технологии исследования уровня экономической устойчивости региональной системы. Предложен концептуальный базис исследования уровня экономической устойчивости региональной системы как системы, состоящей из четырех функциональных составляющих: финансовой, технической, коммуникационно-информационной и кадрово-интеллектуальной, что позволяет обеспечить комплексность оценки и системный подход в исследовании динамики ключевых индикаторов, а также проанализировать влияние каждой из составляющих на общий уровень устойчивости системы.

Ключевые слова: технологии, экономическая устойчивость, региональная система, прогнозирование, информация.

TECHNOLOGIES FOR RESEARCHING THE LEVEL OF ECONOMIC STABILITY OF THE REGIONAL SYSTEM

Musaeva B.M.,

Senior Lecturer, Department of Economics and Economic

Security of Industries and Enterprises,

Kadyrov Chechen State University

Suleimanov Sh.A.,

1-st year student, master's degree program, profile

«Economic security of enterprises and organizations»

Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines technologies for studying the level of economic sustainability of a regional system. A conceptual model is proposed for studying the level of economic sustainability of a regional system as a system consisting of four functional components: financial, technical, communications and information, and human resources and intellectual property. This allows for a comprehensive assessment and a systematic approach to studying the dynamics of key indicators, as well as for analyzing the impact of each component on the overall level of system sustainability.

Keywords: technologies, economic stability, regional system, forecasting, information.

В условиях системной трансформации экономики заметно возрастает роль теоретического и методологического обоснования государственного регулирования социально-экономического развития регионов на основе имплементации исследовательских технологий. При имеющихся глобализационных процессах и негативных последствиях мировой финансовой рецессии актуальным становится укрепление позиций страны и ее регионов в международном хозяйстве путем определения и повышения уровня устойчивости. Это, между прочим, включает разработку практических инструментов, которые бы способствовали активизации развития потенциала и укреплению устойчивости для ускорения темпов экономического роста.

Вопросом сущности развития региональных систем занималось немало ученых, среди которых: О.Н. Альхименко [1], М.В. Барсукова [7], Н.Н. Нестерова [3], О.А. Репушевская [4], Г.Р. Сафина [5], О.Ю. Смылова [3], В.А. Федорова [5], Л.П. Федорова [6], Д.Ю. Фраймович [7], Д.Н. Хайруллина [6]. В результате анализа научных работ отечественных и зарубежных

ученых установлено, что механизм обеспечения устойчивости экономики региональной системы рассматривается как совокупность управленческих, экономических, организационных, правовых и мотивационных механизмов гармонизации требований, потребностей и интересов экономики региона с интересами субъектов внешней среды, с помощью которых должно обеспечиваться получение соответствующего социально-экономического эффекта.

Целью данной работы является исследование инструментария системного оценивания и прогнозирования экономической устойчивости региональных систем.

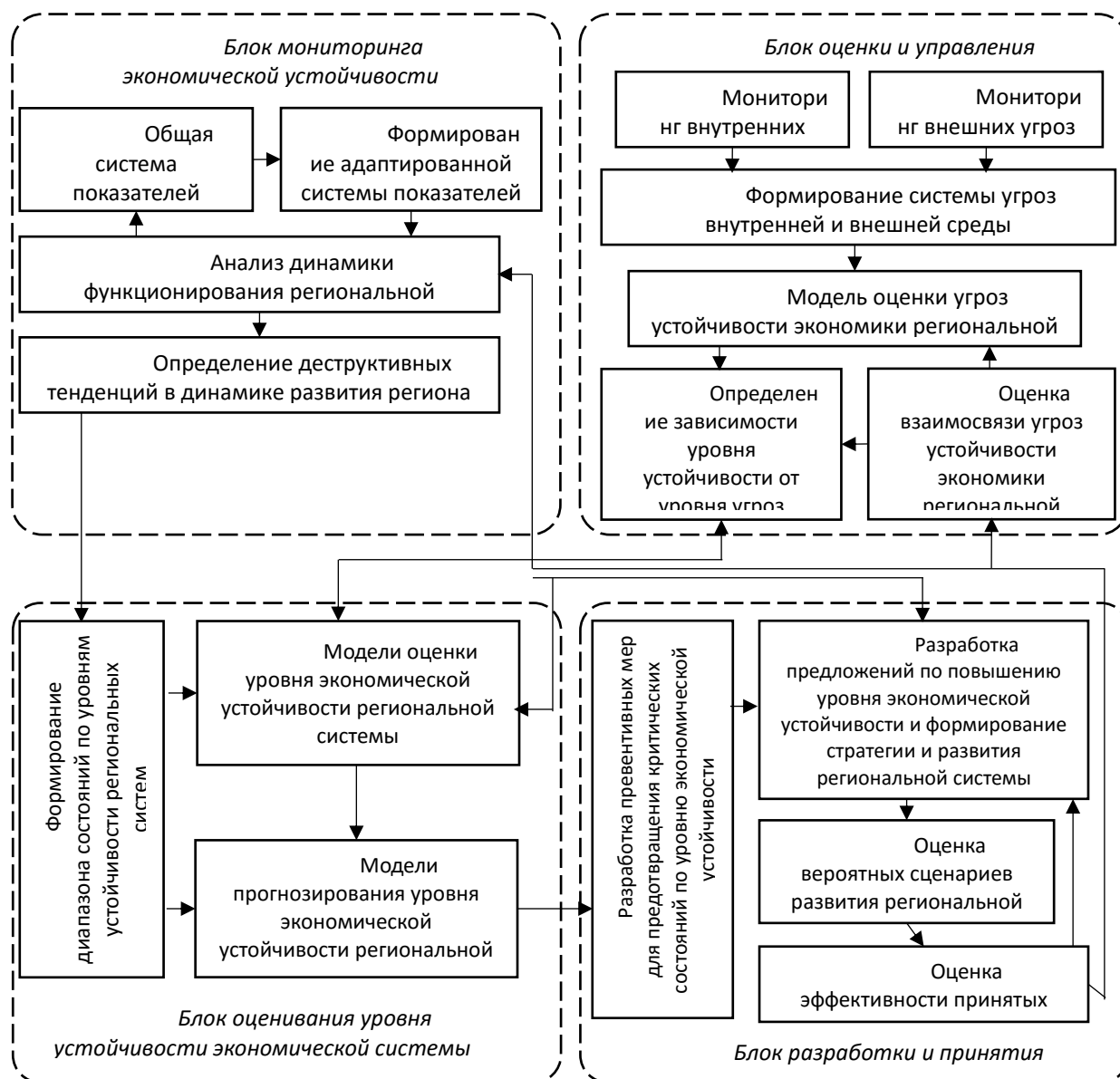

Рисунок 1. Концептуальный методологический базис исследования уровня экономической устойчивости региональной системы

Источник: составлено автором на основе [4]

Предложенный методологический базис оценивания экономической устойчивости региональной системы позволяет оперативно и адекватно решать задачи диагностирования устойчивости и формировать управленческие решения реагирования экономической системы на воздействие внешних и внутренних угроз. Концепция исследования устойчивости функционирования региональной системы учитывает такие системные характеристики, как:

- объективность (объективная всесторонняя оценка экономической устойчивости региональной системы на базе формализованных критериев);
- последовательность (структурная иерархия этапов реализации комплекса управленческих решений);
- универсальность (возможность использования различными системами, отдельными структурами, отраслями, а также региональными институтами и внешними субъектами);
- превентивность (обеспечивает раннюю диагностику и возможность на ее основе разработки мер предотвращения симптомов, угрожающих экономической устойчивости региона).

Предлагаемый методологический базис исследования уровня экономической устойчивости региональной системы позволяет решить следующие задачи [4]:

- определение совокупности возможных состояний экономической устойчивости региона и формирование однородных классов различных состояний по индикаторам;
- определение текущего уровня экономической устойчивости и формирование правил по отнесению ситуации к одному из формируемых классов;
- оценка и анализ взаимосвязей и взаимовлияний факторов экономической устойчивости по критериям и составляющим деятельности региона.

Процесс разработки управленческих решений начинается с детального анализа влияния угроз внешней и внутренней среды на систему экономической устойчивости региона. Формирование системы альтернатив принятия решений реализуется на основе результатов количественной оценки при непосредственном участии экспертов с использованием вычислительных процедур на основе интеллектуально-информационных средств. Центральным этапом процедуры принятия решения является формирование статистической базы, оценка, анализ, прогнозирование и выбор эффективного сценария развития региона для обеспечения устойчивости региональной системы. Как отмечено в работе «Импортзамещение как инструмент социально-экономического развития на примере ЧР» [2], «информационная поддержка – распространение информации о возможностях и преимуществах отечественной продукции, проведение рекламных кампаний и выставок» [2].

Управление системой обеспечения экономической устойчивости региона основано на применении современного инструментария экономико-математических моделей. Данный комплекс моделей позволяет исследовать состояние показателей основных сфер деятельности регионов и их взаимозависимость для достижения таких основных функциональных целей экономической устойчивости, как:

- достаточный уровень финансовой устойчивости региональной системы;
- технико-технологическая независимость региона и конкурентоспособность его инновационного потенциала;
- высокий уровень информационно-коммуникационной среды региона и информационного обеспечения работы всех структур и институтов;
- высокий уровень квалификации персонала региона и его интеллектуального потенциала [7].

В общем виде оценка уровня экономической устойчивости региональной системы осуществляется по формуле [4]:

$$P = PF\omega_F + P_C\omega_C + P_T\omega_T + P_I\omega_I \quad (1)$$

где P_F – оценка уровня финансовой устойчивости региона; P_C – оценка уровня кадрово-интеллектуальной устойчивости региона; P_T – оценка уровня технико-технологической устойчивости региона; P_I – оценка уровня коммуникационной-информационной устойчивости региона; $\omega_F, \omega_C, \omega_T, \omega_I$ – взвешенные коэффициенты составляющих системы экономической устойчивости региона.

По результатам исследований различных подходов [1, 3] была сформирована система наиболее весомых показателей оценки уровня экономической устойчивости региональной системы: показатели уровня финансовой устойчивости региона; показатели уровня кадрово-интеллектуальной устойчивости региона; показатели уровня технико-технологической

устойчивости региона; показатели уровня коммуникационной-информационной устойчивости региона. Использование небольшого количества показателей является одним из важнейших принципов, который способствует извлечению из методики не имеющих веса показателей, что положительно влияет на общий результат оценки.

Предлагаемый алгоритм оценивания уровня экономической устойчивости региона содержит в себе три этапа исследования.

Этап 1. Формирование комплекса моделей для определения составляющих оценки экономической устойчивости региона. Данный этап представляет собой композицию отдельных составляющих экономической устойчивости региона. Оценка состояния системы финансовой устойчивости региона [4] учитывает уровень финансовой составляющей экономической безопасности по группам показателей: ликвидности, надежности, финансовой устойчивости, рентабельности. Она может быть определена по формуле:

$$PF = \sum_{i=1}^{IF} \frac{a_i}{F_i^*} \sum_{k=1}^{N_i} \eta_k^i f_k^i \quad (2)$$

где IF – количество составляющих оценки уровня финансовой устойчивости региона; a_i – значение i -го потенциала финансовой устойчивости региона; F_i^* – максимальное значение оценки i -го потенциала системы финансовой устойчивости региона за период исследования; f_k^i , η_k^i – соответственно значение и коэффициент веса k -го показателя i -го потенциала финансовой устойчивости региона; N_i – количество показателей i -го потенциала финансовой устойчивости региона.

Состояние кадрово-интеллектуальной устойчивости региональной системы учитывает уровень потенциала и состояние развития образования, квалификации и профессиональных характеристик управленческого и производственного персонала [1].

В основу определения уровня технико-технологической устойчивости региона положена эффективность использования производственных ресурсов и имеющихся активов региона.

Коммуникационно-информационный уровень устойчивости функционирования региональной системы рассчитывается в разрезе направлений, этапов и основных сфер информационной деятельности региона [3].

Этап 2. Диагностика угроз среды и моделирование их влияния на уровень экономической устойчивости региона.

Идентификация и классификация угроз, а также степени их влияния по выделенным факторам и сферам управления позволяют менеджменту региона своевременно и оперативно реагировать на влияние дестабилизирующих факторов. Это достигается путем формирования комплекса превентивных управленческих решений, направленных на повышение общего уровня экономической устойчивости региона, а следовательно, экономической безопасности [6].

Реализация методологии диагностики угроз заключается в оптимальном обосновании количественных и качественных требований к организации функционирования региональной системы и предусматривает следующие этапы [6]: сбор и обработка экспертной информации о состоянии и характеристиках угроз; оценка уровня организации системы региона в стоимостном виде для конкретного варианта ее реализации с учетом допустимого объема затрат; разработка алгоритма выбора оптимального варианта построения системы экономической устойчивости региона в условиях действия угроз.

Этап 3. Прогнозирование уровня устойчивости региональной системы. Прогнозирование состояния и индикаторов экономической устойчивости региональной системы предоставляет основную начальную информацию для принятия управленческих решений в процессе планирования режимов функционирования региона. Точность и качество прогноза зависят от подобранной модели прогнозирования.

Следует отметить, что надлежащий уровень информационно-аналитической поддержки принятия управленческих решений обеспечивается комплексной автоматизированной системой агрегации статистической информации, обеспечивающей организацию и координацию процессов сбора, хранения и обработки информации.

Концепция предложенной автоматизированной системы агрегации статистической информации основана на современной технологии баз данных и углубленной аналитической обработке накопленной информации современными методами поддержки принятия решений. Информационно-аналитическая система реализует концепцию механизма обеспечения и управления экономической устойчивостью региона на основе ее функционального потенциала [3, 7]. Это позволяет повысить достоверность и оперативность обеспечения управленческой деятельности по организации системы управления экономической устойчивостью региона.

Таким образом, в работе предложен концептуальный модельный базис исследования уровня экономической устойчивости региональной системы как системы, состоящей из четырех функциональных составляющих: финансовой, технической, коммуникационно-информационной и кадрово-интеллектуальной. Это позволяет обеспечить комплексность оценки и системный подход в исследовании динамики ключевых индикаторов, а также проанализировать влияние каждой из составляющих на общий уровень устойчивости системы.

Для каждой из составляющих предложена система индикаторов показателей; построены модели оценки текущего и прогнозного уровня локальных составляющих экономической устойчивости, а также разработана модель оценки общего уровня экономической устойчивости региона. Это дает возможность повысить эффективность управленческой деятельности для обеспечения надлежащего уровня устойчивости экономической системы региона за счет организации систем раннего предвидения и предупреждения угроз деятельности региона.

Определение приоритетов и перспектив, адекватное формирование целей развития каждого конкретного региона с учетом имеющегося ресурсного обеспечения требует внедрения стратегически ориентированного подхода к государственному регулированию экономической устойчивости и равномерности регионального развития.

Список источников

1. Альхименко О.Н. Интеллектуальный потенциал: анализ составляющих компонентов и их количественная оценка // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2013. № 3 (57). – С. 75–83.
2. Мусаева Х.М. Импортзамещение как инструмент социально-экономического развития на примере ЧР / Х.М. Мусаева, М.И. Муслимова // Социально-экономические и финансовые аспекты развития РФ и ее регионов в современных условиях: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2024. – С. 183–188.
3. Нестерова Н.Н., Смыслова О.Ю. Государственная информационная политика в новых условиях развития современного общества // Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 1. – С. 6–18.
4. Репушевская О.А. Факторы устойчивости региональных экономических систем // Russian Journal of Management. 2023. №. 1. – С. 28–37.
5. Сафина Г.Р., Федорова В.А., Хайруллина Д.Н. Управление региональным развитием: курс лекций. – Казань: Казан. ун-т, 2021. – 114 с.
6. Федорова Л.П., Барсукова М.В. Формирование и реализация модели экономической безопасности региона // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 3(37). – С. 89–95.
7. Фраймович Д.Ю. Региональные аспекты инновационного развития: учеб. пособие / Д.Ю. Фраймович. – Владимир: ВлГУ, 2021. – 315 с.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Мусаева Х.М.,

*ассистент кафедры экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Докаев Х.М.,

*студент 1 курса магистратуры профиля
«Экономическая безопасность предприятий и организаций»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методологические аспекты управления инновационно-инвестиционной деятельностью предприятий на основе использования цифровых технологий. Определены приоритетные направления цифровизации предприятия в контексте обеспечения экономической безопасности. Предложена концептуальная модель взаимосвязи инновационной и инвестиционной сфер деятельности предприятия в условиях цифрового развития. Обоснована важность механизма управления инновационно-инвестиционной деятельностью предприятия, требующего использования современного управленческого инструментария. Определены основные элементы единой модели управления внутренними и внешними коммуникациями.

Ключевые слова: инновации, цифровизация, инвестиции, экономическая безопасность, риск-менеджмент, стратегическое развитие, цифровые технологии.

FEATURES OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN INNOVATION AND INVESTMENT ACTIVITIES OF ENTERPRISES

Musaeva H.M.,

*Assistant of the Department of Economics and
Economic Security of Industries and Enterprises,
Kadyrov Chechen State University*

Dokaev H.M.,

*1-st year student, master's degree program, profile
«Economic security of enterprises and organizations»
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article examines the theoretical and methodological aspects of managing innovation and investment activities of enterprises using digital technologies. Priority areas for enterprise digitalization in the context of ensuring economic security are identified. A conceptual model for the relationship between innovation and investment activities of an enterprise in the context of digital development is proposed. The importance of a mechanism for managing innovation and investment activities of an enterprise, requiring the use of modern management tools, is substantiated. The key elements of a unified model for managing internal and external communications are defined.

Keywords: innovation, digitalization, investment, economic security, risk management, strategic development, digital technologies.

Современные экономические условия предусматривают активное использование инноваций в процессе управления как предприятием, так и отраслью, регионом. Экономическая система стран зависит от влияния производственных факторов, характеризующаяся, в частности, появлением большого количества новых технологий, способных трансформировать управленческий и производственный процесс и стимулировать дальнейший переход на следующий уровень развития. Важной составляющей современного инновационного процесса выступает согласованность технологических решений и способность менеджмента проанализировать большое количество информации, актуализирующей проблему эффективного управления цифровизацией. Сейчас традиционные методы принятия управленческих решений в хозяйственной деятельности предприятий, в т. ч.

инвестиционной, не способны обеспечить оптимальность решения задач инновационно-инвестиционного развития, стоящих перед бизнес-структурами, минимизировать внутренние и внешние риски и обеспечить достаточный уровень экономической безопасности. В дальнейшем это приводит к стагнации экономики, а следовательно, требует использования новых управленческих технологий для достижения экономических целей и задач одновременно во всех сферах финансово-хозяйственной деятельности. В настоящее время актуальным является использование новых подходов к управлению внедрением цифровых технологий в инновационно-инвестиционной деятельности компаний для минимизации рисков и содействия обеспечению экономической безопасности. Безусловно, в кризисные периоды предприятиям довольно сложно обеспечивать проведение исследований вследствие нехватки финансовых ресурсов и потребностей экономики, однако именно инновационное развитие способно обеспечить быстрое преодоление посткризисных последствий. Соответственно, поиск сбалансированного развития является актуальной задачей, особенно для малого и среднего бизнеса предприятий, который играет роль локомотива экономик ведущих стран мира.

Несмотря на многочисленные исследования [1–5 и др.] вопросов управления инвестиционно-инновационной деятельностью промышленных предприятий на основе цифровых технологий, актуальным остается вопрос использования новых теоретико-методологических подходов управления инвестиционно-инновационным развитием.

Цель статьи заключается в рассмотрении теоретико-методологических подходов управления инвестиционно-инновационной деятельностью промышленных предприятий на основе цифровизации.

Одной из целей развития отечественной экономики является трансформация общественно-экономических отношений на основе цифровых технологий и распространение цифровизации во все сферы хозяйственной деятельности, ключевые отрасли экономики и социальной сферы. Важным направлением является формирование соответствующей цифровой инфраструктуры, требующей преобразования бизнес-процессов. Это позволит осуществить качественный скачок производственной деятельности предприятия, привлечь новые инвестиции, избежать дублирования затрат на отдельные управленческие функции. В результате на предприятии формируется единая модель управления как внутренними, так и внешними коммуникациями.

Развитие цифровизации управления большинством исследователей считается стратегической необходимостью обеспечения экономической безопасности предприятия. Приоритетными направлениями этого процесса целесообразно определить следующие:

1. Ориентация на цифровизацию производственного процесса, основных управленческих функций.
2. Цифровая трансформация финансово-экономической деятельности.
3. Цифровая трансформация маркетингово-логистической деятельности.
4. Разработка и создание новых систем управления.

Современный этап развития менеджмента промышленных предприятий происходит в условиях нестабильности, что актуализирует вопросы минимизации рисков, снижения уровня турбулентности внешней и внутренней среды и обеспечения экономической безопасности. По данным аналитических агентств, в 2025 году объем российского IT-рынка оценивается на уровне около 3,85 трлн руб. (+10% к 2024 г.). По рынку программного обеспечения и IT-услуг прогнозируется прирост около 14%, по оборудованию – только около 6% [3]. Также экспертами прогнозируется удвоение запросов на использование облачных технологий, что происходит одновременно с процессами интеллектуализации управления, развитием интеллектуальных устройств и технологий виртуальной реальности. Следовательно, предприятия, следующие тренду цифровой экономики, значительное внимание уделяют информационно-аналитической поддержке, что имеет большое значение для реализации инновационно-инвестиционной политики и поддержки корпоративного управления.

При современном темпе научно-технического прогресса любое предприятие, независимо от вида деятельности, должно своевременно реагировать на изменения окружающей среды и предотвращать риски внутреннего управления. Топ-менеджмент компаний принимает решение о внедрении инновационных проектов и активизации инновационной деятельности в контексте ориентации на новые бизнес-модели развития. При этом инновационная активность в сфере использования цифровых технологий в дальнейшем будет способствовать цифровой трансформации экономики страны.

В настоящее время в менеджменте инновационно-инвестиционной деятельности чаще всего внедряются цифровые технологии бизнес-аналитики, способные решить задачи планирования, учета и контроля инвестиционных ресурсов. К активно используемым системам целесообразно отнести системы бизнес-интеллекта (BI). Однако новые экономические условия управления инновационно-инвестиционными проектами формируют новые требования для решения цифровых задач без ориентации на ретроанализ. Следовательно, ведущие компании переходят на использование технологий предикативной аналитики, дающих более точный и качественный прогноз и обеспечивающих действенный мониторинг [4]. Использование технологий предикативной аналитики основано на методах интеллектуального анализа данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, связанных с анализом текущих данных с последующим прогнозом на будущее.

Можно выделить следующие подходы к определению сущности инновационно-инвестиционной деятельности:

1) с точки зрения институционального подхода, инновационно-инвестиционная деятельность рассматривается как совокупность институтов, обеспечивающих производство, распространение и использование новых знаний, имеющих экономическую выгоду для деятельности предприятия;

2) с точки зрения системного подхода, инновационно-инвестиционная деятельность является иерархически организованной пространственной системой, обеспечивающей оптимизацию результатов цифровой экономики и цифровизации управленческой деятельности при условии соблюдения микроэкономических системных ограничений.

Следует отметить, что инновации распространяются в социально-экономических системах не изолированно, а путем взаимодействия. Такое взаимодействие может коренным образом повлиять на характеристики инновационно-инвестиционного процесса, особенно на этапе коммерциализации, на котором, собственно, и происходит распространение инноваций.

Программные мероприятия предусматривают кардинальное преобразование структуры управления инновационно-инвестиционной деятельностью на основе повышения эффективности основных бизнес-процессов, основанных на цифровых моделях. В этом проявляется циклическая взаимосвязь инноваций, инвестиций и управления бизнес-процессами, поскольку цифровизация производственного, маркетингового, логистического и других процессов обеспечивает конкурентоспособность компании на рынке и, соответственно, стимулирует инвестиционный процесс и внедрение новых производственных технологий, управленческих инструментов и подходов.

Научно-технологические достижения реализуются в условиях налаженной инвестиционной политики, что в дальнейшем играет ключевую роль в стратегическом инновационном развитии предприятия. Сбалансированная инновационная и инвестиционная деятельность является основой стратегических инновационных прорывов, в том числе и в сфере цифровизации. Концептуальная модель взаимосвязи этих сфер деятельности предприятия представлена на рисунке 1.

С организационной точки зрения, внедрение модели цифровизации сопровождается разработкой административных решений, реализуемых в условиях соответствующего механизма. В технологическом аспекте это предусматривает единое кроссплатформенное решение с автоматизацией бизнес-процессов предприятия, начиная от закупки, производства и сбыта и заканчивая сопровождающими процессами учета, ведения отчетности, финансового анализа, бизнес-аналитики и управления персоналом.

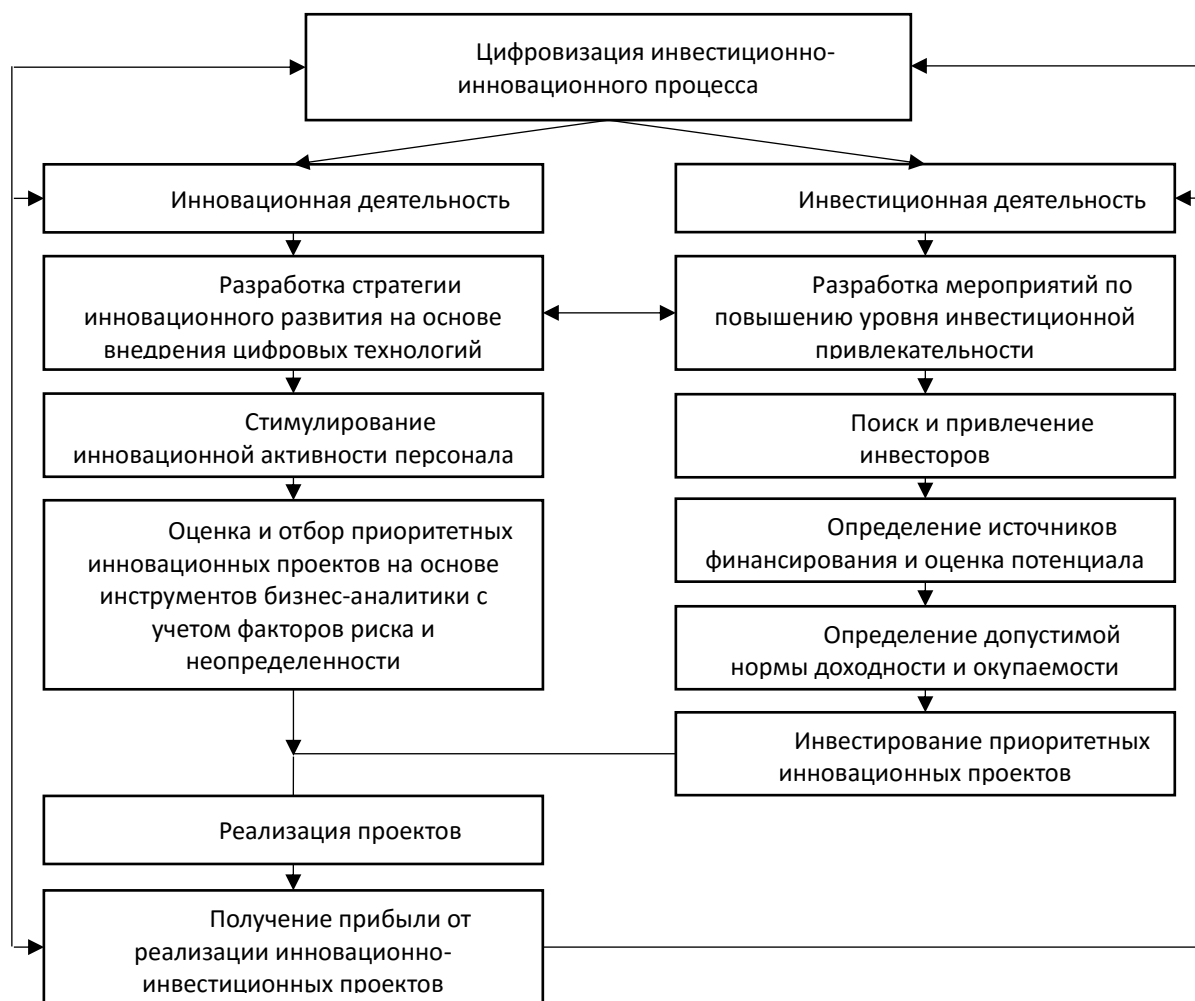

Рисунок 1. Концептуальная модель взаимодействия инновационных и инвестиционных процессов в условиях цифрового развития предприятия

Источник: составлено автором

Разработка механизма управления инновационно-инвестиционной деятельностью предприятия на основе цифровизации требует использования современного, актуального управленческого инструментария, учитывая условия повышенного риска и высокой степени неопределенности, в которых находится современный бизнес. Учитывая возможность получения эффекта от инновационно-инвестиционной деятельности как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, внимания заслуживает усовершенствование подходов и методов формирования и реализации инновационно-инвестиционной политики.

Соответственно, механизм управления инновационно-инвестиционной деятельностью предусматривает комплекс мероприятий, направленных на диагностику и мониторинг инновационно-инвестиционного потенциала, возможностей цифровизации управленческих функций и уровня информационно-коммуникационного обеспечения процесса управления предприятием. При этом должны быть учтены аспекты стратегического планирования при разработке инновационно-инвестиционной политики и реализации проектов цифровизации, а также разработаны инструменты оперативного управления.

Разработка концептуальных положений и управленческого инструментария формирования механизма инновационно-инвестиционного развития предприятия основывается на следующих основных принципах (рис. 2).

Указанная совокупность принципов в дальнейшем создает базис для формирования комплекса целей и задач инновационно-инвестиционной политики предприятия с

соответствующим выделением стратегических направлений деятельности в сфере обеспечения экономической безопасности и использования инструментов цифровизации.

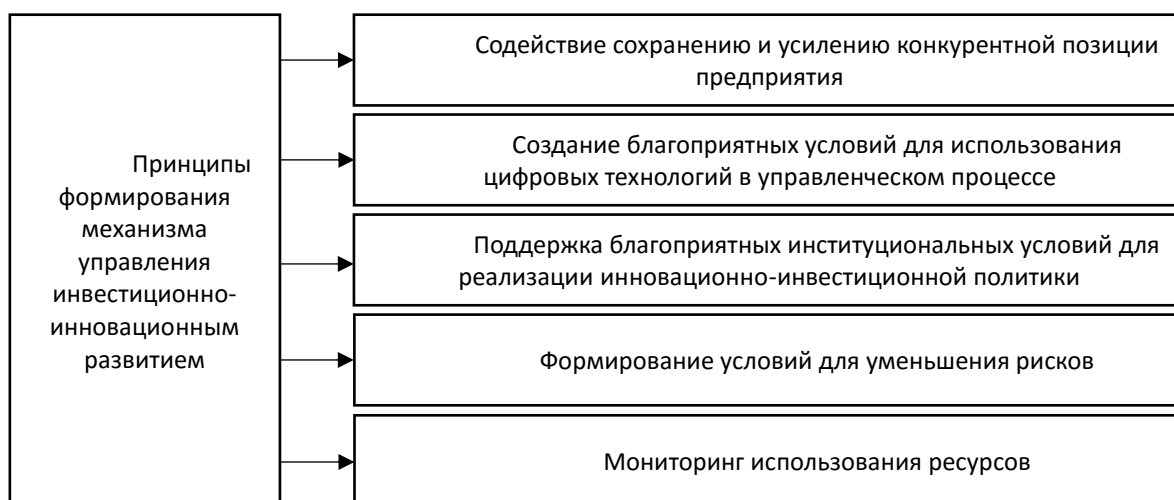

Рисунок 2. Принципы реализации механизма управления инновационно-инвестиционной деятельностью предприятия на основе цифровизации

Источник: составлено автором

Для эффективной реализации инновационно-инвестиционной политики предприятия необходимо создание единой модели управления внутренними и внешними коммуникациями. Далее представлены элементы указанной модели, которые взаимосвязаны между собой и формируют в процессе взаимодействия синергетический эффект:

1. Единая централизованная система управления инновационными проектами и инвестиционными процессами. Этот модуль предусматривает интерактивное управление проектами с возможностью контроля и координации выполняемых задач и оценки достижения поставленных целей в условиях ресурсных ограничений. При этом одновременно происходит мониторинг рисков и угроз, которые в стратегическом аспекте будут влиять на обеспечение экономической безопасности.

2. Единое информационное пространство. Централизованная административно-организационная и техническая система предприятия, содержащая всю основную информацию относительно организационной и производственной деятельности предприятия.

3. Единая система коммуникаций. Централизованная система, обеспечивающая быструю и эффективную коммуникацию между участниками различных бизнес-процессов и проектов на основе электронного документооборота.

4. Единая стандартизированная административно-организационная система подходов к управлению информационными потоками, формализующая общие требования к коммуникациям и взаимодействию участников проектов и процессов.

5. Единая поисковая система. Организационная и информационно-техническая система, позволяющая осуществлять сквозной и специальный поиск по заданным параметрам по всей базе данных накопленной информации, а также формирование баз данных на основе технологий искусственного интеллекта и Big-Data.

В контексте противодействия рискам организационно-производственной деятельности и обеспечения экономической безопасности предприятия важной является разработка соответствующего информационно-методического обеспечения, выступающего базисом системы управления инвестиционно-инновационной деятельностью на основе цифровизации. Информационно-аналитическое обеспечение выполняет координационную функцию, адаптируясь к изменениям во внешней и внутренней среде предприятия.

Цифровые технологии формируют новые принципы взаимоотношений в процессе реализации инновационно-инвестиционной политики предприятия. Однако эффективность

использования таких инструментов, как облачные хранилища, интернет вещей, цифровые платформы, большие данные, блокчейн и др., требует разработки эффективного организационного механизма, который должен учесть отраслевую специфику предприятия, внутренние расходы и финансовые ограничения. Цифровая трансформация инновационно-инвестиционной деятельности предприятия предоставляет многочисленные преимущества как предприятию, так и непосредственно инвесторам, поскольку позволяет сократить расходы и оптимизировать процедуры мониторинга инвестиционного проекта, обеспечить эффективный риск-менеджмент, осуществить своевременное аналитическое оценивание возможных рисков и угроз, что способствует достижению целей как отдельного проекта, так и инновационно-инвестиционной политики, реализуемой предприятием.

Список источников

- 1 Мусаева Б.М. Источники и инструменты финансирования инноваций / Б.М. Мусаева, Ж.С. Эскиева, И.З. Джанхаев // Современные тренды управления, экономики и предпринимательства: от теории к практике: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Ульяновск: Среда, 2023. – С. 70–76.
- 2 Мусаева Х.М. Финансирование инвестиционной деятельности в контексте управления инвестициями // Развитие экономики и финансовой системы России: динамика, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2023. – С. 86–90.
- 3 Обзор ключевых тенденций ИТ-рынка: что ждет отрасль в 2026 году. URL: https://www.megaresearch.ru/new_reality/obzor-klyuchevyh-tendenciy-it-rynka-chto-zhdet-otrasl-v-2026-godu
- 4 Хасанов А.Р. Влияние предиктивной аналитики на деятельность компаний. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3. – С. 108–113.
5. Якимова Т.Б., Устинова М.В., Егорова О.В. Развитие цифровой экономики в России: возможности и ограничения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 3-2. – С. 254–259.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

Мусаева Х.М.,

*ассистент кафедры экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Мусипов А.А.,

*студент 1 курса магистратуры профиля
«Экономическая безопасность предприятий и организаций»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению принципов управления региональным развитием и формирования региональной политики. Рассмотрены основные этапы и составляющие, предусматривающие реализацию государственной политики регионального развития. Отмечено, что актуальными в управлении региональным развитием становятся такие аспекты, как устойчивое развитие, циркулярная экономика, типологизация регионов, инвестиционная региональная политика. Сформирована общая концепция управления региональным развитием и формирования региональной политики.

Ключевые слова: региональная политика, стратегия, устойчивое развитие, циркулярная экономика, типологизация регионов, инвестиции.

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Musaeva H.M.,

*Assistant of the Department of Economics and
Economic Security of Industries and Enterprises,
Kadyrov Chechen State University*

Musipov A.A.,

*1-st year student, master's degree program, profile
«Economic security of enterprises and organizations»
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article examines the principles of regional development management and regional policy formation. It examines the key stages and components of implementing state regional development policy. It notes that aspects such as sustainable development, circular economy, regional typology, and regional investment policy are becoming increasingly relevant in regional development management. A general concept for managing regional development and regional policy formation is developed.

Keywords: regional policy, strategy, sustainable development, circular economy, typology of regions, investments.

Социально-экономическое развитие является одной из главных предпосылок успешного развития любого государства. В современных условиях глобализации одной из тенденций развития мирового общества является активная регионализация. Управление региональным развитием и формирование региональной политики предполагает наличие механизма управления экономическим и социальным развитием региона. Механизм управления региональным развитием является центральным, самым сложным аспектом общей системы управления территориями. Управление регионом состоит из таких ключевых аспектов, как: функции и структура органов управления; стратегии развития; принципы, методы, технологии и инструментарий управления, которые связываются в общий механизм управления региональным развитием и формирования региональной политики с целью управления процессами в сферах экономики, экологии и социальной сфере.

Целью статьи является обобщение актуальных принципов управления региональным развитием и формирования региональной политики.

В общем, деятельность государственного управления региональным развитием и формирование региональной политики можно очертить двумя этапами: формирование

государственной политики регионального развития и реализация государственной политики регионального развития страны [3].

Так, формирование государственной политики регионального развития страны предусматривает: определение стратегически ориентированных целей регионального развития страны; разработку системы принципов регионального развития страны; разработку задач регионального развития и формирование региональной политики страны.

Реализация государственной политики регионального развития имеет следующие составляющие: совершенствование механизмов государственного управления региональным развитием страны; совершенствование механизмов взаимодействия органов государственной власти с негосударственными институтами по обеспечению регионального развития страны; совершенствование системы целевых механизмов стимулирования регионального развития страны; применение государственных механизмов управления региональным развитием страны (системных, процессных, целевых).

Завершающим этапом реализации стратегии управления региональным развитием выступает оценка результатов регионального развития страны, которая базируется на: основных показателях регионального развития; сопоставлении комплексных оценок развития регионов; отслеживании динамики межрегиональных диспропорций; выполнении государственных программ; оценке степени продвижения к стратегическим ориентирам.

Отслеживая всю цепь формирования политики регионального развития от разработки целей до их оценки, целесообразно подчеркнуть именно важность и первоочередность формирования стратегических целей, релевантных современным условиям развития страны. Какой бы совершенной ни была система взаимодействия всех ключевых элементов «государство-регион», стремительное и эффективное развитие территорий невозможно без постановки целей, основанных на актуальных принципах регионального развития [4; 5].

Можно выделить следующие актуальные и ключевые принципы управления региональным развитием и формирования региональной политики:

- региональное развитие, основанное на принципах устойчивости;
- региональное развитие, основанное на принципах циркулярной экономики;
- региональное развитие, основанное на принципах типологизации регионов;
- региональное развитие, основанное на принципах инвестиционной политики.

Рассмотрим предметно обозначенные актуальные принципы в аспекте управления региональным развитием и формирования региональной политики.

1. Региональное развитие, основанное на принципах устойчивости. В условиях современности развитие как страны в целом, так и региона в частности невозможно представить без учета гармоничного взаимодействия социальной, экономической и экологической сфер, то есть следования принципам устойчивого развития.

Актуальными вопросами при формировании стратегий регионального развития на основе постоянства были и остаются вопросы оценки достигнутых результатов, которые сводятся к выработке единой концепции и определению релевантной поставленным целям группы индикаторов, на которые эта концепция должна опираться.

Отсутствие единой системы индикаторов и методологии оценки развития регионов по принципам устойчивости делает невозможным проведение адекватной оценки как отдельных регионов, так и общей государственной региональной системы. Невозможность анализа состояния регионального развития обусловлена тем, что при отсутствии единых параметров адекватная оценка регионов и их сравнение невозможны вообще.

Имеющиеся научные разработки в этом направлении происходят преимущественно вокруг определения группы индикаторов, на основе которой необходимо выполнять оценку. Сейчас количество индикаторов, по которым предлагается выполнять оценку устойчивого развития, уже более сотни. Но следует отметить, что весомое количество индикаторов имеет лишь теоретическую основу и трудно применимо на практике из-за того, что за ними не ведутся официальные статистические наблюдения. С другой стороны, небольшая группа может негативно повлиять на качество общей оценки.

Кроме того, следует учитывать и такой важный момент при оценке устойчивости развития региона, как наличие статистически значимой связи между выбранными индикаторами и параметрами развития региона. При отсутствии такой связи применение индикаторов неэффективно для достижения поставленных целей. Следовательно, поиск и формирование адекватной группы индикаторов и сейчас остается актуальным вопросом.

Что касается подходов к оценке устойчивости развития как на государственном, так и на региональном уровнях, то выбор адекватного математического аппарата, который сможет учесть и обработать все количество входных и выходных параметров, тоже остается дискуссионным вопросом, по которому еще не выработана единая концепция.

2. Циркулярная экономика. Другим актуальным аспектом при управлении региональным развитием и формировании региональной политики стала разработка стратегии на основе парадигмы циркулярной экономики. Внедрение этого актуального тренда уже активно начато многими странами вообще и отдельными предприятиями в частности. Однако, как показывает мировой опыт трансформационных процессов в сторону перехода на циркулярную экономику, этот процесс является сложным и долговременным. Для того, чтобы выполнить переход к циркулярной форме экономики, необходимо, прежде всего, очертить ряд проблем в пределах отдельной страны, с которыми она может столкнуться. Необходимо также разработать определенные меры реализации циркулярных бизнес-моделей, стратегию перехода и политику государственной и региональной поддержки. «Современное развитие страны невозможно без сознательного принятия приоритетности обеспечения эффективного баланса триады компонентов постоянства – экономического, экологического и социального» [1].

3. Типологизация регионов. Российские регионы неоднородны по своему развитию и имеют определенную дифференциацию, которая сформировалась как следствие различных природно-климатических условий, ресурсного потенциала, экономического развития, демографической ситуации, исторических предпосылок, экологической составляющей, состояния транспортной сети, развития промышленной и рыночной инфраструктуры. Среди факторов, обуславливающих наличие весомых различий в социальной и экономической сферах региона, можно выделить: политику государственного управления и положение региона в общей государственной региональной политике; состояние институциональной среды; чувствительность региона к влиянию внешних рынков; уровень диверсификации региональной экономики и т. п.

Следовательно, при наличии существенных различий и диспропорций регионального уровня становится очевидным факт невозможности применения единой концепции регионального развития для всех территориальных единиц. В России есть регионы как схожие по направлениям своего развития, так и абсолютно противоположные. Это индустриально развитые регионы или с приоритетным развитием по определенному типу промышленности, регионы с развитием сельского хозяйства, туризма и т. п. А это значит, что с целью эффективного развития территорий при управлении региональным развитием и формировании региональной политики необходимо учитывать специфику каждого региона, а следовательно, выполнять предварительную типологизацию.

В целом вопросу типологизации регионов посвящено достаточно большое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых. Применение инструментария и определение группы факторов, релевантных целям типологизации, является достаточно широким. Но каждый регион уникален не только по направлению своего развития, но и по взаимодействию всех цепей региональной системы вообще. Некоторые регионы имеют очень хорошо отлаженную систему взаимодействия в одном направлении, но в другом – нет. И именно степень этого взаимодействия может влиять на эффективность протекания внутрирегиональных процессов, например, на эффективность инвестиционной политики. Таким образом, становится актуальным вопрос анализа всей системы региона с целью определения его сильных или слабых мест. Эффективным инструментарием при выполнении анализа региона и его типологизации может стать когнитивный подход. Такой подход

позволяет проанализировать вообще всю систему региона, определить, каким образом тот или иной элемент региональной системы влияет на показатели регионального развития в целом.

Обычная типологизация регионов подразумевает ничто иное, как кластеризацию по установленным параметрам, которыми чаще всего выступают макроэкономические показатели деятельности региона. Такой подход имеет недостаток из-за того, что к одному кластеру, например, могут попасть регионы примерно с одинаковыми показателями развития, относительно которых будет выработана одинаковая стратегия. Но на самом деле, несмотря на поверхностное единообразие по основным макроэкономическим показателям или направлению развития, такие регионы могут иметь совершенно разные проблемы, решение которых требует применения различных мер. Таким образом, типологизация регионов призвана не только сортировать их по определенным направлениям, но и определять узкие, проблемные места в их развитии с целью выработки дальнейшей эффективной стратегии их улучшения.

Таким образом, целью типологизации регионов является разработка эффективной, адресной стратегии регионального развития и формирование региональной политики, которая будет учитывать особенности развития определенного региона, его сильные и слабые стороны с целью дальнейшего их развития и поддержки.

Эффект, который может быть достигнут от внедрения стратегии управления региональным развитием и формирования региональной политики, основанной на подходе распределения регионов по типам, может в значительной степени повысить эффективность организационно-управленческих мероприятий и ускорить достижение желаемого эффекта за более короткий срок.

4. Инвестиционная региональная политика. Региональные инвестиции всегда выступают ключевым аспектом управления региональным развитием и формирования региональной политики. Без этого важного инструмента невозможно вообще обеспечить эффективное развитие территорий.

Вопросу региональных инвестиций посвящено достаточно большое количество научных работ; они всегда находятся в фокусе внимания ученых и экономистов. В условиях ограниченных финансовых ресурсов всегда актуальными остаются вопросы оптимального распределения инвестиций и определения приоритетных направлений инвестирования. «Важное место в управлении инвестиционной деятельностью занимает процесс определения и формирования структуры источников ее обеспечения» [2]. Актуальным вопросом в сфере региональных инвестиций является оценка эффективности инвестиций, которая также и сейчас остается предметом научных дискуссий, потому что до сих пор не сформирована единая концепция в этом направлении.

При формировании эффективной инвестиционной политики на региональном уровне важным аспектом становится также применение подхода, основанного на типологизации регионов как по направлению развития в целом, так и по уровню инвестиционного развития, в частности. Применение такого подхода при определении нужных объемов инвестирования в ту или иную сферу региона позволит выполнять целевое инвестирование, давая, таким образом, толчок для роста в конкретных сферах регионального развития.

Итак, общая концепция управления региональным развитием и формирования региональной политики в современных условиях состоит из четырех основных элементов, на которые должна опираться стратегия: устойчивое развитие, циркулярная экономика, типологизация регионов, инвестиционная региональная политика.

В исследовании рассмотрены современные аспекты формирования концепции региональной политики и управления региональным развитием. Отмечено, что актуальными в управлении региональным развитием становятся такие аспекты, как устойчивое развитие, циркулярная экономика, типологизация регионов, инвестиционная региональная политика. Применение такого подхода соответствует современным условиям развития регионов.

Список источников

1. Дадаев Я.Э. Роль декарбонизации предприятий энергетической отрасли / Я.Э. Дадаев // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 1(49). – С. 68–73.
2. Дадаев Я.Э. Управление инвестиционным обеспечением на разных стадиях жизненного цикла предприятия / Я.Э. Дадаев, С.И. Бекмурзаева // ФГУ Science. 2023. № 2(30). – С. 67–72.
3. Кладова А.А. Управление региональным развитием: организационные и финансовые аспекты: учебное пособие / А.А. Кладова, В.А. Неклюдов, М.О. Ермоленко. – Ярославль: СОЮЗ-ПРЕСС, 2019. – 114 с.
4. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). – С. 7–18.
5. Шпакова Р.Н. Генеральные цели стратегического развития регионов РФ // Государственное управление. 2019. Вып. 77. – С. 311–336.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Мусостова Д.Ш.,

канд. экон. наук, доцент кафедры

экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: goldzr@yandex.ru

Мусостов З.Р.,

ассистент кафедры государственного и муниципального управления

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: zmr@hotmail.co.uk

Сугаипов М.М.,

магистрант направления «Экономическая безопасность предприятий»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье исследуются теоретические основы и практические аспекты обеспечения экономической безопасности как ключевого условия устойчивого развития Российской Федерации. Рассматриваются концептуальные подходы к определению экономической безопасности, анализируется система угроз национальным экономическим интересам в условиях современной геополитической турбулентности, а также механизмы государственного регулирования, направленные на поддержание достаточного уровня защищенности экономической системы страны. Особое внимание уделяется взаимосвязи между показателями экономической безопасности и параметрами устойчивого социально-экономического развития. Авторы приходят к выводу, что формирование эффективной системы обеспечения экономической безопасности является необходимым условием реализации долгосрочных стратегических целей российского государства, достижения технологического суверенитета и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: экономическая безопасность, устойчивое развитие, национальные интересы, государственное регулирование, стратегическое планирование, технологический суверенитет, санкционное давление.

ECONOMIC SECURITY AND ITS ROLE IN ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIA

Musostova D.Sh.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Department of Economics and Economic Security of Industries and Enterprises

Kadyrov Chechen State University

Musostov Z.R.,

Assistant Professor of the Department of State and Municipal Administration

Kadyrov Chechen State University

Sugaipov M.M.,

Master's student in the field «Economic Security of Enterprises»

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article explores the theoretical foundations and practical aspects of ensuring economic security as a key condition for the sustainable development of the Russian Federation. It examines conceptual approaches to defining economic security, analyzes the system of threats to national economic interests in the context of modern geopolitical turbulence, and examines the mechanisms of state regulation aimed at maintaining a sufficient level of protection for the country's economic system. Special attention is given to the relationship between economic security indicators and the parameters of sustainable socio-economic development. The authors conclude that the formation of an effective economic security system is a necessary condition for achieving the long-term strategic goals of the Russian state, achieving technological sovereignty, and improving the quality of life for the population.

Keywords: economic security, sustainable development, national interests, state regulation, strategic planning, technological sovereignty, and sanctions pressure.

Введение. Проблематика экономической безопасности занимает одно из центральных мест в современной науке о государственном управлении и экономической политике. Стремительные трансформации мирового порядка, усиление конкурентной борьбы за ресурсы и рынки сбыта, технологические революции, а также нарастающая нестабильность глобальной финансовой системы предопределяют необходимость системного осмысления механизмов защиты национальных экономических интересов. В контексте современных вызовов Российская Федерация оказалась в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны западных государств, что коренным образом изменило приоритеты и инструменты обеспечения экономической безопасности страны. Стратегия пространственного развития направлена на определение приоритетов, а также эффективных форм территориальной организации, стимулирующих реализацию национальных интересов [8].

Одновременно с этим перед Россией стоят задачи долгосрочного устойчивого развития, предполагающие обеспечение высоких темпов экономического роста, снижение структурных диспропорций, достижение технологического суверенитета и последовательное повышение уровня жизни населения.

Взаимозависимость между экономической безопасностью и устойчивым развитием представляет собой сложную и многоаспектную систему отношений, изучение которой требует привлечения методологического аппарата экономической теории, теории государственного управления, а также прикладных дисциплин – регионалистики, международной экономики и стратегического планирования. Экономическая безопасность выступает не самоцелью, но важнейшим условием устойчивого развития: защищенная от внешних и внутренних угроз экономика обладает большими возможностями для долгосрочного роста, диверсификации и инновационного обновления.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ роли экономической безопасности в обеспечении устойчивого развития России, включая исследование теоретико-методологических основ данной категории, систематизацию актуальных угроз и рисков, а также оценку механизмов государственного регулирования и стратегического планирования в рассматриваемой сфере.

Теоретико-методологические основы экономической безопасности

Категория «экономическая безопасность» вошла в научный и политический дискурс в 1970–1980-е годы и по сей день не имеет единого общепринятого определения. Многообразие концептуальных подходов к ее трактовке отражает сложность и многомерность самого явления. В широком смысле под экономической безопасностью понимается состояние национальной экономики, при котором обеспечивается ее защищенность от внешних и внутренних угроз, сохраняется способность к устойчивому развитию и достижению стратегических целей государства.

В отечественной науке значительный вклад в разработку теории экономической безопасности внесли труды Ю.П. Мамонтовой [4], Т.М. Ореховой [5], В.К. Сенчагова [6] и других исследователей. В.К. Сенчагов определяет экономическую безопасность как «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [6]. Данное определение акцентирует внимание как на защитном, так и на проактивном, развивающем измерении экономической безопасности.

С точки зрения структурно-функционального подхода, в экономической безопасности принято выделять несколько взаимосвязанных уровней: национальный (макроэкономический), региональный (мезоэкономический), отраслевой и корпоративный (микроэкономический). На каждом из указанных уровней угрозы безопасности носят специфический характер и требуют соответствующих инструментов нейтрализации. В рамках настоящей работы приоритетное внимание уделяется макроэкономическому уровню, предполагающему рассмотрение угроз и механизмов защиты в масштабах всей национальной экономики.

Принципиально важным для анализа является вопрос о критериях и пороговых значениях экономической безопасности. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента России от 13 мая 2017 г. № 208, закреплена система ключевых показателей, включающая: долю инвестиций в ВВП, уровень инфляции, объем золотовалютных резервов, степень зависимости от импорта по стратегически значимым товарным группам, а также параметры государственного долга. Превышение критических значений данных индикаторов сигнализирует о возникновении угроз экономической безопасности, требующих оперативного государственного реагирования.

Устойчивое развитие, в свою очередь, трактуется в соответствии с докладом Комиссии Брундтланда как развитие, «удовлетворяющее потребности нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [7]. В контексте национальной экономики данная концепция предполагает обеспечение сбалансированного роста по трем ключевым измерениям: экономическому, социальному и экологическому. Экономическая безопасность органически встроена в логику устойчивого развития, поскольку незащищенность экономики от угроз делает долгосрочное устойчивое развитие невозможным: любой значимый экономический шок разрушает накопленный потенциал и смещает ориентиры государственной политики с задач развития на задачи антикризисного управления. Для наглядного сопоставления двух категорий целесообразно представить их взаимосвязь в табл. 1.

Таблица 1. Взаимосвязь экономической безопасности и устойчивого развития

Критерий	Экономическая безопасность	Устойчивое развитие
Основная цель	Защита от угроз и шоков	Долгосрочный сбалансированный рост
Временной горизонт	Средне- и долгосрочный	Долгосрочный (межпоколенческий)
Ключевые индикаторы	Пороговые значения ВВП, инфляции, резервов, импортозависимости	Темпы роста, индекс человеческого развития, экологические показатели
Субъект управления	Государство, регуляторы	Государство, бизнес, гражданское общество
Характер угроз	Внешние санкции, технологическая зависимость, финансовая нестабильность	Исчерпание ресурсов, социальное неравенство, климатические риски
Взаимозависимость	Создает условия для устойчивого развития	Невозможно без предварительного обеспечения безопасности

Источник: составлено автором

Таким образом, экономическая безопасность и устойчивое развитие дополняют друг друга: первая создает защитный контур, в рамках которого становится возможным второе. Вместе с тем между ними существует и определенное противоречие: краткосрочные меры по нейтрализации угроз безопасности (мобилизационное перераспределение ресурсов, протекционизм, ограничение финансовых потоков) могут в отдельных случаях замедлять темпы развития. Задача государственной политики состоит в нахождении оптимального баланса между этими двумя императивами.

Актуальные угрозы экономической безопасности Российской Федерации

На современном этапе система угроз экономической безопасности России приобрела качественно новое измерение, обусловленное совокупностью внешних и внутренних факторов. Среди внешних угроз особую роль играет беспрецедентное по масштабу санкционное давление, которое повлекло за собой ограничение доступа российских субъектов к международным финансовым рынкам, технологиям, логистическим коридорам и системе международных расчетов. Отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT,

заморозка части международных резервов Центрального банка, запрет на экспорт в Россию широкого спектра технологических товаров – все это создало качественно новую среду функционирования отечественной экономики.

Технологическая зависимость является одной из наиболее острых системных угроз экономической безопасности страны. Несмотря на проводимую в последние десятилетия политику импортозамещения, российская промышленность сохраняла высокую зависимость от иностранного оборудования, программного обеспечения и комплектующих в ряде критически важных отраслей: авиастроении, микроэлектронике, фармацевтике, телекоммуникациях. Резкое прекращение технологических поставок поставило перед отечественными производителями задачу форсированного освоения компетенций и производственных цепочек, ранее обеспечивавшихся за счет импорта.

Среди внутренних угроз экономической безопасности необходимо выделить следующие. Во-первых, структурная несбалансированность национальной экономики, выражающаяся в избыточной зависимости бюджетных доходов от экспорта углеводородов, сохраняет уязвимость по отношению к ценовой волатильности на глобальных сырьевых рынках. Во-вторых, недостаточный уровень диверсификации экспорта ограничивает возможности накопления валютных резервов и сдерживает рост нефтегазового сектора. В-третьих, демографические проблемы – убыль населения, старение трудовых ресурсов, миграционный отток квалифицированных специалистов – формируют среднесрочные риски для потенциала экономического роста.

Финансовые угрозы включают риски инфляционного давления, волатильность валютного курса и ограниченность инструментов долгосрочного инвестиционного финансирования на внутреннем рынке. В условиях отрезанности от западных финансовых рынков перед российской экономикой встала задача формирования альтернативных механизмов привлечения долгосрочного капитала – в том числе за счет развития национального фондового рынка, мобилизации средств суверенных фондов и расширения сотрудничества с финансовыми институтами дружественных государств. Совокупность перечисленных угроз требует системного государственного ответа, опирающегося на развитую правовую базу и эффективные инструменты стратегического планирования.

Систематизация угроз экономической безопасности России на современном этапе представлена на рис. 1.

Рисунок 1. Угрозы экономической безопасности Российской Федерации

Представленная классификация наглядно демонстрирует комплексный и многоуровневый характер угроз, с которыми столкнулась российская экономика.

Принципиально важно, что угрозы различных типов взаимно усиливают друг друга: санкционное давление обостряет проблему технологической зависимости, ограничение экспортных доходов усугубляет структурные диспропорции, а инфляционное давление снижает реальные доходы населения, ослабляя потребительский спрос – один из ключевых драйверов роста. Взаимное усиление разнородных угроз обуславливает императив комплексного, стратегически скоординированного государственного реагирования.

Механизмы обеспечения экономической безопасности как основа устойчивого развития

Государственная политика обеспечения экономической безопасности реализуется посредством системы взаимосвязанных механизмов: нормативно-правового, институционального, финансово-экономического, технологического и внешнеэкономического. Каждый из данных механизмов выполняет специфические функции в общей архитектуре экономической безопасности и вносит особый вклад в достижение целей устойчивого развития.

Нормативно-правовой механизм формирует законодательную основу экономической безопасности. Ключевыми элементами данного механизма являются Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ и Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, а также отраслевые стратегические документы. Система стратегического планирования обеспечивает согласованность приоритетов и инструментов экономической политики на федеральном и региональном уровнях, создавая тем самым условия для последовательной реализации курса на устойчивое развитие.

Институциональный механизм охватывает совокупность государственных органов, наделенных полномочиями в сфере обеспечения экономической безопасности: Совет Безопасности Российской Федерации, Министерство экономического развития, Министерство финансов, Центральный банк, Федеральная служба безопасности и ряд других структур. Эффективность данного механизма определяется степенью межведомственной координации, качеством информационно-аналитического обеспечения управленческих решений, а также оперативностью реагирования на возникающие угрозы.

Финансово-экономический механизм включает бюджетную политику, налоговое регулирование, монетарную политику и управление суверенными фондами. В 2022–2024 годах Россия продемонстрировала высокую степень устойчивости бюджетной системы в условиях внешних вызовов. Механизмы бюджетного маневра позволили перераспределить ресурсы в пользу приоритетных направлений: обороны, технологического суверенитета, импортозамещения в критических отраслях. Одновременно с этим ведется работа по развитию альтернативных платежных систем, переходу во взаимных расчетах с дружественными странами на национальные валюты и укреплению финансовой инфраструктуры.

Технологический механизм приобретает особую значимость в контексте задач достижения технологического суверенитета. Реализация национальных проектов в области цифровой экономики, развитие отечественной микроэлектронной промышленности, поддержка импортозамещающих разработок в критических отраслях – все это элементы системной политики снижения технологической зависимости. Взаимосвязь технологического суверенитета и устойчивого развития очевидна: страна, обладающая собственными компетенциями в критически важных технологических направлениях, располагает значительно большими возможностями для поддержания высоких темпов экономического роста в долгосрочной перспективе.

Внешекономический механизм ориентирован на диверсификацию торговых и инвестиционных партнерств, развитие интеграционных связей в рамках Евразийского экономического союза, БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества. Переориентация внешнеэкономических связей с западного на восточное и южное направления создает альтернативную систему международных экономических отношений, снижающую уязвимость российской экономики от политически мотивированных ограничений. В совокупности функционирование всех перечисленных механизмов призвано обеспечить

надежную защиту национальных экономических интересов и тем самым создать прочный фундамент для устойчивого долгосрочного развития страны.

Оценка результативности перечисленных механизмов в контексте обеспечения устойчивого развития требует учета нескольких ключевых обстоятельств. Во-первых, эффективность любого отдельно взятого механизма существенно возрастает при его встроенности в общую систему: разрозненные инструменты, не связанные единой стратегической логикой, дают значительно меньший совокупный эффект. Это обуславливает необходимость усиления горизонтальной координации между профильными ведомствами и вертикальной согласованности между федеральным и региональным уровнями управления.

Во-вторых, применительно к технологическому суверенитету принципиально важна долгосрочность государственных обязательств: форсированное импортозамещение в сложных наукоемких отраслях – авиастроении, фармацевтике, микроэлектронике – невозможно в рамках одного-двух бюджетных циклов и требует устойчивого горизонта планирования в 10–15 лет. В-третьих, внешнеэкономическая переориентация на рынки дружественных государств, будучи необходимой краткосрочной мерой, не должна подменять задачу повышения конкурентоспособности отечественной продукции на глобальных рынках: подлинная экономическая безопасность предполагает не изоляцию, но многовекторную и взаимовыгодную интеграцию в мировую экономику на условиях, отвечающих национальным интересам России.

Таким образом, взаимодействие нормативно-правового, институционального, финансово-экономического, технологического и внешнеэкономического механизмов образует целостную архитектуру государственной политики экономической безопасности, призванную не только парировать актуальные угрозы, но и формировать долгосрочный потенциал устойчивого роста.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов относительно роли экономической безопасности в обеспечении устойчивого развития России.

Во-первых, экономическая безопасность и устойчивое развитие являются взаимообусловленными категориями: обеспечение надлежащего уровня защищенности экономической системы выступает необходимым, хотя и недостаточным условием реализации долгосрочных целей социально-экономического развития. Без решения задач экономической безопасности любые стратегические ориентиры устойчивого развития остаются декларативными в силу высокой уязвимости национальной экономики перед лицом внешних шоков и внутренних дисфункций.

Во-вторых, в современных условиях система угроз экономической безопасности России приобрела комплексный и взаимосвязанный характер, включая санкционное давление, технологическую зависимость, структурные диспропорции и демографические вызовы. Эффективный ответ на данные угрозы требует скоординированного применения всего спектра государственных механизмов: нормативно-правовых, институциональных, финансово-экономических, технологических и внешнеэкономических.

В-третьих, достижение технологического суверенитета является важнейшим стратегическим ориентиром, без реализации которого невозможно обеспечить подлинную экономическую безопасность в долгосрочной перспективе. Именно технологическая самодостаточность по ключевым направлениям определяет способность страны поддерживать устойчивое развитие вне зависимости от конъюнктуры внешней среды.

В-четвертых, система стратегического планирования, включающая Стратегию экономической безопасности до 2030 года и иные ключевые документы, создает правовую и институциональную основу для последовательного укрепления экономической безопасности. Вместе с тем повышение качества стратегического управления требует дальнейшего совершенствования механизмов межведомственной координации, мониторинга пороговых значений индикаторов безопасности и оперативной адаптации государственной политики к изменяющимся условиям.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: количественная оценка взаимосвязи между показателями экономической безопасности и индикаторами устойчивого развития на основе эконометрического анализа, изучение регионального измерения экономической безопасности, а также сравнительный анализ подходов к обеспечению экономической безопасности в различных государствах, подвергавшихся аналогичному внешнему давлению.

Список источников

1. Гончаренко Л.П. Экономическая безопасность: учебник для вузов / под общей редакцией Л.П. Гончаренко. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 370 с.
2. Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов / Е.И. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 338 с.
3. Лихолетов В.В. Стратегические аспекты экономической безопасности: учебник для вузов / В.В. Лихолетов. 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 201 с.
4. Мамонтова Ю.П. Теория экономической безопасности: учебное пособие / Ю.П. Мамонтова, А.А. Коновалов. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного университета, 2024. – 160 с.
5. Орехова Т.Р. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса: монография / под науч. ред. Т.Р. Ореховой. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 105 с.
6. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс / В.К. Сенчагов. – М.: Лаборатория знаний, 2025 – 818 с.
7. World Commission on Environment and Development. Our Common Future / Oxford: Oxford University Press, 1987. – 383 p.
8. Пяткова Н.П. Стратегия пространственного развития и ее влияние на экономику регионов Российской Федерации. Вестник №1 (57) /Издательство Грозный. 2025- С. 44.

ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Мусханова Х.Ж.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

e-mail: mhedik@mail.ru

Токшаидова Р.И.,

*студентка бакалавриата направления «Финансы и кредит»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. Исследование фиксирует парадигмальный сдвиг в риск-менеджменте: переход от ретроспективного анализа к предиктивному моделированию на базе нейросетевых алгоритмов. В условиях цифровой энтропии ИИ трансформируется из инструмента автоматизации в архитектора адаптивной устойчивости бизнеса. Работа детально анализирует феномен «черного ящика», предлагая методологию гибридного контроля, где когнитивная синергия данных и человеческого интеллекта минимизирует системные шоки в режиме реального времени.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, риск-менеджмент, автоматизация, машинное обучение.

ARTIFICI TRENDS IN RISK MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATIONCIAL INTELLIGENCE AND RISK MANAGEMENT

Muskhanova Kh.Zh.,

*PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance, Credit, and Antitrust Regulation,
Kadyrov Chechen State University*

Tokshaidova R.I.,

*Bachelor's Student, Finance and Credit,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The study documents a paradigm shift in risk management: a shift from retrospective analysis to predictive modeling based on neural network algorithms. In the context of digital entropy, AI is transforming from an automation tool into an architect of adaptive business resilience. The paper analyzes the «black box» phenomenon in detail, proposing a hybrid control methodology where the cognitive synergy of data and human intelligence minimizes systemic shocks in real time.

Keywords: Artificial intelligence, digital economy, risk management, automation, machine learning.

В эпоху цифровой энтропии и кризиса человеческого рационализма современная глобальная экономика вошла в фазу, которую исследователи характеризуют как состояние «цифровой энтропии». Это период, когда объем генерируемых данных растет в геометрической прогрессии, но вместе с ним растет и уровень неопределенности. Традиционные статистические модели управления рисками, базирующиеся на нормальном распределении Гаусса и линейной экстраполяции прошлого опыта, оказываются бессильными перед феноменами «черных лебедей» и нелинейными системными шоками. Кризис классического риск-менеджмента заключается в его ретроспективности: он пытается «зеркально отразить» прошлое в будущем. В условиях цифровой трансформации риск перестает быть просто вероятностью негативного события; он становится функцией от информационного дефицита и когнитивной ограниченности человека. В этой точке возникает потребность в переходе к новой парадигме – управлению на базе искусственного интеллекта (ИИ), который выступает не просто как инструмент автоматизации, а как архитектор адаптивной устойчивости бизнеса.

Первым фундаментальным изменением, которое привносит искусственный интеллект в управление рисками, является переход к анализу «толстых хвостов» распределения.

Классические модели часто игнорируют экстремальные значения, считая их статистическими выбросами. Однако в цифровой экономике именно эти «выбросы» формируют основные угрозы. Алгоритмы машинного обучения, особенно нейронные сети глубокого обучения, способны выявлять скрытые корреляции в массивах неструктурированных данных, которые недоступны человеческому глазу. В банковском секторе это проявляется в трансформации кредитного скоринга. Если раньше банк оценивал заемщика по 10–20 параметрами (доход, стаж, возраст), то современные ИИ-системы анализируют тысячи переменных: от паттернов поведения в мобильном приложении до психолингвистического анализа активности в социальных сетях. Это переход от статистической оценки к динамическому профилированию риска в режиме реального времени.

Одной из наиболее оригинальных концепций современного управления является модель «Кентавра» (человек + машина). Искусственный интеллект обладает колоссальной скоростью обработки данных и лишен эмоциональных искажений, таких как «эффект предвзятости подтверждения» или «избыточный оптимизм». Однако искусственный интеллект лишен контекстуального понимания этического фильтра. Управление рисками в цифровой экономике требует когнитивной синергии. Искусственный интеллект берет на себя роль «детектора аномалий», фильтруя миллионы транзакций и выявляя признаки мошенничества или рыночных манипуляций. Человек же выступает в роли «интерпретатора смыслов», принимая решения в ситуациях, где нет исторических прецедентов. Такая архитектура позволяет бизнесу быть одновременно высокотехнологичным и стратегически гибким. Внедрение искусственного интеллекта в управление рисками порождает новый специфический риск – риск алгоритмической непрозрачности. Современные модели глубокого обучения часто представляют собой «черный ящик»: мы видим входные данные и результат, но не понимаем внутренней логики принятия решения. Для банковского и финансового секторов это создает критическую проблему регуляторного характера. Если алгоритм отказывает в кредите или блокирует сделку, регулятор требует обоснования. Здесь на первый план выходит направление Explainable AI (XAI) – объяснимый искусственный интеллект [2]. Развитие его является ключевым направлением в управлении рисками, так как оно позволяет сделать алгоритмы интерпретируемыми, прозрачными и, следовательно, управляемыми. Без решения проблемы «черного ящика» массовое внедрение искусственного интеллекта в критические финансовые узлы остается опасным, так как может спровоцировать «алгоритмический каскад» – ситуацию, когда ошибки одного алгоритма мгновенно копируются другими, вызывая рыночный обвал.

Для того чтобы подкрепить концепцию «адаптивной устойчивости» и «цифровой энтропии», обратимся к таблице 1, где приведены данные об индикаторах трансформации риск-менеджмента в условиях внедрения ИИ-технологий.

Таблица 1. Индикаторы трансформации риск-менеджмента в условиях внедрения ИИ-технологий

Показатель/ Характеристика	Традиционный подход	ИИ- ориентированный подход	Риск-фактор
Скорость обнаружения системных аномалий	24–48 часов	<100 миллисекунд	Снижение операционных потерь на 30–45%
Точность кредитного скоринга	0,6–0,65	0,75–0,82	Рост маржинальности портфеля на 12–15%
Уровень «ложных срабатываний» в AML	90–95% (высокий шум)	40–50% (интеллектуальная фильтрация)	Сокращение расходов на комплаенс-офицеров в 2 раза
Доля «черных ящиков» в принятии решений	<5% (линейные модели)	65–80% (непрозрачные нейросети)	Риск эпистемической неопределенности, штрафы регуляторов

Уязвимость к состязательным атакам	Нулевая (модели статичны)	Высокая (риск «отравления данных»)	Необходимость вложений в кибербезопасность ИИ
Экономия за счет предиктивного обслуживания активов	5–10%	25–40%	Переход к модели «нулевого простоя»

Источник: составлено автором на основе [3, 4]

Данные таблицы наглядно демонстрируют фундаментальный парадокс цифровой энтропии: повышение точности и скорости принятия решений неизбежно ведет к росту системной сложности и непрозрачности.

Переход от обнаружения за 48 часов к миллисекундному реагированию фактически переводит риск-менеджмент из разряда «контроля» в разряд «иммунной системы» организации. Однако это же создает риск «мгновенного резонанса», когда ошибка алгоритма может привести к банкротству быстрее, чем человек успеет вмешаться. По данным BIS, рост коэффициента точности прогноза напрямую связан с прибыльностью. Однако обратной стороной является рост «Black Box ratio» (данные FSB). Чем сложнее модель, тем сложнее объяснить ее решение регулятору, что формирует новый тип регуляторного риска. Также высокая уязвимость к состязательным атакам, отмеченная исследователями MIT, подтверждает тезис о том, что искусственный интеллект – «обоюдоострый меч». Риск-менеджмент теперь обязан включать в себя аудит качества «данных-учителей», чтобы избежать деградации моделей под внешним воздействием.

В условиях цифровой экономики киберриски перестают быть проблемой ИТ-отдела и становятся реальной угрозой для бизнеса. ИИ здесь играет двойственную роль. С одной стороны, системы обнаружения вторжений на базе искусственного интеллекта способны блокировать атаки на ранних стадиях, обучаясь на новых типах угроз. С другой стороны, злоумышленники сами начинают использовать ИИ для создания «адаптивного вредоносного ПО». Возникает концепция противоборствующего машинного обучения. Управление рисками теперь включает в себя стресс-тестирование самих моделей искусственного интеллекта на устойчивость к намеренным искажениям входных данных. Бизнес должен управлять риском «отравления данных», когда внешние агенты пытаются обучить корпоративный искусственный интеллект ошибочным паттернам поведения.

Интеграция искусственного интеллекта в ESG-менеджмент открывает новые горизонты управления нефинансовыми рисками. Автоматизация мониторинга углеродного следа или соблюдения трудовых прав в цепочках поставок позволяет компании избегать репутационных шоков. Однако возникает и «социальный риск автоматизации». Алгоритмический менеджмент может привести к дегуманизации труда и формированию «цифрового опасного класса». Управление этим риском требует внедрения этических протоколов искусственного интеллекта, которые гарантируют отсутствие дискриминации по расовому, гендерному или возрастному признаку в алгоритмах найма и продвижения сотрудников. Риск-менеджер будущего – в том числе и «цифровой этик», следящий за тем, чтобы алгоритмы компании не создавали скрытых зон социальной несправедливости.

Финансовые рынки сегодня работают на скоростях, недоступных человеческому восприятию. Высоочастотный трейдинг и алгоритмическое управление портфелями превратили биржу в поле битвы ботов. В этих условиях управление рыночным риском требует использования предиктивных моделей на базе рекуррентных нейронных сетей и сетей с долгой краткосрочной памятью. Эти системы способны предсказывать краткосрочные всплески волатильности, анализируя не только графики цен, но и «настроение рынка» через анализ новостных лент и профессиональных форумов. Управление риском ликвидности становится превентивным: алгоритм заранее предупреждает казначейство компании о необходимости пополнения резервов, основываясь на многофакторном прогнозе рыночной конъюнктуры.

Развитие искусственного интеллекта в риск-менеджменте неизбежно сталкивается с проблемой национального и корпоративного суверенитета данных. Использование облачных ИИ-решений от глобальных технологических гигантов создает риск утечки чувствительной информации и зависимости. В России и странах БРИКС формируется запрос на создание «доверенного ИИ». Это подразумевает разработку собственных библиотек машинного обучения и создание закрытых контуров обработки данных. Управление геополитическими рисками в цифровую эпоху включает в себя аудит технологического стека на предмет возможности внезапного отключения внешних сервисов. Таким образом, риск-менеджмент смыкается со стратегией импортозамещения и обеспечения технологической независимости.

Новым этапом эволюции риск-менеджмента становится переход от дискретных прогнозных моделей к генеративному моделированию реальности. Традиционный искусственный интеллект отвечал на вопрос: «Что произойдет с вероятностью X?», в то время как генеративные большие языковые модели и диффузионные алгоритмы позволяют реализовать концепцию «сценарного варгейминга». В рамках этой парадигмы искусственный интеллект генерирует тысячи синтетических сценариев развития кризиса, включая те, которые никогда не встречались в исторической ретроспективе. Это позволяет топ-менеджменту тестировать устойчивость бизнес-модели в условиях гипотетических геополитических разломов или радикальных технологических сдвигов. Риск-менеджмент превращается в процесс непрерывного симуляционного обучения, где компания проживает сотни виртуальных кризисов еще до того, как они манифестируют в реальности.

Одной из ключевых проблем интеллектуального риск-менеджмента является «голод данных» и их внутренняя предвзятость. Если исторические данные содержат следы неверных управленческих решений прошлого, ИИ-модель неизбежно их скопирует. Решением становится использование синтетических данных – искусственно созданных массивов информации, которые сохраняют статистические свойства реальных данных, но лишены их конфиденциальности и систематических искажений. Применение синтетических данных позволяет обучать системы риск-менеджмента на экстремальных сценариях, которые в реальности происходят крайне редко. Это критически важно для антифрод-систем и моделей климатической устойчивости, где выборка реальных катастрофических событий слишком мала для качественного обучения нейросетей. Таким образом, синтетика становится «тренажером» для цифрового иммунитета организации.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что искусственный интеллект не просто «улучшает» управление рисками – он переопределяет саму природу контроля в бизнесе. Мы переходим от парадигмы «защиты от угроз» к парадигме «антихрупкости», где система не просто сопротивляется стрессу, а становится лучше благодаря ему. Интеллектуальный риск-менеджмент позволяет компании использовать неопределенность как ресурс. В мире цифровой энтропии побеждает не тот, кто лучше забаррикадировался от рисков, а тот, кто создал архитектуру адаптивной устойчивости, способную мгновенно перестраиваться под воздействием новых данных. Когнитивная синергия человека и искусственного интеллекта становится единственным надежным фундаментом для долгосрочного процветания в нестабильной цифровой среде.

Список источников

1. World Economic Forum (WEF). The Global Risks Report 2024. – Geneva, 2024.
2. Artificial intelligence and machine learning in financial services: market developments and financial stability implications / Financial Stability Board. [Electronic resource]. URL: <https://www.fsb.org/>
3. Financial Stability Board (FSB). Artificial intelligence and machine learning in financial services: Market developments and financial stability implications. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fsb.org>
4. Альфа-страхование. Управление рисками с помощью методов искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://ir.alfastrah.ru/posts/641>
5. ЦБ РФ. Трансформация системы управления рисками с использованием ИИ в финансовых организациях. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/162230/PeninAA_2.pdf
6. GlobalSIO. AI-трансформация в риск-менеджменте. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalcio.ru/apps/ai-transformatsiya-v-risk-menedzhmente-igor-barkhatov-sber/>

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ НА РОССИЙСКИЙ БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

Мусханова Х.Ж.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Токшаидова Р.И.,

*студентка бакалавриата направления «Финансы и кредит»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется динамика и влияние финансовых технологий на российский банковский сектор, определены основные направления развития инновационной деятельности коммерческих банков. В статье также рассмотрены ключевые этапы зарождения и становления финтех, приведены статистические данные, характеризующие трансформационные процессы банковской системы России. Комплексный анализ статистических данных банковской системы России позволил получить информацию о современном ее состоянии и дальнейших перспективах развития.

Ключевые слова: финтех, банки, банковская система, банковский сектор, трансформация банковского сектора.

ON THE IMPACT OF FINANCIAL TECHNOLOGY AND DIGITAL INNOVATION ON THE RUSSIAN BANKING SECTOR

Muskhanova Kh.Zh.,

*PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance,
Credit, and Antitrust Regulation,
Kadyrov Chechen State University*

Tokshaidova R.I.,

*Bachelor's Student, Finance and Credit,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The relevance of the research topic is due to the active development and implementation of financial technologies in the banking sector, which requires studying the adaptation of banks to the ongoing digital transformations. The article discusses the main financial technologies implemented and used by banks such as biometrics, digital platforms, blockchain, artificial intelligence, etc. The dynamics and impact of fintech on the Russian banking sector are analyzed, and the main directions for the development of innovative activities of commercial banks are identified. The article also examines the key stages of the emergence and formation of fintech, and provides statistical data characterizing the transformational processes of the Russian banking system.

Keywords: fintech, banks, banking system, banking sector, transformation of the banking sector.

Введение. В настоящее время наблюдается активный рост финансовых технологий, которые выступают главным трендом развития российской финансовой системы, оказывая глубокие преобразования в финансовом секторе экономики. Рынок финансовых технологий в России демонстрирует довольно высокую степень сегментации. Технологические направления, принятые российскими банками и финтех-компаниями, схожи с глобальными трендами в данной области. [9; с.7]

Финансовые технологии способствуют развитию банковской системы в новом направлении: трансформируют классические банковские процессы, преобразуют способы предоставления финансовых услуг, оказывают глубокие преобразования на все ее элементы. Проникновение финансовых технологий и цифровых инструментов во все сферы жизни общества кардинально меняет поведенческое восприятие субъектов экономики. Пользователи все больше требуют от платежных сервисов скорости, удобства, надежности и высокого уровня безопасности.

Распространение глобальной сети Интернет положило начало ускоренному процессу автоматизации многих рутинных задач как на производстве, так и в финансовой отрасли. Данный этап связан со значительными преобразованиями именно финансовой сферы услуг.

Представленная динамика показателей числа пользователей глобальной сетью за 2020–2025 годы свидетельствует о массовом проникновении Интернета, что составляет 92,2% числа пользователей.

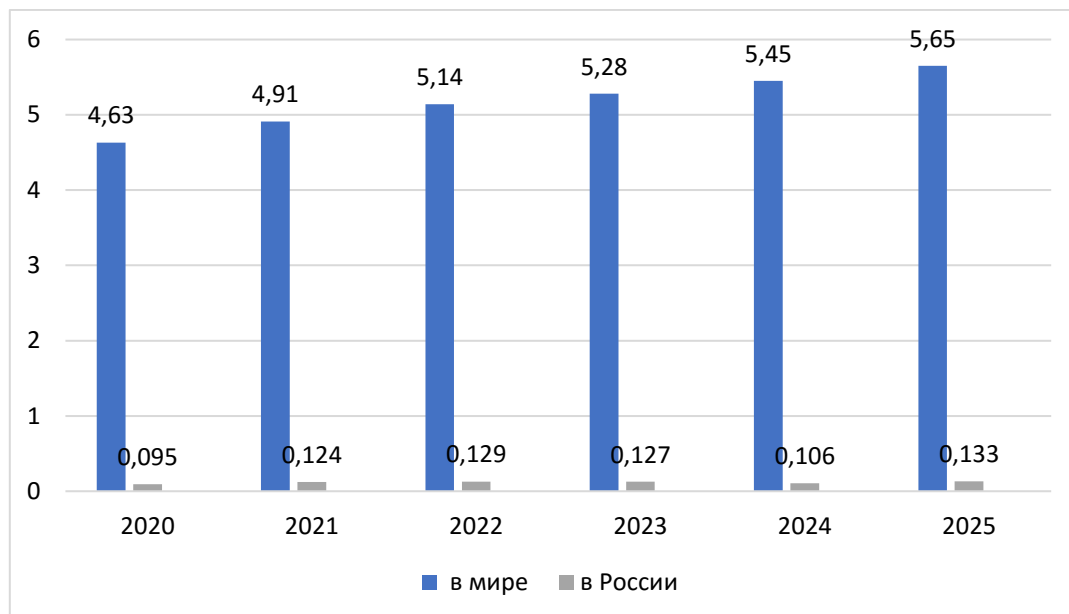

Рисунок 1. Динамика числа пользователей Интернета в мире за 2020–2025 гг. (млрд)

Источник: Составлено автором

Как известно из истории развития банковского бизнеса США, банковская индустрия пережила десятилетие слияний и консолидаций, когда, по всеобщему мнению, достижение большего масштаба являлось единственным средством выживания среди крупных банков страны и мира.

Появление интернет-банка «Security First Network Bank» всколыхнуло традиционных банкиров, внедрив банковское обслуживание без отделений через Интернет. Данный период характеризуется развитием автоматизации торговли, что позволяло трейдерам проводить сделки на финансовых рынках с помощью компьютеров. Развитие электронной торговли привело к появлению новых платежных систем и сервисов, таких как PayPal, основателями которой являются Макс Левчин и Питер Тель (1998 г.).

Таблица 1. Первые интернет-банки в мире [3]

№	Наименование	Год создания	Место нахождения
1	Security First Network Bank	1995	США
2	United American Bank	1980	США
3	CCF Bank	1983	Франция
4	Wells Fargo	1995	США
5	OP Financial Group	1996	Европа
6	Advance Bank	1996	Германия

Дальнейший этап развития финтеха можно отнести к появлению и развитию мобильной связи (конец XX – начало XXI века). Развитие онлайн-банкинга открыло перед клиентами новые возможности управления своими счетами с использованием сети Интернет. В данный период происходит высокий рост транзакций. Происходит также рост точек доступа к

банковским услугам: банкоматы предоставляют не только возможность снятия наличных, но и различные услуги переводов и оплаты счетов.

Новая эра, или четвертый ключевой этап развития финтех, связана с созданием и внедрением искусственного интеллекта. ИИ сегодня становится самой обсуждаемой темой среди научных сообществ, так как является одним из основных двигателей трансформации финансовой индустрии. Беспрецедентные возможности, повышающие уровень эффективности действующих бизнес-моделей и создающие новые, безусловно повышают интерес общества к финансовым услугам. Обслуживание клиентов, онлайн-ответы на вопросы в режиме 24/7, индивидуальная консультация клиента, автоматизация оценки кредитоспособности заемщика и многое другое – все это во многом ускоряет и совершенствует деятельность кредитных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод: несмотря на то, что элементы автоматизации и цифровизации финансов существовали ранее, переломными моментами все же принято считать 1990-е годы, связанные с развитием интернета и мобильной связи, финансовый кризис 2008 года и современную эру данных и искусственного интеллекта. Все это заложило фундамент развития финтех в том виде, в котором мы все его знаем сегодня.

Цифровая трансформация российского банковского сектора кардинально меняет традиционную модель банка, создавая новые бизнес-процессы в этой индустрии.

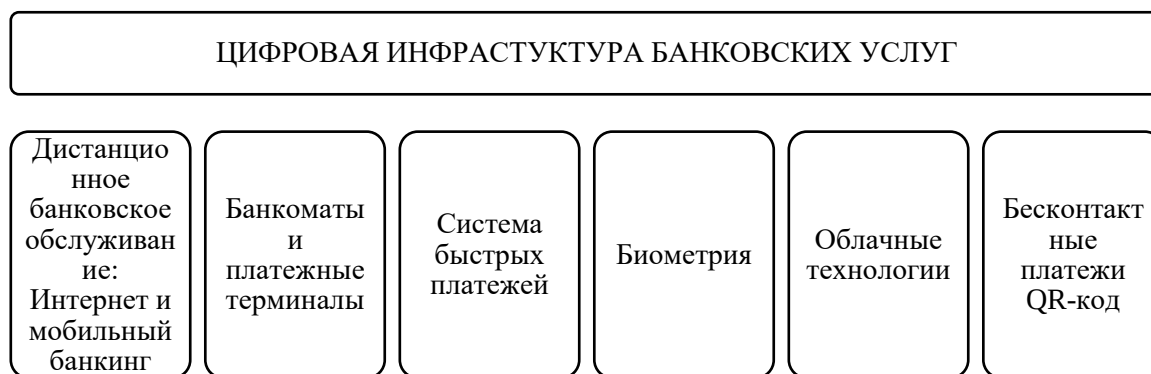

Рисунок 2. Текущие тенденции цифровизации банковских услуг

Источник: составлено автором

Ниже приведены широко распространенные финансовые технологии и инновации, активно внедряемые и используемые современными российскими банками:

1. Биометрия данных – упрощенная система идентификации и верификации пользователя с помощью цифровых технологий.
2. Цифровые платформы и сервисы – платформы, предназначенные для обмена данными между банками, снижающие издержки и повышающие эффективность процессов.
3. Искусственный интеллект – используется банками при предоставлении кредита в режиме онлайн, собирает, анализирует, обрабатывает запросы клиента и принимает окончательное решение по формированию кредита.
4. Мастерчейн – технология, основанная на использовании блокчейн-реестра: цифровые закладные, банковские гарантии.
5. Система быстрых платежей – система, позволяющая моментально переводить денежные средства между счетами в разных банках.
6. Финансовые маркетплейсы – супермаркет финансовых услуг.

Согласно отчетам, публикуемым зарубежными экспертами, Россия лидирует по уровню внедрения финансовых технологий и росту безналичных расчетов. Банк России активно регулирует и оперирует национальной платежной системой, одновременно стимулируя развитие инфраструктуры и интеграцию инноваций в платежные решения субъектам рынка.

Представленная динамика объемов финтех-рынка в России показывает значительный рост объемов. В 2023 году произошел резкий скачок выручки топ-100 российских компаний финтех-рынка на 19,8% по сравнению с 2022 годом [8], что составило 223,8 млрд руб. (рис. 3).

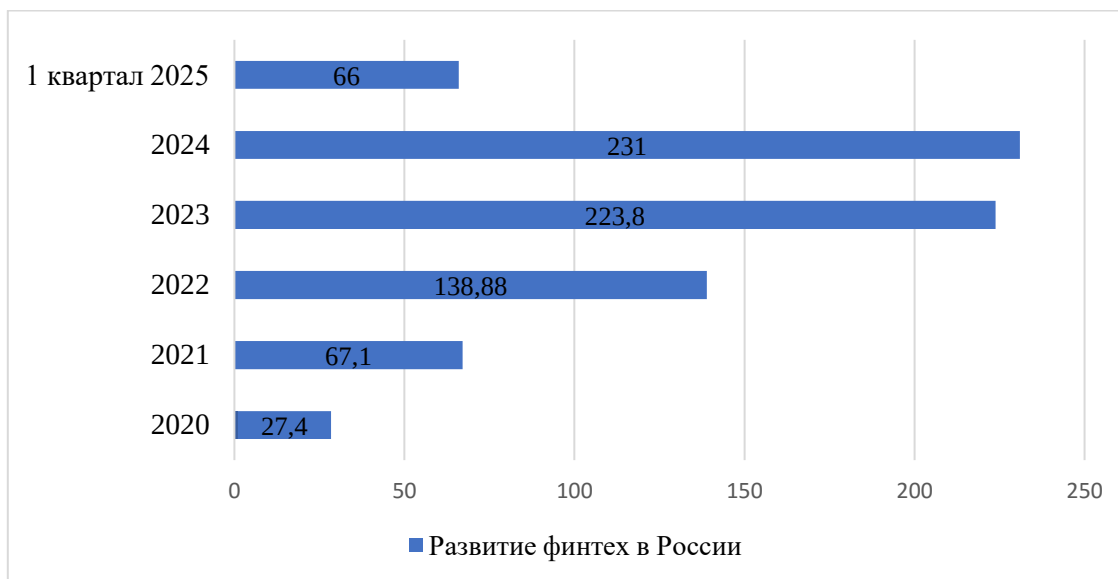

Рисунок 3. Динамика мирового и российского рынка финтех за 2020–2025 гг. (млрд руб)

Источник: составлено автором

Развитие финтех-рынков в мире протекает достаточно стремительно. Россия в 2024 году в рейтинге по уровню проникновения финансовых услуг заняла третью позицию (рисунок 4). Доминантом рынка стала компания «Ю-мани», объемы которой составили 23,7 млрд рублей.

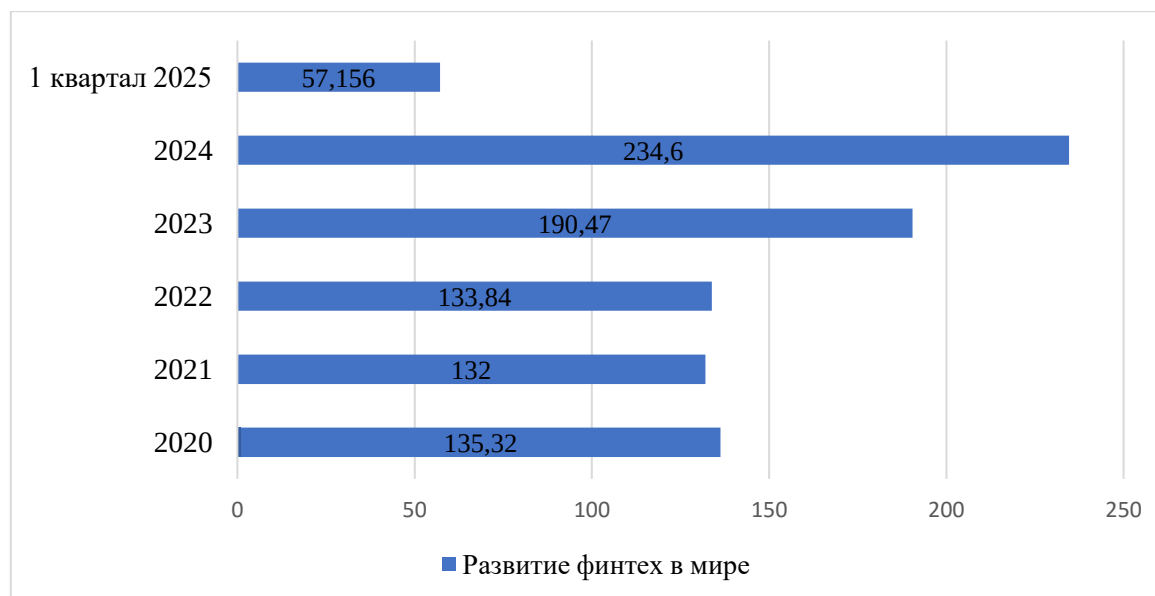

Рисунок 4. Динамика финтех-рынка в мире за 2020–2025 гг. (млрд долл.)

Источник: составлено автором

Согласно прогнозным оценкам экспертов, уже к 2028 году рынок цифровых платежей вырастет до 16,59 трлн долл. Отметим, что цифровая коммерция является наиболее крупной отраслью на рынке цифровых платежей; ее объем в конце 2025 года составил 13 512,2 млн долларов [2].

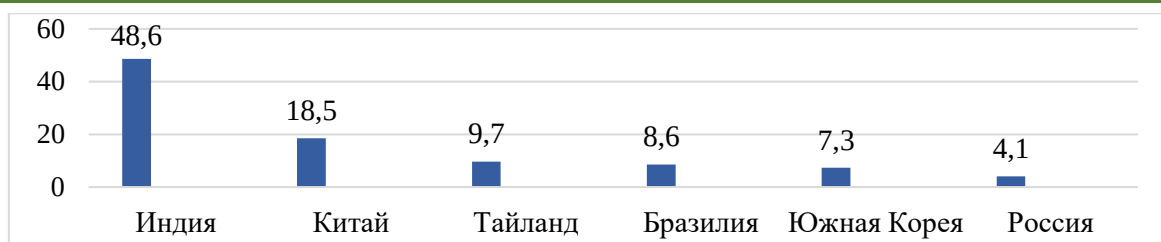

Рисунок 5. Количество мобильных транзакций в мире и в России в 2025 г. (млрд)

Источник: составлено автором

Население только за первый квартал 2025 года совершило 4,1 млрд мобильных транзакций (рисунок 5), что в 1,6 раза больше, чем за 2024 год. Таким образом, объемы финтеха стремительно растут, о чем свидетельствует инфраструктура рынка.

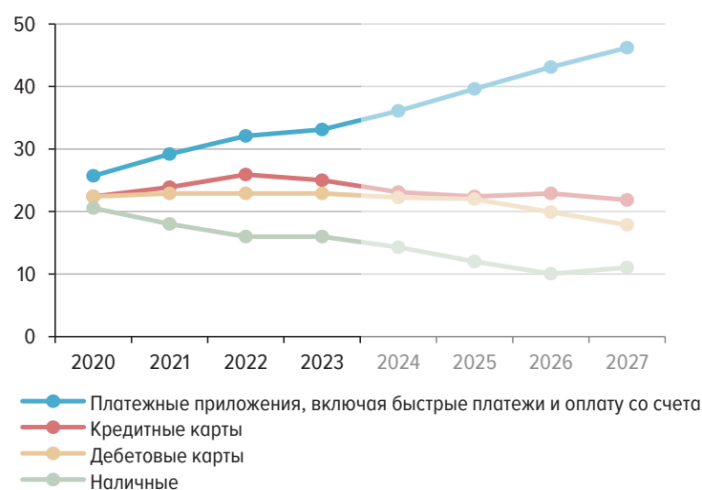

Рисунок 6. Динамика использования цифровых инструментов в ТСП в мире за 2020–2025 гг. (%)

Источник: <https://cbr.ru/>

По рисункам 6, 7 заметно прослеживается динамика использования цифровых инструментов, внедрение которых постепенно трансформирует платежную отрасль.

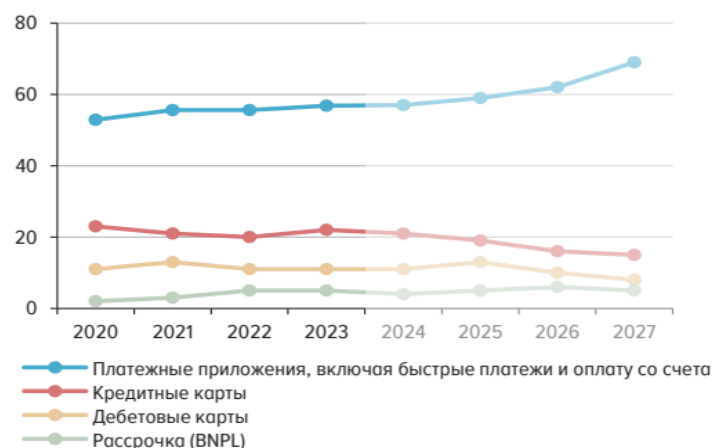

Рисунок 7. Динамика использования цифровых инструментов в электронной коммерции в мире за 2020–2025 гг. (%)

Источник: <https://cbr.ru/>

Заключение. В современном обществе развитие цифровых услуг, в частности интернет-банкинг, превышает 80% (рисунок 8). Системы интернет-банкинга доступны круглосуточно с любого устройства, имеющего доступ к Интернету. Следовательно, рост пользователей будет лишь расти, а развитие элементов финтех, таких как искусственный интеллект, блокчейн, облачные вычисления, будет открывать новые возможности его совершенствования.

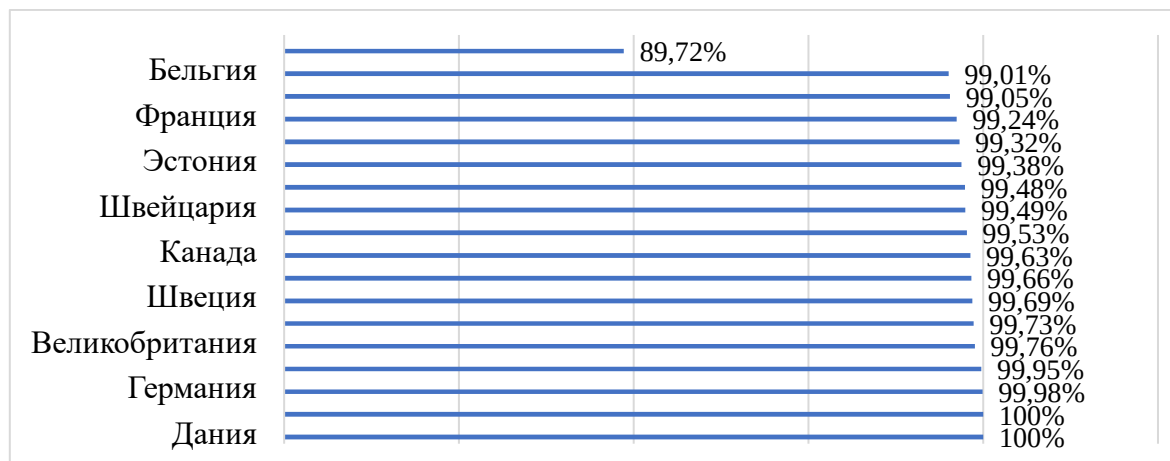

Рисунок 8. Рейтинг пользования услугами интернет-банкинга по странам и России за 2025 г.

Источник: составлено автором по данным сайта <https://worldpopulationreview.com>

Рассмотренные периоды трансформации финансовых технологий и их использование в банковском секторе показали глубокие трансформационные процессы, влияющие на классическую банковскую деятельность. Это приводит к переосмыслению способов предоставления финансовых услуг, взаимодействия с клиентами и управления рисками.

Финтех-рынок становится наиболее привлекательным для инвестирования сделок слияния и поглощения. Как показывает статистика, за несколько лет произошел значительный прорыв данной индустрии.

Список источников

1. Аналитический доклад Банка России: «Цифровизация платежей и внедрение инноваций на платежном рынке». – Москва, 2024. – 46 с.
2. Информационный портал «Банки.ру»: [сайт]. Режим доступа: www.banki.ru.
3. Интернет-журнал «Эксперт онлайн»: [сайт]. Режим доступа: www.expert.ru.
4. Онлайн-сайт банковских новостей: [сайт]. Режим доступа: www.bankir.ru.
5. Сидорова О.В. Тренды и перспективы финтех-инноваций // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 5. – С. 173.
6. Метельский А.А. Совершенствование системы банковского обслуживания на основе цифровой трансформации финансовых технологий // дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. 2023. Т. 5. №. 4. – С. 141–169.
7. Моисеев П.А., Антипов А.В. Интеграция информационных технологий в банковскую сферу. – Москва: КНОРУС, 2020. – 190 с.
8. Муханова Х.Ж. Применение технологий искусственного интеллекта в финансово-банковском секторе / Х.Ж. Муханова, М.А. Кайтова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 13, № 9(150). – С. 89–96. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.09.13.011. EDN BBSHYE.
9. Тавбулатова З.К. Контент-анализ состояния и развития финтех компаний в России за 2022–2023 гг / З.К. Тавбулатова, Л.С.Э. Батукаева // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 4(56). – С. 6–15. DOI 10.36684/chesu-2024-4-56-6-15. EDN PYPDBX.

КОРРЕКТИРОВКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА МЕНЕДЖЕРОВ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОСЕТЕЙ, КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-СТРАТЕГИИ

Салманова Е.А.,

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

e-mail: salmanova@matfmc.ru

Аннотация. Идентификация причин нерезультативной реализации бизнес-стратегии с целью ее трансформации – важнейшая задача менеджмента. Одной из таких причин является неэффективность разработки бизнес-стратегии вследствие наличия некоторых искажений в понятийном аппарате менеджеров. Цель исследования состояла в оценке состоятельности применения нейросетей для анализа понятийного аппарата и влияния последующей его корректировки на качество разработки бизнес-стратегии, а в итоге – на прибыльность деятельности компании. Практический результат показал результативность применения нейросетей.

Ключевые слова: бизнес-стратегия, прибыльность, понятийный аппарат менеджера, нейросети, корректировка.

ADJUSTMENT OF MANAGERS' CONCEPTUAL FRAMEWORK USING NEURAL NETWORKS AS THE BASIS FOR BUSINESS STRATEGY TRANSFORMATION

Salmanova E.A.,

Rostov state university of economics (RINH)

Abstract. Identifying the causes of ineffective business strategy implementation with the aim of its transformation is a crucial management task. One such cause is the inefficiency of business strategy development due to certain distortions in managers' conceptual framework. The research objective was to assess the viability of using neural networks for analyzing the conceptual framework and the impact of its subsequent adjustment on the quality of business strategy development, and ultimately on the company's profitability. The practical results demonstrated the effectiveness of applying neural networks.

Keywords: business strategy, profitability, manager's conceptual framework, neural networks, adjustment.

Интенсивная динамика внешней среды ведения коммерческой деятельности достаточно часто требует от менеджмента внесения изменений в содержание реализуемых бизнес-стратегий [1]. Этот процесс в определенной степени затруднен вследствие наличия искажений в понятийном аппарате менеджеров, вовлеченных в стратегический процесс [14, 15]. Использование современных нейронных сетей может оказаться полезным при выявлении «разрывов» в описанной при помощи фреймового анализа структуре понятийного аппарата [6]. При этом нейросети могут применяться для оценки содержательной (текстовой) части описаний понятийного аппарата и его графической (фреймовой) структуры [7, 8].

Цель данного исследования – оценка результативности использования нейронных сетей при корректировке понятийного аппарата менеджеров, разрабатывающих бизнес-стратегию.

Методы исследования. Автором была изучена деятельность отечественной компании – производителя одежды (имеющей собственную монобрендовую розничную сеть и интернет-магазин), топ-менеджмент которой отметил отставание объемов получаемой компанией прибыли от запланированных показателей (уменьшение объема получаемой компанией прибыли достигло 39%). В структуру исследования вошли три серии экспертных интервью (ЭО-1, ЭО-2, ЭО-3), анкетный опрос (АО), а также интервьюирование респондентов (ИР) с последующей обработкой полученных данных при помощи нейросети. Проведен анализ экономических результатов реализации бизнес-стратегии. Во всех трех сериях экспертных интервью приняли участие одни и те же приглашенные на основе личных контактов автора эксперты-специалисты (11 человек), обладающие опытом (продолжительностью 7–10 лет) разработки стратегий различного уровня, определяющих организацию различных аспектов

деятельности коммерческих компаний. Интервью проводились в условиях личного общения с экспертами. Также изучались аналитические материалы, публикуемые специалистами в интернете.

Цели ЭО-1 – получение описания отечественной текстильной отрасли и основных тенденций ее развития. Экспертам было предложено оценить уровень потенциальной прибыльности различных видов деятельности в рамках отрасли, а также ряда рынков. Использовалась система оценок (таблица 1) от -2 до 2 баллов (-2, -1, 0, 1 и 2).

Таблица 1. Балльные оценки потенциальной прибыльности различных видов деятельности.

Балльные оценки				
-2 балла	-1 балл	0 баллов	1 балл	2 балла
Весьма убыточная деятельность	Умеренно убыточная деятельность	Возможно получение минимальной прибыли	Умеренно прибыльная деятельность	Весьма прибыльная деятельность

Источник: составлено автором

ЭО-2 были направлены на разработку анкет для респондентов, принявших участие в АО. Основой содержания анкет послужила описанная автором ранее фреймовая структура понятийного аппарата менеджеров, участвующих в разработке бизнес-стратегии [12, 13]. В анкетах респондентам предлагалось дать собственные определения включенных в изучаемые фреймы описаний функций узлов и взаимосвязей между ними. Сформулированные участниками АО собственные развернутые трактовки функций каждого из узлов и описаний взаимосвязи между узлами сравнивались (при помощи нейросети) с разработанными экспертами формулировками на основе использования шкалы, представленной в таблице 2.

Таблица 2. Оценочная шкала верности трактовки смысла понятия или взаимосвязи между двумя понятиями.

Балл	Качественная оценка
0	Трактовка не верна
1	Трактовка в определенной степени отражает реальный смысл понятия или взаимосвязи (приблизительно верная)
2	Трактовка в существенной степени отражает реальный смысл понятия или взаимосвязи (верная)

Источник: составлено автором

ЭО-3 были проведены с целью оценки экспертами итогов применения использованной нейросети для решения поставленных задач. ИР, как и АО, включил в себя опрос работающих в компании руководителей высшего и среднего звена (всего 14 человек). Целью ИР послужила идентификация используемых респондентами подходов к разработке бизнес-стратегии.

Результаты. В целом емкость российского рынка одежды, обуви и аксессуаров в 2025 г. составила 4,4–4,8 трлн рублей [10]. В соответствии с прогнозами экспертов (участников ЭО-1), в течение 2025–2029 гг. фактическая емкость рынка готовой одежды может расти на 5–7% в год [16]. Емкость рынка детской одежды сократилась в 2021 г. на 3,2% (до 285 млрд руб. по сравнению с 2020 г.) и затем начала интенсивно расти, достигнув в 2024 г. уровня 412 млрд руб. К 2032 г. ожидается почти двукратный рост емкости рынка детской одежды [5], что отражает некие общемировые тенденции [4, 17]. На этом рынке ожидается интенсивный рост доли онлайн-продаж и активное увеличение доходов российских производителей [11].

В качестве весьма привлекательных эксперты выделили премиальные сегменты молодежной и детской одежды, указав, что эти сегменты показывают достаточно устойчивый спрос (около 8% населения с доходом от 250 000 рублей в месяц обеспечивают получение участниками рынка около 16% выручки; в отпускные цены востребованной этими сегментами продукции может закладываться существенный уровень прибыли). Сложность достижения успеха в этих сегментах рынка обусловлена необходимостью формирования привлекательных брендов. За 2021–2024 гг. зарегистрировано увеличение емкости рынка брендовой и дизайнерской детской одежды более чем на 52% (в рублях), при этом данный рост обусловлен

не только основанным на инфляции повышением отпускных цен, но и увеличением количества продаваемых комплектов одежды (на 16%) [9]. В период до 2029 г. эксперты ожидают роста емкости сегментов детской одежды премиального уровня на 44–58% с ежегодным увеличением количества реализуемых комплектов одежды на 4–5%. Выделенная экспертами тенденция к сокращению числа магазинов детской одежды [3] отражает процесс перемещения существенной части покупок в Интернет [2].

Сделанные экспертами оценки (ЭО-1) потенциальной прибыльности различных видов деятельности в рамках российской текстильной отрасли представлены в таблице 3: производство одежды в России весьма убыточно (в связи с высокой стоимостью импортируемых тканей, а также с существенными затратами на производственный процесс); оптовая торговля умеренно убыточна (в связи с тенденцией заключения розничными сетями прямых контрактов с производителями одежды); розничная торговля (офлайн) весьма убыточна (в связи с оттоком покупателей в маркетплейсы и высоким уровнем стоимости аренды помещений); розничная торговля через маркетплейсы имеет очень ограниченную прибыльность (в связи с лимитированием повышения отпускной цены, величиной запрашиваемой маркетплейсом комиссии (до 70% от выручки) и значительным уровнем возврата купленных товаров (до 60%)). Умеренный уровень прибыльности могут приносить производство одежды в зонах низкой себестоимости и реализация продукции (розничная торговля) через собственные интернет-каналы.

Таблица 3. Ожидаемая прибыльность различных видов деятельности в рамках российской текстильной отрасли.

Направление инвестиций	-2 балла	-1 балл	0 баллов	1 балл	2 балла
Производство одежды в России	√				
Производство одежды в зоне низкой себестоимости				√	
Оптовая торговля одеждой		√			
Розничная торговля (офлайн)	√				
Розничная торговля (маркетплейсы)			√		
Розничная торговля (собственные интернет-каналы)				√	

Источник: составлено автором по результатам ЭО-1

В соответствии с данными таблицы 4, к наиболее перспективным можно отнести рынки премиальной молодежной одежды и одежды для подростков.

Таблица 4. Уровень ожидаемой прибыльности при работе на различных рынках.

Рынки	Потенциальная прибыльность рынков				
	-2 балла	-1 балл	0 баллов	1 балл	2 балла
Массовый рынок			√		
Одежда для подростков				√	
Одежда для подростков (премиальный уровень)					√
Школьная форма				√	
Молодежная одежда				√	
Молодежная одежда (премиальный уровень)					√

Источник: составлено автором по результатам ЭО-1

Результаты анализа динамики рынков и мнений экспертов продемонстрировали наличие существенных возможностей повышения уровня прибыльности деятельности компании на основе трансформации используемых ею стратегий. Работа, нацеленная на корректировку аспектов деятельности компании, определяющих объемы получаемой ею прибыли, была начата с оценки действий менеджмента при создании бизнес-стратегии,

включая как важную составляющую выбор целевого рынка. При проведении данного анализа применялись ранее опубликованные автором оригинальные подходы к оценке действий менеджмента как при выборе целевого рынка, так и при разработке собственно бизнес-стратегии [13, 14]. Информация о подходах, используемых менеджерами при выборе целевого рынка и разработке бизнес-стратегии, была получена в ходе проведения ИР.

Анализ понятийного аппарата менеджеров, участвующих в выборе целевого рынка и разработке бизнес-стратегии, а также планирование устранения идентифицированных у менеджеров «разрывов» в понимании ими отдельных элементов эталонного понятийного аппарата осуществлялись в соответствии с алгоритмом, приведенным на рисунке 1.

Условия применения эталонного подхода к выбору целевого рынка и разработке бизнес-стратегии, структура эталонных фреймов выбора целевого рынка и разработки бизнес-стратегии описаны в работах автора [13, 14]. Структура реальных фреймов была идентифицирована при проведении АО и обработке его результатов.

Осуществленный при помощи нейросети DeepSeek анализ понятийного аппарата менеджеров позволил выделить наиболее актуальные «разрывы», препятствующие эффективной реализации выявленных на предшествующем этапе исследования компонентов процессов выбора целевого рынка и разработки бизнес-стратегии. Полученные результаты продемонстрировали достаточно низкий уровень реализации респондентами ряда важных этапов этих процессов. При выборе целевого рынка наиболее «проблемными» оказались элементы «Границы рынка», «Этап развития рынка» и «Фактическая емкость рынка». При разработке бизнес-стратегии – «Ожидания представителей целевого рынка в отношении характеристик продукта и процесса его покупки», «Производственно-сбытовые цепочки, поставляющие на целевой рынок подобные продукты». Также требует корректировки элемент, общий для выбора целевого рынка и разработки собственно бизнес-стратегии – «Ключевые факторы успеха (КФУ)».

С учетом выявленных искажений в понятийном аппарате каждого участвующего в исследовании менеджера и результатов анализа идентифицированных при ИР подходов менеджеров к выбору целевого рынка и разработке бизнес-стратегии эксперты (участники ЭО-3) сформулировали рекомендации по формированию программ корпоративного обучения персонализированной и групповой направленности.

Рисунок 1. Последовательность этапов изучения понятийного аппарата менеджеров и подготовки корректирующих программ обучения

Источник: разработано автором

На рисунке 2 приведена структура проблемного поля изучаемой компании, сформированная на основе результатов ЭО-1 и ИР. Проведенный автором анализ (с учетом результатов АО) позволил выявить важные причины снижения прибыльности деятельности компании, связанные с недооценкой менеджерами динамики фактической емкости и этапов развития целевых рынков (на фоне слабой идентификации их границ), трансформации производственно-сбытовых цепочек и значимости ряда ключевых факторов достижения успеха. Анализ проблемного поля компании (рисунок 2) демонстрирует, что положительное влияние на уровень прибыльности деятельности компании может оказать концентрация внимания руководства на выборе производства одежды в зонах низкой себестоимости, выпуске продукции премиального класса для молодежи и подростков, реализации продукции через собственные интернет-каналы и проведении корпоративного обучения менеджеров, участвующих в разработке БС для корректировки их понятийных аппаратов.

После разработки корректирующих программ для понятийного аппарата менеджеров, утверждения в компании планов, целей и сроков было проведено обучающие мероприятия. Тестирование понятийного аппарата менеджеров после пройденного курса обучения продемонстрировало позитивный результат, характеризующийся достижением целей корректировки их представлений об основах и методах создания бизнес-стратегии.

Обновленная бизнес-стратегия компании, разработанная прошедшими обучение менеджерами, включила в себя следующие элементы:

1. Размещение производства одежды в зонах с низкой себестоимостью (Вьетнам, Бангладеш, Узбекистан).
2. Сокращение производства одежды в России.
3. Сокращение производства одежды, ориентированной на массовый рынок.

Рисунок 2. Структура проблемного поля компании

Источник: разработано автором

4. Концентрирование усилий на растущих рынках молодежной и детской одежды премиального уровня.
5. Производство школьной формы, пользующейся устойчивым спросом.
6. Развитие собственных интернет-магазинов с услугами доставки продукции.
7. Формирование привлекательных брендов, ориентированных на рынки молодежной и детской одежды.

В результате реализации обновленной бизнес-стратегии, несмотря на инвестирование существенных ресурсов в формирование обновленных брендов, результаты финансовой деятельности компании стали улучшаться; ликвидировано отставание от плановых показателей по объему получаемой компанией прибыли. Отметим, что обновленная стратегия компании вышла за рамки специфики бизнес-стратегии: перенос инвестиций в производство одежды за пределы России можно рассматривать как компонент трансформации корпоративной стратегии.

Таким образом, практическое тестирование применения нейросетей для решения задачи корректировки понятийного аппарата разработчиков бизнес-стратегии и повышения их квалификационного уровня показало положительный результат. Обновленная бизнес-стратегия, разработанная прошедшими обучение менеджерами, оказалась результативной.

Список источников

1. Будагов А.С., Трофимова Н.Н. Критически важные факторы, которые необходимо учитывать при разработке бизнес-стратегии в контексте Индустрии 4.0 / Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3, № 6(138). – С. 170–176. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.06.03.019. EDN AJIMWL.
2. В России объяснили массовое закрытие магазинов. Газета.ru. URL: <https://dzen.ru/a/acppSg2DMQBBCchN> (дата обращения: 12.02.2026).
3. В России стало меньше магазинов детской одежды. <https://lenta.ru/news/2026/02/17/v-rossii-stalo-menshe-magazinov-detskoy-odezhdy/> (дата обращения: 15.02.2026).
4. Глобальное исследование рынка одежды – конкурентный ландшафт, анализ сегмента и прогноз роста. URL: <https://www.marketresearchintellect.com/ru/product/global-children-clothing-market-size-and-forecast/> + <https://roif-expert.ru/tekstil/tekstil-nye-izdeliya/rynok-detskoj-odezhdy/rynok-detskoj-odezhdy-v-rossii-issledovanie-i-prognoz.html?ysclid=mnd490nsp9715885279> (дата обращения: 24.01.2026).
5. Детская одежда. Анализ размера, доли и тенденций рынка, стратегические инсайты, прогнозы роста (2025–2032). URL: <https://www.futuremarketreport.com/ru/industry-report/childrenwear-market> (дата обращения: 24.01.2026).
6. Димитриади Н.А., Ходарева Т.А., Андреев С.А., Михолап М.В. Фреймовый анализ представлений менеджеров о свойствах целевого рынка: значимость прогнозируемой эффективности бизнес-стратегии / Экономика устойчивого развития. 2020. № 3(43). – С. 49–53. EDN SJVNJE.
7. Иванченко Т.Б. Распознавание текстов и изображений с помощью искусственного интеллекта в архивном деле / Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления: материалы XVIII Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. – С. 219–223.
8. Ивженко С.П., Изофатов К.А. Семантический анализ текстов. Основные проблемы и методы решения // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskij-analiz-tekstov-osnovnye-problemy-i-metody-resheniya> (дата обращения: 18.08.2025).
9. Надежда на вырост. Как российские бренды осваивают рынок детской одежды. Коммерсант. 03.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8249982?ysclid=mnea5qbctx238798368> (дата обращения: 19.01.2026).
10. По итогам 2025 г. объем российского фэшн-рынка достиг 4,4–4,8 трлн руб. URL: <https://fashionbuzz.media/news/tpost/zejd7jbxk1-po-itogam-2025-g-obem-rossiiskogo-feshn> (дата обращения: 15.01.2026).
11. Рынок детских товаров в России. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-detskikh-tovarov-v-rossii/> (дата обращения: 30.01.2026).
12. Салманова Е.А. Фреймовая структура понятийного аппарата менеджеров, участвующих в создании бизнес-стратегии // Естественно-гуманитарные исследования. 2026. № 1 (63). – С. 933–938.
13. Салманова Е.А. Выбор целевого рынка при разработке бизнес-стратегии: структура «эталонного» понятийно-категориального аппарата менеджеров / Экономика устойчивого развития. 2025. № 3(63). – С. 287–292.
14. Селиванов А.Н. Проблема формирования понятийного аппарата у специалистов по стратегическому менеджменту / Стратегический менеджмент. 2008. № 2. – С. 80–86. URL: <https://grebennikon.ru/article-fpri.html> (дата обращения: 12.12.2026).
15. Стрекалова Н.Д. Стратегическое мышление менеджеров: сущность, проблемы и подходы к развитию / Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2018. Т. 17. № 3. – С. 384–411. EDN YMVMUH.
16. Эксперты спрогнозировали разворот к росту на 5–7% на российском рынке одежды и обуви. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/503107-eksperty-sprognozirovali-razvorot-k-rostu-na-5-7-na-rossijskom-rynke-odezdy-i-obuvi> (дата обращения: 15.02.2026).
17. Kids Apparel Market. URL: <https://www.emergenresearch.com/industry-report/kids-apparel-market> (дата обращения: 17.02.2026).

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ

Сулумов С.Х.,

*доцент, канд. геогр. наук, зав. кафедрой менеджмента
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Пацагов Т.Ш.,

*соискатель кафедры менеджмента
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Аннотация. В статье рассмотрены преимущества, этапы и направления цифровизации в управлении бизнес-процессами в малом бизнесе. В ходе исследования были определены основные составляющие цифровой экономики: интернет вещей и искусственный интеллект, которые предлагают интеллектуальные решения в различных экономических и социальных сферах. Установлено, что трансформация в рамках цифровизации способствует повышению степени управляемости бизнес-процессами, минимизации участия человека и снижению рисков, связанных с такой деятельностью. Сделаны выводы о том, что стремительные цифровые трансформации бизнес-процессов имеют определенные недостатки, угрозы и риски.

Ключевые слова: информационные технологии, бизнес-процессы, искусственный интеллект, интернет вещей, цифровая трансформация.

IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN SMALL BUSINESSES

Sulumov S.Kh.,

*candidate of sciences in geography, head of the department of management,
Kadyrov Chechen State University*

Pacagov T.Sh.,

*Postgraduate student,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article examines the advantages, stages, and directions of digitalization in business process management. The study identified the key components of the digital economy: the Internet of Things and artificial intelligence, which offer intelligent solutions in various economic and social spheres. It was found that digital transformation contributes to increased manageability of business processes, minimizing human involvement, and reducing the risks associated with such activities. It is concluded that rapid digital transformations of business processes have certain drawbacks, threats, and risks.

Keywords: information technology, business processes, artificial intelligence, Internet of Things, digital transformation.

Цифровая трансформация является одним из наиболее актуальных и важных направлений развития как бизнеса, так и общества в целом. В условиях глобализации и постоянных изменений технологий предприятия должны быстро адаптироваться к новым реалиям, используя возможности, которые предоставляет цифровизация.

Цифровая трансформация охватывает не только внедрение новых технологий, но и изменение подходов к управлению, организационной культуре и взаимодействию с внешней средой. Предприятия, активно использующие цифровые технологии, могут столкнуться с проблемой нехватки квалифицированных специалистов, способных обеспечить бесперебойную и качественную работу в условиях цифровых инноваций.

Цифровая трансформация бизнеса является необходимостью в условиях быстрого развития ИТ, в частности «Индустрии 4.0». Однако особенно остро встает потребность в защите данных и кибербезопасности.

Целью статьи является исследование основных этапов, направлений внедрения информационных технологий в бизнес-процессы и их развития.

Современный рынок информационных продуктов предлагает широкий выбор программных модулей для управления бизнес-процессами предприятия. Автоматизировав и стандартизировав эти действия, можно наладить эффективную коммуникацию с клиентами и

обеспечить непрерывный диалог между отделами компании, благодаря чему сохранить клиентов и увеличить прибыль. Для каждого бизнеса стратегия применения процессного подхода индивидуальна. На рисунке 1 отражены бизнес-процессы, которые неразрывно связаны с внедрением информационных технологий.

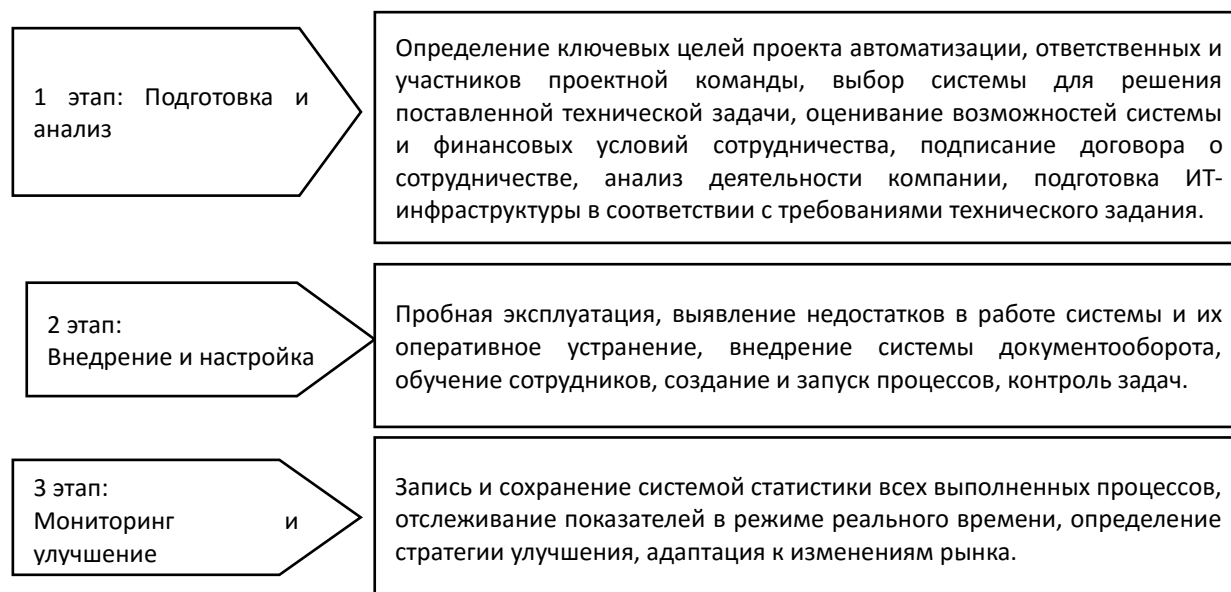

Рисунок 1. Этапы цифровизации бизнес-процессов

Источник: разработано авторами

Использование цифровых технологий способствует оптимизации бизнес-процессов и решению сложных задач, в частности документооборота, где активно внедряется применение квалифицированной электронной подписи.

Главными направлениями цифровизации управления бизнес-процессами являются:

- оптимизация ресурсного потенциала для повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности;
- оптимизация затрат и времени, улучшение финансовых показателей;
- совершенствование управления персоналом, оптимизация использования человеческих ресурсов в кризисных условиях;
- применение новых моделей рабочего времени и трудовой жизни;
- повышение эффективности осуществления бизнес-процессов и увеличение прибыли предприятия и т. п. [2].

Информационная система организации охватывает различные сферы ее деятельности, является связующим звеном при разработке стратегии бизнеса и достижении заданного качества управления организацией и персоналом. Управленческие решения по созданию и модернизации информационных технологий должны основываться на регулярном оценивании информационных рисков. «Сегодняшние реалии, связанные с увеличением доли цифровой экономики, цифровизацией рынка труда и процессами по цифровой трансформации предприятия, требуют пересмотра основ формирования системы экономической безопасности предприятия» [6].

Следует отметить, что особенностью внедрения ИТ как в бизнес, так и в технологические процессы является Индустрия 4.0 – так называемая «четвертая промышленная революция». В работе [1] указано, что существенными характеристиками изменений, которые происходят под влиянием Индустрии 4.0, являются снижение стоимости связи, повышение эффективности логистики и маркетинга, внедрение инновационных технологий и открытие новых рынков сбыта.

Чтобы оценить влияние Индустрии 4.0 на потенциал развития компаний, нужно проанализировать составляющие четвертой промышленной революции, которые приведены на рисунке 2.

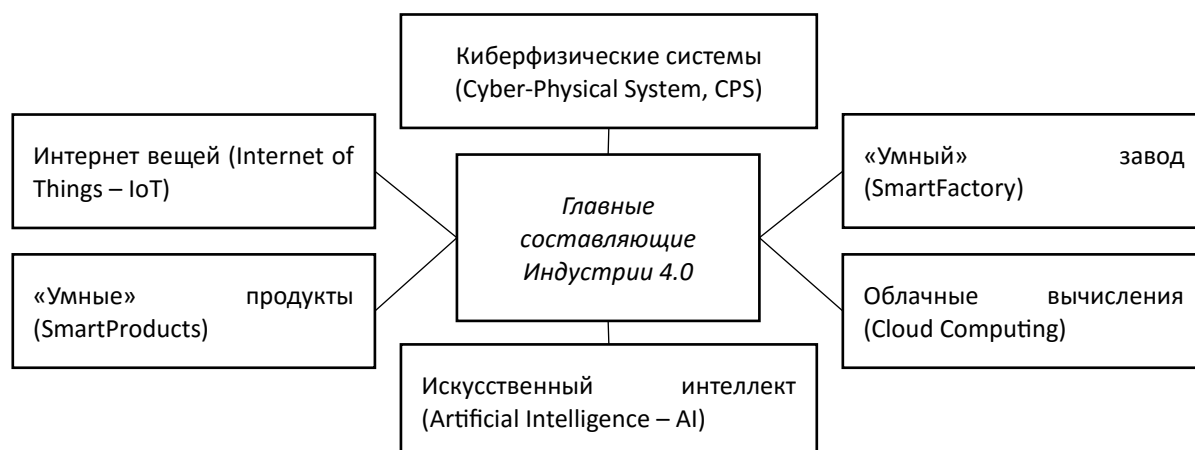

Рисунок 2. Составляющие Индустрии 4.0

Источник: разработано авторами

Современное управление все больше основано на аналитических подходах, где данные становятся стратегическим ресурсом. В этом контексте Big Data выступает ключевым компонентом цифровой трансформации. Big Data обеспечивает сбор, хранение и обработку больших объемов структурированной и неструктурированной информации из различных источников – от CRM-систем до сенсоров IoT. Эффект от таких решений проявляется в ускорении процесса принятия решений, повышении точности прогнозов и возможности автоматизированного мониторинга бизнес-процессов. Преимущества, которые предприятие может получить от использования этих технологий:

- получение информации на основе данных IoT для лучшего управления всеми бизнес-процессами;
- повышение производительности и эффективности хозяйственных операций;
- создание новых бизнес-моделей и источников дохода;
- экономия времени в производстве, обслуживании, принятии решений.

Использование интернета вещей в промышленности позволяет провести мониторинг производственной линии, чтобы обеспечить техническое обслуживание оборудования в случае обнаружения датчиками неисправности. В аграрной сфере можно выделить устройства для проверки состава почвы, состояния здоровья выращиваемых животных, отслеживания их местонахождения, прогноза климатических изменений. Транспортные и логистические системы извлекают выгоду из различных приложений IoT. Маршруты транспорта могут быть изменены в зависимости от погодных условий, наличия транспортных средств или водителей. Сам груз также может быть оснащен датчиками для отслеживания и контроля температуры. В промышленности, в частности пищевой, контроль температурного режима с помощью IoT может быть особенно полезным и эффективным.

Параллельно с этим искусственный интеллект (ИИ) все чаще используется в управлении для реализации задач, которые ранее требовали участия человека. Алгоритмы машинного обучения позволяют анализировать большие массивы данных, прогнозировать изменения в поведении клиентов, выявлять закономерности в финансовых транзакциях, а также автоматизировать процедуры рекрутинга и оценки персонала. Например, в сфере электронной коммерции ИИ используется для динамического ценообразования, а в банковской сфере – для выявления мошеннических операций. В то же время, несмотря на многочисленные преимущества, ИИ создает ряд проблем: алгоритмическая непрозрачность («эффект черного

ящика»), предвзятость в исходных данных и этические дилеммы в оценке человеческого капитала.

ИИ превратился в масштабный инструмент и ресурс для розничной торговли: его все чаще используют с целью повышения качества обслуживания покупателей в интернет-магазинах и других сервисах, а также в интерактивных мобильных приложениях и даже в программах лояльности. Чат-боты и интеллектуальные помощники в начале своего массового внедрения превзошли все ожидания не только пользователей, но и разработчиков. Сегодня уже многие банковские структуры тестируют прототипы искусственных ассистентов, ориентированных на решение 80% тех вопросов, которые чаще всего возникают у потребителей. Интеллектуальные технологии контролируют решения сотрудников, оперативно реагируя на неправомерные действия с их стороны, тем самым предотвращая нарушение законодательных норм самим банком. По данным аналитиков, в 2024 году глобальные затраты на системы машинного обучения в банковской сфере достигли \$5,43 млрд. И это только начало: по прогнозам, к 2034 году рынок вырастет до \$41,67 млрд [3].

Начиная с 2020 г. в сегменте искусственного интеллекта и машинного обучения быстрое распространение приобретают генеративные соревновательные нейросети (GAN) и модели обработки естественного языка (NLP). Одним из ярких примеров искусственного интеллекта является «текстовый интеллект» в виде GPT 3 от проекта OpenAI. С каждым новым поколением и ростом сложности такие модели становятся ближе к тому, чего от них ожидают: создания и автоматической обработки контента (от картинок и видео до статей и программного кода); распознавания, аналитики и достаточно точного прогнозирования результатов [7].

Облачные сервисы завершают триединую платформу цифрового менеджмента, обеспечивая инфраструктурную основу для функционирования Big Data и ИИ. Использование облачных решений позволяет организациям снизить затраты на ИТ-инфраструктуру, обеспечить постоянный доступ к цифровым ресурсам, а также интегрировать ключевые бизнес-системы – ERP, CRM, HRM – в единую среду. Благодаря облакам компании получают возможность быстро масштабировать операции, внедрять новые сервисы и реагировать на изменения рынка в режиме реального времени.

Информационные технологии имеют определенные недостатки, угрозы и риски. По результатам исследования McKinsey, в ближайшие десять лет новые технологии радикально изменят мировой рынок труда, что поможет сэкономить около \$50 трлн. Однако эти изменения коснутся сотен миллионов рабочих мест. С одной стороны, люди смогут переложить на машины часть рутинных задач, что позволит им сосредоточиться на творческой работе, а с другой – от массовой автоматизации однозначно пострадают менее квалифицированные кадры. И уже сейчас необходимо задуматься, как их защитить и не потерять [8].

Не стоит недооценивать и угрозы, связанные с использованием информационных технологий для совершения преступлений. При использовании «интернета вещей» (IoT) угрозы прежде всего связаны с вопросами безопасности и конфиденциальности данных. Устройства, которые плохо защищены, могут стать уязвимыми и доступными для мошенников. Кроме того, устройства тесно связаны и создают сеть, в которой используются встроенные системы, такие как процессоры, датчики и коммуникационное оборудование, для сбора, отправки и обработки данных. Также незащищенный IoT может стать опасным и для критической инфраструктуры. При использовании IoT в управлении электроэнергией, транспортной инфраструктурой, финансовыми услугами, социальными медиа происходит генерация огромного количества данных, которые тесно связаны между собой и с системами управления. В вопросах использования «интернета вещей» на объектах критической инфраструктуры обязательно должна быть разработана политика безопасности и шифрования с целью обеспечения защиты данных и активов. Учитывая, что через устройства IoT проходит так много важных для бизнеса данных, организации должны принять меры для защиты своих технологий.

Интеграция больших данных, ИИ и облачных платформ кардинально меняет классический подход к управлению. Менеджер в условиях цифровой экономики превращается

в аналитика и стратега, роль которого заключается не только в координации, но и в принятии решений на основе сложной аналитики [2, 6]. Управленческие процессы становятся все менее интуитивными, а все более алгоритмизированными. Это требует от руководителей новых цифровых компетенций, адаптивности к технологическим изменениям и высокого уровня информационной грамотности [2]. В то же время цифровая трансформация не должна сводиться только к внедрению технологий – она требует глубокой трансформации организационной культуры, изменения мышления и способов коммуникации в командах [2].

SWOT-анализ технологической интеграции позволяет обобщить преимущества, недостатки, возможности и риски цифровых инструментов в современном менеджменте (табл. 1). Сильные стороны включают повышение точности и скорости управленческих решений, гибкость управления и способность к масштабированию. Среди слабых сторон – низкий уровень цифровой подготовки персонала, технологическая зависимость от стабильности интернет-соединения, а также потенциальные угрозы утечки данных. Цифровые технологии открывают новые возможности, среди которых – создание инновационных бизнес-моделей, персонализация услуг, расширение глобального присутствия. Однако они одновременно порождают угрозы: кибератаки, этические вызовы алгоритмического управления, неравенство в доступе к технологиям, особенно в развивающихся странах.

Таблица 1. SWOT-анализ технологической интеграции Big Data, ИИ и облачных сервисов в системы современного управления

Сильные стороны	Слабые стороны
Повышение точности и скорости управленческих решений	Недостаточный уровень цифровой подготовки персонала
Гибкость и адаптивность управленческих систем	Технологическая зависимость от интернет-инфраструктуры
Возможность масштабирования бизнес-процессов	Риски потери, утечки или несанкционированного доступа к данным
Возможности	Угрозы
Создание новых цифровых бизнес-моделей	Кибератаки и угрозы кибербезопасности
Эффективная персонализация продуктов и сервисов	Проблемы конфиденциальности и защиты персональных данных
Глобализация управления и расширение рынков	Этические дилеммы алгоритмического управления; цифровое неравенство

Источник: разработано авторами

Таким образом, цифровые технологии – это не только инструменты, но и факторы глубоких изменений в логике управленческих процессов. Успешное внедрение Big Data, ИИ и облачных сервисов требует не только финансовых инвестиций, но и изменения управленческой парадигмы, основанной на данных, этике, прозрачности и стратегии долгосрочного развития. Для обобщения влияния цифровых технологий на управление организациями рассмотрим результаты SWOT-анализа (табл. 1), который отражает как потенциальные преимущества интеграции больших данных, ИИ и облачных платформ, так и связанные с ними риски.

Одним из определяющих факторов успешной цифровой трансформации является не только технологическое оснащение, но и способность организации к адаптации внутренней культуры и управленческих подходов к новым условиям. Внедрение больших данных, ИИ и облачных решений требует переосмысления роли менеджера, который должен не только обладать стратегическим мышлением, но и понимать основы работы с алгоритмами, аналитическими платформами, рисками обработки данных. В этом контексте формирование цифровых компетенций приобретает стратегическое значение для организаций всех уровней. По данным исследований, недостаточная цифровая подготовка персонала является одной из главных причин неудач цифровых инициатив у 70% компаний [2, 5].

Помимо компетенций, ключевую роль играет организационная структура. Традиционно иерархические модели управления не соответствуют требованиям цифровой среды, которая является динамической, многоуровневой и гибкой. Современные организации переходят к гибридным или матричным структурам, которые обеспечивают быстрый обмен информацией, автономию команд и интеграцию между подразделениями с помощью цифровых платформ. Такие трансформации наблюдаются и в отечественной корпоративной среде – в частности, в банковском секторе, ИТ-компаниях и крупных ритейлерах.

Еще одним важным аспектом цифровой трансформации является этическое управление данными. Учитывая растущий объем персональной информации, которую собирают организации, особую актуальность приобретает вопрос защиты конфиденциальности, соблюдения регламентов и формирования этических стандартов в использовании алгоритмов.

Отсутствие прозрачности затрудняет или делает невозможным понимание пользователями процессов принятия решений ИИ. Особенно актуальна такая проблема в областях, где эти решения влияют на людей: в HR, кредитовании, здравоохранении. Организациям необходимо разрабатывать внутренние политики по этическому использованию данных, обеспечивать аудит алгоритмов.

Цифровая трансформация менеджмента представляет собой многокомпонентный процесс, охватывающий технологические, культурные, управленческие и нормативно-этические изменения. Достижение синергии между технологиями и человеческим капиталом будет определять не только эффективность управления, но и долгосрочную устойчивость организаций.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что внедрение технологий Big Data, ИИ и облачных сервисов существенно меняет природу менеджмента, расширяя его инструментарий, повышая точность принятия решений и способствуя формированию гибких, адаптивных управленческих систем. В то же время цифровая трансформация сопровождается рядом вызовов, которые нельзя игнорировать. Прежде всего, речь идет о необходимости обеспечения кибербезопасности, защиты персональных данных, прозрачности алгоритмических решений, а также формирования этических стандартов использования цифровых технологий.

Список источников

1. Внедрение и развитие Индустрии 4.0: основы, моделирование и примеры из практики / А. Рот, Д. Зипманн, Н. Грэф и др.; пер. с нем. под общей ред. А.В. Кострова. – М.: Техносфера, 2017. – 293 с.
2. Газдиев И.И. Обоснование внедрения цифровых инструментов в систему корпоративного управления // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2024. № 3(106). – С. 181–190.
3. Искусственный интеллект в банках: настоящее и будущее технологии в финансовом секторе. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/iskusstvennyy-intellekt-v-bankakh-nastoyashchee-i-budushchee-tekhnologii-v-finansovom-sektore-20250518-1430/>
4. Искусственный интеллект: помощник человека или угроза цивилизации. URL: <https://4s-info.ru/2023/10/03/iskusstvennyj-intellekt-pomoshnik-cheloveka-ili-ugroza-tsvilizatsii/>
5. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. – С. 103–114.
6. Сулумов С.Х., Дадаев Я.Э. Формирование системы экономической безопасности предприятия в условиях цифровизации рынка труда // ФГУ Наука. 2024. № 3(35). – С. 81–86.
7. Универсальный ИИ: что такое ChatGPT и как им пользоваться. URL: https://club.dns-shop.ru/blog/t-415-neiroseti-i-ai/88403-universalnyii-ii-chto-takoe-chatgpt-i-kak-im-polzovatsya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
8. McKinsey: Двенадцать новых технологий через 10 лет радикально изменят рынок труда на планете. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/163938104>

СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Токова Ф.А.,

старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

Аннотация. В статье рассматриваются системные проблемы развития экономического сектора Карачаево-Черкесской Республики как субъекта Северо-Кавказского федерального округа, обладающего значительным природно-ресурсным и агроклиматическим потенциалом, но демонстрирующего устойчивое отставание от среднероссийских показателей социально-экономического развития. На основе анализа научной литературы и статистических данных автором выявляются ключевые ограничения: низкая инвестиционная привлекательность региона, технологическая отсталость производственной базы, сверхконцентрация экономической активности в региональном центре, недостаточная эффективность агропромышленного комплекса при его доминировании в отраслевой структуре. Особое внимание уделяется пространственным формам проявления региональных проблем и перспективам внедрения ESG-подходов в стратегическое планирование. Делается вывод о необходимости формирования новой модели регионального развития, основанной на кластеризации, углублении переработки сельскохозяйственного сырья и развитии человеческого капитала.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесская Республика, региональная экономика, инвестиционная привлекательность, агропромышленный комплекс, пространственное развитие, импортозамещение, ESG-трансформация, диспропорции развития.

STRUCTURAL DISPROPORTIONS AND LIMITATIONS TO ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY GEOECONOMIC CHALLENGES

Tokova F.A.,

Senior Lecturer Department of Economics and Applied Informatics
Aliev Karachay-Cherkess State University

Abstract. This article examines the systemic challenges of economic development in the Karachay-Cherkess Republic as a constituent entity of the North Caucasus Federal District, which possesses significant natural resource and agroclimatic potential but consistently lags behind the Russian average for socioeconomic development. Based on an analysis of scientific literature and statistical data, the author identifies key constraints: low investment attractiveness of the region, technological backwardness of the production base, overconcentration of economic activity in the regional center, and the insufficient efficiency of the agro-industrial complex, despite its dominance in the sectoral structure. Particular attention is paid to the spatial manifestations of regional problems and the prospects for implementing ESG approaches in strategic planning. The author concludes that a new regional development model based on clustering, increased processing of agricultural raw materials, and human capital development is necessary.

Keywords: Karachay-Cherkess Republic, regional economy, investment attractiveness, agro-industrial complex, spatial development, import substitution, ESG transformation, development imbalances.

Современный этап развития российской экономики характеризуется усилением межрегиональной дифференциации, обусловленной как объективными природно-климатическими и ресурсными факторами, так и накопившимися структурными диспропорциями предшествующих десятилетий. В условиях ужесточения внешних геоэкономических ограничений и реализации курса на импортозамещение проблема выравнивания уровней социально-экономического развития регионов приобретает не только экономическое, но и геополитическое измерение. Карачаево-Черкесская Республика представляет собой один из наиболее показательных примеров региона, в котором накопленный потенциал развития остается в значительной степени нереализованным вследствие комплекса институциональных, инфраструктурных и инвестиционных ограничений.

Актуальность исследования проблем развития экономического сектора КЧР обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, регион входит в состав Северо-Кавказского федерального округа, который рассматривается как зона стратегических интересов Российской Федерации, требующая особого внимания с точки зрения обеспечения экономической и социальной стабильности. Во-вторых, несмотря на благоприятные агроклиматические условия, наличие значительных запасов полезных ископаемых и высокий рекреационный потенциал, республика демонстрирует устойчиво низкие показатели валового регионального продукта на душу населения и высокий уровень бедности. В-третьих, существующие подходы к региональному управлению в КЧР не в полной мере учитывают современные тренды устойчивого развития и ESG-трансформации, что создает риски дальнейшего отставания.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация ключевых проблем развития экономического сектора Карачаево-Черкесской Республики, анализ их причин и проявлений, а также определение перспективных направлений преодоления сложившихся ограничений. Методологическую основу исследования составляют положения теории региональной экономики, концепции пространственного развития, а также методы сравнительного и системного анализа.

Карачаево-Черкесская Республика обладает совокупностью факторов производства, которые при их эффективном использовании могли бы обеспечить устойчивые темпы экономического роста и повышение уровня жизни населения. Регион располагает значительными запасами полезных ископаемых: разведаны месторождения медных руд, угля, мрамора, известняка, вольфрама, что создает предпосылки для развития горнодобывающей промышленности. Лесные ресурсы, гидроэнергетический потенциал и многочисленные источники минеральных вод формируют базу для развития лесоперерабатывающей промышленности, электроэнергетики и санаторно-курортного комплекса. Особого внимания заслуживают агроклиматические условия: наличие черноземных почв в предгорных районах в сочетании с благоприятным температурным режимом позволяет выращивать широкий спектр сельскохозяйственных культур, включая зерновые, технические и плодово-ягодные культуры [7].

Однако, как справедливо отмечают исследователи, экономический потенциал региона остается в значительной степени нераскрытым. Вклад КЧР в валовой региональный продукт Северо-Кавказского федерального округа составляет менее четырех процентов, что является одним из самых низких показателей среди субъектов округа [7]. Этот разрыв между ресурсными возможностями и фактическими результатами хозяйственной деятельности представляет собой первую и наиболее фундаментальную проблему развития экономического сектора республики.

Причины данной ситуации носят многофакторный характер. Прежде всего, следует указать на низкую инвестиционную привлекательность региона, обусловленную как объективными (удаленность от основных рынков сбыта, высокая стоимость транспортной логистики), так и субъективными (недостаточная эффективность институтов регионального управления, высокие административные барьеры) факторами. Инвестиционная активность в КЧР характеризуется нестабильностью и недостаточным объемом вложений в обновление основных фондов, что создает замкнутый круг: низкая рентабельность действующих производств не позволяет генерировать достаточный объем собственных инвестиционных ресурсов, а внешние инвесторы не заинтересованы вкладывать средства в регион с высокой степенью риска [5].

Сложившаяся ситуация усугубляется технологической отсталостью производственной базы. Значительная часть предприятий республики относится к категории низкопроизводительных и низкотехнологичных, что является прямым следствием морального и физического износа основных фондов, не соответствующих требованиям современной экономики. Как отмечают Сизова Ю.С., Шерапова С.Х. и Малкова У.А., в регионе

наблюдается низкая оснащенность предприятий высокопроизводительным оборудованием, что напрямую сказывается на конкурентоспособности производимой продукции [7].

Анализ отраслевой структуры экономики Карачаево-Черкесской Республики выявляет следующую системную проблему: чрезмерную зависимость региона от агропромышленного комплекса при недостаточном развитии обрабатывающих производств и сферы услуг. Сельское хозяйство традиционно является доминирующим сектором экономики республики, что само по себе не является негативным фактором для аграрного региона. Однако проблема заключается в характере этой доминанты: сельскохозяйственное производство в КЧР характеризуется низкой степенью переработки сырья, преобладанием малых форм хозяйствования с ограниченными технологическими и маркетинговыми возможностями, а также недостаточной интеграцией в межрегиональные и международные продовольственные цепочки.

Р.А. Канцеров, К.Т. Гедиев и их соавторы в своем исследовании справедливо указывают, что повышение конкурентоспособности аграрного сектора КЧР требует формирования стратегических альянсов, объединяющих производителей сырья и его переработчиков [1]. Авторы предлагают создание интегрированных производственно-технологических цепочек, в рамках которых происходит распределение добавленной стоимости конечного продукта таким образом, чтобы достичь минимальных отпускных цен. Такой подход позволил бы преодолеть фрагментарность аграрного сектора, которая в настоящее время препятствует выходу региональных производителей на крупные рынки сбыта.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что, обладая значительным потенциалом для развития животноводства и растениеводства, республика не обеспечивает в полной мере даже собственные потребности в продовольствии, не говоря уже о наращивании экспортного потенциала. Исследования показывают, что в условиях санкционных ограничений и политики импортозамещения агропромышленный комплекс страны не смог в полной мере восполнить образовавшийся дефицит на внутреннем продовольственном рынке, что свидетельствует о необходимости более активного вовлечения регионов с аграрной специализацией, включая КЧР, в решение задач продовольственной безопасности [6].

Промышленный сектор республики, представленный главным образом предприятиями электроэнергетики, химической промышленности и производства строительных материалов, также сталкивается с серьезными вызовами. Низкая диверсификация промышленного производства делает экономику региона уязвимой к колебаниям конъюнктуры на соответствующих товарных рынках. При этом планы импортозамещения, разработанные на региональном уровне, не отличаются инновационностью и в значительной степени воспроизводят сложившуюся отраслевую структуру, не создавая стимулов для появления новых направлений специализации [4].

Проблемы экономического развития Карачаево-Черкесской Республики имеют ярко выраженное пространственное измерение. Как и для многих регионов Российской Федерации, для КЧР характерна высокая степень концентрации экономической активности в региональном центре – городе Черкесске, тогда как периферийные территории демонстрируют значительно более низкие показатели экономического развития. Статистические данные свидетельствуют, что более половины всех субъектов малого и среднего предпринимательства республики сосредоточены именно в Черкесском городском округе [1].

Эта пространственная диспропорция порождает целый комплекс негативных последствий. Во-первых, сельские территории, обладающие значительным аграрным и рекреационным потенциалом, остаются недоразвитыми, что проявляется в низком уровне доходов сельского населения, недостаточном развитии социальной и транспортной инфраструктуры. Во-вторых, сверхконцентрация экономических ресурсов в столице создает эффект «оттока» из периферийных районов наиболее квалифицированных кадров и инвестиционных ресурсов, что еще более усиливает межрайонную дифференциацию. В-

третьих, такая конфигурация экономического пространства препятствует формированию полноценных внутрирегиональных производственных цепочек, поскольку предприятия, расположенные в разных районах, оказываются слабо связанными кооперационными связями.

Особого внимания заслуживает проблема развития малых форм хозяйствования в сельской местности. З.М. Лайпанова и З.И. Гебенова отмечают, что в современных условиях санкционных ограничений перспективы развития малых форм хозяйствования в аграрном секторе приобретают особое значение [2]. Сельскохозяйственная потребительская кооперация рассматривается как инструмент, способный обеспечить мелким производителям доступ к рынкам сбыта, кредитным ресурсам и современным технологиям. Однако, несмотря на принятие региональных программ развития кооперации и создание специализированного Центра компетенций, реальные результаты этой деятельности остаются скромными.

Экономические проблемы Карачаево-Черкесской Республики неразрывно связаны с социальной сферой, образуя сложный комплекс взаимозависимых противоречий. Высокий уровень безработицы, который в отдельные периоды превышал среднероссийские показатели в несколько раз, является как следствием недостаточного развития производственного сектора, так и фактором, препятствующим его развитию [7]. Безработица, особенно в сельской местности и среди молодежи, ведет к оттоку квалифицированных кадров за пределы республики, что лишает регион одного из ключевых ресурсов экономического роста – человеческого капитала.

Парадокс ситуации заключается в том, что, по данным статистики, КЧР занимает второе место в Северо-Кавказском федеральном округе по доле занятого населения с высшим образованием [7]. Однако высокий образовательный уровень населения не трансформируется в экономические достижения из-за отсутствия в регионе достаточного количества рабочих мест, требующих высокой квалификации. Выпускники вузов и средних специальных учебных заведений вынуждены либо покидать республику, либо работать не по специальности, что представляет собой неэффективное использование инвестиций в человеческий капитал.

Высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума – еще одна социальная характеристика, оказывающая прямое влияние на экономическое развитие. Низкие доходы ограничивают внутренний потребительский спрос, который мог бы стать драйвером развития локальных производств. Кроме того, бедность создает социальную напряженность и способствует распространению теневых экономических практик, что подрывает институциональную среду для легального бизнеса. Ж.П. Хамукова и Х.Ю. Боров в своем исследовании, посвященном оценке предпосылок интеграции ESG-подходов в стратегическое развитие российских регионов, характеризуют КЧР как территорию с высокой демографической устойчивостью, но социальной уязвимостью [3].

Состояние инвестиционного климата является интегральным показателем, отражающим совокупность условий для ведения предпринимательской деятельности. В случае с Карачаево-Черкесской Республикой можно констатировать наличие устойчивого разрыва между декларируемыми приоритетами инвестиционной политики и реальными результатами. Несмотря на принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на улучшение инвестиционного климата, включая стандарты развития конкуренции и создание специализированных институтов поддержки предпринимательства, объем привлекаемых инвестиций остается недостаточным для кардинального изменения ситуации [2].

Р.Х. Эльканов, анализируя влияние инвестиционной политики на реализацию инфраструктурных проектов в Северо-Кавказском федеральном округе, обращает внимание на необходимость разработки новых комплексных методик оценки инвестиционного климата, учитывающих специфические условия регионов округа [4]. Традиционные подходы, ориентированные преимущественно на количественные показатели, не позволяют получить объективную оценку реальных процессов, происходящих в экономике, и динамики развития.

К числу институциональных ограничений следует отнести недостаточную эффективность механизмов государственно-частного партнерства, которые могли бы стать инструментом привлечения частных инвестиций в развитие инфраструктуры. Слабая

координация между органами региональной власти, муниципальными образованиями и бизнес-сообществом препятствует реализации крупных инвестиционных проектов, требующих согласованных действий всех участников. Кроме того, исследователи отмечают, что меры региональной политики, применявшиеся в течение последних десятилетий, не доказали своей эффективности, что свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к управлению региональным развитием.

Преодоление системных проблем развития экономического сектора Карачаево-Черкесской Республики требует комплексного подхода, учитывающего как специфику региона, так и общероссийские тренды экономического развития. Одним из перспективных направлений является формирование региональной модели устойчивого развития с интеграцией ESG-подходов в стратегическое планирование. Как показывают исследования, учет экологических, социальных и управленческих факторов становится не просто данью моде, а необходимым условием долгосрочной конкурентоспособности территорий [8].

Для КЧР, обладающей уникальными природными ресурсами и рекреационным потенциалом, приоритетное развитие экологически ориентированных видов деятельности может стать точкой экономического роста. Развитие «зеленого» туризма, органического сельского хозяйства, возобновляемой энергетики (с учетом гидроэнергетического потенциала региона) создает возможности для формирования новой специализации, не вступающей в противоречие с сохранением природной среды.

Вторым направлением является углубление переработки сельскохозяйственного сырья на территории региона. Создание современных перерабатывающих производств позволит не только увеличить добавленную стоимость, остающуюся в регионе, но и создать новые рабочие места, повысить налоговые поступления. Р.А. Канцеров и его соавторы обосновывают целесообразность формирования стратегических альянсов, объединяющих сельхозпроизводителей, переработчиков и торговые организации, что позволит снизить транзакционные издержки и повысить конкурентоспособность конечной продукции [1].

Третьим направлением является развитие малого и среднего предпринимательства, которое в настоящее время сталкивается с рядом серьезных проблем, включая снижение оборота и сокращение количества микропредприятий. Необходима адресная поддержка наиболее перспективных направлений малого бизнеса, включая сферу услуг, народные промыслы, переработку сельхозпродукции. При этом важно обеспечить доступность мер поддержки для предпринимателей, действующих не только в столице, но и в муниципальных районах, что позволит смягчить пространственную неравномерность экономического развития.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблемы развития экономического сектора Карачаево-Черкесской Республики носят системный характер и охватывают все ключевые аспекты регионального хозяйствования: от отраслевой структуры и инвестиционного климата до пространственной организации и социальной сферы. Причинами сложившейся ситуации являются как объективные факторы (географическое положение, ресурсные ограничения), так и субъективные (недостаточная эффективность институтов регионального управления, несовершенство мер государственной поддержки).

Ключевой проблемой представляется не столько недостаточность ресурсного потенциала, сколько невозможность его эффективного использования в рамках существующей модели регионального развития. Низкая инвестиционная привлекательность, технологическая отсталость, сверхконцентрация экономической активности в региональном центре, недостаточная степень переработки сельскохозяйственного сырья образуют взаимосвязанный комплекс ограничений, преодоление которого требует не отдельных точечных мер, а системной трансформации подходов к управлению региональным развитием.

Перспективными направлениями такой трансформации являются интеграция ESG-подходов в стратегическое планирование, развитие глубокой переработки сельскохозяйственного сырья, кластеризация экономики, адресная поддержка малого предпринимательства на периферийных территориях. Реализация этих направлений требует

консолидации усилий федеральных и региональных органов власти, бизнес-сообщества и институтов гражданского общества.

Список источников

1. Канцеров Р.А. Повышение конкурентоспособности аграрного сектора Карачаево-Черкесской Республики / Р.А. Канцеров, К.Т. Гедиев, Р.И. Клинецвич // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 4.
2. Лайпанова З.М. Prospects and challenges for the development of small forms of business in the KCHR through the development of the SEC / З.М. Лайпанова. З.И. Гебенова // Управленческий учет. – Саратов: ООО Издательский дом «А к а д е м и ч е с к и й», 2022. № 12. – С. 1094–1099.
3. Хамукова Ж.П., Боров Х.Ю. Оценка социально-экономических предпосылок интеграции ESG-подходов в стратегическое развитие российских регионов / Ж.П. Хамукова, Х.Ю. Боров // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр, 2025. Т. 27. № 5. – С. 250–260.
4. Эльканов Р.Х. Влияние инвестиционной политики на экономику и реализацию инфраструктурных проектов в Северо-Кавказском федеральном округе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 1. – С. 21–29.
5. Orlyanskaya A. Industrial policy of regions of the North Caucasian Federal District in the context of geoeconomic challenges // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. № 3.
6. Prospects for the development and improvement of small business in the Karachay-Cherkess Republic // International Journal of Economics and Financial Issues. 2022.
7. Sizova Yu.S., Sherapova S.Kh., Malkova U.A. Spatial forms of regional development problems manifestation // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2-2. – С. 96–101.
8. Ter-Grigoryants A., Shelukhina E., Statsenko V., Leonova G. Trends and Prospects for the Development of Industry Specialization: Regional Aspects // Journal of Lifestyle and SDGs Review. 2024. Vol. 5. No. 2.

ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ДОРОГИ ИЗ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГРУЗИЮ

Хазуев А.Ш.,

Председатель Счетной палаты Чеченской Республики,

e-mail: spchr@mail.ru

Решиев С.С.,

аудитор Счетной Палаты Чеченской Республики,

*д.э.н., профессор кафедры экономической теории и предпринимательства
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

e-mail: ssreshiev@mail.ru

Аннотация. Предмет/тема. Предметом исследования в данной статье является строительство современной автомобильной дороги из Чеченской Республики в Грузию. В настоящее время, в условиях параллельно идущих процессов создания информационного общества и цифровизации экономики в нашей стране, особое место в инфраструктуре региона занимает транспортная инфраструктура – как визитная географическая карта для любого посетителя региона: инвестора, туриста, торговца, ищущего работы, участника мирохозяйственных процессов, участника всероссийских (международных) форумов и т.д. Этот фактор делает актуальной проблему строительства современной автомобильной дороги из Чеченской Республики в Грузию.

Цели/задачи. Целями настоящего исследования являются: определение характера и уровня развития транспортной инфраструктуры на территории Чеченской Республики за последние годы; обоснование возможности и необходимости строительства современной автомобильной дороги из Чеченской Республики в Грузию.

Методология. Применены сравнительный анализ, общенаучные и экономико-статистические методы исследования.

Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что за последние два десятилетия в Чеченской Республике проделана огромная работа по восстановлению и развитию транспортной инфраструктуры региона. Выявлены также большой опыт, потенциал и хорошие возможности Чеченской Республики для успешной реализации масштабных современных проектов по развитию инфраструктуры. Результаты исследования могут быть использованы как в научно-прикладных исследованиях, так и в преподавательской деятельности в качестве методического материала.

Выводы/значимость. На основе проведенного анализа сделан ряд выводов. Главным из них является: у Чеченской Республики есть возможность и необходимость в строительстве современной автомобильной дороги из Чеченской Республики в Грузию при подписании международного, межправительственного соглашения между Российской Федерацией и Грузией, определяющего точки пересечения границы, технические параметры дороги, сроки строительства и пункты пропуска.

Ключевые слова: Чеченская Республика, транспортная инфраструктура, автомобильная дорога, Грузия, межгосударственная дорога.

THE POSSIBILITY AND NECESSITY OF CONSTRUCTING A MODERN HIGHWAY FROM THE CECHEEN REPUBLIC TO GEORGIA

Khazuev A.Sh.,

Chairman of the Accounts Chamber of the Chechen Republic

Reshiev S.S.,

Auditor of the Accounts Chamber of the Chechen Republic, Doctor of Economics,

Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. Subject/Topic. The subject of this article is the construction of a modern highway from the Chechen Republic to Georgia. Currently, amidst the parallel development of an information society and the digitalization of the economy in our country, transport infrastructure occupies a special place in the region's infrastructure – it serves as a calling card for any visitor to the region: investors, tourists, traders, job seekers, participants in global economic processes, participants in all-Russian (international) forums, etc. This factor makes the problem of constructing a modern highway from the Chechen Republic to Georgia urgent.

Goals/Objectives. The objectives of this study are: to determine the nature and level of development of transport infrastructure in the Chechen Republic in recent years; to substantiate the feasibility and necessity of constructing a modern highway from the Chechen Republic to Georgia.

Methodology. Comparative analysis, general scientific and economic-statistical research methods were used.

Results. The study revealed that significant work has been done in the Chechen Republic over the past two decades to restore and develop the region's transport infrastructure. It also revealed the Chechen Republic's extensive experience, potential, and excellent capabilities for successfully implementing large-scale modern infrastructure development projects. The study's results can be used both in applied research and as teaching aids.

Conclusions/Significance. Based on the analysis, several conclusions were drawn. The most important of these is that the Chechen Republic has the opportunity and need to build a modern highway from the Chechen Republic to Georgia, subject to the signing of an international, intergovernmental agreement between the Russian Federation and Georgia defining border crossing points, technical parameters of the road, construction timeframes, and checkpoints.

Keywords: Chechen Republic, transport infrastructure, highway, Georgia, interstate road.

Во все времена крайне актуально было развитие инфраструктуры в широком смысле этого слова, в том числе: экономической, социальной, транспортной, инженерной, рыночной, энергетической, телекоммуникационной, туристической. С начала XXI века значительное место в инфраструктуре заняли такие ее современные направления как: информационная инфраструктура, инновационная инфраструктура и ИТ-инфраструктура.

В настоящее время стало очевидным, что развитие конкурентоспособной инфраструктуры является необходимым условием обеспечения устойчиво-динамичного развития и роста экономики страны (региона). Следовательно, такая инфраструктура является также необходимым условием повышения качества и уровня жизни населения страны (региона) на базе эффективного функционирования всех отраслей ее (его) экономики.

В последние годы, в условиях параллельно идущих процессов создания информационного общества и цифровизации экономики в нашей стране, особое место в инфраструктуре региона занимает *транспортная инфраструктура* – как визитная географическая карта для любого посетителя региона: инвестора, туриста, торговца, ищущего работы, участника мирохозяйственных процессов, участника всероссийских (международных) форумов и т.д.[3,13].

Под *транспортной инфраструктурой* здесь понимаются: дороги, железные пути, аэропорты, морские порты, и системы общественного транспорта. Транспортная инфраструктура обеспечивает перевозку (передвижение) людей, товаров, грузов как внутри страны (региона), так и за ее (его) пределами. Современные скоростные железные и автомобильные дороги способствуют улучшению логистики и сокращению времени поездок, перевозок товаров и грузов.

Сегодня каждый регион России стремится максимально улучшить свою транспортную инфраструктуру, но результат у каждого из них получается разный. Так, Чеченская Республика, после двух военных событий на ее территории, за два десятилетия, кардинально улучшила системные характеристики транспортной инфраструктуры региона.

Железные дороги на территории Чеченской Республики восстановлены и заново полноценно интегрированы в единую железнодорожную систему страны. В столице республики, в городе Грозном, 15 мая 2025 года открыт один из самых красивых и современных железнодорожных вокзалов в России, с уникальной архитектурой, напоминающей птицу с распростертыми крыльями, с учетом культурных традиций и особенностей региона. В результате, он стал достопримечательностью региона и входит в число объектов для туристических маршрутов [10].

28 декабря 2017 года в г. Гудермесе был открыт новый железнодорожный вокзал, построенный по самым современным стандартам. Данный транспортно-пересадочный узел стал одним из крупнейших на Северном Кавказе, он также стал достопримечательностью республики и объектом туристического маршрута [2]. *Плотность железнодорожных путей* на территории Чеченской Республики на конец 2024 года составила 188 км путей на 10 000 км² территории, по этому показателю Чеченская Республика занимает 4-е место, вместе с Ростовской областью, среди регионов Юга России [5].

В настоящее время Чеченская Республика активно стремится к участию в масштабных проектах по строительству высокоскоростных железных дорог в России, как в качестве подрядчика, так и в качестве региона, который должен быть подключен к будущей сети высокоскоростной железной дороги.

Президент России В.В. Путин заявил, что чеченские строительные компании будут задействованы в строительстве магистрали «Москва-Адлер».

В марте 2007 года вновь начал работать аэропорт Грозного, восстановленный и модернизированный после военных событий на территории республики. С 2009 года, после отмены особого режима контртеррористической операции на территории Чеченской Республики, аэропорт Грозного работает в статусе международного и стал именоваться «Международный аэропорт Грозный (Северный)». С 2021 года аэропорт Грозного именуется «Международный аэропорт Грозный (Северный) им. Героя России А.А. Кадырова».

Сегодня Международный аэропорт Грозный (Северный) им. Героя России А.А. Кадырова превратился в важнейший авиаузел на Юге России с постоянно увеличивающимся пассажиропотоком, расширяющейся географией авиаперелетов, повышающимся сервисом и растущей популярностью у пассажиров [4].

В рамках Регионального проекта «Развитие опорной сети аэродромов (Чеченской Республики)» Государственной программы Чеченской Республики «Развитие транспортной системы и связи Чеченской Республики» в настоящее время завершается работа по строительству нового современного международного терминала аэропорта с соответствующей всем современным международным стандартам и нормам взлетно-посадочной полосой, который должен быть введен в эксплуатацию согласно региональному проекту в 2027 году. Без преувеличения можно назвать его архитектурным шедевром и одним из красивейших и крупных международных терминалов России.

С открытием нового современного международного терминала аэропорта ожидается, что география перелетов из Грозного существенно расширится как внутри страны, так и за рубежом, уже налажены связи со странами Европы, Азии и Африки. Увеличится также возможность аэропорта Грозного принимать пассажиров многократно больше (от полутора миллионов в год), чем в настоящее время и любых типов воздушных судов [11].

Международный аэропорт Грозный (Северный) им. Героя России А.А. Кадырова, с открытием нового современного международного терминала, без сомнения, станет достопримечательностью республики.

Автомобильные дороги на территории Чеченской Республики восстановлены, идет их успешное строительство, модернизация и развитие с учетом современных стандартов и опыта успешных аналогов. Автомобильные дороги Чеченской Республики также полноценно интегрированы в единую систему автомобильных дорог Российской Федерации. За последние 15 лет Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования, в процентах, в Чеченской Республике устойчиво рос от 53,7% в 2010 году до 81,0% в 2024 году или на 27,3%. По этому показателю Чеченская Республика приближается к регионам-лидерам Юга России, занимая 6-е место среди регионов данного макрорегиона [6]. За эти годы удельный вес автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием в протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования, в процентах, в республике также устойчиво рос от 36,0% в 2010 году до 45,1% в 2024 году или на 9,1%. За рассматриваемые годы также увеличилась плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на конец года (км дорог на 1 000 км² территории) с 388 км в 2010 году до 684 км в 2024 году или 76,3%. По этому показателю Чеченская Республика приближается к регионам-лидерам Юга России, занимая 5-е место среди регионов данного макрорегиона [7].

Развитие региональной и местной дорожной сети в Чеченской Республике с 2014 года происходит в рамках реализации Государственной программы Чеченской Республики «Развитие дорожной отрасли Чеченской Республики». В последние годы особое место в этой

Государственной программе занимает *региональный проект «Региональная и местная дорожная сеть»*.

В настоящее время, в результате практически 100% -го выполнения всех мероприятий *Государственной программы Чеченской Республики «Развитие дорожной отрасли Чеченской Республики»* за все годы ее реализации, облик региональной и местной дорожной сети кардинально поменялся, о чем свидетельствуют независимые беспристрастные наблюдатели. В последние годы стало обычным делом строительство в республике современных сложных инженерных дорожных сооружений, развязок, мостов и многополосных дорог, призванных обеспечить комфортные и безопасные условия участникам дорожного движения на территории региона.

В рамках исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в декабре 2024 года для измерения соответствующего показателя *национального проекта «Безопасные качественные дороги»*, был проведен опрос, в котором приняли участие 172 тыс. респондентов, в 89 регионах Российской Федерации. По его итогам Чеченская Республика заняла первое место по удовлетворенности населения качеством и доступностью дорог регионального и местного значения (84%), второе место – Севастополь (83%), третье место – Белгородская область (78%) [14].

В последние годы Чеченская Республика также проявляет заинтересованность в участии в реализации проекта по строительству платной скоростной автодороги, связывающей республики Северного Кавказа и Краснодарский край, после изучения его стоимости, периода окупаемости и срока реализации [1].

Из вышеизложенного следует, что в Чеченской Республике, в последние два десятилетия, проводится продуманная, ответственная и высокорезультативная политика по развитию инфраструктуры на ее территории.

Следует также подчеркнуть, что сегодня Чеченская Республики реально имеет возможность и опыт для успешной реализации масштабных современных проектов по развитию инфраструктуры. К таким проектам относятся действующие современные межрегиональные многополосные автомобильные федеральные дороги с выходом на восточный и западный сопредельные регионы, а также в перспективе может быть современная трансграничная дорога с выходом на южную соседнюю страну – Грузию.

Судя по общественному мнению, строительство современной автомобильной трансграничной дороги по территории Чеченской Республики в Грузию является актуальной, решаемой задачей и требованием сегодняшнего дня.

В настоящее время для строительства этой дороги у Чеченской Республики имеются необходимые специалисты с большим опытом, технические средства в виде современной дорожно-строительной техники, финансовые ресурсы в виде бюджетных и внебюджетных источников, материальные ресурсы в виде всех дорожно-строительных материалов, а также возможность соблюдения современных технологических норм и стандартов. При реализации данного проекта внебюджетные источники могут быть привлечены в рамках государственно-частного партнерства, т.е. в рамках сотрудничества государства и бизнеса для совместного финансирования и реализации данного проекта.

Следует отметить, что априорным необходимым условием для запуска реализации этого проекта является принятие политического решения – подписания международного, межправительственного соглашения между Российской Федерацией и Грузией, определяющего точки пересечения границы, технические параметры дороги, сроки строительства и пункты пропуска. К сожалению, взаимоотношения между Российской Федерацией и Грузией остаются до сих пор сложными и характеризуются отсутствием дипломатических отношений (разорваны в 2008 г.), но прагматичным экономическим взаимодействием. Поэтому Грузия относится к идее строительства современной автомобильной дороги из Чеченской Республики скептически и официально не рассматривает этот проект. Однако Российская Федерация остается важным экономическим партнером Грузии, российские граждане совершают туристические поездки в Грузию, принося доход в ее

экономику. Вполне возможно, что в скором будущем дипломатические отношения между нашими странами будут восстановлены на более высоком уровне, чем они были прежде и восторжествует в наших взаимоотношениях принцип: «нет постоянных врагов и постоянных друзей, а есть только постоянные интересы» во благо обеих стран.

Необходимость строительства современной трансграничной автомобильной дороги по территории Чеченской Республики в Грузию продиктована многими объективными факторами (потребностями). К их числу относятся экономический, социальный, гуманитарный, научно-образовательный, культурный, экологический и другие факторы.

Строительство современной автомобильной дороги по территории Чеченской Республики в Грузию диверсифицирует трансграничную автодорожную инфраструктуру между Россией и Грузией, что приведет к определенной разгрузке существующего ныне единственного маршрута между нашими странами, создаст здоровую конкуренцию между существующим и новым альтернативным маршрутом. Эти факторы, в свою очередь, будут способствовать ускорению работы по модернизации и улучшению ныне действующего автодорожного маршрута из России в Грузию, а также повышению скорости прохождения по этому маршруту людей, товаров и грузов в пунктах пропуска. Это будет способствовать также улучшению дорожной логистики, росту вклада нового маршрута в ВВП обеих наших стран через рост трансграничной торговли (экспорта и импорта), сотрудничеству во многих сферах экономики, суммарной выгоде, получаемой государством от использования его транзитного маршрута в мирохозяйственных процессах.

Чеченская Республика может рассматривать этот маршрут трансграничной автомобильной дороги как возможность ведения более интенсивной приграничной торговли и сотрудничества с соседней дружественной страной, пользуясь максимально эффективно этим своим конкурентным преимуществом как приграничного региона, с учетом опыта успешных аналогов из мировой практики [8,9]. По нашему мнению, эта трансграничная дорога будет способствовать углублению, расширению и развитию сотрудничества между Грузией и приграничной Чеченской Республикой на более высоком уровне в экономической, социальной, гуманитарной, научной, культурной, экологической сферах на взаимовыгодной основе. Возможно также, что, в случае успешного начала работы этой дороги, она может стать частью международной транзитной автомобильной дороги, проходящей по регионам Российской Федерации, Грузии, Турецкой Республики, стран Ближнего Востока. Международная транзитная автомобильная дорога, как правило, приводит страны и их регионы, по которым она проходит, к экономическому росту [12].

Полагаем, что обозначенная в данном исследовании задача и предлагаемый способ ее решения найдут положительный отклик как с одной, так и с другой стороны Кавказского хребта в обоюдных интересах соседних государств.

Список источников

1. В Грозном обсудили строительство скоростной дороги между республиками Северного Кавказа и Краснодарским краем | Информационное агентство "Грозный-Информ".
2. В Чечне открылся один из самых современных железнодорожных вокзалов России - Главные новости.
3. Клейнер Г.Б. Системные проблемы реального сектора российской экономики: мезоэкономики, микроэкономики, наноэкономики // В сборнике: Системные проблемы отечественной мезоэкономики, микроэкономики, экономики предприятий. Материалы Второй конференции Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН. Москва, 2018. С. 4-11.
4. Международный аэропорт Грозный (Северный) им. Первого Президента ЧР, Героя России А.А. Кадырова.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025. С. 800.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025. С. 806.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025. С. 808.
8. Решиев С.С. Преимущества Юга России при активизации участия в национальных и мирохозяйственных процессах // Экономика региона. 2011. № 1 (25). С. 191-196.
9. Решиев С.С. Теоретико-методологические подходы к совершенствованию региональной политики и стратегического управления социально-экономическим развитием макрорегиона // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Грозненский нефтяной институт им. М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2012.

10. РЖД открыли новый вокзал Грозный | Пресс-релизы | Компания.
11. Строительство нового международного аэропорта Грозного выходит на финишную прямую - смотреть онлайн в поиске Яндекса по Видео.
12. Тамбовцев В.Л. Анализ экономики отраслей, межотраслевых комплексов и регионов: в поисках общих закономерностей (о книге "системно-ориентированное моделирование реального сектора российской мезоэкономики" под ред. Г. Б. Клейнера) // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 150-160.
13. Тамбовцев В.Л. Институциональный подход к региональным стратегиям развития // В сборнике: Региональная экономика и региональная политика. XX Ежегодная конференция из цикла «Леонтьевские чтения». Санкт-Петербург, 2022. С. 25-35.
14. Чеченская Республика – лидер среди регионов России по удовлетворенности населения качеством и доступностью дорог — Министерство автомобильных дорог.

РЕГУЛЯТОРНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ АРХИТЕКТУРА «ИСЛАМСКОГО ОКНА» В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ

Таштамиров М.Р.,

канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой
финансов, кредита и антимонопольного регулирования
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: basxo@yandex.ru

Гайрбеков Р.Х.,

магистрант 2 курса Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
магистрант 2 курса финансового факультета
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
e-mail: 249686@edu.fa.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию «исламского окна» как модели интеграции исламских финансовых продуктов в банковскую систему России. Актуальность темы обусловлена развитием эксперимента по партнерному финансированию, расширением участия банковского сектора в данном сегменте и необходимостью поиска организационно реалистичных форм внедрения шариат-совместимых продуктов в действующую финансовую инфраструктуру. Цель исследования состоит в обосновании «исламского окна» как наиболее применимой на современном этапе модели банковской интеграции исламских финансовых продуктов в России. В работе использованы сравнительно-правовой, институциональный и структурно-функциональный подходы, а также анализ международных стандартов, российского законодательства и материалов по структуре рынка партнерного финансирования. Установлено, что «исламское окно» представляет собой не просто формат запуска отдельных продуктов, а специальную внутреннюю институциональную конструкцию, требующую организационного обособления, раздельного учета, специального режима контроля и прозрачного раскрытия информации. Показано, что в российских условиях именно эта модель является наиболее реалистичной переходной формой развития исламских финансов в банковском секторе, однако ее устойчивое внедрение возможно лишь при наличии методически выверенной внутренней архитектуры, подготовленных кадров и дальнейшей институциональной доработки регуляторной среды.

Ключевые слова: исламское окно, исламские финансовые продукты, партнерное финансирование, банковская система, шариат-комплаенс, банковское регулирование.

REGULATORY AND ORGANIZATIONAL ARCHITECTURE OF THE ISLAMIC WINDOW IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF PARTNER FINANCING IN RUSSIA

Tashtamirov M.R.,

Head of the Department of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation,
Candidate of Economics, Associate Professor
Kadyrov Chechen State University

Gayrbekov R.H.,

2nd year Master's student at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University;
2nd year Master's student at the Faculty of Finance
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the «Islamic window» as a model for the integration of Islamic financial products into the Russian banking system. The relevance of the topic is due to the development of an experiment in partner financing, the expansion of the banking sector's participation in this segment, and the need to find organizationally realistic forms of introducing Sharia-compliant products into the existing financial infrastructure. The purpose of the study is to substantiate the Islamic window as the most applicable model of banking integration of Islamic financial products in Russia at the present stage. The paper uses comparative legal, institutional, and structural-functional approaches, as well as an analysis of international standards, Russian legislation, and materials on the structure of the

partner financing market. It has been established that the Islamic window is not just a format for launching individual products, but a special internal institutional structure that requires organizational isolation, separate accounting, a special control regime and transparent disclosure of information. It is shown that in Russian conditions, this model is the most realistic transitional form of development of Islamic finance in the banking sector; however, its sustainable implementation is possible only with a methodically verified internal architecture, trained personnel and further institutional refinement of the regulatory environment.

Keywords: *Islamic window, Islamic financial products, partnership finance, banking system, Shariah compliance, banking regulation.*

Введение. Мировая индустрия исламских финансов в последние годы сохраняет устойчивую динамику роста и постепенно закрепляется как значимый сегмент глобальной финансовой системы. По данным Islamic Financial Services Board, совокупные активы исламской финансовой индустрии в 2024 г. достигли 3,88 трлн долл. США, а годовой прирост составил 14,9%, что подтверждает не только масштаб, но и институциональную устойчивость данного сектора. При этом исламский банкинг продолжает занимать доминирующее положение в структуре отрасли, формируя более 70% ее активов [15]. Это свидетельствует о том, что исламские финансовые продукты давно перестали быть периферийным явлением отдельных юрисдикций и превратились в устойчивое направление развития современной финансовой архитектуры.

Для России рассматриваемая проблематика приобрела прикладной характер после запуска эксперимента по партнерному финансированию. Федеральный закон № 417-ФЗ создал специальную правовую рамку для осуществления соответствующих сделок в четырех субъектах Российской Федерации [7]. Изменения 2025 г. не только продлили эксперимент до 1 сентября 2028 г., но и расширили перечень допустимых операций, усилили роль стандартов партнерного финансирования, требований к раскрытию информации, внутреннему контролю и риск-менеджменту [8]. Тем самым в России уже создан базовый регуляторный каркас, в рамках которого исламские финансовые продукты могут быть интегрированы в действующую финансовую систему.

Степень научной разработанности темы остается неоднородной. В отечественной литературе сформировались три основных направления исследований. Первое связано с правовой природой партнерного финансирования и условиями его развития в светской финансово-правовой системе [9].

Другой блок работ сосредоточен на сущностных и этических основаниях исламской модели финансирования. О.М. Разина показывает, что исламская модель банковской системы не сводится к запрету процента, а основана на более широком комплексе морально-этических ограничений, включающих запрет риба, майсир, гарар, спекулятивного поведения и финансирования недозволенных видов деятельности [4]. В этой логике исламский банкинг корректнее рассматривать как партнерскую модель финансирования, сочетающую финансовую деятельность с этическими ограничителями. Аналогичную исследовательскую линию развивает и работа о базовых принципах исламских финансов и необходимости их стандартизации, где показано, что для стран со светским правовым полем решающее значение имеют унификация учета, шариатского аудита и процедур сертификации, поскольку именно отсутствие единых стандартов снижает доверие инвесторов и затрудняет внедрение исламских продуктов [6]. Второе направление раскрывает этико-экономические основания исламской модели финансирования и значение стандартизации для ее практического внедрения [2, 3, 10]. Третье направление сосредоточено на российском эксперименте по партнерному финансированию, его первых результатах, расширении продуктовой линейки и поиске организационных форм присутствия исламских финансовых продуктов в действующей банковской системе [1, 11, 12].

Вместе с тем вопрос об «исламском окне» как о специальной переходной модели интеграции исламских финансовых продуктов в классический банк разработан существенно слабее, чем общие вопросы правового режима, принципов партнерного финансирования и первых результатов эксперимента.

Цель статьи состоит в обосновании «исламского окна» как наиболее реалистичной модели интеграции исламских финансовых продуктов в банковскую систему России на современном этапе. Для достижения этой цели необходимо раскрыть сущность данной модели, определить ее место среди других форм интеграции и показать, при каких регуляторных и организационных условиях она может быть практически реализована в российских банках. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой подход, институциональный анализ и структурно-функциональный метод.

Результаты исследования

1. «Исламское окно» в системе моделей интеграции исламских финансовых продуктов в классические банки

Интеграция исламских финансовых продуктов в классическую банковскую систему возможна в трех базовых организационных формах: через самостоятельный исламский банк, через дочернюю специализированную структуру и через «исламское окно» внутри традиционного банка. Для современной России именно третья модель представляет наибольший практический интерес, поскольку она позволяет запускать шариат-совместимые продукты без создания отдельного банка и без полной перестройки действующей банковской инфраструктуры. Такой подход соответствует и логике рассматриваемого диссертационного исследования, где исламское окно выделено как самостоятельная модель интеграции наряду с другими смешанными формами.

В российской литературе исламское окно чаще всего определяется как специальное структурное подразделение традиционного банка, работающее с исламскими продуктами в рамках действующего правового поля. Именно так эту модель описывает Е.П. Шаталова, связывая ее с выделением особого продуктового и организационного контура внутри банка. Это определение важно как отправная точка, однако оно не раскрывает всей институциональной сложности модели.

Более строгий подход закреплен в стандартах AAOIFI. В GS 23 Application of Shari'ah Governance Principles to Islamic Finance Windows прямо указано, что исламские окна стали заметной тенденцией развития отрасли, расширяют доступность шариат-совместимых финансовых услуг, но одновременно создают дополнительные риски, связанные с разграничением операций, сделок и денежных средств. Стандарт требует рассматривать исламское окно как «институт внутри института», то есть как максимально обособленный сегмент внутри традиционного финансового учреждения [13]. В FAS 40 Financial Reporting for Islamic Finance Windows исламское окно дополнительно рассматривается как самостоятельная отчетная единица, по которой должна формироваться отдельная финансовая отчетность [14]. Следовательно, исламское окно – это не просто канал продаж исламских продуктов, а особая организационно-учетная форма присутствия исламского финансирования в традиционном банке [5].

Для более точного определения места исламского окна в системе моделей интеграции целесообразно сопоставить его с альтернативными организационными формами по ключевым критериям: степени институциональной самостоятельности, скорости запуска, потребности в новой инфраструктуре, риску смещения операций, требованиям к шариатскому сопровождению и применимости в российских условиях. Такое сопоставление позволяет перейти от общего описания моделей к их аналитической оценке (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная оценка моделей интеграции исламских финансовых продуктов в банковскую систему России

Критерий	Самостоятельный исламский банк	Дочерняя специализированная структура	«Исламское окно» в традиционном банке
Степень институциональной самостоятельности	Высокая	Средняя – высокая	Средняя
Скорость запуска	Низкая	Средняя	Высокая

Потребность в новом капитале и инфраструктуре	Максимальная	Высокая	Относительно низкая
Использование действующей клиентской и операционной базы банка	Ограниченное	Частичное	Максимальное
Риск смещения исламских и традиционных операций	Низкий	Средний	Высокий
Требования к раздельному учету и внутреннему разграничению	Высокие, но внутри единой исламской модели	Высокие	Критически высокие
Требования к шариатскому сопровождению	Полные	Существенные	Существенные и постоянно контролируемые
Пригодность для ранней стадии развития рынка	Средняя	Средняя	Наивысшая
Реалистичность для современных российских условий	Ограниченная	Умеренная	Наивысшая
Основной вывод	Подходит для зрелого рынка	Возможна при институциональной готовности группы	Наиболее реалистична как переходная модель

Данные таблицы показывают, что «исламское окно» занимает промежуточное положение между самостоятельным исламским банком и дочерней специализированной структурой. Его сильная сторона заключается в высокой скорости запуска и возможности использовать уже существующую банковскую инфраструктуру. Именно это делает модель особенно привлекательной для рынка, где спрос на исламские финансовые продукты уже формируется, но самостоятельный исламский банковский сектор еще не сложился. В то же время сравнительный анализ выявляет и главный институциональный изъян этой формы: при относительно низком пороге входа «исламское окно» предъявляет наиболее высокие требования к внутреннему разграничению процессов, имущественных потоков, документов и учетных контуров.

Следовательно, исламское окно следует рассматривать как переходную, но институционально полноценную модель интеграции исламских финансовых продуктов в классическую банковскую систему. Его преимущество состоит в использовании уже существующей банковской инфраструктуры и возможности поэтапного выхода на новый рынок. Его ограничение связано с тем, что устойчивость этой модели зависит не от самого факта запуска продукта, а от способности банка обеспечить внутреннюю обособленность исламского сегмента, его управляемость и прозрачность. Именно поэтому дальнейший анализ должен быть направлен на исследование регуляторной и организационной рамки, которая делает такую модель жизнеспособной в российских условиях.

2. Регуляторная рамка функционирования «исламского окна»

Жизнеспособность модели «исламского окна» определяется не только наличием спроса на шариат-совместимые продукты, но прежде всего качеством регуляторной среды, в которой эта модель должна функционировать. В отличие от самостоятельного исламского банка, исламское окно существует внутри традиционной кредитной организации, а потому не может регулироваться только общими нормами банковской деятельности или только внутренними процедурами банка. Для него требуется специальная рамка, одновременно охватывающая шариатское управление, внутренний контроль, бухгалтерский учет, отчетность, раскрытие

информации и порядок взаимодействия исламского сегмента с материнской традиционной структурой. Именно поэтому вопрос о регуляторной архитектуре исламского окна имеет не вспомогательное, а системообразующее значение.

В международной практике наиболее детально регуляторная архитектура исламского окна раскрыта в стандартах ААОIFI. Их принципиальная особенность состоит в том, что исламское окно рассматривается не как факультативное направление продаж, а как особая внутренняя институциональная единица традиционного финансового института. Стандарт GS 23 исходит из модели «институт внутри института» и требует самостоятельного контура шариатского управления, внутреннего контроля и разграничения средств и операций исламского сегмента с материнской традиционной структурой. Тем самым исламское окно понимается как внутренне обособленный сегмент, который не является самостоятельным юридическим лицом, но должен быть организационно и процедурно отделен от основного банковского бизнеса.

Учетно-отчетное измерение этой конструкции раскрывается в стандарте FAS 40. Он рассматривает исламское окно как самостоятельную отчетную единицу, по которой должен формироваться отдельный комплект финансовой отчетности, а все учетные записи должны вестись обособленно от традиционных операций. Кроме того, стандарт требует прозрачного раскрытия применяемой модели управления, структуры шариатского контроля и случаев смешения средств исламского и традиционного сегментов. Следовательно, международная стандартизационная рамка формирует для исламского окна три базовых требования: собственный контур шариатского управления, раздельный учет операций и самостоятельную отчетную прозрачность. Их соотношение с российским правовым режимом представлено в таблице 2.

Таблица 2. Регуляторно-организационные требования к функционированию «исламского окна»

Блок требований	Международная рамка	Российский контекст	Практическое значение для банка
Шариатское управление	Стандарт GS 23 требует наличия самостоятельной системы шариатского управления для исламского окна	В российской модели требуется выстраивание процедур подтверждения соответствия операций принципам партнерского финансирования	Банку необходим формализованный контур шариатского контроля, а не разовые консультации
Организационная автономия	GS 23 закрепляет модель «институт внутри института»	Участники эксперимента функционируют внутри уже существующих организаций, что усиливает значение внутреннего разграничения процессов	Требуется самостоятельный порядок согласования сделок, распределения ответственности и внутреннего контроля
Раздельный учет имущества и операций	GS 23 и FAS 40 требуют сегрегации средств, отдельных книг учета и отдельной отчетности	Закон № 417-ФЗ обязывает при совмещении иной деятельности вести раздельный учет имущества и операций	Без раздельного учета исламское окно утрачивает и шариатскую, и регуляторную достоверность
Шариатский аудит и контроль	GS 23 предусматривает службу шариатского соответствия и внутренний шариатский аудит	Российская инфраструктура шариатского аудита пока не институционализирована в достаточной мере	Это один из наиболее слабых элементов практической реализации модели

Отчетность и раскрытие информации	FAS 40 требует полного комплекта отчетности исламского окна и раскрытия случаев смешения средств	Российское регулирование движется в сторону специальных правил учета и раскрытия для участников эксперимента	Нужны отдельные учетные регистры, правила раскрытия и понятная клиенту информационная модель
Техническая и процессная поддержка	Международные стандарты предполагают возможность идентификации исламских операций в учетной системе	Российские банки обладают развитой цифровой инфраструктурой, но она не всегда адаптирована под шариат-совместимые продукты	Требуется настройка учетных и контрольных систем под отдельный режим операций

Российский правовой режим формирует исходную институциональную оболочку «исламского окна» внутри действующей банковской системы. Ключевое значение здесь имеет требование раздельного учета имущества и операций при совмещении деятельности по партнерскому финансированию с иной деятельностью, закрепленное в статье 3 Федерального закона № 417-ФЗ. Для «исламского окна» это положение носит системообразующий характер, поскольку именно оно превращает исламский сегмент из условного продуктового блока в реально обособленный контур. Одновременно Банк России выстраивает специальный режим допуска и ведения реестра участников эксперимента, тем самым создавая управляемую модель развития данного сегмента в ограниченных территориальных и организационных рамках. Вместе с тем наличие базовой правовой рамки еще не означает полной институциональной готовности рынка. Основной разрыв связан не с допустимостью самой модели, а с недостаточной разработанностью методических и контрольных механизмов, обеспечивающих ее содержательную достоверность. Следовательно, дальнейшее развитие «исламского окна» в России требует не столько расширения перечня допустимых продуктов, сколько углубления регуляторной и методической проработки его внутренней конструкции.

3. Организационные аспекты внедрения «исламского окна» в российских банках

Практическая реализация «исламского окна» в российском банке требует не простого запуска нового продукта, а формирования специального внутреннего контура, в котором должны быть согласованы продуктовая политика, процедуры одобрения сделок, раздельный учет, контроль допустимости операций, раскрытие информации клиенту и последующая проверка соблюдения установленных правил. Иначе говоря, жизнеспособность «исламского окна» определяется не фактом его объявления, а способностью банка встроить в свою систему управления новый сегмент деятельности, не разрушая ни внутреннюю управляемость, ни достоверность исламского режима операций.

Вторым условием является построение самостоятельной процессной цепочки. «Исламское окно» жизнеспособно только тогда, когда у банка разграничены не только сотрудники, но и сами процедуры: предварительная оценка продукта, правовая и экономическая проверка его конструкции, подтверждение допустимости сделки, оформление документов, учет исполнения обязательств, отражение операции в учетной системе и последующее раскрытие информации. Именно на этом уровне чаще всего проявляется разница между формальным и содержательным внедрением исламских продуктов. Если внутри банка сохраняется единый маршрут обработки сделок для традиционных и шариат-совместимых операций, то «окно» фактически перестает быть самостоятельным организационным механизмом.

Особенно чувствительным элементом является контроль допустимости операций. Для российского рынка проблема состоит не столько в отсутствии интереса к исламским продуктам, сколько в недостаточной унификации подходов к проверке их соответствия принципам партнерского финансирования. В аналитических материалах по российскому эксперименту среди наиболее заметных барьеров прямо называются отсутствие единого

национального органа шариатской экспертизы, дефицит единой методологии оценки проектов и неустоявшийся порядок работы внутренних и внешних экспертов. Для «исламского окна» это особенно критично, поскольку оно действует не в изолированной исламской среде, а внутри традиционного банка и, следовательно, нуждается в постоянной проверке границ допустимого. Из этого следует, что организационная модель «окна» в российском банке должна включать регулярную предварительную экспертизу продукта, порядок согласования изменений в его конструкции, контроль отклонений в процессе исполнения и внутреннюю проверку того, соответствует ли фактическое исполнение исходно одобренной модели.

С практической точки зрения не менее важен и учетный контур. На уровне общей правовой рамки требование раздельного учета уже закреплено законом, однако для банка этого недостаточно. Внутри учетной системы должно быть обеспечено не формальное, а реальное обособление исламского сегмента: раздельное отражение источников финансирования, операций размещения средств, доходов, расходов, комиссий, резервирования, обеспечений и иных элементов, связанных с конкретными сделками. Закон № 417-ФЗ прямо требует при совмещении деятельности по партнерскому финансированию с иной деятельностью вести раздельный учет имущества и операций, а изменения 2025 г. дополнительно усиливают роль стандартов партнерского финансирования как механизма детализации требований к участникам эксперимента и порядку их взаимодействия с клиентами. Следовательно, для банка учетная система «исламского окна» должна быть способна различать исламские и традиционные операции не по названию продукта, а по особенностям договорной конструкции, режима движения средств и способа формирования дохода.

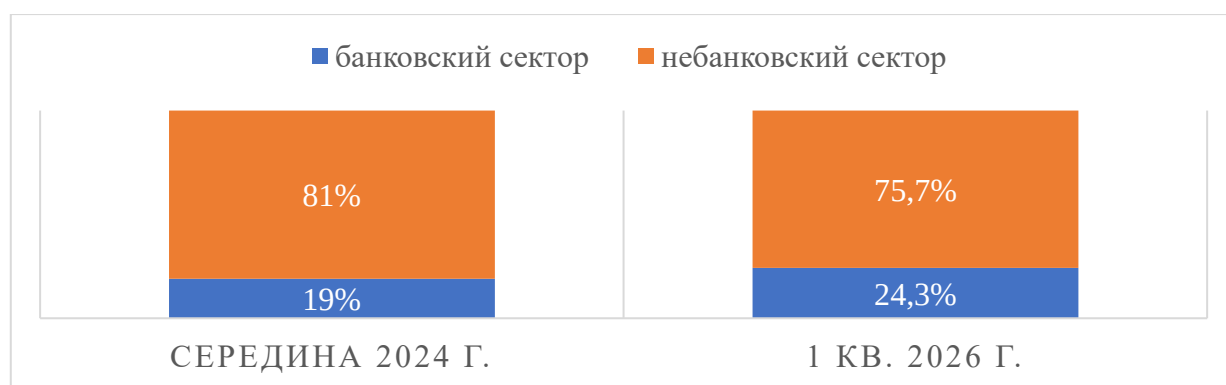

Рисунок 1. Доля банковского сектора в составе действующих участников рынка, % [16]

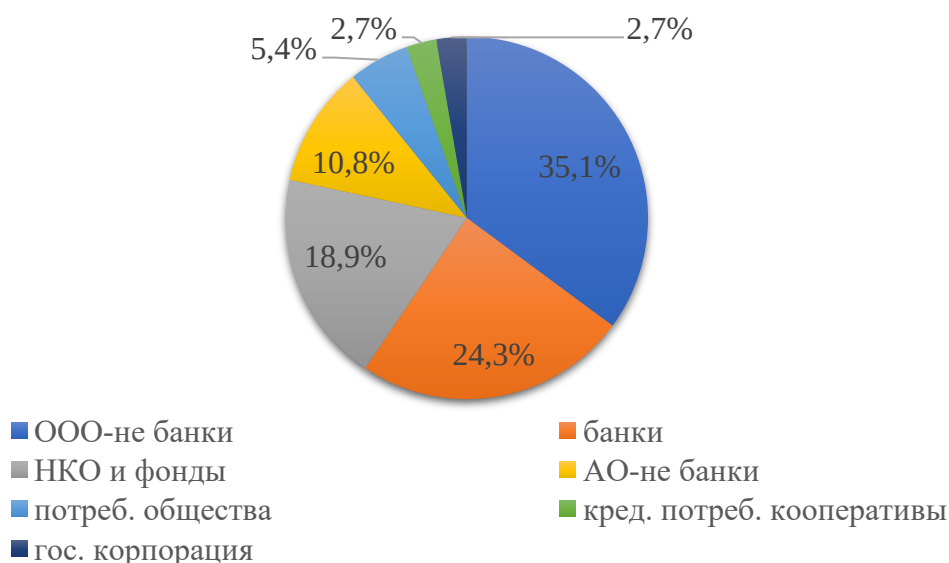

Рисунок 2. Текущая структура действующих участников по организационно-правовым и институциональным формам на 1 кв. 2026 года [16]

Эмпирические данные показывают, что банковский сегмент усилил свое присутствие на рынке партнерного финансирования: если в аналитике 2024 г. его доля оценивалась в 19%, то по состоянию на 14.03.2026 в действующем реестре Банка России 9 банков из 37 участников, что соответствует 24,3%. При этом рынок по-прежнему остается преимущественно небанковским и сохраняет смешанную институциональную структуру. Следовательно, банки пока не доминируют в данном сегменте, но их роль как носителей инфраструктуры, каналов продаж, учетных систем и процедур внутреннего контроля возрастает. Именно это делает «исламское окно» наиболее вероятной формой дальнейшего банковского расширения на рынке партнерного финансирования.

Из этого следует, что организационная модель «исламского окна» в российском банке должна включать не произвольный набор мер, а четко определенный минимум обязательных элементов:

1. Необходим отдельный продуктовый контур с ограниченным, но ясно структурированным набором шариат-совместимых сделок.
2. Требуется отдельный учет имущества, обязательств, доходов и расходов по исламскому сегменту.
3. Должен существовать формализованный порядок проверки допустимости операций и изменений в их конструкции.
4. Нужен самостоятельный режим внутреннего контроля и последующей проверки исполнения сделок.
5. Клиенту должна быть обеспечена понятная информационная модель, раскрывающая природу продукта, его отличие от классических банковских услуг и особенности распределения рисков.

6. Банк должен иметь адаптированную цифровую и учетную инфраструктуру, позволяющую поддерживать этот режим на постоянной основе.

Без такой совокупности условий «исламское окно» будет оставаться переходной формой только по названию, но не по фактической организации деятельности.

Особое значение имеет кадровый аспект. «Исламское окно» не может эффективно функционировать исключительно усилиями универсальных банковских специалистов, не подготовленных к работе с партнерским финансированием. Банку нужны сотрудники, которые одновременно понимают договорную механику сделок, особенности банковского учета, внутреннего контроля, клиентской коммуникации и требований к допустимости операций. Российский рынок пока испытывает очевидный дефицит такой компетентностной базы. Отсюда вытекает высокая зависимость банков либо от ограниченного круга внешних экспертов, либо от внутренних команд, которым приходится в ускоренном режиме осваивать новую область знаний. Поэтому организационное развитие «исламских окон» неизбежно связано с созданием внутренних методических материалов, обучением сотрудников, подготовкой типовых договорных решений, чек-листов проверки и процедур сопровождения сделок.

Таким образом, организационные аспекты внедрения «исламского окна» в российских банках сводятся не к запуску нового продуктового направления, а к созданию самостоятельного внутреннего институционального контура. Его ядро образуют организационное обособление исламского сегмента, отдельный учет, формализованный контроль допустимости операций, внутренняя проверка исполнения, прозрачное раскрытие информации и кадрово-методическая обеспеченность. Именно сочетание этих элементов определяет, сможет ли «исламское окно» стать в российских условиях устойчивым механизмом расширения партнерского финансирования, а не разовой экспериментальной практикой.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что в современных российских условиях «исламское окно» выступает наиболее реалистичной моделью интеграции исламских финансовых продуктов в классическую банковскую систему. Его практическая значимость обусловлена возможностью использовать действующую банковскую

инфраструктуру, клиентскую базу и управленческие контуры без создания отдельного исламского банка. Вместе с тем данная модель не является упрощенной формой исламского банкинга, поскольку предъявляет повышенные требования к раздельному учету, внутреннему разграничению операций, шариатскому сопровождению, отчетности и контролю.

Исследование показало, что международные стандарты уже формируют достаточно четкую рамку функционирования «исламских окон», тогда как в российском контексте ключевая проблема связана не с отсутствием правовой возможности, а с недостаточной институциональной и методической проработанностью механизмов практической реализации. По мере развития эксперимента по партнерному финансированию и расширения участия банковского сектора значение «исламского окна» как переходной организационной модели будет возрастать. Его дальнейшее развитие требует стандартизации внутренних процедур, укрепления системы проверки соответствия операций принципам партнерного финансирования, совершенствования учетной инфраструктуры и подготовки специализированных кадров.

Список источников

1. Дерзаяева Г.Г., Алеткин П.А. Партнерское финансирование: вызовы и возможности для России и стран СНГ // Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.6.72566
2. Емелина Л.А. Партнерское финансирование: новые возможности / Л.А. Емелина, Н.А. Швачко // Банковское дело. 2023. № 12. – С. 53–55.
3. Зарипов И.А. О ходе формирования системы партнерского (исламского) финансирования в России (заметки на полях КазаньФорума-2024) / И. А. Зарипов // Банковское дело. 2024. № 6. – С. 55–62.
4. Разина О.М. Исламская модель банковской системы – концептуальное понятие и этические компоненты / О. М. Разина // Банковское дело. 2023. № 1. – С. 48–52.
5. Татиков Р.Ш. Исламские окна и полноценные банки: анализ и практика / Р.Ш. Татиков // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2025. № 1/1. – С. 564–570. DOI 10.33514/1694-7851-2025-1/1-564-570.
6. Таштамиров М.Р. Базовые принципы исламских финансов и необходимость стандартизации исламского финансирования в современной финансовой системе / М.Р. Таштамиров // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1(57). – С. 67–85. DOI 10.36684/chesu-2025-1-57-67-85.
7. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32. Ст. 6149.
8. Федеральный закон от 31.07.2025 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона «О рекламе»».
9. Филимонов М.И. Понятие, правовая природа и сущность партнерского финансирования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 4. – С. 21–38.
10. Шаталова Е.П. Об исламском банкинге в Российской Федерации / Е.П. Шаталова // Банковское дело. 2024. № 11. – С. 62–68.
11. Шовхалов Ш.А. Анализ динамики и структуры участников рынка партнерских финансов в России / Ш.А. Шовхалов // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3(47). – С. 139–148. DOI 10.54351/25876074-2024-3-47-139.
12. Шовхалов Ш.А. Методика анализа продуктов исламского банка / Ш.А. Шовхалов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 4(56). – С. 16–22. DOI 10.36684/chesu-2024-4-56-16-22.
13. Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions. (n.d.). AGEB standards. <https://aaoifi.com/ageb-separated/?lang=en>
14. Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions. (n.d.). Accounting standards. <https://aaoifi.com/accounting-standards-2/?lang=en>
15. Islamic Financial Services Board, Islamic Financial Services Industry Stability Report 2025 (Kuala Lumpur: Islamic Financial Services Board, May 2025).
16. Партнерское финансирование // Банк России: официальный сайт. URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 15.03.2026).

МУРАБАХА КАК ИНСТРУМЕНТ ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКИХ БАНКАХ РОССИИ

Таштамиров М.Р.,

*канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой
финансов, кредита и антимонопольного регулирования,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: basxo@yandex.ru*

Ибрагимов М.-А.У.,

*магистрант 2 курса Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
магистрант 2 курса финансового факультета
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
e-mail: 249686@edu.fa.ru*

Аннотация. В статье исследуется мурабаха как наиболее применимый инструмент партнерского финансирования для классических банков России. Цель работы состоит в выявлении ключевых барьеров внедрения данного контракта и определении условий его дальнейшего расширения в банковской практике. На основе сравнительно-правового и институционального анализа установлено, что ограниченность распространения мурабахи обусловлена совокупностью правовых, организационных и рыночных факторов. Обосновано, что потенциал данного инструмента связан с его сравнительно высокой адаптируемостью к российской банковской среде, однако переход от пилотных практик к устойчивой модели возможен лишь при снижении правовой неопределенности, развитии внутрибанковской инфраструктуры сопровождения сделки и формировании более зрелого клиентского спроса.

Ключевые слова: мурабаха, партнерское финансирование, классические банки, исламские финансы, барьеры внедрения, банковские продукты.

MURABAHА AS A PARTNER FINANCING TOOL: BARRIERS TO IMPLEMENTATION IN CLASSIC RUSSIAN BANKS

Tashtamirov M.R.,

*Head of the Department of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation,
Candidate of Economics, Associate Professor
Kadyrov Chechen State University*

Ibragimov M.-A.U.,

*2nd year Master's student at the Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University;
2nd year Master's student at the Faculty of Finance
Financial University under the Government of the Russian Federation*

Abstract. The article examines murabaha as the most applicable instrument of partnership financing for conventional banks in Russia. The purpose of the study is to identify the key barriers to the implementation of this contract and to determine the conditions for its further expansion in banking practice. Based on comparative legal and institutional analysis, it is established that the limited dissemination of murabaha is обусловлена a combination of legal, organizational and market factors. The paper argues that the potential of this instrument is linked to its relatively high adaptability to the Russian banking environment; however, the transition from pilot practices to a sustainable model is possible only if legal uncertainty is reduced, internal banking infrastructure for transaction support is developed, and more mature customer demand is formed.

Keywords: murabaha, partnership financing, conventional banks, Islamic finance, implementation barriers, banking products.

Введение. Развитие партнерского финансирования в России постепенно переводит исламские финансовые контракты из сферы теоретических дискуссий в плоскость прикладной банковской практики. Экспериментальный режим, введенный для участников рынка

партнерского финансирования, создал институциональное пространство, в котором стало возможным тестирование моделей, ранее слабо совместимых с традиционной архитектурой российского банковского дела. При этом уже первые итоги эксперимента показывают, что наибольшая доля операций по размещению средств приходится именно на договоры купли-продажи с рассрочкой платежа: по состоянию на 30.09.2024 их удельный вес составил 43% портфеля размещения, а сама конструкция таких сделок по своей экономико-правовой логике соответствует контрактам мурабаха и мусавама [5]. Это позволяет рассматривать мурабаху не как периферийный или нишевый инструмент, а как наиболее практически апробируемую форму партнерского финансирования в российской среде. При этом сохраняются системные барьеры активного внедрения исламских финансовых контрактов. Для России выявлен двойной разрыв: отсутствуют методически проработанные сценарии внедрения 117 стандартов ААОIFI в действующее бухгалтерское и налоговое поле; научная литература почти не предлагает решений, хотя пилотный режим партнерского финансирования (2023–2025 гг.) требует четких методик уже сейчас [7].

В научной литературе мурабаха устойчиво характеризуется как один из наиболее востребованных инструментов исламского финансирования и как договорная конструкция, наиболее близкая к купле-продаже товара в кредит, известной российскому гражданскому праву. Вместе с тем исследователи подчеркивают, что ее имплементация в российский банковский сектор наталкивается на ряд системных ограничений. И.Е. Михеева связывает ключевые препятствия с запретом торговой деятельности для кредитных организаций и с налоговой конструкцией, способной порождать двойное налогообложение товара [4]. М.Э. Хаззар, И.Е. Михеева и Д.Г. Алексеева дополнительно акцентируют внимание на необходимости гармонизации банковского законодательства, разработки стандартов партнерского банкинга, типовых форм договоров и методических рекомендаций для банков [9]. Х. С. Умаров показывает, что даже при правовой допустимости продукта его практическая реализация требует специальной учетной и операционной настройки [8]. И.Ш. Миннуллин и Г.И. Галяутдинов, а также М.Р. Таштамиров и Э.А. Макшарипова указывают на специфические риски мурабахи, включая товарный, операционный и риск несоответствия шариату [3, 6]. В совокупности это смещает исследовательский фокус с общей характеристики инструмента на вопрос о том, почему именно в классических банках его внедрение оказывается институционально затрудненным.

Целью настоящей статьи является выявление правовых, организационных и рыночных барьеров внедрения мурабахи в классических банках России при одновременном обосновании того, что именно данный контракт выступает наиболее реалистичным пилотным инструментом партнерского финансирования. Методологически работа опирается на сравнительно-правовой анализ, институциональный подход и обобщение первых практик российского рынка [1]. Исходная гипотеза состоит в том, что потенциал мурабахи в российской банковской системе определяется не только ее шариатской допустимостью, но и сравнительно высокой адаптируемостью к действующим гражданско-правовым конструкциям; однако переход от единичных продуктов к масштабируемой модели сдерживается совокупностью регуляторных, внутрибанковских и поведенческих ограничений.

Результаты исследования

1. Мурабаха как наиболее применимый инструмент партнерского финансирования для классических банков

Содержательно мурабаха представляет собой не денежный заем, а торговую сделку, в рамках которой финансовая организация сначала приобретает товар в собственность, а затем перепродает его клиенту по заранее известной цене, включающей себестоимость и согласованную наценку. Именно эта особенность принципиально отделяет мурабаху от классического процентного кредитования: доход формируется не как плата за время пользования деньгами, а как результат реальной товарной операции. В литературе подчеркивается, что юридическая природа мурабахи близка к купле-продаже в рассрочку, но при этом имеет ряд специальных признаков: обязательность предварительного приобретения

товара продавцом, раскрытие первоначальной стоимости, фиксированность наценки, недопустимость последующего изменения цены и связь дохода с принятием риска владения активом [2]. За счет этой конструкции мурабаха оказывается более понятной для правовой адаптации, чем контракты, основанные на участии в прибыли и убытках, доверительном управлении капиталом или сложных многосторонних инвестиционных схемах.

Именно поэтому мурабаха объективно занимает особое место среди исламских контрактов, потенциально внедряемых в классические банки. В отличие от мударабы и мушараки, где ключевым является распределение результатов инвестиционного проекта и, соответственно, возникает более высокая неопределенность для банка, мурабаха строится вокруг конкретного актива, фиксированной цены и заранее понятного графика исполнения обязательств. Для традиционной банковской системы это означает более предсказуемую денежную модель сделки, более простую продуктовую упаковку и возможность интеграции в уже существующие процессы оценки клиента, анализа обеспечения и сопровождения платежной дисциплины.

Практическая релевантность мурабахи подтверждается и эмпирикой российского рынка партнерского финансирования. Банк России прямо указывает, что крупнейшая доля сделок по размещению средств приходится на куплю-продажу товаров с рассрочкой платежа, причем наиболее распространенными объектами выступают недвижимость, транспорт, спецтехника, оборудование и материалы. Иначе говоря, рынок уже фактически демонстрирует спрос на ту модель финансирования, которая структурно ближе всего к мурабахе. Важен и другой момент: данный вид сделок одинаково используется как в отношении физических, так и юридических лиц, что расширяет продуктовый потенциал инструмента и позволяет рассматривать его не только как нишевое решение для отдельных клиентов, но и как основу для построения розничных и корпоративных предложений.

На официальных ресурсах Сбера мурабаха представлена как форма исламской ипотеки с первоначальным взносом от 20,1% и переходом права собственности сразу после подписания договора; при этом в договоре купли-продажи стоимость недвижимости указывается с учетом наценки, в рассрочку без уплаты процентов [10]. Ак Барс Банк, в свою очередь, позиционирует исламскую ипотеку как жилищное финансирование по нормам шариата, разработанное в форме контракта мурабаха по стандартам AAOIFI. В разъясняющих материалах банка подчеркивается, что модель строится не на денежном займе, а на договоре купли-продажи, причем стоимость жилья с наценкой фиксируется на весь срок договора. Кроме того, банк объявил о запуске корпоративного финансирования по модели мурабаха [11]. Наличие таких продуктов не устраняет проблему барьеров внедрения, однако показывает, что сама контрактная конструкция уже прошла стадию чисто теоретического обсуждения и вошла в стадию банковской апробации.

Вместе с тем сама по себе сравнительная простота мурабахи не означает автоматичности ее масштабирования. Напротив, именно на примере этого контракта особенно отчетливо проявляется расхождение между формальной применимостью инструмента и реальной готовностью банковской системы к его широкому внедрению. Если мурабаха, обладая наиболее понятной правовой и экономической логикой среди исламских контрактов, все же требует специальных регуляторных, организационных и рыночных условий, то это означает, что дальнейшее развитие партнерского финансирования в классических банках зависит не столько от абстрактной привлекательности исламских финансовых принципов, сколько от качества их институциональной адаптации. Поэтому дальнейший анализ целесообразно сосредоточить на конкретных барьерах, препятствующих превращению мурабахи из локального банковского продукта в устойчивый инструмент российской банковской практики.

2. Барьеры внедрения мурабахи в классических банках России

Несмотря на то, что мурабаха является наиболее реалистичным инструментом первичного внедрения партнерского финансирования в классический банковский сектор, ее распространение в России по-прежнему остается точечным. Это означает, что проблема

заключается не в самой договорной модели как таковой, а в условиях ее практической реализации. Проведенное исследование показывает, что сдерживающие факторы целесообразно группировать по трем взаимосвязанным блокам: правовому, организационному и рыночному. Именно такая группировка позволяет увидеть не отдельные частные затруднения, а целостный институциональный контур, в рамках которого решается вопрос о переходе мурабахи из статуса пилотного продукта в статус устойчивого банковского инструмента.

Таблица 1. Систематизация барьеров внедрения мурабахи в классических банках России

Группа барьеров	Содержание барьера	Проявление в банковской практике	Влияние на внедрение мурабахи	Направления преодоления
Правовые	Неполная адаптация банковского, гражданского и налогового регулирования к товарной природе мурабахи	Сложность правового оформления покупки и последующей перепродажи актива, неоднозначность квалификации сделки, дополнительные налоговые издержки	Сдерживает запуск продукта и ограничивает круг банков, готовых к его внедрению	Развитие специального регулирования партнерского финансирования, типизация договоров, уточнение налогового режима
Организационные	Недостаточная готовность внутренней инфраструктуры банка к сопровождению шариат-совместимого продукта	Отсутствие специализированных регламентов, адаптированного учета, механизмов внутреннего контроля, кадровых компетенций и стандартизированной документации	Повышает операционные издержки, усложняет запуск продукта и снижает воспроизводимость бизнес-модели	Формирование внутрибанковской модели сопровождения мурабахи, обучение персонала, стандартизация процедур и документации
Рыночные	Недостаточная информированность клиентов и слабая институционализация спроса	Смещение мурабахи с традиционным кредитом, ограниченное понимание механизма сделки, настороженность части клиентов и бизнеса	Сужает клиентскую базу и снижает темпы масштабирования продукта	Повышение финансовой грамотности, прозрачное раскрытие условий продукта, информационное сопровождение партнерского финансирования

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Как следует из таблицы 1, ключевые ограничения внедрения мурабахи не сводятся к одному проблемному узлу. Даже при наличии правовой возможности запуска продукта его масштабирование может быть заторможено из-за неготовности внутренних процессов банка и слабой зрелости клиентского спроса. Поэтому каждая из выделенных групп барьеров должна рассматриваться не изолированно, а как часть единой системы ограничений.

Прежде всего, сдерживающее значение имеют правовые барьеры. Сущность мурабахи состоит в том, что финансовая организация не просто предоставляет клиенту денежные средства, а предварительно приобретает актив в собственность и затем перепродает его с

заранее установленной наценкой. Такая товарная природа сделки вступает в очевидное напряжение с традиционной моделью банковской деятельности, исторически ориентированной на денежное, а не торговое посредничество. В результате именно на стадии юридического оформления возникает ключевой разрыв между экономической логикой продукта и действующей правовой средой. Этот разрыв проявляется в необходимости особым образом выстраивать договорную конструкцию, разграничивать этапы приобретения и последующей перепродажи актива, фиксировать цену и наценку, а также обеспечивать корректное распределение рисков между сторонами. Дополнительным осложняющим фактором выступают налоговые последствия сделки, поскольку двойная купля-продажа актива способна увеличивать фискальную нагрузку на продукт и тем самым снижать его конкурентоспособность по отношению к традиционному кредитованию.

Однако даже при частичном снятии правовых ограничений вопрос внедрения мурабахи не решается автоматически. На следующем уровне возникают уже не нормативные, а внутрибанковские трудности. Для классического банка мурабаха – это не просто новый продукт в линейке, а иная последовательность действий по сделке. Если при обычном кредитовании банк выдает денежные средства и контролирует их возврат, то в случае мурабахи он должен войти в товарную операцию: организовать приобретение актива, проверить его цену и характеристики, оформить переход права собственности, а затем корректно провести перепродажу клиенту на согласованных условиях. Иначе говоря, здесь меняется не вывеска продукта, а сама операционная логика его сопровождения.

Именно поэтому организационный барьер оказывается столь чувствительным. Мурабаха требует от банка согласованной работы нескольких блоков одновременно: продуктового, юридического, бухгалтерского, риск-аналитического и операционного. Необходимо заранее определить, кто и на каком этапе взаимодействует с поставщиком, как подтверждается фактическая стоимость имущества, каким образом отражается наценка, когда возникает дебиторская задолженность клиента и как контролируется вся цепочка исполнения сделки. При отсутствии таких процедур даже юридически допустимая модель начинает давать сбои уже на стадии практической реализации. В результате продукт становится дорогим в сопровождении, сложным для масштабирования и зависимым от ручного администрирования.

Дополнительную сложность создает то, что мурабаха не допускает формального копирования стандартного кредитного процесса. Банк должен не только документально оформить сделку, но и реально нести риск владения активом до его передачи клиенту. Это требует точного соблюдения последовательности всех этапов и повышает значение внутреннего контроля. Любое упрощение, при котором торговая операция фактически подменяется обычной выдачей денег, разрушает экономическую и правовую логику продукта. Отсюда вытекает практический вывод: для устойчивого применения мурабахи банку нужны не разовые решения, а устойчивая внутренняя инфраструктура – типовые документы, понятные регламенты, выстроенный учет, контрольные процедуры и специалисты, способные сопровождать такую сделку без содержательных и технических искажений. И пока такая инфраструктура не сформирована, мурабаха будет оставаться скорее единичной практикой, чем воспроизводимым банковским инструментом.

Третья группа ограничений связана с рыночной средой. Для значительной части потенциальных клиентов мурабаха все еще воспринимается либо как разновидность обычного кредита под иным названием, либо как специализированный продукт, адресованный исключительно религиозно мотивированным потребителям. Такое восприятие сужает потенциальный рынок и препятствует институционализации спроса. Между тем экономическая логика мурабахи значительно шире: она может использоваться как в сфере жилищного финансирования, так и при приобретении оборудования, транспорта, материалов и иных активов. Но для того, чтобы этот потенциал реализовался, клиенту необходимо ясно понимать, в чем именно состоит отличие мурабахи от процентного кредитования, за счет чего формируется цена сделки и какие юридические и экономические последствия возникают на

каждом ее этапе. При дефиците такого понимания даже правильно структурированный продукт сталкивается с ограниченным спросом.

Рыночный барьер имеет и еще одно измерение. Для классического банка запуск нового продукта требует не только нормативной и технологической готовности, но и уверенности в наличии устойчивой клиентской базы. Если спрос остается неопределенным, мурабаха воспринимается как имиджевый или экспериментальный проект, а не как полноценное направление банковского бизнеса. В этих условиях сама экономика продукта оказывается под вопросом: возрастают издержки на объяснение условий сделки, продвижение, обучение сотрудников фронт-офиса и сопровождение клиентов. Следовательно, без расширения финансовой грамотности, прозрачного раскрытия параметров продукта и постепенного формирования доверия к партнерскому финансированию рыночное распространение мурабахи будет оставаться ограниченным даже при улучшении правовой среды.

Таким образом, барьеры внедрения мурабахи в классических банках России образуют не набор разрозненных затруднений, а единую систему институциональных ограничений. Правовой блок определяет пределы допустимой конструкции продукта, организационный – возможность его корректного сопровождения внутри банка, а рыночный – перспективы его масштабирования за пределами пилотных практик. Из этого следует, что дальнейшее развитие мурабахи требует не одного частного решения, а согласованного движения сразу по нескольким направлениям. Именно поэтому следующий этап анализа должен быть связан уже не с констатацией проблем, а с определением условий расширения применения мурабахи в банковской практике.

3. Условия расширения применения мурабахи в банковской практике

Проведенный анализ показывает, что дальнейшее распространение мурабахи в классических банках России не может быть обеспечено за счет одного частного решения. Даже при наличии интереса со стороны отдельных кредитных организаций и потенциальной клиентской базы сам по себе запуск продукта не означает формирования устойчивой модели его применения. Расширение практики мурабахи возможно лишь при одновременном создании регуляторных, организационных и рыночных условий, позволяющих перевести данный инструмент из формата локального эксперимента в формат воспроизводимого банковского решения.

Первое направление связано с формированием более определенной правовой среды. Для масштабирования мурабахи принципиально важно снизить разрыв между экономической природой сделки и действующей моделью банковской деятельности. Речь идет не о радикальной перестройке всей правовой системы, а о последовательной адаптации тех элементов регулирования, которые непосредственно затрудняют использование товарной формы финансирования в классическом банке. В практическом плане это предполагает дальнейшее развитие специального режима партнерского финансирования, уточнение правовой квалификации операций, связанных с покупкой и последующей перепродажей актива, а также формирование более предсказуемого подхода к налоговым последствиям таких сделок. Не менее важно развитие типовых договорных конструкций, позволяющих банкам использовать мурабаху без чрезмерных затрат на индивидуальное юридическое структурирование каждой сделки. Чем ниже правовая неопределенность, тем выше вероятность того, что продукт будет рассматриваться банком не как исключение, а как допустимый элемент основной продуктовой линейки.

Второе направление связано с внутренней готовностью банка к сопровождению мурабахи как особого финансового продукта. На практике это означает необходимость формирования внутрибанковской организационной модели, в которой будут заранее урегулированы порядок взаимодействия с поставщиком актива, правила документирования сделки, логика отражения операций в учете, контроль последовательности этапов и распределение ответственности между подразделениями. Для классического банка это особенно важно, поскольку мурабаха требует более сложной процедуры сопровождения, чем стандартный кредитный договор. Следовательно, расширение ее применения невозможно без

разработки внутренних регламентов, унифицированных шаблонов документов, методических инструкций для сотрудников, а также адаптации систем внутреннего контроля и риск-менеджмента. Иными словами, мурабаха должна быть встроена не только в юридическую, но и в операционную архитектуру банка.

Особое значение в рамках организационного блока имеет кадровое обеспечение. Даже формально корректная правовая конструкция не будет устойчиво работать, если сотрудники банка не понимают сущности продукта, его отличий от процентного кредитования и последовательности обязательных этапов сделки. Поэтому одним из необходимых условий расширения применения мурабахи выступает подготовка специалистов, способных сопровождать такие операции на стыке правовой, финансовой и продуктовой логики. Речь идет не только об обучении отдельных экспертов, но и о формировании более широкой внутрибанковской компетентности: продукт должен быть понятен не одному узкому подразделению, а всем участникам процесса – от специалистов фронт-офиса до сотрудников юридического блока, бухгалтерии и подразделений внутреннего контроля. Лишь в этом случае мурабаха перестает зависеть от единичных носителей компетенции и получает возможность институционального закрепления внутри банка.

Третье направление касается рыночных условий. Для расширения применения мурабахи недостаточно создать правовую и организационную основу; необходимо, чтобы сам продукт был понятен клиенту и воспринимался как прозрачный, надежный и экономически осмысленный инструмент финансирования. В настоящее время одна из ключевых проблем заключается в том, что значительная часть потенциальных потребителей не различает торговую природу мурабахи и стандартный кредитный механизм. Это означает, что банку приходится не только предлагать продукт, но и фактически формировать спрос на него через объяснение его сущности, преимуществ и ограничений. Следовательно, масштабирование мурабахи требует более активного информационного сопровождения, ясного раскрытия структуры цены, понятного описания механизма сделки и последовательной работы по повышению финансовой грамотности клиентов. Чем прозрачнее и понятнее продукт для потребителя, тем выше его рыночная устойчивость.

При этом рыночное расширение мурабахи целесообразно связывать не только с религиозно мотивированным спросом. Для классического банка стратегически важнее позиционировать данный инструмент как одну из альтернативных форм финансирования, пригодную для решения конкретных задач клиента – приобретения жилья, оборудования, транспорта, материалов и иных активов. Такой подход позволяет вывести мурабаху из узкой ниши и представить ее как продукт, обладающий не только ценностным, но и прикладным экономическим содержанием. В этом случае перспективы ее использования начинают определяться не только конфессиональной принадлежностью клиента, но и качеством самого банковского предложения.

Таким образом, условия расширения применения мурабахи в банковской практике образуют взаимосвязанную систему. Правовая определенность создает рамки допустимости продукта, организационная готовность банка обеспечивает его корректное функционирование, а рыночная работа формирует спрос и доверие к инструменту. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов существенно ограничивает возможности масштабирования. Напротив, их согласованное развитие позволяет рассматривать мурабаху не как временную экспериментальную конструкцию, а как потенциально устойчивый сегмент партнерского финансирования в классическом банковском секторе России. Именно этот вывод выступает ключевым основанием для итогового обобщения результатов исследования.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мурабаха в современных российских условиях действительно выступает наиболее реалистичным инструментом первичного внедрения партнерского финансирования в классические банки. По сравнению с иными исламскими контрактами она обладает более высокой степенью правовой и экономической адаптируемости, поскольку строится вокруг конкретного актива, фиксированной цены и относительно понятной для банковской практики договорной логики.

Именно это делает мурабаху наиболее пригодной для пилотного применения в рамках действующего режима партнерского финансирования.

Вместе с тем потенциал мурабахи пока не реализуется в полной мере, поскольку ее внедрение сдерживается системой взаимосвязанных барьеров. Правовые ограничения проявляются в недостаточной согласованности товарной природы мурабахи с традиционной моделью банковской деятельности и в сохраняющейся неопределенности отдельных налоговых и договорных аспектов. Организационные барьеры связаны с тем, что классические банки в большинстве случаев не располагают полностью сформированной внутренней инфраструктурой для сопровождения таких сделок, включая учет, документооборот, контроль этапов сделки и подготовленные кадровые ресурсы. Рыночные ограничения выражаются в недостаточной информированности клиентов, слабой институционализации спроса и сохраняющемся восприятии мурабахи либо как модифицированного кредита, либо как узкоспециализированного продукта.

Тем самым подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что основная проблема масштабирования мурабахи заключается не в самой сущности контракта, а в условиях его институциональной реализации. Это означает, что дальнейшее развитие данного инструмента требует не отдельного точечного решения, а согласованного движения одновременно по нескольким направлениям: совершенствования правового режима, формирования внутрибанковской организационной модели сопровождения продукта и последовательного развития рыночной среды, в которой мурабаха будет восприниматься как понятный, прозрачный и практически применимый инструмент финансирования.

Следовательно, перспективы мурабахи в классических банках России связаны прежде всего с ее переходом из статуса единичной экспериментальной практики в статус стандартизированного и воспроизводимого банковского продукта. При наличии такой институциональной настройки мурабаха может стать не только пилотным инструментом партнерского финансирования, но и одной из опорных моделей его дальнейшего расширения в российской банковской системе.

Список источников

1. Ибрагимов М.А.У. Современные тенденции внедрения исламских финансовых инструментов на примере мурабаха (Сбербанк, Ак Барс Банк и «Фаворит-13») / М.А.У. Ибрагимов // Индустрия исламских финансов тенденции, проблемы и перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции, Грозный, 11–12 декабря 2024 года. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2024. – С. 47–53. DOI 10.36684/153-1-2024-47-53.
2. Куджаев В.А. Мурабаха: сущность, особенности и применение в современной экономике / В.А. Куджаев, С.И. Сиражудинова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 6(176). – С. 462–472. DOI 10.26726/rppe2025v6mtefa.
3. Миннуллин И.Ш. Особенности классификации и управления рисками в операциях мурабаха как ключевого инструмента исламского финансирования / И.Ш. Миннуллин, Г.И. Галяутдинов // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции, в 2-х томах, Курск, 10 октября 2025 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2025. – С. 99–102.
4. Михеева И.Е. Правовые особенности финансирования по договору мурабаха в соответствии с исламским правом / И.Е. Михеева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 2(57). – С. 65–71. DOI 10.12737/19204.
5. Обзор рынка партнерского финансирования по итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года // Банк России: официальный сайт. 2024. URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/
6. Таштамиров М.Р. Мурабаха как инструмент эволюции исламского финансирования в условиях доминирования традиционной финансовой модели / М.Р. Таштамиров, Э.А. Макшарипова // Индустрия исламских финансов тенденции, проблемы и перспективы: материалы: Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 29–30 ноября 2023 года. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2023. – С. 145–152. DOI 10.36684/110-1-2023-145-152.
7. Таштамиров М.Р. Стандарты ААОIFI в исламской финансовой модели: мировой опыт, барьеры стандартизации и пути внедрения в российском партнерском финансировании / М.Р. Таштамиров // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 72–89. DOI 10.36684/chesu-2025-2-58-72-89.

8. Умаров Х.С. Особенности учета партнерского финансирования (Мушарака) и торговли (мурабаха) исламских финансовых институтов / Х.С. Умаров // Международный бухгалтерский учет. 2019. Т. 22, № 12(462). – С. 1328–1342. DOI 10.24891/ia.22.12.1328.
9. Хаззар М.Э. Правовые особенности этического (исламского) банкинга (на примере договора мурабаха) / М.Э. Хаззар, И.Е. Михеева, Д.Г. Алексеева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 39. – С. 134–145. DOI 10.17072/1995-4190-2018-39-134-145.
10. Исламское финансирование // СберБанк: официальный сайт. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking>
11. Исламский бандинг для бизнеса // Ак Барс Банк: официальный сайт. URL: <https://www.akbars.ru/small-business/islamskiy-banking/>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАССОВОЙ МИГРАЦИИ

Хаджичикова М.М.,

студентка 3 курса факультета экономики и управления

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»

e-mail: milanakhadzichikova@gmail.com

Научный руководитель: Айдинова Д.Х.-М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и прикладной информатики

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»

e-mail: diana.ajdinova@mail.ru

Аннотация. Массовая миграция оказывает многомерное влияние на национальные экономики, трансформируя рынки труда. Краткосрочные издержки в виде адаптационных расходов и локального давления на ресурсы компенсируются долгосрочными макроэкономическими выгодами роста производительности и смягчения последствий старения населения при условии продуманной интеграционной политики. Конечный экономический эффект миграционных потоков определяется не их масштабом, а качеством институтов, способностью государства перераспределять дивиденды и управлять структурными рисками.

Ключевые слова: массовая миграция, рынок труда, фискальные последствия, экономический рост, человеческий капитал, миграционная политика.

ECONOMIC CONSEQUENCES OF MASS MIGRATION

Khadzhikova M.M.,

3rd year student of the Faculty of Economics and Management,

Karachay-Cherkess State University

Scientific supervisor: Diana H.-M.A.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Applied Informatics,

Karachay-Cherkess State University

Annotation. Mass migration has a multidimensional impact on national economies, transforming labor markets. Short-term costs in the form of adaptation costs and local pressure on resources are offset by long-term macroeconomic benefits of productivity growth and mitigation of the effects of population aging, provided a well-thought-out integration policy. The final economic effect of migration flows is determined not by their scale, but by the quality of institutions, the ability of the state to redistribute dividends and manage structural risks.

Keywords: mass migration, labor market, fiscal consequences, economic growth, human capital, migration policy.

Массовая миграция приобретает статус устойчивого структурного фактора современного глобального развития: перемещения значительных контингентов через государственные границы и внутри крупных экономических зон выступают одновременно как элемент социальной динамики, экономический стимул и демографический регулятор. Экономические последствия миграционных процессов включают давление на сегменты рынка труда и общественные бюджеты, стимулирование экономического роста, восполнение демографических дефицитов и трансформацию структуры потребительского спроса. Системный анализ таких процессов предполагает учет временных горизонтов, институциональной среды и распределительных эффектов [2].

Рынок труда идентифицируется как основной канал воздействия миграции: увеличение предложения труда вследствие притока новых работников в краткосрочном периоде формирует умеренное давление на заработную плату в низкоквалифицированных сегментах. Эмпирические исследования выявляют локальный и временный характер данного давления. Мигранты преимущественно заполняют ниши с дефицитом кадров, высокой текучестью и непривлекательными условиями труда. Стимулируется создание новых рабочих мест через расширение потребительского спроса, развитие смежных отраслей и предпринимательскую активность мигрантов. Чистый эффект на занятость определяется

структурой экономики, гибкостью трудового законодательства и адаптивностью производственных процессов к изменению соотношения факторов производства [1].

Комплементарность квалификаций мигрантов выступает интегрирующим элементом национальной экономики: различия в образовательных и профессиональных компетенциях обуславливают взаимное дополнение трудовых ресурсов. Механизм функционирования предусматривает этапное распределение функций и трансляцию компетенций: специалисты высокой квалификации инициируют внедрение инновационных технологий, управленческих моделей и международных связей. Неквалифицированная рабочая сила обеспечивает функционирование базовых отраслей – строительной, сельскохозяйственной, логистической и сферы услуг. При согласовании структуры миграционных потоков с требованиями рынка труда реализуется перераспределение местной рабочей силы в сторону более производительных позиций и расширение масштабов производства; несоблюдение баланса обуславливает сегментацию рынка труда и рост неформальной занятости.

Фискальное воздействие миграционных процессов характеризует нелинейная динамика: в начальном периоде после прибытия формируется чистая бюджетная нагрузка посредством расходов на размещение, языковую адаптацию, первичное медицинское обслуживание и социальную поддержку. Данные расходы требуют обоснованного финансового планирования. В процессе интеграции миграционный контингент начинает обеспечивать налоговые поступления через подоходные налоги, косвенные налоги на потребление и социальные взносы. Эмпирические оценки фискального баланса выявляют, что в долгосрочной перспективе мигранты трудоспособного возраста генерируют положительный чистый эффект для общественных финансов, компенсируя расходы на образование и здравоохранение и снижая нагрузку на пенсионные системы.

В условиях старения населения, свойственного большинству развитых экономик, значимость миграционных процессов возрастает: сокращение доли трудоспособного населения вызывает рост демографической нагрузки, снижение потенциальных темпов экономического роста и увеличение дефицита пенсионных фондов. Массовая миграция способна частично нивелировать эти тенденции через восполнение рабочих мест и восстановление возрастной структуры: приток трудоспособного населения повышает соотношение работающих к нетрудовым категориям. При грамотной миграционной политике обновление возрастной структуры обеспечивает усиление устойчивости государственных социальных обязательств. Эффективность указанного механизма зависит от уровня экономической интеграции мигрантов: безработица и занятость в теневом секторе среди прибывших не формируют адекватной налоговой базы и способны усугублять фискальные дисбалансы [2].

Влияние миграции на совокупный экономический рост реализуется через несколько взаимосвязанных каналов: рост численности населения расширяет потенциальный выпуск. Эффект на ВВП на душу населения определяется производительностью и качеством человеческого капитала и потому зависит от состава притока. Мигрантский приток стимулирует инвестиции в инфраструктуру, жилье и коммерческую недвижимость, порождая мультипликативные эффекты в смежных отраслях. Международная мобильность ускоряет трансфер технологий и знаний, повышает конкуренцию на внутренних рынках и способствует диверсификации экономической структуры. Эффективность использования миграционного потенциала коррелирует с более высокими темпами роста в среднесрочной перспективе; жесткая миграционная и слабая интеграционная политика ведут к хронической нехватке кадров и стагнации потенциального выпуска.

Воздействие массовой миграции на жилищный рынок и общественную инфраструктуру проявляется в виде значительного локального давления: при резком увеличении численности населения в отдельных регионах и городах возникает повышенный спрос на покупку и аренду жилья; при ограниченном предложении наблюдается рост цен и снижение доступности жилья для местных жителей. Аналогичные процессы характерны для транспортной, образовательной и медицинской систем: проектная пропускная способность

инфраструктуры рассчитана на стабильную демографическую динамику; миграционные шоки вызывают перегрузку услуг. Решение данных проблем требует опережающих инвестиций в инфраструктуру и гибкой системы территориального планирования; пренебрежение указанными мерами приводит к росту социального напряжения и снижению качества жизни, а своевременное расширение мощностей инфраструктуры преобразует миграционный приток в фактор регионального развития.

Макроэкономическая стабильность подвергается воздействию миграционных процессов, проявляющемуся в опосредованных эффектах: увеличение совокупного спроса создает умеренное инфляционное давление на рынки товаров первой необходимости и услуги с низкой эластичностью предложения; миграция одновременно сдерживает рост издержек в секторах, ориентированных на ручной труд, что частично компенсирует ценовые шоки. Формирование денежно-кредитной политики базируется на учете структурных изменений в составе потребительских корзин и структуре трудовых издержек с целью предотвращения излишнего ужесточения или рисков перегрева экономики. Миграционные потоки влияют на внешнеторговый баланс через изменение структуры импорта потребительских товаров и рост денежных переводов; указанные изменения воздействуют на валютные курсы и платежный баланс стран исхода и назначения [6].

Миграционные денежные переводы представляют собой обособленное, экономически значимое явление: для стран происхождения – стабильный источник иностранной валюты, обеспечивающий поддержку платежного баланса, стимулирование потребления и финансирование инвестиций в человеческий капитал на локальном уровне; в мировом масштабе объем трансграничных переводов регулярно превышает размер официальной помощи по развитию, сопровождаясь притоком прямых иностранных инвестиций [5]. Для стран назначения оттоки капитала компенсируются ростом внутреннего потребления мигрантов, налоговыми поступлениями и вовлеченностью мигрантов в создание добавленной стоимости; формирование устойчивых экономических связей между регионами способствует снижению асимметрии развития и порождает взаимозависимость, создающую условия для координации миграционной и финансовой политики на международном уровне как элемента управления такими взаимосвязями.

Экономические последствия миграционных процессов распределены неравномерно по территориям и социальным группам: в регионах, принимающих основной поток переселенцев, рост потребительского спроса и налоговой базы сосуществует с конкуренцией за ограниченные ресурсы; усиление восприятия неравенства обусловлено совокупностью экономических шоков и институциональных ограничений. Низкоквалифицированные местные работники в отдельных секторах фиксируют давление на условия труда; владельцы капитала, работодатели и высококвалифицированные специалисты фиксируют преимущества в виде расширения рынка и сокращения издержек. Политические риски проявляются при отсутствии механизмов перераспределения миграционных выгод через социальную политику, систему образования и программы переобучения: справедливое распределение миграционных дивидендов требует государственного вмешательства по смягчению переходных издержек и обеспечению равного доступа к возможностям на рынке труда.

Предпринимательская активность миграционных потоков выступает драйвером экономического обновления: статистические данные фиксируют превышение доли мигрантов среди основателей новых предприятий над их удельным весом в населении. Механизмы воздействия включают создание рабочих мест, внедрение нишевых продуктов, освоение трансграничных рынков, стимуляцию конкуренции с последующим повышением эффективности местных фирм. Инновационный потенциал проявляется преимущественно в высокотехнологичных секторах: международная мобильность талантов ускоряет циклы разработки и коммерциализации. Успех предпринимательских инициатив определяется качеством институциональной среды: прозрачность регулирования, доступ к финансированию, защита прав собственности, отсутствие дискриминационных барьеров; при соблюдении перечисленных условий миграция выступает катализатором структурных преобразований; при отсутствии – потенциал остается нераскрытым, уменьшаются темпы создания рабочих мест и коммерциализации инноваций [3].

Влияние миграции на экономику стран варьируется в зависимости от качества институтов и дизайна миграционной политики. Системы с гибкими процедурами признания квалификаций, развитой интеграционной инфраструктурой и эффективными службами занятости быстрее

трансформируют приток в экономический актив. Процесс трансформации реализуется через поэтапные механизмы: признание квалификаций – доступ к рынку труда; интеграционные программы – сокращение времени профессиональной адаптации; скоординированные службы занятости – сопоставление навыков с потребностями работодателей. Бюрократические барьеры, дискриминация на рынке труда и отсутствие межуровневой координации приводят к недоиспользованию человеческого капитала, расширению теневой экономики и социальной фрагментации. Миграционная политика, обоснованная экономическими критериями, предстает как комплекс мер: согласование миграционных потоков с потребностями рынка труда, инвестиции в инфраструктуру, механизмы социальной адаптации.

Массовая миграция выступает фактором глубокой структурной трансформации экономик в долгосрочной перспективе: изменение демографического профиля, переориентация отраслевой специализации, усиление глобальной интеграции. Условием укрепления конкурентоспособности на международных рынках, снижения риска демографического старения, формирования устойчивых моделей роста выступает органичное включение прибывающих волн населения в экономическую ткань. Механизмы включения реализуются интеграционными политиками, адаптацией рынков труда, признанием квалификаций; поступательное распространение идей, навыков, капитала ускоряет технологическое обновление и расширение торговых связей [2].

Оценка экономических последствий массовой миграции требует отказа от упрощенных бинарных категорий: это сложный многомерный процесс, в рамках которого краткосрочные вызовы соседствуют с долгосрочными возможностями, локальные дисбалансы компенсируются макроэкономическими выгодами, распределительные эффекты зависят от качества управления и институциональной зрелости. Массовая миграция не выступает панацеей от структурных дефицитов; при масштабной мобильности населения миграционные потоки функционируют как инструмент экономической адаптации к глобальным демографическим и технологическим сдвигам. Эффективное использование миграционного потенциала предусматривает переход от реактивных мер к стратегическому планированию, инвестициям в интеграцию, созданию инклюзивных рынков труда; перестройка модифицирует распределение ресурсов и динамику инновационного развития.

Список источников

1. Айдинова Д.Х.М. Регрессионное моделирование в задачах экономики труда / Д.Х.М. Айдинова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 8. – С. 6–14. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.08.01. EDN: FXUMJO.
2. Айдинова Д.Х.М. Миграция: состояние и динамика развития в России и КЧР / Д.Х.М. Айдинова // Алиевские чтения: Материалы научной сессии, Карачаевск, 16–20 апреля 2020 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 227–233. EDN: WMNGZU.
3. Панькин П.В. Регулирование рынка труда с учетом особенностей трудовой миграции: монография / П.В. Панькин. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2019. – 198 с. ISBN: 978-5-00151-037-6.
4. Низамутдинов И.К. ПРОЦЕССЫ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ / И.К. Низамутдинов, В.В. Малаев // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2016. № 43. – С. 282–286. ISSN: 2078-1318.
5. Тотаркулова А.А. Центральные банки и их влияние на денежно-кредитную политику / А.А. Тотаркулова, Д.Х.М. Айдинова // Наука, образование и бизнес: новый взгляд или стратегия интеграционного взаимодействия: Сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти первого Президента Кабардино-Балкарской Республики Валерия Мухамедовича Кокова, Нальчик, 18–20 октября 2023 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова, 2023. – С. 189–191. EDN: UOETJL.
6. Тотаркулова А.А. Множественные курсы валют и аспекты их влияния на инфляцию / А.А. Тотаркулова, Д.Х.М. Айдинова // Научно-технический и социально-экономический потенциал развития АПК РФ: Материалы Всероссийской научно-практической конференции имени Заслуженного деятеля науки КБР, Заслуженного агронома РФ, доктора сельскохозяйственных наук, профессора М.Х. Ханиева, Нальчик, 08 декабря 2022 года. Том. Часть II. – Нальчик: ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, 2022. – С. 405–408. EDN: JTTIWQ.

УДК 339.9(091)

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ: МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Хасанова С.С.,

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Сагаев Ш.З.,

студент 4 курса

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Предметом исследования выступают современные структурные сдвиги и процесс геоэкономической фрагментации в мировой экономике. Цель работы – проанализировать последствия распада глобальных цепочек поставок и определить актуальные механизмы адаптации национальных экономик. Методология включает макроэкономический и компаративный анализ на основе актуальных данных международных финансовых институтов. В результате доказано, что переход к парадигме экономической устойчивости требует отказа от устаревших антикризисных мер в пользу прагматичного мультилатерализма и создания институциональных «ограждений».

Ключевые слова: геоэкономическая фрагментация, глобальная экономика, структурные сдвиги, экономическая устойчивость, технологический уклад, финансовая безопасность.

GEOECONOMIC FRAGMENTATION AND STRUCTURAL SHIFTS: ADAPTATION MECHANISMS OF THE MODERN GLOBAL ECONOMY

Khasanova S.S.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Kadyrov Chechen State University

Sagaev Sh.Z.,

4th-year student

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The subject of the research is modern structural shifts and the process of geoeconomic fragmentation in the world economy. The aim of the work is to analyze the consequences of the collapse of global supply chains and identify current mechanisms of adaptation of national economies. The methodology includes macroeconomic and comparative analysis based on current data from international financial institutions. As a result, it is proved that the transition to the paradigm of economic resilience requires abandoning outdated anti-crisis measures in favor of pragmatic multilateralism and the creation of institutional «guardrails».

Keywords: geoeconomic fragmentation, global economy, structural shifts, economic resilience, technological paradigm, financial security.

Историческая ретроспектива показывает, что мировая экономика развивается циклично, чередуя этапы глубокой интеграции и геоэкономической фрагментации.

Экзистенциальные вызовы, стоящие перед современной Россией: эскалация незаконных односторонних санкций, арест российских активов и резервов Банка России, гибридное противостояние со странами Запада, прямые провокации и развязывание НАТО прокси-войны на Украине, – разделили мировое экспертное сообщество. Эксперты разделились в зависимости от поддержки одной из альтернативных позиций – точки зрения на причины происходящих событий и в целом на ситуацию в мире.

Ряд экспертов увязывают перечисленные события с началом специальной военной операции и продолжающимся «горячим» конфликтом на Украине, считают их так называемым «черным лебедем» и называют в качестве главной причины действия руководства страны – участницы конфликта (чаще других упоминаются Россия, Украина, США, ЕС, НАТО). При этом они не принимают во внимание системные экономические предпосылки, в свою очередь, обусловленные усилением кризисных явлений в мировой политике, экономике и

общественной жизни. Это происходит как следствие завершения американского системного цикла накопления капитала и сопутствующего обострения международной обстановки, исторически сопровождающего происходящие в мировой экономике кардинальные изменения. Между тем именно экономическая ситуация, текущая или прогнозируемая, определяет и обуславливает принимаемые политиками решения [4].

Опираясь на недавние исследования Международного валютного фонда, можно констатировать, что текущий процесс распада единого экономического пространства на отдельные блоки имеет четкие исторические параллели, в частности, с периодом холодной войны [7]. В середине XX века мир уже сталкивался с жестким разделением на технологические и торговые лагеря, что неизбежно приводило к дублированию производственных цепочек и временному снижению глобальной экономической эффективности [3].

Однако современный структурный сдвиг имеет одно принципиальное отличие, делающее его уникальным. Если в эпоху блокового противостояния XX века экономики были изначально слабо взаимосвязаны, то сегодняшний кризис разворачивается на фоне беспрецедентного уровня гиперглобализации, достигнутого к началу 2000-х годов. Разрушение устоявшихся логистических маршрутов, ограничения на трансфер высоких технологий и масштабное санкционное давление вызывают гораздо более болезненный шок для системы. В этих условиях национальные экономики вынуждены радикально пересматривать свои стратегии развития [6]. На смену доминировавшей ранее парадигме максимальной экономической эффективности (economic efficiency) закономерно приходит парадигма экономической устойчивости и национальной безопасности (economic resilience). Хотя исторический опыт адаптации к энергетическим шокам 1970-х годов полезен для понимания природы глобальных шоков предложения, современные механизмы выживания требуют принципиально иных подходов. Как показывают исследования МВФ, успешная адаптация к новому укладу будет зависеть от перехода к прагматичному мультилатерализму, создания международных институциональных «ограждений» и укрепления систем финансовой безопасности.

Эмпирические данные из новейших макроэкономических отчетов подтверждают, что глобальная экономика проходит через сложный этап адаптации. Согласно обновленному докладу Международного валютного фонда «Перспективы развития мировой экономики» (январь 2026 г.), глобальный рост прогнозируется на уровне 3,3% в 2026 году и 3,2% в 2027 году [8]. Подобная макроэкономическая устойчивость на фоне геополитической турбулентности является результатом балансирования разнонаправленных сил.

Таблица 1. Динамика и прогноз роста мирового ВВП в период структурной трансформации (2025–2027 гг.)

	Год	Темпы роста мирового ВВП, %
	2025	3,3
	2026	3,3
	2027	3,2

Источник: составлено авторами на основе данных МВФ

Как отмечают эксперты МВФ, внешне стабильные показатели маскируют глубокие структурные сдвиги [8]. Негативные последствия от изменения глобальной торговой политики, протекционизма и роста геоэкономических издержек в настоящее время компенсируются мощным притоком инвестиций в новые технологии, включая развитие искусственного интеллекта [8].

Внутренние стимулы для нивелирования издержек деглобализации в России:

- Упрощение административных процедур для запуска новых производств (принцип «одного окна»).

- Введение специальных правовых режимов для технологических стартапов (налоговые каникулы на 3–5 лет).
- Введение налоговых кредитов для предприятий, осуществляющих импортозамещение.
- Реформа системы профессионального образования под запросы реального сектора.
- Программы привлечения российских ученых из-за рубежа.
- Создание центров компетенций по критическим технологиям.
- Система преференций для продукции с высокой долей локализации.
- Развитие системы гарантированного спроса через госзакупки.
- Стимулирование кооперации между производителями и научными организациями.
- Формирование территориально-производственных кластеров.
- Специальные экономические режимы для приграничных регионов.

Особое внимание следует уделить созданию системы мониторинга и быстрой корректировки принимаемых мер, позволяющей оперативно реагировать на изменяющиеся экономические условия.

Согласно оценкам экспертов, в сценариях жесткой финансовой фрагментации потеря выгод от диверсификации рисков будет носить беспрецедентный характер [7]. В частности, для ведущих экономик мира (стран «Группы семи») этот ущерб может составить от 20% до 50%, так как они лишаются доступа к инвестиционным возможностям на развивающихся рынках с асинхронными бизнес-циклами [9]. Это подтверждает тезис о том, что последствия фрагментации выходят далеко за рамки товарных рынков и логистики, нанося фундаментальный удар по архитектуре глобального капитала. Ограничение движения капитала (capital flow fragmentation) не только повышает волатильность внутренних рынков, но и делает национальные экономики крайне уязвимыми к локальным макроэкономическим шокам, лишая их внешних буферов ликвидности.

Наряду с финансовыми шоками, важнейшим измерением текущего кризиса выступает глубокая перестройка глобальных цепочек создания стоимости (Global Value Chains). В стремлении минимизировать логистические и санкционные риски национальные правительства и транснациональные корпорации иницируют процессы рещоринга (reshoring) и френдшоринга (friendshoring) – масштабного переноса производственных мощностей в геополитически лояльные юрисдикции [10]. Хотя подобные превентивные меры локально повышают устойчивость отдельных государств, на макроэкономическом уровне они ведут к нерациональному дублированию инфраструктуры, росту транзакционных издержек и снижению общей маржинальности производств [1].

Особую обеспокоенность вызывает фрагментация в сфере высоких технологий и критически важных минералов (critical minerals). Согласно расчетам Международного валютного фонда, разрыв глобальных технологических цепочек наносит экономике непропорционально высокий ущерб, поскольку искусственно ограничивает трансфер инноваций и знаний, которые исторически выступали главным драйвером роста производительности труда [12]. В условиях, когда генеративные технологии и искусственный интеллект становятся ключевым фактором сохранения глобальной конкурентоспособности [8], технологическая изоляция фактически означает для стран долгосрочную экономическую стагнацию. Технологическое «разъединение» (technological decoupling) между ключевыми геополитическими полюсами формирует барьеры, преодоление которых требует колоссальных внутренних инвестиций.

Кроме того, геоэкономическая фрагментация крайне неравномерно распределяет макроэкономические издержки, нанося наибольший удар по странам с формирующимся рынком и развивающимся экономикам (EMDEs). Согласно аналитике Всемирного банка, текущая геополитическая нестабильность сопровождается беспрецедентным замедлением роста глобальных инвестиций и обострением проблемы суверенного долга [11]. В условиях

волатильности и сохранения жестких финансовых условий на рынках капитала, развивающиеся страны сталкиваются с оттоком ликвидности и истощением фискальных буферов [2].

Политика деглобализации де-факто лишает многие государства традиционной экспортно-ориентированной модели развития, которая на протяжении последних десятилетий способствовала конвергенции доходов и интеграции в мировой рынок [5]. Фрагментация базовых товарных рынков, в первую очередь в секторах продовольствия и энергоносителей, провоцирует импортируемую инфляцию и подрывает макроэкономическую стабильность наиболее уязвимых регионов [13]. Таким образом, структурные разломы не просто корректируют темпы роста мирового ВВП, но и резко усиливают глобальное неравенство, формируя фрагментированную экономику с разными скоростями развития и адаптации [10].

Вместе с тем, успешная адаптация к новому глобальному укладу невозможна только за счет внутренних мер и требует качественного пересмотра архитектуры международного сотрудничества. Опираясь на выводы МВФ, можно выделить три ключевых механизма минимизации геоэкономических рисков на глобальном уровне [7]:

Во-первых, это переход к прагматичному мультилатерализму. В сферах, где достижение всеобъемлющего глобального консенсуса невозможно из-за расхождения предпочтений, государствам целесообразно переходить к открытым и недискриминационным плюрилатеральным инициативам («меньшее число стран, желающих сделать больше») [7].

Во-вторых, критически важным является создание институциональных «ограждений» (guardrails) – международных механизмов, направленных на минимизацию трансграничных побочных эффектов от односторонних действий. Это подразумевает разработку безопасных коридоров для защиты потоков стратегически значимых товаров (например, продовольствия и базовых медикаментов), чтобы оградить наиболее уязвимые страны от последствий геополитического противостояния [7].

В-третьих, трансформация уклада требует укрепления глобальной системы финансовой безопасности (Global Financial Safety Net). Развитие резервных буферов и региональных механизмов финансирования необходимо для защиты экономик от волатильности капитала и макрофинансовых шоков, возникающих на фоне фрагментации [7].

Следование складывающимся глобальным тенденциям, использование трендов ретроспективного развития экономики, приведение вектора национальной экономической политики в соответствие с трендами развития мировой экономики способствуют достижению целей адаптации национальных экономических субъектов к современным вызовам, защите экономических интересов страны, успешному противодействию угрозам национальной экономической безопасности [4].

Геополитическая напряженность выступает мощным катализатором назревших структурных изменений в глобальной экономике. Переход от доминировавшей ранее парадигмы абсолютной эффективности к парадигме устойчивости (resilience) неизбежен и уже запущен. Однако успешная адаптация к этому структурному сдвигу зависит не от ухода в протекционизм и изоляцию, а от способности государств выстраивать новые форматы прагматичного многостороннего сотрудничества, внедрять внутренние фискальные правила и совместно создавать надежные институциональные буферы, способные амортизировать геоэкономические шоки.

Список источников

1. Айгумов А.Д., Магомедова З.О., Хасанова М.С. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ПОД САНКЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ: ВЫЗОВЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ ГОСУДАРСТВА. Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № S2. – С. 239–245.
2. Алиева Э.И., Галаев А.А. ЭКОНОМИКА МИРА НА ПЕРЕЛОМЕ: ВЛИЯНИЕ КРИЗИСОВ 2020-2025 ГГ. И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ НА 2025 ГОД В сборнике: МИЛЛИОНЩИКОВ-2025. VIII Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «МИЛЛИОНЩИКОВ-2025», приуроченная к 80-летию атомной промышленности (в рамках реализации программы развития передовой инженерной школы «РОСГЕОТЕХ»). – Грозный, 2025. – С. 338–347.

3. Асхабалиев И.Ч., Хасанова М.С. ИНВЕСТИЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2025. № S2. – С. 111–116.
4. Орлов С.Н. РОССИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: ТЕНДЕНЦИИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И АДАПТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. *НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ*. 236 Том. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-121-148.
5. Хасанова С.С., Баташев Р.В., Дубаев Т.Р. ЗАПАДНЫЕ САНКЦИИ КАК МОТИВАЦИОННЫЙ СКАЧОК ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ. В сборнике: *Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона*. Материалы IX Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 250–251.
6. Хасанова С.С. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЗДОРОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СТРАНЫ В ПОСТКРИЗИСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 7 (108). – С. 361–364.
7. Aiyar S. et al. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // *IMF Staff Discussion Notes*. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2023. – No. 2023/001. – 39 p.
8. International Monetary Fund (IMF). *World Economic Outlook Update: Global Economy Steady amid Divergent Forces*. – Washington, DC: IMF, January 2026.
9. Catalán M., Tsuruga T. Geopolitics and financial fragmentation: Implications for macro-financial stability // *Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy*. – Paris, London: CEPR Press, 2023. – P. 91–102.
10. Javorcik B.S. et al. Economic costs of friend-shoring // *Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy*. – Paris, London: CEPR Press, 2023. – P. 29–37.
11. World Bank. *Global Economic Prospects*, January 2026. – Washington, DC: World Bank, 2026. DOI: 10.1596/978-1-4648-2267-4.
12. Cerdeiro D.A., Eugster J., Mano R.C., Muir D., Peiris S. J. Sizing up the effects of technological decoupling // *Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy*. – Paris, London: CEPR Press, 2023. – P. 63–73.
13. Bolhuis M.A., Chen J., Kett B. Geoeconomic fragmentation: Accounting for commodities // *Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy*. – Paris, London: CEPR Press, 2023. – P. 39–44.

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛИЧНЫХ УСТРОЙСТВ СОТРУДНИКОВ (BYOD) И МЕТОДЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

Шидакова Д.К.,

студентка факультета экономики и управления

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail: Shidakovadi05@gmail.com

Научный руководитель: Узденова М.Б.,

старший преподаватель кафедры экономики и прикладной информатики,

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

e-mail: uzmadina@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются ключевые угрозы экономической безопасности, возникающие при внедрении модели использования личных устройств сотрудников. Для минимизации данных угроз предлагается комплексный подход, объединяющий формализованные политики доступа, технические средства изоляции и шифрования данных.

Ключевые слова: экономическая безопасность, BYOD, информационные риски, управление рисками, кибербезопасность предприятия.

THE MAIN THREATS TO ECONOMIC SECURITY WHEN USING PERSONAL DEVICES (BYOD) AND METHODS FOR MINIMIZING THEM

Shidakova D.K.,

student in Group 23, Faculty of Economics and Management

Aliyev Karachay-Cherkess State University

Supervisor: Uzdenova M.B.,

Senior Lecturer, Department of Economics and Applied Informatics,

Aliyev Karachay-Cherkess State University

Abstract. The article analyzes the key threats to economic security that arise when implementing a model for using employees' personal devices. To minimize these threats, an integrated approach is proposed that combines formalized access policies, technical means of data isolation and encryption.

Keywords: economic security, BYOD, information risks, risk management, enterprise cybersecurity.

Модель использования личных устройств сотрудников (BYOD) в корпоративной практике изначально связывалась с экономической оптимизацией за счет снижения капитальных затрат на закупку корпоративной техники, перераспределения амортизационных издержек на персонал и повышения лояльности посредством гибких рабочих процессов. В процессе расширения практики выявилось нивелирование экономии скрытыми рисками, нарушающими финансовую устойчивость предприятия. Понятие экономической безопасности цифровой трансформации вышло за рамки защиты от внешних атак и охватывает управление финансовыми, операционными и репутационными потерями, обусловленными смешением личных и корпоративных цифровых активов. Личное устройство выступает потенциальным каналом утечки коммерчески значимой информации, вектором проникновения вредоносного кода и источником регуляторных нарушений, вызывающих штрафные санкции, проверки и обязанности по возмещению затрат [4].

Риск утраты или несанкционированного доступа к конфиденциальной информации при использовании личных устройств выступает первостепенной угрозой экономической безопасности: базы данных клиентов, стратегические разработки, финансовые отчеты, коммерческие договоры. Утрата интеллектуальной собственности и коммерческих секретов трансформируется в снижение рыночной стоимости, утрату конкурентных преимуществ и

сокращение будущих денежных потоков. Цифровая информация способна к бесконечному тиражированию без деградации качества, что исключает возврат утраченных активов и формирует потребность в дополнительных инвестициях на альтернативные продукты и восстановление репутации. Смещение личного и рабочего контента на одном устройстве приводит к оставлению корпоративных данных вне зоны контроля при увольнении сотрудника или потере гаджета; усложняется вывод информационных активов из обращения, возникают судебные издержки, связанные с доказыванием утечки и взысканием ущерба.

Киберинциденты, инициируемые через недостаточно защищенные личные устройства, формируют существенный экономический риск операционной нестабильности. Функционирование современных мобильных платформ на базе устаревших операционных систем, нелегального программного обеспечения и приложений из ненадежных источников создает условия для распространения вредоносного кода. Проникновение программ-шифровальщиков или шпионского ПО в корпоративную сеть через точку доступа личного устройства блокирует производственные процессы, нарушает логистические цепочки и сервисное обслуживание клиентов. Экономические потери включают прямые затраты на восстановление инфраструктуры, выплаты контрагентам за несоблюдение сроков исполнения обязательств и косвенные убытки вследствие простоя персонала и упущенной выручки. Регулярность инцидентов увеличивает стоимость капитала за счет отражения инвесторами и кредиторами возросшего операционного риска в оценке финансовой устойчивости компании.

Регуляторные и юридические риски выступают специфическим типом угроз экономической безопасности в условиях роста национального и международного законодательства по защите персональных данных и информационной безопасности. Обработка информации на личных устройствах влечет за собой ответственность организации за соблюдение требований нормативных актов, включая общие регламенты по защите данных и отраслевые стандарты финансовой и медицинской отчетности. Несоблюдение требований регулятора приводит к наложению административных санкций, ограничению прав на осуществление отдельных видов деятельности, снижению доходности организации. Недостаточность доказательной базы защищенности обработки данных в судебных разбирательствах увеличивает вероятность решений в пользу третьих лиц. Поддержание экономической безопасности при использовании личных устройств требует сочетания технических средств защиты и создания правовой архитектуры, распределяющей ответственность между работодателем и работником; усложнение реализации обусловлено использованием устройств, принадлежащих физическим лицам [1].

Наличие скрытых операционных издержек при управлении гетерогенным парком личных устройств снижает экономический эффект внедрения модели BYOD. Обеспечение совместимости корпоративных приложений с множеством моделей смартфонов и планшетов обуславливает рост затрат на тестирование, техническую поддержку и обновление программного обеспечения. Компенсационные выплаты за износ оборудования, оплату мобильной связи и доступа в интернет формируют дополнительные переменные расходы, усложняющие бюджетное планирование. Отсутствие стандартизации снижает эффективность инвентаризации, аудита соответствия и контроля лицензионного программного обеспечения, что приводит к росту административных издержек и ухудшению прозрачности финансовых потоков. Обеспечение экономической безопасности требует учета прямых и косвенных затрат на цифровую инфраструктуру; вследствие этого неконтролируемое увеличение операционных расходов требует разработки методов контроля затрат и механизмов перераспределения бюджетных ресурсов.

Интеграция методов минимизации угроз в финансовую и операционную стратегию организации обеспечивает переход от осознания рисков к их системному управлению. Разработка и внедрение формализованной политики использования личных устройств является ключевым элементом стратегии: документ определяет границы допустимого, распределяет зоны ответственности и регламентирует финансовые последствия нарушений.

Политика, подкрепленная экономическим обоснованием, включает требования к техническим характеристикам устройств, порядок резервного копирования корпоративных данных, условия возмещения расходов на связь и Интернет, процедуры удаления корпоративной информации при утрате устройства или прекращении трудовых отношений. Наличие формализованного документа снижает вероятность юридических конфликтов, обеспечивает прогнозирование расходов, формирование резервов для покрытия потенциальных убытков и прозрачность управления цифровыми рисками. Восприятие политики как инструмента обеспечения стабильности бизнес-процессов повышает уровень добровольного соблюдения и снижает затраты на контроль [2].

Управление мобильными устройствами и корпоративными данными реализует следующий уровень защиты. Преобразование абстрактных рисков в параметры с измеряемой стоимостью владения сопровождается определением экономической эффективности. Платформы удаленного администрирования обеспечивают изоляцию рабочих и личных сред, шифрование передачи данных, контроль установок приложений, защищенное подключение к корпоративным ресурсам через VPN. Снижение вероятности инцидентов, сокращение простоев инфраструктуры, уменьшение нагрузки на техническую поддержку определяют инвестиционную оправданность таких решений. Расчет экономической эффективности учитывает прямую стоимость лицензий, экономию на предотвращенных убытках, снижение страховых премий, повышение производительности труда в результате стабильности цифровых сервисов. Модель нулевого доверия реализуется многофакторной аутентификацией и непрерывной оценкой состояния устройства, предоставляя доступ к корпоративным данным после прохождения процедур, что сокращает вероятность несанкционированного проникновения при контролируемом росте операционных расходов.

Риск человеческого фактора в экономической безопасности обуславливает возможность нейтрализации технических мер ошибочными или злонамеренными действиями персонала. Корпоративная культура безопасности формируется посредством регулярного обучения цифровой гигиене, работе с конфиденциальной информацией и реагированию на подозрительные ситуации. Обучающие программы уменьшают частоту инцидентов и расходы на расследование и восстановление данных; повышается устойчивость бизнеса к социальным инженерным атакам. Инвестиции в обучение рассматриваются как долгосрочные вложения в человеческий капитал; окупаемость выражается снижением вероятности катастрофических потерь. Практическая направленность предусматривает учет сценариев использования личных устройств и предоставление понятных инструкций по защите корпоративных и персональных данных; число ошибок при обработке конфиденциальной информации снижается.

Трансформация непредсказуемых убытков в планируемые расходы осуществляется финансовыми инструментами управления рисками, дополняющими технические и организационные меры. Страхование киберрисков обеспечивает покрытие затрат на восстановление данных, юридические издержки, штрафы и компенсации клиентам. Выбор страховых программ требует анализа условий покрытия с исключением ситуаций, вызванных халатностью или нарушением внутренних политик компании. Бюджетное планирование обеспечивает формирование резервов на случай киберинцидентов, организацию регулярного аудита стандартов и целевое финансирование мероприятий по повышению защищенности инфраструктуры. В условиях BYOD переход осуществляется от реактивной модели финансирования с выделением средств после ущерба к проактивной модели, рассматривающей профилактические расходы как обязательную статью операционного бюджета, сопоставимую с маркетинговыми, логистическими или кадровыми затратами.

Интеграция методов управления экономической безопасностью в единую систему определяет оптимальное соотношение между гибкостью цифрового рабочего пространства и финансовой устойчивостью организации. Способность прогнозирования, оценки и компенсации потенциальных убытков в рамках допустимого уровня толерантности к риску

выступает ключевым показателем эффективности; абсолютное устранение рисков признано недостижимым [3].

Учет динамики изменения стоимости технологий, эволюции регуляторных требований и трансформации бизнес-моделей обеспечивает регулярный пересмотр политик, обновление технических решений и адаптацию финансовых механизмов. Формирование прозрачной, измеримой и экономически обоснованной системы защиты личных устройств обеспечивает конкурентное преимущество за счет повышения операционной надежности, снижения стоимости привлечения капитала и укрепления репутации на рынке. Включение показателей защиты в модели оценки капитализации и инвестиционной привлекательности создает предпосылки количественной оценки влияния на способность к устойчивому росту в цифровой экономике.

Список источников

1. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности: тенденции, вызовы, возможности: материалы V Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16 декабря 2022 г. Молодежная секция «Актуальные проблемы экономической безопасности»: материалы конференции / под редакцией А.В. Дмитриева, Л.В. Пушкаревой. – Москва: Дело РАНХиГС, 2023. – 408 с. ISBN 978-5-89781-766-5. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/465935>
2. Каранина Е.В. Экономическая безопасность и устойчивость на уровне государства и регионов: учебник / Е.В. Каранина, В.М. Караулов. – Санкт-Петербург: Интермедия, 2025. – 416 с. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/459185>
3. Курджиев К.Х. Искусственный интеллект в современных сервисах: применение, преимущества и вызовы / К.Х. Курджиев, М.Б. Узденова // Приоритетные направления инновационного развития аграрной науки и практики: Сборник научных трудов по итогам XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ и КБР профессора Бориса Хажмуратовича Жерукова, Нальчик, 23–25 ноября 2023 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова, 2023. – С. 444–446. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59428198>
4. Экономическая безопасность: учебное пособие / В.Ю. Буров, П.А. Кислощаев, Н.В. Капитонова [и др.]. – Чита: ЗабГУ, 2022. – 344 с. ISBN 978-5-9293-3078-0. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/363461>

ЭВОЛЮЦИЯ БАНКОВСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТ БАЗЕЛЯ III К БАЗЕЛЮ IV И АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ 2022–2025 ГОДОВ

Цурова Л.А.,

канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и кредита,
Ингушский государственный университет
lisa_esco@mail.ru

Мурзабеков М.И.,

студент 2 курса факультета экономики и управления,
Ингушский государственный университет

Аннотация. В статье исследуется трансформация посткризисного банковского надзора под влиянием соглашений Базельского комитета. Показано, что чередование финансовых кризисов обнажило проциклическую природу рынков и недостатки прежних методов оценки рисков. Систематизированы ключевые изменения Базеля III и Базеля IV. Отдельное внимание уделено имплементации этих норм Банком России в период санкционного давления 2022–2025 гг. Автор выдвигает гипотезу, что, вопреки распространённому мнению о нерелевантности Базеля III в изолированных экономиках, основные принципы сохраняют регулятивную ценность при условии замещения внешних индикаторов внутренними. Новизна подхода заключается в комплексном сопоставлении глобальных стандартов и российских антикризисных мер на актуальных данных 2024–2025 гг.

Ключевые слова: Базель III, Базель IV, достаточность капитала, контрциклический буфер, коэффициент левериджа, нормативы ликвидности, Банк России, санкционные ограничения, макропруденциальная политика.

EVOLUTION OF BANKING REGULATION: FROM BASEL III TO BASEL IV AND ADAPTATION OF THE RUSSIAN SECTOR UNDER THE SANCTIONS OF 2022–2025

Tsurova L.A.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Finance and Credit
Ingush State University

Murzabekov M.I.,

2nd year student of the Faculty of Economics and Management
Ingush State University

Abstract. This article examines the transformation of post-crisis banking supervision under the influence of the Basel Committee agreements. It shows that alternating financial crises have exposed the procyclical nature of markets and the shortcomings of previous risk assessment methods. Key changes in Basel III and Basel IV are systematized. Particular attention is paid to the implementation of these standards by the Bank of Russia during the sanctions period of 2022–2025. The author hypothesizes that, contrary to the widespread belief that Basel III is irrelevant in isolated economies, the core principles retain regulatory value provided that external indicators are replaced by internal ones. The novelty of this approach lies in the comprehensive comparison of global standards and Russian anti-crisis measures using current data for 2024–2025.

Keywords: Basel III, Basel IV, capital adequacy, countercyclical buffer, leverage ratio, liquidity standards, Bank of Russia, sanctions restrictions, macroprudential policy.

За последние полтора десятилетия мировая финансовая система неоднократно переживала глубокие потрясения. Кризис 2008–2009 годов, события 2014–2015 годов, пандемийная турбулентность и геополитические шоки 2022–2025 годов каждый раз подтверждали наличие у финансовых рынков встроенной проциклическости. Антикризисные интервенции, направленные на стабилизацию, в ряде случаев сами усиливали колебания из-за применения проциклических мер. Этот опыт привёл к пересмотру основ банковского надзора: потребовались новые методы оценки рисков, контрциклические требования к капиталу и формирование резервов, дифференцированных по фазам делового цикла.

В литературе иногда высказывается мнение, что в условиях жёстких санкций и фрагментации финансового рынка требования Базеля III утрачивают практический смысл. Однако базовые принципы достаточности капитала и ликвидности сохраняют регулятивную ценность, хотя и требуют адаптации. Внешние индикаторы (например, доля кредитов нерезидентам) должны уступить место внутренним – таким, как волатильность ОФЗ или качество рублёвого фондирования. Эта гипотеза проверяется в статье на основе анализа нормативных документов и статистических данных [1].

Исследование опирается на сочетание качественных и количественных методов. Применены сравнительный анализ документов Базельского комитета и Банка России, систематизация изменений Базеля III и IV, а также статистический анализ динамики показателей российского банковского сектора за 2024–2025 годы. Источники данных: публикации Банка России, отчёты АКРА, материалы Банка международных расчётов (BIS), а также зарубежные статьи по банковскому регулированию. Следует особо отметить, что важным объектом анализа стала новая Инструкция Банка России № 220-И, принятая 26 мая 2025 года и вступившая в силу 18 августа 2025 года. Данный документ является центральным звеном перехода российского банковского сектора на финализированные стандарты «Базеля III+» (Базель IV) и служит правопреемником ранее действовавшей Инструкции № 199-И.

Базельский комитет разработал пакет реформ, известный как Базель III, в 2010–2017 годах. По сравнению с Базелем I и II требования к капиталу стали заметно жёстче. Российская Федерация через Банк России имплементировала эти нормы, в частности, Положением № 646-П от 2018 года «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»)). Новая редакция этого документа от 10.04.2023 с изменениями, вступившими в силу с 01.04.2024 г., ужесточила некоторые требования [5].

Качество капитала	Введены более строгие критерии для включения тех или иных инструментов в состав капитала; регулятор очистил капитал от так называемых «ненадлежащих» источников, которые формально его увеличивают, но не являются по-настоящему устойчивыми
Лимиты на «ненадлежащие» активы	Помимо относительного лимита (например, 5% от капитала), были введены абсолютные пороги для исключения сомнительных инструментов из капитала: 100 млн рублей для индивидуального актива и 10 млрд рублей для совокупной величины всех таких активов.
Переходный период	Чтобы банки могли адаптироваться к новым правилам, был установлен переходный период; списание «ненадлежащих» источников происходило поэтапно: с 1 апреля 2024 года вычиталось 30% от суммы превышения новых лимитов, с 1 апреля 2025 года – 60%, и только с 1 апреля 2026 года – 100%.
Запрет на новые валютные субординированные инструменты	С 1 апреля 2024 года банкам было запрещено включать в расчет капитала новые валютные субординированные инструменты, что является частью стратегии по дедолларизации балансов.
Уточнение расчета имобилизации	С 01.04.2024 уточнили правила расчета показателя имобилизации (когда активы банка «заморожены» в недвижимости); в расчет начали включать не только прямые, но и косвенные вложения через ссуды, выданные другим компаниям.

Центральным элементом устойчивости банка остаётся капитал первого уровня (СЕТ1) – в отечественной практике это преимущественно уставный капитал и нераспределённая прибыль. Минимальная доля СЕТ1 повышена с 4% до 6% от активов, взвешенных по риску (RWA). Капитал второго уровня включает субординированные кредиты, резервы переоценки, гибридные инструменты и общие резервы [8].

К числу новаций Базеля III относятся следующие инструменты: коэффициент левериджа (не менее 3%) – отношение капитала первого уровня к совокупным активам без взвешивания по риску; буфер консервации капитала (2,5% от RWA), позволяющий банкам

абсорбировать убытки без немедленного нарушения нормативов; контрциклический буфер (до 2,5% от RWA), служащий макропруденциальным инструментом, активируемым в периоды кредитного бума. Введены два норматива ликвидности: норматив ликвидного покрытия (LCR) – 100% покрытие чистого оттока средств высоколиквидными активами на 30-дневном горизонте, и норматив чистого стабильного финансирования (NSFR) – обеспечение долгосрочной устойчивости пассивов на годовом интервале. Формально минимальный уровень общей достаточности капитала (8% от RWA) не изменился, однако с учётом буферов эффективное требование достигает 10,5%.

Для наглядного сопоставления параметров Базеля II, III и IV ниже приведена таблица 1, составленная автором по материалам BIS [9].

Таблица 1. Эволюция ключевых параметров банковского регулирования (Базель II – Базель IV)

Параметр	Базель II (до кризиса 2008–2009)	Базель III (2010–2019)	Базель IV (финализирован в 2017–2019)
Качество капитала	Акцент на общем Tier 1 без жёсткого деления	Введение CET1 как основной формы «going concern»	Уточнение критериев для AT1 и Tier 2
Минимум CET1 / Tier 1 / общий капитал (% от RWA)	н/п* / 4 / 8	4,5 / 6 / 8	без изменений (меняется расчёт RWA)
Буферы капитала	отсутствуют	консервации (2,5%) + контрциклический (0–2,5%) + для ГСИБ (1–3,5%)	уточнена методика расчёта
Коэффициент левериджа	отсутствует	3% (Tier 1 / сумма активов)	сохранён, уточнён порядок расчёта
Ограничения на внутренние модели (IRB)	мягкие	частичное ужесточение	выходной уровень (output floor) 72,5%
Нормативы ликвидности	отсутствуют	LCR ($\geq 100\%$, 30 дней) и NSFR ($\geq 100\%$, год)	сохранены, уточнён список HQLA

**Примечание: н/п – не предусмотрено*

Составлено автором по данным BIS

В 2017–2019 годах Базельский комитет finalizировал реформы, получившие неофициальное название «Базель IV». Их суть заключается не в повышении минимальных процентных требований, а в изменении методологии расчёта риск-взвешенных активов (RWA). Пересмотрен стандартизированный подход к кредитному риску с повышением чувствительности к характеристикам контрагента. Значительно ограничено применение внутренних рейтинговых моделей (IRB) – для многих портфелей они более не допускаются. Введён «выходной уровень» (output floor): RWA, рассчитанные по внутренним моделям, не могут быть ниже 72,5% от RWA по стандартизированному подходу. Унифицирован расчёт операционного риска (стандартизированный измерительный подход). Для российских банков особую остроту приобретает необходимость одновременного соблюдения требований Базеля III/IV и стандартов МСФО 9 (ожидаемые кредитные убытки), а также гармонизация внутренних процедур ICAAP, ILAAP и SREP [2].

Рассмотрим способность адаптации Банка России к шокам 2022–2025 годов. Санкционное давление включало в себя введение SDN-списков в отношении крупнейших банков, отключение от SWIFT, блокировку валютных резервов и закрытие доступа к внешним заимствованиям. Банк России официально заявил, что не намерен отказываться от принципов достаточности капитала, заложенных в Базеле III. Однако в 2022–2024 годах были введены временные послабления: особый порядок оценки ценных бумаг и фиксации валютных курсов

для расчёта нормативов, отмена ряда надбавок к достаточности капитала, расширение перечня высококачественных ликвидных активов (включение ОФЗ, несмотря на вторичные санкционные риски). С 18 августа 2025 года нормативная база для банков с универсальной лицензией претерпела кардинальное обновление. Предыдущая Инструкция № 199-И утратила силу, и ей на смену пришла новая № 220-И. Хотя числовые значения самих нормативов формально не изменились, это событие знаменует собой полномасштабный переход на финализированный, более риск-чувствительный подход к расчету капитала [4].

Статистическая картина 2024–2025 годов свидетельствует об устойчивости сектора. По данным Банка России и АКРА, чистая прибыль за 2025 год составила 3,5 трлн рублей, что незначительно уступает рекордным 3,8 трлн рублей 2024 года. Совокупный капитал вырос за год на 9% – до 210,9 трлн рублей. Норматив достаточности капитала Н1.0 после снижения в 2023–2024 годах продемонстрировал восходящий тренд: с 12,1% (октябрь 2024) до 13,0% (апрель 2025), вернувшись к долгосрочной средней (12,7%). Запас капитала (превышение над минимальными требованиями с учётом надбавок) расширился с 4,5 до 4,7 процентного пункта. Вместе с тем эксперты АКРА обращают внимание на неоднородность ситуации: у нескольких крупных банков запас прочности минимален, и для соблюдения ужесточённых требований к капиталу к концу 2025 года им, вероятно, потребуется сократить кредитование или ограничить дивидендные выплаты [6].

Соответствующие показатели сведены в таблицу 2 [3].

Таблица 2. Динамика ключевых показателей российского банковского сектора в 2024–2025 г.

Показатель	2024 (на конец года)	2025 (на апрель / оценка)	Изменение
Чистая прибыль, трлн руб.	3,8	3,5 (за год)	-8%
Совокупный капитал, трлн руб.	193,5	210,9	+9%
Норматив Н1.0, %	12,1 (окт.)	13,0 (апр.)	+0,9 п.п.
Запас капитала, п.п.	4,5	4,7	+0,2 п.п.
Антициклическая надбавка, %	0	0,5 (с июля)	+0,5 п.п.

Источник: расчёты автора по данным ЦБ РФ и АКРА

Санкционный прессинг в 2025 году не ослаб. Шестнадцатый пакет санкций ЕС (февраль 2025) привёл к отключению от SWIFT ещё 13 российских банков. Многие системно значимые организации находятся в американском SDN-списке, что полностью блокирует операции в долларах. Банк России продолжает тонкую настройку регуляторных рычагов. С 1 июля 2025 года антициклическая надбавка повышена до 0,5% – сигнал о переходе к более жёсткой макропруденциальной политике на фоне кредитного роста. Для системно значимых банков (СЗКО) норматив краткосрочной ликвидности (НКЛ) повышен с 50% до 60% с той же даты. Одновременно смягчён график выхода из послаблений по НКЛ, чтобы избежать избыточного давления. Регулятор также отмечает, что дивидендные выплаты в 2020–2024 годах ежегодно снижали Н1.0 примерно на 0,5 процентного пункта, что требует более консервативного управления процентным риском в условиях волатильных ставок.

В соответствии с новыми требованиями № 220-И, все банки с универсальной лицензией перешли на финализированный подход к оценке кредитного риска с одновременной отменой для них стандартного подхода. Новая инструкция также вводит ряд важных нюансов, которые значительно влияют на капитализацию и бизнес-модели.

Во-первых, изменены критерии отнесения заемщиков к инвестиционному классу: добавлено условие о наличии кредитного рейтинга не ниже «А», к которому применяется пониженный риск-вес.

Во-вторых, введены дифференцированные риск-веса по кредитам субъектам и муниципальным образованиям России в зависимости от уровня рейтинга от российских

кредитных рейтинговых агентств, а при его отсутствии – от уровня долговой устойчивости по оценке Министерства финансов РФ.

В-третьих, риск-веса по ипотечным кредитам на этапе строительства приравнены к тем, которые используются для ипотеки на готовое жилье, а те, в свою очередь, калиброваны на основании статистики по дефолтам. Кроме того, при расчете макропруденциальных надбавок теперь применяется единый мультипликативный подход, а по сделкам РЕПО риск будет считаться на эмитента ценных бумаг, принятых в обеспечение, если рейтинг заемщика ниже «АА». Важно отметить, что часть этих новаций применяется только в отношении ссуд, выданных после 18 августа 2025 года.

Несмотря на адаптационные меры, сохраняется ряд зон уязвимости. Растут невозвраты по кредитам в корпоративном и розничном сегментах. Высокая ключевая ставка увеличивает стоимость фондирования. Полностью отсутствует возможность привлекать субординированные займы у нерезидентов. У части банков сохраняются бизнес-модели с повышенным риск-аппетитом. Как уже указывалось, капитализация неоднородна: у отдельных СЗКО запас СЕТ1 близок к минимальному.

В литературе иногда утверждается, что в санкционных условиях Базель III становится нерелевантным. Представляется, что это слишком сильный тезис. Прямое копирование международных норм действительно невозможно, однако логика достаточности капитала и ликвидности остаётся востребованной. Вместо доли кредитов нерезидентам (которая в 2024 – 2025 годах упала до минимума) регулятор может использовать волатильность ОФЗ как индикатор системного риска. Вместо внешних рейтингов – показатели концентрации пассивов на крупных вкладчиках. Такое замещение внешних индикаторов внутренними позволяет сохранить макропруденциальную логику, не опираясь на неприменимые нормы. Повышение антициклической надбавки до 0,5% с июля 2025 года следует признать шагом в верном направлении, хотя его эффективность зависит от точности калибровки: слишком раннее ужесточение может задушить кредитование, а слишком позднее – не сдержать перегрев [7].

Подводя итог, можно утверждать, что Базель III и последующие уточнения (Базель IV) сформировали двухуровневую систему микро- и макропруденциального надзора. Российский банковский сектор, пройдя острейшую фазу санкционного шока 2022–2023 годов, доказал способность сохранять приверженность базовым принципам. В 2024–2025 годах ключевые показатели – Н1.0 (13,0%), запас капитала (4,7 п.п.) – вернулись к средним историческим отметкам. Внедрение новой Инструкции № 220-И как следующего этапа адаптации международных стандартов подтверждает намерение регулятора двигаться в сторону большей риск-чувствительности национальной системы. Гипотеза исследования подтвердилась с оговорками: принципы Базеля III сохраняют ценность, но их реализация в изолированной экономике требует замещения внешних индикаторов внутренними. Предложенный подход (замена доли кредитов нерезидентам на волатильность ОФЗ) может быть использован Банком России при дальнейшей настройке контрциклического буфера.

Перспективным направлением дальнейших исследований является количественная оценка влияния замещения внешних ликвидных активов (корсчетов в недружественных валютах) на внутренние (ОФЗ) на показатели достаточности капитала российских банков. Также требуется эмпирическая проверка того, насколько хорошо внутренние индикаторы коррелируют с реальным системным риском по сравнению с традиционными внешними метриками.

Список источников

1. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: Finalising post-crisis reforms. Bank for International Settlements, 2017.
2. Bank of Russia. Regulation No. 646-P «On the methodology for determining own funds (capital) of credit institutions» (rev. 2020).
3. Банк России. Обзор банковского сектора Российской Федерации (выпуски № 1–4, 2024–2025).
4. Инструкция Банка России от 26.05.2025 № 220-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности собственных средств (капитала) банков с универсальной лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением».

5. Положение Банка России от 04.07.2018 N 646-П (ред. от 10.04.2023) «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»).
6. Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА). Банковский сектор: тренды 2024–2025. – М., 2025.
7. Джагитян Э.П., Мухаметов О.Р., Алексеева М.Г. Перспективы наднационализации банковского регулирования и надзора в ЕАЭС в формате «мини-Базеля III» // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1.
8. Цурова Л.А. Регулятивные требования по банковскому капиталу: в поисках компромисса. Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-2 (68). – С. 69–72.
9. BIS Quarterly Review, September 2024: Emerging market banking systems under sanctions – stress and resilience. Bank for International Settlements, 2024.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ГИБКОСТЬ И КАЧЕСТВО РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ДИНАМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Чажаяев М.И.,

канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Предметом исследования является взаимосвязь институциональной гибкости и качества регионального управления с динамической устойчивостью экономических систем субъектов Российской Федерации. Цель работы – выявить механизмы, посредством которых адаптивность управленческих институтов определяет способность региональных экономик поглощать внешние шоки. Методологическую основу составили системный и институциональный анализ, сравнительное сопоставление данных Национального рейтинга инвестиционного климата АСИ и нормативно-правовой базы РФ. Установлено, что лидерство регионов обусловлено не ресурсной базой, а управленческими компетенциями. Результаты применимы в практике стратегического планирования на региональном уровне.

Ключевые слова: институциональная гибкость, динамическая устойчивость, региональное управление, стратегическое планирование, инвестиционный климат, технологический суверенитет, национальные цели развития, региональный инвестиционный стандарт, экономическая безопасность, адаптивность.

INSTITUTIONAL FLEXIBILITY AND THE QUALITY OF REGIONAL GOVERNANCE AS DETERMINANTS OF THE DYNAMIC STABILITY OF ECONOMIC SYSTEMS

Chazhaev M.I.,

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Public and Municipal Administration
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This study examines the relationship between institutional flexibility and the quality of regional governance and the dynamic stability of economic systems in constituent entities of the Russian Federation. The objective of the study is to identify the mechanisms by which the adaptability of governance institutions determines the ability of regional economies to absorb external shocks. The methodological basis consists of a systemic and institutional analysis, a comparative comparison of data from the ASI National Investment Climate Rating, and the Russian Federation's regulatory framework. It has been established that regional leadership is determined not by resource availability, but by managerial competencies. The results are applicable to strategic planning at the regional level.

Keywords: institutional flexibility, dynamic stability, regional governance, strategic planning, investment climate, technological sovereignty, national development goals, regional investment standard, economic security, adaptability.

Экономические системы регионального уровня в Российской Федерации испытывают давление сразу с нескольких сторон. Санкционные рестрикции, волатильность сырьевых рынков, демографические сдвиги, ускоренная цифровизация – каждый из этих факторов по отдельности способен перекроить структуру регионального хозяйства, а в совокупности они формируют среду перманентной неопределённости. В таких условиях устойчивость экономической системы перестаёт быть статичной характеристикой, описывающей способность противостоять разовому удару. Она превращается в динамическое свойство – умение адаптироваться, перестраиваться и находить новые точки роста, не утрачивая при этом базовой функциональности.

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» создал правовую основу для координации государственного стратегического управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [1]. Закон определил иерархию документов стратегического планирования, установил полномочия участников – от Президента и Совета Безопасности до органов местного самоуправления – и задал рамку для прогнозирования, выходящего за пределы трёхлетнего бюджетного цикла.

Однако наличие правовой рамки – условие необходимое, но отнюдь не достаточное. Между буквой закона и реальной управленческой практикой лежит слой институциональных компетенций, который мы и предлагаем исследовать.

Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 прямо констатировал: «система стратегического планирования нуждается в совершенствовании» [2]. Данная формулировка – не критика, а приглашение к развитию. Она фиксирует разрыв между замыслом и исполнением и, по сути, признаёт, что институциональная гибкость – способность системы управления оперативно корректировать свои процедуры, структуры и приоритеты – является не менее значимым ресурсом, нежели бюджетное финансирование или природные богатства.

Цель настоящей работы – проанализировать взаимосвязь институциональной гибкости и качества регионального управления с динамической устойчивостью экономических систем субъектов Российской Федерации. Мы опираемся на нормативно-правовую базу, данные Национального рейтинга инвестиционного климата АСИ, материалы Счётной палаты и Минэкономразвития России. Методологическую основу составляют системный подход, институциональный анализ и сравнительное сопоставление региональных практик.

Прежде чем погружаться в эмпирику, стоит определиться с терминами. Институциональная гибкость – категория, не имеющая однозначного легального определения в российском праве, однако содержательно присутствующая в логике целого ряда нормативных актов. Под ней мы понимаем способность управленческих институтов (органов власти, регуляторных механизмов, процедур взаимодействия с бизнесом) адаптироваться к изменяющимся условиям без утраты стратегической когерентности. Короче говоря, это умение менять тактику, не теряя курса.

Динамическая устойчивость, в свою очередь, описывает свойство экономической системы сохранять траекторию развития при наличии внешних возмущений. Это не ригидность, не «окаменелость» структуры – напротив, это способность трансформироваться, поглощая шок, и выходить на новый режим функционирования. Кстати, именно этот нюанс часто упускают: устойчивость и неизменность – вещи принципиально разные. Устойчивый мост не тот, что не гнётся, а тот, что гнётся и возвращается.

Связь между институциональной гибкостью и динамической устойчивостью носит медиаторный характер. Гибкие институты создают среду, в которой экономические агенты – предприятия, инвесторы, домохозяйства – способны быстрее перераспределять ресурсы, осваивать новые рынки, внедрять технологии. А это и есть микромеханизм устойчивости: не один «несущий элемент» держит нагрузку, а вся сеть экономических связей перестраивается, распределяя давление.

Категория динамической устойчивости, к слову, имеет и временное измерение. Краткосрочная устойчивость – способность абсорбировать мгновенный шок (резкое падение цен на основной экспортный товар, введение санкций, природная катастрофа). Среднесрочная – способность адаптировать производственную структуру к изменившимся условиям в горизонте одного-трёх лет. Долгосрочная – способность трансформировать саму модель экономического развития территории, не теряя социальной стабильности. Институциональная гибкость актуальна на каждом из этих горизонтов, но проявляется по-разному: в краткосрочном периоде это скорость принятия антикризисных решений, в среднесрочном – качество программ перепрофилирования, в долгосрочном – стратегическая дальновидность и готовность к системным реформам.

Качество регионального управления в Российской Федерации определяется не «волей губернатора», а системой нормативных координат, задаваемых федеральным центром. ФЗ № 172-ФЗ обязывает субъекты РФ разрабатывать стратегии социально-экономического развития, прогнозы на среднесрочный и долгосрочный периоды, государственные программы [1]. Статья 5 закона определяет полномочия органов государственной власти субъектов в сфере стратегического планирования, создавая, таким образом, нормативный каркас для управленческих практик.

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 задал вектор национальных целей: вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет [3]. Указ от 21 июля 2020 г. № 474 скорректировал и расширил эти ориентиры с учётом пандемии и новых вызовов [4]. Распоряжение Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р утвердило Единый план по достижению национальных целей, увязав стратегические приоритеты с конкретными мероприятиями и ресурсами [10]. Вся эта вертикаль документов, вообще говоря, работает только тогда, когда на региональном уровне существуют компетентные команды, способные «приземлить» федеральные цели на местную специфику.

Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» ввёл понятия специального инвестиционного контракта (СПИК), индустриального парка, промышленного кластера – инструментов, реализация которых полностью зависит от качества регионального менеджмента [5]. Регион с деятельной инвестиционной командой формирует СПИК за считанные месяцы; регион с бюрократическим параличом затягивает процесс на годы, теряя инвестора в пользу более расторопного соседа.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, включает экономическую безопасность в число приоритетных направлений [7]. Устойчивость регионов рассматривается здесь не как абстрактная экономическая метрика, а как компонент национальной безопасности. Это существенно повышает статус обсуждаемой проблематики: качество управления на уровне субъекта Федерации оказывается вопросом не просто хозяйственной эффективности, но и суверенитета.

Начиная с 2014 года Агентство стратегических инициатив (АСИ) по поручению Президента Российской Федерации формирует Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Рейтинг оценивает усилия региональных властей по созданию благоприятных условий ведения бизнеса по 110 показателям в восьми направлениях [6]. Что интересно – за десять лет мониторинга разрыв между лидерами и аутсайдерами существенно сократился. Среднее время регистрации прав собственности в отстающих регионах упало с 60 дней (2014) до 11 рабочих дней (2024). Сроки подключения к электросетям снизились с 316 до 103 дней.

По итогам 2025 года первое место в рейтинге седьмой год подряд заняла Москва. На второй строчке разместились Нижегородская область и Республика Татарстан. Третье место – Московская область и Республика Башкортостан [6]. Заместитель Председателя Правительства Александр Новак отметил, что 57 регионов улучшили свой инвестиционный индекс, а средний показатель по стране вырос на 1,13 процентного пункта.

На наш взгляд, довольно показательно, что лидерство в рейтинге устойчиво коррелирует не столько с ресурсной обеспеченностью, сколько с качеством институциональной среды. Москва лидирует не потому, что у неё нефть или алмазы, а потому, что административные процедуры отлажены, цифровые сервисы развиты, а инвестиционная команда работает проактивно. Аналогично Татарстан – регион, где управленческая культура опирается на долгосрочное видение и последовательную индустриальную политику. Нижегородская область в последние годы совершила рывок именно за счёт организационных реформ: региональный инвестиционный стандарт, инвестиционный комитет, цифровая платформа обратной связи с бизнесом.

Региональный инвестиционный стандарт (РИС), внедрённый по инициативе АСИ и подтверждённый бизнесом в 86 регионах, представляет собой конкретный пример институциональной гибкости в действии [6]. Это набор чётко прописанных правил для всех участников инвестиционного процесса – инвесторов, органов власти, ресурсоснабжающих организаций – целью которого является сокращение пути инвестора от идеи до капиталовложения. Стандарт не задаёт ригидную модель, а устанавливает минимальные требования, оставляя регионам пространство для адаптации к местным условиям.

Институциональная гибкость проявляется не в одном конкретном действии, а в наборе практик, пронизывающих всю ткань регионального управления. Мы выделяем четыре ключевых механизма.

Механизм нормотворческой адаптивности. Субъекты РФ обладают полномочиями по принятию региональных законов и подзаконных актов, регулирующих инвестиционную деятельность, поддержку промышленности, земельные отношения. Скорость и точность, с которыми регион корректирует своё законодательство в ответ на федеральные инициативы или изменение экономической конъюнктуры, – прямой индикатор гибкости. Если присмотреться к хронологии принятия региональных законов о промышленной политике после вступления в силу ФЗ № 488-ФЗ [5], обнаружится разброс от нескольких месяцев до нескольких лет. Регионы-лидеры рейтинга АСИ, как правило, демонстрируют опережающую нормотворческую реакцию.

Механизм организационной перестройки. Создание специализированных институтов развития – корпораций развития, инвестиционных агентств, проектных офисов – позволяет «расшить» узкие места бюрократической машины. Сам по себе факт учреждения такой структуры ничего не гарантирует; решает качество мандата и кадрового наполнения. Успешные корпорации развития – например, в Калужской области или Татарстане – работают как интерфейс между властью и бизнесом, снижая транзакционные издержки инвестиционного процесса.

Механизм цифровой трансформации управления. Цифровизация государственных услуг и административных процедур не просто ускоряет документооборот – она меняет саму логику взаимодействия власти и бизнеса. Региональные цифровые платформы для подачи заявок, отслеживания стадий реализации проектов, получения обратной связи – всё это элементы институциональной гибкости в цифровую эпоху. Минэкономразвития России последовательно продвигает цифровизацию процессов стратегического планирования [8], и регионы, включившиеся в этот процесс раньше других, получают конкурентное преимущество.

Механизм обратной связи. Рейтинг АСИ, кстати, включает оценку качества обратной связи региональных властей с бизнесом. Механизм прост по идее, но сложен в исполнении: нужно не просто собрать жалобы предпринимателей, а обеспечить их систематическую обработку, доведение до ответственных структур и контроль исполнения. Регионы, внедрившие механизм обратной связи в рамках РИС, фиксируют рост удовлетворённости бизнеса качеством государственных услуг [6]. Это, безусловно, заслуживает внимания как пример «мягкой» институциональной адаптации, не требующей масштабных законодательных изменений.

Абстрактные рассуждения о гибкости и устойчивости обретают убедительность только при столкновении с конкретикой. Рассмотрим несколько региональных кейсов, иллюстрирующих связь качества управления с экономической устойчивостью.

Республика Татарстан. Устойчивое присутствие в первой тройке рейтинга инвестиционного климата – не случайность, а результат многолетней стратегической работы. Татарстан одним из первых в стране создал ОЭЗ промышленно-производственного типа «Алабуга», институционализировал систему поддержки инвесторов, выстроил линейку индустриальных парков. Когда в 2022 году ряд иностранных компаний покинул российский рынок, республика оперативно перепрофилировала освободившиеся мощности, привлекла новых резидентов из числа отечественных и азиатских компаний. Это и есть динамическая устойчивость: шок был поглощён, а система вышла на новый режим функционирования без катастрофических потерь.

Сахалинская и Тюменская области – ещё один поучительный дуэт. Оба региона заняли четвёртую строчку рейтинга АСИ в 2025 году, и оба относятся к ресурсодобывающим территориям [6]. Однако их присутствие среди лидеров инвестиционного климата опровергает расхожий тезис о «ресурсном проклятии». Напротив – при грамотном управлении нефтегазовая рента превращается не в фактор расслабленности, а в источник

капиталовложений в диверсификацию экономики, развитие перерабатывающих производств и социальной инфраструктуры. Тюменская область, к примеру, выстроила систему привлечения инвестиций в нефтехимический и агропромышленный кластеры, параллельно модернизируя систему государственных услуг. Сахалин же, пользуясь особенностями своего островного положения, развивает логистическую инфраструктуру и газохимию, адресуя продукцию азиатско-тихоокеанским рынкам.

Общий знаменатель этих кейсов – проактивная позиция региональной власти: не ожидание директив сверху, а опережающее формирование условий для инвесторов; не формальное исполнение федеральных требований, а их творческая интерпретация с учётом местной специфики. Именно это мы и называем институциональной гибкостью.

Было бы наивно полагать, что институциональная гибкость – свойство, доступное всем регионам в равной мере. Существуют объективные ограничения, которые мы группируем следующим образом.

Первое – кадровый дефицит. Региональные органы власти, особенно в субъектах с невысоким уровнем жизни, сталкиваются с оттоком квалифицированных специалистов. Выстроить эффективную инвестиционную команду при зарплатах существенно ниже рыночных – задача, мягко говоря, нетривиальная. Между тем именно «человеческий фактор» определяет, превратится ли региональный инвестиционный стандарт из документа на бумаге в реально работающий механизм.

Второе – инерция бюрократической культуры. Десятилетиями формировавшиеся модели поведения чиновников не меняются по указу. Переход от контрольно-надзорной парадигмы к сервисной – процесс глубокий и болезненный. Он требует не только обучения, но и изменения системы мотивации, критериев оценки эффективности, внутренней корпоративной культуры органов власти.

Третье – ресурсные ограничения. Не все субъекты Федерации располагают бюджетными возможностями для создания первоклассной инфраструктуры, цифровых платформ, институтов развития. Здесь критическую роль играют механизмы межбюджетных трансфертов и федеральные программы поддержки, однако их распределение не всегда коррелирует с управленческой активностью региона. Что интересно – некоторые регионы с ограниченным бюджетом добиваются впечатляющих результатов именно за счёт нестандартных организационных решений, компенсируя нехватку денег качеством менеджмента.

Четвёртое – разрыв между уровнями управления. Координация федеральных, региональных и муниципальных стратегий – задача, которую ФЗ № 172-ФЗ ставит, но не решает автоматически [1]. Документы стратегического планирования разных уровней нередко содержат взаимоисключающие приоритеты или дублирующие мероприятия. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования [2] указывают на необходимость совершенствования системы, что подразумевает, в том числе, улучшение вертикальной координации.

Направления преодоления этих барьеров мы видим в нескольких плоскостях. Во-первых, развитие системы наставничества между регионами: Калужская область, к примеру, в 2024 году стала наставником Луганской Народной Республики по улучшению качества жизни. Такие горизонтальные связи ценны тем, что транслируют не абстрактные «лучшие практики», а конкретный операционный опыт. Во-вторых, расширение программ подготовки управленческих кадров – от президентских программ до региональных стажировок. В-третьих, дальнейшая цифровизация процессов стратегического планирования, включая создание единой аналитической системы, позволяющей сопоставлять региональные практики в режиме реального времени [8].

Тема технологического суверенитета, пронизывающая современную российскую экономическую политику, непосредственно связана с обсуждаемой проблематикой. Регионы, способные гибко адаптировать свои управленческие процессы, быстрее создают условия для

импортозамещающих производств, локализации технологий и формирования научно-производственных кластеров.

Счётная палата Российской Федерации в третьем номере Бюллетеня за 2025 год посвятила специальный материал теме технологического суверенитета в региональном измерении [9]. Аудиторы анализировали, каким образом контрольно-счётные органы субъектов оценивают эффективность региональных мер по обеспечению технологической независимости. Выводы неоднородны. Регионы с развитой системой стратегического планирования и высоким качеством управления демонстрируют более системный подход к импортозамещению, тогда как территории с «реактивным» стилем управления ограничиваются точечными мерами поддержки.

Стратегия национальной безопасности прямо связывает экономическую устойчивость с технологической самодостаточностью [7]. В этой логике институциональная гибкость регионов – не управленческий изыск, а предпосылка безопасности. Регион, способный оперативно развернуть поддержку отечественного производителя, создать условия для трансфера технологий, обеспечить площадку для пилотных проектов – такой регион вносит конкретный вклад в технологический суверенитет страны.

Вообще говоря, связка «качество управления – технологический суверенитет» обнажает ещё один аспект: образовательный. Региональные университеты и научные центры могут стать драйверами технологической независимости, но только при наличии институциональных «мостиков» между наукой и производством. Регион, где власть выступает модератором такого диалога, а не пассивным наблюдателем, имеет принципиально иные шансы на технологический прорыв.

Практика последних лет подтверждает этот тезис вполне конкретными примерами. Научно-образовательные центры мирового уровня, создаваемые по Указу Президента № 204 [3], формируются именно на стыке региональных университетов, промышленных предприятий и управленческих команд субъектов Федерации. В Новосибирской области – знаменитый Академгородок, интегрированный в систему региональных инновационных кластеров. В Нижегородской – научный центр при университете имени Лобачевского, ориентированный на IT-технологии и цифровую экономику. Институциональная гибкость здесь проявляется в способности региона создать правовые и организационные условия для коммерциализации научных разработок: от упрощённой процедуры предоставления земельных участков до налоговых льгот для малых инновационных предприятий при университетах.

В 2025 году Правительство Российской Федерации утвердило структуру управления Национальной моделью ведения бизнеса. Эта модель, разработанная АСИ совместно с Правительством, опирается на подходы международного инвестиционного рейтинга Всемирного банка и, по оценке самого Агентства, деловая среда России соответствует четвёртому месту в мире по качеству инвестиционного климата [6]. Цифра амбициозная, и её верификация – предмет отдельного исследования. Однако сам факт существования такого ориентира свидетельствует о системном характере работы.

Переход от разрозненных региональных практик к единой национальной модели предполагает стандартизацию минимальных требований при сохранении пространства для региональной специфики. Это – квинтэссенция институциональной гибкости: унификация базовых правил плюс свобода тактических решений. Регионы не копируют друг друга, а адаптируют общий стандарт к своим условиям: промышленный Урал применяет одни инструменты, аграрный Юг – другие, ресурсодобывающий Север – третьи.

Цифровая платформа «Смартека», созданная АСИ для сбора и тиражирования лучших управленческих практик, и «Региональный дашборд», предоставляющий доступ к аналитике для инвестиционных команд – инструменты, позволяющие масштабировать успешный опыт [6]. Не все регионы обладают ресурсами для изобретения велосипеда; но каждый может заимствовать проверенное решение и адаптировать его.

Правовой каркас, заданный ФЗ № 172-ФЗ [1], Указами Президента [3, 4, 7], Стратегией национальной безопасности и отраслевыми законами [5], создаёт необходимую рамку. Но внутри этой рамки разница между регионами-лидерами и аутсайдерами определяется прежде всего управленческими компетенциями: скоростью реагирования, качеством институтов развития, глубиной цифровизации, способностью выстраивать диалог с бизнесом и научным сообществом.

Динамическая устойчивость – не данность, а результат непрерывной управленческой работы. Она требует не только ресурсов, но и, в первую очередь, институциональной культуры, ориентированной на адаптацию, обучение и развитие. Государственная политика Российской Федерации последовательно формирует условия для такой культуры: от Национальной модели ведения бизнеса до системы наставничества между регионами. Задача – обеспечить, чтобы эти инструменты работали не только в регионах-лидерах, но и на всей территории страны, тем самым укрепляя экономическую устойчивость государства в целом.

Мы убеждены, что предложенный в данной работе аналитический подход – рассмотрение устойчивости через призму институциональной гибкости – продуктивен и для дальнейших исследований. Тема далеко не исчерпана. Перспективными направлениями представляются: количественная оценка «эластичности» региональных институтов, моделирование связи между рейтинговыми показателями АСИ и макроэкономическими индикаторами субъектов, компаративный анализ российского и зарубежного опыта институциональной адаптации на субнациональном уровне.

Завершая, хотелось бы подчеркнуть: за сухими формулировками нормативных актов и рейтинговыми баллами стоят реальные решения конкретных людей – губернаторов, руководителей институтов развития, сотрудников инвестиционных агентств, предпринимателей. Институциональная гибкость – это в конечном счёте гибкость человеческого мышления, помноженная на организационные возможности. И именно это сочетание определяет, станет ли регион точкой роста или точкой отставания.

Выводы и ожидаемый эффект

1. Институциональная гибкость – способность управленческих институтов адаптироваться к изменяющимся условиям при сохранении стратегической когерентности – является критическим фактором динамической устойчивости региональных экономических систем. Она проявляется через механизмы нормотворческой адаптивности, организационной перестройки, цифровой трансформации и обратной связи.

2. Качество регионального управления, измеряемое Национальным рейтингом инвестиционного климата АСИ [6], устойчиво коррелирует с экономическими результатами субъектов РФ. Лидерство Москвы, Татарстана, Нижегородской области определяется не ресурсной базой, а управленческими компетенциями.

3. Нормативно-правовая база РФ (ФЗ № 172-ФЗ [1], Указы Президента № 204 [3], № 474 [4], № 633 [2], № 400 [7], ФЗ № 488-ФЗ [5]) формирует каркас системы стратегического планирования, однако её результативность зависит от качества «приземления» федеральных целей на региональном уровне.

4. Барьеры институциональной гибкости – кадровый дефицит, инерция бюрократической культуры, ресурсные ограничения, разрывы координации между уровнями управления – преодолимы посредством развития межрегионального наставничества, подготовки управленческих кадров и цифровизации процессов.

5. Ожидаемый эффект от повышения институциональной гибкости регионального управления включает: рост инвестиционной активности, ускорение импортозамещения и укрепление технологического суверенитета, сокращение межрегиональной дифференциации, повышение качества жизни населения и усиление экономической безопасности Российской Федерации.

6. Для системного повышения динамической устойчивости региональных экономик целесообразно: масштабировать лучшие управленческие практики через платформу «Смартека» и институт наставничества; интегрировать проектное управление в

стратегическое планирование на уровне субъектов; развивать институциональные «мостики» между наукой и производством; совершенствовать систему мотивации региональных управленческих команд с опорой на показатели инвестиционного климата.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон № 172-ФЗ: [принят Государственной Думой 20 июня 2014 г.: одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г.]. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Российская Федерация. Президент (2012; В.В. Путин). Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/403015816/> (дата обращения: 08.04.2026).
3. Российская Федерация. Президент (2012; В.В. Путин). О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 08.04.2026).
4. Российская Федерация. Президент (2012; В.В. Путин). О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/74404210/> (дата обращения: 08.04.2026).
5. Российская Федерация. Законы. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон № 488-ФЗ: [принят Государственной Думой 16 декабря 2014 г.: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2014 г.]. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/70833138/> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации. 2025 год. Текст: электронный // Агентство стратегических инициатив: [сайт]. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 08.04.2026).
7. Российская Федерация. Президент (2012; В.В. Путин). О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 08.04.2026).
8. Нормативное обеспечение стратегического планирования. Текст: электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/ (дата обращения: 08.04.2026).
9. Технологический суверенитет. Опыт регионов: бюллетень // Счётная палата Российской Федерации. 2025. № 3. Текст: электронный. URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2026).
10. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р. Текст: электронный // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/402792803/> (дата обращения: 08.04.2026).

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВЛИЯНИЕ НА ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Чажаяева М.М.,

канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния протекционистской политики и процессов деглобализации на глобальные цепочки поставок и международные инвестиционные потоки. Целью работы является выявление ключевых закономерностей трансформации мировой торговли в условиях усиления торговых барьеров. Методология основана на системном анализе статистических данных и сравнительном исследовании торговых режимов. Результаты показывают, что протекционизм ведёт к регионализации цепочек поставок, перенаправлению прямых иностранных инвестиций и формированию новых торговых блоков. Выводы применимы в сфере стратегического планирования внешнеэкономической деятельности и разработки государственной торговой политики.

Ключевые слова: протекционизм, деглобализация, цепочки поставок, прямые иностранные инвестиции, торговые барьеры, регионализация, международная торговля.

PROTECTIONISM AND DEGLOBALIZATION: IMPACT ON SUPPLY CHAINS AND INVESTMENT FLOWS

Chazhaeva M.M.,

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Public and Municipal Administration
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article analyzes the impact of protectionist policies and deglobalization processes on global supply chains and international investment flows. The aim of the study is to identify key patterns in the transformation of global trade in the face of increasing trade barriers. The methodology is based on a systematic analysis of statistical data and a comparative study of trade regimes. The results show that protectionism leads to the regionalization of supply chains, the redirection of foreign direct investment, and the formation of new trade blocs. The findings are applicable to strategic planning of foreign economic activity and the development of national trade policy.

Keywords: protectionism, deglobalization, supply chains, foreign direct investment, trade barriers, regionalization, international trade.

Глобализация долгое время воспринималась как необратимый процесс. Казалось, международное разделение труда, свободное движение капитала и товаров – это данность, к которой остаётся лишь адаптироваться. Однако уже к середине 2010-х годов стало очевидно: мировая экономика движется в иную сторону. Торговые войны, технологические барьеры, санкционные режимы, пандемический разрыв цепочек поставок и последовавшая геополитическая турбулентность – всё это не случайные эпизоды, а симптомы системного перелома.

Протекционизм вернулся. Причём не в архаичной форме тарифных барьеров XIX века, а в принципиально новом облике – как инструмент технологической и геоэкономической конкуренции. Экспортный контроль, ограничения на передачу технологий, инвестиционные фильтры, локализационные требования – всё это стало обычным арсеналом государственной политики ведущих держав.

Для России эта тема имеет особое, совершенно конкретное измерение. Беспрецедентное санкционное давление, последовавшее за 2022 годом, фактически форсировало процессы, которые в иных обстоятельствах растянулись бы на десятилетия: ускоренную перестройку цепочек поставок, переориентацию инвестиционных потоков, поиск новых технологических партнёров. Изучение этих процессов – не просто академическое

упражнение. Это попытка осмыслить новую реальность, в которой действует отечественная экономика.

Если присмотреться к академической дискуссии, обнаружится, что понятия «деглобализация» и «регионализация» активно конкурируют между собой. Ряд исследователей настаивает на том, что речь идёт не о свёртывании глобальной интеграции, а о её реконфигурации – формировании нескольких относительно замкнутых макрорегиональных блоков вместо единого глобального рынка. Это различие – не терминологическое: от него зависит прогноз развития событий и, следовательно, оптимальная стратегия реагирования.

В данной работе рассматриваются оба измерения: и разрушительные эффекты фрагментации для устоявшихся кооперационных цепочек, и конструктивные возможности, которые открывает перестройка мирового хозяйства для государств, готовых действовать проактивно.

Современный протекционизм качественно отличается от своих исторических предшественников. Классический торговый протекционизм оперировал преимущественно тарифными инструментами – импортными пошлинами, квотами, субсидиями отечественным производителям. Всё это по-прежнему присутствует в арсенале государств, однако отодвинулось на второй план перед более тонкими, но более действенными механизмами.

Экспортный контроль технологий. США в 2022–2023 годах последовательно ужесточили ограничения на экспорт полупроводниковых технологий, прежде всего в отношении Китая. Фактически речь идёт о попытке удержать технологическое превосходство через контроль над критическими компонентами производственных цепочек. Аналогичную логику воспроизводят и европейские ограничения на передачу ряда промышленных технологий России.

Что интересно: все три механизма объединяет одна логика – перенос акцента с ценовой конкурентоспособности на контроль над стратегическими активами. Победа в глобальной конкуренции теперь определяется не столько себестоимостью производства, сколько доступом к критическим технологиям, ресурсам и рынкам.

Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) формировались на протяжении нескольких десятилетий в условиях, когда доступность, предсказуемость и минимизация издержек считались абсолютными приоритетами. Производственный процесс распределялся по планете в соответствии с принципом сравнительных преимуществ: там, где дешевле рабочая сила – там сборка, где богатые недра – там добыча сырья, где концентрируются знания – там разработка и дизайн.

Пандемия COVID-19 нанесла по этой логике первый удар. Закрытие портов, разрывы в транспортной логистике, дефицит контейнеров – всё это обнажило хрупкость производственных цепочек, оптимизированных под нормальные условия, но совершенно не рассчитанных на системные сбои. По оценкам Всемирного банка, в 2021 году задержки в глобальных цепочках поставок обошлись мировой экономике в сотни миллиардов долларов дополнительных издержек.

Геополитическая турбулентность 2022 года добавила второй, ещё более мощный импульс к пересмотру устоявшихся конструкций. Санкционные ограничения прервали ряд устойчивых кооперационных связей – в первую очередь в области поставок высокотехнологичных компонентов, промышленного оборудования и специализированного программного обеспечения.

В ответ на эти процессы в мировой практике сформировалось несколько устойчивых стратегий адаптации. Решоринг – возврат производства на национальную территорию – приобрёл популярность в США и ряде европейских стран, прежде всего в отношении производства полупроводников и фармацевтики. Фриндшоринг (friendshoring) – концентрация цепочек поставок среди политически дружественных государств – стал де-факто принципом перестройки западных производственных сетей. Nearshoring – географическое приближение производства к конечному рынку – отражает стремление сократить логистические риски даже ценой роста себестоимости.

Для России перестройка цепочек поставок приобрела черты форсированного управленческого проекта. Доктрина экономической безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 [1], заблаговременно фиксировала в числе угроз «зависимость отечественной экономики от конъюнктуры мировых рынков» и «уязвимость финансовой системы Российской Федерации к действиям иностранных государств и компаний». Тогда это воспринималось как превентивное доктринальное страхование. Практика подтвердила точность прогноза.

Инвестиции всё сильнее концентрируются внутри геополитически близких блоков: американский капитал движется преимущественно в страны – партнёры по союзническим структурам, китайский – в государства «Глобального Юга» и участников инициативы «Один пояс – один путь».

Вообще говоря, такая фрагментация имеет принципиальные последствия для стран, оказавшихся на «периферии» обоих блоков, или намеренно выстраивающих самостоятельную инвестиционную политику. Россия относится именно к этой категории. После 2022 года масштабный отток западного капитала создал одновременно и вакуум, и возможность: пространство для формирования принципиально новой инвестиционной модели, ориентированной на внутренние источники накопления и партнёров незападного мира.

Государственная инвестиционная политика отреагировала на эти процессы рядом инструментальных решений. Механизмы государственно-частного партнёрства, специальные инвестиционные контракты (СПИК), соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), предусмотренные Федеральным законом от 1 апреля 2020 года № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» [4], – всё это инструменты, направленные на замещение выбывших иностранных инвестиций отечественными при одновременном создании предсказуемой правовой среды для долгосрочных вложений.

На мой взгляд, довольно показательно, что именно сейчас, в период фрагментации глобальных финансовых потоков, особое значение приобретают инвестиционные альянсы в незападном пространстве. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество, проекты в рамках ШОС и БРИКС, взаимодействие с государствами – членами ЕАЭС – всё это постепенно формирует альтернативную инфраструктуру движения капитала, не зависящую от западных финансовых институтов.

Технологические ограничения оказались, пожалуй, наиболее чувствительным измерением нового протекционизма. Зависимость от импортной микроэлектроники, иностранного промышленного ПО, зарубежного оборудования для добывающей и перерабатывающей промышленности – всё это из теоретических рисков превратилось в операционные проблемы, требующие немедленного управленческого ответа.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 года № 145 [3], определяет технологический суверенитет как стратегический приоритет, при этом акцентируя «создание и применение отечественных конкурентоспособных технологий, продуктов и услуг» как ключевое условие устойчивого развития. Это не лозунг – это управленческая задача с конкретными инструментами реализации.

Кстати, импортозамещение – понятие, которое в российском публичном дискурсе нередко воспринимается как вынужденная мера, – на самом деле вписывается в более широкую мировую тенденцию. США вкладывают сотни миллиардов долларов в локализацию производства полупроводников (CHIPS Act); Европейский союз реализует European Chips Act с аналогичной целью; Китай последовательно проводит политику технологического самообеспечения в рамках программы «Сделано в Китае 2025». Россия движется в том же направлении, пусть и из иной отправной точки.

По данным Минпромторга России, за 2022–2023 годы число реализуемых проектов в области отечественной микроэлектроники и промышленного программного обеспечения существенно возросло. Индустриальные центры компетенций, создаваемые в рамках государственной поддержки, ориентированы на разработку отечественных аналогов ключевых

программных продуктов для промышленности – от систем автоматизированного проектирования до ERP-платформ.

Деглобализация не означает изоляции. Она означает переход от глобальной открытости к селективной, управляемой интеграции в рамках региональных объединений. Для России таким объединением, прежде всего, является Евразийский экономический союз.

Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный 29 мая 2014 года [6], создал правовую основу для формирования единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на пространстве пяти государств. В условиях глобальной фрагментации ЕАЭС приобретает дополнительное стратегическое значение как пространство, внутри которого можно выстраивать цепочки добавленной стоимости, не зависящие от западной инфраструктуры.

Взаимный товарооборот государств – членов ЕАЭС, по данным Евразийской экономической комиссии [8], в 2022 году вырос на 14% в стоимостном выражении, несмотря на общую турбулентность. Это свидетельствует об устойчивости внутреннего рынка союза и его растущей роли в качестве буфера внешних шоков.

Параллельно развивается взаимодействие в рамках ШОС и БРИКС. Расширение БРИКС в 2024 году, включившее ряд крупных экономик Глобального Юга, создаёт предпосылки для формирования новой, незападноцентричной финансово-инвестиционной архитектуры, включая механизмы расчётов в национальных валютах, альтернативные системы межбанковских коммуникаций и совместные инвестиционные платформы.

Статистика внешней торговли фиксирует изменения, которые ещё несколько лет назад выглядели бы фантастическими. По данным Федеральной таможенной службы и Банка России [9], в структуре российского экспорта и импорта произошли глубокие географические сдвиги.

Рубль как инструмент внешнеторговых расчётов приобрёл новое значение. По данным Банка России [9], доля рублёвых расчётов во внешней торговле Российской Федерации в 2023 году существенно выросла по сравнению с допандемийным периодом, достигнув по ряду направлений 40–50%. Это элемент более широкой тенденции дедолларизации международных расчётов, которая разворачивается отнюдь не только в российском контексте.

Протекционизм и деглобализация – это не временное отклонение от магистрального пути мировой экономики, после которого всё вернётся «как было». Имеющиеся свидетельства указывают на то, что перед нами структурный сдвиг, способный определять контуры мирового хозяйства на протяжении нескольких ближайших десятилетий.

Глобальные цепочки поставок перестраиваются: от оптимизированных по себестоимости – к устойчивым и предсказуемым. Инвестиционные потоки фрагментируются по геополитическому принципу. Технологическая конкуренция приобрела черты противостояния за контроль над стратегическими активами. Региональная интеграция усиливает своё значение как альтернатива утрачиваемой глобальной открытости.

Для России этот момент одновременно сложный и, по-своему, продуктивный. Сложный – потому что разрыв устоявшихся кооперационных связей неизбежно генерирует издержки, технологические разрывы и адаптационное напряжение. Продуктивный – потому что именно давление обстоятельств ускорило те структурные трансформации, которые в иных условиях откладывались бы на неопределённый срок: локализацию производства, диверсификацию партнёрской базы, выстраивание собственной технологической базы.

Принципиально важно, что ответы России на вызовы деглобализации формулируются не как вынужденная оборонительная реакция, а как элемент проактивной стратегии экономического суверенитета. Это различие – не риторическое. Оборонительная логика ограничивает горизонт планирования рамками текущего кризиса; суверенная логика предполагает проектирование долгосрочной конфигурации, в которой страна занимает устойчивое место вне зависимости от конъюнктуры международной политики.

По итогам проведённого анализа формулируются следующие выводы:

Первое. Современный протекционизм носит преимущественно технологический и геоэкономический, а не тарифный характер. Его ключевые инструменты – экспортный контроль, инвестиционные фильтры и локализационные требования – направлены на

удержание контроля над стратегическими активами, а не на защиту внутреннего рынка в классическом смысле.

Второе. Глобальные цепочки поставок переживают системную реконфигурацию. На смену оптимизации по себестоимости приходит логика резервирования и диверсификации. Это неизбежно повышает средние издержки производства, однако снижает системные риски для национальных экономик.

Третье. Инвестиционные потоки фрагментируются по геополитическому принципу, формируя несколько относительно замкнутых инвестиционных пространств. Для России это означает как выпадение западного капитала, так и открытие новых возможностей в рамках незападных инвестиционных альянсов – ЕАЭС [6], ШОС, БРИКС.

Четвёртое. Технологический суверенитет превратился из декларативной цели в операциональную управленческую задачу, подкреплённую конкретными нормативными и финансовыми инструментами [3]. Достижение этой цели остаётся долгосрочным проектом, требующим устойчивого государственного сопровождения.

Пятое. Региональная интеграция, прежде всего в рамках ЕАЭС [6], приобретает дополнительное стратегическое значение как инструмент формирования устойчивых цепочек добавленной стоимости в условиях глобальной фрагментации.

Ожидаемый эффект от реализации обозначенных стратегических направлений состоит в последовательном снижении уязвимости российской экономики к внешним шокам при одновременном наращивании её производительного и технологического потенциала. Горизонт достижения этих результатов – 5–10 лет при условии сохранения последовательности государственной политики и достаточного уровня инвестиций в приоритетные отрасли.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
3. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
5. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
8. Евразийская экономическая комиссия. Статистика взаимной торговли государств – членов ЕАЭС. URL: <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 07.04.2026).
9. Банк России. Платёжный баланс Российской Федерации. Официальные статистические данные. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 07.04.2026).
10. UNCTAD. World Investment Report 2023. United Nations Conference on Trade and Development. – Geneva: UNCTAD, 2023. URL: <https://unctad.org/> (дата обращения: 07.04.2026).

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОВЕДЕНИИ АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Шахгираев И.У.,

*канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и экономической безопасности
отраслей и предприятий*

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Арсанукаев И.И.,

магистрант Института экономики и финансов

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Газгирiev А.А.,

магистрант Института экономики и финансов

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассмотрено влияние цифровых технологий на процесс проведения анализа деятельности предприятия. Раскрыты преимущества использования цифровых технологий и аналитических инструментов на таких этапах анализа, как сбор и систематизация информации, обработка данных, проведение количественных расчетов, представление результатов анализа. Очерчен перечень цифровых технологий, которые стоит применять на разных этапах проведения анализа на предприятии. Определены основные риски и вызовы, обусловленные применением цифровых технологий в проведении анализа деятельности предприятия, а также способы их преодоления.

Ключевые слова: автоматизация, цифровые технологии, аналитика, цифровые инструменты, вызовы цифровизации.

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ENTERPRISE PERFORMANCE ANALYSIS

Shakhgiraev I.U.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the
Department of Economics and Economic Security of Industries and Enterprises,
Kadyrov Chechen State University*

Arsanukaev I.I.,

*Master's student at the Institute of Economics and Finance,
Kadyrov Chechen State University*

Gazgiriev A.A.,

*Master's student at the Institute of Economics and Finance,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article examines the impact of digital technologies on the process of conducting enterprise performance analysis. It reveals the advantages of using digital technologies and analytical tools at such stages of analysis as collecting and systematizing information, processing data, performing quantitative calculations, and presenting analytical results. It outlines a list of digital technologies that should be used at different stages of enterprise performance analysis. The main risks and challenges associated with the use of digital technologies in enterprise performance analysis are identified, along with ways to overcome them.

Keywords: automation, digital technologies, analytics, digital tools, challenges of digitalization.

В современной динамичной и трудно прогнозируемой конкурентной среде скорость принятия управленческих решений все больше определяет успех предприятия на рынке, а цифровые технологии играют все более серьезную роль во всех сферах его функционирования, трансформируя бизнес-процессы и подходы к управлению. К числу направлений, в которых цифровые технологии обладают значительным потенциалом, относится проведение анализа на предприятии. Ведь цифровые инструменты и информационно-коммуникационные технологии открывают доступ к гораздо более широким массивам данных, чем это было возможно ранее,

позволяют более быстро и точно проводить развернутый анализ самых разнообразных показателей, выявлять тенденции и зависимости, а также предсказывать будущие события. В то же время их использование ставит перед предприятиями ряд новых вызовов и угроз, которые нужно вовремя выявлять и принимать меры по их устранению.

Учитывая необходимость для отечественных предприятий, которые интегрируются в глобальные цепи стоимости, придерживаться международных стандартов прозрачности и оперативности отчетности, дальнейшие исследования преимуществ и рисков цифровой трансформации аналитических функций, применение цифровых аналитических инструментов в анализе является важным и своевременным, поскольку поможет бизнесу выбрать оптимальную модель внедрения и избежать типичных ошибок, а еще будет способствовать разработке методических рекомендаций для специалистов, которые занимаются цифровой трансформацией бизнес-процессов на предприятии.

Изучению вопросов цифровой трансформации бизнес-процессов и бизнес-моделей предприятий уделяют много внимания не только зарубежные, но и отечественные ученые [1–5]. Несмотря на научные наработки, дальнейшие исследования практических направлений применения новейших цифровых технологий в процедуре анализа хозяйственной деятельности предприятия, систематизация преимуществ и ограничений таких действий, актуальны и уместны.

Целью статьи является рассмотрение возможностей и сфер применения цифровых технологий в проведении анализа деятельности предприятия, а также обоснование преимуществ и вызовов таких действий.

Обеспечение эффективной и конкурентоспособной деятельности предприятия в условиях постоянных колебаний рыночной конъюнктуры и непредсказуемых изменений в глобальной, социально-экономической среде требует принятия руководством взвешенных и своевременных управленческих решений. Последнее, в свою очередь, становится возможным при условии их принятия на базе достоверных, исчерпывающих данных об объекте решения, имеющейся проблеме, требующей решения, причинах ее возникновения и т. д. Такие данные получают в результате проведения анализа хозяйственной деятельности предприятия.

Проведение анализа важно как для предприятий, относящихся к малому бизнесу, так и для среднего и крупного бизнеса. В частности, для субъектов малого бизнеса это важно по следующим причинам:

1. Точность и осознанность. Благодаря анализу субъекты малого предпринимательства владеют информацией о реальном положении дел в их бизнесе и на рынке. Благодаря этому можно избежать ошибочных решений.

2. Оптимизация ресурсов. Путем проведения детального анализа можно установить уровень эффективности использования отдельных видов ресурсов и в дальнейшем принять меры по оптимизации затрат, сокращению неэффективного использования ресурсов.

3. Прогнозирование тенденций развития рынка в будущем, поведения клиентов и конкурентов. В свою очередь, это способствует лучшему планированию стратегии маркетинга, сбыта и управлению различными видами запасов.

4. Улучшение клиентского опыта. Благодаря анализу предприниматели получают подробную информацию о своих клиентах, в частности их поведение, привычки, предпочтения. В дальнейшем эти данные служат базисом для формирования персонализированных предложений, внедрения мероприятий, направленных на улучшение обслуживания и рост степени лояльности клиентов.

5. Конкурентные преимущества. Результативные данные анализа позволяют более оперативно реагировать на изменения ситуации на рынках, отслеживать действия конкурентов и быстро принимать меры для сохранения имеющихся у предприятия конкурентных преимуществ [2].

Существенное влияние как на функционирование предприятия на рынке, так и на его внутренние основные, обслуживающие и управленческие бизнес-процессы осуществляет стремительное развитие цифровых технологий. В этих условиях, как отмечают ученые,

непосредственным и опосредованным путем осуществляется цифровая трансформация не только бизнес-среды, но и работников, управления, системы коммуникаций и в целом операционной деятельности предприятия [3]. То есть, цифровая трансформация как масштабное и всеобъемлющее явление затрагивает все стороны функционирования и развития каждого предприятия. Цифровизация характеризуется, как отмечено в работе «Цифровизация как составляющая инновационного развития предприятия» [5], «процессом переноса, использования и трансформации информации в цифровой формат, чем значительно расширяет информационное пространство; как система сбора, накопления, хранения, анализа данных с помощью искусственного интеллекта» [5].

Вследствие цифровизации стремительно увеличиваются объемы информации, доступной для предприятий. Сейчас реальностью стали большие данные (Big Data), что открывает неограниченные возможности для аналитических исследований. Предприятия могут собирать в режиме реального времени разноплановые статистические данные о рынках, процессах, конкурентах, продуктах и клиентах. В свою очередь, этот колоссальный массив данных требует применения методов машинного обучения и мощных аналитических инструментов в целях выделения ценной информации и определения трендов [4].

В контексте проведения анализа деятельности предприятия отметим, что цифровизация создала широкие возможности для отслеживания большого количества показателей в режиме реального времени, налаживания цифрового документооборота, накопления и дальнейшего анализа больших объемов данных и их применения в целях планирования и контроля. К тому же средства цифрового документооборота и цифровые технологии накопления информации и анализа уменьшают потребность руководства вмешиваться во внутренние дела структурных подразделений, поскольку интерактивные системы контроля работы работников предоставляют предприятию определенный уровень автоматизации деятельности.

Проведение анализа деятельности предприятия, независимо от вида, направления и широты исследования, включает в себя такие составляющие как сбор и систематизация необходимой информации, проработка собранных данных, выполнение расчетов, представление результатов анализа и т. п. Каждый из обозначенных этапов аналитического исследования трансформируется под влиянием цифровых технологий. Прежде всего цифровые инструменты и технологии можно использовать на начальном этапе проведения анализа, а именно в целях сбора и систематизации информации. Например, с этой целью предприятие может применять данные с IoT-сенсоров и других устройств, социальных медиа, мобильных приложений. С помощью цифровых технологий можно автоматизировать те задачи, которые неоднократно выполняются в анализе, прежде всего такие как ввод первичных данных, сверка и отчетность.

Затем с помощью аналитического программного обеспечения и различных цифровых аналитических инструментов можно проводить собственно анализ показателей и интерпретацию данных с помощью различных аналитических моделей и методов.

В целом благодаря цифровым технологиям специалисты могут обрабатывать огромные объемы данных, что довольно сложно было бы сделать вручную, причем в достаточно короткие промежутки времени. Это позволяет им обнаруживать даже незначительные изменения и тенденции, которые могли бы остаться незамеченными, если бы анализ выполнялся каким-либо другим способом.

Облачные аналитические платформы предоставляют специалистам доступ к бухгалтерской, финансовой и другой статистической информации и аналитическим инструментам независимо от места их физического пребывания, лишь при наличии подключения к сети интернет, и еще до проведения необходимых вычислений.

Применение новейших цифровых инструментов на этапе обобщения и представления результатов проведенного анализа предоставляет широкие возможности для визуализации полученных показателей, аналитических результатов и составления отчетов в наиболее удобном для пользователей формате. Инструменты визуализации результатов анализа обеспечивают передачу сложной информации о финансово-экономической деятельности

предприятия в максимально четкой и доступной для понимания форме. Интерактивные отчеты, графики, диаграммы, информационные панели способствуют тому, чтобы заинтересованные стороны быстро поняли ключевые показатели эффективности, закономерности, тенденции, что существенно упрощает процедуру принятия оптимальных решений. Благодаря этому аналитики и менеджеры предприятия могут легко воспринимать и осознать разнообразную информацию о деятельности предприятия, оперативно устанавливать главные тенденции и паттерны.

Еще стоит добавить, что благодаря созданным с помощью цифровых технологий интерактивным отчетам, пользователи получают возможность взаимодействовать с данными и выполнять развернутый анализ. Для примера, используя интерактивные фильтры и графики, специалисты предприятия могут сконцентрироваться на определенных направлениях, периодах или регионах.

Неотъемлемой частью аналитической работы на предприятии становятся технологии искусственного интеллекта. ИИ обеспечивает автоматизацию процедуры анализа данных из различных источников, процесса составления прогнозов, предсказания будущих потребностей клиентов и даже может предложить варианты решений, опираясь на имеющиеся данные.

В таблице 1 представлены цифровые технологии и инструменты, которые эксперты и исследователи предлагают применять при осуществлении анализа деятельности предприятия и формировании системы аналитического обеспечения.

Среди ключевых преимуществ применения цифровых технологий и инструментов при проведении анализа на предприятии стоит отметить такие, как генерирование огромных объемов данных; рост доступности большего объема информации; повышение точности при вводе первичных данных и последующем проведении расчетов; уменьшение вероятности человеческих ошибок; автоматизация части рутинных аналитических процессов; экономия ресурсов и времени на проведение анализа; рост эффективности аналитических процедур; повышение качества отчетной документации, подготовленной по результатам осуществленного анализа; повышение степени аргументированности управленческих решений и т. п.

Таблица 1. Ключевые цифровые технологии

Цифровая технология	Сфера применения в анализе
Big Data	Служит для организации и структурирования огромных объемов информации, управления базами данных и принятия решений. Может использоваться в расчетах с целью повышения скорости, точности и эффективности при обработке сверхбольших массивов данных. Осуществляет три главные операции: обработка информативных данных с большим объемом; обработка данных, поступающих на постоянной основе с все большим объемом; выполнение работы с разного рода данными.
Blockchain	Предназначена для группировки и классификации данных и контроля. Эта технология обеспечивает высокий уровень защиты информации, которая записана впервые, от корректировок, несанкционированного уничтожения или фальсификации, так как каждая следующая новая операция имеет подтверждение в истории предыдущих записей. Последнее является предварительным условием получения беспристрастной и своевременной информации.
Интернет вещей	Используется в целях сложного процесса анализа информации и оперативного принятия решений по поддержке значимых бизнес-процессов.

Источник: составлено авторами

Несмотря на многочисленные преимущества применения цифровых технологий в проведении анализа, в то же время возникает ряд проблемных вопросов и ситуаций, связанных со сбором, проверкой, обработкой и сохранением исчерпывающей и точной информации в рыночной среде: рост объемов структурированных и неструктурированных данных; сложность определения качества полученных данных, в частности их точности, объективности и достоверности; интеграция данных, характеризующаяся сложностями и высоким уровнем трудоемкости при составлении отчетности; ограниченный доступ ко многим данным из

внешних источников; быстрые темпы потери многими данными актуальности; потребность в специалистах, обладающих аналитическими и цифровыми навыками и имеющих высокие аналитические способности для правильного и действенного применения специализированных цифровых инструментов в целях проведения результативного анализа на предприятии.

К числу ключевых вызовов цифровизации процедуры анализа на предприятии относятся и такие, как риски кибербезопасности, уязвимость аналитических процедур от технических и системных сбоев в работе программного обеспечения и программных ошибок, чрезмерная зависимость специалистов от автоматизации, что может повлечь потерю ими навыков самостоятельного проведения анализа и критического оценивания ситуации, проблемы обеспечения конфиденциальности информации о деятельности предприятия и полученных результатов анализа, потребность в постоянном совершенствовании навыков специалистов аналитиков и т. д. Последнее указывает на то, что под влиянием цифровых технологий трансформируется собственно работа специалиста по анализу на предприятии, подходы к организации его проведения и роль человека в этом процессе. Соответственно, аналитик должен быть гибким, уметь быстро адаптироваться к новейшим цифровым технологиям и применять их возможности для обеспечения точности и эффективности процедуры анализа.

Устранение угроз, связанных с цифровой трансформацией процессов анализа хозяйственной деятельности предприятия, требует системного подхода и внедрения со стороны руководства надежных мер защиты конфиденциальной информации, обеспечения надлежащего соблюдения правил кибербезопасности и конфиденциальности данных, вложения средств в новейшие цифровые технологии и налаживания автоматизации отдельных бизнес-процессов, обеспечения развития у работников профессиональных цифровых навыков и умений работы с новейшими информационно-коммуникационными технологиями.

Таким образом, растущий объем разноплановых данных и сложно прогнозируемые постоянные изменения рыночной среды приводят к тому, что цифровая трансформация процессов анализа функционирования предприятия становится необходимостью. Ведь только таким способом, используя все возможности и преимущества цифровых аналитических инструментов, облачных технологий и программного обеспечения, можно обеспечить получение в сжатые сроки точных, достоверных, развернутых и качественных результатов анализа, которые действительно послужат основой для принятия действенных управленческих решений.

Цифровые технологии, в частности искусственный интеллект, алгоритмы машинного обучения, Big Data, облачные технологии, блокчейн, создают лучшие возможности и более качественные подходы к сбору больших объемов информации, ее дальнейшему хранению и обработке, проведению расчетов, составлению прогнозов и представлению результатов анализа. Однако, чтобы их применение было действенным, руководству предприятия нужно позаботиться об обеспечении кибербезопасности, привлечении высококвалифицированных работников и их профессиональном развитии.

Список источников

1. Воронина В.В. Теория и практика машинного обучения: учеб. пособие / В.В. Воронина, А.В. Михеев, Н.Г. Ярушкина, К.В. Святков. – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 290 с.
2. Сулимова Е.А. Цифровой инструментарий управления предприятиями: CRM, ERP, ECM, BI // Инновации и инвестиции. № 5. 2023. – С. 158–160.
3. Коптева Л.А., Романова И.В. Влияние цифровизации на отдельные сферы экономики России // Экономическая теория, анализ, практика. 2025. № 2. – С. 68–92.
4. Что такое Big Data: как собирают и где применяют большие данные? <https://lenta.ru/articles/2023/11/27/cto-takoe-big-data/> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Шахгираев И.У. Цифровизация как составляющая инновационного развития предприятия / И.У. Шахгираев, М.А. Диндигова, Ш.С.-М. Мукаева // Социально-экономические и финансовые аспекты развития РФ и ее регионов в современных условиях: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2024. – С. 247–250.

УГРОЗЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Шахгираева А.И.,

студентка Института экономики и финансов

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Шахгираев И.У.,

канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой

экономики и экономической безопасности отраслей и предприятий,

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Статья направлена на исследование ключевых угроз, которые влияют на финансовую безопасность субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях хозяйствования. Сформированы характерные признаки понятий, связанных с финансовой безопасностью субъектов предпринимательства. Изучение финансовой безопасности как сложного механизма позволило предложить комплексный подход к достижению результативности финансовой безопасности предприятий, который охватывает два блока: общая система построения финансовой безопасности и укрепление финансовой безопасности предприятия.

Ключевые слова: мониторинг, финансовое состояние, финансовая безопасность, экономический показатель, финансовые методы.

THREATS TO THE FINANCIAL SECURITY OF ENTERPRISES IN MODERN CONDITIONS

Shakhgiraeva A.I.,

student of the Institute of Economics and Finance,

Kadyrov Chechen State University

Shakhgiraev I.U.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the

Department of Economics and Economic Security of Industries and Enterprises,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines the key threats affecting the financial security of business entities in the current economic environment. Characteristic features of concepts related to the financial security of business entities are developed. Studying financial security as a complex mechanism has allowed us to propose a comprehensive approach to achieving effective financial security for enterprises, encompassing two components: a general system for building financial security and strengthening the enterprise's financial security.

Keywords: monitoring, financial condition, financial security, economic indicator, financial methods.

Современные динамические изменения и высокий уровень неопределенности заставляют предприятия осуществлять свою деятельность на фоне распространения глобализационных, цифровизационных и геополитических процессов. Данные процессы обостряют уровень влияния внешних и внутренних угроз, которые могут стать преградами для финансовой устойчивости и конкурентоспособности предпринимательской деятельности. Поэтому вопрос обеспечения финансовой безопасности становится стратегическим фактором способности субъектов хозяйственной деятельности к адаптации и развитию в условиях новых реалий, связанных, прежде всего, с финансовыми кризисами, кибератаками и т. п. В таком контексте важно проанализировать современные угрозы финансовой безопасности предприятий для разработки эффективных решений, направленных на поддержание их финансово-экономической устойчивости.

Изучение вопроса о взаимосвязи понятий «риск», «угроза» и «опасность» в сфере финансовой безопасности, а также ключевых задач и действий, направленных на достижение финансовой устойчивости предпринимательского сектора, широко представлено в трудах отечественных и зарубежных ученых [1–5].

Цель статьи заключается в выделении характерных признаков понятий, связанных с финансовой безопасностью субъектов предпринимательства.

Начало изучения понятия «экономической безопасности» предприятий в мировой научной литературе пришлось на середину 70-х годов XX века, однако актуализация исследований в этой сфере происходила в конце 80–90-х годов. В нашей стране данное направление исследования начало приобретать популярность с начала 2000-х годов и продолжается по сей день, расширяя исследования в сфере финансовой безопасности, что можно объяснить сложными условиями (финансовый кризис, пандемия и др.). Финансовая безопасность, как составляющая экономической безопасности, отражает финансовое состояние хозяйственной деятельности предприятий в динамичных условиях, то есть позволяет определить уровень устойчивости к угрозам, проанализировать возможности по реализации устойчивого развития, защиты экономических интересов.

Понятие финансовой безопасности предприятия следует трактовать исходя из морфологической сущности финансовой безопасности в целом. «Финансовая безопасность – такое состояние финансовой, денежно-кредитной, валютной, банковской, бюджетной, налоговой, инвестиционной, таможенно-тарифной и фондовой систем, которое характеризуется сбалансированностью, стойкостью к внутренним и внешним отрицательным влияниям, способностью предупредить внешнюю финансовую экспансию, обеспечить эффективное функционирование национальной экономической системы и экономический рост» [2].

В изучении угроз финансовой безопасности предпринимательского сектора важно установить взаимосвязь таких экономических категорий, как риск, угроза и опасность, с целью понимания сущности негативных факторов, их влияния на финансовую безопасность через проведение точного и объективного анализа (рис. 1).

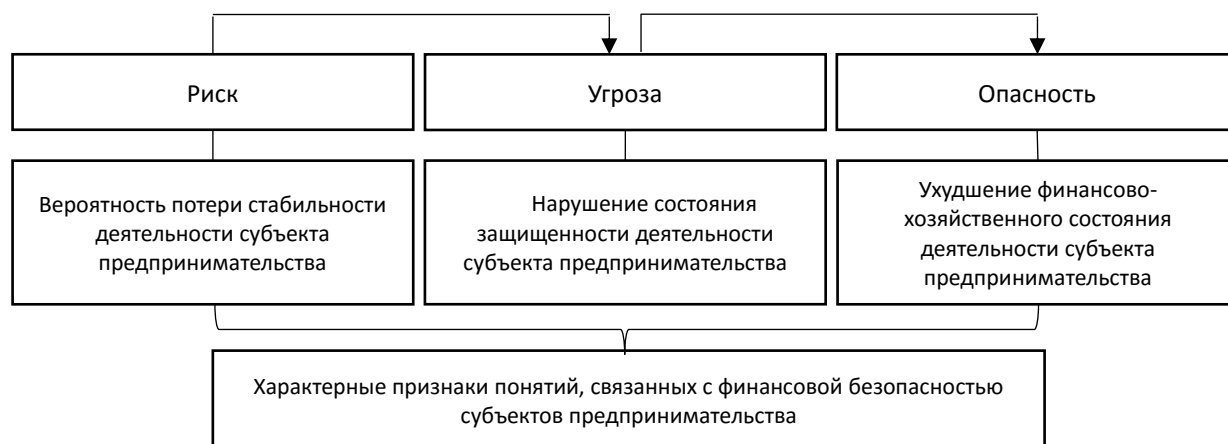

Рисунок 1. Характерные признаки понятий, связанных с финансовой безопасностью субъектов предпринимательства

Источник: составлено авторами

Итак, риск является первичным этапом к угрозе, всегда сопровождает осуществление предпринимательской деятельности. Как отмечено в статье «Эволюция подходов к управлению рисками в организациях» [5], «риск, как и любое состояние, имеет свой определенный «жизненный цикл»: он возникает, развивается и прекращается под действием различных факторов и условий» [5]. В отличие от риска, угроза занимает промежуточное место между риском и опасностью. Угроза финансовой безопасности предприятий – это состояние, характеризующееся реальными и потенциальными действиями юридических и физических лиц, способных нарушить или же фактически нарушить состояние защищенности субъекта хозяйствования, нанося ему вред, что может повлечь ухудшение параметров имеющегося финансового состояния и показателей доходности [3]. В свою очередь, опасность

свидетельствует о возникновении негативных последствий для финансовой деятельности субъектов предпринимательства.

Достижение стабильного функционирования и развития предприятия возможно через двухуровневое анализирование финансовой безопасности:

- оперативный – нацелен на создание оптимальных финансовых условий, которые способствуют удовлетворительному финансовому состоянию субъекта хозяйственной деятельности в краткосрочной перспективе, избегая риска неплатежеспособности, неэффективного управления, недостаточного объема оборотных средств;

- стратегический – такой уровень направлен на долгосрочную перспективу, то есть, учитывая вероятные изменения экономической, политической, технологической, нормативно-правовой среды и т. д., предусматривает составление планов и разработку стратегий минимизации возможных угроз.

Представленные выше уровни финансовой безопасности позволяют анализировать угрозы на текущий и перспективный периоды и тем самым внедрять эффективные корректирующие меры. Ученые выделяют различные угрозы финансовой безопасности предприятий, группируя по разным признакам. Однако наиболее распространенной классификацией угроз является их разделение по признаку среды:

1) внутренние:

- экономические – низкий уровень деловой репутации, неспособность выполнять краткосрочные обязательства из-за низкого уровня ликвидности активов, снижение рыночной стоимости, отсутствие эффективного внутреннего аудита, недостаточный объем собственных финансовых ресурсов, что обуславливает зависимость от кредиторов, неиспользование современных инструментов прогнозирования ключевых индикаторов финансовой безопасности и т. д.;

- организационно-управленческие – нечеткое планирование и контролирование в финансовой сфере, нерациональное управление активами и финансовым капиталом, дисбаланс доходов и расходов, неэффективная политика по распределению прибыли, ограниченная инвестиционная деятельность, безрезультатность осуществления операционной деятельности, недостаточный объем резервных и страховых фондов, несоблюдение коммерческой тайны, отсутствие слаженной системы антикризисного управления и т. д.;

- маркетинговые – игнорирование важности данных о тенденциях, связанных с потребителями, конкурентами, современными трендами; формирование ценовой и сбытовой политики без охвата ключевых факторов рыночной среды; несоответствие конечной продукции или услуги установленным стандартам качества; отсутствие налаженной системы маркетинговых коммуникаций; превышение расходов на сбыт по сравнению с полученным доходом и т. д.;

- технологические – несоответствие технологических процессов современным стандартам; низкий уровень вложения инвестиционных ресурсов в новые технологии; некачественное программное обеспечение по защите финансовой информации; низкий уровень автоматизации производственных и управленческих процессов и т. д.;

- кадровые – отсутствие необходимых знаний, навыков или опыта по выполнению возложенных обязанностей; безынициативность работников по выполнению задач вовремя и качественно; рост конфликтной напряженности внутри коллектива работников; отсутствие материальной или нематериальной мотивации персонала; нечеткое распределение функций и обязанностей между управляющей и управляемой системой; текучесть кадров и т. д.;

- материально-технические – недостаточный уровень обеспечения производственных процессов нужными материалами и комплектующими; некачественное сырье; низкий уровень модернизации оборудования; неорганизованное сотрудничество с поставщиками и т. д.;

2) внешние:

- политические – отсутствие политической стабильности в государстве; принятие политических решений о введении торговых или неторговых барьеров, осложняющих

экспортно-импортные отношения предприятий; вероятность полной или частичной национализации активов бизнеса; присутствие коррупционных схем и т. п.;

– нормативно-правовые – стремительные изменения в трудовом, налоговом, экономическом законодательствах или других нормах, создающие препятствия для деятельности предприятий, что негативно сказывается на их финансовой устойчивости; отсутствие государственной помощи малым и средним субъектам предпринимательства и т. п.;

– экономические – отсутствие соотношения цен на активы с показателями реальной экономики; кризисные состояния основных отраслей промышленности, от которых зависит функционирование других секторов экономики; снижение темпов экономического развития; ухудшение динамики макроэкономических показателей; высокий уровень тенизации экономики и т. п.;

– социально-культурные – значительный уровень безработицы; низкий уровень покупательной способности населения; рост миграционных процессов; неспособность приспосабливаться к изменениям культурных ценностей и норм; распространение ложной информации в обществе, подрывающее репутацию предприятия и т. п.;

– технологические – низкий уровень внедрения цифровых технологий; значительные масштабы распространения киберпреступности; неравномерное распределение цифровых активов, обуславливающее экономическое явление монополизации и т. д.;

– финансовые – охватывают неблагоприятные тенденции в бюджетной сфере, денежно-кредитном секторе, валютном рынке, долговой политике, страховом рынке, фондовом рынке и т. д.

Финансовую безопасность рассматривают как важный механизм защиты предприятия от негативного влияния угроз, последствиями которых могут быть потеря стабильности и отсутствие развития. Вследствие этого возникает вопрос достижения результативности финансовой безопасности предприятия через постановку ключевых задач и выполнение необходимых действий для их реализации (рис. 2).

Рисунок 2 показывает, что достижение результативности финансовой безопасности предприятий охватывает два ключевых блока:

Блок 1. Общая система построения финансовой безопасности – охватывает постановку ключевых задач, направленных на получение следующих результатов: достижение сбалансированности доходов и расходов; быстрое реагирование на рыночные изменения; оптимальное использование ресурсов; предложение качественных товаров и услуг в результате внедрения инновационных разработок; своевременное выполнение обязательств, обеспечивающее положительную деловую репутацию и реализацию финансовых перспектив; информационная защита от угроз мошенничества, конкуренции и т. п. Система управления предприятием подпадает под динамические колебания, сопровождающиеся внутренним и внешним информационным перенасыщением и требующие организации и осуществления качественного аналитического обеспечения управленческого процесса. В связи с этим усиливается роль и понимание сущности аналитического инструментария, который позволит повысить адаптивность к окружающим изменениям [4].

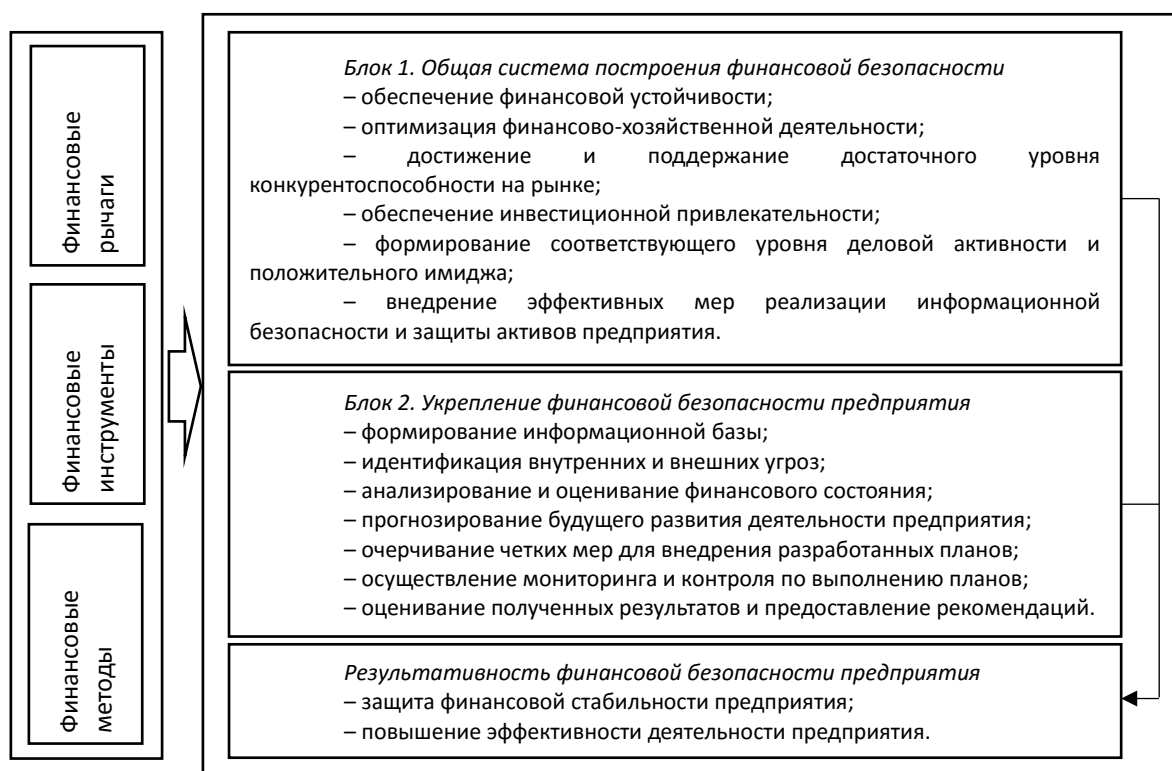

Рисунок 2. Комплексный подход к достижению результативности финансовой безопасности предприятий

Источник: составлено авторами

Блок 2. Укрепление финансовой безопасности предприятия основывается на выполнении действий, направленных на: сбор достоверной информации для анализа текущей финансовой ситуации через проработку финансовых отчетов, показателей рыночной деятельности, тенденций экономической ситуации и т. д.; анализирование угроз внешней и внутренней среды для изучения их возможного влияния на финансовую безопасность предприятий; анализ и оценку финансового состояния компании через расчет показателей, например, рентабельность, ликвидность, финансовая устойчивость и т. п., с целью выявления вероятных угроз и рисков; составление прогнозов относительно будущего развития деятельности предприятия на основе внутренних возможностей и рыночных переменных условий; применение четких мер реализации предложенных планов с целью развития инвестиционной деятельности, оптимизации расходов, использования ресурсов и т. п.; выполнение планов необходимо сопровождать осуществлением мониторинга и контроля, что позволит придерживаться определенного направления, устраняя возможные отклонения; оценку полученных результатов от внедренных мероприятий, базирующуюся на исследовании изменений финансовой, операционной, маркетинговой, инвестиционной, производственной деятельности предприятия.

Выполнение задач общей системы построения финансовой безопасности и реализация действий, связанных с укреплением финансовой безопасности, обеспечивают ее результативность, что предполагает достижение следующих основных целей:

- защита финансовой стабильности предприятия – поддержка устойчивого финансового состояния предприятия в условиях негативных динамических рыночных изменений;

- повышение эффективности деятельности предприятия – достижение положительных результатов вследствие внедрения финансовых и стратегических целей, базирующееся на оптимальном использовании ресурсов.

Достижение результативности финансовой безопасности субъектов предпринимательства сопровождается применением [1]:

1) финансовых методов – взаимосвязанное использование разнообразных методов (финансовый учет, финансовый анализ, финансовое прогнозирование и планирование, финансовое регулирование, финансовое стимулирование, оперативное и текущее управление денежными средствами, оценка финансовых рисков, мониторинг выполнения плана) позволяет руководству предприятий собрать необходимые данные, диагностировать финансовое состояние, разработать эффективные финансовые планы, осуществить корректирующие и контролирующие действия по влиянию на объект управления, вовремя заметить минимальные отклонения;

2) финансовых инструментов – использование инвестиционных, кредитных, страховых, налоговых, ценовых инструментов обеспечивает координацию распределения ресурсов между сферами деятельности предприятия, управление рисками, формирование оптимальной структуры доходов и расходов, рационализацию источников финансирования;

3) финансовых рычагов – обеспечивают реализацию финансовых инструментов через активы, капитал, обязательства, доход, расходы, прибыль.

Изучение вопроса угроз финансовой безопасности современного предпринимательства позволило: проанализировать такие экономические понятия, как риск, угроза, опасность; во-вторых, исследовать классификационные признаки разделения угроз; в-третьих, сформировать комплексный подход к достижению результативности финансовой безопасности предприятий. Вследствие этого можно отметить, что риск, угроза и опасность раскрывают характерные признаки деятельности предприятия на разных этапах финансовой безопасности. Группировка внутренних и внешних угроз финансовой безопасности субъектов хозяйственной деятельности способствует идентификации реальных или потенциальных факторов, которые могут оказывать негативное влияние на финансовую устойчивость. В свою очередь, комплексный подход к достижению результативности финансовой безопасности предприятий охватывает комплекс задач и действий, связанных с обеспечением финансовой стабильности и сведением к минимуму вероятных финансовых потерь в случае возникновения угроз.

Список источников

1. Бондарева С.А. Диагностика финансовой безопасности экономического субъекта: учебное пособие / С.А. Бондарева. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 102 с.
2. Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности): монография. – Киров: ВятГУ, 2015. – 239 с.
3. Крайнева И.С. Влияние отрицательных источников на экономическую безопасность предприятия // Фундаментальная и прикладная наука. 2022. № 3. – С. 72–79.
4. Шахгираев И.У. Взаимосвязь и различия категорий «комплексный мониторинг» и «стратегический анализ» в системе управления предприятием / И.У. Шахгираев, М.А. Диндигова, Ш.С.-М. Мукаева // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 8. – С. 123–129.
5. Шахгираев И.У. Эволюция подходов к управлению рисками в организациях / И.У. Шахгираев, П.С.-Х. Мамадаева, А.С. Калаев // ФГУ Science. 2024. № 4(36). – С. 107–113.

ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ ОБСЛУЖИВАНИЯ БАНКА И ПОЧТОВОЙ СЕТИ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДОСТУПНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Шовхалов В.Б.,

ассистент кафедры финансов, кредита и антимонопольного регулирования
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: valid_chgu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается гибридная модель обслуживания «банк и почтовая сеть» как организационно-экономический механизм повышения финансовой доступности населения региона. Актуальность темы обусловлена тем, что в современных условиях расширение доступа к базовым финансовым услугам не может обеспечиваться только за счет развития филиальной сети банков или исключительно посредством дистанционных сервисов. На основе обобщения научных публикаций, официальных материалов и современных подходов к оценке финансовой доступности раскрыто экономическое содержание гибридной модели, систематизированы формы интеграции банка и почтовой инфраструктуры, а также проведено сопоставление основных каналов обслуживания по критериям охвата территории, глубины сервиса и издержек присутствия. Установлено, что отделения почтовой связи занимают значимое место в системе многоканального банковского обслуживания, обеспечивая базовый очный доступ к финансовым услугам прежде всего в сельских, малонаселенных и удаленных территориях. Сделан вывод о том, что гибридная модель «банк и почтовая сеть» выступает не заменой банковской сети, а формой ее функционального дополнения, позволяющей сочетать территориальный охват, приемлемые издержки и последующее использование финансовых сервисов.
Ключевые слова: финансовая доступность, банковское обслуживание, почтовая сеть, гибридная модель, розничные банковские услуги, каналы обслуживания, регион, цифровые сервисы.

HYBRID MODEL OF BANK AND POSTAL NETWORK SERVICES IN THE SYSTEM OF INCREASING FINANCIAL ACCESSIBILITY OF THE REGION'S POPULATION

Shovkhalov V.B.,

Assistant Professor, Department of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation
Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article examines the hybrid “bank and postal network” service model as an organizational and economic mechanism for improving financial accessibility for the regional population. The relevance of the topic lies in the fact that, under current conditions, broader access to basic financial services cannot be ensured solely through the expansion of bank branch networks or exclusively through remote digital services. Based on a synthesis of academic publications, official materials, and current approaches to assessing financial accessibility, the study identifies the economic substance of the hybrid model, systematizes the forms of integration between banks and postal infrastructure, and compares the main service channels in terms of territorial coverage, service depth, and presence costs. It is found that postal outlets occupy an important place in the multi-channel banking service system by providing basic face-to-face access to financial services, especially in rural, sparsely populated, and remote areas. The article concludes that the “bank and postal network” model should be viewed not as a substitute for the banking network, but as a form of its functional complement, combining territorial reach, acceptable costs, and subsequent use of financial services.
Keywords: financial accessibility, banking services, postal network, hybrid model, retail banking services, service channels, region, digital services.

Введение. Повышение финансовой доступности в современных условиях сохраняет статус одной из ключевых задач развития розничного банковского обслуживания, однако содержание этой задачи заметно изменилось. Банк России в Основных направлениях повышения доступности финансовых услуг на 2025–2027 годы рассматривает данное направление как самостоятельный приоритет и специально выделяет отдаленные, малонаселенные и труднодоступные территории, а также группы потребителей, для которых стандартная банковская инфраструктура и полностью дистанционный формат не обеспечивают равных условий доступа [11]. В карточном сегменте увеличение оборота в

большей степени формируется ростом количества операций (экстенсивный драйвер), что означает рост операционной нагрузки на процессинг, фронт-офисные и бэк-офисные контуры [6]. В этой логике доступность понимается уже не как простое наличие точки обслуживания, а как способность финансовой системы обеспечивать реальное получение нужной услуги с учетом территориальных, организационных и поведенческих ограничений.

Российская практика подтверждает, что проблема не сводится к количеству банковских офисов. По данным Банка России, на 1 января 2025 года в стране действовало 41 149 отделений почтовой связи, оказывающих платежные услуги, 32 368 отделений, где проводятся отдельные банковские операции, и 22 086 отделений, в которых возможен прием документов на открытие банковского счета [12]. Тем самым в институциональной структуре финансового рынка уже присутствует развернутая инфраструктура, способная выполнять функции базового офлайн-доступа к финансовым услугам там, где открытие полноформатного банковского подразделения экономически затруднено или избыточно.

Одновременно цифровизация банковского сектора не устраняет необходимости в физических и смешанных каналах обслуживания. Исследование потребительского взгляда на финансовую доступность в России показывает, что в сельских районах удовлетворенность инфраструктурой доступа ниже среднего уровня, а традиционные каналы воспринимаются населением как более надежные, хотя и менее удобные [10]. В свою очередь, О.С. Мирошниченко показывает, что цифровая доступность банковских услуг зависит не только от распространения Интернета, но и от плотности населения, наличия подразделений кредитных организаций, уровня цифровой грамотности и безопасности [4]. Следовательно, расширение дистанционных сервисов само по себе не снимает пространственных и поведенческих барьеров, а лишь меняет конфигурацию каналов доступа [1].

Практическую значимость теме придает и текущая перестройка российского рынка. По данным годового отчета АО «Почта России» за 2024 год, сеть компании превышает 38 тыс. отделений и пунктов почтовой связи, из которых свыше 25 тыс. находятся в сельской местности [13]. Одновременно в 2025 году было объявлено о переводе продуктов и услуг ВТБ в 23 тыс. отделений «Почты России», включая удаленные населенные пункты с численностью населения до 1 тыс. человек; на официальном сайте ВТБ отдельно указано, что офисы банка работают и в отделениях почтовой связи [14, 15]. Это означает, что модель «банк + почтовая сеть» в России выступает не гипотетической конструкцией, а складывающейся организационной формой розничного банковского обслуживания.

В этих условиях научный интерес представляет не сама по себе почтовая инфраструктура, а гибридная модель обслуживания, в которой банковские, почтовые и дистанционные каналы образуют единую систему доступа к базовым финансовым услугам.

Формирование гибридной модели банковского обслуживания уже стало в российской научной литературе объектом исследований. В первой группе работ финансовая доступность рассматривается как самостоятельная социально-экономическая проблема, связанная с возможностью получения качественных финансовых услуг по приемлемой цене. Л.В. Стахович и Е.В. Галишникова подчеркивают, что неравенство в доступе во многом определяется местом проживания и уровнем доходов, а сама доступность должна оцениваться шире, чем просто наличие предложения на рынке [5]. В исследовании Г. Имаевой, И. Лобановой и О. Томиловой, выполненном с опорой на логику показателей G20, финансовая доступность раскрывается через три измерения – доступ, использование и качество, причем российский материал показывает, что именно сельские и удаленные территории остаются зоной наиболее выраженных инфраструктурных ограничений. Эти работы важны для постановки проблемы, однако они преимущественно фиксируют масштабы неравенства и барьеры доступа, а не раскрывают внутреннюю архитектуру банковской модели обслуживания.

Вторая линия исследований связана с цифровизацией банковских услуг. О.С. Мирошниченко показывает, что цифровая финансовая доступность определяется сочетанием инфраструктурных и поведенческих факторов: распространением Интернета, плотностью

населения, наличием подразделений кредитных организаций, а также цифровой грамотностью и безопасностью пользователей. О.У. Авис и В.Е. Косарев, анализируя взаимодействие традиционных и цифровых инструментов банковского обслуживания, приходят к выводу о формировании гибридной модели, в которой дистанционные каналы не устраняют значение очного контакта, а дополняют его. Для темы настоящей статьи это принципиально: цифровая трансформация не отменяет потребности в физическом канале, а лишь делает более значимой задачу правильного сочетания каналов доступа.

Третья группа работ непосредственно затрагивает почтово-банковскую интеграцию. Г.Ю. Мещеряков рассматривает сотрудничество банков и почты как взаимовыгодную форму продвижения розничных банковских услуг, основанную на использовании широкой сети отделений почтовой связи и уже существующей клиентской базы. Автор подчеркивает, что перенос части операций в почтовую инфраструктуру особенно актуален для небольших населенных пунктов и малозаселенных районов, где открытие банковского филиала не обеспечивает достаточной доходности [3]. В организационном отношении это означает появление особой формы обслуживания, в которой сохраняется банковское содержание услуги, но меняется место ее предоставления и распределение функций между участниками.

Зарубежная литература делает акцент на том, что почтовая сеть способна выступать самостоятельным вектором финансовой инклюзии. В работе Дж. Энсона, А. Берто, Л. Клэппера и Д. Сингера показано, что почтовые отделения сравнительно чаще, чем традиционные финансовые институты, охватывают группы, наиболее подверженные финансовому исключению: малообеспеченных, менее образованных и экономически неактивных. Авторы также устанавливают, что партнерская модель взаимодействия почты и финансовых институтов, а также относительный масштаб почтовой сети положительно связаны с распространенностью счетов [7]. Тем самым почтовый канал предстает не просто как дополнительная точка операций, а как институциональный механизм расширения охвата финансовыми услугами.

Эту логику усиливает обзор Universal Postal Union. По данным Global Panorama on Postal Financial Inclusion 2023, 84% стран-респондентов предлагают те или иные почтовые финансовые услуги, а 4 из 5 почтовых отделений расположены в сельской местности. Доклад прямо связывает значение почтовой сети с ее способностью обеспечивать доступ к финансовым услугам для удаленных, сельских и недостаточно обслуживаемых сообществ, а также подчеркивает, что высокая степень интернет-подключения почтовых отделений повышает потенциал сочетания физического и цифрового каналов [9]. Это подтверждение того, что гибридизация доступа на базе почтовой инфраструктуры является устойчивой мировой практикой, а не единичным институциональным исключением.

Отдельный интерес представляют современные работы, рассматривающие связь между сокращением банковской филиальной сети и необходимостью альтернативных каналов физического доступа. В статье С. Бальдассарре, М. Кавола и Э. Пипичелли показано, что «опустынивание» банковской сети усиливает риски финансового исключения прежде всего для клиентов, не склонных к использованию цифровых каналов, а также для населения менее плотных и менее обеспеченных территорий. Авторы рассматривают почтовую сеть уже не только как социальную инфраструктуру, но и как объект проектирования – сеть, в которой можно управленчески выбирать точки активации консультационных и финансовых сервисов [8].

Международный сравнительный ракурс дополняет исследование Л.А. Мезенцевой по практике Postal Savings Bank of China. Автор показывает, что эффективность почтового банкинга определяется не только шириной сети, но и наличием социальной стратегии, устойчивой экосистемы взаимодействия и системы показателей оценки инклюзивных финансов [2]. Тем самым китайский кейс демонстрирует, что почтовая финансовая модель приносит результат тогда, когда она встроена в институционально оформленную архитектуру услуг, а не ограничена символическим расширением географии присутствия.

В совокупности рассмотренные источники достаточно полно раскрывают либо финансовую доступность как широкую социально-экономическую категорию, либо влияние цифровизации на доступ к банковским услугам, либо роль почтовой сети в расширении охвата населения финансовыми сервисами. Вместе с тем заметно слабее разработан вопрос о гибридной модели «банк и почтовая сеть» как о специальной организационно-экономической конфигурации розничного банковского обслуживания, где распределяются функции между банком, почтовой инфраструктурой и дистанционными каналами, а результат оценивается не только по числу точек, но и по способности переводить инфраструктурное присутствие в фактическое использование услуг. Именно этот исследовательский пробел и определяет предмет настоящей статьи.

Результаты исследования. С учетом рассмотренных в литературе подходов и современных изменений в инфраструктуре розничного банковского обслуживания гибридную модель «банк + почтовая сеть» целесообразно рассматривать как организационно-экономическую форму, при которой функции доступа к базовым финансовым услугам распределяются между банком, почтовой инфраструктурой и дистанционными каналами. В такой конфигурации банк сохраняет продуктовую, технологическую и контрольную архитектуру услуги, почтовая сеть обеспечивает территориальное присутствие, первичный контакт с клиентом и выполнение части стандартных операций, а дистанционные сервисы поддерживают регулярность последующего обслуживания. Экономический смысл данной модели состоит в расширении территориального охвата и снижении издержек присутствия без полного отказа от очного канала взаимодействия.

Экономическое содержание гибридной модели проявляется, во-первых, в инфраструктурном использовании уже существующей почтовой сети как распределенной системы доступа к базовым финансовым услугам; во-вторых, в снижении капиталоемкости расширения банковского присутствия на территориях с низкой плотностью спроса; в-третьих, в уменьшении поведенческих барьеров первого обращения за счет сочетания привычного очного канала и последующего дистанционного сопровождения. Тем самым модель «банк + почтовая сеть» обеспечивает не только расширение формального присутствия, но и повышение вероятности фактического использования услуги.

Практическое содержание гибридной модели определяется глубиной включения почтовой инфраструктуры в банковское обслуживание. Наиболее простая форма связана с проведением через отделения почтовой связи отдельных платежных и стандартных банковских операций. Более глубокий уровень интеграции предполагает прием документов и первичное подключение клиента к банковскому продукту. Следующий формат связан с присутствием работников кредитной организации в почтовой инфраструктуре либо с организацией банковской точки на базе отделения почтовой связи. Наконец, наиболее развитая форма возникает тогда, когда почтовая сеть используется как канал первичного офлайн-контакта, а дальнейшее сопровождение клиента переводится в дистанционный контур обслуживания.

Следовательно, формы интеграции банка и почтовой сети различаются не только организационно, но и функционально: одни обеспечивают доступ к отдельным операциям, другие снижают барьер первичного подключения клиента, третьи позволяют встроить почтовую инфраструктуру в многоканальный контур обслуживания. Это означает, что эффект гибридной модели должен оцениваться не по самому факту наличия почтовой точки, а по той роли, которую она выполняет в системе банковского сервиса.

Таблица 1. Сравнительная характеристика каналов обслуживания в гибридной модели «банк и почтовая сеть»

Канал обслуживания	Охват территории	Глубина обслуживания	Издержки для банка	Основная функция в системе доступности
Полноформатное отделение банка	Низкий или средний	Высокая	Высокие	Оказание сложных и консультационно насыщенных услуг
Мини-офис банка	Средний	Средняя	Средние	Поддержание регулярного доступа к стандартным продуктам
Агентская точка	Средний или высокий	Низкая	Низкие	Локальное расширение присутствия в точках ограниченного спроса
Отделение почтовой связи как банковский канал	Высокий	Низкая или средняя	Низкие или средние	Обеспечение базового офлайн-доступа в сельских и удаленных территориях
Дистанционный канал	Потенциально максимальный	Средняя или высокая для стандартных операций	Минимальные предельные издержки масштабирования	Повторное обслуживание, сопровождение клиента и проведение повседневных операций

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Сравнение каналов обслуживания показывает, что каждый из них решает лишь часть задачи повышения финансовой доступности. Полноформатное банковское отделение обеспечивает наиболее широкий и качественный набор услуг, однако его развитие требует значительных затрат и потому далеко не всегда оправдано за пределами крупных и средних населенных пунктов. Дистанционные сервисы, напротив, позволяют резко расширить масштаб обслуживания и упростить доступ к повседневным операциям, но сами по себе не снимают проблем, связанных с территориальной удаленностью, недостаточной цифровой подготовкой клиентов и сохраняющимся запросом на очное взаимодействие.

На этом фоне отделения почтовой связи занимают особое место. Они не могут в полной мере заменить банковский офис по глубине обслуживания, но обладают тем преимуществом, которое особенно важно для периферийных территорий, – уже существующей и более равномерно распределенной сетью присутствия. Именно поэтому почтовая инфраструктура способна выполнять функцию базовой точки входа в систему финансовых услуг там, где классическое банковское присутствие ограничено или экономически затруднено.

В этом смысле гибридная модель обслуживания должна рассматриваться не как альтернатива банковской сети, а как способ ее рационального дополнения. Ее значение состоит в том, что она позволяет соединить территориальный охват, более умеренные издержки присутствия и возможность последующего перевода клиента к регулярному использованию банковских сервисов. Наибольший эффект такая модель дает в сельских, малонаселенных и удаленных территориях, где задача состоит не только в формальном наличии точки обслуживания, но и в реальной достижимости базовых финансовых услуг для населения.

Заключение. Проведенное исследование показало, что в современных условиях повышение финансовой доступности не может обеспечиваться только за счет расширения филиальной сети банков или исключительно посредством дистанционных каналов. Более результативной для части территорий и клиентских групп выступает гибридная модель обслуживания, в которой функции банковского доступа распределяются между банком, почтовой инфраструктурой и цифровыми сервисами. Установлено, что почтовая сеть в такой конфигурации выполняет не вспомогательную, а самостоятельную инфраструктурную функцию, обеспечивая базовый офлайн-доступ к финансовым услугам там, где классическое банковское присутствие экономически ограничено. Сравнительный анализ каналов

обслуживания показал, что именно сочетание почтового и дистанционного контуров позволяет соединить территориальный охват, снижение издержек присутствия и последующее использование услуг. Это позволяет рассматривать гибридную модель «банк + почтовая сеть» как значимый организационный механизм повышения финансовой доступности населения региона.

Список источников

1. Авис О.У. Взгляд на взаимодействие традиционных и цифровых инструментов банковского обслуживания / О.У. Авис, В.Е. Косарев // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. № 1. – С. 101–107. DOI 10.24143/2073-5537-2021-1-101-107.
2. Мезенцева Л.А. Инклюзивные финансы Китая: практика Postal savings bank of China / Л. А. Мезенцева // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 20, № 1. – С. 216–228. DOI 10.26794/2587-5671-2025-29-1-216-228.
3. Мещеряков Г.Ю. Сотрудничество банков и почты на рынке розничных банковских услуг / Г.Ю. Мещеряков // Экономика и управление. 2009. № 1(39). – С. 100–104.
4. Мирошниченко О.С. Финансовая доступность банковских услуг для потребителей в условиях цифровизации / О. С. Мирошниченко // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28, № 6. – С. 134–142. DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-6-134-142.
5. Стахович, Л. В. Оценка доступности финансовых услуг для населения в России и мире / Л.В. Стахович, Е.В. Галишникова // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. 2012. № 4(14). – С. 115–122.
6. Таштамиров М.Р. Цифровизация операционной деятельности банков: трансформация транзакционных потоков и операционные эффекты интернет- и мобильного банкинга в России / М.Р. Таштамиров, В.Б. Шовхалов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 67–75. DOI 10.36684/chesu-2025-4-60-67-75.
7. Anson, Jose and Berthaud, Alexandre and Klapper, Leora F. and Singer, Dorothe, Financial Inclusion and the Role of the Post Office (October 1, 2013). World Bank Policy Research Working Paper No. 6630.
8. Baldassarre S., Cavola M., Picicelli E. Bank branch desertification and the design of a postal banking network // Socio-Economic Planning Sciences. 2025. Vol. 100. Art. 102216. DOI: 10.1016/j.seps.2025.102216.
9. Global Panorama on Postal Financial Inclusion 2023. Bern: Universal Postal Union, 2023. 46 p. URL: <https://www.upu.int/UPU/media/wwwUpuIntUniversalPostalUnionActivitiesFinancialServices/doc/Global-Panorama-on-Postal-Financial-Inclusion-2023.pdf>
10. Imaeva G., Lobanova I., Tomilova O. Financial Inclusion in Russia: The Demand-Side Perspective. Moscow: Consultative Group to Assist the Poor (CGAP), World Bank Group, 2014.
11. Банк России. Основные направления повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2025–2027 годов [Электронный ресурс]. – Москва: Банк России, 2024. – 54 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170684/onpdfu_2025-2027.pdf (дата обращения: 16.03.2026).
12. Банк России. Индикаторы финансовой доступности за 2024 год (по результатам замера 2025 года): аналитическая справка [Электронный ресурс]. – Москва: Банк России, 2025. – 10 с. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/178614/acc_indicators_03072025.pdf (дата обращения: 09.03.2026).
13. Почта России. Годовой отчет АО «Почта России» за 2024 год [Электронный ресурс]. – Москва: АО «Почта России», 2025. URL: https://www.pochta.ru/assets/Godovoj_otchet_zh_2024_god_103e240a61.pdf (дата обращения: 09.03.2026).
14. Банк ВТБ (ПАО). Отделения и банкоматы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vtb.ru/about/offices/> (дата обращения: 09.03.2026).
15. Почта Банк. ВТБ запускает продажи банковских продуктов в каждом втором отделении Почты России [Электронный ресурс]. 02.09.2025. URL: <https://www.pochtabank.ru/news/709626> (дата обращения: 09.03.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ХАЛЯЛЬ-СЕРТИФИКАЦИИ

Шовхалов Ш.А.,

*д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
профессор кафедры права,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»*

Аннотация. В контексте глобализации рынков и многообразия потребительских предпочтений изучение влияния сертификации халяль приобретает большую важность. С экономической точки зрения, сертификация халяль открывает производителям доступ к быстрорастущим рынкам мусульманских стран и диаспор, стимулируя экспорт, приток инвестиций и создание новых рабочих мест. С социальной точки зрения, она повышает доверие потребителей, обеспечивая прозрачность и соответствие продукции определённым ценностям и нормам. В данной работе проводится аналитический обзор значения сертификации халяль как драйвера экономического роста и как инструмента формирования потребительского доверия.

Ключевые слова: халяль, исламская экономика, сертификация, стандартизация.

ECONOMIC GROWTH AND BUILDING CONSUMER TRUST IN THE CONTEXT OF HALAL CERTIFICATION DEVELOPMENT

Shovkhalov Sh.A.,

*Doctor of Economic Sciences, Professor of the
Department of Economic Theory and Entrepreneurship,
Kadyrov Chechen State University;
Professor of the Department of Law,
Chechen State Pedagogical University*

Annotation. In the context of globalized markets and diverse consumer preferences, studying the impact of halal certification is increasingly important. Economically, halal certification opens producers to rapidly growing markets in Muslim countries and diaspora communities, stimulating exports, investment, and job creation. Socially, it enhances consumer trust by ensuring transparency and product compliance with established values and standards. This paper provides an analytical review of the importance of halal certification as a driver of economic growth and as a tool for building consumer trust.

Keywords: halal, Islamic economics, certification, standardization.

Термин «халяль» (араб. «дозволенное») относится ко всему, что разрешено с точки зрения исламского права, включая продукты питания, товары, услуги и финансовые операции, соответствующие нормам шариата. Халяль-сертификация изначально возникла как религиозно мотивированный механизм удостоверения того, что продукт отвечает исламским требованиям (например, отсутствие запрещённых ингредиентов и надлежащий способ забоя животных). Со временем эта система вышла за рамки сугубо религиозной сферы и стала восприниматься как технический стандарт качества и безопасности продукции. Сегодня наличие сертификата халяль служит своего рода гарантом определённого уровня качества и этичности товара, важным не только для мусульман, но и для части немусульманских потребителей, ценящих высокие стандарты производства.

Концепция халяля пронизывает различные аспекты жизни мусульманина, включая питание, финансы, торговлю и социальные отношения. В Коране неоднократно содержится призыв употреблять «то, что разрешено (халяль)», например: «О люди! Ешьте то, что (дано вам) на Земле из дозволенного (халяль) и чистого...» (Коран, 2:168); «О верующие! Ешьте только чистое из того, чем Мы наделили вас, и будьте благодарны Аллаху, если вы Ему поклоняетесь» (Коран, 2:172) и другие аяты.

На протяжении истории мусульманских обществ понятия халяль и доверие были

неразрывно связаны. В раннем мусульманском государстве установление рынков с контролем халяльности продукции (например, функция инспектора рынка) способствовало укреплению доверия потребителей и справедливости торговли. Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) лично инспектировал рынки Медины, поощряя честность торговцев. Известен хадис: «Передают со слов Абу Хурайры (да будет доволен им Аллах) о том, что (однажды) Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, проходил мимо одного человека, который продавал еду и спросил его: «Как ты продаёшь (еду)?» И он рассказал ему (о том, как он это делает), и тогда (Пророку, да благословит его Аллах и приветствует,) было внушено в откровении: «Опусти в неё свою руку». И когда он опустил в неё свою руку, то оказалось, что (еда является) сырой, и тогда Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Не относится к нам тот, кто обманывает (людей)!» (Абу Дауд, № 3452)».

Халяль-сертификация институционализирует данную этическую норму: она служит инструментом формализации доверия. Потребителю больше не нужно полагаться лишь на слово продавца – независимый сертификат, выданный авторитетным органом, гарантирует, что продукт проверен на соответствие строгим стандартам. В результате снижается информационная асимметрия между производителем и покупателем, устраняется повод для сомнений, что напрямую отражается на поведении потребителей.

Современные исследователи фиксируют эту связь на эмпирическом уровне. К примеру, недавнее маркетинговое исследование [3] показало, что доверие к халяль-продукту статистически значимо повышает намерение потребителя купить этот продукт. Причём доверие формируется именно через убеждённость, что товар соответствует определённым стандартам и религиозным требованиям – эту уверенность и обеспечивает наличие халяль-сертификата. Авторы подчёркивают: когда у людей недостаточно информации о составе и качестве продукции, они ищут внешние признаки надёжности. Халяльская маркировка выступает решением проблемы нехватки информации, внушая потребителю уверенность в качестве, безопасности и этичности товара. Изучение показало, что восприятие продукта как халяль-сертифицированного повышает к нему доверие, формируя более позитивное отношение и, в конечном счёте, увеличивая вероятность покупки. Таким образом, изначальная исламская установка на честность и прозрачность в торговле ныне реализуется через систему сертификации, которая стала мостом между религиозно-этическими ценностями и механизмами современной рыночной экономики.

Глобальный рынок халяль демонстрирует впечатляющие темпы роста, опережающие среднемировые показатели во многих отраслях. По данным аналитических агентств, совокупная стоимость мировой халяль-экономики достигает 6,85 трлн долл к 2025 году [1]. Халяльный сектор выходит далеко за пределы пищевой промышленности, охватывая финансы, туризм, фармацевтику, косметику, моду и другие отрасли.

Рост индустрии халяль стимулируется сочетанием факторов: быстрым увеличением численности мусульманского населения, повышением религиозной осведомлённости и требовательности потребителей в мусульманских регионах, а также возрастающим интересом к халяль-продукции со стороны немусульман, что наблюдается уже много лет [Alam I. Interacting with Muslim customers for new service development in a non-Muslim majority country // Journal of Islamic Marketing. 2019. Vol. 10, № 4. – pp. 1017–1036]. Для многих потребителей сертификат халяль стал синонимом надёжности, чистоты и соблюдения этических норм производства. Например, в Европе и Северной Америке всё больше людей воспринимают халяльный знак качества как свидетельство безопасного и тщательного контроля ингредиентов и процессов, даже если сами они не придерживаются исламской диеты.

Одним из главных экономических эффектов халяль-сертификации является увеличение экспортных возможностей для производителей. Получив сертификат, компания может поставлять свою продукцию в страны с мусульманским большинством, где без соответствующей маркировки товары просто не допустят на рынок или они не будут пользоваться спросом. Таким образом, халяль-сертификация служит своего рода «экспортным

паспортом». Например, для российских производителей открываются новые рынки в странах Персидского залива, Юго-Восточной Азии, Северной Африки, где совокупный импорт халяль-продуктов исчисляется десятками миллиардов долларов. По данным EuromeatNews, крупнейшим импортёром халяльной продовольственной продукции среди стран ОИС является Саудовская Аравия, за ней следуют Малайзия, ОАЭ, Индонезия и Египет [1]. Эти страны входят в топ-5 импортёров халяль-еды, что указывает на высокую ёмкость их рынков.

Наличие сертификата дает иностранным поставщикам конкурентное преимущество. Многие крупные продовольственные экспортёры, хотя сами и не являются мусульманскими странами, активно пользуются этим. Так, Бразилия – мировой лидер по экспорту мяса – только в страны ОИС поставляет халяль-мяса на 5,19 млрд долл. ежегодно; Австралия – на 2,36 млрд долл., Индия – на 2,28 млрд долл. В совокупности топ-10 экспортёров мяса в мусульманские страны дают торговый объём свыше 14 млрд долл. [2]. Примечательно, что среди них почти нет исламских государств – помимо названных, в десятку входят Франция, Китай, Нидерланды, Испания и даже Судан, Сомали и Турция. Этот факт свидетельствует о глобальной коммерческой привлекательности халяль-сегмента: страны и компании рассматривают его как точку роста, независимо от собственной религиозной принадлежности. Стремясь занять свою нишу, транснациональные корпорации адаптируют продукты под халяль-стандарты: мясокомбинаты создают отдельные халяльные линии, пищевые гиганты получают сертификаты на сотни позиций ассортимента, сети ресторанов быстрого питания открывают халяль-франшизы, а ритейлеры вводят специальные разделы для халяль-товаров.

Для стран с развивающейся экономикой халяль-индустрия может стать источником диверсификации экспорта и притока инвестиций. Государства Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия, Таиланд) активно продвигают себя как халяль-хабы, привлекая иностранные компании для производства сертифицированной продукции на их территории. Например, Малайзия создала Halal Parks – промышленные зоны, предоставляющие инфраструктуру и льготы под халяль-предприятия, что привлекло значительные капиталовложения. В ОАЭ проводится политика превращения Дубая в «столицу исламской экономики», с развитием халяль-туризма, логистики, e-commerce площадок для халяль-товаров и т.д. Крупнейшими инвестиционными центрами стали Малайзия и страны Ближнего Востока, активно финансирующие инновационные халяль-стартапы. Эти вложения способствуют созданию новых производств, технологий (например, «халяльная» биотехнология, растительные аналоги мяса), что в конечном счёте генерирует новые рабочие места и добавленную стоимость в экономиках.

Халяль-сертификация стимулирует рост не только внешней торговли, но и внутреннего потребительского спроса, особенно в странах с существенной долей мусульманского населения. Если раньше в немусульманских государствах местные мусульмане испытывали дефицит халяльных товаров (или сомнения в них), то сейчас ситуация меняется. Наличие сертифицированной продукции на полках магазинов повышает вовлечённость мусульманских потребителей в экономику – они готовы тратить больше, если уверены в халяльности товаров. Кроме того, бренд «халяль» привлекает и часть немусульман, как отмечалось ранее, благодаря ассоциации с более строгими стандартами качества. Таким образом, компании, получая халяль-сертификат, расширяют свою клиентскую базу. Ряд исследований фиксирует увеличение выручки фирм после сертификации, особенно в пищевой отрасли и сфере услуг [5]. Это, в свою очередь, стимулирует создание новых предприятий: в мусульманских регионах возникают халяль-стартапы (например, халяль-кейтеринг, доставка еды, косметические бренды), ориентированные как на локальный рынок, так и на экспорт.

Особенно важно влияние халяль-сертификации на малый и средний бизнес (МСП). В развивающихся странах МСП часто составляют основу экономики, и халяль-сектор открывает для них новые ниши. Развитие халяль-индустрии в развивающихся странах также способствует региональному развитию: многие проекты концентрируются в сельской местности (животноводство, производство халяль-продуктов питания), интегрируя фермеров и местные сообщества в глобальные цепочки поставок.

На макроуровне развитие халяль-индустрии отражается в показателях экономического роста, торговли и инвестиций. Научные исследования пытаются количественно оценить вклад халяль-секторов в ВВП стран. Например, эмпирический анализ, проведённый группой индонезийских экономистов, показал, что рост производства халяль-продуктов питания имеет статистически значимое положительное влияние на темпы роста ВВП страны [4].

Необходимо отдельно упомянуть роль халяль-сертификации в инвестиционной привлекательности. Для многих международных фондов и банков наличие у компании халяль-сертификата служит индикатором того, что бизнес ориентирован на перспективный рынок и соблюдает дополнительные требования к качеству. Это повышает рейтинг компании в глазах инвесторов. Кроме того, появление специализированных исламских финансовых инструментов (фонды исламских акций, сукук) обеспечивает новым проектам доступ к капиталу из исламских стран. Например, за последнее десятилетие выпущены сукук для финансирования халяль-индустрии: от строительства убойных цехов до развития сетей халяль-ресторанов. Банки стран Залива готовы кредитовать проекты, сертифицированные как халяль, так как это соответствует их мандату вкладываться в шариатско приемлемые активы. В итоге капитализация халяль-сектора растёт, и он становится более устойчивым к внешним шокам.

Подводя итог, халяль-сертификация оказывает многообразное положительное влияние на экономический рост через расширение рынков сбыта, стимулирование экспорта и притока инвестиций, развитие малого бизнеса и сельских регионов, а также через структурные изменения в экономике в пользу высококачественного, конкурентоспособного производства. В следующем разделе рассмотрим второй ключевой аспект – влияние халяль-сертификации на доверие и поведение потребителей.

Однако нужно отметить, что эффект халяль-сертификации на доверие не автоматичен и требует поддержки репутации самих сертификационных органов. Если потребители усомнятся в компетентности или честности выдавшего сертификат учреждения, доверие может пошатнуться. Когда потребитель видит знакомый и уважаемый знак (например, JAKIM, Halal GCC и т.п.), он доверяет ему.

Проведённый анализ показывает, что сертификация халяль играет значимую двойственную роль в современной мировой экономике и имеет следующие преимущества:

- увеличение прибыли и объёмов продаж за счёт ориентации потребителей на наличие халяль-сертификата;
- расширение рыночного охвата и упрощение выхода на национальные и международные рынки;
- формирование уникального конкурентного преимущества и дифференциация продукции;
- повышение доверия потребителей и снижение информационной асимметрии на рынке;
- рост лояльности клиентов и укрепление репутации производителя;
- расширение спроса за счёт немусульманских потребителей, воспринимающих халяль как индикатор качества и безопасности;
- повышение маркетинговой эффективности и усиление позиционирования продукции;
- снижение транзакционных издержек за счёт стандартизации и институционализации требований;
- формирование устойчивого спроса, при котором отсутствие сертификации ведёт к потере конкурентных позиций.

Список источников

1. DinarStandard; Dubai Islamic Economy Development Centre. State of the Global Islamic Economy Report 2023/24. Dubai: DinarStandard, 2024. – 174 p.
2. International Trade Centre. Trade Map Database. Geneva: International Trade Centre, 2026. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 05.04.2026).
3. Koc F. The effects of trust and religiosity on halal products purchase intention: indirect effect of attitude / F. Koc,

- B. Ozkan, M. Komodromos, I. Efendioglu, T. Baran // EuroMed Journal of Business, 2024. Volume 20, Issue 5. – P. 141–165.
4. Nurzaman M.S. Does Halal Industry Impact Economic Growth? An Empirical Evidence from Muslim Countries in Asia // International Journal of Islamic Economics and Business Sustainability. 2025. Т. 1. № 1. – P. 1–15.
5. Yusuf M. Economic analysis of halal certification by the Halal Product Assurance Administration Agency / M. Yusuf, D. M. Rangkuty, R. Krisna, M. E. Reditio // World Journal of Advanced Research and Reviews. 2022. Vol. 13, № 1. – P. 556–564.

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Янгильбаева Л.Ш.,

старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. Исследованы современные подходы к формированию стратегий управления предприятиями в условиях экономической нестабильности. Определено, что усиление глобальной нестабильности, инфляционные риски и дисбаланс рыночных факторов обуславливают необходимость трансформации традиционных управленческих моделей. Обоснована целесообразность применения адаптивных стратегий развития, антикризисного планирования и сценарного прогнозирования. Проанализированы ключевые барьеры стратегического управления – ограниченность финансовых ресурсов, недостаточная инновационная активность и низкая стратегическая культура руководителей. Предложены механизмы повышения устойчивости предприятий, в частности внедрение системы раннего предупреждения кризисов, развитие цифровой аналитики и формирование адаптивного стратегического контроллинга.

Ключевые слова: экономическая нестабильность, стратегическое управление, антикризисное управление, планирование, устойчивость предприятия.

ENTERPRISE MANAGEMENT STRATEGIES IN TIMES OF ECONOMIC INSTABILITY

Yangulbaeva L.Sh.,

senior lecturer of the Department of Accounting,
Analysis and Auditing in the Digital Economy
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines modern approaches to developing enterprise management strategies in times of economic instability. It is determined that increasing global instability, inflation risks, and market imbalances necessitate a transformation of traditional management models. The feasibility of adaptive development strategies, crisis planning, and scenario forecasting is substantiated. Key barriers to strategic management are analyzed, including limited financial resources, insufficient innovation, and the low strategic culture of managers. Mechanisms for enhancing enterprise resilience are proposed, including the implementation of an early crisis warning system, the development of digital analytics, and the development of adaptive strategic monitoring.

Keywords: economic instability, strategic management, crisis management, planning, enterprise resilience.

Функционирование современных предприятий происходит в условиях экономической турбулентности, детерминированной комплексом глобальных факторов: геополитической нестабильностью, высокой волатильностью финансовых рынков и непредсказуемостью спроса. Эти ключевые проблемы требуют трансформации управленческих стратегий, поскольку традиционное долгосрочное планирование оказалось нерелевантным в условиях высокой динамики изменений. Главной проблемой становится необходимость перехода к управлению, способному обеспечить не только выживание, но и сохранение и наращивание конкурентных преимуществ. Это обуславливает актуальность разработки адаптивных стратегических моделей, сочетающих сценарное прогнозирование, проактивное управление рисками и принципы операционной гибкости. Эффективная стратегия управления в условиях турбулентности является важной предпосылкой устойчивого развития и финансовой устойчивости предприятий, обеспечивая их способность быстро реагировать на шоки и превращать внешние угрозы в возможности для роста.

Исследованию теоретических и практических аспектов формирования стратегий управления предприятиями и обеспечения их устойчивости в условиях экономической турбулентности посвящены многочисленные научные труды как отечественных, так и зарубежных ученых [1–5 и др.]. Эти работы охватывают анализ адаптивных управленческих

моделей, механизмов антикризисного планирования и роли цифровых технологий в повышении устойчивости бизнеса.

Анализ литературы показывает, что эффективное стратегическое управление в условиях экономической турбулентности является не только мощным фактором выживания, но и ключевым элементом формирования долгосрочной устойчивости, требующим внедрения адаптивных, проактивных и цифровых моделей управления.

Цель статьи заключается в анализе современных стратегических подходов и управленческих инструментов для обеспечения устойчивости предприятий в условиях экономической турбулентности, а также в обосновании адаптивных механизмов антикризисного планирования для устойчивого развития субъектов хозяйствования.

Для достижения поставленной цели в исследовании использован системно-структурный подход, позволивший рассмотреть стратегическое управление предприятием в условиях турбулентности как целостную, адаптивную систему. Применены теоретические методы (анализ, синтез, обобщение) для критической проработки научных трудов по вопросам антикризисного управления, экономической резильентности и сценарного планирования. Использованы эмпирические методы (наблюдение, сравнение, статистический анализ) для изучения макроэкономических данных и финансовой устойчивости предприятий, а также для сопоставления традиционных и адаптивных стратегий (Agile, Lean). Теоретико-прогностический подход применен для концептуализации новых управленческих моделей, в частности обоснования необходимости интеграции сценарного прогнозирования и механизмов стратегического контроллинга. Для обоснования выводов использованы логические методы (индукция, дедукция), что способствовало формулированию ключевых выводов относительно стратегических перспектив обеспечения операционной гибкости.

В условиях усиления глобальных структурных трансформаций особое значение приобретает понимание сущности экономической турбулентности. Это состояние экономической системы характеризуется повышенной волатильностью ключевых макроэкономических показателей (уровня инфляции, валютных курсов, ценовых колебаний), непредсказуемостью внешних факторов (геополитических шоков, логистических разрывов) и дисбалансом рыночных детерминант. Подобная среда делает невозможным использование традиционных линейных моделей планирования, требуя постоянного обновления управленческих решений и динамической коррекции бизнес-процессов.

В таком контексте стратегическое управление рассматривается как комплекс проактивных действий, направленных на формирование резильентности – способности предприятия сохранять стабильность, быстро восстанавливаться после кризисных воздействий и использовать изменения как источник развития. Целью таких стратегий является минимизация рисков, поддержание адаптивности и обеспечение долгосрочных конкурентных преимуществ даже в турбулентной среде.

Рост инфляционных рисков, усиление глобальной нестабильности и дестабилизация рыночных структур требуют коренного обновления стратегических моделей управления. Традиционные подходы к долгосрочному планированию, построенные на предположении о линейности экономического развития, оказались малоэффективными в условиях постоянных изменений. Вместо этого современная парадигма управления ориентируется на резильентно-ориентированное управление, главная цель которого заключается не только в сохранении жизнеспособности бизнеса, но и в получении конкурентных преимуществ через эффективное реагирование на изменения [1]. Реализация адаптивных стратегий управления часто осложняется как внутренними, так и внешними барьерами, повышающими уязвимость предприятий:

- ограниченность финансовых ресурсов, поскольку экономический кризис сопровождается сужением доступа к капиталу и ростом его стоимости;
- недостаточный уровень инновационной активности, особенно в секторе микро-, малых и средних предприятий, что сдерживает достижение необходимой операционной гибкости;

– низкая стратегическая культура управленцев, связанная с недостатком опыта работы в условиях высокой неопределенности и склонностью к реактивному, а не проактивному принятию решений.

Неспособность своевременно адаптироваться к рыночным шокам приводит к потере конкурентных позиций, что, в свою очередь, обуславливает потребность в развитии адаптивного лидерства и системы стратегического риск-менеджмента [2].

Для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности предприятий необходимым условием становится интеграция адаптивных стратегических моделей, основанных на использовании прогностических аналитических инструментов, цифровых платформ и систем сценарного планирования. Исследования [1, 2] свидетельствуют, что ключевыми факторами эффективного антикризисного менеджмента выступают цифровая трансформация, инновационность бизнес-моделей и гибкое стратегическое реагирование, обеспечивающие своевременную переориентацию стратегических приоритетов в соответствии с динамикой внешней среды. «Текущие результаты финансово-хозяйственной деятельности большинства отечественных промышленных предприятий свидетельствуют об их борьбе за выживание, исходя из возможности удовлетворения ограниченного спроса населения, необходимости сохранения кадрового состава и максимально эффективного использования имеющейся ресурсной базы» [5]. Сравнение традиционной и резильентно-ориентированной модели стратегического управления приведено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение стратегических моделей управления
в условиях экономической турбулентности

Критерий сравнения	Традиционная модель	Адаптивная модель
Горизонт планирования	долгосрочный (5+ лет), фиксированный	краткосрочные циклы (3–12 мес.), гибкое сценарное планирование
Базовое предположение	линейное развитие; предсказуемость рынка	хаос; высокая неопределенность
Управление рисками	реактивное (реагирование после наступления события)	проактивное; внедрение системы раннего предупреждения
Ключевой инструмент	бюджетирование и фиксированный годовой план	цифровая аналитика и адаптивный контроль
Цель	оптимизация ресурсов, стабильность	операционная гибкость и быстрое восстановление (resilience)
Управленческая культура	контроль и соблюдение иерархии	адаптивное лидерство и децентрализация решений

Источник: составлено автором

Основным инструментом, позволяющим предприятию функционировать в условиях непредсказуемости, является сценарное прогнозирование, которое выступает как ключевой элемент стратегического предвидения. Его применение позволяет менеджменту отойти от единого плана и разработать варианты реакции на несколько потенциальных будущих состояний (кризисный, базовый, оптимистический). Этот подход неразрывно связан с проактивным управлением рисками, где риски оцениваются не только по вероятности, но и по потенциальному влиянию на жизнеспособность бизнеса.

Эффективное реагирование на экономические шоки возможно только при условии своевременного получения достоверных данных и их аналитической интерпретации. Именно поэтому цифровая аналитика и системы раннего предупреждения кризисов выступают ключевыми элементами современных стратегий управления.

Как показывают исследования [2], применение цифровых моделей, в частности концепции цифровой копии (digital copy) предприятия, существенно повышает качество стратегических решений и ускоряет процесс адаптации к изменениям внешней среды. Конечная цель состоит в формировании резильентно-ориентированного управления, которое

интегрирует гибкость на всех уровнях. Концептуальная структура ключевых механизмов такого управления подробно представлена на рисунке 1. Эти механизмы объединяют:

- адаптивный стратегический контроллинг: направлен на отслеживание рисков и отклонений вместо фиксированных целей, что позволяет оперативно корректировать стратегические приоритеты;
- операционная гибкость (Lean/Agile): обеспечивает изменение бизнес-процессов и ассортимента в соответствии с непредсказуемыми изменениями спроса и поставки;
- сценарное прогнозирование: позволяет определять ключевые точки риска и вероятные траектории развития событий.

Рисунок 1. Концептуальная структура ключевых механизмов резильентно-ориентированной стратегии управления предприятием

Таким образом, интеграция сценарного прогнозирования, цифровой аналитики и адаптивного контроллинга выступает базой долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития предприятий в меняющейся среде.

В условиях высокой волатильности внешней среды цифровизация бизнес-процессов, внедрение технологий аналитики больших данных (Big Data) и применение алгоритмов искусственного интеллекта для прогнозирования экономических рисков становятся ключевыми элементами резильентно-ориентированного управления предприятием. Такой подход обеспечивает оперативное отслеживание ключевых показателей эффективности, своевременное выявление отклонений и быструю коррекцию стратегических приоритетов, что особенно актуально в период экономической турбулентности.

Для оценки влияния цифровой трансформации и инновационной активности на способность предприятий к оперативному восстановлению после кризисных шоков рассматривается взаимосвязь между уровнем цифровой зрелости организации, инновационным потенциалом и продолжительностью восстановления финансовой и операционной стабильности. Такой подход позволяет оценить эффективность резильентно-ориентированных стратегий управления и наглядно отразить их влияние на устойчивость предприятия.

Интеграция цифровых платформ (ERP, BI, CRM), алгоритмов прогнозирования и адаптивного стратегического контроллинга формирует предпосылки для устойчивого функционирования предприятий в меняющейся экономической среде. Такая интеграция позволяет не только минимизировать последствия кризисных колебаний, но и повышать конкурентоспособность через оперативную перенастройку бизнес-процессов и оптимизацию ресурсов. Эффективное сочетание цифровых и инновационных инструментов управления имеет важное значение для обеспечения долгосрочной устойчивости и адаптивности предприятий.

Таким образом, внедрение резильентно-ориентированных стратегий управления позволяет предприятиям не только оперативно адаптироваться к изменениям внешней среды, но и системно повышать уровень своей гибкости и конкурентоспособности. Комплексное применение цифровых платформ, аналитических инструментов и адаптивного контроллинга создает условия для долгосрочной устойчивости и эффективного реагирования на экономические шоки, обеспечивая непрерывное развитие и укрепление стратегических позиций предприятия на рынке.

По результатам проведенного исследования сформулирован ряд ключевых теоретических и практических положений:

1. Идентифицированы ключевые барьеры, которые препятствуют эффективной адаптации предприятий: ограниченность финансовых ресурсов, недостаточный уровень инновационной активности и низкая стратегическая культура управленцев, склоняющихся к реактивному планированию.

2. Обоснована необходимость коренной трансформации управленческих моделей от традиционного линейного планирования к резильентно-ориентированному управлению, интегрирующему принципы операционной гибкости.

3. Сформулированы ключевые механизмы резильентной стратегии, которые включают сценарное прогнозирование, цифровую аналитику и адаптивный стратегический контроллинг. Основой проактивного управления является система раннего предупреждения кризисов, построенная на базе цифровых копий и алгоритмов искусственного интеллекта.

4. Установлена ключевая зависимость резильентности от внутренних факторов. Высокий уровень цифровой трансформации и инновационной активности позволяет предприятиям сократить время восстановления устойчивости по сравнению с традиционными моделями.

5. Сформулированы стратегические преимущества: комплексное внедрение адаптивных механизмов обеспечивает не только оперативное реагирование на шоки, но и системно повышает гибкость и конкурентоспособность, формируя основу долгосрочной устойчивости предприятий в меняющейся среде.

Список источников

1. Акбердина В.В. Резильентность экономики: факторы устойчивости к шокам // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Уральский университет, 2021. – С. 8–15.
2. Пьянкова С.Г. Трансформация базовых компетенций человеческих ресурсов в эпоху цифровизации // Искусство управления. 2025. № 2. – С. 267–294.
3. Управление изменениями: учебное пособие / Т.А. Галынчик. – Нижневартовск: НВГУ, 2016. – 120 с.
4. Хорольская Т.Е. Цифровая организационная культура и ее функционал в трансформационных процессах предприятия / Т.Е. Хорольская, Х.М. Мусаева, И.И. Михалев // Деловой вестник предпринимателя. 2024. № 1(15). – С. 75–79.
5. Янгильбаева Л.Ш. Управление безопасностью как фактор повышения конкурентоспособности предприятий / Л.Ш. Янгильбаева // ФГУ Science. 2025. № 1(37). – С. 73–78.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Янгильбаева Л.Ш.,

старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятия. Под организационно-экономическим механизмом обеспечения экономической устойчивости предприятия нужно понимать совокупность элементов, которые, взаимодействуя между собой, способны контролировать ход необходимых изменений в производственно-хозяйственной и финансовой системе предприятия, направленных на повышение способности противодействовать внешним вызовам и угрозам, формируя основы устойчивого, стабильного функционирования и планомерного развития как сейчас, так и в будущем. Определены основные принципы формирования и реализации организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятия.

Ключевые слова: экономика, экономическая устойчивость, организационный механизм, функционирование, развитие, риски.

DEVELOPING AN ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM TO ENSURING ENTERPRISE ECONOMIC STABILITY

Yangulbaeva L.Sh.,

senior lecturer of the Department of Accounting,
Analysis and Auditing in the Digital Economy,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article examines the development of an organizational and economic mechanism to ensure enterprise economic stability. An organizational and economic mechanism to ensure enterprise economic stability should be understood as a set of elements that, interacting with each other, are capable of controlling the necessary changes in the enterprise's production, business, and financial systems aimed at enhancing the ability to counter external challenges and threats, laying the foundations for sustainable, stable operation and planned development, both now and in the future. The key principles for developing and implementing an organizational and economic mechanism to ensure enterprise economic stability are defined.

Keywords: economy, economic stability, organizational mechanism, operation, development, risks.

Как известно, понятие устойчивости в тесной мере касается способности субъекта хозяйствования, с одной стороны, противодействовать внешним кризисам, шокам, нестабильности, турбулентности, вызовам и угрозам, а с другой сторон – способности рационально организовать производственную и финансовую хозяйственную деятельность, гарантируя ее стабильность, эффективность и формирование предпосылок для дальнейшего роста. Итак, понятие экономической устойчивости, по сути, – это симбиоз экономической безопасности, конкурентоспособности, эффективности и защищенности от угроз.

Ухудшение экономической устойчивости может служить предупреждением собственникам и руководителям отечественных компаний о возможном серьезном кризисе, который может привести к банкротству и критическому снижению финансово-экономической эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Также это может ослабить основы устойчивости, стабильности и способности предприятия к жизнеспособности. При сложившейся ситуации предприятиям критически важно предусмотреть среди собственных функций и задач такое направление, как менеджмент экономической устойчивости бизнеса. Однако политика в этой области должна быть системной и комплексной, что подводит к выводу о необходимости применения в соответствующих целях организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятия, в рамках

которого организационный блок станет ответственным за организацию и управление процессами, а экономический – за создание стимулов и гарантирование эффективности. В этом заключается актуальность постановки и решения задачи совершенствования имеющихся и формирования новых методико-прикладных положений по формированию организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятий в условиях нестабильности.

Можно утверждать, что сегодня понятие «экономическая устойчивость» предприятия является не в полной мере исследованным и раскрытым, но, в то же время, все в большей степени применяемым. Новые знания в управлении экономической устойчивостью предприятий и организаций в различных отраслях и секторах экономики очень важны, особенно в сложных условиях функционирования отечественного бизнеса. Проблематика управления экономическим состоянием предприятий и организаций была исследована в работах как отечественных, так и зарубежных ученых [1–5 и др.].

Однако такие условия, как нестабильность и турбулентность, формируют значительные ограничения на деятельность субъектов бизнеса. Это актуализирует необходимость постоянного развития и совершенствования новых идей и знаний в области укрепления экономической стабильности отечественных предприятий.

Целью статьи является совершенствование имеющихся и формирование новых методико-прикладных положений по формированию организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятий в условиях нестабильности.

Обеспечение устойчивости экономики предприятия не может быть достигнуто в один конкретный момент времени. Это постоянная, систематическая и комплексная работа в этой области, которая осуществляется как в прошлом, так и в настоящем времени, а также в будущем, и создает условия, позволяющие гарантировать то, что тот или иной субъект хозяйствования является экономически устойчивым. Кроме того, постоянство соответствующей работы на предприятии выдвигает задачи как по организации соответствующей работы, осуществлению ее по принципам высокоэффективного менеджмента, так и относительно, прежде всего, соответствующему ресурсному обеспечению; оказание всем субъектам и участникам системы достаточных экономических стимулов и мотивов для формирования их рационального поведения; в-третьих, достижение и соблюдение в дальнейшем надлежащей эффективности как организационно-управленческой работы, так и использования всех групп ресурсного обеспечения предприятия в целом.

Таким образом, приходим к выводу о необходимости формирования, в дальнейшем – имплементации, а в итоге – функционирования в системе менеджмента предприятий и организаций на постоянных началах организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости бизнеса.

Под организационно-экономическим механизмом обеспечения экономической устойчивости предприятия нужно понимать совокупность его элементов, которые, взаимодействуя между собой, способны генерировать, запустить и контролировать ход необходимых (как по содержанию, так и по их последовательности) изменений и сдвигов в производственно-хозяйственной и финансовой системе предприятия, направленных на усиление уровня его резiliентности и способности противодействовать внешним вызовам и угрозам, формируя основы устойчивого, стабильного функционирования и планомерного развития как сейчас, так и в будущем.

Соответственно, важно поэтапно и системно внедрять организационные и экономические изменения, начиная от создания ответственной управленческой структуры и заканчивая развитием инфраструктуры менеджмента экономической устойчивости субъекта хозяйствования. Это означает совершенствование условий для обеспечения стабильности финансов и кредитоспособности компаний путем сочетания организационных, финансовых и экономических средств.

Контуры такого механизма формируются внешними и внутренними воздействиями, а также требованиями по строению и модификации, тогда как внутренние элементы отражаются через: 1) управленческо-инструментальный; 2) структурно-функциональный; 3) системно-отраслевой уровни.

Основная цель этого механизма заключается в обеспечении эффективного управления политикой усиления экономической устойчивости предприятия при внедрении потенциала его конкурентоспособности, что, в свою очередь, охватывает организационную составляющую, отвечающую за управление, а также экономическую составляющую, обеспечивающую необходимую мотивационную среду для всех необходимых процессов.

Таким образом, соответствующий механизм сначала определяется требованиями, которые предъявляются к нему (в частности, структуры, системы, а также выполнение соответствующих функций и задач). Ведущими из таких требований следует считать:

а) аддитивность (равномерный характер экономического и организационного блоков, а также равные требования ко всем структурным элементам механизма, отвечающим задачам целостного механизма как общей единой системы);

б) последовательность (внедрение мер, которые постепенно, поэтапно меняют ситуацию по обеспечению экономической устойчивости предприятия);

в) релевантность (когда результаты функционирования механизма строго соответствуют ожидаемым результатам);

г) системность (комплексный подход, при котором достигается высокий уровень устойчивости по всем структурно-функциональным составляющим экономической устойчивости предприятия);

д) устойчивость к нарушениям (что гарантирует постоянную стабильность системы).

При этом механизм образуют три блока:

– управленческо-инструментальный, ответственный за формирование, а в дальнейшем – строгое следование положениям стратегии и тактики предприятия в сфере обеспечения его экономической устойчивости, то есть речь идет о цели механизма, его принципах, функциях, методах и запланированном к применению инструментарии;

– структурно-функциональный, на базе которого, собственно, и реализуется политика по экономической устойчивости и стабильности. Этот блок, в свою очередь, образуют его организационный (призванный обеспечить надлежащий уровень управляемости системы экономической устойчивости предприятия, процессов его функционирования и развития, реализации потенциала) и экономический (ориентированный на формирование мотивационного поля достижения цели и реализации задач функционирования организационно-экономического механизма) направления;

– системный, включающий структурно-функциональные составляющие отслеживания состояния и управления экономической устойчивостью организации, режимы и параметры функционирования самого механизма, методы анализа и обеспечения устойчивости и стабильности производственной деятельности субъекта бизнеса, инструментарий противодействия внутренним и внешним вызовам и угрозам.

Кроме того, предприятиям (точнее, их топ-менеджменту) следует понимать, что одна из наиболее важных функций в сфере жизнеспособности – это функция качественного, своевременного реагирования и адаптации к изменениям. При этом реакции предприятия могут и должны предусматривать не только собственные действия, но и применение в таких целях возможностей других внешних субъектов, в т. ч. собственных структур. Непосредственные участники реагирования и адаптации, такие как органы государственной власти, бизнес-ассоциации, отраслевые учреждения и другие субъекты, должны сыграть важную роль в этом процессе. Для эффективного реагирования на внешние вызовы и угрозы чрезвычайно важно создать систему мер, в которой управление безопасностью носит структурированный характер. Это означает, что этот процесс должен быть организован с учетом и согласованием интересов бизнеса, его стейкхолдеров, партнеров по бизнесу, других внешних субъектов. Качество связей и взаимодействий между элементами определенного

организационно-экономического механизма свидетельствует о его эффективности и действенности.

Экономическая устойчивость – важный объект в системе менеджмента отечественных субъектов хозяйствования. Достижение экономической устойчивости – это путь к экономической безопасности, жизнеспособности и эффективному функционированию на долгосрочной основе. С другой стороны, ее отсутствие – это в разы усиление угроз дестабилизации деятельности, ухудшение финансово-экономической эффективности, снижение уровня ликвидности и устойчивости предприятия, а следовательно, создание предпосылок для закрытия бизнеса.

Высокий уровень актуальности задачи обеспечения экономической устойчивости отечественных предприятий требует создания и имплементации на базе системы менеджмента предприятия постоянно действующего организационно-экономического механизма в этой сфере. Формирование положений и имплементация на практике организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости предприятия должны стать системными процессами и осуществляться в соответствии с тщательно разработанным планом мероприятий и их результатов, направленным на достижение стратегической цели в области устойчивого функционирования и развития субъекта хозяйствования.

Другими словами, наиболее рациональным и эффективным подходом является использование организационно-экономического механизма, который включает в себя структуру, ответственную за разработку системы управления экономической устойчивостью и стратегическим развитием предприятия. Экономическая часть механизма направлена на стимулирование к достижению целей и защиту хозяйственных интересов участников в системе экономической устойчивости бизнеса.

Управленческий контур организационно-экономического механизма состоит из целей, принципов, методов, функций, инструментов, концепций, среды формирования ресурсов и контроля. Важно, чтобы инструментарий организационно-экономического механизма обеспечения экономической устойчивости отечественных предприятий в условиях турбулентности был направлен на обеспечение финансово-экономической стабильности и платежеспособности, экономической эффективности хозяйствования, наращивание и реализацию конкурентных преимуществ субъектов отечественной экономики. Основными принципами в этом случае являются качество внутренней институционально-правовой и институционально-организационной среды и обеспечение, в частности, их полноценности, дееспособности, ресурсного обеспечения, функционирования без отклонений, безопасности производства и финансовых операций, наличия мотивации к развитию.

Список источников

1. Антонов И.С. Принципы организационно-экономического механизма в обеспечении устойчивой конкурентоспособности предприятия // Экономинфо. 2023. № 1. – С. 45–56.
2. Воробьев А.А. Идентификация факторов, определяющих экономическую устойчивость промышленного предприятия [Электронный ресурс] / А.А. Воробьев. 2014. № 11. URL: <http://fundamentalresearch.ru/pdf/2014/11-1/35489.pdf>.
3. Коваленко И.И., Соколицын А.С. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием предприятия с учетом производственного риска // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. № 6. – С. 174–188.
4. Пути повышения конкурентоспособности отечественных производственных компаний: монография / В.В. Криворотов, А.В. Калина, С.Е. Ерыпалов, Т.А. Трушков, Л.А. Буланов, Е.А. Дулов; под ред. В.В. Криворотова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 230 с.
5. Янгильбаева Л.Ш. Управление безопасностью как фактор повышения конкурентоспособности предприятий // FGU Science. 2025. № 1(37). – С. 73–78.

**VII Всероссийская научно-практическая
конференция с международным участием**

**«СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЕЕ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»**

Подписано в печать 03.07.2026 г. Формат 60х84/8
Бумага офисная. Печать-ризография.
Уч.-изд. л. 32,0. Тираж 100 экз.

Издательство Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова
Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33